

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ИСТОРИЯ БОХАРЫ

ИЛИ

ТРАНСОКСАНИИ

съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго.

По восточнымъ обнаруженнымъ и необнаруженнымъ рукописнымъ историческимъ источникамъ

ПЕРВЫЙ РАЗЪ ОБРАБОТАНА

Германомъ Вамбери,

ОРДЕНАРИИИ ПРОФЕССОРИИ ВЪСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ И ЛИТЕРАТУРЪ
ВЪ ЦАРСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Переводъ А. И. Павловскаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Гандофановъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1873.

БН

112509B

Гип. Скарятина, на углу Фонарн. пер. и Екатерининск. кан. д. Франк

Господину

ПРОФЕССОРУ ДОКТОРУ Г. Л. ФЛЕЙШЕРУ,

любезному Шейху восточной науки въ Германіи

ПОЧТИТЕЛЬНѢЙШЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

АВТОРОМЪ.

PERLSTEIN 13 DEC 1940

41 X 260

Digitized by

Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

аши свѣдѣнія объ историческомъ прошломъ азіатскихъ народовъ увеличиваются въ той мѣрѣ, въ какой мы въ состояніи расширить кругъ нашихъ познаній въ области гео—и этнографіи, также и филологіи ихъ странъ. Оттоманская Имперія, съ которою Европа съ давнихъ поръ находится въ сношеніяхъ, нашла своихъ историковъ только въ прошломъ столѣтіи, да и они были знакомы съ нею поверхностно; то, что писали о ней Пти-де-ла-Круа и Кантемиръ, получило настоящее свое освященіе только въ трудахъ Гаммера и Цинкейзена. Для Аравіи и Египта, гдѣ исторіи пришлось отмѣчать только факты прошлаго, достаточно было громаднаго труда г. Вейля, между тѣмъ какъ Кліо Персіи могла найти своего истолкователя въ лицѣ остроумнаго генерала Малькольма только послѣ того, какъ ему предшествовали Тевено, Шардэнъ и Нибуръ, и самъ авторъ много разъ объѣздилъ, изучалъ и узналъ Персію. Земля же по ту сторону Окса сравнительно еще совсѣмъ новое поле для исторіи.

Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія до насъ до-
летѣло нѣсколько искръ, освѣтившихъ эту страну,
закутанную въ густой мракъ. Въ настоящее же
время мечъ завоеванія значительно приподнялъ
этотъ покровъ, и хотя наши познанія о землѣ и
людяхъ все еще недостаточны, но понять можно,
почему образованный Европеецъ, жаждущій узнать
во всѣхъ сферахъ бытія эту страну внутренней
Азіи, географически отдаленную, но приблизившуюся
къ намъ вслѣдствіе новѣйшихъ политическихъ со-
бытій, желаетъ заглянуть хотя бѣгло и въ ея ис-
торію.—Для удовлетворенія этого желанія, я ос-
мѣлился, съ скудными вспомогательными источни-
ками, находящимися въ моемъ распоряженіи, и еще
съ болѣе скудными способностями, взяться за до-
вольно трудную работу и написать *первую исторію*
Бохары. И еслибы мечты моей первой молодости
не останавливались такъ охотно на далекихъ бере-
гахъ Окса, и если бы вся моя юность не протекла
въ утомительномъ приготовленіи и въ еще болѣе
утомительномъ странствованіи, то теперь, въ зрѣ-
ломъ возрастѣ, у меня, навѣрно, не стало бы духа
на такой литературный подвигъ. Но, кажется, судь-
ба напередъ уже назначила мнѣ рыскать по такимъ
областямъ, гдѣ я имѣю очень мало или даже ни-
какихъ предшественниковъ; и такъ какъ и теперь
я долженъ испробовать свое перо на совершенно
новомъ полѣ, то вмѣсто извиненія хочу лучше упо-
мянуть о тѣхъ скудныхъ источникахъ, безъ кото-

рыхъ была бы бесполезною и самая отважная рѣшимость.

Исторія Бохары состоитъ изъ двухъ частей—древней, или исторіи Трансоксаніи, и новой, или исторіи Бохарскаго Ханства. Въ первомъ періодѣ, оканчивающемся паденіемъ эмира Тимура, средняя Азія, хотя и не была предметомъ особыхъ спеціальныхъ историческихъ работъ, но и не оставалась совсѣмъ нетронутою. Ея судьбы были тогда связаны съ судьбами остального внутренняго, иногда и западно-азиатскаго міра ислама, и если историки того времени не обращаютъ такого вниманія на политическія событія въ Трансоксаніи, какое удѣляютъ происшествіямъ въ Хоразанѣ, Иракѣ и Арабистанѣ, то все-таки главные моменты прошлаго освѣщены довольно ясно. Къ этому періоду относятся и такія эпохи, когда властительское повелѣніе изъ Бохары и Самарканда, какъ напр. при Саманидахъ и эмирѣ Тимурѣ, гремѣло надъ половиною, иногда и надъ всею могоаммеданскою Азіею,—но и въ эти эпохи собственная Трансоксанія неудобствовала подобающаго ей вниманія.—Второй періодъ, начинающійся появленіемъ Узбеговъ, имѣетъ только нѣсколько скудныхъ спеціальныхъ исторій, такъ какъ политически незначительное Бохарское Ханство, по большей части, ограничивалось самимъ собою, а его мимолетное вліяніе на сосѣднія государства едва только чувствовалось ими. По этимъ

ники распадаются на два различные класса: 1) На старые или извѣстные, т. е. такія историческія сочиненія, которыя отчасти изданы и переведены оріенталистами, отчасти же употребляются, какъ рукописные историческіе источники, для разьясненія того или другого вопроса; 2) на новыя или неизвѣстныя рукописи, которыя принесены изъ средней Азіи новѣйшими путешественниками и, само собою разумѣется, остались совершенно неизвѣстными значительному большинству оріенталистовъ. Что касается до перваго класса, то я наиболѣе пользовался слѣдующими его произведеніями, на сколько они имѣютъ отношеніе къ событіямъ въ Трансоксаніи:

1) *Тарихи Табари* по турецкому печатному переводу, и именно для періода вторженій Арабовъ по ту сторону Окса, потому что, хотя Наршахи оказываетъ большую услугу для этого отдѣла исторіи, но данныя могоммеданскаго всеобщаго историка имѣютъ значительную цѣну по причинѣ и разнообразнаго перевода, и новости подробностей.

2) *Тарихи Байнаки*, по изданію В. Г. Морлея и капит. В. Нассау Лиса, появившемуся въ *Bibliotheca Indica*. Калькутта 1862. Его важность для исторіи Трансоксаніи состоитъ въ частности, относящихся до ранняго поприща Махмуда Себуктекина и до дипломатическаго сношенія султана Месу'да съ независимыми князьями Капшгара и Самарканда. Впрочемъ, эта книга содержитъ только

извѣстную часть Тарихи ал-и Себуктекинъ (исторіи фамиліи Себуктекина, Эбула Фазль Байгаки).

3) *Раузатъ эсъ сефа* Мирхонда, и доведенное до новаго времени продолженіе этой книги, составленное изъ твореній Хондимира, Алемъ араи Аббаси, Тарихи Сефеви, Тарихи Надиръ шаха и другихъ, появилось въ двухъ книгахъ, литографированное вмѣстѣ съ первоначальнымъ произведеніемъ автора, въ Тегеранѣ въ 1274 (1857) году. Мирхондомъ, котораго и другіе отрывки, изданные Вулдерсомъ и Катрмеромъ, у меня были подъ рукою, я могъ воспользоваться только въ отдѣлѣ о Сельджукидахъ, потому что его книга—компиляція другихъ извѣстныхъ сочиненій ¹⁾, и я, гдѣ только можно было, скорѣе обращался къ оригинальнымъ источникамъ.

4) *Тарихи Джманкуша* Ала-эд-дина Ата Мелика Джувейни. Это, какъ извѣстно, тотъ источникъ, изъ котораго черпали Рашид-эд-динъ, Вассафъ, Гафизъ Абру и другіе историки Монголовъ, и хотя оба первые мѣстами и превосходятъ его въ подробности, но для исторіи Трансоксаніи и турецкаго народа вообще это твореніе имѣетъ высокую цѣну. Я пользовался тѣмъ экземпляромъ, который

¹⁾ Компилірованіе Мирхондъ довелъ до того, что иногда выписываетъ изъ своихъ вспомогательныхъ источниковъ цѣлыя тетради слово въ слово. Такъ, его исторія войнъ Джэнгиза есть ничто иное, какъ копія съ Джувейни, съ пропускомъ нѣкоторыхъ стиховъ, напечатанныхъ для прикрасы текста.

принадлежить Вѣнской императорской придворной библиотекѣ и къ которому обращался и Гаммеръ въ своей „Исторіи Золотой Орды“.

5) *Зафернамахъ* (книга побѣды) Шереф-эд-дина Али Езди. Извѣстная біографія Тимура, не очень хорошо переведенная на французскій языкъ Пти-дела-Круа. Парижъ 1722. Въ Хивѣ я видѣлъ и чагатайскій переводъ этого Зафернамеха.

6) *Матл'а эсъ Са'дейнъ* (восходъ обѣихъ счастливыхъ звѣздъ, по одному толкованію *Дженниза* и *Тимура*, а по другому, болѣе вѣроятному, *Тимура* и *Шахруха*), шейха Кемал-эд-дина Абдурреззака, который жилъ въ Гератѣ и Самаркандѣ въ цвѣтущее время господства Тимуридовъ и сочинилъ одну изъ самыхъ занимательныхъ и назидательныхъ книгъ, какія когда либо написаны были объ отдѣльныхъ эпохахъ исламо-азиатскихъ государствъ. Въ особенности вторая часть этой книги, именно отъ смерти Тимура до смерти Эбусаида Мирзы, имѣетъ высокое достоинство, потому что въ ней съ большою подробностью и еще съ большимъ стилистическимъ искусствомъ набросана прекрасная картина жизни и дѣяній потомковъ Тимура, любящихъ науку и цѣнящихъ искусство. Абдурреззакъ родился въ 816 (1413) въ Гератѣ и умеръ въ 887 (1482) въ Самаркандѣ.

7) *Баберъ-намахъ* въ оригинальномъ текстѣ извѣстнаго изданія Илминскаго; позже мнѣ попался на глаза и превосходный французскій переводъ

Паве де Куртейля, появившійся только въ прошломъ году.

8) *Шейбани-намехъ* по изданію Березина съ русскимъ переводомъ. Чагатайскій текстъ, состоящій только изъ немногихъ листовъ, сообщаетъ нѣкоторыя объясненія касательно происхожденія, фамильныхъ отношеній и ранняго поприща узбекскаго героя, того именно времени, когда онъ еще бродилъ въ низовьяхъ Яксарта. Книга оканчивается его смертью, но главныя войны и трагическій конецъ Шейбани упомянуты только въ немногихъ словахъ.

9) *Абулази Багадуръ ханъ*: Шедшре-и-турки (турецкая генеалогія), оригинальное изданіе графа Румянцова въ Казани въ 1825 году. Эта книга въ цѣломъ есть только посредственная копія Рашид-эддина, именно той части, которая толкуетъ о происхожденіи Турокъ, а историческое достоинство имѣютъ только отдѣлы, относящіеся до эпохи Абулгази и до его собственныхъ приключеній.

10) *Тарихи Надиръ Шахъ* Мирзы Могаммеда Мегди хана, по литографированному изданію, появившемуся въ Тегеранѣ въ 1260 (1844) году.

11) *Назихъ эль тебарихъ*. Тарихи Каджари. Исторія нынѣ царствующей династіи Персіи, содержащая нѣсколько скудныхъ замѣтокъ о Бохарѣ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій. Персидскіе лѣтописцы, какъ видно изъ указанія источниковъ у Малькольма, произвели нѣсколько

спеціальныхъ работъ касательно этой эпохи исторіи Ирана, но я, къ сожалѣнію, не могъ ихъ видѣть.

Само собою разумѣется, что я, кромѣ поименованныхъ главныхъ источниковъ, пользовался всѣмъ, что только въ восточныхъ, частью рукописныхъ, частью печатныхъ сочиненіяхъ, или въ европейскихъ историческихъ твореніяхъ, біографіяхъ и путешествіяхъ имѣеть отношеніе къ прошлому Трансоксаніи. Возможно полное знакомство съ соотвѣтствующею литературою должно быть первымъ средствомъ, съ которымъ въ настоящее время авторъ принимается за работу; именно поэтому я избавилъ читателя отъ длиннаго списка употребленныхъ мною книгъ; впрочемъ, онѣ указаны въ текстѣ на своемъ мѣстѣ.

Что касается до второго класса моихъ вспомогательныхъ источниковъ, т. е. новыхъ и неизвѣстныхъ, по большей части спеціальныхъ исторій Бохары, то онъ содержитъ, къ сожалѣнію, весьма ограниченное число только слѣдующихъ пяти:

1) *Китаб-и-Наршахи* (книга Наршахи), по повелѣнію Саманида Нуха бинъ Насра, царствовавшего въ Бохарѣ съ 331 по 343 годъ гиджры подъ именемъ эмира Гамида, написана по-арабски Эбу Бекромъ Могаммедомъ бинъ Джа'фаръ унъ Наршахи по одному объясненію въ 337, а по другому въ 332 году подъ заглавіемъ: *Китаб-и-Ахбаръ-и-Бохара* (книга новостей Бохарскихъ), а 190 лѣтъ спустя пе-

реведена на персидскій языкъ. Этотъ переводъ, купленный въ Бохарѣ въ 1832 году сэромъ Александромъ Бэрнсомъ, а теперь составляющій собственность королевскаго азіатскаго общества Великобританіи и Ирландіи, излагаетъ сначала древнюю исторію города и окрестностей Бохары, приче́мъ вниманіе автора обращено и на городскія стѣны, ворота, дворцы, каналы, налоги и систему чиновниковъ Бохары. Затѣмъ рукопись даетъ подробное описаніе этой части Трансоксаніи въ цвѣтущее время Саманидовъ, но, строго говоря, только той мѣстности, какая принадлежитъ къ округу упомянутаго города, такъ какъ объ уѣздахъ Міянкала и Согда не говорится ни слова. Вторую часть составляетъ занятіе страны Арабами, описанное съ такою подробностью, какая нигдѣ не встрѣчается. О первомъ вѣкѣ арабскаго управленія эта книга даетъ только сбивчивыя показанія, за то тѣмъ занимательнѣе извѣстія о лжепророкѣ Моканнѣ и нѣкоторые эпизоды изъ этого періода. За этою частью слѣдуетъ исторія Саманидовъ, доведенная авторомъ только до начала правленія эмира Гамида, но продолженная переводчикомъ до паденія этой династіи. Въ концѣ же содержится совершенно самостоятельный трудъ о священныхъ гробницахъ и покоящихся въ нихъ благочестивыхъ и ученыхъ Бохары. Сколько мнѣ извѣстно, есть и второй экземпляръ Китаб-и-Наршахи въ Европѣ, составляющій собственность русскаго ученаго Ханькова. Къ сожалѣнію, оба эк-

земляра дошли до насъ въ худомъ, очень неразчивомъ письмѣ Нес'хи.

2) *Шейбани-намехъ* принца Мегеммеда Салиха изъ Харезма, написанное по-чагатайски и мастерски составленное героическое стихотвореніе, на 218 листахъ толстой рукописи описывающее и воспѣвающее дѣянія Шейбани Могаммеда хана, начиная съ того времени, какъ онъ явился предъ Самаркандомъ, и до его похода противъ столицы Хоразана, слѣдовательно всего только восемь лѣтъ его жизни. Такъ какъ до сихъ поръ мы могли кое-что узнать о Шейбани только изъ книги Бабера и изъ персидскихъ лѣтописей, — оба источника изъ непріятельскаго лагеря, — то это первое достовѣрное извѣстіе тѣмъ для насъ благопріятнѣе, что принцъ Мегеммедъ Салихъ былъ секретаремъ узбекскаго героя, котораго онъ мѣстами и превозноситъ, но въ цѣломъ рисуеть предъ нами безцѣнную картину племенныхъ, общественныхъ и политическихъ отношеній тогдашней Трансоксаніи, и я намѣренъ въ возможно скоромъ времени издать этотъ текстъ съ переводомъ и примѣчаніями. Экземпляръ, бывшій въ моемъ распоряженіи, — единственный въ Европѣ, и даже въ средней Азіи я не видѣлъ второго; онъ принадлежитъ Вѣнской императорской придворной библіотекѣ, и Флюгель, упомянувшій о немъ въ своемъ каталогѣ, во II т. на стр. 323, кажется, не зналъ чагатайскаго языка, иначе — его отчетъ не былъ бы такъ кратокъ и неточенъ.

3) *Тарихи Сеидъ Ракимъ*, собственно лѣтописный сборникъ съ 700 до 1055 г. гиджры, оконченный Сеидъ Ракимомъ — имя, кажется, вымышленное — въ 1013 (1604) году, а позже дополненный до 1055 (1645) года. Хотя въ сущности онъ составленъ изъ отдѣльныхъ персидскихъ хронограммъ, но историческія объясненія, сопровождающія эти четырехстишія или отдѣльныя двустишія, имѣютъ значительную цѣну, особенно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о современныхъ ученыхъ или знаменитыхъ шейхахъ, которыхъ иначе мы вовсе бы и не знали. Эти тарихи слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ, но жизнь отдѣльныхъ лицъ, какъ напр.: Тимура, Шейбани, Абдуллаха хана и Абдуль Мумина хана, описана довольно подробно и вѣрно. Эта рукопись, моя собственность, приводитъ иногда и знаменитости изъ Хоразана, но главное ея вниманіе обращено на земли по ту сторону Окса; поэтому мы и причисляемъ ее къ историческимъ источникамъ Бохары и Трансоксаніи.

4) *Тарихи Мекимъ хани* Мегеммеда Юсуфа, мунши (секретаря) Мекимъ хана, сына Субганкули хана, когда онъ былъ намѣстникомъ провинціи Белхъ. Персидская рукопись, купленная Бэрнсомъ въ Бохарѣ и составляющая въ настоящее время собственность Asiatic Society of Great Britain, начинается Дженгизъ-ханомъ, какъ предкомъ Аштарханидовъ, и отъ него переходитъ къ Эбулхаиру хану, родоначальнику Шейбанидовъ. Эта династія описана

нѣсколько обстоятельнѣе, но самыя драгоцѣнныя подробности представляетъ, написанная на сжатомъ тааликѣ, рукопись о происхожденіи Аштарханидовъ и о наиболѣе извѣстныхъ князьяхъ этого дома, каковы: Баки Мегеммедъ ханъ, Имамкули ханъ, Незръ Мегеммедъ ханъ, Абдуль Азисъ ханъ, Субганкули ханъ и наконецъ Мегеммедъ Мекимъ ханъ, который впрочемъ никогда не былъ на собственномъ престолѣ Бохары. Эта рукопись даетъ намъ объясненіе періода почти въ 200 лѣтъ. Слогъ ея довольно гладкій, хотя и не безъ обыкновенныхъ восточныхъ блескокъ.

5) *Дажме-и-Шаганъ* (королевская усыпальница) мунши Садика Мирзы, по всему вѣроятію, бывшаго на службѣ у эмира Маасума. Начало этой рукописи состоитъ изъ похвальнаго стихотворенія о послѣднихъ Аштарханидахъ, которыхъ поэтъ заставляеть говорить изъ гробовъ о непостоянствѣ міра и о добродѣтеляхъ государей. Затѣмъ слѣдуетъ римо-ванная исторія главныхъ походовъ эмира Маасума противъ Персовъ и Афганцевъ, къ сожалѣнію, имѣющая только маловажное историческое достоинство, а конецъ составляютъ стихотворенія по поводу празднествъ, рожденій и обрѣзаній сыновей и внуковъ названнаго повелителя. Эта, красиво написанная на тааликскомъ нарѣчій, персидская рукопись куплена мною въ Самаркандѣ и составляетъ мою собственность.

Какъ различны всѣ эти источники по своимъ

качествамъ, такъ и не вездѣ одинаково и литературное достоинство моего сочиненія. Первая его часть, за исключеніемъ данныхъ, позаимствованныхъ изъ рукописи Наршахи, содержитъ для ориенталистовъ только мало новаго, а для большинства читающей публики гораздо болѣе, такъ какъ извѣстные рукописные источники по исторіи средней Азіи еще никогда не были исчерпываемы въ такой мѣрѣ. Вторая же часть приводитъ почти вездѣ такіа данныя, о которыхъ даже ученый свѣтъ до сихъ поръ зналъ очень мало или почти что ничего—*тамъ упоминаются мноіе государи, даже цѣлыя династіи, о которыхъ въ Азіи до сихъ поръ написано очень мало, а въ Европѣ еще ни одноаго слова.* Что касается до обработки этого сочиненія, то я прежде всего имѣлъ въ виду ясность слога и однообразіе въ раздѣленіи. ¹⁾ При различіи источниковъ, конечно, было бы возможно изложить съ большею подробностью извѣстныя части этой книги, такъ напр.

¹⁾ На этомъ же основаніи, при переписываніи иностранныхъ словъ я слѣдовалъ самой простой, по возможности, методѣ. Не придерживаясь ни той, ни другой системы списыванія, я старался изображать иностранныя слова собственными звуками нѣмецкаго языка. Такъ dsch (дж) употреблено много для دج , tsch (ч) для تچ sch (ш) для ش , в (с) для ص , з (з) для ز и th (т) для ث . Гласныя съ апострофомъ вездѣ употреблены мной для арабскаго ع. Въ остальномъ я старался, можетъ быть, и не много уклоняясь отъ ориенталистовъ, всегда только такъ списывать арабскія слова, какъ я самъ слышалъ ихъ изъ устъ Персовъ и Туркестанцевъ.

о Сельджукидахъ по Мирхонду, жизнь Тимура по Шереф-эд-дину и эпоху Тимуридовъ, на основаніи превосходной рукописи Абдурреззака; но я не смѣлъ этого сдѣлать, чтобы, при недостаткѣ источниковъ для другихъ эпохъ, не разстроитъ симметріи всего сочиненія и чтобы не слишкомъ бросались въ глаза скудость и неполнота въ изложеніи нѣкоторыхъ отдѣловъ. На этомъ же основаніи я оставилъ теперь обстоятельное описаніе событій въ сосѣднихъ ханствахъ. У меня есть нѣсколько источниковъ для исторіи Хоканда и Хивы, и когда число ихъ увеличится, то я составлю историческое résumé также и этой восточной и западной части средней Азіи.

Въ заключеніе считаю своею обязанностью выразить мою благодарность всѣмъ, кто мнѣ, какимъ бы то ни было образомъ, содѣйствовалъ при работѣ этого произведенія. Г. полковника Г. Юля, величайшаго знатока средневѣковой Азіи, я благодарю за то назиданіе, которое нашелъ въ его частныхъ письмахъ и въ его превосходныхъ твореніяхъ, гг. совѣтника посольства барона Оттокара ф. Шлехта и над. сов. А. Барба, Royal Asiatic Society of Great Britain, н. с. Е. Бирка и I. Вуссина за необыкновенное дружелюбіе, съ которымъ они такъ много мнѣ помогали присылкою всѣхъ возможныхъ сочиненій, которыхъ я не могъ достать здѣсь, въ Пештѣ, и, наконецъ, бывшаго ученика моего, докт. I. Гольд-

цигера за трудъ составленія именнаго реэстра ¹⁾.—
И такъ я представляю теперь благосклоннымъ чита-
телямъ плодъ многолѣтней работы. Какъ бы мнѣ
хотѣлось, чтобъ онъ имѣлъ менѣе недостатковъ и
ошибокъ, чѣмъ сколько содержитъ ихъ! Но на-
писать *первую* исторію какой бы то ни было стра-
ны всегда трудно, вдвое же труднѣе, когда эта
страна въ настоящее только время стала прогляды-
вать сквозь густой мракъ, столько вѣковъ ее по-
крывавшій.

Авторъ.

Пешть, 28-го апрѣля 1872 года.

¹⁾ Съ радостью замѣчаю, что на док. Гольдцигерѣ, представившемъ до-
сихъ поръ уже блистательныя доказательства свѣдѣній въ арабскомъ,
вновь оправдалась турецкая пословица: „Шаянъ-и-шагирдъ оманъ устадъ
олуръ устадданъ“ (кто показалъ себя способнымъ ученикомъ, тотъ въ до-
стоинствѣ превзойдетъ и учителя). Я надѣюсь, что онъ бодро будетъ
идти впередъ по этой прекрасной дорогѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Географическія замѣтки о древней и новой Трансоксани.

Какъ неопредѣленно и неограниченно географическое понятіе о Центральной Азіи въ общемъ смыслѣ, также точно можно назватъ шаткимъ и наименованіе Трансоксани въ политическомъ ея значеніи. Это — буквальный переводъ арабскаго слова Мавера-ун-негръ (что сзади или по ту сторону рѣки); поэтому можно думать, что Трансоксанія составляетъ часть прибрежной области Окса, лежащей по ту или по правую его сторону. Но это не такъ, потому что уже въ географической рукописи Белхи ¹⁾ подъ названіемъ Трансоксани

¹⁾ Сходство возрѣній и данныхъ у древнѣйшихъ арабскихъ географовъ въ ихъ свѣдѣніяхъ объ извѣстныхъ частяхъ могоammedанской Азіи, уже давно подняло между европейскими учеными вопросъ о томъ, кто изъ трехъ древнѣйшихъ географовъ—Белхи, Истахри или Ибнъ Гаукаль — настоящій авторъ сочиненія, безъ сомнѣнія, опирающагося на одинъ и тотъ же источникъ. Ученый голландецъ г. М. I. de Goeje въ новое время довольно обстоятельно рассмотрѣлъ этотъ вопросъ въ *Zeitschrift des Deutschen morgenländischen Gesellschaft* 25 т., стр. 42—59 и, вслѣдствіе его рѣшенія, я считаю авторомъ древнѣйшей, написанной по арабски географической рукописи—Белхи, который умеръ въ 822 (983) году. Въ моемъ распоряженіи былъ экземпляръ этого сочиненія, принадлежащій

приводится и часть лѣвой береговой полосы верхняго Окса, что, по отношенію къ политическимъ границамъ этой страны, совершенно вѣрно, такъ какъ, начиная съ Саманидовъ и до новаго времени, округи Толканъ, Тохаристамъ и Земъ, цѣликомъ или отчасти расположенные на лѣвомъ берегу Окса, всегда считались составною частью Вохары. Это отношеніе, на сколько его можно доказать исторически, началось именно съ Саманидовъ, которые происходили изъ этой части Хоразана. Достигши господства въ Трансоксаніи, они присоединили свою наслѣдственную землю къ новымъ владѣніямъ, и она оставалась при нихъ до самаго паденія этого владѣтельнаго дома. При первыхъ Газневидахъ, именно—при Махмудѣ и его сынѣ Месудѣ, весь лѣвый берегъ Окса образовалъ часть Хоразана; точно также и при Сельджукидахъ, Дженгизидахъ и Тимуридахъ, которые, какъ повелители всего Ирана, могли, безъ всякаго ущерба для своихъ собственныхъ интересовъ, опять возстановить древнюю естественную границу Хоразана. При Шейбаннидахъ и Аштарханидахъ, слѣдовательно въ продолженіи трехъ столѣтій, весь лѣвый берегъ

Вѣнской придворной бібліотекѣ и озаглавленный такъ: „Месаликъ у Мемаликъ“ (дороги и земли). Въ виду въ высшей степени занимательнаго содержанія этой рукописи, любителямъ литературы средней Азіи пріятно будетъ услышать, что г. de Goeje, какъ видно изъ вышеупомянутой его статьи, занимается изданіемъ полнаго оригинальнаго ея текста. Что Истахри (я говорю о Мардтмановомъ переводѣ) приводитъ о средней Азіи или Трансоксаніи—только жалкое извлеченіе изъ оригинала.

Окса, отъ Бедахшана до Чихарджуя, находился подъ вѣдѣніемъ Бохары, и въ этомъ положеніи онъ оставался постоянно, съ немногими только перерывами, и при династїи Мангитъ до тѣхъ поръ, пока въ новѣйшее время Трансоксанія стала близиться къ своему окончательному паденію, а повелители Кабула—захватывать въ свои руки спорныя владѣнія Бохары. Изъ этого мы видимъ, что политическою границею Трансоксаніи на югѣ слѣдуетъ считать линію Цисоксанской области, протягивающуюся отъ точки пересѣченія 71° д. и 35° ш. въ Бедахшанѣ до лѣваго берега Мургаба, — полосу земли, на которой въ древности были извѣстны слѣдующія провинціи: 1) *Хатланъ* и *Вахшъ* ¹⁾; 2) *Уджанъ*, правильнѣе, можетъ быть, *Ваджанъ*; 3) *Тохаристанъ* съ главнымъ городомъ Белхомъ, гдѣ теперь выдающимися пунктами служатъ Кундузь и Хулмъ; 4) *Земъ*, подъ которымъ теперь разумѣются Керки, Андхой и Меймене, и наконецъ 5) *Амуль*, позже Амуѣе, нынѣшній Чихарджуи, на востокѣ и югѣ прислоненный къ пустынѣ Харезма ²⁾.

¹⁾ Отъ Вахшъ или Уахшъ (имя провинціи и притока Окса), кажется произошло греческое Окос. По другому мнѣнію. названіе этой рѣки, называемой Арабами *Джмиунъ*, происходитъ отъ турецкаго слова ёгюсъ или ёкюсъ—рѣка. И теперь она называется туземцами Дерья и Аму, а оба эти слова означаютъ рѣку.

²⁾ Я читаю *Харезмъ*, а не *Ховарезмъ*, какъ Мордтманнъ и другіе оріенталисты, и вотъ на какія основанія: 1) я самъ слышалъ въ Иранѣ и Харезмѣ всегда такой именно выговоръ этого слова и никто не станетъ меня увѣрять, что Харезмійцы дѣлаютъ ошибку въ названіи своей родной

Не менѣе трудно обозначить границы Трансоксании и на сѣверѣ. Въ древности здѣсь находилась земля *Осрушна*, по Белхи граничившая на востокѣ съ Ферганою, на югѣ съ Кешомъ, на сѣверѣ съ Джаджомъ и на западѣ, правильнѣе, можетъ быть, на юго-западѣ съ Согдомъ. Осрушной называлась гористая часть нынѣшняго Бохарскаго Ханства, начинающаяся на востокѣ отъ Самарканда и подъ разными названіями (1) доходящая до Тянь-Шяня. Главными въ ней мѣстами были: Бу-Мехкетъ, резиденція (теперь неизвѣстная), Сабадъ или Савать (теперь Сарвадъ, совсѣмъ на востокѣ, въ горахъ), Дизекъ (теперь Джиззакъ) и Заминъ, гдѣ начинается древняя Фергана, а теперь, на самомъ дѣлѣ, Хокандское Ханство. Къ сѣверу отъ Осрушны находилась земля *Джаджъ*, рѣчная долина Яксарта,

земли,—это все равно, что утверждать, что слово Deutschland (Германія) Французы напр. и Англичане правильнѣе выговариваютъ, чѣмъ сами Нѣмцы. 2) Есть много словъ въ персидскомъ языкѣ, которыя имѣютъ подобную орографію и тоже выговариваются черезъ а или оа, напр. *خولا*

ха=охотный, *خواتم* хавръ=сестра; *خولار* хар=жалкій, презрѣнный и т. д. 3) Да и Якутъ въ своемъ Мудшемъ улъ Будданъ II т. стр. 480 доказалъ въ одномъ стихѣ, что первый слогъ *Chahgezm* должно читать съ фата, слѣд. черезъ а. Что касается значенія этого слова, то я остаюсь при моемъ прежде выраженномъ мнѣніи, что Хarezмъ (*Chah—gezm*) значитъ расположенный къ войнѣ, воинственный.

(1) Извѣстнѣйшія изъ нихъ: Ботмъ (въ древности), Асфера, Ак-Тау, Фанъ и Алтаба (на югѣ), далѣе Чункар-тагъ, Султанъ Газрег-тагъ и Сузеигранъ.

со многими городами, съ которыми теперь можно отождествить только Ходжендъ, Бенакетъ, Отраръ, Сиганакъ, Сиремъ, Сабранъ и Таразъ. О большой же стѣнѣ отъ Бенгена (?) до Яксарта; которую, по свидѣтельству Белхи, велѣлъ возвести Абдуллахъ бинъ Гамидъ, вѣроятно, для защиты отъ нападеній номадовъ, я никогда ничего не слышалъ. Хотя древнѣйшая географическая рукопись объ эти земли приводитъ подъ рубрикою Трансоксаніи, но съ исторіею ихъ подчиненія столицѣ на Зерешанѣ было не лучше, какъ и съ расположенными на югѣ составными частями. Осрушна во всѣ времена принадлежала Бохарѣ, а Джаджъ очень часто мѣнялъ своихъ владѣтелей. Въ до-могаммеданскій періодъ эта сѣверная область Яксарта образовала самостоятельное государство подъ властью Турокъ, присоединенное къ Бохарѣ во время арабскаго господства и Саманидовъ. При Сельджукидахъ она опять отдѣлилась, и турецкій князь Хидръ ханъ отсюда достигъ до своего величія. Предъ монгольскимъ вторженіемъ Джаджъ былъ яблокомъ раздора между Харезмянами на западѣ и Югурами на востокѣ, а по смерти Дженгиза, изъ-за этой именно земли Каиду и его потомки вели продолжительную братоубійственную войну съ Чагатаидами. Даже Тимуру присоединеніе этой части Трансоксаніи стоило кровавыхъ войнъ то съ юговосточными, то съ сѣверо-западными его сосѣдями,—войнъ, которыя послѣ его смерти были еще чаще и ожесточеннѣе, и хотя мо-

гущественные князья изъ династій Шейбанидовъ и Аштарханидовъ и оставались почти постоянно въ спокойномъ обладаніи части Трансоксаніи, извѣстной подъ именемъ Туркестана, но никогда не проходило сряду и двухъ десятилѣтій, чтобы окрестные монголо-калмыцкіе и киргизскіе князья не объявляли своихъ притязаній на нее съ оружіемъ въ рукахъ. Только съ половины прошлаго столѣтія христіанскаго времячисленія и до настоящаго времени, эта рѣчная долина Яксарта съ своей столицей Ташкендомъ могла оставаться, съ небольшими перерывами, въ вѣдѣніи Ферганы, нынѣшняго Хокандскаго Ханства.

И такъ опредѣленіе точной линіи границъ для географическаго понятія Трансоксаніи почти невозможно. Поэтому мы желаемъ и можемъ, подъ понятіемъ о Трансоксанскомъ государствѣ разумѣть только Бохару или Бохарское Ханство. Хотя оно получило это послѣднее имя только съ появленіемъ Шейбани и Узбеговъ, но собственно одно побережье Зеревшана вмѣстѣ съ полосой земли, простирающеюся на югъ до Окса и на сѣверъ до степи Кизиль Кумъ, представляло всегда, съ самаго начала исторической эры, политически нераздѣльную Трансоксанію. Съ древнѣйшихъ временъ здѣсь были извѣстны слѣдующіе округи:

Бохара, столица во время Саманидовъ, когда именно и было составлено первое географическое описаніе Трансоксаніи, считалась, въ цвѣтущее вре-

мя своего существованія, величайшимъ городомъ всего восточнаго міра ислама. Внутренній городъ, окруженный стѣною съ семью въ ней воротами, былъ не особенно видный, за то тѣмъ великолѣпнѣе была загородная часть, орошенная обильными водою каналами ¹⁾ и гдѣ великолѣпіе зданій соперничало съ роскошью природы. На берегу только одного изъ этихъ каналовъ находились 2,000 увеселительныхъ замковъ. Первые арабскіе путешественники очень восхваляютъ обширные сады съ небольшими, но вкусными плодами, и Алуи-бохара (бохарская слива), знаменитая уже за тысячу лѣтъ, и теперь во всей Азіи считается за самую лучшую изъ всей породы этихъ фруктовъ. Но Бохара была не только пышнымъ городомъ, славившимся богатствомъ своей природы, но она составляла и громадный складочный пунктъ для торговли Китая съ западною Азіею, и кромѣ большихъ магазиновъ шелковыхъ, парчевыхъ и бумажныхъ матерій, далѣе — прекрасныхъ ковровъ, серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, въ ней былъ и большой денежный рынокъ; она была даже, такъ сказать, мѣняльной лавкой для народовъ восточной и западной Азіи, и теперь еще существуетъ поговорка: „онъ смотритъ въ оба, какъ бохарскій мѣняла“. Другіе большіе города были: на сѣверостокѣ, на дорогѣ въ Самаркандъ, *Таваскъ*, въ семи ферзахахъ отъ Бохары, называвшійся, до

¹⁾ Смотр. ниже 2-е примѣч. на стр. 78 этого тома.

вторженія Арабовъ, Куть (по турецки = счастье?). Это было сильно укрѣпленное мѣсто и славилось своею десятидневною ярмаркой, которую посѣщало болѣе 10,000 человекъ. На югѣ—*Бейкендъ*, второй торговый городъ Бохары; его жители производили торговлю съ Китаемъ на востокѣ и на западѣ до самаго моря (?). Лежалъ онъ на главной дорогѣ въ Амуть и Мервъ и пользовался особеннымъ благосостояніемъ. Во время Сельджукидовъ, Арсланъ ханъ велѣлъ оживить общественными постройками и каналами дорогу, идущую сюда изъ Тараба чрезъ пустыню, но Бейкендъ получилъ отъ Арабовъ смертельный ударъ, и хотя и поправлялся на короткое время, но паденіе его было неудержимо, и теперь едва только можно узнать его развалины. На сѣверѣ: *Зендине*, нынѣ Зиндани, гдѣ много воздѣлывается хлопка, и бумажныя матеріи изъ этого города вывозятся во всѣ части западной Азіи. Далѣе *Варданци*, *Раметинъ* и *Нуръ*—все незначительныя теперь мѣста.

Второй округъ назывался Мянкаль = срединная земля, именно между Бохарой и Самаркандомъ; онъ получилъ во время Саманидовъ это прозваніе, удержанное имъ и до сихъ поръ. Главнымъ мѣстомъ его былъ и есть *Керминехъ*, расположенный среди роскошной страны, всегда славившейся въ могомеданскомъ мірѣ, и мѣстороженіе превосходныхъ поэтовъ, но неизвѣстныхъ намъ даже по именамъ своимъ. *Нуръ*, къ сѣверу отъ Керминеха, нынѣш-

няя Нурата, въ древнія времена весьма любимое мѣсто набожнаго странствованія, все еще посѣщаемое богомольцами. Къ востоку отъ Керминѣха находилось упоминаемое Наршахи мѣсто Ферахша съ знаменитыми ярмарками, а къ сѣверовостоку, у края пустыни, укрѣпленный городъ *Сертакъ* съ расположенною на возвышеніи цитаделью, откуда глазъ на далекомъ разстояніи вокругъ видитъ все только цвѣтушіе сады и изъ зелени деревьевъ выглядывающіе верхи домовъ и дворцовъ. На сѣверозападѣ, приблизительно тамъ, гдѣ находится нынѣшній Гидждованъ, существовало до вторженія Монголовъ значительное мѣсто *Джендъ*, пограничная крѣпость противъ Харезма, господствовавшая надъ всею западною степью, съ населеніемъ, занимавшимся прибыльнымъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, а къ востоку отъ Дженда лежали *Ашнасъ*, *Езкендъ* ¹⁾ и *Синакъ*.

Третью провинцію образовалъ *Соидъ*. Онъ содержалъ въ себѣ ту горную часть Трансоксаніи, которую можно считать самымъ западнымъ отпрыскомъ Шянь-Шяна, и на востокъ не имѣлъ опредѣленныхъ границъ, на западѣ соприкасался съ Мян-калемъ, на югѣ съ Кешемъ, на сѣверѣ съ Осрушной. Главнымъ его городомъ былъ *Самаркандъ*, безспорно Мараканда у Грековъ, такъ какъ они

¹⁾ Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Езкендомъ (Bzkend), который лежалъ на востокѣ Ферганы.

тоже считали его столицей Согдианы. Въ исторіи Трансоксаніи онъ постоянно соперничалъ съ Бохарой. До Саманидовъ Самаркандъ былъ величайшимъ городомъ по ту сторону Окса, и только съ той поры сталъ терять свою важность, когда Измаиль избралъ своею резиденціей Бохару. При Харезмскихъ князьяхъ онъ опять сдѣлался значительно больше своей сосѣдки соперницы, а при Тимурѣ онъ достигъ высшей точки своего великолѣпія. Съ паденіемъ Тимуридовъ и онъ сталъ все болѣе и болѣе склоняться къ паденію, потому что отнынѣ Бохара исключительно была резиденціею, а Самаркандъ за свои естественныя прелести — только лѣтнимъ мѣстопробываніемъ князей изъ дома Шейбанидовъ, Аптарханидовъ и Мангитовъ. По свидѣтельству древнѣйшихъ географическихъ сочиненій, и здѣсь собственное великолѣпіе было въ загородной части, внутренность же города съ своею крѣпостью, обведенною крѣпкою стѣною, имѣла дома большею частью изъ дерева и глины, тѣсно прижимавшіеся другъ къ другу, и воздухъ безъ большого множества ивъ, какъ утверждаетъ Истахри ¹⁾, былъ бы даже вреденъ. Самаркандъ, гораздо выше лежащій, чѣмъ Бохара, всегда отличался своимъ, укрѣпляющимъ силы, здоровымъ климатомъ; но что сдѣлало его пресловутымъ эдемомъ древняго мусульманскаго міра, это — большое изобиліе воды,

¹⁾ См. стр. 131 въ Мордтманновомъ переводѣ.

которая выходила изъ близкихъ горъ безчисленными каналами и растекалась по равнинѣ. По Белхи, это водное богатство обязано своимъ происхожденіемъ рѣкѣ Согдъ ¹⁾, которая начинается въ горахъ надъ Джиганіаномъ. Здѣсь, не далеко отъ истока, былъ резервуаръ, откуда вода текла въ Варгасъ (также Баргасъ или Бургасъ), къ главной плотинѣ, и потомъ уже раздѣлялась въ восточномъ и западномъ направленіи. Вокругъ главнаго резервуара, похожаго на небольшое озеро, находились цвѣтушія поселенія, и самыя значительныя каналы, какъ Бармишъ и Дебусъ, распространяли большое плодородіе на шесть дней пути отъ береговъ своихъ. Такъ какъ Самаркандъ лежалъ въ сторонѣ отъ главной дороги въ Индію, и караваны издавна направлялись чрезъ Белхъ, Карши и Бохару, или отъ Нишабура, Амоля и Бейкенда; поэтому онъ и не былъ никогда большимъ складочнымъ мѣстомъ для внутренней торговли и во всѣ времена славился только своимъ великолѣпіемъ. Его обыватели изображаются какъ красивые, опрятные, добрые, скромные и гостепріимые люди, и даже Ибнъ Батута ²⁾, хотя и пришелъ въ восхищеніе отъ благочестивой Бохары, но цѣнить Самаркандцевъ гораздо выше за ихъ природныя свойства;

¹⁾ Въ вѣнской рукописи Мемаликъ у Мемаликъ, на листѣ 143 стоитъ по ошибкѣ Сяндъ вмѣсто Согдъ.

²⁾ Voyages d'Ibn Batoutah, par C. Defrémery et le Dr. B. R. Sanguinetti. Парижъ. 1853. стр. 52.

и, замѣчательно, это отношеніе сохранилось и до сихъ поръ — я самъ встрѣтилъ сердечной доброты и услужливости гораздо болѣе въ Самаркандѣ, нежели въ Бохарѣ. Свой прежній блескъ изъ времени домогаммеданскаго и Саманидовъ Самаркандъ потерялъ чрезъ Монголовъ, и Ибнъ Батута вездѣ видѣлъ однѣ развалины, а цвѣтущее состояніе изъ эпохи Тимуридовъ, которымъ онъ обязанъ всего болѣе Улугу Мирзѣ и блестящее описаніе котораго оставилъ намъ Ваберъ въ своихъ мемуарахъ, было уничтожено грубыми узбекскими солдатами Шейбанидовъ. Достопримѣчательными мѣстами этого округа были еще: *Дебусъ*, позже крѣпость Дебузіе, къ западу, на дорогѣ въ Бохару; на востокѣ *Варгасъ*, *Сарвасъ*, *Фамури* и весьма цвѣтущій *Ребудъ*, гдѣ Ахшидъ, прежній князь Самарканда, велѣлъ построить увеселительные замки, и наконецъ на югѣ городъ и округъ *Сарванъ*, расположенный между горами, съ суровымъ климатомъ, но съ здоровою и крѣпкою породою людей. Въ десятиферзахъ отсюда существовало поселеніе *Зердегурдъ*, безславное мѣстопробываніе христіанъ во время Саманидовъ.

Четвертымъ округомъ считался *Кешъ*, нынѣ Шегри Зебзъ. До Саманидовъ большинство здѣшнихъ обывателей еще были Арабы и именно изъ племени Бекръ бинъ Ваиль. Городъ былъ сильно укрѣпленъ и имѣлъ четверо воротъ: 1) Дервазе Агенингъ (жельзныя ворота); 2) Дер. Абдуллахъ; 3) Д. Кас-

сабанъ (ворота мясниковъ); 4) Д. Шаристанъ (городскія ворота). Фруктами Кешъ былъ болѣе богатъ, чѣмъ прочія мѣста Трансоксаніи, чего теперь ужъ нѣтъ, — и это слѣдуетъ приписать тогдашнему хорошему орошенію. Двѣ рѣки протекали по этой странѣ — одна по имени Руд-и-Кассабанъ, другая Руд-и-Хушкъ, и отсюда изливались на равнину Нах'шеба. Кешъ имѣлъ очень много деревень, какъ то: Вердъ, Бала Бедринъ, Расму, Самъ съ горою того же имени, позже мѣсто убѣжища лжепророка Моканны, Озганъ, Джаруданъ и т. д.

Пятымъ округомъ былъ *Нах'шебъ*, искони главная станція на пути изъ Белха въ Бохару, но сравнительно менѣе обработанный, чѣмъ поименованные до сихъ поръ части Трансоксаніи, потому что воды, притекавшія изъ Кеша, скоро пересыхали на песчаной почвѣ въ жаркое время года, и даже воду для питья можно было доставать только изъ колодезевъ. Нах'шебъ при Монголахъ получилъ монгольское имя Карши = замокъ, дворець, и именно отъ чагатайскаго князя Кебека, который велѣлъ въ 718 (1318) году построить здѣсь замокъ, давшій имя и всему городу ¹⁾. Прочія замѣчательныя мѣ-

¹⁾ Замѣчательно, что Монголы оставили болѣе слѣдовъ своего господства въ Трансоксаніи, именно на лѣвомъ берегу Окса, чѣмъ въ самой Трансоксаніи. Судя по названію, монгольскія колоніи — слѣдующія мѣста: Анджой, прежде Андаходъ, по монгольски Анда-кудъ — соединенное счастье, далѣе Чичекту и Алмаръ (въ нынѣшнемъ Меймене). Они оставили даже живой памятникъ, именно — Монголовъ въ горахъ къ юго-востоку отъ Герата.

ста были *Берде* и *Кешіе*. Слѣдуетъ еще упомянуть объ округахъ, расположенныхъ въ области истоковъ Окса, именно: *Вахшъ*, *Хатланъ*, *Джманіанъ* (у Истархи Сиганіанъ) и *Кулабъ*, гдѣ позже сдѣлался знаменитымъ Гиссаръ-и-Шадуманъ, но, къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія объ этой горной странѣ слишкомъ скудны и сбивчивы, и даже въ новое время географія ходитъ здѣсь ощупью въ потьмахъ. Только о *Термедь*, называемомъ также и *Термезъ*, можно съ опредѣленностью заявить, что онъ составлялъ древнѣйшую переправу чрезъ Оксъ въ Индію. При Саманидахъ это было цвѣтущее мѣсто съ пятничной мечетью, что указываетъ на большое населеніе, и еще съ огромнымъ базаромъ, вымощеннымъ пережженными кирпичами. Термедь потерялъ свое значеніе при Монголахъ, потому что въ позднѣйшее время Килифъ и Ходжа Салу отняли у него достоинство главной переправы въ Афганистанъ.

Что касается до нынѣшняго политическаго дѣленія Трансоксаніи, которой сталъ принадлежать титулъ "Бохарскаго Ханства" только послѣ Тимуридовъ, то оно съ появленіемъ Узбеговъ подвергалось постояннымъ перемѣнамъ, такъ что остался нетронутымъ только главный очеркъ его рамы. Теперь здѣсь существуютъ слѣдующія провинціи, раздѣляющіяся въ свою очередь на различные Тѣменсы (округи): 1) Бахара-городъ съ загородными частями Бага-эд-динъ, Шехри Исламъ, Митенъ и Мири Кулель; 2) Бохара-округъ съ городами Варданци,

Вафкендъ, Раметинъ, Вангази и Хаирабадъ; 3) Миянкаль съ главнымъ мѣстомъ Керминехомъ и городами Зиа-эд-динъ, Миръ, Хатирджа, Нуръ Ата и Енги Курганъ; 4) Кетте Курганъ съ мѣстами Карасу, Пендж-шембе и Челекъ; 5) Самаркандъ вмѣстѣ съ Пендж-Кендомъ, Каратепе, Сеюдомъ и Умкендомъ; 6) Гиссаръ вмѣстѣ съ Ширабадомъ; 7) Шегри Зебъ вмѣстѣ съ укрѣпленными Китабомъ, Чикарчи и Екебагомъ; 8) Карши съ Фейзабадомъ; 9) Лебабъ съ главнымъ мѣстомъ Керки; 10) Чихарджуи; 11) Каракѣль съ Бетикомъ и Элчикомъ. Къ нимъ принадлежали до новѣйшаго времени еще округа Джиззакъ, Заминъ и Оратепе, но они, вмѣстѣ съ Самаркандомъ и Кетте Курганомъ, потеряны для Бохары, вслѣдствіе новѣйшихъ русскихъ завоеваній. По отношенію къ достопримѣчательностямъ нынѣшней Бохары, слѣдовало бы почти вѣрить, что извѣстія древнихъ географовъ были преувеличены или даже вымышленны, — такъ все упало по ту сторону Окса, такъ жалки и ничтожны упоминаемыя мѣста прежняго блеска. Бохара, столица, средоточіе правительства, учености и значительной производительности и торговли, теперь одно изъ самыхъ грязныхъ и нездоровыхъ мѣстъ во всей Азіи, maximumъ съ 30,000 жителей, большая часть которыхъ и теперь еще принадлежитъ къ иранской расѣ и до сихъ поръ еще поддерживаетъ собственную коммерческую и промышленную извѣстность этого города. Единственными свидѣтелями лучшаго

прошлаго служить только остатки нѣкоторыхъ мечетей и сохранившагося изъ домогаммеданскаго времени дворца. Карши — второй городъ въ Ханствѣ какъ по торговлѣ и промышленности, такъ и по числу жителей. Послѣ Карши богатый развалинами Самаркандъ означался прежде какъ мѣсто упокоенія цѣлыхъ сотенъ святыхъ. Онъ славится своими фруктами, кожаными и бумажными издѣліями, сливками и искусно эмальированными деревянными сѣдлами. считаетъ по свидѣтельству Федженки 30,000 жителей и имѣетъ 86 мечетей, 23 коллегіи, 1,846 лавокъ и 27 кервансераевъ. Но теперь Самаркандъ вмѣстѣ съ Кетте Курганомъ, гдѣ приготавлиются лучшіе въ Ханствѣ сапоги, находится въ чужихъ рукахъ, и третьимъ между городами Бохары долженъ быть отмѣченъ Керминехъ. Нѣкоторою извѣстностью пользуются еще: Гиссаръ за свои хорошіе ножи и сабельные клинки, Чихарджуи за свои конные рынки, Каракѣль за свои значительные магазины персидскихъ невольниковъ. И наконецъ нѣсколько городковъ на сѣверѣ, гдѣ съ успѣхомъ разводятся тѣ крѣпкіе и бойкіе ослы, съ которыми не въ состояніи соперничать даже длиннорушіе бѣгуны Египта.

* * *

По своему физическому свойству Трансоксанія или сѣверная половина полосы земли, обозначаемой

шаткимъ выраженіемъ „Центральная Азія“, — по большей части низменность, которая отъ восточныхъ горныхъ цѣпей, доходящихъ до Самарканда въ видѣ отдѣльныхъ отпрысковъ Шянь-Шяня, склоняется къ Каспійскому морю съ быстро увеличивающимся пониженіемъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ возвышенныхъ площадей и твердыхъ глинистыхъ полосъ, называемыхъ жителями такиръ=тощая сухая земля, почва состоитъ по большей части изъ чернаго или желтаго сыпучаго песку; слѣд. о настоящей, годной къ обработкѣ землѣ можетъ быть рѣчь только на горныхъ склонахъ, или на берегахъ рѣкъ и ихъ каналовъ. Какъ и во всей Азіи, сама природа производитъ здѣсь мало или даже ничего, и достаточно одного десятилѣтія военныхъ тревогъ, чтобъ засыпать пескомъ самыя роскошныя страны и превратить ихъ въ необитаемыя. Впрочемъ, часто и продолжительныя старанія человѣка ничего не могутъ сдѣлать, именно тамъ, гдѣ песчаная почва хотя и узка, но зато лежитъ высоко и глубока. Такіе песчаные мысы тянутся далеко внутрь обработанной полосы; мы встрѣчаемъ ихъ въ непосредственной близости главныхъ городовъ Бохары и Самарканда, и на дорогѣ, соединяющей оба эти мѣста, путешественникъ наталкивается среди обработанной мѣстности на песчаную степь, тянущуюся на много часовъ пути, именно—на пустыню *Меликъ*, гдѣ еще почти за 300 лѣтъ исторія упоминаетъ о соленомъ озерѣ. И все таки плодородіе

Бохары, какъ и прочихъ двухъ Ханствъ, почти вошло въ поговорку, и ея продукты не только разнообразны, но и превосходны въ каждой отрасли производительности. Бохара имѣетъ зерновой хлѣбъ, фрукты, шелкъ, хлопокъ и красильныя растенія безподобныя. Тоже самое можно сказать и о скотоводствѣ ея: не только лошади ея славятся во всей Азіи, но и ея верблюды далеко превосходятъ всѣ породы этого полезнаго домашняго животнаго на югѣ и западѣ Азіи, и мясо ея барановъ—самое вкусное, какое только можно себѣ вообразить. Изъ минераловъ, до сихъ поръ оставленныхъ безъ вниманія и неизвѣстныхъ, содержится большое богатство въ горной части на востокѣ и югѣ отъ Самарканда. Уже Белхи упоминаетъ о желѣзѣ, аммоніакѣ, ртути, мѣди, свинцѣ, золотѣ, нефти, смолѣ, купоросѣ и камнѣ, употребляемомъ какъ горючій матеріалъ, т. е. каменномъ углѣ, который въ новое время найденъ русскими тоже въ этой странѣ.

Первою и главною причиною обработанности почвы, собственно довольно пустынной въ Бохарѣ, служить благословенная рѣка, называемая прежде Согдъ, потомъ Когикъ, а въ новое время по справедливости Зеревшанъ=разсыпатель золота. О происхожденіи ея недавно сообщили намъ свѣдѣнія ученый докт. Радловъ и русскій путешественникъ Федженко. По словамъ послѣдняго, рѣка Фанъ, такъ названная по горамъ, гдѣ вытекаетъ, — главная изъ тѣхъ четырехъ, область истоковъ кото-

рыхъ лежитъ на высотѣ 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря, и течетъ на равнину подъ именемъ Зеревшана. На сѣверо-востокѣ отъ Самарнада онъ раздѣляется и различными рукавами направляется къ западной и юго-западной степной области. Самый большой и обильный водою рукавъ изливается на сѣверо-западѣ отъ Самарканда, мимо Пендж-шембе и Хатирджа, въ озеро Каракель, между тѣмъ какъ побочный рукавъ теряется въ озерѣ, у края степи Халата, между Ходжа Обаномъ и деревней Хакемиръ. Второй главный рукавъ, менѣе богатый водой, направляется на юго-западъ отъ Самарнада, мимо Кетте Кургана и Бохары, въ пустыню, и если мы примемъ въ соображеніе, что эти рукава питаютъ безчисленные искусственные и естественные каналы, то водное богатство этой рѣки, текущей сравнительно на небольшомъ разстояніи, должно, въ самомъ дѣлѣ, возбудить въ насъ удивленіе. Кромѣ Зеревшана, нѣкоторое значеніе имѣетъ еще только ручей Шегри Зебзъ, по временамъ дотекающій до Карши; и небольшого труда стоило бы сдѣлать его полезнымъ для всей страны. Какъ научилъ меня опытъ, многолѣтнее орошеніе даетъ часто значительный слой наносной почвы, которая и производитъ настоящее плодородіе. Съ водами Окса это происходитъ еще въ большей мѣрѣ, но Бохара почти все равно, что вовсе не имѣетъ этой рѣки, потому правый берегъ ея, отъ Термеза до Чихарджуя, почти необитаемъ и не можетъ быть обитаемъ, такъ

какъ берегъ здѣсь по большей части гораздо выше и потому орошеніе внутри страны трудно и даже невозможно.—Климатъ болѣе, чѣмъ умѣренный, но не особенно суровый, способствуетъ производительности этой страны. Различіе температуры можно сгруппировать въ слѣдующихъ примѣрахъ: до тѣхъ пунктовъ, гдѣ оканчиваются волнообразныя возвышенія восточнаго горнаго хребта, климатъ вездѣ умѣренный, въ низменностяхъ же, именно вблизи степи, какъ напр. въ Бохарѣ, Керки и Каракѣлѣ, жаръ и холодъ одинаково невыносимы, но, за исключеніемъ послѣдняго города, воздухъ вообще только мало вреденъ для здоровья, и господствующія болѣзни слѣдуетъ приписать скорѣе худому образу жизни и одѣянію, несообразному съ климатомъ, чѣмъ вліянію самаго климата.

Эти замѣтки о производительности и климатѣ собственнаго Бохарскаго Ханства распространяются также и на сосѣднія страны на востокъ и западъ, и изъ этого отношенія отчасти уясняется также и то, какъ эти земли могутъ въ изумительно короткое время залечивать самыя глубокія раны отъ войнъ. Уже Белхи поразило это обстоятельство, потому что онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что разбитая армія нигдѣ не поправляется и не пополняется такъ быстро, какъ въ Трансоксаніи. Въ связи съ этимъ явленіемъ онъ приводитъ число городовъ въ 300,000, что, естественно, очень преувеличено и невѣроятно, хотя съ другой стороны не подлежитъ

сомнѣнію, что количество народонаселенія въ Трансоксаніи и слѣд. преимущественно въ Бохарѣ въ древности было больше, даже гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Во время арабскаго завоеванія городъ долженъ былъ, при насильственномъ постоѣ, принять *многія племена*, и все же туземные обыватели не остались безъ крова. При Саманидахъ именно загородная часть столицы была такъ густо заселена, что можно было ѣхать въ продолженіи многихъ часовъ на юго-западъ и сѣверо-востокъ среди густыхъ рядовъ домовъ, и въ то время, навѣрно, существовали тѣ 360 мечетей, о которыхъ говоритъ нынѣшній Бохарецъ. Сильнѣе всего пострадала Бохара во время монгольскаго погрома, и однакожь столица чрезъ нѣсколько лѣтъ уже имѣла *шестнадцать тысячъ жителей мужскаго пола* ¹⁾ и менѣе, чѣмъ чрезъ четверть вѣка послѣ опустошенія города, болѣе тысячи студентовъ было внесено въ списки коллегій. При Аптарханидахъ, особенно при Имамкули ханѣ, Бохара опять разцвѣла на короткое время, и только съ паденіемъ этой династіи число ея жителей стало уменьшаться все болѣе и болѣе, такъ что въ новое время считается въ ней никакъ несвыше 35,000 душъ. Что сказано о столицѣ, то отно-

¹⁾ См. на стр. 167 примѣч. 1. Вассафъ, у котораго позаимствовано то примѣчаніе, хотя и говоритъ о жителяхъ вообще, но не надо забывать, что подобныя статистическія данныя на Востокѣ относятся только къ мужчинамъ, или къ способнымъ носить оружіе, жены же ихъ и дѣти (эхлаалъ) не принимаются въ расчетъ.

сится и ко всей странѣ. Въ прежнія времена Трансоксанія должна была имѣть, по крайней мѣрѣ, въ пять или въ шесть разъ большее народонаселеніе, чѣмъ теперь, потому что, хотя большія арміи, съ основанія калифата почти непрерывно двигавшіяся противъ западной Азіи и до береговъ Нила въ качествѣ или наемниковъ, или самостоятельныхъ завоевателей, приходили по большей части изъ пограничной степной области, но и прибрежныя земли Окса и Яксарта должны были доставлять имъ весьма значительный контингентъ; а это было возможно единственно только при многочисленномъ населеніи. По національности, большинство обитателей Трансоксаніи составляли Иранцы, такъ какъ народнымъ языкомъ въ Бохарѣ, Ферганѣ и Харезмѣ былъ персидскій при Арабахъ, Саманидахъ, Сельджукидахъ и Херезмскихъ князьяхъ и долгое время послѣ монгольскаго погрома, потомъ уже приобрѣлъ перевѣсъ турецкій языкъ, какъ увидимъ далѣе на страницахъ этой книги. И характеръ Трансоксанцевъ во многихъ измѣнился. Первые арабскіе географы не находятъ достаточно словъ для восхваленія благородства характера, чистосердечія и гостеприимства туземцевъ. Теперь-же, за исключеніемъ послѣдней добродѣтели, и то не въ городахъ, а въ селахъ, не осталось ни малѣйшаго слѣда этихъ похвальныхъ качествъ. Трансоксанія цѣлые вѣка прежде всѣхъ и больше всѣхъ подвергалась прибою волнъ близкаго туранскаго народнаго моря, и тѣмъ

ужаснѣе было потрясеніе ея государственной жизни. Тиранское своеволие завоевателей не только опустошило здѣсь, какъ и вездѣ, обработанныя поля, но и вырвало съ корнемъ изъ души человѣка всякій слѣдъ благородныхъ чувствъ. Средняя Азія въ настоящее время — отвратительная лужа всѣхъ тѣхъ пороковъ, которые порознь встрѣчаются въ могомеданскихъ земляхъ Западной Азіи.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Глава I.

Происхожденіе города Бохары. — Аберци первый король. — Шаркишверь. — Блудунъ. — Королева Хатунъ и ея сынъ Тугшаде. — Вендидадъ. — Древность просвѣщенія въ Трансоксаніи. — Эбу Риганъ эль Бируни о до-могаммеданскомъ періодѣ средней Азии. — Старинныя загадочныя надписи. — Древнѣйшее мѣстопребываніе иранскаго народа. — Иранская культура въ Трансоксаніи. — Первые нападенія Туранцевъ на области по сю и по ту сторону Окса. — Древнія религіозныя отношенія. — Ученіе Зороастра. — Буддизмъ. — Несторіанское христіанство. — Кешкушани. — Политическія отношенія изъ до-могаммеданскаго періода. — Битвы между Фирузомъ и Хошнувазомъ — Турецкое вліяніе подавлено появленіемъ Арабовъ. Стр. 1—20.

Глава II.

Вторженіе Зіада бинъ Эбу Суфіана и его сына Обейдуллаха. — Самдъ бинъ Османъ и его войны съ королевой Хатунъ — Бохарскіе заложники въ роломннхъ образомъ отвѣдены въ Медину. — Муслимъ бинъ Зіадъ. — Храбрость Могаллаба. — Первое нападеніе Кутейбе бинъ Муслима. — Вальте Бейкенда. — Грабежъ Бейкенда и богатая добыча, тамъ найденная. — Недостатокъ и дороговизна оружія. — Вальте Варданци, Кеша и Нахшеба. — Стѣсненное положеніе Арабовъ. — Турецкій союзъ расторгнуть арабскою хитростью. — Выступленіе противъ Бохары весной 91 (709) года и завоеваніе города. — Противодѣйствіе персидскихъ обывателей исламу. — Обращеніе въ исламъ посредствомъ строгихъ мѣръ. — Походъ Кутейбе

противъ Ферганы и восточнаго Туркестана.—Его возстаніе противъ халифа Сулеймана бинъ Абдула Мелика.—Смерть Кутейбе. Стр. 21—37.

Глава III.

Присоединеніе Бохары къ Хоразану.—Намѣстничество Езида бинъ Могаллаба и его распри съ халифомъ.—Мослема.—Побѣды Турокъ надъ Эведомъ бинъ Абдуллахомъ и Эсрешомъ.—Пораженіе Севрета бинъ Эбу-Бахръ эль Дарими.—Строгое управленіе Насра бинъ Сеяра.—Его битвы съ Эбу Муслимомъ.—Возмущеніе Шерива бинъ Шейха уль Мегди.—Появленіе Моканны и его партизановъ.—Тщетныя попытки Гусейна бинъ Му'аца подавить возмущеніе.—Джебранъ бинъ Ягъя поставленъ во главѣ арміи.—Взятіе Наршаха.—Сандъ уль Гарши (Джарши?). Скрытность Моканны.—Му'ацъ осаждаеть его убѣжище, крѣпость Самъ.—Конецъ Моканны.—Ученіе Моканны.—Возстаніе Рафи'бинъ Лейта. Стр. 38—59.

Глава IV.

Родоначальникъ Самаяндовъ.—Сыновьямъ Эзеда поручено управленіе Трансоксанію.—Насръ и его братъ Изманлъ.—Ихъ раздоры и войны.—Кратковременное примиреніе и новая вспышка распри.—Недовѣріе Насра и великодушіе Изманла.—Насръ умираеть.—Изманлъ вступаетъ на престолъ.—Инвеститура его халифомъ.—Враждебныя дѣйствія Амру бинъ Лейта.—Изманлъ воеть съ нимъ и побѣждаетъ его.—Изманлъ великодушно обходится съ пѣннимъ Амру.—Выдача послѣдняго халифу Му'тасиду Биллаху.—Завоеванія Изманла въ Иранѣ.—Бохара—центръ восточно-исламской Азіи.—Ученые Бохары.—Возрожденіе персидской литературы.—Кротость и благочестіе Изманла.—Онъ заболѣваетъ и умираеть. Стр. 60—79.

Глава V.

Слабость преемниковъ Изманла.—Ахмедъ бинъ Изманлъ, прозванный Шегидъ (мученикъ).—Правленіе Эбула Гасана Насра.—Его войны въ

XLIII

Хоразанъ и Табаристанъ.—Наслѣдникъ Насра Нухъ и его генералъ Эбу Али.—Эбу Али возстаетъ и помогаетъ претенденту Ибрагиму овладѣть престоломъ.—Правленіе Абдула Меллика и его брата Мансура бинъ Нуха.—Возмущеніе Алтекина.—Призрачное господство Нуха бинъ Мансура.—Эбуль Аббасъ Тамъ и Фахръ-ад-домехъ.—Появленіе Югуровъ.—Походъ Богтра хава противъ Бохары.—Нухъ бинъ Мансуръ убѣгаетъ.—Себутеккинъ изъ Газни поддерживаетъ его.—Нухъ бинъ Мансуръ торжественно вступаетъ въ Бохару.—Эбуль Гаритъ Мансуръ.—Абдуль Меликъ.—Мунтасиръ послѣдній Саманидъ, его заключенія и смерть.—Государственная и социальная важность Бохары при Саманидахъ.—Возвышеніе Турокъ. Стр. 80—97.

Глава VI.

Происхожденіе Сельджукидовъ.—Переселеніе Сельджука на югъ.—Его внуки Тогруль и Чакаръ.—Ихъ битвы съ сосѣдними князьями.—Походъ ихъ въ Хоразанъ.—Султанъ Мес'уда не позволяетъ имъ поселиться тамъ.—Война обонихъ братьевъ съ Газневидами.—Чакаръ Бегъ беретъ Мервъ.—Новая попытка султана Мес'уда обратно завоевать Хоразанъ.—Дальнѣйшія завоеванія Сельджукидовъ.—Вторженіе Тогрула въ Восточную Римскую Имперію.—Его отношеніе къ халифу Эль-Калиму би эми Аллаху.—Алиъ Арсланъ и его война съ Романомъ Диогеномъ.—Онъ убитъ на берегу Окса.—Меллишахъ, блистательнѣйшій изъ Сельджукидовъ.—Величина Сельджукскаго царства.—Положеніе Сельджукидовъ по ту сторону Окса и ихъ войны съ тамошними независимыми князьями.—Курханъ и султанъ Санджаръ.—Пораженіе и смерть послѣдняго.—Персидскія національныя стремленія Сельджукидовъ. Стр. 98—117.

Глава VII.

Первые Харезмскіе князья.—Ацизъ и его отношеніе къ Санджару.—Иль Арсланъ разбитъ Югурами.—Султанъ Текишъ, распространеніе его владѣтельства и вражда съ Югурами.—Характеръ Могаммеда Кутб-ад-

дина.—Его война съ княземъ Гура.—Онъ отказывается платить Югурамъ ежегодную дань и нападаетъ на владѣнія Курхана.—Таянку, югурскій генералъ, разбить и взять въ плѣнъ.—Вторая побѣда Могаммеда Кутб-эд-дина недалеко отъ Бенасета.—Союзъ его съ Кичюкъ-ханомъ.—Курханъ теряетъ власть и умираетъ.—Високомѣріе султана Могаммеда Кутб-эд-дина и ненасытная страсть къ завоеваніямъ.—Споръ его съ халифомъ Назир-эд-диномъ и походъ противъ Багдада.—490 купцовъ, торговавшихъ подъ защитою Монголовъ, арестованы въ Отрарѣ и казнены по повелѣнію султана Могаммеда. Стр. 118—131.

Глава VIII.

Родина Монголовъ.—Рожденіе Дженгиза и первое появленіе.—Онъ побѣждаетъ Онгъ-хана и соединяется съ Югурами.—Его борьба съ Кичлюкъ-ханомъ.—Дженгизъ идетъ на Трансоксанію.—Распределеніе различныхъ корпусовъ его арміи.—Чагатай и Огтай овладѣваютъ Отраромъ, несмотря на геройскую защиту Каиръ-хана.—Успѣхъ Джюджи противъ Дженда.—Алакъ Ноянъ и Сияту Бока берутъ Ходжендъ.—Огважный до безумія Тимуръ Мелакъ.—Движеніе Дженгиза на Бохару.—Онъ овладѣваетъ городомъ и отдаетъ его на разграбленіе.—Ужасное опустошеніе.—Подобная участь и Самарканда.—Судьба Канги и другихъ Турокъ.—Паденіе Нахшеба и Термеза.—Внезапное отчаяніе султана Могаммеда, выведеннаго изъ безопасности и надменности.—Его бѣгство и печальный конецъ.—Битвы его сына Джелал-эд-дина съ Монголами.—Безпримѣрная страданія Трансоксаніи.—Главныя причины успѣховъ Монголовъ. Стр. 132—156.

Глава IX.

Общій обзоръ.—Господство Чагатая.—Монгольское управленіе въ Трансоксаніи.—Дже-пророкъ Тараба.—Его вліяніе въ Бохарѣ.—Его ко-

нецъ.—Кара Гулагу и регенство вдовы Чагатая.—Визю.—Соперничество между Алгу и Аипшкою.—Миръ на время восстанавливается при посредствѣ Мес'уда бега и принцессы Органн.—Боракъ свергаетъ съ трона Мубарека шаха.—Его битвы съ Канду.—Разграбленіе Бохарн.—Виды Борака на Хоразанъ.—Посольство Мес'уда бега.—Пораженіе Борака и его смерть.—Никбай.—Дуа.—Абака разрушаетъ Бохару.—Походъ Дуа противъ великаго Каана Темура.—Кѣнджикъ.—Завоеванія Эзенбуки въ Хоразанѣ.—Нападеніе Худабеде на Трансоксанію.—Упадокъ монгольскаго владнчества.—Ала-эд-динъ Тарма ширивъ.—Ханъ Казанъ и его взиръ эмиръ Казганъ.—Вліяніе монгольскаго господства на Трансоксанію.—Вліятельное положеніе духовенства. Стр. 157—180.

Глава X.

Преобладаніе турецкаго населенія въ Трансоксаніи.—Происхожденіе Тимура и его первая молодость.—Онъ поступаетъ на службу къ эмиру Казгану.—Его отношеніе къ монгольскому князю Трансоксаніи.—Его ссора и бѣгство отъ двора Самаркандскаго.—Его страданія въ бѣгствѣ.—Набѣги Тимура на Персію.—Онъ начинаетъ изгонять Джетовъ и ссорится съ эмиромъ Гусейномъ.—Послѣдній побѣжденъ послѣ 'продолжительной войны и казнень.—Тимура провозглашаютъ эмиромъ Трансоксаніи.—Онъ приводитъ въ порядокъ гражданское и военное устройство этой страны.—Его походы противъ Джетовъ и окончательное ихъ покореніе.—Онъ воюетъ съ Гусейномъ Суфи, владѣтелемъ Хarezма, и побѣждаетъ его.—Тимуръ вступаетъ на путь всемірнаго завоевателя.—Его властолюбіе и средства.—Война съ княземъ Золотой Орды, именно съ Тохтамышемъ, прежнимъ его клиентомъ.—Совершенное покореніе Волжской области.—Войны Тимура съ владѣтелями Хоразана, Ирана и Арабистана.—Онъ завоевываетъ Транскавказію, опустошаетъ Гилянъ и Мазендравъ и уничтожаетъ власть Мозаффаріда шаха Мансура.—Второй походъ противъ Арабистана и Курдистана.—Побѣдоносное возвращеніе.—Походъ въ

Индію.—Война съ Баязидомъ.—Возвращеніе въ Самаркандъ и тамошніи празднества.—Тимуръ среди зимы выступаетъ въ походъ противъ Китая.—Онъ умираетъ въ Отрарѣ.—Значеніе его какъ воина и всемірнаго бойца. Стр. 181—216.

Глава XI.

Тимура личность и наружный видъ.—Его расположеніе къ наукѣ и искусству.—Его цивилизаторскія стремленія.—Пышность и блескъ его двора.—Придворный нарядъ дамъ.—Изобиліе драгоценныхъ камней, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, по свидѣтельству Клавихо.—Праздничный лагерь на Кангильской равнинѣ.—Описаніе великолѣпныхъ палатокъ.—Татарскія кушанья и застольный этикетъ.—Церемоніи при попойкахъ.—Архитектурные памятники въ Шегри-Себзѣ и въ Самаркандѣ.—Баги Дилкуша. — Баги Бигиштъ. — Баги Чиваранъ.—Величина и важность Самарканда. — Любовь Тимура къ наукамъ и искусствамъ. Стр. 217—237.

Глава XII.

Тимуриды и Джэнгизиды. — Султанъ Халиль Мирза вооружаетъ противъ себя вельможъ. — Его супруга Шад-и-Мулькъ. — Его борьба съ Пиромъ Могаммедомъ. — Онъ проигрываетъ дѣло съ мятежными Худадомъ и Шейхомъ Нур-эд-диномъ.—Султанъ Шахрухъ Мирза восстанавливаетъ порядокъ въ Трансоксаніи и освобождаетъ Халиля Мирзу изъ заключенія.—Послѣдній отправляется намістникомъ въ Иракъ и умираетъ на дорогѣ.—Улугъ бегъ.—Его битва съ Боракомъ Огланомъ.—Любовь его къ наукѣ.—Его постройки.—Обсерваторія въ Самаркандѣ.—Война Улугъ бега съ Ала-эд-довлетомъ.—Набѣги и опустошенія Туркомановъ въ Гератѣ и Узбековъ въ Самаркандѣ. — Улугъ бегъ принужденъ выступить въ поле противъ своего сына, который побѣждаетъ его и казнитъ.—Правленіе отцеубійцы Абдуллатифа. — Абдуллахъ Мирза.—Первое появленіе Эбусанда Мирзы. — Могаммедъ Джюги и его узбекскія вспомогательныя войска. —

Онъ разбитъ Эбусандомъ.—Эбусандъ побѣжденъ Узунъ-Гасаномъ и умерщ-
вленъ.—Султанъ Ахмедъ Мирза и его братъ Омаръ Шейхъ.—Султанъ Мах-
мудъ и его визиръ Хозру-шахъ.—Байсонкуръ Мирза и его братъ Султа-
нали.—Баберъ Мирза, сынъ Омара Шейха, выступаетъ на сцену исто-
ри.—Байсонкуръ послѣ продолжительной борьбы вытѣсненъ изъ Самар-
канда.—Баберъ и Султанали раздѣляютъ между собою Трансоксанію.—
Шейбани низвергаетъ Тимуридовъ.— Культурная эпоха Тимуридовъ.—
Принцы-литераторы изъ дома Тимура.— О замѣчательнѣйшихъ поэтахъ
ученыхъ, богословахъ и художникахъ изъ эпохи Тимуридовъ. Стр. 238—274.

I.

До-могаммеданскій періодъ.

Начало исторіи важнѣйшихъ странъ Азіи затемнѣно баснями и сказками, Бохара же начинаетъ исторію своего государственнаго бытія такою сагою, которой правдоподобіе легко объясняется физическимъ свойствомъ почвы. Вотъ эта сага: „въ древности Бохара была низменностью, покрытою озерами и болотами ¹⁾, тростникомъ и лѣсомъ. Рѣки и ручьи, обильно питаемые снѣгами горной цѣпи къ востоку отъ нынѣшняго Самарканда, ежегодно наводняли низменную страну, поэтому непригодную для земледѣлія, зато тѣмъ болѣе привлекательную для охотниковъ и рыбаковъ. И многіе изъ этихъ послѣднихъ приходили сюда даже изъ далекаго Туркестана; въ послѣдствіи они мало по малу водворялись здѣсь, и явились поселенія Таркамрудъ, БERVANE, Асване и Нуръ ²⁾. Поселенцы выбрали изъ своей среды князя, по имени *Аберци*,

¹⁾ Эти озера и болота простирались въ юго-западномъ направленіи даже за древній Баркентъ Феррахъ и за новый Каракель. Они протягивались въ длину на 20 ферзаховъ и были такъ обильны водоядными птицами и рыбами, какъ ни одна мѣстность во всемъ Харазанѣ. Еще при Дженгизѣ это было любимое мѣсто для лебединой охоты, и сыновья хана Чагатай и Октай однажды прислали въ подарокъ своему отцу 50 верблюдовъ, навьюченныхъ водяными птицами—добычу охоты только одного сезона. Позже и Тимуръ провелъ здѣсь осень въ охотѣ на лебедей. Каракельское озеро и теперь еще баснословно богато рыбою.

²⁾ По неразборчивости рукописи едва ли можно ручаться за правильность этихъ, также какъ и другихъ собственныхъ именъ у Наршахи.

который жилъ въ Бейкендѣ т. е. княземъ городѣ, такъ какъ Бохара, нынѣшняя резиденція, тогда еще не существовала. Но этотъ Аберци, съ возрастаніемъ своей власти, становился все болѣе и болѣе тираномъ; тогда богатые бѣжали отъ его жестокостей въ сѣверную страну Турокъ и построили тамъ городъ Джемукетъ или Джемкентъ (на тогдашнемъ языкѣ *прекрасный добрый городъ* ¹⁾), а бѣдные, не имѣя силы сопротивляться, призвали на помощь сосѣдняго турецкаго князя по имени Караджуринъ, который и послалъ къ угнетеннымъ своего сына Ширкишвера съ арміею. Аберци былъ взятъ въ плѣнъ; его положили въ мѣшокъ съ гвоздями и до тѣхъ поръ катали по землѣ, пока онъ не умеръ. По устраненіи тирана, *Ширкишверъ* призвалъ убѣжавшихъ богатыхъ и предоставилъ имъ право образовать классъ знатныхъ подъ именемъ *худатъ*, а оставшіеся бѣдняки были сдѣланы простыми подданными. Ширкишверъ управлялъ около тридцати лѣтъ; ему наследовалъ князь по имени *Секеджкетъ* (?), которому сага приписываетъ построеніе городовъ Раметина и Феравши, и когда онъ позже привезъ изъ Китая свою невѣсту, дочь императора, то *въ первомъ изъ поименованныхъ городовъ были поставлены кумиры, принесенные невѣстою въ приданое.* — Историческій источникъ ²⁾, изъ котораго мы позаимствовали это, сообщаетъ намъ далѣе, что владѣтель Бохары, котораго правленіе совпадаетъ съ началомъ могоммеданскаго лѣтосчисленія, назывался *Бендуиъ*. Онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность тѣмъ, что возобновилъ замокъ, построенный Ефрасіабомъ, а по другимъ

1) Джемкентъ и теперь имя незначительнаго поселенія въ низовьяхъ Яксарта. Въ другомъ мѣстѣ у Наршахи этимъ словомъ обозначается и старое имя Бохары. Ученый Фр. Шингель (въ своемъ письмѣ, весьма дружески ко мнѣ адресованномъ) считаетъ это слово тождественнымъ съ гузварешскимъ: Джемъ кентъ—отъ джемъ сдѣланный, и вспоминаетъ, что у Абулфеда Джемъ котъ, перешедшее въ санскритъ въ формѣ Яма котъ, считается за восточный край обитаемаго міра.

2) Наршахи.

свѣдѣніямъ Сіаушомъ ¹⁾, и велѣлъ вырѣзать свое имя на желѣзной доскѣ и прибить ее къ воротамъ замка. Этотъ памятникъ существовалъ еще при переводчикѣ, слѣдовательно пятьсотъ лѣтъ спустя, потомъ исчезъ вмѣстѣ съ замкомъ. Сага рассказываетъ, что этотъ замокъ, при построеніи его Бендуномъ, много разъ обрушивался самъ собою, и когда спросили совѣта у мудрецовъ, то тѣ отвѣтили: въ подражаніе семизвѣздію, слѣдуетъ возвести семь каменныхъ столбовъ. Съ тѣхъ поръ замокъ остался стоять, и ни одинъ владѣтель не былъ побѣжденъ въ немъ, ни одинъ даже не умеръ тамъ. Бендунъ оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына по имени *Tushade*, поэтому правленіе перешло въ руки его супруги, которую намъ исторіографъ называетъ *Xatuniz* ²⁾. Ея управленіе, ознаменованное появленіемъ въ странѣ Арабовъ, продолжалось болѣе пятидесяти лѣтъ. Мудрость этой жены и почетъ, ей оказываемый, весьма прославляются. Ежедневно, по восходѣ солнца, она выѣзжала на лошади изъ замка и, прибывъ къ воротамъ Ригистанскимъ, на мѣсто, называемое тогда площадью продавцевъ свѣтныхъ припасовъ, садилась на тронъ и творила судъ и милость, окруженная придворными офицерами и вельможами. Двѣсти юношей съ золотыми поясами и мечами обязаны были ежедневно во время аудіенціи быть при ней, на слѣдующій день ихъ смѣняли другіе двѣсти, и такъ четыре раза въ годъ очередь выпадала на долю каждаго племени ³⁾. Этою женщиной и оканчивается факти-

¹⁾ Сага рассказываетъ, что когда Сіаушъ, сынъ Кейкауса, бѣжалъ изъ Ирана за Оксъ и прибылъ въ Бохару, то Ефрасіабъ оказалъ ему большой почетъ и даже выдалъ за него свою дочь. Сіаушъ, желая оставить по себѣ память, построилъ Бохару; по другимъ же свѣдѣніямъ, будто бы самъ Ефрасіабъ былъ строителемъ ея.

²⁾ Большая часть лексикографовъ считаетъ это слово персидскимъ, а по моему убѣжденію, оно турецкое слово и именно отъ корня *катъ*, означающаго понятіе о смѣшеніи, соединеніи.

³⁾ Княжество Бохарское должно было поэтому содержать 30 племенъ, или колѣнъ, можетъ быть, правильнѣе *знатныхъ фамилій*.

ческое господство первыхъ династій Бохары, слѣдовавшіе же за нею члены получали отъ могоммеданскихъ завоевателей только титулъ, а не власть князя. Тугшаде, 30 лѣтъ сохранившій нѣкоторую независимость цѣною своего обращенія въ исламъ, вмѣшался въ войну съ Турками на сѣверѣ, именно съ какимъ то Ферфаномъ или Дерданомъ. По всему вѣроятію, онъ сдѣлалъ это въ угоду Арабамъ, у которыхъ былъ любимой личностью, такъ что, когда умеръ, то сынъ его *Кутейбе*, названный такъ въ честь арабскаго завоевателя, былъ утвержденъ въ званіи своего отца. Кутейбе, номинальное господство котораго совпадаетъ съ правленіемъ Эбу Муслима въ Хоразанѣ, не сохранилъ вѣрности своего отца ни къ Арабамъ, ни къ ихъ религіи. Хотя онъ явно исповѣдывалъ исламъ, но въ тайнѣ держался стараго вѣроученія парсизма, потому, какъ отступникъ, былъ казнень, по повелѣнію Эбу Муслима въ 166 (782) году, и его сынъ Ненатъ или Биньятъ посаженъ на его мѣсто. И этотъ былъ хорошимъ могоммеданиномъ въ началѣ, пока дѣло шло о его утвержденіи на престолѣ, за то потомъ тѣмъ рѣшительнѣе склонился къ старой вѣрѣ и даже сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ лжепророка Моканны, о которомъ рѣчь будетъ далѣе. Когда все это было сообщено калифу Мегди, то онъ велѣлъ конному отряду напасть на него въ его жилищѣ въ ~~.....~~ и изрубить. Послѣ этого событія уже почти вовсе не упоминается въ лѣтописяхъ о старой династіи Бохары. Последній титулярный ея князь, по имени Эбу Исакъ ¹⁾ и вѣстникъ только тѣмъ, что Измаиль Саманидъ отнялъ у него его ленныя владѣнія и, въ замѣнъ ихъ, далъ ему пожизненную пенсію въ 20,000 диремъ. Онъ умеръ въ 301 (914) году, и его сыновья остались въ бѣдности ²⁾.

¹⁾ Онъ долженъ быть внукомъ Нената или Биньята.

²⁾ Ахмедъ бинъ Сейтъ, которому даже тѣнь власти этого отпрыска древней династіи Бохары была сучкомъ въ глазу, спросилъ однажды Измаила, почему онъ еще терпитъ Эбу Исаака, и въ то самое время, когда

Бъ этому скуднымъ, но тѣмъ не менѣе интереснымъ историческимъ дѣломъ мы желаемъ присовокупить такіа соображенія, которыя, въ связи съ слабыми отголосками другого рода извѣстій, помогутъ намъ уяснить себѣ положеніе Трансоксаніи въ до-могаммеданское время. Что въ земляхъ по ту сторону Окса уже въ глубокой древности жилъ народъ чисто иранскаго происхожденія, въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего древнѣйшій иранскій памятникъ, Вендидадъ, и именно его первая глава творенія, такъ часто объясняемая учеными нашего времени. Въ этой главѣ рѣчь идетъ о 16-ти мѣстностяхъ, вызванныхъ къ жизни творческою силою Ормузда, и между ними мы находимъ подъ № 2-мъ округъ вмѣстѣ съ Сугдою т. е. Согдомъ, или Согдіаною новаго времени, 3. Муру, т. е. древній Меру или Мервъ, 4. Багди, т. е. Бактрію, 5. Низаю, т. е. Низу, можетъ быть, правильнѣе Незу ¹⁾; 6. Гарю, т. е. Гери или Герать, 9. Феркану, т. е. Гиркану ²⁾ и 16. восточную Рагу, которая принимается за

великій Саманидъ назвалъ такое притязаніе его несправедливымъ, вошелъ къ нимъ самъ Эбу Исаакъ. „Баба, сколько хлѣба даютъ тебѣ твои владѣнія ежегодно?“ спросилъ его Измаиль. „Только съ большимъ трудомъ я могу въ годъ собрать его на 20,000 диремъ“, отвѣтилъ Эбу Исаакъ. Поэтому Измаиль назначилъ названную сумму ему въ пенсію, что Исаакъ принялъ съ радостью. — *Диремъ* по персидскому словарю Джонсона, ¹⁾ стоитъ два пенса, слѣдовательно восемь крейцеровъ на австрійскія деньги.

1) Шпигель (*Eranische Alterthumskunde*, стр. 194) думаетъ, что этого мѣста теперь нельзя указать, но, такъ какъ оно лежало между Муру и Багди, то его слѣдуетъ искать около Андкуй, Шиборганъ и Меймене.

2) Въ отождествленіи Ферканы съ Гирканюю я слѣдую мнѣнію извѣстныхъ специалистовъ, хотя я самъ лично склоненъ подъ Ферканю уже потому разумѣть Фергану, что считаю слово Гиркана позднѣйшаго, т. е. турецкаго происхожденія; Гиркана—греческое искаженіе слова Кѣркенъ или Гѣргенъ, имени рѣки, вытекающей изъ Курдскихъ горъ, орошающей эту страну и впадающей въ Каспійское море. Слово Гѣргенъ можно узнать въ Джорджанъ (провинція и городъ) Арабовъ, развалины котораго Туркоманы и теперь называютъ Гѣргенъ. Далѣе—въ имени пустыни Гѣргенъ Чѣлю и въ названіи земли на сѣверной окраинѣ той пустыни, именно Гѣргенджъ—такъ въ древнѣйшей географической рукописи называется Харазмъ, нынѣшня Хива.

Яксартъ ¹⁾). Хотя разъясненіе и отождествленіе этого весьма важнаго списка именъ еще будетъ служить поводомъ ко многимъ соображеніямъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что бѣшеннѣе ранніе слѣды иранской культуры слѣдуетъ искать не на югѣ и западѣ нынѣшняго Ирана, гдѣ памятники и клинообразное письмо привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя, а на востокѣ и сѣверовостокѣ. Еще за долго до похода Александра Македонскаго Греки, вѣроятно, чрезъ сношенія свои со дворомъ Ахеменидовъ слышали о благоустроенномъ состояніи, даже о большомъ государствѣ средней Азіи ²⁾). Въ Бактріи явился Зороастръ съ своей религіей послѣ того, какъ родина его, провинція Атропатене, нынѣшній Азербайджанъ, отказала ему въ послушаніи. Изъ этой страны тысячи городовъ, какъ Юстинъ ее называетъ, поклоненіе огню начало распространяться по Согдіанѣ и Харезму, и изъ знаменитаго храма въ Нубегарѣ, гдѣ служила фамилія Бармекидовъ до своего переселенія въ Багдадъ, свѣтъ новаго ученія перепесенъ въ древнюю Персію и Мидію. Такимъ образомъ коллыбель того историческаго романа древняго Ирана, за который принимались Гамза изъ Исфгани и поэтъ Дакики и который позже былъ вполне обработанъ мастерскою рукою Фирдуси,—мы находимъ не на западѣ и югѣ, а въ восточныхъ округахъ нынѣшней Персіи. И хотя историческое достоинство войны съ Тураномъ и его могущественнымъ княземъ Ефрасіабомъ весьма незначительно, но этнографія находитъ важное дополненіе въ изображеніи, которое книга царей оставила намъ о языкѣ, нравахъ и наружности древнихъ враговъ Ирана, и изъ котораго можно заключить о раннемъ существованіи иранскаго элемента по ту сторону

1) Ханьковъ (Memoire sur l'Ethnographie de la Perse, стр. 37) называетъ это мѣсто подъ № 16 l'est de Raghа (по Шингелю), между тѣмъ какъ Шингель самъ (Erganische Alterthümer стр. 195) приводитъ это мѣсто подъ № 12 и отождествляетъ его не съ Яксартомъ, а съ Рагесомъ въ Мидіи.

2) Сэръ Генрихъ Роульсонъ (?) въ анонимной статьѣ въ Quarterly Review 1868, стр. 488.

Окса. О глубокой древности культуры тѣхъ странъ не менѣе убѣдительно говорить и арабскій авторъ Эбу Риганъ аль Бируни, родомъ изъ средней Азіи и единственный критическій изслѣдователь средне-азиатскихъ древностей. Онъ рассказываетъ намъ между прочимъ, что солнечный календарь Харезма былъ вѣрнѣе, чѣмъ времячисленіе Грековъ и Арабовъ; онъ даетъ намъ понятіе о древнихъ языкахъ Согдианы и Харезма и называетъ 12 мѣсяцевъ, 30 дней каждой луны и знаки зодиака — номенклатура большею частью зендская и въ формѣ болѣе чистой, нежели та, какая сохранилась въ Парсидѣ. Онъ говоритъ далѣе о Харезмскихъ сочиненіяхъ, съ большимъ вниманіемъ перечитанныхъ первымъ арабскимъ завоевателемъ той страны ¹⁾ и, по всему вѣроятію, написанныхъ на зендскомъ языкѣ, который могъ гораздо долѣе удержаться на берегахъ Окса, чѣмъ въ Иранѣ, не смотря на то, что въ первой мѣстности древнее письмо и языкъ были забыты уже во второмъ вѣкѣ гіджры. Мы слышимъ о двухъ подобныхъ загадочныхъ неразборчивыхъ надписяхъ, уцѣлѣвшихъ изъ до-могамеданскаго времени и, какъ предполагаютъ, зендскихъ или бактрійскаго пали. Одна находилась на городскихъ воротахъ Самарканда, оббитыхъ желѣзомъ, но исчезла съ разрушеніемъ тѣхъ воротъ во время пожара. Вторая была, какъ рассказываетъ Наршахи, надъ входомъ въ древній королевскій замокъ на Ригистанѣ въ Бохарѣ и, по предположенію того же автора, заключала въ себѣ болѣе, чѣмъ имя строителя. Но, и по-мимо этихъ предположеній, само персидское нарѣчіе нынѣшней центральной Азіи содержитъ въ своихъ лексическихъ и грамматическихъ формахъ гораздо болѣе слѣдовъ древняго персидскаго языка, еще не искаженнаго турано-семитическимъ вліяніемъ, чѣмъ всѣ прочія нарѣчія вмѣстѣ взятая, — хотя первое уже много вѣковъ и непрерывно находится среди преобладающаго числа туран-

1) Тамъ же стр. 491.

скихъ элементовъ, а послѣднія, особенно на югѣ, подвергались только временному соприкосновенію съ западными соседями семитическаго происхожденія ¹⁾). Въ подобныхъ отношеніяхъ представляются намъ также и физическіе признаки восточнаго и западнаго Иранца при взаимномъ ихъ сравненіи: въ фізіономіи Таджика, Галга, Вахани, Джемшиди и Парсевана, которые всѣ составляютъ отдѣльныхъ членовъ нынѣшняго восточно-иранскаго народа, можно открыть гораздо болѣе слѣдовъ иранскаго племеннаго единства, чѣмъ даже на барельефныхъ изображеніяхъ временъ Сасанидовъ ²⁾). Поэтому тотъ взглядъ ученаго этнографа Ханынова, что поприще первой дѣятельности иранскаго народа слѣдуетъ перенести на плодородныя долины между Гиндукушемъ и горной цѣпью Пугманъ и Кути Баба, можетъ быть принятъ, если мы растянемъ эту предполагаемую родину до плодородной прибрежной области Когика или Зерешана.

Впрочемъ, какимъ бы образомъ ни произошло распространеніе иранскаго народа изъ означенной страны къ югу и западу — вопросъ этотъ лежитъ внѣ круга нашего изслѣдованія. Гораздо важнѣе для насъ знать тѣ границы, какихъ достигъ иранскій элементъ Трансоксаніи при своемъ странствованіи на сѣверъ и востокъ. Хотя въ этомъ вопросѣ намъ помогаетъ только географическая номенклатура, но ея отдѣльныя имена оказываютъ намъ неоцѣненную услугу, особенно если мы примемъ въ соображеніе, что по ту сто-

¹⁾ Персидскій діалектъ средней Азіи, на которомъ говорятъ Таджики, и до сихъ поръ еще не обратилъ на себя вниманія зранскихъ філологовъ, что впрочемъ теперь, послѣ занятія Трансоксаніи Русскими, не долго заставитъ себя ждать. Этотъ діалектъ имѣетъ и въ грамматическихъ и въ лексическихъ формахъ много особенностей, напоминающихъ языкъ Фирдуси; въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно то, что именно его мѣстоименіе и глаголь подверглись вліянію турецкаго языка менѣе, чѣмъ персидскій языкъ нынѣшняго Ирана.

²⁾ См. объ этомъ уже упомянутое превосходное твореніе Ханынова, который Таджикиамъ приписываетъ наиболѣе слѣдовъ первобытнаго иранскаго происхожденія. Роульсонъ находитъ это у Вахани, дикихъ горцевъ Бадакшана; въ средней же Азіи древнѣйшими Персами (Иранцами) счи таются Галга.

рону Окса подь осѣдлымъ и расположеннымъ къ просвѣщенію народонаселеніемъ можно понимать только иранскій элементъ. Какъ на древнѣйшую его колонію слѣдуетъ указать на тотъ участокъ земли, который простирается отъ восточной границы Ферганы, именно отъ древняго Аксикента, до Бохары. Онъ образуетъ плодороднѣйшую часть Трансоксаніи, орошается безчисленными естественными и искусственными водами, и имена не только горъ, рѣкъ и ручьевъ, но и городовъ, селъ и округовъ, какія мы находимъ въ географической рукописи Белхи—всѣ рѣшительно древне-персидскаго происхожденія. Изъ этого центра культура, при своемъ распространеніи на западъ, никогда не могла перейти за Бохару: здѣсь ее останавливала песчаная полоса Ходжа Обанъ, отдѣлившаяся отъ пустыни Халата; Каракѣль же (черное озеро) также, какъ и Бейкендъ (княжій городъ) явились позже, какъ это показываютъ ихъ турецкія названія. На сѣверъ же культура чрезъ Ходжендъ (хонгъ джендъ или хобъ джендъ—пріятный городъ?) дошла до Джаджа (или Яксарта, или города на берегу его) и Бинакета (также Пенакета, вѣроятно, отъ Пенакъ кетъ=мѣсто убѣжища), а на востокъ она простиралась, хотя и спорадически, но далеко въ долины Небесныхъ горъ, потому что навѣрно никто не станетъ отрицать, что Хотенъ, Турфанъ и другія мѣста указываютъ на раннія иранскія колоніи ¹⁾). Иранцы, любившіе земледѣліе, селились вездѣ, гдѣ только позволяли качества почвы и гдѣ не угрожала опасность нападеній туранцевъ. Было ли это врожденною склонностью ихъ къ мирнымъ занятіямъ, или же слѣдствіемъ сосѣдства искусныхъ Китайцевъ, рѣшить трудно, но достовѣрно извѣстно, что торговля

1) Абель Ремюза въ своей *Histoire de la ville de Khoten* считаетъ слово хотенъ за испорченное санскритское *коу-стана*—грудь земли (*shamelle de la terre*). Среднеазіаты производятъ это слово отъ персидскаго *хот-тенъ* = красивое тѣло, обращая вниманіе на красивую породу людей, которому отличаясь отъ прочихъ городовъ восточнаго Туркестана Хотенъ, бывшій въ постоянномъ соприкосновеніи съ Кашмиромъ.

шелкомъ, которую Китайская Имперія вела съ Римомъ при Августѣ, нашла себѣ усердныхъ посредниковъ въ средне-азиатцахъ — и это были навѣрно не Туранцы. Наршахи рассказываетъ, что купцы Бейкенда съ давнихъ поръ поддерживали сношенія между Китаемъ и Западнымъ моремъ (Каспиемъ? ¹⁾). Изъ византийскихъ историческихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ 5 и 6 столѣтіяхъ христіанскаго лѣтосчисленія обитатели Бохары и Согдіаны ввели большіе караваны шелка чрезъ царство Сасанидовъ въ Восточную Имперію, и что наконецъ Арабы, проникнувъ за Оксъ, нашли тамъ значительную промышленность и обработку почвы. Правда, ни памятники, подобные Персеполю и Сузѣ, ни клинообразныя надписи не представили до сихъ поръ громкаго свидѣтельства о древнемъ существованіи культуры въ средней Азіи, но мы не должны забывать, что сосѣдство туранскихъ ордъ уже въ глубокой древности было помѣхоу иранскому духу на пути его развитія по ту сторону Окса; при этомъ можно принять за достовѣрное слѣдующее положеніе: поселеніе Иранца въ прочныхъ городахъ на Оксѣ и Яксартѣ также древне, какъ и пребываніе туранскихъ номадовъ въ пограничной степной области.

О времени первыхъ нападеній Туранцевъ на воздѣланныя страны Трансоксаніи пельзя сдѣлать даже самыхъ далекихъ предположеній, преобладаніе же ихъ и собственное поселеніе началось только во время монгольскаго здѣсь владычества. Также мало мы знаемъ и о племенныхъ и родовыхъ отношеніяхъ номадовъ, жившихъ на степныхъ окраинахъ, потому что названіе Гуцъ или Гиццъ дается имъ то на сѣверѣ отъ Яксарта, то къ югу отъ Окса. Въ географическомъ трудѣ Белхи именемъ Гуцъ называются номады

1) Говорю Каспій, но не невозможно разумѣть подъ нимъ и Аральское озеро, потому что географическая рукопись Белхи говоритъ, еще въ третьемъ вѣкѣ гиджры, о мѣннѣ, будто бы Дерья-и-Харезмъ (Аральское озеро) имѣетъ связь съ Дерья и Хозаръ (Каспій).

въ сѣверу отъ Джаджа — тамъ, гдѣ прекращается и культура и исламъ, а у персидскихъ авторовъ, много вѣковъ спустя, тоже именень Гущъ называются тѣ турецкіе номады, которые держали въ плѣну султана Санджара по сосѣдству съ нынѣшнимъ Андегоемъ. Также не достовѣрно принимать 700 годъ до Р. Х. за то время ¹⁾, когда Турки, перейдя Оксъ, эту древнюю пограничную линію между Ираномъ и Тураномъ, разбрелись до самой Индіи. Гораздо болѣе вѣроятія за себя имѣетъ то, что позже повѣствуется о Скиоахъ Римлянъ, о Сакахъ Грековъ, о Гефталитахъ или бѣлыхъ Гуннахъ Византійцевъ и о Юэ-чи Китайцевъ; но что Турки подъ какимъ бы то ни было названіемъ вторглись въ Бактрію приблизительно во 2 вѣкѣ до Р. Х. и основали тамъ на развалинахъ греко-бактрійскаго владычества

1) Роулисонъ въ своей, часто упоминаемой выше, статьѣ говоритъ объ этомъ: „It must suffice, then to explain, that for about 1000 years from B. C. 700 to A. D. 300 a succession of Scythian tribes, belonging apparently to the same family, as the uralian tribes of Russia and the Finns Laps and Hungarians of Europe burst in from the Jaxartes and swept over all the western portion of the Continent of Asia, extending to India in one direction, to Syria and Asia Minor in another“. Съ исторической точки зрѣнія, я не могу сдѣлать противъ этого мнѣнія никакого возраженія; но оно очень слабо опирается на филологическихъ доказательствахъ, именно—мнѣнія туранскія толкованія слишкомъ сомнительнаго достоинства, и я долженъ прямо сказать, что въ туранскомъ словарѣ, открытомъ Оппертомъ Норрисомъ и Мордтманомъ, я нахожу очень мало туранскаго. Въ настоящее время изъ послѣднихъ работъ у меня находятся подъ рукою только сообщеніе Мордтмана о клинообразномъ письмѣ втораго рода въ 24 томѣ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, то я и хочу привести нѣкоторыя изъ употребленныхъ тамъ такъ называемыхъ туранскихъ значеній словъ, чтобъ доказать, какъ неполна вся теорія и какъ мало знакомъ съ туранскимъ сравнительнымъ языковѣдніемъ послѣдній изъ названныхъ изслѣдователей иранскихъ древностей. Такъ напр. на стр. 9-й *ango*—шаге сравнено съ турецкимъ тенгизъ, почему же не съ турецкимъ энганъ—открытое море, или г. Мордтманъ догадывается, что это слово происходитъ отъ *энь*, на старо-турецкомъ разстояніе, протяженіе? Далѣе *aniga*—*volui* сравнивается съ турецкимъ онамакъ, но только послѣднее означаетъ быть довольну, а не хотѣть. Стр. 15-я *artak*—*habitala* съ турецкимъ отурмакъ—обитать, правильнѣе олтурмакъ—сидѣть. Развѣ племя, родъ—*art*, надо сравнивать съ *олтуръ*? Стр. 18-я *atzaka*—*vastus*—съ турецкимъ узунъ—длинный. Почему же не лучше съ ачикъ—пространный, открытый? *Avattas*—*castrum* — съ венгерскимъ *vág*—крѣпость и ту.

свое царство, продержавшееся, какъ утверждаетъ Рейно ¹⁾, до 6-го вѣка по Р. Х.—это находить себѣ подтвержденіе, кромѣ именъ государей на открытыхъ монетахъ, также и въ словѣ Белхъ или Балкъ. Это слово дѣйствительно есть ничто иное, какъ древне-турецкое баликъ=городъ, столица, резиденція, какъ Турки называли мѣстопребываніе правительства городомъ по преимуществу, или какъ дѣлали это Монголы много вѣковъ спустя; такъ напр. резиденцію великаго Каана они называли Каанъ балики (Камбалекъ или Камбалу европейцевъ)=городъ Каана. Другія доказательства ранняго существованія туранскихъ элементовъ къ югу отъ Окса приводятъ первые арабскіе географы: по ихъ словамъ, въ древнія времена даже въ Гильмендѣ ²⁾ обитали Турки, принадлежавшіе къ племени *Халаджъ*. Вѣроятно, это были остатки тѣхъ Саковъ, отъ которыхъ произошло имя Сакъ-стене, Сегистанъ, теперь Сисанъ.

По ту сторону Окса находится подобный поводъ къ подтвержденію ранняго существованія туранскихъ элементовъ, именно въ названіи столицы Бохары, туранское происхож-

рецимъ (sic) варушъ — городъ. Едва ли слѣдуетъ говорить, что первое происходитъ отъ персидскаго бару=валъ, а второе, именно образованное изъ варъ, чисто венгерское слово, позаимствованное Османами на берегахъ Дуная. Стр. 21-я eviduva=egipi сравнено съ турецкимъ тутмакъ—схватывать, держать; lucus a non lucendo. Стр. 24-я git = affere — съ турецкимъ гётюрнекъ. Развѣ господинъ Мордтманнъ забылъ, что это слово въ первоначальномъ смыслѣ значить только носить, поднимать и по корню сродно съ словомъ ключъ—тяжесть, грузъ? Но также и турецкое гетирмекъ=приносить, не идетъ сюда, потому что первоначальная его форма гелтирмекъ=заставить придти. Стр. 25-я J=рѣка — съ турецкимъ ирмакъ. Также точно свѣдно и сопоставленіе турецкаго аякъ=нога съ яги югурск. яки=врагъ, а это слово, какъ извѣстно, составлено изъ двухъ совершенно различныхъ корней—ай имѣетъ значеніе отверстія, щели, и ягъ, также явъ, значить худой, злой. Чтобы объяснить мнимые остатки туранскаго языка, уцѣлвшіе изъ доисторическаго времени, надо обращаться не къ Османамъ или другимъ новымъ нарѣчіямъ турецкаго народа, а къ языку Кудатку Билеихъ, и даже онъ никакъ не старѣе девяностъ лѣтъ.

¹⁾ Relations politiques et commerciales de l'Empire romain avec l'Asie orientale. Paris 1863, стр. 297.

²⁾ Она приводится подъ именемъ Халаджъ, правильнѣе же Халиджъ—которое можно отождествить съ турецкимъ килиджъ=мечъ.

деніе котораго не подлежит сомнѣнію, также въ прежде упомянутомъ словѣ Бейкендъ; даже Аму, какъ туземцы называютъ Оксъ, турецкое слово и означаетъ рѣку. — Трудно теперь рѣшить, какую роль играли Турки въ первое время своего появленія въ Трансоксаніи—владѣтелей, или же только вспомогательныхъ войскъ у иранскихъ князей. Я склоняюсь къ принятію перваго и вотъ на какихъ основаніяхъ: во *первыхъ* Турки, какъ воинственный классъ по преимуществу, скоро захватывали власть въ свои руки вездѣ, гдѣ ни появлялись, какъ это мы замѣчаемъ въ продолженіи среднихъ вѣковъ и въ новое время; во *вторыхъ*, за это говорятъ сношенія Византійской Имперіи съ Турками, именно—когда жители Согдіаны стали испытывать на сухомъ пути стѣсненія выгодной для нихъ торговли шелкомъ и приписывали это политикѣ Персовъ, то *турецкій* князь Согдіаны обратился за помощію къ великому Каану Дизабулу ¹⁾, и когда этотъ послѣдній ничего не могъ добиться отъ персидскаго государя мирнымъ путемъ, то первый заключилъ союзъ съ Юстиномъ II, константинопольскимъ императоромъ. Чтобъ переѣхать отъ двора Дизабула на берега Босфора, турецкій посланникъ долженъ былъ, для избѣжанія персидской территоріи, обогнуть сѣверные берега Каспійскаго моря и потомъ пройти самые скрытые горные проходы Кавказа,—а это обстоятельство достаточно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что этотъ могущественный турецкій князь имѣлъ свое мѣстопробываніе или въ Алтайскихъ горахъ, или же на берегахъ Окса. И Согдіанскій князь, котораго Греки называютъ *Маніахъ*, былъ, судя по этому названію, не Ира-

1) Дизабуль, какъ называютъ его византійскіе историографы, кажется греческимъ измѣненіемъ турецкаго слова дизавуль или дикзуль, что отъ турецкаго; корня *диз-мек* *тиз-мек*—приводить въ порядокъ, выставить, ставить въ рядъ, можно перевести словомъ распорядитель, разставляющій (напр. войско въ битвѣ), и также означаетъ достоинство, какъ и новое слово асаулъ—лейб-гвардеецъ въ Хивѣ отъ *ас-амак*—приводить въ порядокъ, изготавлять.

нецъ, а Туранецъ, потому что *маніахъ* — турецкое слово и значить князь, благородный, знатный, и въ нѣсколько измѣненной формѣ встрѣчается и теперь еще у Киргизовъ, которые своимъ князьямъ даютъ титулъ *Манана* ¹⁾. Въ *третьихъ*, въ первыхъ историческихъ источникахъ Трансоксаніи часто упоминается объ отдѣльныхъ *тарханахъ* (извѣстный турецкій санъ), управлявшихъ Самаркандомъ, Бейкендомъ и Вафкендомъ и которыхъ также по одиначкѣ долженъ былъ покорять арабскій завоеватель. — Но и послѣ всѣхъ этихъ соображеній и изысканій, наши познанія о Туркахъ въ до-могаммеданской центральной Азійи весьма незначительны. Если бы византійскіе христіане были на столько образованны и любознательны, какъ могаммеданскіе ученые въ первыхъ вѣкахъ геджеры, то путешествіе византійскаго посланника Земарха, посѣтившаго дворъ Дизабула въ концѣ 6-го вѣка христіанскаго лѣтосчисленія, навѣрно послужило бы наукѣ въ пользу; но христіанское невѣжество и греческая гордость помѣшали этому, и так. об. дипломатъ Юстина II-го, вмѣсто эпизодовъ изъ своего маршрута и вмѣсто образчиковъ языковъ тѣхъ варваровъ, привезъ съ собою ничего неговорящее описаніе нравовъ и церемоній.

Что касается до древнѣйшихъ религіозныхъ отношеній центральной Азійи, то ученіе Зороастра, какъ сказано уже, заняло мѣсто національнаго культа у иранскаго народонаселенія. Уже одна близость Белха дѣлаетъ это яснымъ, и если мы примемъ во вниманіе, съ какимъ упорствомъ это населеніе противилось исламу, проникшему сюда позже, то насъ нисколько не удивитъ утвержденіе, что ученіе Зороастра изъ Трансоксаніи было перенесено на востокъ до турецкихъ

1) См. Observations sur les Kirghis par M. Radloff. Journal Asiatique, Extrait № 9 (1863) стр. 14, гдѣ совершенно ясно сказано: „Leurs Manars jouissent de la herédité comme les sultans des Khazaks“. Если не ошибаюсь, я слышалъ титулъ Манана также и у Каракалпаковъ.

номадовъ Тянь-Шяня ¹⁾ и на западъ до береговъ Аральскаго озера. И однакожь парсизмъ даже въ Трансоксаніи, и еще-задолго до начала исторіи, получилъ опасную рану отъ буддизма—обстоятельство, на которое, впрочемъ, совершенно ясно указывается въ циклѣ мифовъ Шахнаме (книга царей). Ученый изслѣдователь древности ²⁾ пишетъ относительно этого слѣдующее въ своемъ толкованіи той книги: „съ этихъ поръ, именно послѣ смерти Кейхозру, громко заявляется, что Туранцы—идолопоклонники, ихъ король называется Пегу Незадъ, т. е. родомъ изъ Пегу (Тибета) и пишетъ персскими письменами, чѣмъ, безъ сомнѣнія, доказывается его буддистское происхожденіе“. Весьма вѣроятно, что борьба между буддизмомъ и парсизмомъ въ Трансоксаніи была религиозною и вмѣстѣ племенною борьбою и именно между Туранцами, которые принесли сюда изъ Тибета буддистскій культъ, и между Иранцами, защищавшими съ легкимъ понимаемымъ упорствомъ національную вѣру своей страны. Намъ неизвѣстно, съ какого времени древній иранскій городъ Джему-кетъ получилъ туранское имя Бохара (потому что Бухарь ³⁾ и теперь по монгольски называется буддистскій храмъ, монастырь); но изъ того вліянія, какое оказывалъ Китай уже до христіанскаго времени, напр. при династии Гань (163 до Р. Х. до 196 по Р. Х.), на Турокъ, жившихъ на сѣверѣ отъ пустыни Гоби и до Каспійскаго моря, можно вывести заключеніе, что ученіе Будды уже въ пер-

1) Фр. Шпигель въ статьѣ своей, помѣщенной въ газетѣ „Ausland“ подъ названіемъ: „Das ostliche Turkestan“, утверждаетъ, что еще въ 7 вѣкѣ по Р. Х. турецкія племена на сѣверѣ Тянь-шяня были огнепоклонниками.

2) Профессоръ докт. Фр. Шпигель въ своихъ *Eranische Alterthumskunde* стр. 663.

3) У могомеданскихъ писателей приводится подобная этимологія, съ присовокупленіемъ, что бухарь на языкѣ идолопоклонниковъ называется *меджа-д-жиль*, т. е. сборный пунктъ знанія, слѣдоват. коллегія или училище. Турки и теперь выговариваютъ это слово совершенно правильно Бухара, а Персы говорятъ Бохара.

ныхъ вѣвахъ по Р. Х. имѣло послѣдователей на берегахъ Зерешана. Съ этимъ вмѣстѣ можно связать и упомянутое уже извѣстіе Наршахи объ императорской дочери изъ Китая, которая принесла въ приданое кумировъ и поставила ихъ въ Раметинѣ; далѣе — рассказъ буддійскихъ путешественниковъ Фа-Гіана и Гуэн-Цанга о цвѣтущемъ состояніи культа Будды въ восточномъ Туркестанѣ въ 5-мъ столѣтіи нашего времясчисления, а это обстоятельство не могло не имѣть вліянія и на земли Окса. Наконецъ, можно прослѣдить буддизмъ въ Трансоксаніи даже до арабскаго завоеванія, потому что когда Арабы взяли Бейкендъ и разорали его, то между многими *идолами* обратилъ на себя особенное вниманіе большой золотой, имѣвшій вмѣсто глазъ двѣ драгоцѣнныя жемчужины, которыя были отосланы, какъ даръ, къ Гадждаджу. И даже долгое время по введеніи ислама буддизмъ жилъ въ памяти средне-азіатцевъ. Наршахи рассказываетъ о двухъ большихъ рынкахъ куколъ или картинъ, открываемыхъ ежегодно въ Бохарѣ, при чемъ на одномъ только изъ нихъ продавалось дѣтскихъ игрушекъ на 50,000 диремъ. *Это происходитъ, говоритъ арабскій писатель, отъ древняго обычая, когда Бохарцы были еще идолопоклонниками и въ эти дни закупали себя идоловъ.*

Налъ очередь религіознаго состоянія средней Азіи въ до-могаммеданскій періодъ будетъ еще не полнѣе, чѣмъ онъ есть, если мы не упомянемъ о Несторіанскомъ христіанствѣ, которое *очень рано* распространилось далеко внутрь Азіи и достигло береговъ Окса и Яксарта. По справедливому замѣчанію ¹⁾ англійскаго ученаго, полк. Г. Юля, въ его превосходномъ трудѣ: „Cathay and the way thither“, нельзя давать безусловной вѣры легендѣ о распространеніи апостольской дѣятельности св. Фомы даже до Китая, также какъ и

¹⁾ См. выше приведенное твореніе стр. LXXXVIII и слѣдующ.

извѣстію о введеніи христіанства между Персами, Мидянами и Китайцами уже въ третьемъ вѣкѣ. Но что это дѣйствительно было въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, доказывается историческимъ фактомъ преслѣдованія христіанства при Шапорѣ и существованіемъ архіепископіи въ 334 году въ Тусѣ и Мервѣ, который въ 420 г. былъ возведенъ на степень мѣсто-пробыванія митрополита. Несторіанскіе сепаратисты, изгнанные изъ Византійской имперіи ожесточенною ненавистью сектъ, принуждены были очень рано перенести поприще своей лихорадочной дѣятельности на далекій востокъ. Ихъ дикая ярость противъ Византіи пріобрѣла имъ на время располженіе Сасанидовъ; поэтому и дѣйствія ихъ, до появленія ислама, были успѣшны, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ столкновеніе буддизма съ парсизмомъ заранѣе приготовило почву для религиозныхъ спекуляцій; — такой случай, естественно, представился всего болѣе въ средней Азіи. Христіанство въ Трансоксаніи имѣло свой центръ въ Самаркандѣ, гдѣ, по свидѣтельству Сиріанъ, епископія существовала въ 411—415, а по мнѣнію Юля, въ 503—520 годахъ. И Косма также говоритъ о христіанахъ на берегахъ Окса, въ срединѣ шестаго столѣтія; а что Арабы нашли ихъ даже въ Бохарѣ, видно изъ словъ Наршахи о *Кешкушанахъ*, о которыхъ разсказывается, что они не были ни Арабы, ни туземцы, ни мусульмане, ни огнепоклонники, но *происходили изъ запада*, жили торговлею по преимуществу и пользовались въ Бохарѣ всеобщимъ уваженіемъ. Когда, по приказанію Кутейбе, Бохарцы уступили Арабамъ половину своихъ домовъ, то Кешкушане должны были *совсѣмъ* отдать завоевателямъ свои жилища, поэтому поселились за городомъ и имѣли тамъ прекрасные сады и кіоски, въ послѣдствіи (именно по изгнаніи ихъ) проданные за дорогую цѣну. Изъ предыдущаго легко объяснить, почему эти Кешкушане (по значенію слова — странники) не могли долго держаться въ городахъ Трансоксаніи, гдѣ послѣ араб-

скаго завоеванія все болѣе и болѣе усиливалась строгость ислама. Въ третьемъ вѣкѣ гиджры значительная христіанская община удержалась только въ гористыхъ окрестностяхъ Самарканда, въ мѣстности по имени Зердегирдъ ¹⁾. На востокѣ же Туркестана они долго жили спокойно и при буддисто—монгольскихъ владѣтеляхъ даже торжествовали надъ своими мусульманскими притѣснителями ²⁾, однакожь въ концѣ 13-го столѣтія уже мало встрѣчается христіанъ въ средней Азіи.

Послѣ предшествовавшихъ попытокъ приподнять густую завѣсу, скрывающую отъ нашего взора народную и общественную жизнь Трансоксаніи въ до-могаммеданскій періодъ, никому, конечно, не покажется страннымъ, что мы почти что ничего не можемъ сообщить о политическихъ отношеніяхъ изъ того періода. Даже изъ послѣднихъ его вѣковъ, когда внутренность Азіи нѣсколько приблизилась къ западу Старога Свѣта, благодаря дипломатическимъ сношеніямъ и войнамъ Сасанидовъ съ восточною Римскою Имперію — даже и изъ того времени не слышно о землѣ по ту сторону Окса ничего такого, что могло бы послужить исходною точкою для историческаго изслѣдованія. Правда, мы читаемъ, что при Беграмѣ V или Фаранесѣ, какъ его называютъ византійцы, турецкій ханъ или хаканъ изъ Тран-

¹⁾ См. географическую рукопись Белки въ императорской придворной библіотекѣ въ Вѣнѣ, листъ 145.

²⁾ Могаммеданскіе историографы отвергаютъ это, но мы читаемъ объ этомъ у полков. Г. Юля въ его Travels of Marco Polo. Лондонъ 1870 г. т. 1 стр. 172, слѣдующее: „Prince Sempad High Constable of Armenia in a letter written from Samarkand in 1246 or 1247 mentions etc. I tell you, that we have found many Christians scattered all over the East, and many fine churches lofty ancient and of good architecture which have been spoilt by the Turks. Hence the Christians of these country come to the presence of the reigning Kaans grandfather (i. e. Chingiz), he received them most honourably, and granted them liberty of worship, and issued orders to prevent their having any just cause of complaint by word or deed. And so the Saracens who used to treat them with contempt have now the like treatment in double measure“.

соксаніи вторгся въ Иранъ съ огромнымъ войскомъ въ 150,000 человекъ, опустошилъ Хоразанъ, но былъ отброшенъ съ большими потерями за Оксъ персидскимъ царемъ. Не менѣе шаткаго свойства и рассказъ о битвахъ между Фирузомъ, Перозесомъ Грековъ, и турецкимъ княземъ, которому персидскіе историографы даютъ чисто иранское имя Хошнуваць, т. е. добродушнаго, но это прозваніе скорѣе относится къ благородной человѣческой натурѣ этого татарина, чѣмъ къ его собственному имени. Въ самомъ дѣлѣ, Фирузъ, которому онъ помогъ взойти на престолъ Персіи, отблагодарилъ его за это вторженіемъ въ Трансоксанію и, хотя потерпѣлъ поражение, но Хошнуваць былъ на столько великодушенъ, что простилъ ему его черную неблагодарность и, во избѣжаніе новыхъ войнъ, заключилъ съ нимъ миръ. Однакожь Сасанидъ этимъ не довольствуется, второй разъ нападаетъ, но въ проигранной битвѣ теряетъ всю свою армію и жизнь свою. И персидскія лѣтописи вовсе не говорятъ, кто былъ этотъ Хошнуваць — дѣйствительно-ли хаканъ всѣхъ турецкихъ племенъ средней Азіи, или только князь одной какой нибудь области Трансоксаніи. Только отъ Наршахи и Табари мы слышимъ объ отдѣльныхъ тарханахъ, ¹⁾ управлявшихъ Бейкендомъ, Раметиномъ, Варданци, Самаркандомъ и Ферганю во время арабскаго нашествія; но опять мы остаемся въ туманѣ на счетъ того, находились-ли они во взаимной независимости, или же подъ верховною властью хакана, потому что древнее и правильное опредѣленіе этого титула безспорно предполагаетъ существованіе подобнаго „верховнаго князя“. Во всякомъ случаѣ первое кажется болѣе вѣрнымъ, потому что, когда тар-

1) Тарханъ—старое турецкое слово и означаетъ тѣхъ людей, которые освобождены отъ податей или налоговъ. Въ древнѣйшихъ турецкихъ рукописяхъ словомъ тарку называется охранное письмо, дворянская грамота, а по монгольски (Кавалевскій, стр. 1768, а) тарка лагу значить давать кому нибудь привилегію.

ханъ Самаркандскій воевалъ съ Кутейбомъ, то долженъ былъ привлечь къ себѣ на помощь союзныхъ соплеменниковъ изъ Туркестана, да и одиночная защита горсти арабскихъ искателей приключеній, при всемъ религіозномъ ея воодушевленіи, навѣрно значительно затруднила бы борьбу съ воинственными Туранцами.

Но какъ бы то ни было, отдѣльно или сообща, независимо или подвластно, — вѣрно то, что Турки въ 6 и 7 столѣтіяхъ по Р. Х. захватили въ свои руки власть во многихъ мѣстахъ Трансоксаніи. Приливъ новыхъ переселенцевъ изъ большой степи на сѣверѣ скоро до такой степени наводнилъ Трансоксанію Турками, что они уже тогда могли-бы, совершенно покоривъ иранскихъ первобытныхъ обитателей, сдѣлаться исключительными владѣтелями всей страны, если бы Могаммедъ въ это самое время не произвелъ на югозападной азіатской степи того переворота, который далъ новый видъ болѣе, чѣмъ половинѣ Азіи.

II.

Нападенія Арабовъ и обращеніе въ исламъ.

46 (666) — 96 (714).

Едва только были воздвигнуты столпы исполнискаго зданія ислама въ западной Азіи, какъ побѣдоносные отряды арабскихъ искателей приключеній вторгнулись въ Трансоксанію по слѣдамъ великаго Македонянина. Зіадъ-бинъ-Эбу Суфіанъ въ 46 (666) году послалъ храбраго генерала Ребинъ-уль-Гарита изъ Ирака въ Хоразанъ. Пользуясь замѣшательствомъ вслѣдствіе паденія послѣдняго Сасанида, арабскій генералъ вездѣ и все сокрушалъ на своемъ пути въ восточномъ Иранѣ и дошелъ съ своимъ побѣдоноснымъ знаменемъ до Белха. Этотъ городъ считался однимъ изъ южныхъ воротъ Трансоксаніи, потому и не диво, что молва о богатой Согдіанѣ подстрекнула къ нападенію на нее Арабовъ, жадныхъ къ добычѣ. И безъ всякаго систематическаго плана завоеванія они уже въ этотъ первый разъ дошли до береговъ Яксарта; а какъ богата была ихъ добыча и какъ приманчивъ былъ успѣхъ, лучше всего можно видѣть изъ того обстоятельства, что, спустя только четыре года по смерти Зіада, скончавшагося въ 50 (670) году, сынъ его Обейдуллахъ былъ посланъ Моавіею опять противъ Бохары. Этотъ второй походъ имѣлъ уже болѣе серьезный характеръ. Обейдуллахъ-бинъ-Зіадъ сперва напалъ на богатую residen-

цію и вмѣстѣ торговый городъ Бейкендъ и послѣ продолжительной осады овладѣлъ имъ; потомъ съ огромною добычей и болѣе, чѣмъ съ 4000 плѣнныхъ двинулся на Бохару. Это было въ концѣ 53 (672) года. Королева Хатунъ, о которой мы уже говорили, призвала на помощь своихъ турецкихъ сосѣдей, и когда Арабы, выставивъ свои метательныя машины, совершенно осадили городъ, то подошедшіе союзники напали на Обейдуллаха бинъ Зиада съ тыла, и хотя послѣдній защищался храбро и даже, какъ говорятъ, нанесъ невѣрующимъ поражение, но все таки долженъ былъ снять осаду Бохары и возвратиться въ Мервь. ¹⁾ Мусульмане завладѣли сокровищами, оружіемъ, одеждами, золотыми и серебряными вещами, между которыми въ высшей степени возбудили удивленіе простыхъ обитателей пустыни сапоги королевы, осыпанные драгоценными камнями и стоившіе 20,000 диремъ. На возвратномъ пути они изъ мести опустошили по дорогѣ всѣ мѣста, даже срубали деревья. Арабскій историографъ говоритъ, что королева Хатунъ, чтобъ спасти свою страну отъ опасности, заключила съ Обейдуллахомъ миръ съ обязательствомъ ежегодно платить ему по милліону диремъ; однакожъ мы видимъ, что еще до истеченія трехъ лѣтъ Арабы, подъ предводительствомъ *Саида-бинъ-Османа*, опять открыли свои враждебныя дѣйствія противъ Хатуны. Напрасно королева, ссылаясь на договоръ съ Обейдуллахомъ, старалась умиротворить подарками полководца клятвoprеступныхъ Арабовъ. Саидъ не признавалъ трактатовъ своего предшественника, отослалъ подарки назадъ и безпрепятственно дошелъ до Бохары. Ослабленная продолжительными войнами, еще болѣе непокорностью своихъ собственныхъ подданныхъ, княгиня не могла этотъ разъ принять битвы и заключила миръ; но Саидъ, для обезпеченія себя на время отсутствія, потребовалъ залож-

¹⁾ По Табари, Обейдуллахъ дошелъ до Ташкента.

никовъ, — и Хатунъ выдала ему 80 самыхъ мятежныхъ вельможъ и тѣмъ избавилась отъ наиболѣе опасныхъ внутреннихъ враговъ своихъ. По заключеніи мира, гордый Арабъ требовалъ, чтобъ княгиня лично явилась къ нему въ лагерь. Хатунъ ¹⁾, женщина необыкновенной красоты, представилась въ великолѣпномъ нарядѣ и произвела на суроваго воителя такое глубокое впечатлѣніе, что его сердце вдругъ запылало дикою страстью, а это повело къ связи, которая была прославлена въ пѣсняхъ, сохранившихся въ устахъ бохарскаго народа въ продолженіи многихъ вѣковъ ²⁾.

Прочно утвердившись въ Бохарѣ, Саидъ напалъ на Согдіану, лежавшую на востокѣ, именно на города Согдъ и Самаркандъ. Послѣдній не имѣлъ тогда своего собственнаго государя, а управлялся турецкимъ тарханомъ изъ Согда; Арабы напали на него и наконецъ таки побѣдили. Когда Саидъ, на возвратномъ пути въ Хоразанъ, прибылъ въ Бохару, то Бохарцы потребовали отъ него взятыхъ имъ заложниковъ. Саидъ обѣщаль это сдѣлать по ту сторону Окса; тамъ онъ отложилъ выдачу до своего прибытія въ Мервъ, потомъ Нишабуръ назначенъ былъ мѣстомъ освобожденія заложниковъ, послѣ Нишабура Куфа, и такъ Саидъ все откладывалъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ знатные Трансоксанцы были перевезены съ прелестныхъ береговъ Зервшана въ

1) На счетъ королевы Хатунъ арабская или вѣрнѣе могоammedанская молва рассказываетъ, будто она, еще при жизни своего супруга, имѣла непопулярную связь съ однимъ изъ его слугъ, и плодомъ этой связи былъ Туршаде. По смерти ея супруга, нѣкоторые хотѣли было возвести на престолъ главнокомандующаго, но Хатунъ навязала имъ своего незаконнаго сына и этимъ вызвала восстаніе.

2) По случаю перваго свиданія Хатунъ съ Саидомъ, Наршахи приводятъ слѣдующій достопримѣчательный анекдотъ: чтобъ застрашать бохарскую государыню было приказано какому то Абидуллаху-бинъ-Гасиму стать у костра, горѣвшаго по-среди палатки; этотъ огромный мужчина имѣлъ необыкновенно рыжіе волосы и красные глаза, — пламя дѣлало еще болѣе яркимъ этотъ цвѣтъ, до того времени вовсе неизвѣстный въ древнеиранской Бохарѣ... и королева, при взглядѣ на него, до того испугалась, что опрометью пустилась бѣжать, такъ что съ большимъ трудомъ могли привести ее назадъ.

палимыя солнцемъ пустыни Аравіи, чтобъ служить трофеями возвратившемуся воителю. Въ Мединѣ Саидъ велѣлъ снять съ нихъ ихъ мечи, пояса, усыпанные драгоценными каменьями, всѣ украшенія и даже платье и обратилъ въ рабовъ этихъ гордыхъ княжескихъ сыновей. Но это до того возмутило ихъ, что они всѣ рѣшились лучше умереть, чѣмъ жить въ рабствѣ. Движимые чувствомъ мести, они напали на Саида въ его дворцѣ, умертвили его, а потомъ и себя самихъ. Это случилось при калифѣ Езидѣ-бинѣ-Мервансѣ.

Еще не успѣли возвратившіеся Арабы разсказать о всѣхъ чудесахъ далекой и богатой Согдіаны, какъ Бохара снова возстала противъ арабскаго владычества, и *Муслимъ-бинъ-Зиадъ* ¹⁾, занявшій мѣсто Саида въ Хоразанѣ въ качествѣ намѣстника, былъ принужденъ двинуться съ арміею на берега Окса. Опять королева призвала на помощь сосѣдей, и изъ сѣвернаго Туркестана пришли къ ней 120,000 Турокъ; но эта многочисленность не устрашила Арабовъ, увѣренныхъ въ своемъ военномъ счастьи: они осадили Бохару и медлили нападеніемъ только потому, что желали напередъ узнать, хотя отчасти, расположеніе и число прибывшихъ непріятелей. Муслимъ-бинъ-Зиадъ поручаетъ Могалабу, офицеру изъ своей свиты, сдѣлать рекогносцировку; тотъ находитъ, что на такое дѣло можно послать другое лицо, не такъ высоко поставленное, какъ онъ; но послѣ вторичнаго приказанія Муслима соглашается, выбираетъ по одному воину изъ каждаго полка ²⁾ и тайно ночью отправляется въ путь. На слѣдующее утро Муслимъ объявляетъ войскамъ о порученіи Могалаба; тогда Арабы начинаютъ роптать и говорить: „ты послалъ впередъ эмира Могалаба для того, чтобъ онъ вырвалъ у насъ изъ рукъ лучшую до-

1) Табари въ печатномъ турецкомъ переводѣ называетъ его *فارس*, но, кажется, названіе Наршахи, которое мы употребили, вѣрнѣе.

2) Персидскій текстъ говоритъ *فارس*, знами.

бычу; а если бы дѣло шло о сраженіи, то, навѣрно, мы были бы первые“. И многіе, подстрекаемые самымъ грязнымъ корыстолюбіемъ, послѣдствовали за Могаллабомъ и догнали его, но онъ, увидавъ ихъ, закричалъ имъ: „вы дурно поступили; мы пришли сюда тайно, а вы открыли насъ врагу, и теперь можетъ худо кончиться дѣло“. Впрочемъ, Могаллабъ не потерялъ присутствія духа, пересчиталъ бывшихъ съ нимъ Арабовъ, всего 900 человекъ, и только что построилъ ихъ къ битвѣ, какъ раздались трубные звуки въ неприятельскомъ лагерѣ,—и Турки въ первой схваткѣ убили 400 мусульманъ, прочіе же обратились въ бѣгство. Могаллабъ съ горстью своихъ спутниковъ былъ окруженъ неприятелемъ и въ этой крайней опасности закричалъ о помощи такъ громко, что его громовый голосъ, какъ говоритъ Наршахи, былъ услышанъ въ арабскомъ лагерѣ, отстоявшемъ на половину ферзаха, — и тотчасъ прискакалъ къ нему на помощь отрядъ подъ начальствомъ Абдуллаха-бинъ-Джудана ¹⁾. При видѣ своихъ Могаллабъ и его спутники собрали послѣднія силы; тѣмъ временемъ и все арабское войско вступило въ бой, Турки были разбиты, и добыча, попавшая въ руки могомеданамъ была такъ огромна, что на долю каждому воину досталось 10,000 димаръ (около 800 флориновъ). При такихъ обстоятельствахъ королевъ Хатунъ, разумѣется, не оставалось ничего другаго, какъ покориться побѣдителямъ. Она заключила миръ. Арабы возвратились въ Мервъ не для того впрочемъ, чтобы оставить въ покоѣ разоренную Трансоксанію, но чтобы, послѣ четырехъ кратныхъ нападеній, снова явиться подъ предводитель-

¹⁾ Какъ рассказываетъ Наршахи, Абдулахъ-бинъ-Зіадъ требовалъ себѣ объѣдъ въ то самое время, когда крикъ Могаллаба о помощи приводилъ всѣхъ въ ужасъ; на что Абдулахъ Джуданъ такъ ему отвѣтилъ: „пусть Богъ тебя насытитъ; ты, кажется, вовсе не знаешь, что такое военная опасность“. Довольно характеристическое увѣщаніе со стороны подчиненнаго офицера своему главному начальнику.

ствомъ такого полководца, которому предстояло своею осмотрительностью, рѣшимостью и настойчивостью погасить послѣднюю искру древней персидской цивилизаціи въ когда-то бывшей ея колыбели и разсадить ученіе арабскаго пророка даже до отдаленныхъ долинъ Тянь-Шяня.

Такой полководецъ явился въ лицѣ Кутейбе-бинъ-Муслима, которому Гадджаджъ въ 86 (705) году поручилъ завоеваніе Трансоксаніи. Такъ какъ теперь дѣло шло не о хищническомъ набѣгѣ, или пустыхъ хотя и отважныхъ походовъ, но объ окончательномъ покореніи страны и обращеніи ея въ исламъ, то для Кутейбе было весьма важно овладѣть прежде всего южнымъ городомъ Белхомъ. Проповѣдью и чтеніемъ корана подготовивъ свою армію, собранную въ Мервѣ, Кутейбе съ каедрой перешелъ на своего боеваго коня и двинулся въ походъ, но не успѣлъ еще дойти до древней Бактріи, какъ жители Белха вышли къ нему на встрѣчу и съ почетомъ ввели его въ свой городъ. Онъ утвердилъ въ немъ власть калифа, сдѣлалъ обходное движеніе черезъ Оксъ и возвратился въ Мервъ чрезъ нынѣшній Чихарджуи ¹⁾. Отсюда началъ Кутейбе свой походъ противъ Трансоксаніи въ 87 (705) году. Сначала онъ двинулся противъ Бейкенда, но, дойдя до окраинъ степи, нашелъ тамъ непріятельскія силы, значительно превосходившія его войско своею численностью, и былъ такъ тѣсно ими окруженъ, что нѣсколько мѣсяцевъ отъ него не было никакихъ извѣстій, и Гадджаджъ назначилъ всенародное моленіе о благосостояніи воюющихъ за вѣру и подвергшихся опасности. И все же Кутейбе сумѣлъ избѣжать катастрофы. Ни численное превосходство непріятелей, ни хитрость Бохарцевъ, желавшихъ принудить его къ отступленію ложнымъ извѣстіемъ о смерти Гадджаджа, не могли сломить его

1) По Табару, Кутейбе на возвратномъ пути въ Мервъ завоевалъ Кумсекъ и Верамише, но потомъ былъ весьма обезсиленъ соединенными турецкими войсками Согды и Ферганы.

железной рѣшимости ¹⁾). Онъ вступаетъ въ бой и разбиваетъ Турокъ въ однодневномъ сраженіи; одна часть ихъ обращается въ бѣгство, другая же укрывается въ сильно укрѣпленный Бейкендъ. Тотчасъ начинается осада, стоившая Арабамъ большихъ и неожиданныхъ жертвъ. Пятнадцать дней были напрасны все усилія могоммедавъ; наконецъ пробита брешь въ стѣнѣ, и Кутейбе обѣщаетъ большую награду тому, кто первый ворвется въ крѣпость, а въ случаѣ смерти дѣтямъ падшаго героя. Обѣщаніе подѣйствовало, и крѣпость была взята Арабами; но только что Кутейбе удалился изъ Бейкенда, какъ получаетъ на дорогѣ извѣстіе, что Бейкендцы взбунтовались и умертвили Варку-бинъ-Насръ эль-Вагили, оставленнаго тамъ губернаторомъ, и многихъ изъ его воиновъ. Правда, Арабы сами навлекли на свою голову эту бѣду тѣмъ, что Варка похитилъ двухъ красивыхъ дочерей Бейкендца, который, въ отпущеніе за позоръ своей семьи, пронзилъ его мечомъ; — но гнѣвъ Кутейбе не зналъ границъ. Поспѣшно возвратившись, онъ велѣлъ грабить и опустошать городъ, убивать всѣхъ способныхъ носить оружіе, даже одноглазому начальнику Турокъ не дозволено спасти жизнь выкупомъ, а всѣхъ женъ и дѣтей взять въ плѣнъ. Рассказываютъ, что настоящіе Бейкендцы, большею частью богатые купцы, торговавшіе съ Китаемъ и всѣмъ свѣтомъ, не были здѣсь во время войны, что потомъ они возвратились и выкупили изъ неволи своихъ женъ и дѣтей, что городъ мало-по-малу застроился и что Бейкендъ былъ единственнымъ мѣстомъ, скоро опять возраждавшимся изъ развалинъ, которыми покрывали страну арабскія вторженія. Паденіе Бейкенда было для Арабовъ тѣмъ важнѣе, что этотъ городъ считался юго-западными воротами Трансоксаніи; послѣ Согда и Раметина, онъ былъ самый цвѣтущій

¹⁾ Это былъ собственный шпионъ Кутейбе, по имени Тендеръ, родомъ Персъ, котораго Бейкендцы склонили къ хитрости. Онъ принесъ Кутейбе ложное извѣстіе, но тотчасъ былъ умерщвленъ по его приказанію.

городъ; поэтому несмѣтна была добыча, попавшая въ руки побѣдителей. Напр. въ одномъ капищѣ были идолы изъ чистаго массивнаго золота, вѣсомъ въ 40,000 драхмъ, и у одного изъ нихъ вмѣсто глазъ служили двѣ жемчужины величиною съ голубиное яйцо ¹⁾). Кутейбе послалъ ихъ вмѣстѣ съ значительною частью добычи Гадджаджу, который въ благодарственномъ письмѣ выразилъ и свое удивленіе.

Можно себѣ представить, съ какою жадностью корыстолюбивые номады арабской пустыни набросились на сокровища, скопленные побѣжденными! Первое, что каждому хотѣлось достать, было оружіе, прочною и красвою выдѣлкой котораго издавна славилась эта часть Азіи, и хотя тотчасъ были раздѣлены между солдатами значительные запасы его въ Бейкендѣ, но отъ большаго спроса оно такъ поднялось въ цѣнѣ, что копье стоило 70 драхмъ, панцырь 200, а щитъ еще дороже. Поэтому, если и не было недостатка въ войнахъ, такъ какъ племена Бени Темимъ, Бекри и Абдуль Кансъ, игравшія главную роль въ войнѣ съ Трансоксаніею, одни имѣли 21,000 человекъ ²⁾); то съ другой стороны арабское войско, навѣрно, не могло похвалиться изобиліемъ оружія. Быть можетъ, это обстоятельство много способствовало тому, что завоеванія Кутейбе шли такъ медленно даже и послѣ покоренія южной окраины туркестанскихъ степныхъ областей. Впрочемъ, съ Бохарой самъ Кутейбе еще не хотѣлъ вступать ни въ какія враждебныя отношенія. Его стратегическій расчетъ былъ — отрѣзать этотъ городъ, не особенно богатый

1) На вопросъ, откуда были принесены эти драгоценныя жемчужины, Бейкендцы отвѣчали: двѣ птицы принесли ихъ сюда изъ чужихъ странъ.

2) По свидѣтельству Табары, при Кутейбе были слѣдующія военныя силы Арабовъ въ Хоразанѣ: племя Бени Али съ 9,000 человекъ, Бекри подъ предводительствомъ Гасима Эльмунизра съ 7,000, Бени Темимъ съ 10,000, Абдуль Кансъ подъ начальствомъ Абдуллаха бинъ Джудана съ 4,000 человекъ; кромѣ всѣхъ этихъ войскъ еще Куфейцы въ числѣ 7,000 и вѣтвь племена Абдуль Кансъ съ 4,000 человекъ; слѣдовательно, всего 41,000 воиновъ.

средствами обороны, отъ вспомогательныхъ турецкихъ войскъ на сѣверѣ и востокѣ; поэтому слѣдовало прежде покорить мелкихъ независимыхъ князей Вардана (теперь Варданци), Раметина и Согда, чтобъ потомъ съ большимъ успѣхомъ выступить противъ Бохары. Дѣйствовать по такому плану ему также было указано и Гадждажемъ. Въ 89 (707) году Кутейбе покорилъ Кешъ (Шегри-Зебсь) и Нахшебъ (Карши); въ 90 (708) г. онъ хотѣлъ двинуться противъ Вардана, но наткнулся на неожиданное препятствіе при исполненіи этого желанія, — турецкіе князья его предупредили, именно: они заключили между собою союзъ и соединенными силами своими остановили его на пути. Въ этотъ разъ вокругъ Бохары сгруппировались всѣ князья Трансоксаніи и Согдіаны, къ нимъ примкнули даже владѣтель Ферганы и какой то Курмоганъ ¹⁾ съ далекаго востока, племянникъ китайскаго императора. Кажется, что, сознавая общую опасность, они рѣшились соединенными усиліями отбросить вторгнувшихъ Арабовъ; и дѣйствительно, Кутейбе, въ то время достигшій Вардана ²⁾, былъ поставленъ ими въ крайне стѣсненное положеніе, какъ это всего лучше можно видѣть изъ описанія Табари. Этотъ писатель рассказываетъ, что Арабы, со всѣхъ сторонъ окруженные, уже видѣли предъ своими глазами опасность совершеннаго пораженія, и ихъ жены подняли страшные вопли и царапали себѣ лица. Но возбужденія Кутейбе, его воодушевленныя воззванія поддержали падавшій духъ Арабовъ. „Впередъ, дѣти мои; вы должны опрокинуть этихъ Турокъ!“ такъ онъ кричалъ разнымъ племенамъ. Назовъ его откликнулось прежде всѣхъ племя Темимъ: воинственный его начальникъ, по имени Кезимъ, по приказанію

1) Табари называетъ его Куриганунъ, но, кажется, оба эти названія ошибочны, потому что между предполагаемыми родственниками Китайскаго императора слѣдуетъ разумѣть какого нибудь Монгола или Югура, котораго имя не можетъ звучать такъ странно.

2) Наршахи называетъ это мѣсто Варданъ или Вардунъ, а Табари — Варданджать, теперь же это Варданцъ.

главы племени ¹⁾, Веки-бинъ-Эбуль-Эсвада, первый бросился въ бой. Хотя сомнительна одержанная здѣсь, по словамъ Табари, блистательная побѣда Арабовъ; вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что Арабы успѣли прорвать цѣпь Турокъ, отъ опасности же могли спастись только дипломатическою хитростью, именно—убѣдившись въ совершенной невозможности возобновить битву, Кутейбе задумалъ разстроить согласіе союзниковъ, и его замыселъ скоро удался, потому что продолжительное согласіе никогда не было отличительной чертой турецкаго національнаго характера. Въ то время владѣтель ²⁾ Согда выступилъ въ походъ съ войскомъ, самымъ значительнымъ между союзными отрядами,—его то прежде всего и слѣдовало остановить и отдѣлить отъ прочихъ. Набатеининъ, по имени Гоанъ (?), которому Кутейбе довѣрилъ дипломатическую хитрость, сдѣлалъ, во время одной битвы, конфиденціальное сообщеніе этому турецкому князю, будто его союзники задумали лишить его престола и, для исполненія этого тайнаго плана, ждутъ только удаленія Кутейбе. „Мы можемъ остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока продолжится теплое время года“, прибавилъ лукавый Арабъ, „съ наступленіемъ же зимы должны возвратиться въ южный край; а ты не забудь, что твоихъ союзниковъ, пришедшихъ съ сѣвера, не такъ легко будетъ оторвать отъ прелестей очаровательной Согдианы. Заключи же лучше съ нами миръ, а своимъ союзникамъ можешь сказать, что ты это сдѣлалъ изъ боязни приближающихся подкрѣпленій, которыя шлетъ намъ Гадджаджъ чрезъ Кешъ и Нахшебъ. Этого довольно

¹⁾ Изъ относящагося сюда мѣста въ сочиненіи Табари видно, что арабскіе номады имѣли въ каждомъ племени по два начальника: одинъ, собственно шейхъ или Рейсъ, а другой — предводитель войска. Первымъ здѣсь былъ Веки-бинъ-Эбуль-Эсвадъ.

²⁾ Терхунъ, какъ обыкновенно называютъ его Наршахи и Табари, думая, что это собственное имя. Терхунъ, тарханъ (по венгерски Тарганъ)—название сава у турванскихъ народовъ. См. выше прим. 1), стр. 19

для оправданія твоего поступка, что же касается до насъ, то ты можешь быть совершенно покоенъ“. Трудно рѣшить, что подѣйствовало на владѣтеля Согда — турецкое ли лукавство, или другая основательная причина; но довольно знать, что онъ поддался хитрости, тайно заключилъ съ Арабами миръ съ обѣщаніемъ платить имъ ежегодную дань въ два милліона диремъ и немедленно прекратилъ военныя дѣйствія; что заставило и прочихъ союзниковъ возвратиться во-свои. Такимъ образомъ Кутейбе избавился отъ опасности, въ которой пробылъ четыре мѣсяца.

Едва ли нужно упоминать, что за эту дипломатическую хитрость поплатился прежде всѣхъ тарханъ Самаркандскій. Не смотря на заключеніе мира, Кутейбе, подъ предлогомъ ускоренія дозволенной трактатомъ постройки мечетей, ввелъ въ городъ не каменьщиковъ, а 4000 вооруженныхъ Арабовъ; и когда тарханъ хотѣлъ отомстить за такую низкую измѣну, Арабы напали на него и умертвили его со всѣми его приверженцами ¹⁾. Самаркандъ былъ разграбленъ. Между плѣнными находилась дочь Ездеджирда, послѣдняго Сасанида, отосланная въ даръ калифу Велиду, а похищенные золотые идолы и разная утварь вѣсили болѣе 50,000 мискалей.

Наступила пора дать арабскому войску на нѣкоторое время отдыхъ вполнѣ ими заслуженный. Поэтому Кутейбе возвратился въ Мервъ и всю зиму тамъ отдыхалъ, потомъ, получивъ изъ Ирака и Хоразана значительныя подрѣбленія, двинулся, весною 91 (709) года, противъ Бохары, чтобъ этимъ послѣднимъ походомъ увѣичать и стремленія своихъ предшественниковъ, и свои собственныя битвы. Въ то время, по словамъ Наршахи, все еще правила королева Хатунъ въ столицѣ Зерефшанской, что едва ли вѣроятно

) По другому извѣстію такъ: унижительная ежегодная дань вызвала между его собственными подданными возмущеніе, — онъ былъ отставленъ, но не могъ пережить этого позора и самъ пронзилъ себя мечемъ.

при глубокой старости, какой она должна была тогда достигнуть, но все равно—она, или другой правитель нашли бесполезнымъ дальнѣйшее сопротивленіе. Бохара, уже три раза завоевываемая, три раза обращаема въ исламъ и каждый разъ въ тайнѣ возвращавшаяся къ своей старой національной религіи, теперь въ четвертый разъ отворила свои ворота для того, чтобъ, вмѣстѣ съ вступившими въ нее побѣдителями, снова принять то вѣроученіе, которое въ началѣ было встрѣчено сильнѣйшею неприязнью, потомъ-же приобрѣло себѣ самыхъ ревностныхъ послѣдователей,—и даже теперь, когда во всѣхъ частяхъ Азіи исламъ видимо клонится къ паденію, только здѣсь оно представляется еще въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какія облекли его первые калифы.

Но какъ велика и разнообразна была здѣсь борьба Кутейбе съ упорными приверженцами ученія Будды и Зороастра! Въ политическомъ преобразованіи этого края арабскій завоеватель, кажется, не встрѣтилъ большихъ затрудненій: по взятіи города, владѣтельный худатъ (князь) былъ утверждёнъ въ своемъ достоинствѣ, но къ нему былъ приставленъ назначенный калифомъ чиновникъ низшаго класса, который, впрочемъ, позже сдѣлался полновластнымъ правителемъ подъ именемъ эмира, а худатъ совсѣмъ остался въ тѣни; кромѣ этого, худатъ платилъ калифу ежегодную дань въ 200,000 диремъ, а 10,000 хоразанскому губернатору, и сверхъ всего этого еще выдавалась Арабамъ, здѣсь оставленнымъ, половина чистаго дохода отъ общественныхъ ваннъ. Но это все не представляло такого сильнаго политическаго пораженія, какое позже испытала уже могаммеданская Бохара отъ другихъ могаммеданскихъ же завоевателей. За то тѣмъ чувствительнѣе для гордыхъ Бохарцевъ былъ рядъ насильственныхъ ижрѣ, которыми имъ навязывалось ученіе арабскаго пророка. Такъ какъ замѣчено было, что многіе, принявшіе исламъ изъ страха завоеванія, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ собираются для служенія старому культу въ пота-

енныхъ мѣстахъ ¹⁾, или въ ночной тишинѣ; то и было приказано, чтобъ каждый Бохарецъ уступилъ половину своего дома Арабу, который собственно былъ шпиономъ внутри семьи, наблюдалъ за прозелитами, училъ ихъ обрядамъ ислама, а въ случаѣ сопротивленія доносилъ на нихъ по начальству. Усердіе къ новой вѣрѣ даже награждалось деньгами: кто являлся въ пятницу на молитву въ межджиди Кутейбе, построенную въ 94 (712) году, тотъ получалъ два дирема въ награду. Въ этой мечети и на открытомъ мѣстѣ для молитвы (мозалла), устроенномъ на Ригистанской площади, въ первое время производились употребительныя при молитвѣ тѣлодвиженія, колѣнопреклоненія и томъ. под. обыкновенно по командѣ имама, а чтобъ каждому были понятны священныя слова молитвы, коранъ былъ читанъ не по-арабски, а по-персидски ²⁾;—эта мѣра вызвала бы вездѣ въ нынѣшнихъ мусульманахъ сильнѣйшее негодованіе, потому что, по общепринятому воззрѣнію, считается величайшею дерзостью желаніе переводить на иностранныя языки это чудесное твореніе. Борьба приверженцевъ старой вѣры противъ навязываемаго имъ ученія Могаммеда была, по видимому, не только ожесточенная, но и продолжительная. Судя по скуднымъ извѣстіямъ изъ этого періода, могоммедане Бохары, въ продолженіи первыхъ десятилѣтій, могли ходить въ мечеть, или являться въ публичныхъ мѣстахъ только вооруженные, и хотя туземцамъ, и по принятіи ими ислама, недозволено было носить оружіе, тѣмъ не менѣе часто происходили жаркія схватки. Особенно упрямыми изображаются Бохарскіе патриціи: когда ихъ принуждали къ посѣщенію мечети, то они обыкновенно отвѣчали на это градомъ камней. Такое пове-

1) Въ Бохарѣ и до сихъ поръ существуетъ подземная мечеть, называемая Межджиди Моганъ (мечеть огнепоклонниковъ), какъ память объ этомъ тайномъ культѣ.

2) До сихъ поръ есть только въ Бомбѣе литографированный коранъ съ персидскимъ подстрочнымъ переводомъ, который отвергается западными могоммедами, а покупается неопытными туркестанцами.

деніе приводило Арабовъ въ сильное негодованіе, такъ что позже они напали на этихъ патриціевъ, разграбили и разрушили ихъ дворцы, и годный матеріаль этихъ зданій былъ употребленъ на сооруженіе мечетей, поэтому многіе изъ этихъ молитвенныхъ домовъ имѣли двери, по словамъ Наршахи, съ различными картинами и гравюрами идоловъ (?)—и, что еще удивительнѣе, подобныя двери просуществовали триста лѣтъ, къ великому соблазну сунитскаго ислама! Позже, когда увидѣли, что и эти насильственные мѣры не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ, отняли у туземцевъ весь городъ Бохару и раздѣлили его между Арабами: часть города между воротами продавцевъ пряностей ¹⁾ и крѣпостными досталась на долю племени Носсаири, другая—Еменцамъ, а прочимъ—загородная часть съ христіанскою церковью, обращенною, разумѣется, въ мечеть. Съ такою же строгостью поступлено и съ Самаркандомъ. И здѣсь все обыватели должны были выдать оружіе, и чужимъ, приходившимъ въ городъ, запечатывали, по словамъ Табари, на опредѣленное время руки; а кто ночью оставлялъ домъ свой безъ дозволенія, того наказывали смертию.

Что касается Кутейбе, то онъ вовсе не намѣренъ былъ выждать прочнаго утвержденія въ Бохарѣ новыхъ порядковъ и сталъ продолжать свой завоевательный походъ на востокъ: въ 93 (711) году онъ напалъ на Фергану, нынѣшнее Кокандское ханство, завоевалъ его и двинулся далѣе по старой дорогѣ чрезъ Терекскій проходъ противъ восточнаго Туркестана, который мы привыкли называть Китайскою Тартаріею. Здѣсь онъ встрѣтилъ отдѣльныхъ мѣлкихъ югурскихъ князей и легко ихъ побѣдилъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и призвали къ себѣ на помощь калмыцкія войска изъ сѣверной Дзонгаріи. Сказываютъ, будто Арабы распространили

¹⁾ Дер-и-Аттаранъ, какъ говорится въ оригинальномъ текстѣ, лежитъ, кажется, на юго-западѣ, такъ какъ и теперь еще въ этомъ направленіи, т. е. вблизи каракѣльскихъ воротъ, есть Магалле-и Аттаранъ (городская часть продавцевъ пряностей).

свои набѣги до провинціи Канзу. Хотя ученіе арабскаго пророка гораздо позже пустило прочныя корни. въ Кашгарѣ, Хотенѣ и Турфанѣ, такъ какъ христіанство и буддизмъ, спустя много вѣковъ, имѣли здѣсь рядомъ съ исламомъ своихъ послѣдователей, — все-таки это замѣчательный фактъ, и нынѣшніе жители восточнаго Туркестана не мало гордятся тѣмъ, что поименованные города приняли исламъ при первомъ появленіи Арабовъ, когда долины Тянь-Шаня были гнѣздомъ самаго яраго буддизма. Отъ этой крайней восточной границы ислама Кутейбе поспѣшилъ чрезъ Фергану въ Мервъ; къ этому обратному движенію принудило его извѣстіе о смерти калифа Велида. Онъ имѣлъ поводъ опасаться гнѣва новаго калифа Сулеймана бинъ Абдуль Мелика, и, чтобъ не подвергаться дѣйствительной его мести, тайно рѣшился его предупредить и возсталъ противъ него явно. Впрочемъ, Кутейбе, какъ кажется, не охотно вступилъ на этотъ путь и только тогда отказалъ новому калифу въ повиновеніи, когда замѣтилъ, что онъ, не отваживаясь на явный разрывъ съ нимъ, могущественнымъ намѣстникомъ Хоразана, старается тайными происками приобрести себѣ партію между его войсками. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствовалъ съ большою осторожностью. Гонцу, который долженъ былъ доставить калифу его объявленіе, даны еще другія два письма; въ первомъ изъ нихъ содержалось увѣреніе въ преданности, во второмъ же выраженіе презрѣнія къ сыну Могаллаба, Езиду, котораго особенно боялся Кутейбе, какъ своего соперника, и прямое заявленіе, что, въ случаѣ замѣщенія имъ, станетъ сопротивляться. Справедливо полагая, что Езидъ постоянно находится подлѣ калифа, онъ велѣлъ посланному дѣйствовать такъ: „сперва отдай калифу первое письмо; если ты увидишь, что онъ передастъ его сыну Могаллаба, то вручи ему и второе; если и это будетъ прочтено Езидомъ, тогда только отдай калифу третье ¹⁾“. Посланный нашелъ подлѣ калифа

¹⁾ См. Вейля Geschichte der Chalifen. Мангеймъ 1856 г. I т. стр. 556.

Езида и поступилъ, какъ было ему приказано. Сулейманъ показалъ видъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго, и милостиво отпустилъ его; но не успѣлъ еще посоль възвратиться къ своему господину, какъ этотъ послѣдній, предвидя исходъ посольства, а, можетъ быть, заранѣе о томъ предувѣдомленный, поднялъ знамя бунта. Но Кутейбе сильно ошибся въ своей арміи, которую водилъ къ блистательнымъ побѣдамъ и одарилъ большими богатствами. Еслибы онъ послѣдовалъ совѣту своего брата Абдурахмана, т. е. удалился бы въ Трансоксанію и основалъ тамъ независимое царство, то онъ, навѣрно, успѣлъ бы въ этомъ, благодаря безпокойному духу и охотѣ къ приключеніямъ, въ томъ краю господствовавшимъ. Но Кутейбе упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи остаться въ Мервѣ, разсчитывая на преданность своихъ солдатъ. Въ рѣшительную минуту онъ обратился къ нимъ съ рѣчью; въ ней онъ указывалъ на свое счастливое управленіе Хоразанской провинціей и на тѣ безпорядки и бѣдствія, которые произойдутъ при его неспособномъ и жалкомъ преемникѣ. Напрасно онъ напоминалъ имъ, какъ они были приняты въ ряды его войска почти нищими, а теперь обогатились сокровищами турецкихъ и персидскихъ князей. Его рѣчь была проповѣдью въ пустынѣ и только ускорила дѣятельность заговорщиковъ, съ Веки-бинъ Эбуль Эсвадомъ и Гассанъ бинъ Ясомъ во главѣ, такъ что когда онъ, узнавъ о заговорѣ, хотѣлъ схватить втораго зачинщика, то всѣ они напали на него и умертвили его послѣ ожесточеннаго боя, въ которомъ пали многіе изъ его братьевъ впереди немногихъ, оставшихся ему вѣрными и послѣднихъ на защиту замка ¹⁾... Такъ кончилъ въ мѣсяцъ зилгидже 96 (714) года

1) Табарн въ занимательномъ и вмѣстѣ трогательномъ описаніи передаетъ намъ эпизодъ этого несчастнаго конца, постигнаго Кутейбе. Оставленный волнами, дѣлившими съ нимъ въ длинныхъ войнахъ столько опасностей и превратностей, оставленный людьми, которыхъ онъ обогатилъ сокровищами, оставленный даже родственниками, приходившими въ ужасъ при одной мысли о бунтѣ противъ калифа, онъ увидѣлъ въ послѣдній часъ

на 47-мъ году своей богатой подвигами жизни тотъ, кто на далекомъ востоке основалъ для могоammedанской вѣры обширное и сильное государство, кто нанесъ послѣдній ударъ учению Зороастра послѣ смертельной его раны при Кадезии и Нагреванѣ, кто наконецъ пересадилъ исламъ на почву, издавна самую производительную для фанатизма и изуверства!

своей жизни только немногихъ подлѣ себя. Его замокъ былъ окруженъ, его конюшни преданы пламени и наконецъ въ послѣднюю минуту даже безъ лошади, Кутейбе и нѣшій сопротивлялся своимъ врагамъ. Увидѣвъ одного изъ своихъ въ числѣ первыхъ, ворвавшихся въ замокъ, онъ произнесъ слѣдующій стихъ:

Теперь, къ прискорбью, у народа смыслъ такой,

Гдѣ солнце свѣтитъ, онъ туда стремится взоръ свой.

Послѣ этого сперва ранилъ его стрѣлою какой-то Джемъ, затѣмъ другой мечемъ изрубилъ его въ куски.

III.

Политическія и религіозныя замѣшательства во время арабскаго господства.

96 (714)—261 (874).

Бохара и весь Туркестанъ арабскимъ завоеваніемъ были низведены на степень составной части Хоразанской провинціи, и гордая столица на Зерешанѣ, богатый Бейкендъ и промышленная Фергана стали слушаться приказаній, раздававшихся изъ Мерви-шахъ-джиганъ (Мервь, царица міра). Правда, Бохара также, какъ и Самаркандъ имѣли своихъ эмировъ, но это были не болѣе, какъ слуги хоразанскаго намѣстника и съ весьма ограниченнымъ кругомъ власти. По этому исторія Трансоксаніи отнынѣ тѣсно связана съ дѣйствіями тѣхъ сановниковъ, которыхъ посылали въ эту восточную пограничную провинцію ¹⁾ своего царства калифы Богдада и Дамаска; государственная же ея независимость опять начинается только съ той поры, когда Саманиды воздвигли свой тронъ по ту сторону Окса и единственно изъ религіозныхъ расчетовъ принимали съ береговъ Тигра титулъ вассаловъ. Этотъ періодъ арабскаго господства, продолжавшійся болѣе 150 лѣтъ,

¹⁾ Несмотря на распространеніе ислама до долины Тянь-Шаня еще въ началѣ, кругъ владчества калифовъ доходилъ только до Хоканда, даже до западной его части. Восточною границею калифата можно обозначить собственно только Яксартъ или Сигуъ, какъ Арабы его называютъ.

образуетъ непрерывную цѣпь замѣшательства, борьбы внутреннихъ партій и возмущеній, вызываемыхъ и самими наместниками Хоразана, и безпокойными элементами, бродившими въ народонаселеніи этого края. Безграничное любостязаніе то для собственнаго обогащенія, то для упроченія за собою богатыми дарами расположенія при дворѣ калифа, въ короткое время доставило наместникамъ князя правовѣрныхъ громадныя богатства ¹⁾, а значительное удаленіе отъ центра скоро пробудило въ нихъ стремленіе къ полной независимости. Если къ этому прибавить, что воинственные Трансоксанцы всегда переходили, въ качествѣ добровольныхъ наемниковъ, на сторону бунтовщиковъ; то легко будетъ объяснить, почему Хоразанъ уже съ самаго начала давалъ калифамъ такъ много заботъ и почему въ немъ рѣдко можно было возстановить спокойствіе.

На мѣсто Кутейбе, павшаго жертвою своихъ блистательныхъ успѣховъ, назначенъ калифомъ Сулейманомъ Езидъ бинъ-Могаллабъ въ 97 (715) году. Первымъ его дѣломъ было, разумѣется, какъ можно скорѣе отрѣшиться отъ должности всѣхъ чиновниковъ, поставленныхъ Кутейбе, а потомъ отнять у нихъ все ихъ имущество и даже свободу. Пока правилъ Сулейманъ, никто не осмѣливался ограничивать своеволіе Езида, когда же Сулейманъ скончался, то его преемникъ въ калифатѣ, Омаръ бинъ Адуль Азисъ, поступилъ съ нимъ также, какъ и Сулейманъ съ Кутейбе. Власть Езида и богатства, имъ скопленные въ два года, сдѣлали калифа подозрительнымъ, но, не безъ основанія опасаясь возстанія и желая его предупредить, этотъ послѣдній поручилъ Мослемъ, воевавшему тогда съ Греками, отрѣшиться Езида отъ

1) Въ примѣръ колоссальныхъ богатствъ, скопленныхъ арабскими чиновниками въ Хоразанѣ, можно привести свидѣтельство Табари, который рассказываетъ, что бунтовщики, ограбившіе домъ самаркандскаго губернатора во время возстанія Рафи бинъ Лейта, нашли въ немъ *до трехъ миллионовъ драхмъ*.

должности; потомъ онъ пригласилъ его даже къ себѣ ¹⁾. Езидъ отправился по приглашенію, но былъ арестованъ при выходѣ на берегъ въ Басрѣ и заключенъ въ темницу, изъ которой, по смерти Омара, ушелъ въ 101 (719) году и только послѣ продолжительной войны противъ него Мослени при калифѣ Езидѣ бинѣ Абдуль Меликѣ былъ наконецъ побѣжденъ и казненъ. Мѣсто его занялъ Мослема, поручившій управленіе Бохарой и Самаркандомъ Саиду бинѣ Амру уль Джарши. Такъ какъ во время послѣднихъ замѣшательствъ Фергана освободилась отъ арабскаго владычества, то Саидъ и двинулся съ войскомъ противъ ея князя, по имени Хилиджа ²⁾, разбилъ его на голову послѣ перемежнаго счастья и возвратился съ богатою добычею въ Бохару. Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ безпокойные Турки, въ правленіе калифа Гишама въ 106 (724) г., снова зашевелились, овладѣли Самаркандомъ и тѣмъ привлекли противъ себя большую арабскую армію. Халидъ бинъ Абдуллахъ, тогдашній хоразанскій намѣстникъ, послалъ туда своего брата Эведа, человека болѣе кроткаго, чѣмъ воинственнаго, но все его трехлѣтнія усилія возстановить спокойствіе въ странѣ были напрасны, наконецъ онъ принужденъ былъ даже удалиться съ значительными потерями. Раздраженный неудачей, Гишамъ отставилъ ея виновника и послалъ на его мѣсто

1) Приглашительное письмо гласило такъ: „во имя милосерднаго и милостиваго Бога. Я рабъ Божій Омаръ, князь правовѣрныхъ, Езиду бинъ Могалабу. О Езидъ! узнай, что Сулейманъ (предшественникъ Омара), рабъ между рабами Божьими, котораго всемогущій одарилъ благоволеніемъ и властью, перешелъ изъ этого переходящаго міра въ вѣчность. Онъ назначилъ меня своимъ наследникомъ а послѣ меня Езида бинъ Абдуль Мелика, если тотъ будетъ живъ. Обязанности, мнѣ предстоящія, не маловажны, такъ какъ я долженъ управлять всѣми дѣлами мусульманъ. Ну! до сихъ поръ все мусульмане мнѣ присягали. И ты тоже присягни мнѣ и созови вѣранный тебѣ народъ для присяги мнѣ. Поставь за себя въ Хоразанѣ намѣстника и приходи ко мнѣ.“ Какъ велика разница между этими простыми и связными письмомъ могомеданскаго князя, стоявшаго въ зенитѣ величія, и доходящемъ до смѣшнаго напыщенностью позднѣйшихъ калифовъ.

2) См. примѣч. 2 на стр. 12 въ первой главѣ. И здѣсь арабскіе авторы принимаютъ названіе турецкаго племени за имя его князя.

Эреша **Синь** Абдуллаха, но и у этого дѣла пошли не лучше ¹⁾. Самаркандскіе Турки, по всему вѣроятію, поддержанные хаканами Ферганы и восточнаго Туркестана, имѣли болѣе 100,000 человекъ войска, и Джендебъ, вновь назначенный хоразанскій намѣстникъ, долженъ былъ лично выступить противъ нихъ. Авангардъ его арміи въ 10,000 человекъ, подъ начальствомъ Севрета бинъ Эбу Вагръ эль Дарими, былъ посланъ чрезъ Бейкендъ на Самаркандъ, самъ же Джендебъ направилъ свой путь чрезъ Белхъ. Самаркандскій хаканъ, имѣвшій, по свидѣтельству Табара, 120,000 человекъ подъ своими знаменами, не рѣшился пожвратиться силами съ главною арміею Арабовъ; онъ отступилъ предъ Джендебомъ, за то тѣмъ съ большею яростію напалъ на Севрета, встрѣченнаго имъ на пути, и нанесъ ему страшное пораженіе. Изъ 20,000 могоммеданъ, впереди которыхъ палъ самъ Севретъ, не спасся ни одинъ. Джендебъ горько плакалъ, узнавъ объ этой катастрофѣ, но утѣшилъ себя слѣдующимъ изреченіемъ корана: „они отъ Бога и должны возвратиться къ Богу“; впрочемъ, не забылъ отправить въ главные города Хоразана и Тохаристана требованіе, увеличившее его армію на 43,000 человекъ; затѣмъ снова напалъ на Турокъ, разбилъ ²⁾ ихъ на голову и, оставивъ въ Самаркандѣ Насръ бинъ Сейяра, возвратился побѣдителемъ въ Мервь, гдѣ скоро и умеръ. На его мѣсто губернаторомъ Хоразана сдѣланъ Эзедъ бинъ Абдуллахъ, но этотъ прежде всего долженъ былъ одолѣть своего соперника Гарита бинъ Шериха; въ походѣ противъ котораго и умеръ въ Белхѣ.

¹⁾ По Табару, Эрешъ сначала потерялъ 1000 человекъ, принадлежавшихъ къ поселенному въ Бохарѣ племени Бени Темимъ, потомъ онъ разбилъ Турокъ, но все же отступилъ въ Белху, — противорѣчіе, лучше всего доказывающее неудачу его дѣйствій.

²⁾ Турецкій хаканъ въ то время былъ занятъ обложеніемъ Самарканда, куда убѣжали жены и дѣти могоммеданъ; поэтому Джендебъ явился во время и, благодаря побѣдѣ, отнялъ у Турокъ огромную добычу.

Последній арабскій походъ отчасти сокрушилъ могущество Турокъ, но внутреннія междоусобія партій продолжались въ Трансоксаніи до тѣхъ поръ, пока бразды правленія не были ввѣрены желѣзной рукѣ Насръ бинъ Сейяра. Этого человѣка съ рѣдкой энергіею и осторожностью, уже управлявшаго, какъ мы видѣли, Самаркандомъ, Гишамъ назначилъ не за долго до своей смерти, послѣдовавшей въ 125 (742) году, и лучшимъ доказательствомъ его способностей служить то обстоятельство, что онъ удержался на своемъ мѣстѣ при пяти калифахъ, именно — Гишамъ, Велидъ, Езидъ, Ибрагимъ и Мерванъ бинъ Мегеммедъ, умершемъ въ 132 (749) г., и только съ паденіемъ династіи Омейядовъ, которой былъ ревностнымъ приверженцемъ, низвергнуть Эбу Муслимомъ въ 129 (746) году. Первымъ шагомъ Насра въ новой должности было совершенное покореніе турецкихъ ордъ Трансоксаніи и Ферганы, издавна составлявшихъ наиболѣе воинственный элементъ тѣхъ странъ и причинявшихъ Арабамъ наиболѣе хлопотъ. Походъ его къ восточнымъ границамъ Ферганы, и даже до Кашгара¹⁾, увѣнчался полнымъ успѣхомъ: онъ побѣждалъ не только оружіемъ, но также и своею привѣтливостью и правдивостью, и, можетъ быть, этимъ качествамъ его слѣдуетъ приписать то, что Эбу Муслиму, изъ кожевника²⁾ возвысившемуся на степень основателя новой

1) Наршахи рассказываетъ, что Насри-Сейяръ въ походъ на Хокандъ проходилъ Бохару и тамъ женился на дочери Тугшаде. Однажды, во время рамазана, онъ сидѣлъ съ Тугшаде предъ палаткой; къ нему подошли два знатные Бохарца и стали жаловаться на несправедливость Тугшаде и тогдашняго эмира Бохары, Фазила бинъ Омара. Насръ только что обратилъ въ исламъ этихъ обоихъ Бохарцевъ и вѣлъ о нихъ попеченіе, поэтому и спросилъ тихонько у Тугшаде объясненія дѣла. Жаловавшіеся, думая, что Тугшаде ихъ очернитъ и тѣмъ погубитъ, рѣшились на мсть и напали на Тугшаде и Фазила предъ палаткой Насра. Тугшаде палъ, смертельно раненный. Насръ ухаживалъ за нимъ: подложилъ ему подъ голову свою подушку и велѣлъ позвать своего лейбмедика, но Тугшаде умеръ, — и Наршахи присовокупляетъ странное замѣчаніе, будто бы слуги отдѣлили мясо отъ костей у покойника.

2) Эбу Муслимъ, носившій собственное имя Абдуррамана бинъ Муслима, происходить изъ Хоразана, изъ племени Бени Аджеъ и въ юности

династии, не вдругъ удалось привлечь на свою сторону всю Трансоксанию. Что Турки Туркестана также, какъ и Хазары, легко были привлечены подъ черное знамя Аббасидовъ, даже стояли за него съ воодушевленіемъ, это видно изъ того почета, съ какимъ и теперь Узбеки и Туркоманы произносятъ имя Эбу Муслима ¹⁾; но что иранское туземное населеніе страны, а именно Таджики, сражавшіеся подъ знаменами Насра, долго были вѣрными Омейядамъ, это достаточно подтверждается предлежащими историческими источниками. Сопrotивленіе, оказанное Насромъ бинъ Сейяромъ силѣ и обаянію Эбу Муслима, заслуживаетъ наше полное уваженіе, потому что владычество Омейядовъ пало въ Хоразанѣ только по случаю смерти, постигшей его во время его бѣгства; съ другой

занимался ремесломъ кожевенника. Когда нѣкоторые изъ отъявленныхъ шитовъ отправились изъ Хоразана въ Мекку въ качествѣ пилигримовъ, онъ къ нимъ присоединился, и уже въ Меккѣ глава Аббасидовъ, Мегемедъ Али бинъ Абдуллахъ указалъ на него, какъ на такого человѣка, который своимъ умомъ и храбростію доставитъ господство своей фамиліи, и увѣщевалъ спутниковъ Эбу Муслима помогать ему въ нуждѣ. Возвратившись въ Хоразанъ, Эбу Муслимъ выжидалъ, пока Керманъ, сильный князь на югѣ Персіи, вступитъ въ открытую вражду съ Насромъ. Увѣренный въ побѣдѣ перваго, онъ скоро присоединился къ нему и, объявивъ войну не только Насру бинъ Сейяру, но и Омейядамъ, приглашалъ жителей Хоразана присягать Аббасидамъ. Сперва съ нимъ соединилась 1000 воиновъ, но скоро его партія до того увеличилась, что Насръ бинъ Сейяръ, не имѣя силъ побѣдить его и напрасно прося вездѣ помощи, долженъ былъ наконецъ отступить и умеръ подлѣ нынѣшняго Тегерана. Эбу Муслимъ нашелъ себѣ отважнаго помощника въ лицѣ Кагтаба, Исфаганскаго эмира; онъ завоевалъ ему провинціи Гѳргевъ, Кумъ, Кашанъ, Исфаганъ и почти всю Персію, вездѣ истреблялъ приверженцевъ Омейядовъ и провозглашалъ Эбу Муслима истиннымъ эмиромъ Аббасидовъ. Позже Кагтаба проникъ даже до Куфы, и на берегу Евфрата произошло генеральное сраженіе между нимъ и Омейядами. Хотя онъ и потерялъ здѣсь жизнь, но блистательною побѣдою своихъ войскъ возвелъ Аббасидовъ на престолъ халифата.

¹⁾ Я читалъ въ центральной Азіи подробную историческую рукопись о жизни и дѣяніяхъ Эбу Муслима (см. мои *Sagataische Sprachstudien*, стр. 37 и мое путешествіе въ средней Азіи, стр. 286) и желаю еще прибавить, что Туркоманы считаютъ его своимъ соотечественникомъ, который нѣлъ пророческій даръ и спасъ исламъ отъ погибели въ самое опасное для него время. Въ балладахъ турецкихъ миннезангеровъ, его прославлявшихъ, онъ представляется подобнымъ Рустему героемъ, всего больше дѣйствовавшимъ противъ невѣрныхъ Персовъ.

же стороны заслуживаетъ наше удивленіе также и искусство Эбу Муслима, который въ поразительно короткое время привлекъ къ себѣ всѣхъ трансоксанскихъ Турокъ, и они до такой степени предалися ему, что видѣли въ немъ сверхчеловѣческое существо; даже многія преданія, сохранившіяся въ устахъ нынѣшнихъ Узбековъ и Туркомановъ, ставятъ его наравнѣ съ калифомъ Али по чудесамъ и храбрости. Во всякомъ случаѣ Эбу Муслимъ былъ такой человѣкъ, благодаря вліятельной личности котораго военное превосходство турецкаго народа впервые было почувствовано, хотя и не прямо, въ западной Азій¹⁾. Да! судьбѣ угодно было, чтобы черное знамя Аббасидовъ, водруженное Туранцами, было ниспровергнуто Туранцами же.

Хотя такіе люди, какъ Насръ бинъ Сейяръ и Эбу Муслимъ, держали Трансоксанію въ повиновеніи; но на легко воспламеняющійся духъ Туркестанцевъ не могли не имѣть вліянія и такія событія, которыя въ то время потрясли весь могоammedанскій міръ; это, во первыхъ, междуусобіе сектъ шиитской и хариджитской и во вторыхъ перемѣна династій въ калифатѣ, происходившая на основаніи религиозныхъ принциповъ. Какъ въ Персіи подавленная народность, подъ маской усердія къ шиитской сектѣ, возстала противъ арабскаго господства, точно такъ и въ Трансоксаніи религія послужила рычагомъ, которымъ пробовали ниспровергнуть тираннію и своеволие Арабовъ. Первое проявленіе этихъ чувствъ обнаружилось въ Бохарѣ и точно также, какъ и у соплеменныхъ Иранцевъ, въ возмущеніи въ пользу шиитской секты. Во время господства въ Хоразанѣ Эбу Муслима, извѣстный *Шерикъ бинъ Шейхъ уль Меиди*, фанатическій шиитъ, поднялъ въ Бохарѣ знамя бунта. Онъ желалъ такого

1) Изъ упомянутого въ предъидущемъ примѣчаніи сочиненія о Эбу Муслимѣ видно, что главная часть той арміи, которая подъ предводительствомъ Кагтабы разбила Омейядовъ, состояла изъ Турокъ, что легко объяснить сильнымъ вліяніемъ Эбу Муслима въ Хоразанѣ и Трансоксаніи.

калифа, который бы происходил по прямой линии отъ Али, и въ своихъ прокламаціяхъ объявлялъ: „довольно уже мы вытерпѣли отъ Мерванцевъ; теперь, благодареніе Богу, мы отъ нихъ избавились; зачѣмъ же налагать на себя новое иго Аббасидовъ? Мы желаемъ имѣть только истиннаго потомка пророка!“ Замѣчательно, что къ его партіи присоединились не только большая часть населенія столицы на Зерешанѣ, но даже временный градоначальникъ Абдуль Джеббаръ бинъ Саибъ и эмиръ Харезма; поэтому возмущеніе его, какъ легко себѣ представить, было поддержано значительною военною силою. Узнавъ объ этомъ, Эбу Муслимъ тотчасъ отправилъ въ Бохару генерала Зіада бинъ Салиха съ 10,000-мъ отрядомъ, который встрѣтилъ бунтовщиковъ предъ городомъ и въ битвахъ, продолжавшихся 37 дней, потерпѣлъ нѣсколько неудачъ отъ превосходнаго числомъ войска Шерика. Но шиитскіе партизаны, мучимые голодомъ, покинули наконецъ свои крѣпкія позиціи; тогда Арабы отбросили ихъ къ Нукенде, знаменитому своими плодами, и въ большомъ сраженіи совершенно ихъ разбили. Нукенде преданъ пламени, и Зіадъ, не возвращаясь въ Бохару, продолжалъ свой походъ въ Самаркандъ, вѣроятно, для того, чтобъ и тамъ истребить усиливавшуюся партію шиитовъ.

Такимъ образомъ секта шиитовъ въ Туркестанѣ, по видимому, была уничтожена въ самомъ зародышѣ и не могла произвести никакого раскола на отдаленномъ востокѣ могомеданскаго царства; но не прошло и четверти вѣка, какъ снова поднялся такой ураганъ, который грозилъ вырвать съ корнемъ и безъ того еще слабое дерево ислама, сто лѣтъ тому назадъ насильственно посаженное въ сыпучую песчаную почву туркестанскихъ степей и такъ часто поливаемое кровью. Этотъ ураганъ явился въ образѣ лжепророка Моканны, такъ называемаго „пророка подъ покрываломъ“ изъ Хоразана. Въ 150 (767) году онъ выступилъ съ своимъ ученіемъ въ Трансоксаніи и вызвалъ борьбу, которая продолжалась болѣе

пятнадцати лѣтъ и сопровождалась потрясеніемъ, оставившимъ послѣ себя слѣды на много вѣковъ.

Моканна или Гашимъ бинъ Гекимъ ¹⁾, его собственное имя, былъ родомъ изъ мѣстечка Геце въ Мерванскомъ округѣ и рано выдвинулся впередъ своимъ остроуміемъ и приобрѣлъ себѣ славу знатока тайныхъ искусствъ и наукъ. Какъ его отецъ занималъ мѣсто сергенга (генерала) при Эбу Джаффарѣ Реванеки Белхи, такъ и онъ сначала служилъ въ этомъ же званіи при Эбу Муслимѣ ²⁾. На службѣ у этого могущественнаго вассала калифата была ли возбуждена его фантазія наблюденіями и приключеніями его въ западной Азій въ самое цвѣтущее время свободомыслія въ исламѣ, породившаго ереси ³⁾. Или же, увлекшись перемѣнчивымъ духомъ своего времени, онъ вообразилъ въ себѣ сверхчеловѣческія способности — какъ бы то ни было, Моканна объявилъ о своемъ пророческомъ призваніи еще при Эбу Муслимѣ, но сначала велъ себя довольно спокойно, зная, что тотъ не потерпитъ подлѣ себя никакого соперника во власти и величіи. Когда же Эбу Муслимъ умеръ и порядокъ въ Хоразанѣ все болѣе и болѣе разстроивался, тогда Моканна рѣшилъ, что наступила благоприятная минута дѣйствовать; онъ сталъ открыто проповѣдывать свою религію, однакожь былъ схваченъ и заключенъ въ Багдадъ; какъ долго онъ тамъ пробылъ, объ этомъ

1) Вейль, Geschichte der Chalifen, II том., стр. 101 говоритъ: каллиграфъ изъ Мерва, по имени Атта.

2) Вейль говоритъ, что онъ былъ секретаремъ Эбу Муслима.

3) Время правленія калифа Мегди было такое, когда, какъ справедливо замѣчаетъ Табари, вполне процвѣтало такъ называемое еретичество въ исламѣ. Табари съ ужасомъ рассказываетъ, что были люди, не вѣрившіе въ Могаммеда и въ коранъ и смѣявшіеся надъ молитвами и постами. Онъ говоритъ, что эти еретики были хуже Евреевъ, азычниковъ и огнепоклонниковъ, которые все-таки имѣли какую нибудь вѣру, тогда какъ первые утверждали: „этотъ міръ не имѣетъ ни начала ни конца и не будетъ его имѣть; люди и животныя происходятъ какъ и растенія, растутъ какъ онѣ, и никто не знаетъ, откуда они пришли и куда уходятъ; послѣ смерти никто не будетъ болѣе жить, и кромѣ этого міра нѣтъ никакого другаго“.

мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, знаемъ только, что онъ, какъ и Бабъ ¹⁾ новаго времени, возвратился изъ Багдада въ Мервъ еще съ большою увѣренностью въ своемъ пророческомъ призваніи, и здѣсь, собравъ вокругъ себя остатки прежней тайной партіи, тѣмъ съ большимъ жаромъ сталъ проповѣдывать свое ученіе. Когда онъ, около 150 (767) года, первый разъ показался народу и спросилъ: „знаете ли вы, кто я?“ и ему сказали—Гашимъ бинъ Гекимъ; тогда онъ отвѣтилъ: „вы находитесь въ заблужденіи; я вашъ Богъ и Богъ всѣхъ міровъ. Я называю себя, какъ хочу: прежде являлся я въ этомъ мірѣ въ образѣ Адама, Авраама, Моисея, Іисуса, Могаммеда, Эбу Муслима, а теперь въ образѣ, въ какомъ вы меня видите“.— „Какъ это такъ“, спрашивали его, „тѣ всѣ выдавали себя за пророковъ, а ты хочешь быть Богомъ?“— „Тѣ были только плотскіе“, отвѣчалъ онъ, „а я весь и насквозь духовенъ и всегда имѣю власть являться въ какомъ мнѣ угодно видѣ“. Сперва онъ держался по близости Мерва и разсылалъ своихъ апостоловъ во всѣ части Туркестана съ письменными воззваніями, гласившими такъ: „во имя милосерднаго и всемилостиваго Бога. Я Гашимъ, сынъ Гекима, владыка всѣхъ владыкъ. Да прославится Богъ единый, который отерывалъ себя прежде въ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Христѣ, Могаммедѣ, Эбу Муслимѣ. Теперь я, Моканна — владыка власти, блеска и истины. Собирайтесь вокругъ меня и знайте, что всемірное господство, слава и всемогущество — мои. Кромѣ меня нѣтъ другаго Бога. Кто идетъ со мною, тотъ придетъ въ рай; кто бѣжитъ меня, тотъ падетъ въ адъ“.

¹⁾ Бабъ, въ новѣйшее время приводившій въ броженіе всю Персію своею новою вѣрою, также выступилъ на сцену только по возвращеніи изъ Багдада. И какъ Моканна изъ своего гнѣзда на сталъ фанатизировать въ продолженіи 15 лѣтъ своихъ приверженцовъ, не имѣя личныхъ съ ними сношеній, точно такъ и послѣдователи Баба предавались самымъ безумнымъ дѣйствіямъ все время, пока ихъ глава, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, заключенъ былъ въ крѣпости Чергъ.

Враждебный духъ сектъ, вообще въ то время проникавшій исламъ, въ особенности же сильное возбужденіе его смѣною династій много содѣйствовали тому, что низшіе классы туркестанскаго народа, въ груди котораго еще тлѣли искры древняго національнаго культа огня, преимущественно отпадали отъ ислама и толпами принимали ученіе Моканни, такъ что, когда Гамидъ, временный хоразанскій намѣстникъ, вздумалъ овладѣть его osobой, то нашлись уже цѣлыя деревни, дававшія безопасное пристанище бѣжавшему пророку. Впрочемъ, большая часть его послѣдователей, названныхъ сефидджамеганъ, т. е. „одѣтыми въ бѣлое“, за свои бѣлыя платья, которыя они носили, находилась по ту сторону Окса, именно въ Бохарѣ, Самаркандѣ, Кешѣ и Нахшебѣ¹⁾. Моканна, не считая себя въ безопасности въ Мервѣ, намѣревался уйти въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, и хотя его намѣреніе и было открыто, и рѣка во многихъ пунктахъ весьма зорко охранялась, однакожъ ему удалось съ 36 приверженцами достигнуть противоположнаго берега и убѣжать²⁾ въ сильную крѣпость на горѣ Самъ (?), принадлежавшую Кешу. Въ этомъ хорошо скрытомъ мѣстѣ лжепророкъ, постоянно закрывавшій свое лице зеленой завѣсой (по другимъ золотой маской), отчего и прозваніе Моканна = занавѣшенный³⁾,

1) Это здѣсь онъ, по просьбѣ своихъ чудолобивыхъ вѣрующихъ, вытаскивалъ изъ колодца свѣтающееся тѣло въ образѣ луны, и махъ-и-Нахшебъ (луна Нахшеба) и теперь у персидскихъ поэтовъ — любимая метафора. Странно, что у Наршахи, довольно подробно рассказывающаго жизнь Моканни, вовсе не упоминается этотъ эпизодъ.

2) Табарн называетъ эту крѣпость Невакидъ. Такъ какъ она лежала къ сѣверу отъ Кеша, потому что, по извѣстіямъ, арабскій генералъ Даудъ, желая изъ нея попасть въ Белхъ, прежде прошелъ Кешъ; то это долженъ быть Еминн, или Китабъ, расположенные къ сѣверу Шегри—Зебса и оба считающіеся сильными крѣпостями. (Вейль, Geschichte der Chalifen. II том. стр. 103, называетъ это мѣсто Саямъ).

3) Наршахи также, какъ и Табарн, рассказываютъ, что онъ употреблялъ покрывало для того, чтобъ скрыть свое безобразное одноглазое лицо. Если не приписывать этого объясненія могоммеданской ненависти, весьма возможной, то можно подумать, что онъ хотѣлъ подражать калифу Али,

оставался во все время религиозной борьбы, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, и рѣшительно ни разу не покидалъ своего убѣжища. Скрываясь самъ отъ народа, онъ дѣйствовалъ большею частью чрезъ своихъ могучихъ намѣстниковъ и вмѣстѣ и генераловъ. Арабъ изъ Бохары, по имени Гекимъ, вмѣстѣ съ тремя военачальниками — Гапри, Баги и Кирдекъ¹⁾, руководилъ движеніемъ, которое впервые дерзнуло въ открытый бунтъ въ деревнѣ недалеко отъ Бохары: сефидджамегіаны напали здѣсь на мечеть, убили муѣцина съ 15-ю правовѣрными и скоро своими насиліями противъ мусульманъ навели ужасъ на весь Туркестанъ. Встревоженный все возрастающею опасностью, Бохарскій эмиръ Гуссейнъ бинъ Му'ацъ, сдѣлалъ первую попытку къ ея подавленію: съ наличными войсками и въ сопровожденіи жителей Бохары, предводимыхъ Кази Амиръ бинъ Омраномъ, онъ двинулся противъ деревни Наршахъ, гдѣ сосредоточивались главныя силы приверженцевъ Моканны. Кази хотѣлъ прежде употребить вмѣсто оружія переговоры и увѣщанія, но его попытка не удалась, и бой начался. Первая стычка, по разсказу Наршахи, окончилась въ пользу Арабовъ, и 700 сефидджамегіановъ покрыли поле битвы своими трупами. Но этотъ успѣхъ мало измѣнилъ положеніе дѣла; скоро обнаружилось, что мѣстныя власти Трансоксаніи были не въ состояніи бороться съ бунтовщиками, поэтому энергичное вмѣшательство хоразанскаго намѣстника сдѣлалось весьма необходимымъ.

Если съ одной стороны таинственная личность Моканны, окруженная ореоломъ святости, а для многихъ даже свѣтомъ

который большею частью ходилъ подъ покрываломъ и на картинахъ такъ изображается шитами.

1) Табари называетъ главнаго наперсника Моканны Тохардже, а трехъ генераловъ — именами Серхуме, Габуби и Гейекъ или Кійекъ. Я привожу въ текстѣ имена, упоминаемая у Наршахи, потому что его показанія на счетъ Моканны вѣрнѣе.

божественности, возбуждала въ его приверженцахъ большую храбрость, даже дикое презрѣніе къ смерти; то съ другой стороны дѣло пророка подъ покрываломъ приобрѣло себѣ не менѣе твердую опору въ союзѣ Турокъ. Турецкій начальникъ, по имени Хулухъ ¹⁾ или Кулукъ, со многими тысячами своихъ подданныхъ принялъ участіе въ возстаніи. Во первыхъ, исламъ тогда еще не былъ прочно утверждёнъ у Турокъ; во вторыхъ, Моканна предлагалъ имъ весьма удобный случай къ разбоямъ и грабежамъ; поэтому только ихъ орды такъ долго оспаривали поле битвы у арабскихъ войскъ. По настоятельному требованію калифа Мегди, тогдашній хоразанскій губернаторъ, Абдуль-Меликъ, послалъ въ Бохару прежде всего генерала Джебраила бинъ Ягья, который боролся подъ Самаркандомъ ²⁾ съ главными силами сефид-джемегиановъ съ переменнымъ счастьемъ и наконецъ до того ослабѣлъ, что пришлось отправить къ нему на помощь изъ Белха 7000 человекъ подъ начальствомъ Укбе бинъ Муслима. Но этотъ, зачужденный удачно придуманною хитростью ³⁾, повернулъ назадъ съ половины дороги. Хоразанскій намѣст-

¹⁾ Хулухъ или Кулукъ, какъ показываетъ существующая орфографія этого слова; впрочемъ, возможно, что это , вслѣдствіе ошибочной пунктуировки, произошло изъ древняго турецкаго хилиджъ, по теперешнему про-

изношенію килиджъ = мечъ. Такое турецкое имя имѣетъ тотъ хокандскій хаканъ, котораго побѣдилъ Саидъ бинъ Амру уль Джарши въ 101 (719) году.

²⁾ Изъ подлежащихъ источниковъ не ясно видно, кѣмъ былъ занятъ Самаркандъ—сефидджемегианами или мусульманами. Наршахи заставляетъ предполагать послѣднее, такъ какъ у него Джебраилъ разбиваетъ свой лагерь предъ Самаркандомъ. Табарі же намекаетъ на противное и утверждаетъ, что битвы Арабовъ предъ Самаркандомъ направлены были противъ осаднаго войска „одѣтыхъ въ бѣлое“.

³⁾ Хитрость была слѣдующая: къ Моканнѣ былъ отправленъ гонецъ который нарочно долженъ былъ попасть въ руки Арабовъ. Дѣйствительно, онъ былъ схваченъ, и, послѣ строгаго обыска, у него нашли письмо, въ которомъ содержалось поздравленіе съ побѣдой, одержанной генераломъ Моканна надъ Джебраиломъ, и дальнѣйшее извѣщеніе о томъ, что армія (Моканна) послѣ разграбленія Самарканда, двинется на югъ противъ Укбе. Считаю письмо достовернымъ. Укбе испугался превосходства непріятеля и поспѣшно повернулъ назадъ.

никъ послалъ другой отрядъ въ 14,000 человекъ и арабскія войска уже сосредоточились подлѣ Термеза, но и онѣ не могли противостоять приверженцамъ Моканны, который ударомъ ноги заставлялъ войска выходить изъ земли, и потерпѣли большое пораженіе еще до перехода за Оксъ. Положеніе предъ Самаркандомъ Джебраила, лишеннаго необходимыхъ вспомогательныхъ войскъ и отрѣзаннаго отъ всякихъ сообщеній съ Белхомъ и Мервомъ, становилось все болѣе и болѣе опаснымъ. Съ большими усиліями ему только и удалось овладѣть очень укрѣпленною деревнею Наршахъ. Послѣ четырехмѣсячной осады, при которой употреблены въ дѣло метательныя машины, мины, огонь и всевозможныя средства ¹⁾, была пробита большая брешь; Арабы ворвались въ крѣпость, а сефидджамегіанамъ было обѣщано помилованіе, если они возвратятся въ лоно ислама и выдадутъ калифу оружіе и предводителей. Послѣ этого длинный рядъ „одѣтыхъ въ бѣлое“, спрятавъ, какъ говорятъ, оружіе подъ платьемъ, направился, съ Гекимомъ впереди, въ арабскій лагерь. Гекимъ, въ виду своихъ приверженцевъ, былъ введенъ въ палатку Джебраила. Такъ какъ долгое его пребываніе тамъ возбудило подозрѣніе, и Гашири ²⁾, обратившійся по этому поводу за разъясненіемъ къ сыну Джебраила, былъ умерщвленъ безъ всякой причины; то оскорбленные фанатики ³⁾, въ дикомъ порывѣ чувства мести, схватились

¹⁾ Наршахи говоритъ объ Араде—экипажъ. Можетъ быть, это—известныя въ библейской древности военныя колесницы, вооруженныя съ обѣихъ сторонъ рядами острыхъ копъ.

²⁾ Наршахи рассказываетъ, что Гашири, подлѣхавшій къ сыну Джебраила, имѣлъ на ногахъ *золотыя сапоги*. И о королевѣ Хатунъ говорятъ, что она имѣла такую же обувь—роскошь, нигдѣ не встрѣчаемая въ Азій въ позднѣйшій, т. е. могоammedанскій періодъ.

³⁾ Прибавку къ фанатизму Моканцевъ, не менѣе, какъ и къ жестокости Арабовъ, представляетъ слѣдующій эпизодъ у Наршахи. Послѣ битвы привели изъ плѣнныхъ вдову война, по имени Зеру, къ Джебраилу, который спросилъ ее: „не правда ли, ты признаешь Эбу Муслима отцемъ мусульманъ?“ — „Нѣтъ“, сказала женщина, „онъ не былъ такимъ, потому что умертвилъ моего мужа...“ Ей разсѣкли пополамъ тѣло, а ея сныть, бывшій при ней, былъ обезглавленъ.

за скрытое оружіе. Битва возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ и кончилась тѣмъ, что Моканцы, уже почти взятые въ плѣнъ, освободились, и побѣда Джебраила пропала ни за что. Хотя Наршахи и рассказываетъ, что въ этой битвѣ палъ Баги, и только Кирдекъ успѣлъ убѣжать къ Моканцѣ, но упорное сопротивленіе и власть „одѣтыхъ въ бѣлое“, все усиливавшаяся вездѣ въ Трансоксани, говорятъ противъ всѣхъ напыщенныхъ извѣстій могоммеданскихъ историковъ о побѣдахъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что власть Моканцы возрастала и существованіе ислама подверглось большей опасности.

Не удивительно поэтому, что устрешенный калифъ Мегди самъ явился въ Нишабуръ, чтобы смѣною хоразанскаго наместника отвратить грозившее бѣдствіе. Абдуль Меликъ былъ отставленъ въ 161 (777) году и на его мѣсто назначенъ Му'адъ бинъ Муслимъ, который приступилъ къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ: немедленно собралъ большое войско на берегу Окса между Бохарой и Мервомъ и заставилъ около 3,000 (?) оружейниковъ готовить необходимое оружіе: потомъ соединился съ Гератскимъ эмиромъ Саидомъ уль Гариши (Джарши?), извѣстнымъ своею храбростью, и послѣдшилъ на помощь къ Арабамъ, крайне стѣсненнымъ у Самарканды. На пути туда онъ подвергся на поляхъ Бейкенды нападенію отъ скрывавшихся въ засадѣ сефидджемеганъ. и хотя, по увѣренію Табари, могоммедане одержали здѣсь побѣду, но, кажется, произошло противное, потому что Му'адъ, вмѣсто того, чтобы продолжать свой походъ въ Самаркандъ, послѣдшилъ назадъ въ Бохару и приписывалъ эту неудачу Гератскому эмиру, взявшему съ собою, вопреки всѣмъ предостереженіямъ, нѣсколько тысячъ овецъ, которыя и пробудили въ Туркахъ жадность къ добычѣ, а съ нею и способность къ самымъ отважнымъ подвигамъ. Поэтому арабскому генералу не оставалось ничего другого, какъ выжидать въ Бохарѣ благоприятной минуты, которая скоро и

наступила. Подъ знамена Моканны толпами стекались, какъ уже упомянуто, земледѣльцы, т. е. низшій классъ народа; къ нимъ присоединились кочевые и хищные Турки, но дикая анархія, порожденная ихъ битвами, внушила ужасъ мирнымъ иранскимъ туземцамъ; оттого дѣло Моканны не могло долго процвѣтать на берегахъ Зеревшана, гдѣ осѣдлое населеніе уже болѣе поддавалось влиянію могаммеданской цивилизаціи, — и сефидджамегианъ скоро вездѣ стали преслѣдовать и стѣснять. Когда же ихъ лагерь подъ Самаркандомъ наиболѣе ослабѣлъ, тогда-то Му'ацъ сдѣлалъ вторую попытку овладѣть Самаркандомъ, что ему этотъ разъ и удалось. Предводитель „одѣтыхъ въ бѣлое“ палъ въ битвѣ, а приверженцы его разсѣялись. Въ слѣдъ за этимъ Му'ацъ, оставивъ Джебрайла бинъ Ягья въ Самаркандѣ, двинулся съ главными силами противъ крѣпости, гдѣ скрывался, какъ мы уже упоминали, Моканна, и именно во внутренней цитадели, а наружныя верки были заняты войнами, имъ воодушевленными. — Наршахи приводитъ слѣдующій занимательный эпизодъ по поводу скрытности Моканны: около 50,000 его приверженцевъ расположились лагеремъ предъ крѣпостными воротами и убѣдительно просили пророка показать имъ хотя одинъ разъ свое божеское великолѣпіе; Моканна отказалъ и послалъ къ нимъ своего пажа съ такимъ порученіемъ: „скажи моимъ служителямъ, что и Муза (Моисей) хотѣлъ узрѣть мое божество, но не могъ вынести лучей моего свѣта; одинъ взглядъ на меня земнородныхъ мгновенно убиваетъ ихъ“. Восторженные приверженцы увѣряли, что они охотно жертвуютъ своею жизнью, только бы имъ было доставлено то высокое наслажденіе. Такъ какъ ихъ никакъ нельзя было отговорить, то Моканна и согласился на ихъ просьбу и велѣлъ имъ собраться въ назначенный день предъ воротами крѣпости, гдѣ общалъ имъ показать себя. Къ вечеру того дня онъ разставилъ въ рядъ внутри крѣпости всѣхъ своихъ женъ съ зеркалами въ ру-

нахъ; лучи заходящаго солнца отражались въ зеркалахъ, и когда все было озарено блескомъ отраженія, приказалъ раскрыть ворота. Блескъ ослѣплялъ глаза благоговѣвшихъ вѣрующихъ, и они, пораженные этимъ видѣнїемъ, пали ницъ и воскликнули: „о Боже! довольно намъ этого великолѣпія; если увидимъ болѣе, то всѣ погибнемъ!“ Долго лежали они на землѣ, умоляя его, пока онъ не прислалъ къ нимъ своего пажа, который велѣлъ имъ встать и объявилъ, что Богъ ими доволенъ и отдастъ имъ въ награду сокровища всѣхъ міровъ.

Му'ацъ окружилъ мѣсто убѣжища Моканны значительными военными силами, состоявшими преимущественно изъ Арабовъ. Сперва онъ попробовалъ мирнымъ путемъ добиться сдачи и послалъ въ крѣпость переговорщика. Моканна спросилъ его, кто онъ и чего желаетъ? „Ты выдаешь себя за Бога“, отвѣчалъ тотъ, „и долженъ знать все; за чѣмъ же ты меня спрашиваешь?“ Можно сомнѣваться въ этомъ, сообщаемомъ Табари, смѣломъ поступкѣ могоммединина въ главномъ лагерѣ Моканны; но, какъ бы то ни было, послѣдній своимъ отвѣтомъ далъ ясно понять, что онъ, не смотря на всѣ неудачи, испытанныя его партією, рѣшился оставаться въ своей роли до послѣдней минуты и готовъ сопротивляться до послѣдней крайности. Итакъ пришлось взять крѣпость, во чтобы то ни стало, и Му'ацъ началъ ея осаду, но скоро наступило суровое время года¹⁾, особенно рѣзкое въ Шехри-Зебской области; для защиты отъ мороза и холода надо было передвинуть арабскія войска на югъ, къ Белху, почему дѣло осады пошло чрезвычайно медленно. — Не имѣя терпѣнія долго ждать исхода этого важнаго дѣла и даже опасаясь за него, калифъ Мегди отрѣшилъ Му'аца отъ долж-

1) Въ Шехри-Зебѣ и его окрестностяхъ такія же измѣненія температуры, какъ и въ Самаркандѣ. Оба мѣста расположены на склонахъ хребта Каратау и имѣютъ суровую и продолжительную зиму.

ности, послѣ двухлѣтнихъ его дѣйствій, и назначилъ въ 163 (779) году хоразанскимъ намѣстникомъ не менѣе знакомаго съ мѣстными условіями Саида уль Гарипи, который былъ энергичнѣе своего предшественника и началъ тѣмъ, что, для безостановочнаго продолженія осады, построилъ дома арабскимъ войскамъ; но все же и онъ долженъ былъ еще два года простоять подъ стѣнами этой сильной крѣпости. Сперва сдался Кизумъ, братъ ¹⁾ Моканны, съ 30,000-мъ отрядомъ; чрезъ это приверженцы Моканны были съжаты въ болѣе тѣсный кругъ, и голодъ между ними до того усилился, что, наконецъ, наружная крѣпость съ 3,800 фанатиковъ изъ Кеша, считавшихся за самыхъ ярыхъ противниковъ мусульманъ, сдалась безусловно, и только одинъ Моканна еще сопротивлялся во внутренней цитатели, которая была расположена на верху скалы и потому почиталась неприступною.

Разсказываютъ, будто Моканна, покинутый самыми вѣрными изъ своихъ приверженцевъ и потерявъ всякую надежду на спасеніе, созвалъ всѣхъ своихъ женъ къ себѣ на пиршество. Когда онѣ собрались, то онъ предложилъ имъ всѣмъ осушить за его здоровье по бокалу и самъ поднесъ вина, въ которое заранѣе тайкомъ подмѣшалъ яду. Всѣ выпили крошкѣ одной, по имени Бануки, которая, подозрѣвая коварный замыселъ, вылила вино себѣ за пазуху и, притворившись мертвою, была очевидцемъ послѣднихъ минутъ жизни лжепророка. Нѣкто Эбу Али Могамедъ, изъ Кеша, слышалъ отъ нея слѣдующее: послѣ того, какъ умерли всѣ жены, Моканна отсѣкъ голову своему пажу, единственному мушницѣ въ его тѣсномъ кругу, потомъ бросился въ печь, топившуюся три дня, и тамъ погибъ. Объ этомъ рѣшеніи онъ сообщилъ своимъ женамъ еще при жизни. Онъ говорилъ, что въ по-

¹⁾ Табари говоритъ *кардашъ*, но не надо забывать, что это слово въ древнѣйшихъ турецкихъ рукописяхъ, также какъ и въ средней Азіи, употребляется въ значеніи *родственниковъ*.

слѣдней крайности сдѣлаетъ это для того, чтобы принести высочайшему Богу жалобу на своихъ приверженцевъ, отпавшихъ отъ него, и что наконецъ восторжествуетъ съ помощью ангела, съ которымъ явится съ неба. Банука ¹⁾ говорила: „я долго стерегла печь, но онъ не вышелъ изъ нея.“ Эта самая Банука, сдала цитадель генералу Саиду уль Гариши. только послѣ того, какъ ей обѣщано было 10,000 акчей изъ сокровищницы Моканны. Такимъ образомъ Арабы овладѣли цитаделью вмѣстѣ со всѣми находившимися въ ней сокровищами и этимъ счастливымъ результатомъ многолѣтней и упорной войны избавили восточную границу ислама отъ большой опасности.

Что Моканна проповѣдывала въ своемъ ученіи и вообще составилъ ли онъ, или хотѣлъ составить новые догматы, — это осталось въ совершенной неизвѣстности. Изъ его прокламацій можно предполагать, что онъ хотѣлъ развить въ своей религіи ученіе о воплощеніи и что въ немъ выразилось вообще вліяніе не только индѣйскихъ, но даже древнеперсидскихъ религіозныхъ понятій. Положительнаго же ничего нельзя утверждать. Наршахи, который 300 лѣтъ спустя весьма подробно говоритъ объ этой сектѣ, тогда свирѣпствовавшей въ его отечествѣ, обвиняетъ приверженцевъ Моканны въ тѣхъ же порокахъ, какіе нынѣшними могаммеданами вздвигаются на Друзовъ въ Ливанскихъ горахъ и Бабіевъ въ Персіи, а именно: они удерживаются отъ всякихъ молитвъ и благочестивыхъ дѣйствій, признаютъ общность женъ и считаютъ самымъ богоугоднымъ дѣломъ умерщвленіе могаммеданина. Все это, однакожь, какъ и рѣчи, вложенныя мусульманскими историками въ уста „пророка подъ покрываломъ“, основаны на чистой выдумкѣ. Эта неизвѣстность на счетъ духовнаго направленія Моканны тѣмъ прискорбнѣе, что его

1) Такъ эта женщина названа у Табары, но это не собственное имя и скорѣе происходитъ отъ персидскаго бану — женщина.

ученіе пережило его многими вѣками. Ахмедъ бинъ Насръ, переводчикъ Наршахи, рассказываетъ, что еще въ 512 (1128) году въ окрестностяхъ Кеша и Нахшеба, даже въ нѣсколькихъ деревняхъ подлѣ Бохары, какъ напр. въ Кушки Бунарѣ, были тайные послѣдователи Моканны, и только изъ страха явно исповѣдывавшіе исламъ.

Послѣ гибели Моканны религиозный расколъ въ Туркестанѣ прекратился, и расходившіяся волны фанатизма мало по малу улеглись; но страсть къ политическимъ переворотамъ только на короткое время была подавлена въ воинственныхъ обитателяхъ Трансоксаніи, несмотря на желѣзную руку первыхъ Аббасидовъ и многопрославленное время управленія Бермекидовъ. Къ концу правленія Гаруна-эръ-Рашида мы находимъ на полѣ брани, въ полномъ возстаніи противъ калифа, Рафи' бинъ Лейта, внука Насра бинъ Сейяра; онъ не хотѣлъ мстить за кровь своего дѣда, погибшаго въ битвѣ за Омейядовъ, тѣмъ не менѣе былъ виновникомъ преждевременной смерти величайшаго изъ Аббасидовъ ¹⁾. Рафи', молодой воинъ замѣчательной красоты, потому, говорятъ, поднялъ знамя бунта, что калифъ хотѣлъ слишкомъ строго наказать его за неповзволительную связь съ одною женщиною ²⁾; именно—Гарунъ-эръ-Рашидъ велѣлъ хоразанскому намѣстнику, Али бинъ Исѣ, а этотъ Сулейману, самаркандскому губернатору, возить Рафи' по городу на ослѣ, лицомъ къ хвосту ³⁾, разлучить съ женщиною и заключить въ тюрь-

¹⁾ Гарунъ-эръ-Рашидъ заболѣлъ на дорогѣ изъ Багдада въ Хоразанъ, куда онъ сѣдѣлъ для подавленія возстанія Рафи', и умеръ въ Тусѣ.

²⁾ Предметомъ его любви была жена нѣкоего Ягъя бинъ уль Аматъ, оставшая отъ ислама и потому прогнанная своимъ мужемъ. Въ послѣдствіи Рафи' опять обратился въ исламъ и женился на ней, къ неудовольствію и соблазну могаммеданъ.

³⁾ Такой родъ наказанія высшихъ офицеровъ долго былъ въ употребленіи у могаммеданскихъ народовъ. Такъ Мурадъ II-й, послѣ сраженія при Варнѣ, приказалъ обрить половину бороды пашѣ, обвиненному въ трусости, надѣть на него женское платье, посадить на осла лицомъ къ хвосту и возить по лагерю.

му. Рафи' избавился отъ этого постыднаго наказанія бѣгствомъ, но скоро тайно возвратился, и такъ какъ Али бинъ Иса своими неслыханными притѣсненіями и жестокостью возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть, то Рафи' не трудно было возмутить Самаркандцевъ сперва противъ Али бинъ Исы, а потомъ даже противъ Гаруна-эръ-Рашида. Правда, Туркестанцы уже давно и нѣсколько разъ жаловались калифу на Али бинъ Ису, но этому удавалось укрощать гнѣвъ любостязательнаго Гаруна колоссальными богатствами своими ¹⁾; наконецъ, все-таки калифъ рѣшился его отставить, но, боясь могущества этого вассала, велѣлъ африканскому генералу Гортумъ бинъ Аяну исполнить это съ большою осторожностью и хитростью. Гортума приблизился съ арміею, будто бы на помощь противъ возмутившагося Рафи'; Али, ничего не подозрѣвая худого, выпелъ къ нему на встрѣчу, тогда Гортума передалъ ему письмо объ отставкѣ ²⁾, арестовалъ его и отправилъ къ калифу. Между тѣмъ Рафи' бинъ Лейтъ все усиливался въ Самаркандѣ; онъ успѣлъ привлечь на свою сторону даже всю Трансоксианію и расположился лагеремъ въ Бохарѣ, такъ что Гортума, перейдя Оксъ, былъ оставленъ всѣми жителями; все было залугано могуществомъ Рафи', никто не смѣлъ слѣдовать за Гортумой.

При такихъ обстоятельствахъ, Меемунъ, чтобы одолѣть Рафи', обратился къ фамиліи Саманидовъ. Генераль Хо-

1) См. примѣч. 1-е на стр. 39-й.

2) Письмо Гаруна-эръ-Рашида было такого содержанія: „во имя милосердаго и милостиваго Бога Ю, Али бинъ Иса, о ничтожный незаконорожденный! Въ томъ ли награда за мою милость, возведшую тебя изъ привратника въ санъ князя, что я долженъ слышать отъ всѣхъ визирей о твоей неспособности? Прежде я не вѣрилъ ихъ словамъ,—я твоя благодарность за это состоить въ томъ, что ты всѣми способами притѣснаешь мусульманъ и самъ сдѣлался мнѣ невѣрнымъ. Теперь я отправилъ Гортуму, чтобы онъ тебя арестовалъ и связалъ и каждому оказалъ справедливость. Передай ему управленіе и слушайся его приказаній“.

зейма ибнъ Хазимъ былъ несчастливъ въ своихъ попыткахъ привести бунтовщика къ послушанію, — и эта неудача утвердила на Туркестанской почвѣ династію, дѣятельность которой составляетъ блистательный періодъ для земель при—Окскихъ, въ особенности же она оказала величайшія услуги самостоятельной исторіи Бохары.

IV.

Саманиды и Эмиръ Измаиль.

261 (874) — 295 (907).

Къ хоразанскому намѣстнику, Эзеду бинъ Абдулаху, прозванному добродушнымъ и другомъ притѣсняемыхъ, пришелъ Саманъ ¹⁾, вельможа изъ Белха, оставшійся еще вѣрнымъ ученію Зороастра, и просилъ у него помощи противъ своихъ враговъ, изгнавшихъ его изъ того города. Эзедъ принялъ въ немъ самое теплое участіе и помогъ ему возвратить его прежнее положеніе, а Саманъ, изъ благодарности, принялъ исламъ ²⁾ и назвалъ своего первенца именемъ своего помощника — „Эзедъ“. Этотъ Эзедъ имѣлъ четырехъ сыновей — Нуха, Ахмеда, Ягью и Илію. Всѣ они, по примѣру своего отца, были преданы Арабамъ съ непоколебимою вѣрностью, такъ что калифъ Меемунъ имѣлъ полное право рекомендовать ихъ хоразанскому губернатору ³⁾, какъ такихъ

¹⁾ Саманъ производилъ свой родъ отъ Сасанида Веграма Чубина, оттого и молва у Арабовъ о его аристократическомъ происхожденіи.

²⁾ То обстоятельство, что Саманъ, долго послѣ арабскаго завоеванія Белха, могъ занимать мѣсто главнаго начальника, не бывъ магомеданиномъ, служитъ яснымъ доказательствомъ слабыхъ успѣховъ, какіе въ началѣ сдѣлалъ исламъ между послѣдователями Зороастра.

³⁾ Это былъ Газанъ бинъ Аббадъ, племянникъ знаменитаго Фазль бинъ Сагла, Меемунова визири съ титуломъ Зулриазетейнъ — обладатель обоихъ управленій, т. е. военнаго и гражданскаго. Дефремери въ первомъ примѣчаніи къ своей *Histoire des Samanides*. Парижъ. 1845.

особь, „которые—высокаго происхожденія и которыми можно довѣрить высшія должности“. Какъ уже упомянуто, ихъ услуги въ особенности понадобились въ войнѣ съ Рафи' бинъ Лейтомъ, и, благодаря ихъ энергическому содѣйствію, Рафи' скоро былъ принужденъ къ миру; поэтому Меемунъ наградилъ каждаго сына Эзеда, именно: Нухъ получилъ въ видѣ лена Самаркандъ, Ахмедъ—Фергану, Ягья—Шать (Ташкентъ), а Оерушна и Илія—Герать. Въ этомъ достоинствѣ они были утверждаемы и послѣдующими калифами; такъ, когда, по смерти Нуха, братъ его Ахмедъ, а послѣ него его сынъ Насръ получилъ въ свое управленіе Самаркандъ, то калифъ Ватикъ утвердилъ это назначеніе грамотою. Если поэтому постоянное благоволеніе, оказываемое Арабами Саманидамъ, все болѣе и болѣе придавало силъ новой династїи, то съ другой стороны и Трансоксанія не менѣе выигрывала отъ такихъ отношеній. Въ земляхъ по Оксу и Яксарту, столько вытерпѣвшихъ, сталъ мало по малу утверждаться порядокъ, и уже въ началѣ можно было предвидѣть, что при Саманидахъ наступить для Трансоксанїи новая эра.

Въ виду замѣшательства, вызванныхъ съ одной стороны властью Тагиридовъ, уже клонившеюся къ паденію, а съ другой—возстаніемъ Якуба бинъ Лейта въ Хоразанѣ, едва ли бы возможно было утвердить свой тронъ Насру бинъ Ахмеду, хотя и украшенному многими добродѣтелями, но въ сущности подозрительному и слабому характеромъ, еслибы онъ не имѣлъ въ своемъ младшемъ братѣ Измаилѣ самаго дѣятельнаго помощника. Измаилъ, родившійся въ шевваль 234 (848) года въ Ферганѣ, достигъ только 15-лѣтняго возраста, когда умеръ его отецъ; поэтому онъ съ любовью и уваженіемъ привязался къ своему брату Насру, и этихъ чувствъ онъ не терялъ даже и тогда, когда послѣдній, подстрекаемый подозрительностью, воевалъ съ нимъ. Первая услуга, съ которою выступилъ Измаилъ еще 25-лѣтнимъ юношею, была выполнена въ Бохарѣ, гдѣ обитатели соста-

вляли отдѣльныя фракціи партій, господствовавшихъ тогда на востокѣ ислама, и своими внутренними раздорами подвергали себя величайшимъ опасностямъ. Когда въ 259 (872) году Гуссейнъ бинъ Тагиръ сдѣлалъ вторженіе и грабежомъ и убійствомъ жестоко досадилъ Бохарѣ ¹⁾, тогда нѣкоторые вельможи, по совѣту высокочтимаго ученаго Обейдуллаха азъ Фибиха, обратились къ Насру, Саманиду въ Самаркандѣ, за помощью и защитой. Вслѣдствіе этого Насръ предложилъ имъ своего брата Измаила, который немедленно отправился въ Бохару. При извѣстїи о его приближенїи, его противникъ тотчасъ вступилъ на путь мирныхъ рѣшеній: Бохара была отдана подѣ главное начальство Саманидовъ и вмѣсто Якуба бинъ Лейта вставлено въ Хутбе имя Насра. 1-го числа рамазана 260-го года Измаиль въ качествѣ намѣстника Насра, совершилъ вѣздъ въ празднично убранный городъ; прїемъ былъ горячій, несмотря на рѣзкія отношенія партій,—золото и драгоценности были разбросаны на пути Измаила, появленію котораго предшествовала молва о его добродѣтеляхъ. И не напрасно Бохара торжествовала этотъ праздникъ, потому что чрезъ это довершалось соединеніе всей Трансоксанїи, даже всего Туркестана, и когда калифъ Мутемидъ въ томъ же году прислалъ Насру дипломъ, утверждавшій въ намѣстничествѣ Трансоксанїи, то въ немъ было сказано, что онъ передаетъ ему всѣ земли *отъ береговъ Окса до самаго отдаленнаго востока* ²⁾.

Несмотря на критическое положеніе, при которомъ Измаиль явился въ Бохару, ему удалось, однакожъ, въ короткое время сдѣлаться общимъ любимцемъ. ³⁾ Труднѣе всего,

1) Такъ онъ однажды, подѣ предлогомъ сбора подати, сложилъ вмѣстѣ всѣ находившіяся въ городѣ монеты зрефы, желая будто бы размѣнить ихъ на серебро; между тѣмъ внезапно ночью исчезъ. Сокровища доставились проживавшимъ въ городѣ бѣднякамъ, которые такъ ими обогатились, что потомъ очень богатыхъ людей долгое время называли поговоркою „участники въ сокровищѣ Гусейна бинъ Тагира“.

2) Въ текстѣ говорится: „Ez abi Dschefhun ta akza Biladi Meschrik“.

разумѣтся, было умиротвореніе брата Насра, уже въ самомъ началѣ разгнѣвавашагося на него за то, что онъ, въ кратковременное отсутствіе свое изъ Бохары, оставилъ на своемъ мѣстѣ чиновника, не нравившагося Насру ¹⁾. Послѣдній хотѣлъ даже отрѣшнить его отъ должности, но при посредствѣ нѣкоторыхъ вельможъ примирился съ нимъ и съ робкимъ опасеніемъ опять отправилъ его въ Бохару, гдѣ Измаилъ снова былъ принятъ отлично. Тамъ уже привыкли къ его правдивости и любви къ порядку, и всѣ ждали его съ нетерпѣніемъ и потому еще, что въ его отсутствіе число разбойниковъ слишкомъ увеличилось, и даже 4000 ихъ гнѣздились между Раметиномъ и Баркетомъ. Измаилъ немедленно послалъ противъ нихъ войско, которое почти совсѣмъ истребило ихъ, такъ что только незначительное число плѣнныхъ было прислано въ Самаркандъ. Только что миновала эта опасность, какъ пришло извѣстіе, что Гуссейнъ бинъ Тагиръ вновь перешелъ Оксъ съ 2000 Харезмійцевъ и идетъ на Бохару. Быстро двинулся Измаилъ ему на встрѣчу и разбилъ его на голову. Это было первое сраженіе, въ которомъ онъ представилъ блистательныя доказательства личной храбрости и приобрѣлъ любовь солдатъ подарками ²⁾. По возвращеніи въ Бохару, Измаилъ хотѣлъ приняться за управленіе, но опять наткнулся на препятствіе; противъ него возстали въ Зеревшанской столицѣ знатные, которымъ прежнія замѣшательства были въ пользу, а порядокъ ихъ стѣснялъ. Надо было прежде отдѣлаться отъ нихъ; подъ предлогомъ посольства, они были отправлены въ Самаркандъ къ Насру, который, по тайному соглашенію съ братомъ, схватилъ ихъ и бросилъ въ тюрьму. И все же Измаилъ не могъ

1) Мирхондъ въ своей исторіи Саманидовъ приписываетъ начало неудовольствія Насра тѣсной дружбѣ между Измаиломъ и Рафи' бинъ Гортумой, и нашлись злые люди, наговорившіе Насру, будто Измаилъ хочетъ, при помощи Рафи', свергнуть его съ престола.

2) Подарокъ, который Измаилъ велѣлъ раздать офицерамъ, состоялъ изъ золотыхъ платьевъ, цѣннѣе тогда въ средней Азіи дорожѣ шелкового.

съ желаннымъ спокойствіемъ заняться дѣлами управленія! Его братъ Насръ, подозрительность котораго усиливалась съ каждымъ новымъ успѣхомъ Измаила, и который всегда готовъ былъ къ распрѣ, напелъ новый поводъ къ ней въ мнимои неточности уплаты дани. Въ то время Бохара имѣла 500,000 диремъ ежегодныхъ государственныхъ доходовъ; только малая часть ихъ приходилась на долю Измаила, и такъ какъ остальнаго онъ не отослалъ послѣ неоднократнаго требованія, да и другія явились препирательства, то отъ словесныхъ споровъ дѣло дошло до непріязненныхъ дѣйствій между братьями, и въ 272 (885) году мы уже видимъ легко раздражающагося Насра съ арміею въ походѣ противъ Бохары. Измаиль, недостаточно готовый къ войнѣ, уклонился отъ битвы и убѣжалъ чрезъ Тарабъ въ Бейкендъ, откуда отправилъ гонца, по имени Гамуйя, за помощію къ своему другу и союзнику Рафи' бинъ Лейту, изъ мятежнаго вассала сдѣлавшемуся хоразанскимъ намѣстникомъ. Рафи' тотчасъ поспѣшилъ къ Измаилу черезъ Оксъ и, соединившись съ нимъ, думалъ было напасть на Насра; но этотъ уже предупредилъ ихъ и при Таваисѣ отрѣзалъ ихъ отъ обитаемой части Бохары и отбросилъ въ пустыню. Недостатокъ продовольствія (въ томъ году былъ неурожай) скоро довелъ союзныя войска до крайней нужды; кромѣ этого, вниманіе Рафи' было обращено и на то безвыходное положеніе, въ какое онъ можетъ попасть, если оба брата примирятся и, соединившись, нападуть на него. Вотъ почему онъ, вдругъ перемѣнившись, взялъ на себя роль мирового посредника¹⁾;—

1) Мирхондъ приписываетъ осуществленіе мирнаго рѣшенія другой причинѣ, потому что въ переводѣ Дефремери мы читаемъ объ этомъ на стр. 115 слѣдующее: *Lorsque Hamoujeh fut arrivé au terme de son ambassade, Rafi se dirigea en personne vers le Mavéran ahr. Quand il eut passé le fleuve Oxus Hamoujeh conçut quelques craintes et se dit: „Rafi avec cette armée qui l'accompagne, pourra reduire sous sa puissance la totalité de Mavéranahr. Il est à presumer que, tandis qu'il repoussera Nasr, il s'emparera d'Ismaïl; et, de la manière dont il lui donnera la principauté il faudra désormais qu'Ismaïl lui soit soumis; et ce sera une grande honte.“*

и дѣйствительно, ему удалось заключить миръ между Насромъ и Измаиломъ съ условіемъ, что послѣдній займетъ въ Бохарѣ мѣсто только мухазибѣ (сборщика податей), собственное же управленіе городомъ будетъ поручено кому нибудь другому. Это происходило въ 273 (886) году; но не прошло и 15 мѣсяцевъ, какъ опять вспыхнулъ раздоръ, и все изъ-за податей. Разумѣется, Насръ первый взялся за оружіе. Его армія, къ которой присоединился сильный отрядъ изъ Ферганы; находилась подъ предводительствомъ генерала Эбуль Ашата, но Измаиль въ этотъ разъ былъ лучше приготовленъ, — онъ призвалъ на помощь войско изъ Харезма, и къ концу 275 (888) года ему удалось почти совсѣмъ уничтожить непріятеля въ сраженіи. Самъ Насръ, навѣрно, былъ бы убитъ наскочавшею на него толпою Харезміевъ, если бы во время не раздался громовый крикъ „стой“. и Насръ быстро соскочилъ съ лошади и сдался въ плѣнъ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, Измаиль поспѣшилъ туда, выказавъ глубочайшее почтеніе къ своему плѣннику и, цѣлуя подушку, на которой Насръ сидѣлъ, сказалъ ему: „о эмиръ! это была воля Божья, что мои глаза должны сегодня видѣть тебя плѣнникомъ“. „Это была *твоя* воля, Измаиль“, отвѣтилъ ему Насръ, „ты возсталъ противъ своего начальника и согрѣшилъ предъ Богомъ.“ — „Я сознаюсь, что ты правъ“, возразилъ ему на это Измаиль, „но будь теперь великодушень и прости мнѣ!“ Во время этой бесѣды, лучше всего доказывающей благородство души великаго Саманида, сюда явился младшій братъ Исгакъ, сражав-

Hamouieh ayant consacré sa prudence à prévenir cet évènement facheux, dit à Rafi: „O emir, ce qui convient, est que tu fasses des efforts afin que la paix soit conclue entre les frères; car, si tu persistes à combattre, il est possible que les deux frères fassent ensemble un accord, et que tu éprouves un sujet d'affliction sur la terre étrangère“. Le conseil d'Hamouieh se trouvant conforme aux dispositions de Rafi, celui-ci envoya des députés auprès de Nasr et d'Ismail, et leur fit dire: „L'avantage de chacun se trouve dans la paix“. Il montra tant d'insistance à ce sujet, que les deux frères conclurent un accommodement et Rafi retourna dans le Khorasân.

пійся противъ Насра, и нѣсколько времени оставался на лошади въ качествѣ зрителя. Измаиль разсердился на него, зачѣмъ онъ не сошелъ съ лошади изъ почтенія къ старшему брату и главѣ семейства. Исагъ извинялся тѣмъ, что ему не позволяетъ это сдѣлать его безпокойная боевая лошадь. Тогда его сняли съ сѣдла, и онъ, поцѣловавъ ноги у побѣжденнаго, остался предъ нимъ стоять въ глубокомъ почтеніи, а Измаиль продолжалъ: „о, эмиръ, ты поступилъ бы хорошо, еслибы немедленно отправился въ свою превосходную резиденцію, пока не пришло туда извѣстіе о случившемся и пока не пострадалъ твой авторитетъ въ Мавера унъ негрѣ.“ — „Какъ, Измаиль“, проговорилъ Насръ съ удивленіемъ, „ты самъ желаешь, чтобы я возвратился въ свой собственный городъ“? — „Чтоже другое долженъ я дѣлать“? перебилъ его Измаиль. „Что ты желаешь, то и должно быть исполнено“. До слезъ растроганный этими словами, Насръ не могъ не почувствовать глубокаго раскаянія въ происшедшемъ кровопролитіи. Онъ сѣлъ на лошадь и отправился, сопровождаемый цѣлюю милою обоими братьями, въ Самаркандъ, гдѣ и держалъ себя съ этихъ поръ смирно, а спустя четыре года умеръ 22-го числа мѣсяца джемази уль эввель 279 (892—3) года.

По смерти брата, Измаиль взялъ въ свои руки правленіе во всей Трансоксаніи и Харезмѣ; сыну Насра поручилъ управлять Самаркандомъ, а самъ избралъ свою резиденцію Бохару, куда и прислалъ ему калифъ Мутасидъ утвердительную грамоту со знаменемъ и почетнымъ платьемъ по тогдашнему обычаю. Измаиль считалъ этотъ актъ подчиненія князю правовѣрныхъ только богоугоднымъ дѣломъ, въ сущности же мало заботился объ утвержденіи со стороны Багдадскаго двора; да и самъ калифъ не болѣе выказалъ искренности въ своемъ письмѣ, въ которомъ передавалъ ему право „хутѣ и монеты.“ Въ то время калифатъ, въ самыхъ основахъ своихъ разслабленный всевозможными пороками, могъ

держаться еще только интригами; имѣвшими цѣлью взаимное ослабленіе опасныхъ его намѣстниковъ. Серьезную же опасность внушали недостойнымъ преемникамъ Могаммеда династїи, вновь возникавшїя на востокѣ ихъ имперїи,—и вотъ мы видимъ, что калифъ Му'тасидъ назначаетъ эмира Измаила своимъ законнымъ намѣстникомъ въ Мавера уть негрѣ, поборникомъ враговъ ислама и калифата—и въ то же самое время хоразанскому намѣстнику, Амру бинъ Лейту, прежнему мятежнику, даетъ тайное порученіе объявить войну Измаилу и низвергнуть его ¹⁾. Измаиль, разумѣется, притворился, будто ничего не знаетъ объ этой низкой интригѣ; напротивъ того, тотчасъ по вступленїи на престолъ, предпринялъ, въ благодарность за присланное утвержденіе, священную войну, Гаца, противъ христіанскаго *Таваса*, который лежалъ на сѣверѣ его царства, въ окрестностяхъ нынѣшняго Газрети Туркестана, и былъ во власти невѣрующихъ, покорилъ его, обратилъ въ мечеть большую его церковь ²⁾ и возвратился съ такою богатою добычею, что на каждого всадника досталось по тысячѣ диремъ. По прибытїи въ Бохару, Измаиль хотѣлъ посвятить себя дѣламъ управленїя, но скоро завязалась борьба между нимъ и Амру бинъ Лейтомъ, продолжавшаяся почти семь лѣтъ. Амру, тайно возбуждаемый, какъ мы замѣтили, самимъ калифомъ къ войнѣ съ Измаиломъ, увидѣлъ, послѣ побѣды надъ Рафи'бинъ Гортумою, опаснаго соперника въ лицѣ Саманида, все болѣе усиливавшаго свою власть и

1) Калифъ сдѣлалъ ему визитъ и подстрекалъ его къ войнѣ противъ Измаила, и, вѣроятно, въ то самое время утверждалъ послѣдняго намѣстникомъ въ Трансоксанїи и возбуждалъ его противъ Амру (Вейль, *Geschichte der Chalifen*, II том. стр. 485).

2) У Наршахи именно стоитъ Килиза-и-бузиркъ—большая церковь. Такъ какъ этотъ же авторъ всегда называетъ молитвенные дома Парсовъ атешхане—храмы огня, то и слѣдуетъ принять, что побѣжденный Измаиль турецкій князь былъ христіанинъ, а обращенная въ мечеть церковь была несторїано-христіанская. Разумѣется, нельзя совершенно отвергать и того предположенїя, что здѣсь могла быть рѣчь и о буддистской лагодѣ среди Турокъ. Впрочемъ, въ такомъ случаѣ текстъ прямо упоминалъ бы о пухане (идольскомъ храмѣ).

вліаніе, — и рѣшился, во что бы то ни стало, уничтожить его. Изъ тѣсной дружбы, соединявшей Рафи'и Измаила, Амру могъ съ увѣренностью заключить, что послѣдній не особенно къ нему расположенъ, и сталъ изыскивать средства, которыя должны довести до открытаго разрыва; поэтому и призналъ достаточнымъ поводомъ къ раздору принятіе Измаиломъ подъ свою защиту его чиновника убѣжавшаго въ Бохару. Впрочемъ, сперва Амру попробовалъ дипломатическую войну, потому что, вѣроятно, еще не собрался съ силами, но Измаиль отвѣчалъ ему рѣзко ¹⁾, на что Амру, лицемѣрно предлагая примиреніе, написалъ слѣдующее: „къ чему раздоръ? эту землю ввѣрилъ намъ калифъ; ты мой товарищъ и долженъ быть моимъ другомъ и искреннимъ. Никакіе споры не должны впередъ нарушать нашего согласія. Пренія мои выраженія, конечно, были немного смѣлы, но теперь все прошло, и на будущее время ты долженъ безпрепятственно наслаждаться своимъ господствомъ.“ — Измаиль уже стоялъ лагеремъ на берегу Окса, когда посольство Амру, подъ начальствомъ знаменитаго Нисапурскаго шейха, передало ему это письмо, но Измаиль, угадывая хитрость, написалъ короткій и холодный отвѣтъ. Тогда лукавый Саффарида отдалъ приказаніе своему полководцу Али бинъ Шервину немедленно двинуться противъ Бохары ²⁾, но шадить Бохарцевъ, какъ только можно, и лучше привлечь ихъ къ себѣ добротой, чѣмъ покорить ихъ силою. Узнавъ объ этомъ, Измаиль точасъ перешелъ Оксъ. Али бинъ Шервинъ первый напалъ на него своею многочисленною пѣхотою; обѣ стороны дрались съ ожес-

1) По другимъ источникамъ, сперва Измаиль сдѣлалъ мирныя предложенія и отправилъ къ Амру слѣдующее посланіе: „ты — владыка обширнаго міра, а я владѣю только тѣмъ, что лежитъ сзади этой рѣки (Окса) и окруженъ невѣрными. Будь же доволенъ тѣмъ, что имѣешь и оставь мнѣ мою пограничную область“. По Вейлю, *Geschichte der Chalifen*, II том. стр. 485.

2) Кромѣ этого генерала, Наршахи называетъ еще второго, именно Могаммеда бинъ Лейта, котораго онъ посылаетъ съ 5000 воиновъ по другому направленію. По Зинетъ эль тсварихъ, Амру имѣлъ 70,000 войска, а Измаиль только 20,000.

точениемъ, наконецъ всадники Измаила одержали побѣду. Армія Амру потерпѣла страшное пораженіе отъ этихъ обитателей пустыни, на деревянныхъ стременахъ качавшихся на своихъ лошадяхъ, и генералы Бепрѣ и самъ Али бинъ Шервинъ попали въ плѣнъ. По обыкновенію, Измаиль и здѣсь показалъ рѣдкое великодушіе къ побѣжденнымъ врагамъ. Въ-сто того, чтобы заключить ихъ подъ стражу, какъ это было въ обычаѣ, онъ щедро ихъ оаридъ, далъ имъ свободу и позволеніе возвратиться домой, и когда его воины выразили свое изумленіе на счетъ такого поступка, то онъ имъ отвѣтилъ: „чего вы хотите отъ этихъ бѣдныхъ людей? пусть они возвратятся довольными, и уже никогда болѣе они не станутъ воевать съ нами.“

Когда вѣсть о пораженіи дошла до Амру бинъ Лейта, то онъ пришелъ въ сильную ярость и рѣшился отмстить за него. Сперва онъ потребовалъ выдачи плѣнныхъ генераловъ; ему, разумѣется, въ этомъ отказали. Тогда онъ немедленно двинулся съ значительными военными силами противъ Бохары. Измаиль, хорошо вооружившись и привлеки на свою сторону сосѣднихъ князей, тотчасъ перешелъ Оксъ и напалъ на укрѣпленный Белхъ, въ которомъ находился Амру. Сначала онъ попробовалъ мирнымъ путемъ склонить Белхянъ къ выдачѣ Амру, но это не удалось; послѣ того Измаиль рѣшился напасть на крѣпостные верки, но Амру сдѣлалъ вылазку, обратившуюся въ жестокій бой. Армія Амру была разбита на голову, и онъ самъ, съ большимъ трудомъ, едва ушелъ съ поля битвы, въ сопровожденіи двухъ слугъ; скоро, однакожъ, былъ схваченъ и приведенъ къ Измаилу въ среду 9-го числа мѣсяца джемазіюль ахиръ 288 (900) года¹⁾. При видѣ своего плѣннаго противника

1) Зинеть эти товарищи рассказываетъ анекдотъ совершенно во вкусѣ восточныхъ фаталистическихъ воззрѣній, относящихся до внезапной перемены счастья Амру. Въ первый вечеръ своего плѣна Амру сидѣлъ на землѣ и велѣлъ одному изъ своихъ сторожей приготовить скудный ужинъ; за недо-

Измаиль былъ глубоко тронуть. Амру изъ почтенія хотѣлъ сойти съ лошади, но благородный Саманидъ не позволилъ этого и сказалъ: „сегодня *моя* обязанность оказывать почтеніе“. Дѣйствительно, онъ помѣстилъ его въ близъ лежащемъ замкѣ, чрезъ четыре дня навѣстилъ его и всячески старался предупредительностью смягчить несчастіе своего прежняго врага. Измаиль спросилъ его, какъ онъ попалъ въ плѣнъ, и Амру разсказалъ ему слѣдующее: „во время моего бѣгства лошадь упала, я сошелъ съ нея и легъ на землю совершенно безъ силъ отъ необыкновеннаго утомленія,—вдругъ вижу двухъ всадниковъ, цѣлвшихъ въ меня своими дротиками. Я спросилъ ихъ, чего они хотятъ отъ меня, старика, и умолялъ ихъ пощадить мою жизнь. Они подѣхали ближе, взяли меня подъ свою защиту, и одинъ изъ нихъ даже посадилъ меня на свою лошадь. Между тѣмъ собрались вокругъ насъ и другіе воины и спросили, какія при мнѣ драгоценности: я показалъ имъ нѣсколько жемчужинъ, стоимвшихъ 80,000 диремъ, — они взяли ихъ вмѣстѣ съ моимъ перстнемъ съ печатью и даже сняли съ меня сапоги богато украшенные“. Далѣе онъ разсказалъ, какъ потомъ, по приказанію Измаила, съ нимъ обращались съ особеннымъ почтеніемъ и возвратили ему многія изъ отнятыхъ вещей. И дѣйствительно, Амру такъ былъ тронуть великодушіемъ Измаила, что даже открылъ ему, что въ Белхѣ у него спрятано золото, которымъ можно нагрузить 10 ословъ, и что изъ благодарности онъ отдаетъ его ему въ

статкомъ кухонной посуды, кушанье пришлось варить въ сосудѣ, изъ котораго обыкновенно поятъ лошадей. Только что оно было поставлено на огонь, какъ прибѣжала собака, всунула голову въ сосудъ, но, такъ какъ отверстіе было небольшое, то она и не могла вынуть назадъ головы и стала бѣгать туда и сюда съ сосудомъ и ѣдою. При видѣ этой смѣшной сцены, Амру громко захохоталъ и на вопросъ сторожа, какъ онъ можетъ еще смѣяться при своемъ несчастіи, отвѣчалъ: „сегодня утромъ мой дворецкій жаловался на то, что трехъ сотъ верблюдовъ недостаточно, чтобы перевезти мою *кухонную посуду*, а теперь одна собака носитъ и посуду и кушанье вмѣстѣ“ (Малькольмъ).

распоряженіе. Измаиль велѣлъ привезти это богатство и возвратилъ его изумленному Амру ¹⁾.

Благородный Саманидъ еще долго осыпалъ бы благодареніями своего прежняго врага, но калифъ Му'тасидъ Биллахъ, какъ только узналъ о его блистательной побѣдѣ, письменно потребовалъ отъ него выдачи Амру, прибавивъ, что только ему одному, какъ князю правовѣрныхъ, слѣдуетъ наказать по заслугамъ этого грѣшника, котораго, впрочемъ, онъ самъ подстрекнулъ къ войнѣ. Можно себѣ представить, какъ пораженъ былъ Измаиль этимъ требованіемъ. Хотя онъ и зналъ хорошо о лукавыхъ интригахъ калифа, но чувство благочестія не позволяло ему послушаться князя правовѣрныхъ. Поэтому, исполняя требованіе, онъ велѣлъ перенести Амру въ закрытыхъ носилкахъ въ Бохару, но самъ лично не имѣлъ духу сообщить ему о печальной его участи. Указывая на горькую необходимость, Измаиль просилъ у него прощенія и спрашивалъ, что онъ можетъ для него сдѣлать. Амру поручилъ своихъ сыновей и своего вѣрнаго слугу защитѣ своего благодѣтеля и отправился въ путь съ княжескими удобствами. По прибытіи въ Багдадъ, Амру былъ сданъ калифомъ евноху Сафи, который велѣлъ бросить его въ тюрьму, и послѣ двухлѣтняго заключенія, онъ былъ повѣшенъ по приказанію визиря Муктафіа въ мѣсяцъ джемазіюль эввелъ 290 (903) года.

Тотчасъ по прибытіи Амру въ Багдадъ, калифъ Му'тасидъ отправилъ Измаилу утвердительную грамоту на вла-

1) По свидѣтельству другихъ восточныхъ историковъ, Измаиль будто бы съ негодованіемъ отвергъ предложенія ему сокровища, сказавъ Амру: „откуда пришли эти сокровища къ тебѣ и къ твоему брату? Весь свѣтъ знаетъ, что вы оба дѣти мѣдника. Счастье нѣсколькихъ дней, въ сущности же ваше несчастье, помогло вамъ достигнуть господства, но вы приобрѣли богатство тираніею и несправедливостью. Теперь вы хотите навалить на меня его тяжесть, давшую васъ. Нѣтъ, я не такой человекъ, котораго можно обмануть рѣвчанинъ“. Такимъ языкомъ, навѣрно, Измаиль никогда не говорилъ съ своими врагами; это — изобрѣтеніе восточныхъ исторіографовъ, какъ и сказка объ открытіи сокровищъ Амру въ окрестностяхъ Герата хищною птицею, приводимая въ прежде названномъ сочиненіи Дефремери. См. стр. 121.

дѣніе Хоразаномъ, который въ то время простирался отъ Бестама (теперь Шахрудъ) на востокъ за Белхъ и отъ Каина до Окса на сѣверъ, чрезъ Систанъ, Иракъ и Мазендранъ. Измаиль отлично принялъ гонца съ грамотою, привезшаго и дорогія почетныя платья, богато его одарилъ ¹⁾ и уже собирався взять въ свое владѣніе тѣ земли, какъ услыхалъ, что Алидъ Могамедъ бинъ Зеидъ, Табаристанскій князь, выступилъ противъ него въ поле. Измаиль сперва попытался мирными переговорами удержать его отъ нападенія, когда же это не помогло, то послалъ противъ него Могамеда бинъ Гаруна. Въ сраженіи, въ началѣ удачномъ для Алида, но потомъ, послѣ преждевременнаго упоенія мнимою побѣдою, тѣмъ гибельнѣе для него окончившагося, князь Табаристана потерялъ и тронъ и жизнь. Измаиль передалъ его владѣнія побѣдоносному генералу, который, впрочемъ, возсталъ противъ своего государя и благодѣтеля, но Измаиль скоро возвратилъ Табаристанъ подъ свою власть: мятежный генералъ заплатилъ жизнью за свою черную неблагодарность, а Табаристанскимъ губернаторомъ Измаиль назначилъ своего племянника, Эбу Салихъ Мансура. Возвратившись изъ Ирака, Измаиль долженъ былъ въ 291 (903) году предпринять новый походъ противъ Турокъ, угрожавшихъ нападеніемъ сѣверной границѣ его государства, именно окрестностямъ нынѣшняго Газрети Туркестана. Турки издавна были бичемъ Трансоксаніи и этотъ разъ, по свидѣтельству арабскаго автора, явились въ неимоверномъ числѣ ²⁾, но это не помѣшало ихъ побѣдить и обратить въ безпорядочное

¹⁾ Измаиль далъ ему подарокъ въ 100,000 диремъ, а его благоговѣнное почтеніе къ калифу лучше всего видно изъ того, что, какъ говорятъ, онъ, предъ возложеніемъ на себя каждаго платья отъ калифа, совершалъ два молитвенныхъ риката (рикатъ состоитъ изъ двухъ колѣнопреклоненій и одного поклона съ соотвѣтственной молитвой).

²⁾ Дефремери въ 22 примѣч. къ 228 стр. приводитъ мѣсто изъ Ибнъ эль Аттира, по кото. ому въ лагерѣ Турокъ было 700 *большихъ палатокъ*, которыя употребились только главами соотвѣтствующихъ племенъ; поэтому арабскій авторъ представляетъ число Турокъ невѣроятно огромнымъ.

бѣгство, — армія Измаила возвратилась въ Бохару, обремененная сокровищами, и этимъ завершила рядъ походовъ, посредствомъ которыхъ великій Саманидъ, начиная съ вступленія на престолъ, присоединилъ къ своему наслѣдственному владѣнію на Оксѣ столько обширныхъ и богатыхъ областей и создалъ могущественное царство изъ Мавера унъ негра, бывшаго во время арабскаго владычества только частью Хоразанской провинціи.

Въ самомъ дѣлѣ Бохара въ то время была центромъ *во первыхъ* — средне-азійскаго государства, потому что власть повелителя на Зеревшанѣ простиралась на сѣверъ до края большой степи, на востокъ до долинъ Тянь-Шяньскаго горнаго хребта, на югъ до Персидскаго залива и сѣверной границы Индіи ¹⁾ и, наконецъ, на западъ, чрезъ Иракъ, только на нѣсколько дней пути не доходила до резиденціи калифа. Въ городахъ, какъ Мервъ, Нишабуръ, Рей, Амоль, Казвинъ, Исфаганъ, Ширазъ, Герать и Белхъ, управляли наместники Измаила. Онъ былъ первый, которому удалось соединить подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ Иранцевъ востока и запада, и государственный составъ, созданный его административнымъ талантомъ и военнымъ искусствомъ, имѣлъ болѣе прочное основаніе, чѣмъ царство Арабовъ, очень недолго державшееся въ цѣлости только кровью первыхъ религиозныхъ войнъ. Чтобы понять этотъ политическій успѣхъ, мы должны напередъ замѣтить, что въ продолженіи 250 лѣтъ, протекшихъ со времени вторженія Арабовъ, въ Иранѣ, какъ и въ Трансоксаніи, могаммедано-персидское міросозерцаніе заняло мѣсто древней персидской культуры. Хотя религія была главною пружиною этого переворота, но она не совершенно подавила національное чувство иранскаго народа; арабскихъ

¹⁾ Наршахи прибавляетъ также Гиндъ и Сяндъ, но это скорѣе слѣдуетъ считать только фразою, потому что султану Махмуду Газнеvidу выпало на долю распространить свое владычество по ту сторону Сулеймановой цѣпи.

чиновниковъ калифовъ въ такой же степени ненавидѣли, въ какой любили и всеми способами поддерживали туземныхъ сановниковъ. Это и было причиною, что отдѣльные счастливые воители, какъ только объявляли о своемъ намѣреніи отложиться отъ калифата, могли возвышаться и основывать династіи; этому же обстоятельству слѣдуетъ приписать и то, что Измаиль, имѣвшій въ виду основаніе самостоятельнаго царства, легко могъ достигнуть этой цѣли, при всемъ видимомъ подчиненіи своемъ калифу. — *Во вторыхъ*, Бохара, благодаря любви къ ней Измаила, сдѣлалась не только резиденціею, но и центромъ тѣхъ духовныхъ стремленій и дѣйствій, которыя въ то время одушевляли восточную часть могомеданскаго міра. Когда иранская народная жизнь, послѣ несчастнаго сраженія при Кадезіи, испустила послѣдній вздохъ, и голые варвары арабской пустыни налетѣли на Персію, подобно разрушительному урагану, — то въ восточномъ Ирагѣ, именно въ Белхѣ и Трансоксаніи, подъ грудю поверженныхъ алтарей, еще тлѣлись слабыя искры персидской культуры. Эти-то искры и были раздуты Саманидами въ благотворный свѣтъ; и хотя его направленіе было чисто въ духѣ ислама, но источникъ выходилъ изъ храма Зороастрова ученія. Бохара, это „мѣстопребываніе наукъ“, еще во время парсизма, удержала свою прежнюю знаменитость и при исламѣ и, дѣйствительно, уже рано приобрѣла себѣ имя „благородной и благочестивой Бохары“, котораго теперь она вовсе недостойна. Такъ какъ духовное стремленіе этого періода проявлялось только въ сферѣ божескихъ познаній, поэтому городъ на Зеревшанѣ славился религиозными знаменитостями, гробницы которыхъ и теперь еще составляютъ предметъ большого почитанія. Такими были напр. знаменитый *Ходжа Эбу Гифзъ аль Бохари* ¹⁾, родившійся въ 150 (767) году и

¹⁾ См. находящуюся въ концѣ Тарихи Наршахи тетрадь о знаменитыхъ мѣстахъ набожныхъ странствованій въ святыхъ гробницахъ въ окрестностяхъ Бохары. Могила Эбу Гифзъ аль Бохары находится на клад-

долгое время считавшийся, за свою ученость, духовным оракулом города Бохары. Онъ былъ ученикомъ имама Могаммеда Шейбани, который указывалъ на него, какъ на отличнѣйшаго изъ своихъ слушателей. Эбу Гифзъ умеръ въ 227 (841) году и оставилъ послѣ себя блистательный памятникъ своей духовной дѣятельности въ лицѣ своего ученика, величайшаго могоммеданскаго правовѣда *Абдуллаха аль Фикиха*, прозваннаго *аль Бохари*, родившагося въ Бохарѣ въ 194 (809) году и котораго главное твореніе, *Джами эс Сахихъ* — „собраніе истиннаго,“ считается наиболѣе комментированною книгою во всей литературѣ ислама. Ибнъ Халликанъ рассказываетъ, что по этой книгѣ училось у ея автора болѣе 70,000 учениковъ, и 600,000 преданій послужили еѣ матеріаломъ, разработка котораго продолжалась 16 лѣтъ. Онъ умеръ въ окрестностяхъ Самарканды въ 256 (869) году. Далѣе, — *Могаммедъ эль Себдемуни*, высокоученый верховный судья въ правленіе Измаила, умершій въ 304 (916) году; *Могаммедъ бинъ уль Фазль*, величайшій богословъ и экзегетъ своего времени, и многіе другіе, изъ-за которыхъ Бохара уже тогда была предметомъ завети прочихъ главныхъ городовъ ислама ¹⁾). Какъ рассказываютъ панегиристы Измаила, именно эта слава святости и была причиною, что великій Саманидъ предпочелъ Бохару Самарканду. Такъ какъ онъ самъ былъ религіозный и богобоязненный ²⁾ князь и принималъ ученыхъ подъ свою

блшѣ известномъ подъ именемъ Тель Ходжа. На томъ же самомъ кладбищѣ находится и могила шейха Бидара, о которомъ преданіе говоритъ, что онъ не спалъ сорокъ лѣтъ, чтобы имѣть возможность употреблять ночи на богослуженіе.

1) Въ Цир-и-улемаи Бохара, извлеченіемъ изъ котораго служить упомянутая выше тетрадь, поименованы многія сотни святыхъ, покоящихся въ Бохарѣ и ея окрестностяхъ, и изъ нихъ болѣе половины жили при Саманидахъ.

2) Какъ особенное доказательство благочестія Измаила приводится то обстоятельство, что онъ, проѣзжая по улицамъ, сходяль съ лошади при воззваніяхъ къ молитвѣ и только тогда опять садился на лошадь, когда муэдзинъ уже окончилъ это воззваніе.

защиту и по царски ихъ награждалъ ¹⁾, то многіе, даже изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, стремились въ его столицу, чтобъ или предаться занятіямъ въ княжески устроенныхъ медресе, или же вести созерцальную жизнь въ богато снабженныхъ читальныхъ домахъ (Кира'чане). Такъ исторія рассказываетъ объ извѣстномъ Гашидѣ Софи, который прежде былъ высокимъ сановникомъ и эмиромъ Дамаска, а потомъ, желая провести жизнь въ благочестивомъ уединеніи ²⁾, поселился въ Бохарѣ и умеръ въ ней въ 246 (860) году.

Кромѣ этого, строго религіознаго (теистическаго) направленія, иранское національное стремленіе Саманидовъ дало также первый толчекъ возрожденію персидскаго языка и литературы. Болѣе 200 лѣтъ преслѣдуемый арабскими правителями, благозвучный иранскій языкъ при Насрѣ и Измаилѣ сталъ развиваться съ новымъ блескомъ. Въ противоположность съ позднѣйшими могоммеданскими народами Азіи, которые съ культурою ислама ввели въ свои собственные языки множество арабскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, первые персидскіе поэты держались строгаго пуризма, сообщающаго столько прелести твореніямъ Эбуль Гасанъ Рудеки и составляющаго главную красоту образцоваго эпоса безсмертнаго Фирдуси. Къ сожалѣнію, это національное направленіе въ послѣдствіи скоро было оставлено; уже при Сельджукахъ литературныя произведенія изобилуютъ позаимствованными безъ всякой нужды иностранными сокровищами языка, — и только первымъ Саманидамъ принадлежитъ слава за то, что они оказали иранскому языку болѣе услугъ, чѣмъ всѣ государи, до на-

1) Довольно привести одинъ примѣръ благосостоянія, какимъ пользовался молла, благодаря великодушію Измаила. Могоммедъ бинъ эль Фазль-эль Бохари, умирая, оставилъ по духовному завѣщанію 400,000 дукатовъ.

2) Объ этомъ Гашидѣ рассказываютъ, что онъ, при переправѣ чрезъ Оксъ, бросилъ въ рѣку все свое имущество и оставилъ при себѣ только гребень (и теперь это—главный предметъ въ несессерѣ деряша), на одной сторонѣ котораго былъ вырѣзанъ стихъ изъ корана, а на другой—слабѣющее предложеніе: „грѣшить легче, нежели каяться“.

стоящаго времени правившіе азіатскими народами, говорящими по персидски.

Измаиль или правильнѣе *Эмиръ Измаиль*, какъ его называютъ восточные историографы, для показанія только кажущейся будто бы независимости его отъ Багдада, былъ именно такой человѣкъ, который могъ составить эту замѣчательную эпоху въ исторіи средней Азіи. Онъ былъ не менѣе храбръ, какъ и основатели династій Соффариловъ, Дейлемитовъ и Буйидовъ; кромѣ того, наиболѣе выдающіяся черты его характера составляли правдивость, благочестіе, сострадательность и любовь къ наукамъ. Однажды онъ узналъ, что въ городѣ Рей употребляютъ для сбора податей большіе вѣсы; тотчасъ былъ посланъ туда гонецъ — онъ опечаталъ вѣсы и доставилъ ихъ въ Бохару, а управление, завѣдывавшее сборомъ податей, было заперто до тѣхъ поръ, пока Измаиль не возвратилъ ему вѣсовъ, велѣвъ прежде срѣзать съ нихъ лишнюю мѣду. Въ высшей степени замѣчательнѣе и слѣдующій анекдотъ: сынъ его Ахмедъ имѣлъ учителя, который однажды, разсердившись на своего воспитанника, въ присутствіи отца, выразилъ свой гнѣвъ въ такихъ словахъ: „чтобъ ни тебѣ, ни тому, кто тебя прозвалъ, никогда не было Божьяго благословенія!“ Измаиль оставилъ комнату и умиротворилъ учителя богатыми подарками. Если эмиръ Измаиль вспоминается въ Хоразанѣ и даже во всемъ Иранѣ и въ позднѣйшихъ вѣкахъ за такіе поступки, изукрашеніемъ которыхъ востокъ издавна славится, то удивительно ли, что бохарскіе Таджики еще и теперь чтутъ его имя на-равнѣ съ именами святыхъ? Объ особенномъ расположеніи его къ городу на Зеревшанѣ мы уже говорили; правда, онъ не могъ сдѣлать для него столько, сколько сдѣлалъ напр. Тимуръ для Самарканда, но все таки для туземцевъ Бохары на вѣки останется незабвеннымъ воспоминаніе о немъ, какъ о единственномъ, дѣйствительно великомъ государѣ иранскаго происхожденія. Изъ

построекъ, за которыя Бохара ему обязана, слѣдуетъ упомянуть прежде всего дворець на Ригистанѣ, хотя существовавшій и въ до-могаммеданское время, но имѣ значительно расширенный и украшенный до того, что могъ служить помѣщеніемъ для правителя и высшихъ чиновниковъ¹⁾. Далѣе, — Сарай Моліанъ, построенный по приказанію Измаила съ особенною роскошью и княжескимъ великолѣпіемъ на берегу канала того же имени. Онъ изображается, какъ чрезвычайно очаровательное жилище, окруженное роскошными садами, прелестными дугами и цвѣтниками, ручьями и фонтанами. Большую заботливость выказалъ Измаиль и въ поддержаніи водопроводовъ, которые, въ хорошо выложенныхъ камнемъ каналахъ²⁾, проводили воду изъ выше лежащей рѣчки; онъ также укрѣпилъ и расширилъ городскую стѣну, построенную губернаторомъ Эбуль Аббасъ Тузи при калифѣ Мегди³⁾. И число высшихъ школъ въ Бохарѣ при

1) О числѣ и названіи высшихъ чиновниковъ того времени см. моя „Skizzen aus Mittelasien“, стр. 206.

2) Нынѣшняя Бохара получаетъ воду изъ протекающаго на сѣверѣ Зервшана только посредствомъ нѣсколькихъ каналовъ и весьма вреднымъ для здоровья способомъ; древняя же столица Мавера унъ негръ, именно при Саманидахъ, имѣла 11 большихъ широкихъ каналовъ слѣдующаго наименованія: 1. Джуй Моліанъ, который протекалъ чрезъ самую красивую часть Бохары и имѣлъ на обоихъ берегахъ свои великолѣпные дворцы съ роскошными садами. Имя Моліанъ или Мауліанъ носила эта часть потому, что Измаиль отдалъ ее, какъ вакфъ — „благочестивое учрежденіе“, — молламъ. 2. Руди-и-Шануръ, въ просторѣчїи Шафиргіамъ, названный въ Месаликѣ и Мемаликѣ Кіафиргіамъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ принцу изъ дома Самана, большому любителю охоты, жившему вблизи Бохары; онъ-то и велѣлъ его вырыть. 3. Фурканъ уль Ая. 4. Фурканрудъ. 5. Гаръ Гафгерудъ — очень большой каналъ. 6. Самчинъ — такой же величины. 7. Пейканрудъ. 8. Феравизъ *) уль уль, который преимущественно употреблялся для орошенія окрестностей. 9. Феравизъ уль Сидли, иногда называемый Зямунъ. 10. Кейфъ или Кифъ. 11. Руди зеръ. Всѣ эти каналы, говоритъ Наршахи, у котораго мы заимствуемъ ихъ число, были искусственныя, только пятый — естественный.

*) Въ рукописи «месаликѣ» и «мемаликѣ» именованіи Фераванъ заль секали и Фераванъ уль уль называются бохарскія деревни.

3) Предлогъ къ сооружеію первой городской стѣны подали частые вторженія и грабежи сосѣднихъ Турокъ. Въ 215 (830) году была построена первая стѣна. Большія исправленія до Измаила были слѣданы

эмиръ Измаилъ было большее, чѣмъ въ прочихъ городахъ восточной Азіи; только въ послѣдствіи соперникомъ Бохары явился Белхъ, прозванный Куббетъ уль исламъ— „куполомъ ислама.“ Городъ на Зеревшанѣ, центръ почти половины могоммеданской Азіи, все болѣе процвѣталъ и какъ средоточіе богатства, наукъ и прославившейся на весь міръ шелковой промышленности. И Измаилъ чувствовалъ себя вполне вознагражденнымъ за свои многолѣтнія войны, но ему не суждено было долго наслаждаться этими благами міра; онъ заболѣлъ въ своемъ дворцѣ на Молианскомъ каналѣ. Врачи полагали, что сырость жилища ему вредна и совѣтывали ему перейти въ его охотничій замокъ Зерманъ; онъ переѣхалъ туда, но скоро тамъ скончался, на 61 году своей жизни, во вторникъ вечеромъ въ мѣсяцъ сеферъ 295 (907) года, послѣ 34 лѣтняго правленія, то въ санѣ намістника своего брата въ Бохарѣ, то какъ полновластный обладатель восточной половины могоммеданской Азіи ¹⁾.

въ 235 (849) году, а послѣ Измаила при Биличѣ Тамганѣ въ 560 (1164) году, пока наконецъ, она не была совершенно разрушена Дженгизомъ въ 610 (1213) году.

1) Въ Бохарѣ онъ правилъ 20 лѣтъ въ качествѣ намістника своего брата Насра, въ Мавера унѣ негрѣ царствовалъ семь лѣтъ и въ Хоразанѣ семь лѣтъ—всего 34 года.

V.

Паденіе Саманидовъ и возвышеніе
Турокъ.

295 (907)—395 (1004).

И на востокъ и на западъ царства и династїи до тѣхъ поръ держались на высотѣ своего величія, пока ихъ одушевляло единство и согласіе въ дѣйствїяхъ по предписанному направленію, а гдѣ этого не было, тамъ даже отдѣльные выдающіеся таланты только изрѣдка и не надолго проявляли свои силы. Точно такъ и династія Самана начинаетъ быстро клониться къ своему паденію съ той минуты, когда отдѣльные ея члены, какъ и высшіе сановники, забывъ почтеніе и послушаніе главѣ государства, стремятся захватить въ свои руки бразды правленія. При томъ шаткомъ положенїи дѣлъ, какое создала падающая власть калифовъ въ этой части Азіи, могучая рука государя въ Трансоксанїи могла бы совершить великое, имѣя въ своемъ распоряженїи турецкія орды; но Саманиды послѣ Эмира-Измаила были, съ небольшимъ исключеніемъ, беспомощными куклами въ рукахъ своихъ чиновниковъ, а Турки, вмѣсто того, чтобы служить только орудіемъ, скоро сами выступаютъ главными дѣйствующими лицами и даже приобрѣтаютъ

такую власть, что не только низвергают Саманидовъ въ Трансоксаніи, но все и вездѣ, овладѣвають столькими тронами въ Азіи и до настоящаго времени вездѣ носятъ прозвание „господствующей расы“.

Послѣ Эмира Измаила на престолъ вступилъ его сынъ *Ахмедъ*, принцъ необузданнаго характера и войнолюбивый, но безъ всякихъ слѣдовъ мирныхъ добродѣтелей своего отца. Вступивъ въ управленіе, онъ прежде всего схватилъ своего дядю, самаркандскаго губернатора, считая его своимъ тайнымъ соперникомъ, и заключилъ его въ Бохарѣ. Потомъ двинулся противъ Табаристана, чтобы наказать тамошняго намѣстника, чрезвычайно разбогатѣвшаго чрезъ притѣсненія, Париса Кебира; но этотъ убѣжалъ отъ него въ Багдадъ, получивъ напередъ отъ калифа Муктафи позволеніе на то ¹⁾, и Ахмедъ, раздраженный не столько его бѣгствомъ, сколько ускользновеніемъ изъ рукъ его сокровищъ, назначилъ на его мѣсто губернаторомъ Табаристана Эбуль Аббаса бинъ Абдуллаха, способнаго человѣка, который скоро заставилъ тамъ себя полюбить до такой степени, что Алидъ Назиръ эль Утрушъ (глухой побѣдитель) ²⁾ ничего немогъ предпринять противъ господства Саманидовъ. Послѣ этого Ахмедъ возвратился въ свою столицу, но страсть къ завоеваніямъ не давала ему покоя. Его взоръ теперь былъ устремленъ на Систанъ. Съ значительною арміею, предводимую первыми генералами, онъ двинулся, въ 298 (910—11) году, противъ Соффарида Муадила, тогдашняго правителя Систана,

1) Какъ рассказываетъ Мархондъ, Парисъ убѣжалъ въ Багдадъ съ 4000 всадниковъ и большими сокровищами. Во время его путешествія скончался калифъ Муктафи, а преемникъ послѣдняго, Муктадизъ, считая Париса съ его сокровищами счастливою находкою, отправилъ его, при помощи яда, въ вѣчность и присвоилъ себѣ переходящія сокровища умершаго.

2) Его собственное имя было Газанъ ибнъ Али, отростокъ Гуссейна бинъ Али, бродившій между Дейлемитами съ 287 (900) года и многихъ обратившій въ исламъ. Впрочемъ, послѣднее было у него, какъ и у всѣхъ Алидовъ, побочною цѣлю; онъ думалъ этимъ замаскировать свое стремленіе къ всемирному владычеству (Вейль, *Geschichte der Chalifen*, II том. стр. 613).

побѣдилъ его и привезъ его съ собою плѣнникомъ въ Бохару, а завоеванную провинцію поручилъ своему племяннику, Эбу Салиху Мансуру, котораго отецъ, освобожденный передъ тѣмъ изъ темницы, получилъ прежнюю свою должность. Въ 301 (913) году, когда Ахмедъ предавался удовольствію охоты на берегахъ Окса, ему было принесено извѣстіе, что Алидъ Утрушъ овладѣлъ Табаристаномъ и прогналъ его губернатора Салука. До крайности опечаленный, Ахмедъ воскликнулъ: ¹⁾ „о Боже! если по Твоему опредѣленію царство должно быть вырвано изъ моихъ рукъ, то возьми лучше отъ меня жизнь!“ Это желаніе не долго оставалось неисполненнымъ. Уже давно онъ предчувствовалъ опасность со стороны самыхъ близкихъ своихъ и потому обыкновенно поручалъ охраненіе дверей своей спальни двумъ лвамъ, но здѣсь, на охотѣ, разъ какъ-то забылъ эту предосторожность, и его слуги напали на него и убили его въ ночь съ 23 на 24 января 914 г. по Р. Х., ²⁾ послѣ шести лѣтъ, четырехъ мѣсяцевъ и семи дней его правленія. Этотъ несчастный конецъ и былъ причиною того, что Ахмедъ послѣ своей смерти названъ Эмиръ Шегидъ Ахмедъ = „Ахмедъ мученикъ“.

Теперь вступилъ на престолъ его десятилѣтній сынъ *Эбуль-Гасанъ-Насръ*, прозванный *Саудомъ* счастливымъ. Когда этотъ малютка былъ показанъ Бохарской знати для поздравленія, то заплакалъ и закричалъ: „и меня вы хотите убить, какъ убили моего отца!“ Его успокоили, мальчикъ ободрился и хотя сначала управлялъ подъ опекою, за то позже его счастливая звѣзда привела его къ такимъ подвигамъ, вслѣдствіе которыхъ восточные историки не могутъ достаточно прославить время его правленія. Эмиръ-Саидъ, какъ мы будемъ его называть, въ самомъ дѣлѣ, былъ счастливый князь и не безъ дарованій;

¹⁾ Дефремери *Histoire des Samanides*, стр. 130.

²⁾ Вейль въ *привед. сочиненія* на стр. 614.

но блескъ его царствованія подобенъ вспыхнувшѣ догорающаго пламени. Правда, онъ достигъ безспорнаго обладанія всѣми землями своего дѣда и даже сдѣлалъ новыя завоеванія¹⁾, но для поддержанія величія династїи Саманидовъ почти что ничего не сдѣлалъ. Прежде всего онъ долженъ былъ одолѣть своего дядю Исаака, который оспаривалъ у него тронъ, какъ старшій въ родѣ и поддерживаемый значительною партїею. Гамуйе, генераль Эмира-Саида, принужденъ былъ два раза выступать противъ него въ поле, пока, наконецъ, не взялъ его въ плѣнъ и не привезъ въ Бохару, гдѣ онъ и умеръ. Послѣ этого пришлось имѣть дѣло съ сыномъ Исаака, Мансуромъ, который, въ 302 (914 до 15) году, поднялъ знамя бунта въ Нишабурѣ, подстрекаемый къ тому недовольнымъ Гусейномъ. И противъ него былъ посланъ Гамуйе; Мансуръ, между тѣмъ, умеръ, и война объявлена Гусейну. Ахмедъ бинъ Сагль, вѣрный партизанъ Саманидовъ, тогдашній эмиръ Герата, предложилъ свои услуги для усмиренія мятежа. Гусейнъ былъ схваченъ и привезенъ въ Бохару, но въ послѣдствїи попалъ въ милость и даже получилъ должность при дворѣ²⁾. Насръ, вѣсто виновный въ неблагодарности, не исполнилъ своего обѣщанія и по отношенію къ Ахмеду бинъ Саглю, который поэтому и возсталъ противъ него въ 370 (919—20) году. Но Гамуйе, по взятїи Герата, овладѣлъ его оубой и отправилъ въ Бохару, гдѣ онъ и умеръ въ темницѣ.

¹⁾ Именно, ваялъ города: Рей, Исфаганъ и Кумъ, какъ показывается въ своей исторїи Персїи Малькольмъ.

²⁾ Однажды Эмиръ Саидъ потребовалъ воды, и ему принесли ее въ обыкновенномъ кувшинѣ; тогда Гусейнъ выразилъ сыну Гамуйя свое удивленіе въ слѣдующихъ словахъ: „твой отецъ вѣдъ губернаторъ Нишабура, гдѣ выдѣлываютъ такіе красивые кувшины“, почему же онъ непринимлетъ нѣскольکو эземляровъ ихъ сюда“. На это сынъ знаменитаго генерала остроумно отвѣчалъ: „если мой отецъ пришлетъ подарокъ изъ Хоразана, то онъ долженъ быть вожожъ, по крайней мѣрѣ, на тебя“.

Нишабуръ еще и теперь, въ самомъ дѣлѣ, славится своими глиняными надгробїями.

Самою значительною, без сомнѣнія, была война, которую Эмиръ Насръ долженъ былъ вести съ Алидами въ Табаристанѣ. Послѣ смерти Ахмеда, они не только оправдись отъ пораженія, но еще распространили свое господство надъ частью Хоразана, въ чемъ имъ всего болѣе помогаль храбрый полководецъ Лейле бинъ Нуманъ, чрезъ Дамганъ проникшій даже до Нишабура. Гамуйе выступилъ противъ него, разбилъ его, и Лейле въ бѣгствѣ своемъ былъ убитъ, въ 309 (926) году; но чрезъ это порядокъ въ Табаристанѣ еще долго не могъ быть возстановленъ: надо было усмирять то одного, то другого партизана Алидовъ, или же, по требованію калифа, наказывать его дерзкихъ чиновниковъ, напр., прежняго раба Фатика, овладѣвшаго Рейемъ. Но Эмиръ Саидъ одолѣваль всѣ разнообразныя препятствія, благодаря зоркости, съ какою онъ вообще наблюдалъ за обширными границами своего государства, а также и тому почету и слѣпому повиновенію¹⁾, какими еще пользовалась тогда династія Саманидовъ. 28-лѣтнее правленіе Саида было богато нѣкоторыми чертами достохвальной добродѣтели этого Государя, а его щедрость, съ которою онъ награждалъ²⁾ поэта его

¹⁾ Какъ примѣръ необыкновеннаго почтенія и послушанія, Мирхондъ приводитъ слѣдующій анекдотъ: когда Маганъ бинъ Каки хотѣлъ насильно овладѣть Хоразаномъ, то противъ него былъ посланъ генералиссимусъ Эмиръ Али Мугтадшъ. Въ то время, когда государь, въ прощальной аудіенціи, давалъ ему необходимыя приказанія, присутствующіе замѣтили, что полководецъ искривилъ свое лицо и показывалъ большое безпокойство. По окончаніи приѣма и по удаленіи государя, Эмиръ Али вытащилъ изъ подъ рубахи скорпіона, который ужалилъ его въ семи мѣстахъ. Позже это рассказали государю, и когда онъ спросилъ генерала, почему онъ не удалилъ скорпіона тотчасъ, какъ его почувствовалъ, то этотъ отвѣчалъ: „если слуга въ присутствіи своего господина не можетъ перенести нѣсколькихъ укуловъ скорпіоновыхъ, то какъ онъ потомъ будетъ выносить удары мечей въ твоёмъ отсутствіи?“

²⁾ Эбуль Газанъ Рудеки, древнѣйшій поэтъ персидскаго языка, еще и теперь пользующійся въ средней Азіи извѣстностью и любовью, отличается плодотворностію своего пера и чистотою языка, чуждаго иностранныхъ элементовъ. Онъ написалъ, какъ сообщаетъ въ своей исторіи персидскаго стихотворства, на стр. 40, Гаммеръ, по толкователю Бинни, миллионъ три-

времени Эбуль-Газана-Рудеки, останется славною навѣки. Онъ умеръ только на 39 году своей жизни отъ чахотки, въ мѣсяцъ шаабанъ 331 (943) года.

Назначенный Насромъ въ наслѣдники, младшій его сынъ умеръ, поэтому престоль перешель къ старшему брату *Нуху*, который за свои отличныя качества прозванъ *Эмиромъ-Гамидомъ*, т. е. восхваляемымъ княземъ. Онъ началъ свое правленіе прекраснымъ дѣломъ: простилъ и назначилъ самаркандскимъ намѣстникомъ Эбуль-Фазль-Могаммеда, бывшаго главнымъ партизаномъ его умершаго соперника. Длинный рядъ войнъ и возмущеній, ознаменовавшихъ и его правленіе, начинается къ концу 332 (943) года и именно войною съ Дейлемитомъ Рукнь-эдъ-довлехомъ, захватившимъ Рей. Эбу Али, внукъ генерала Мухтадша, столько же храбрый, сколько и властолюбивый человекъ, держалъ тогда мечъ Саманидскихъ князей. Хотя первая его попытка противъ Рукнь-эдъ-довлеха въ битвѣ въ окрестностяхъ Рея, проигранной чрезъ измѣну его курдскихъ войскъ ¹⁾, и была неудачна, но въ слѣдующемъ году онъ посланъ былъ туда во второй разъ; противникъ обратился въ бѣгство, и порядокъ скоро былъ восстановленъ въ этой провинціи. Эта услуга, а, можетъ быть, также и то, что онъ, по приказанію Нуха, помогъ Вашмегиру утвердить овою власть въ Табаристанѣ, возбудили въ Эбу-Али особенное высокомѣріе и чрезмѣрное притязаніе на благодарность со стороны Нуха, такъ что, когда хоразанское намѣстничество, которое онъ думалъ получить въ на-

ста двустыней, которыя были собраны въ ста книгахъ. Его выходъ былъ княжескіе: двѣсти мальчишковъ предшествовали ему какъ рабы, а четырехста верблюдовъ, богато нагруженныхъ, слѣдовали за нимъ.

¹⁾ Изъ этого слѣдуетъ, что Курды, и теперь обитающіе въ Хоразанѣ, начиная отъ Нишабура и до Астрабада, вдоль сѣверной границы Ирана, не были переселены сюда изъ собственнаго Курдистана Сефевидами, какъ вообще утверждаютъ нынѣшніе Персы, но что они скорѣе съ давнихъ поръ поселились въ этой странѣ и всегда составляли существенную часть хоразанскихъ военныхъ силъ.

граду, отдано было другому, то онъ и возсталъ противъ своего государя открытымъ мятежемъ. Соединившись съ Ибрагимомъ Саманидомъ, дядей и соперникомъ Нуха, онъ овладѣлъ Иракомъ, а позже и Хоразанъ перешелъ къ нимъ. Ибрагимъ велѣлъ вездѣ читать хутбе на его имя, и Нухъ, принужденный даже оставить Бохару и бѣжать въ Самаркандъ, навѣрно, потерялъ бы свой тронъ, если бы на помощь къ нему не пришло несогласіе между обоими противниками. Вслѣдствіе этого, между нимъ и его дядею состоялось примиреніе, и Нухъ опять съ честью возвратился въ Бохару, жители которой замѣтно были ему преданы. Хотя позже и Эбу-Али изъявилъ покорность, и даже на службѣ у Нуха предпринималъ походъ противъ Рукнъ-эдъ-довлеха, но это отношеніе скоро было нарушено: Эбу-Али, въ союзѣ съ послѣднимъ, снова возсталъ противъ Нуха и, поддержанный своимъ союзникомъ, выхлопоталъ у калифа инвеституру на самостоятельное господство въ Хоразанѣ, въ мечетяхъ котораго, въ 343 году, велѣлъ читать хутбе во имя калифа Мутги'лиллаха. Такимъ образомъ, Эбу-Али, въ союзѣ съ Дейлемитами, распространивши свою власть до Шираза, заключилъ царство Саманидовъ въ древнія границы Трансоксаніи.

Между тѣмъ, умеръ Нухъ или Эмиръ-Гамидъ въ 343 (954) году, послѣ тринадцатилѣтняго правленія. Десятилѣтній сынъ его, *Абдуль-Меликъ*, обыкновенно называемый Эмиръ-Решидомъ, храбрымъ княземъ, наслѣдовавшій ему въ правленіи, дѣлалъ все возможное, чтобы возстановить значеніе Саманидовъ на западѣ государства, но все было напрасно. Его генералъ Аша'тъ бинъ Могамедъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени, могъ своими усиліями противъ Дейлемита Рукнъ-эдъ-довлеха добиться только почетнаго мира, но не подчиненія. Абдуль Меликъ, страстно преданный охотѣ и коннымъ играмъ, почему и прозванный многими Эбуль Феварисомъ, т. е. отцомъ кавалеріи, умеръ.

вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лошади ¹⁾, 8-го шеввала 350 (961) года, послѣ семилѣтняго правленія. Ему наследовалъ его братъ, *Мансуръ бинъ Нухъ*, по прозванію Эмиръ Шедидъ, справедливый князь. Какъ низко упала въ то время власть Саманидовъ, доказываетъ то обстоятельство, что, при возшествіи его на престолъ, Алптекинъ ²⁾, изъ раба возвысившійся на степень *визира* и командовавшій въ то время Нишабурскою арміею, имѣлъ столько вліянія, что объявилъ этотъ выборъ недѣйствительнымъ и выступилъ съ значительнымъ войскомъ противъ коронованнаго князя. Разумѣется, онъ нашелъ берега Окса до такой степени занятыми войскомъ Мансура, что дальнѣйшее движеніе было невозможно, почему съ большимъ трудомъ едва ушелъ въ Газну ³⁾, но вторая его попытка была удачнѣе. Мансуръ былъ принужденъ вступить съ нимъ въ переговоры, и Алптекинъ, обязавшись платить ежегодно 50,000 динаръ Нишабуру, былъ утвержденъ въ своихъ прежнихъ должностяхъ. Подобный исходъ имѣла и война Мансура съ Рукнъ-эдъ-долехомъ. Династія Дейлемитовъ, владѣвшая почти половиною Ирана, представляла власть, съ которой не въ состояніи было бороться падавшій домъ Саманидовъ, и Мансуръ принужденъ былъ, наконецъ, уступить: онъ заключилъ миръ съ

1) Это было при Джуканъ или конной игрѣ въ мячъ, въ которой сидящій на лошади всадникъ долженъ булавою подбросить мячъ съ земли вверхъ, потомъ пропустить его чрезъ ушки двухъ стоящихъ другъ за другомъ столбовъ, и все это только *двумя* ударами и на всемъ скаку лошади. Эта игра требуетъ гораздо болѣе гимнастической ловкости, чѣмъ турецкая игра Джиридъ. Въ настоящее время обѣ вышли изъ моды.

2) Слово Алптекинъ составлено изъ Алпъ (герой) и Текинъ (названный). Последнее, правильнѣе тикенъ, тегенъ, тійенъ, и теперь еще употребляется Туркоманами для обозначенія имени или собственнаго имени, а потому если кого спросить о его имени, то онъ говоритъ, напр., *Оразъ тегенъ мезъ*—а тотъ, кого зовутъ Оразомъ. Есть много турецкихъ словъ съ оконченіемъ *текинъ*, какъ-то: Каратекинъ, Нуштекинъ, Айналтекинъ, Себуктекинъ (правильнѣе Севюктекинъ) и проч. Можетъ быть, *текинъ* или *дегинъ* употребляется въ смыслѣ *подобный, равный*.

3) Мирхондъ утверждаетъ, что Алптекинъ на голову разбилъ войска Мансура при Белхъ и потомъ *все-таки* отступилъ въ Газну.

Рувнъ-эдъ-довлехомъ и женился на его внукѣ, именно дочери Азель-эдъ-довлеха. Это произошло въ 361 (971—72) году. Съ этого времени Мансуръ жилъ въ мирѣ и умеръ въ Бохарѣ 4-го шеввала¹⁾ 365 (976) года, послѣ пятнадцатилѣтняго правленія.

Его сынъ *Нухъ бинъ Мансуръ*, извѣстный въ Бохарѣ подъ именемъ Эмира Сеида Эбуль Казима, долженъ былъ пережить еще болѣе тревожные дни. долженъ былъ вести еще болѣе жестокия войны за наслѣдованный престолъ. И до какого положенія доведена была тогда власть великаго Саманида!? Джорджанъ и Табаристанъ, при потомкахъ Вашмегира, объявили себя почти независимыми, оба Ирака держалъ въ своей власти Азель-эдъ-довлехъ, и въ то время, какъ эти сильные предводители партій, въ своей гордости, враждовали или противъ своего законнаго государя, или же другъ противъ друга, собственные визири Эбула Казима своими, завистью возженными, войнами привели его господство на край неминуемой гибели. Сильнѣе всего была распря между Эбуль Аббасъ Ташемъ, по прозванію Гуссамъ-эдъ-довлехъ (мечъ государства), и Эбуль Гусейномъ Симджури. Первый, которому Эбуль Казимъ, въ 371 (980 до 81) году, пожаловалъ хоразанское намѣстничество, отличался благородствомъ сердца и искренними чувствами дружбы, а его противникъ извѣстенъ былъ корыстолюбіемъ и низкими сплетнями. Неудивительно, что послѣднему удалось обойти слабаго государя и низвергнуть заслуженнаго Таша. Чувствуя несправедливость, ему оказанную, Ташъ взялся за оружіе, чтобы защитить себя противъ соперника, что ему отчасти и удалось, вслѣдствіе поддержки, которую ему оказалъ Дейлемитъ Фахръ-эд-довлехъ²⁾: Эбуль Гусейнъ былъ на короткое время изгнанъ

¹⁾ Я слѣдую здѣсь Наршахъ. Мирхондъ переноситъ день смерти Мансура на 11 число мѣсяца реджеба.

²⁾ Ташъ заслуживалъ расположеніе Фахръ-эд-довлеха тѣмъ, что помогъ ему прежде въ войнѣ его съ Мувеъдъ-эдъ-довлехомъ.

изъ Хоразана, но когда онъ получилъ подерѣвленіе изъ Кермана и возобновилъ войну, то Ташъ не могъ ему болѣе сопротивляться, былъ разбитъ и бѣжалъ къ своему достойному другу Фахръ-эдъ-давлеху въ Джорджанъ, гдѣ пользовался высокимъ почетомъ, и умеръ въ 379 (989—90) году. Въ самомъ дѣлѣ, дружескія отношенія между Ташемъ и Фахръ-эдъ-давлехомъ замѣчательны рѣдкою теплотою и искренностью. Если уже возвышаетъ душу зрѣлище того, какъ Ташъ съ такимъ самопожертвованіемъ принимаетъ подъ свою защиту бѣгущаго Фахръ-эд-давлеха, когда этотъ былъ въ несчастіи, то не менѣе трогательно слышать, какъ послѣдній, съ опасеніемъ собственной гибели, старается спасти несчастнаго друга и потомъ содержитъ его съ царскою роскошью. Но и Эбуль Гусейну суждено было не долго пользоваться достоинствомъ, приобретеннымъ посредствомъ злобы и обмана. Пораженный ударомъ въ объятіяхъ одной изъ своихъ наложницъ, онъ умеръ годомъ прежде, чѣмъ его несчастный противникъ, и оставилъ господство надъ Хоразаномъ своему сыну Эбу Али, который еще презрѣлъ своего отца безчестностью своего характера. Только что онъ утвердился на новомъ посту, какъ уже обнаружилъ противъ Нуха безстыднѣйшія намѣренія. Съ самаго же начала своего управленія онъ задумалъ совершенно освободиться отъ верховной власти Саманидовъ и для исполненія этого плана не побоялся прибѣгнуть къ самымъ отдаленнымъ средствамъ.

На далекомъ востокѣ, именно въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, жили тогда Югуры ¹⁾. Это турецкое племя первое отдѣлилось отъ главной части большой семьи кочевыхъ

¹⁾ О Югурахъ мы имѣемъ единственное и достовѣрное свидѣніе изъ вугурской рукописи, принадлежащей императорской библіотекѣ въ Вѣнѣ. Она носитъ названіе Кудатку Вилкиъ, т. е. счастливое знаніе, и разъясняетъ какъ моральныя, такъ и политико-соціальныя отношенія тогдашняго турецкаго общества. Важное значеніе этой рукописи опирается на слѣдующіе два пункта: 1) она относится къ 462 (1069) году, слѣдоват., представляетъ

турецкихъ племень, чтобы основать себѣ постоянную родину на южныхъ склонахъ Тянь-Шаньскаго хребта. У нихъ встрѣчаются и первыя государственныя и общественныя учрежденія чисто турецкаго пошиба. Хотя они, уже въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія, образовали отдѣльныя группы мелкихъ государствъ на всемъ пространствѣ между китайскою провинціею Канзу и восточною границею Хоканда, но появленіе большого Югурскаго царства относится только ко времени паденія Саманидовъ. Какъ можно предполагать, Иликъ ханъ ¹⁾ былъ первый, совершившій дѣло соединенія; послѣ него наиболѣе прославился Богтра ²⁾, или Кара Богтра ханъ, своими удачными религіозными войнами. посредствомъ которыхъ онъ обратилъ въ исламъ тысячи буддистовъ и христіанъ. Онъ соединилъ подъ своимъ знаменемъ всѣ турецкія племена на крайнемъ востоцѣ. Распространяя свои завоеванія на западъ, онъ началъ обога-

самый древній турецкій письменный памятникъ, какой мы имѣемъ до сихъ поръ. Авторъ, написавшій первую часть ея на крайней восточной границѣ Турокъ, именно въ окрестностяхъ Комула, а вторую—въ Кашигарѣ, прямо говоритъ, что это—*первая книга, написанная на турецкомъ языкѣ*. Поэтому мы имѣемъ предъ собою такой памятникъ языка, изъ котораго можемъ выводить заключенія о самыхъ раннихъ отношеніяхъ турецкихъ племенъ, разбросанныхъ теперь на обширномъ пространствѣ, и который служить чрезвычайно важнымъ средствомъ для объясненія историческаго вліянія ихъ другъ на друга. 2) Изъ Кудатку Биликъ мы узнаемъ, что Югуры уже очень рано достигли не ничтожной степени образованія, которое хотя и было измѣнено христіанскимъ и могомеданскимъ вліяніемъ, но послѣднему нисколько не обидано своимъ происхожденіемъ, а это тѣмъ интереснѣе, что именно тогда, съ оживленіемъ персидскаго языка, возродилась и новая иранская культура. Подробности о Югурахъ находите въ моемъ трудѣ „Uigurische Sprachmonumente und das Kудатку Bилиk. Иншпрукъ, 1870.

¹⁾ Иликъ, или Илекъ, какъ ошибочно читали мои предшественники,—слово югурское и значитъ князь, принцъ, регентъ, слѣдоват., также мало собственное имя, какъ и турканъ или тарханъ, хатунъ и другія, которыми арабо-персидскіе писатели обыкновенно называютъ турецкія личности того времени. За недостаткомъ болѣе точныхъ справокъ, мы употребляемъ слово Иликъ, какъ собственное имя.

²⁾ Богтра, правильнѣе Бокра или Бокра, называется въ восточномъ Туркестанѣ верблюдь-самецъ. Пока исламъ еще не пустилъ глубокихъ корней между Турками, было въ большомъ употребленіи прозваніе храбрыхъ и выдающихся личностей такими именами животныхъ.

тятся на развалинахъ Саманидскаго царства; поэтому скоро пришелъ во враждебныя столкновѣнія съ призрачными государями въ Бохарѣ и заключилъ союзъ съ Эбу Али, мятежнымъ вассаломъ Эбуль Казима. Эбу Али оставался покойнымъ въ Хоразанѣ, втайнѣ скрывая свой союзъ, а Боггра ханъ съ большимъ войскомъ, къ которому приехали хокандскіе Турки, двинулся изъ Кашгара къ берегамъ Зеревшана. Инанджъ ¹⁾ Гаджибъ, первый генералъ, противъ него посланный, былъ разбитъ и плѣнникомъ перевезенъ въ Туркестанъ. Потомъ во главѣ арміи былъ поставленъ Фаикъ, который заплатилъ своему государю за его расположеніе недостойною измѣной. Боггра ханъ овладѣлъ Самаркандомъ, и несчастному Саманиду ничего не оставалось болѣе, какъ спастись бѣгствомъ въ чужомъ платѣ и съ немногими только слугами. Повсюду ища помощи, Эбуль Казимъ прежде всего обратился къ Эбу Али, но этотъ жалкій лицемѣръ притворился совсѣмъ невиннымъ и сожалѣлъ, что, вслѣдствіе опаснаго положенія его собственной провинціи, ничего не можетъ для него сдѣлать. Къ счастью для Эбуль Казима, Боггра ханъ умеръ вслѣдствіе болѣзни отъ нездороваго климата Бохары. Поэтому Казимъ возвратился въ столицу, ему преданную, но такъ какъ война, по смерти югурскаго князя; была возобновлена мятежными вассалами Эбу Али и Фаикомъ, то онъ принужденъ былъ, для утвержденія своей власти, искать сильнаго союзника, котораго и нашелъ въ лицѣ основателя дѣнастіи Газневидовъ. Себуктекинъ, владѣвшій тогда всею землею отъ Газни до береговъ Инда и частными нападеніями на Индію ²⁾ приобрѣтшій несмѣтныя богатства и большой почетъ, былъ до такой степени проникнутъ благоговѣніемъ къ дому Самана, что немедленно исполнилъ

¹⁾ Не Инанджъ, какъ читаетъ Дефремери. Инанджъ -- турецкое слово и значитъ: вѣра, достоверно.

²⁾ И слѣдуетъ здѣсь показаніямъ Наршахи. Другіе историческіе источники приписываютъ владенія на Индію только его сыну Махмуду.

просьбу Эбуль Казима и, во главѣ многочисленной арміи, при которой было 200 слоновъ, поспѣшилъ къ Оксу, чтобы достойно наказать Эбу Али и Файка за ихъ наглое поведеніе. При первомъ свиданіи съ несчастнымъ княземъ въ Бешѣ, куда тотъ поспѣшилъ на встрѣчу, Себуктекинъ изъ почтенія поцѣловалъ его стремя, хотя и былъ на половину старше Эбуль Казима. Для Саманидскихъ князей это былъ счастливый союзъ. Хотя Эбу Али нашелъ сильную поддержку въ правителяхъ Джорджана и Ирака, но соединенныя силы Эбуль Казима и Себуктекина, при которомъ находился и его сынъ Махмудъ, были превосходнѣе. На поляхъ Гератскихъ произошло сраженіе, въ которомъ мятежники разбиты на голову и принуждены бѣжать въ Нишабуръ. Эбуль Казимъ съ триумфомъ ввѣхалъ въ Бохару. Стариву Себуктекину данъ былъ титулъ Назиръ-эдъ-довлехъ (помощникъ государства), а его сыну—Зейфъ-эдъ-довлехъ (мечъ государства), но едва только первый возвратился въ Газни, какъ Эбу Али, бѣжавшій ко двору Дейлемитовъ, снова возсталъ и въ надеждѣ, что возвращеніе Себуктекина во-свояси дастъ ему полную свободу дѣйствовать, опять напалъ на Нишабуръ, однакожъ сильно ошибся въ расчетѣ. Надзоръ за отвоеванною провинціею былъ ввѣренъ Махмуду, который раньше этого уже обнаружилъ ясныя слѣды развившагося позже величія, и прежде, чѣмъ извѣстилъ своего отца о новомъ вторженіи, самъ напалъ на Эбу Али, разбилъ его и прогналъ, отнявъ у него его сокровища. Скоро послѣ этого поспѣшилъ сюда и Себуктекинъ и, нагнавъ Эбу Али при Тусѣ, нанесъ ему полное пораженіе, послѣ котораго тотъ долженъ былъ, наконецъ, бѣжать въ Харезмъ. При этомъ достойно удивленія великодушіе Эбуль Казима. Онъ сжалился надъ положеніемъ несчастнаго Эбу Али и просилъ у харезмскаго шаха, Эбу Абдаллаха, радушнаго приѣма бѣглецу. Разумѣется, это посредничество не помогло, потому что харезмскій князь приказалъ зако-

вать его въ цѣпи; но это нарушеніе гостепрѣимства до такой степени возмутило вице-короля Меемуна бинъ Могамеда, руководившагося также и личными побужденіями, что онъ напалъ на шаха, побѣдилъ его и заключилъ въ тѣ самыя оковы, изъ которыхъ только что освободилъ Эбу Али. Послѣ побѣды, Меемумъ, вмѣстѣ съ Эбу Али, возвратился въ Джорджанъ, и въ припадкѣ ихъ веселости ¹⁾, завоеванный шахъ былъ приведенъ на пиръ и умерщвленъ. Но и Эбу-Али кончилъ не лучше. При посредствѣ Меемуна, Эбуль Казимъ, повидимому, простилъ его, но потомъ, по наущенію другихъ, велѣлъ его арестовать и отправилъ къ Себуктекину, требовавшему его выдачи, — тамъ онъ и умеръ въ заключеніи въ 387 (997) году. Еще разъ, на короткое, впрочемъ, время, Эбуль Казимъ былъ обезпеченъ нападеніемъ на Трансоксанію турецкаго князя Илика ²⁾, призваннаго изъ Кашгара мятежнымъ Фатимомъ, но и въ этотъ разъ Себуктекинъ отстранилъ опасность, и Нухъ бинъ Мансуръ, или Эбуль Казимъ, какъ мы его называли, спокойно умеръ въ 387 году, послѣ 22-лѣтняго управленія.

Эбуль Гаритъ Мансуръ, сынъ Нуха, вступилъ на престолъ неопытнымъ юношею и сдѣлалъ большую ошибку, поссорившись съ Махмудомъ, преемникомъ могущественнаго Себуктекина. Изъ уваженія къ Саманидамъ, Махмудъ уклонился отъ открытой вражды и удалился во-свояси, но Эбуль Гаритъ скоро палъ жертвою недовольнаго ³⁾ царедворца, по имени Бектеѣюна, который пригласилъ его къ себѣ и ослѣпилъ его, а на престолъ возведенъ его братъ *Абдулъ Меликъ*, еще малютка. Постоянными правителями были при

1) Мирхондъ рассказываетъ, что Эбу Али, до сихъ поръ воздерживавшійся отъ спиртныхъ напитковъ, при этомъ случаѣ въ первый разъ разбилъ о стекло винаго стакана „зданіе воздержанія, казавшееся твердымъ какъ камень“.

2) См. примѣч. 1, стр. 90.

3) Бектеѣюнъ — иурское слово и значить *очень честный, очень прямой*.

немъ Фаикъ и Вектѣюнъ, и хотя ему и удалось избѣгнуть ¹⁾ гнѣва глубоко оскорбленнаго Махмуда, котораго звѣзда тогда уже начала блистать, за то тѣмъ скорѣе онъ сдѣлался жертвою обманчиваго покровительства Иликъ хана, который, безъ всякаго приглашенія, двинулся съ своимъ войскомъ изъ Капгара въ Бохару для того, какъ онъ объявилъ, чтобы наказать враговъ своего дорогого сосѣда. Скоро, впрочемъ, разоблачились его замыслы; именно, когда Бохарцы послѣдили къ нему на встрѣчу для торжественнаго пріема, то онъ ихъ схватилъ и заковалъ въ цѣпи, потомъ, вступивъ въ Бохару въ 389 (999) году, велѣлъ также и Абдуль Мелика заключить въ тюрьму, гдѣ тотъ и умеръ ²⁾. — *Мунтасиръ* ³⁾, третій сынъ Эбула Казима, благополучно ушелъ изъ темницы, куда Иликъ заключилъ всѣхъ членовъ его семьи, и сдѣлалъ послѣднее усиліе возстановить испровергнутое владычество своей династіи. Убѣжавъ въ платель молодой невольницы въ Харезмъ, онъ хотѣлъ съ немногими, оставшимися ему вѣрными, начать борьбу противъ узурпатора. У нѣкоторыхъ изъ прежнихъ вассаловъ своей фамиліи, именно у Шемсъ эль Маали Кабуса, сына Вашмегира, онъ нашелъ горячее участіе, но этого было мало для его дѣла. Два раза удавалось ему, съ помощію Гуцц-Тургомановъ, разбивать войска Илика, но это были только слабые лучи, брошенные на него заходящею звѣздою Саманидовъ. Иликъ ханъ, котораго владычество, по взятіи Бохары, простиралось отъ внутренности Китая до Каспійскаго моря, былъ такой противникъ, съ которымъ онъ напрасно захотѣлъ помѣряться силами. Поддерживае-

¹⁾ Абдумеликъ убѣжалъ вмѣстѣ съ Фаикомъ въ Бохару, послѣ того, какъ Махмудъ въ окрестностяхъ Мерва разбилъ на голову армію Саманидовъ, собранную изъ всѣхъ частей Трансоксаніи.

²⁾ По Мирховду, онъ велѣлъ его заключить въ Езкендъ (не Узкендъ, какъ читаетъ Дефремери). Езкендъ былъ городъ, а теперь деревня подлѣ Мерголанса въ Хокандѣ.

³⁾ Собственное его имя было Эбу Ибрагимъ.

мый только немногими старыми друзьями своей фамилии, Мансуръ долгое время бродилъ по Табаристану, Систану и Хоразану. Въ 391 (1001) году ему даже удалось овладѣть Нишабуромъ, но онъ былъ разбитъ Насромъ, сыномъ Махмуда и внукомъ Себуктекина, а потомъ, послѣ продолжительнаго блужданія, выданъ собственными своими людьми Илигу, и почти совершенно имъ уничтоженъ. Семья его и приближенные отведены въ тюрьму, а самъ онъ только съ большимъ трудомъ спасся бѣгствомъ, но въ лагерѣ племени Ибнъ Бегидта былъ умерщвленъ въ мѣсяцѣ ребилъ-ешель 345 (1004-5) года какимъ-то Мегруиемъ, поплатившимся въ послѣдствіи своею жизнью за этотъ позорный поступокъ.

Такъ несчастно кончилъ послѣдній изъ Саманидовъ! Съ нимъ угасъ родъ, сперва управлявшій отдѣльными частями Трансоксаніи и Ферганы, потомъ, начиная съ Насра, слѣдовательно въ продолженіи 145 лѣтъ, неограниченно властвовавшій надъ среднею Азіею. Онъ по справедливости можетъ считаться основателемъ той государственной и религіозной жизни, которая въ глазахъ всѣхъ могаммеданъ трехъ частей свѣта представлялась въ прошлыхъ столѣтіяхъ наименѣе искаженнымъ образомъ золотого вѣка ислама и даже до новаго времени пользовалась величайшимъ уваженіемъ. Между тѣмъ какъ резиденція Аббасадовъ была безопаснымъ мѣстопробываніемъ всѣхъ возможныхъ сектъ и вольнодумцевъ, Бохара, Белхъ и Самаркандъ подъ властью Саманидовъ служили, такъ сказать, убѣжищемъ для такихъ могаммеданскихъ ученыхъ и ревнителей вѣры, которые судорожно хватались за малѣйшую мелочь шаріата (религіозный законъ), или сунны (преданія), и тѣмъ высоко держали палму исламитакаго превосходства надъ всею западною Азіею, даже надъ Меккою и Мединою. Тоже самое было и съ государственнымъ первенствомъ, которое Бохара имѣла надъ народами средней Азій во всѣ времена, и которое могло

быть сохранено государями на Зеревпанѣ даже до новаго времени. Чувства уваженія къ Бохарѣ, одушевлявшія могущественнаго Себуктекина и въ послѣдующихъ вѣкахъ еще долго жившія у Афганъ, Индѣйцевъ и Узбековъ, впервые явились въ блистательную эпоху Саманидовъ. Это была послѣдняя династія иранскаго происхожденія въ странѣ древне-иранской образованности, но, разумѣется, не слѣдуетъ преувеличивать ея завѣщаніе турко-татарскимъ наслѣдникамъ на престолѣ Трансоксаніи.

Съ прекращеніемъ этой династіи, въ Трансоксаніи наступила дикая анархія,—и неудивительно! Въ этой странѣ всегда рѣзко обозначались два главные національные элемента. Иранцы, представители древней культуры, мало измѣнили свой національный характеръ съ принятіемъ исламитакаго образованія, какъ это уже не разъ было замѣчено нами. И теперь они были преданы торговлѣ, наукамъ и вообще мирнымъ занятіямъ, такъ что военное дѣло и связанное съ нимъ господство, по необходимости, достались на долю второй части населенія, именно Туркамъ. Во все времена составляя главную силу армій и часто занимая самыя высокія должности, Турки, уже при послѣднихъ Саманидахъ, присвоили себѣ верховную власть; поэтому, когда эта династія совершенно угасла, то ихъ роль измѣнилась только въ томъ, что теперь они стали управлять отъ своего имени и корчить изъ себя независимыхъ государей. Хотя Бохара, собственное мѣстопробываніе правительства, находилась въ рукахъ Иликъ-Хана изъ Кашгара, но власть этого послѣдняго почти ничего не значила въ округахъ Кеша, Самарканда и Хоканда; здѣсь каждый губернаторъ дѣлалъ, что ему вздумалось,—иногда нѣсколько ихъ соединалось между собой для низверженія Иликъ, иногда же опять они призывали на помощь могущественнаго султана Махмуда; однимъ словомъ, это была эпоха, во всѣхъ отношеніяхъ самая благопріятная для появленія рѣшительнаго

и храбраго воеводы, а какъ такой уже выступилъ на сцену исторіи еще до этой катастрофы, то его вліяніе на политическія отношенія Трансоксаніи и незамедлило обнаружиться.

VI.

Сельджукиды.

395 (1004) — 528 (1133).

На томъ необозримо́мъ степномъ пространствѣ, которое протягивается на сѣверѣ обитаемой части средней Азіи, начиная отъ китайской границы и до восточнаго берега Каспійскаго моря, жили часто упоминаемые нами турецкіе кочевые народы, извѣстные у Арабовъ и Персовъ подъ собирательнымъ именемъ «Гуццъ» и очень рано оказывавшіе весьма сильное вліяніе на исторію средней Азіи. За-долго до занятія Арабами средней Азіи и долгое время послѣ того, даже въ правленіе Саманидовъ, движеніе турецкихъ элементовъ къ берегамъ Окса происходило только по направленію *съ сѣверовостока*, именно отъ Хоканда и нынѣшняго восточнаго Туркестана, а когда пала власть Саманидовъ, то Турки стали и *на сѣверъ* передвигаться свободнѣе и безпрепятственно расширили пастбища своихъ безчисленныхъ стадъ до обитаемой части Бохарскаго ханства. Въ первоначальной исторіи Сельджукидовъ, богато изукрашенной вымыслами, говорится, что Сельджукъ, правильнѣе Сельджигъ ¹⁾, Токмака сынъ, и Субаши, главнокоман-

1) Слово Сельджукъ находится въ явномъ противорѣчій съ правилами турецкой этимологій. Слѣдовало бы сказать Сельджигъ или Сальджукъ,

дующій князя по имени Пигу, правильнѣ Богу ¹⁾, за какой-то проступокъ должны были покинуть родную степь и уйти въ чужой край. Сельджукъ бѣжалъ съ сотнею всадниковъ, тысячею верблюдовъ и съ 50,000 штукъ овецъ и поселился у южной окраины степи, недалеко отъ мѣста, называемаго Джендъ ²⁾. Здѣсь онъ со своими людьми принялъ исламъ ³⁾ и скоро доказалъ свое усердіе къ новой религіи тѣмъ, что весьма сильно защищалъ мирныхъ обитателей этой мѣстности отъ нападенія своихъ языческихъ соплеменниковъ. Его власть и уваженіе къ нему увеличивались со дня на день, и его дворъ скоро сдѣлался убѣжищемъ для угнетенныхъ, между которыми мы видимъ здѣсь и Мунтасира, послѣдняго изъ Саманидовъ, просящаго о по-

потому, что джикъ или джукъ—уменьшительные слоги, и первый изъ нихъ ставится предъ такими словами, которыя въ послѣднемъ слогѣ имѣютъ гласныя е, і, послѣдній же слогъ джукъ ставится только послѣ а, о, у. Впрочемъ, изображеніе турецкихъ словъ на письмѣ, какъ оно дошло до насъ чрезъ арабскихъ и персидскихъ авторовъ, почти всегда ошибочное, потому что они большею частію не знали турецкаго языка и не въ состояніи были, какъ тогда, такъ и теперь, выразить различіе турецкихъ звуковъ.

¹⁾ Богу называется олень-самецъ. Что Турки употребляли названіе красивыхъ и сильныхъ вѣтвей, какъ мужскія имена, объ этомъ мы уже упоминали. Впрочемъ, возможно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ Пигу, персидскимъ названіемъ для буддиста также восточнаго Турка.

²⁾ По Ибнъ Халикану, Джендъ находился въ двадцати ферзахъ отъ Бохари. Подобнаго мѣста я не нашелъ въ древнѣйшей географической рукописи.

³⁾ Если мы примемъ въ соображеніе, что имена первыхъ Сельджукидовъ, какъ Муса, Юнисъ, Михаилъ и Израилъ, имѣютъ очень ясныя библейскіе звуки, далѣе,—что христіанство въ то время было гораздо болѣе распространено по средней Азіи, чѣмъ какъ о томъ можно судить по могаммеданскимъ историческимъ сочиненіямъ; то мнѣніе, что турецкіе номады, отъ которыхъ отдѣлился Сельджукъ, принадлежали, хотя по виду, къ несторіанской церкви, а не къ шаманизму, или буддизму, оправдывается и тѣмъ уже, что отдѣльныя племена Турокъ, какъ напр. Найманъ и Кангли, какъ мы читаемъ въ Джувейневой Джиганкушъ, исповѣдывали христіанскую вѣру. За это мнѣніе говорятъ также и списокъ тѣхъ аланскихъ офицеровъ, которые, какъ вѣрныя христіане, послали отъ двора великаго Каана свою присягу папѣ въ Авиньонъ, въ 739 (1388) году; объ этомъ посольствѣ подробнѣе говоритъ ученый полковн. Г. Юль въ своемъ сочиненіи Cathay and the way thither, во II т., на стр. 318-й.

мощи противъ Иликъ хана. Сельджукъ вступилъ за сильно удрученнаго Саманида и объявилъ войну Иликъ хану, вслѣдствіе которой получилъ во владѣніе цѣлый округъ въ населенной части ханства и, занявъ мѣсто въ ряду независимыхъ князей Трансоксаніи, пробудилъ въ этихъ послѣднихъ зависть и вражду. Какъ далеко распространилъ свою власть въ Бохарскомъ ханствѣ Сельджукъ, прожившій до глубокой старости, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что оба его внука Тогруль и Чакаръ ¹⁾, о военномъ образованіи которыхъ онъ особенно заботился, жили, послѣ смерти своего дѣда, въ постоянной враждѣ съ главными государями тогдашней средней Азіи, именно—съ Иликъ ханомъ въ Бохарѣ и съ Бограханомъ въ Кашгарѣ. Казалось, будто отъ этихъ молодыхъ отростковъ династіи Сельджука уже рано ждали, что они выростутъ такими могучими стволами, что ихъ вѣтви потомъ раскинутся отъ запада Китая до береговъ Средиземнаго моря, отъ Аральскаго озера до Персидскаго залива, и подъ тѣнью ихъ найдетъ себѣ защиту не одинъ знаменитый народъ древности и даже самъ духовный глава всего могомеданскаго міра. Оба брата, тѣсно соединенные между собою и общою цѣлью, и горячею любовью, должны были то бѣгать отъ опасной хитрости, или превосходныхъ силъ своихъ противниковъ, то искать спасенія въ битвѣ съ ними. Оставаясь вѣрными кочевой жизни и среди осѣдлаго населенія, они легко могли, со всѣмъ своимъ имуществомъ, переходить изъ одной страны въ другую, или же, въ минуту опасности, прятать своихъ женъ и дѣтей и все свое добро въ потаенныхъ уголкахъ пустыни, чтобы потомъ,

¹⁾ Тогруль и Чакаръ—два Турецкихъ слова; первое изъ нихъ—сокращеніе отъ Тограуль=убійца, отъ глагола тограмакъ=избивать; послѣднее же означаетъ блистательный, искраційся, отъ чакмакъ=искряться. Наши европейскіе ориенталисты по ошибкѣ отождествили тограуль съ тогру = прямой; а какъ значеніе слова Чакаръ имъ было неизвѣстно, то они считали это за ошибку переписчика и принимали за Джафаръ.

на легких конях, попытать военного счастья ¹⁾). Только этим способом было для них возможно заняться основаніем будущаго могущества, и даже предъ глазами такого завоевателя, какъ Махмудъ Газневидъ, который не смогъ удалить ихъ со сцены историческихъ событій, хотя число и видъ этихъ мощныхъ сыновъ природы и ему внушали страхъ ²⁾). Алитекинъ, правитель Самарканда и союзникъ Иликъ хана, одержимый страстью къ завоеваніямъ, поссорился съ Кадръ ханомъ, сыномъ и наследникомъ Богра хана Кашгарскаго; тогда султанъ Махмудъ, какъ союзникъ послѣдняго, перешелъ съ арміею черезъ Оксъ и прогналъ Илика. Желая поставить своего союзника въ положеніе безопасное и отъ Сельджукидовъ, онъ предложилъ обоимъ братьямъ поселиться въ Хоразанѣ, разумѣется, чтобы легче было ихъ побѣдить, отдѣливъ ихъ отъ ихъ соплеменниковъ. Тогрулъ и Чакаръ готовы были принять это дружеское предложеніе великаго Газневида и отправили къ его двору своего дядю Израила, также называемаго Богу, но когда узнали, что дядю тамъ оскорбляли, что онъ, какъ говорятъ нѣкоторые, даже умеръ тамъ въ тюрьмѣ, то и рѣшились остаться на прежнемъ мѣстѣ въ Трансоксаніи, несмотря на непріязнь сосѣднихъ князей, въ особенности Алитекина, возвратившагося въ Самаркандъ. Снова пробовалъ Иликъ

1) Многие считали Сельджуковъ Туркомами, основываясь на этомъ способѣ веденія войны который употребляется и нынѣшними Туркомами.

2) По этому поводу рассказываютъ, будто султанъ Махмудъ, разсуждая съ Израилемъ, явившимся къ нему въ качествѣ посла отъ Сельджукидовъ, о своихъ планахъ на Индію, спросилъ его о числѣ готовыхъ къ бою Сельджуковъ; тогда послѣдній, вынувъ стрѣлу изъ колчана, такъ будто бы ему отвѣтилъ: „пошли эту стрѣлу къ моимъ соплеменникамъ, и къ тебѣ на помощь придутъ 10,000 всадниковъ“. „А если бы я пожелалъ имѣть болѣе?“ спросилъ Махмудъ. „Тогда пошли эту вторую стрѣлу“, сказалъ Израиль, „и явятся 50,000 человекъ“. „Положимъ, что и ихъ будетъ не достаточно“, возразилъ Газневидъ: „ну, такъ пошли мой лукъ“, замѣтилъ Израиль, „и на твой зовъ послѣдуютъ 200,000 воиновъ“. Эта сага — такъ мы должны ее назвать, потому что посольская роль стрѣлы и лука нигдѣ не встрѣчается въ обычаяхъ и нравахъ Турокъ — повторяется почти у всѣхъ историковъ востока и запада.

хитростью поймать ихъ въ сѣти, стараясь посѣять раздоръ въ семьѣ Сельджукидовъ. Но и это помогло также мало, какъ и непріятельское нападеніе, сдѣланное его войсками подъ начальствомъ Алпкары. Сначала разбитые, оба брата скоро опять поднялись, уничтожили армію Алпкары и даже его самого убили, но этою блистательною побѣдою накликали на себя новаго врага, именно—Харезмскаго государя, который напалъ на нихъ съ превосходными силами въ пустынь между Бохарой и Хивой, на правомъ берегу Окса, разбилъ ихъ на голову и принудилъ къ поспѣшному бѣгству ¹⁾).

При такихъ обстоятельствахъ, храбрые внуки Сельджука простились съ отчиною своей фамиліи, съ землею между Оксомъ и Яксартомъ, чтобы чрезъ восточный край Гирканской степи достигнуть Хоразана и здѣсь, на древней классической почвѣ Ирана, пожать плоды своей богатой подвигами юности, столькихъ упорныхъ битвъ и столь удивительнаго терпѣнія. И дѣйствительно, это удалось имъ вполне. Въ 422 (1030) году, слѣд. спустя годъ послѣ смерти султана Махмуда Себуктекина, мы находимъ Сельджукидовъ уже къ западу отъ Мерва, на мѣстѣ нынѣшнихъ Текке-Туркомановъ, вблизи лежащихъ къ югу городовъ Низы и Абверда ²⁾); начиная отъ этихъ пунктовъ, они страшно разоряли своими набѣгами богатую провинцію Хоразанъ ³⁾).

1) Сельджукиды потерпѣли пораженіе скорѣе вслѣдствіе хитрости Харемийца, чѣмъ отъ слабости своего собственнаго оружія. Князь Харемиянъ сначала лицемерно предложилъ имъ дружбу и, выѣстъ съ нею, обманомъ братьямъ съ ихъ свитою—родину въ своей землѣ, разумеется, чтобы удалить ихъ отъ ихъ кочующихъ соплеменниковъ, которые жили на лѣвомъ берегу Яксарта. Сельджукиды не предчувствовали ничего худого. Они знали, что князь Харезма находится во враждѣ съ султаномъ Мезу'домъ, преемникомъ Махмуда Газневиды, и думали, что первому необходимо ихъ союзъ, именно для одоленія послѣдняго.

2) Абвердъ и Низа существуютъ и теперь на сѣверной окраинѣ Ирана, разумеется, какъ бѣдныя колоніи, наиболѣе подверженныя набѣгамъ Текке-Туркомановъ. Черезъ первый проходитъ караванный путь изъ Дергеза въ Хиву.

3) Какъ извѣстно, Сельджукиды были первые Турки, поселившіеся на

совершенно такъ, какъ теперь дѣлаютъ это Туркоманы. Говорятъ, что, при овладѣннн тѣмъ краемъ, они сперва отправили посольство къ султану Мезу'ду, сыну и преемнику Махмуда, и предлагали ему свою дружбу и услуги за позволеніе поселиться въ Хоразанѣ; но Мезу'дъ, по свидѣтельству большей части историческихъ источниковъ, отвѣтилъ имъ грубымъ отказомъ, который до такой степени оскорбилъ гордость Тогруль бега и Чакаръ бега, что они отправили свои семьи и стада внутрь песчаной пустыни Каракумской и, со своими воинами, готовыми къ бою, рѣшились силою добыть себѣ то, въ чемъ отказалъ имъ гордый Газневидъ на мирномъ пути. Но и при другихъ обстоятельствахъ, въ высшей степени невѣроятно, чтобы жадные къ добычѣ сыны пустыни могли оставаться покойными при видѣ богатыхъ городовъ Хоразана. Нетолько сѣверная окраина Ирана, но всякая страна, ограниченная степями и номадами, всегда подвержена подобнымъ бѣдствіямъ. Хоразанъ теперь былъ впервые посѣщенъ этимъ безпокойнымъ сосѣдомъ, но какъ ужасны были его опустошенія, видно изъ горькихъ жалобъ Хоразанцевъ при дворѣ Мезу'да. Уже при этомъ первомъ извѣстнн, кровь гордаго Газневида закипѣла дикимъ гнѣвомъ. Сперва онъ послалъ противъ безпокойныхъ воиновъ пустыни своего генерала Бегтогди ¹⁾ съ арміею, которая вела съ собою тысячу верблюдовъ съ грузами оружія, сто верблюдовъ съ деньгами и нѣсколькихъ слоновъ. Но что могли сдѣлать съ закаленными номадами изнѣженные жители юга, присланные сюда съ береговъ Гельменда и Инда? Уже при первой стычкѣ Бегтогди былъ разбитъ. Тогда Мезу'дъ самъ принялъ

сѣверо-восточной окраинѣ Ирана. Во время арабскаго владчества, также какъ и при Саманидахъ, были вокругъ Мерва номады, но не Турки. Такія же отношенія существовали и на сѣверо-западѣ Ирана, гдѣ Гуццъ-турки, отъ сѣвера Каспійскаго моря спустились до Балкана (въ Гирканской степи) только въ началѣ 10-го столѣтія христіанскаго вѣреасчисленія.

1) Бегтогди—турецкое слово и значить рожденный принцемъ, рожденный княземъ.

начальство надъ арміею. На военномъ совѣтѣ въ Нишабурѣ было рѣшено сдѣлать Сельджукидамъ мирныя предложенія¹⁾, но тѣ велѣли сказать Мезу'ду: такъ какъ онъ прежде не принялъ ихъ дружбы, то и они теперь ничего не хотятъ знать о его предложеніяхъ. Зимѣ 423 (1031) года они держали себя покойно, а весною опять начали свои хищническіе набѣги въ огромныхъ размѣрахъ, и хотя Мезу'дъ, сомнѣваясь въ своемъ стратегическомъ талантѣ, опять ввѣрилъ главное командованіе войсками Субаши²⁾ (генералиссимусу), но даже и этотъ еще менѣе могъ справиться съ внезапно появляющимися изъ пустыни и такъ-же быстро туда скрывающимися Туркоманами. Въ продолженіи трехъ лѣтъ Хоразанъ былъ преданъ на жертву ихъ грабежамъ и опустошеніямъ, пока наконецъ, въ 427 (1035) году, Субаши былъ изгнанъ изъ сѣвернаго Хоразана, и Чакаръ бегъ, завладѣвъ богатымъ и цвѣтущимъ Мервомъ, сдѣлался государемъ, а слѣдовательно и защитникомъ сѣвернаго Хоразана.

Судя по разсказу Мирхонда, ~~дѣятеля~~ Мерва, замѣчая безсиліе Газневидовъ, сами отворили ворота своего города турецкимъ начальникамъ и отдались подъ ихъ защиту. Оба брата, послѣ торжественнаго вступленія въ древнюю столицу Хоразана, раздѣлили между собою власть такимъ образомъ, что Тогруль бегъ взялъ въ свои руки

¹⁾ Прежде высокомерный и гордый, Газневидъ теперь захотѣлъ вступить въ родство съ грубыми воинами пустыни, предлагая тремъ принцамъ Сельджукскимъ принцессъ изъ своего владѣтельнаго дома, что, разумеется, было отвергнуто ими.

²⁾ Субаши—югурское слово и означаетъ *главнокомандующій арміею*. Вудмерсъ, прочитавшій это слово въ заданномъ имъ текстѣ—Mirchondi Historia Seldschukidarum, стр. 28, Сіаши *سپاشی* говоритъ въ своемъ примѣчаніи: *سپاشی Subaschi mense uti videtur pro سپاشی quod proprie significat dux exercitus*. Этимологию этого слова можно найти въ словарѣ моихъ „Uigurischen Sprachmonumente“.

бразды правленія, а Чакаръ бегъ — мечъ для обороны. Впрочемъ, эти добытые оружіемъ успѣхи были на нѣкоторое время потеряны, вслѣдствіе крайняго напряженія, сдѣланнаго султаномъ Мезу'домъ для восстановленія своего авторитета, именно: когда этотъ послѣдній, въ 429 (1037) году, съ арміею изъ 70,000 кавалеріи и 30,000 пѣхоты двинулся изъ Белха противъ Мерва, — то Сельджукиды заблагоразсудили уклониться передъ такимъ слишкомъ большимъ превосходствомъ силы, и султанъ Мезу'дъ снова овладѣлъ городами Мервомъ и Нишабуромъ, но не надолго, потому что, какъ только немного собрались съ силами братья, до того дѣйствовавшіе отдѣльно, какъ Чакаръ бегъ, вынырнувъ изъ степи при Дамганѣ, открылъ военныя дѣйствія самымъ энергическимъ образомъ. Вблизи названнаго мѣста, въ рамазанъ 431 (1039) года, произошло рѣшительное сраженіе. Мезу'дъ, разбитый на голову, бѣжалъ въ Газни, гдѣ скоро потомъ и умеръ, и оба брата, достигши безспорнаго обладанія Хоразаномъ, этимъ узломъ всѣхъ важныхъ операцій исламитской Азіи, могли теперь безпрепятственно утвердить основы своего будущаго могущества. Главными ихъ опорами были на востокѣ Белхъ, на западѣ Нишабуръ. Отъ этихъ пунктовъ и началъ постепенно расширяться кругъ ихъ могущества. Сперва былъ завоеванъ и присоединенъ къ массѣ ихъ владѣній Харезмъ ¹⁾, куда ихъ призвало несогласіе между княземъ и главнокомандующимъ. Отсюда, по развалинамъ владычества Буйидовъ, они перешли въ Азербайджанъ, а въ 446 (1054) году летучіе отряды турецкой арміи, подъ начальствомъ Тогруль бега, проникли даже внутрь Восточной Римской Имперіи ²⁾, и хотя смѣ-

1) Въ Харезмѣ именно главнокомандующій арміею возмутился противъ своего государя и тѣмъ принудилъ послѣдняго искать помощи у Сельджукидовъ. Чакаръ бегъ дѣйствительно восстановилъ власть низложеннаго князя, который за это и сдѣлался вассаломъ Сельджукидовъ.

2) Гиббонъ (Mugtau 1862. VIII т. стр. 154) рассказываетъ по греческимъ источникамъ, будто Тогруль отправилъ посольство въ Константинополь съ требованіемъ дани и подчиненія.

лымъ обитателямъ пустыни болѣе по вкусу были грабежи въ землѣ кесарей, чѣмъ завоеваніе, но даже и этотъ незначительный успѣхъ противъ Рима, высокопрославленному въ древней Азіи за свое могущество, вездѣ разнесъ молву о побѣдѣ Сельджукидовъ. Тогруль бегъ, желая, какъ говорить, предпринять набожное странствованіе въ Мекку и очистить дорогу пилигримовъ, небезопасную вслѣдствіе Багдадской анархіи, явился въ древнемъ городѣ калифовъ какъ завоеватель и, въ то же время, какъ смиренный вѣрнопопавшій ¹⁾). Сокрушивши власть Дейлемита-Меликъ-Регима и возведя на престолъ калифовъ Эль-Каима-би-эмри-Аллаха, онъ двинулся противъ своего мятежнаго дяди Ибрагима-Айнала ²⁾); въ этой военной экспедиціи при немъ находился Алъ Арсланъ, сынъ умершаго тѣмъ временемъ Чакаръ бега. Дѣло съ Ибрагимомъ скоро было улажено. Тогруль бегъ опять возвратился въ Багдадъ, чтобъ освободить изъ темницы сверженнаго Каима и вторично возвести его на престолъ калифовъ. Это было въ 451 (1059) году, и отважный предводитель турецкихъ ордъ впервые былъ принятъ въ торжественной аудіенціи княземъ правовѣрныхъ. «тѣнью Бога на землѣ». При первомъ свиданіи калифъ, чтобы сохранить святость своей особы, не хотѣлъ поднять бурки (покрывала), и Тогруль долженъ былъ довольствоваться почтительнымъ цѣлованіемъ его руки. Но это была смѣшная гордость нишаго, выказанная Каимомъ, потому что позже Тогруль вынудилъ у него его дочь себѣ въ жены, но, среди приготовленій къ бракосочетанію, Сельджукидъ, на

1) При первой встрѣчѣ турецкаго князя съ калифомъ, послѣдній явился подъ покрывадомъ, нося на плечахъ черныи плащъ Аббасидовъ, а въ правой рукѣ держа посохъ Могаммеда. Тогруль бегъ былъ глубоко пораженъ величіемъ повелителя всѣхъ правовѣрныхъ и осмѣлился приблизиться къ нему пѣшіи, и тогда только опять сѣлъ на лошадь, когда калифъ ему закричалъ: „садись. Тогруль“!

2) Правильнѣе, можетъ быть, *Иналъ*, такъ какъ это имя и понинѣ употребительно въ средней Азіи.

70 году своей тревожной жизни, скончался въ 455 (1063) году въ Реѣ, послѣ 26-лѣтняго правленія.

Его преемникъ *Алпъ-Арсланъ* былъ воинъ громаднаго вида и съ замѣчательными дарованіями духа, продолжавшій завоеванія своего дяди еще съ большимъ рвеніемъ и счастьемъ; такъ, одни изъ восточныхъ его панегиристовъ утверждаютъ, что его голова, отъ маковки и до конца бороды, имѣла цѣлыхъ два аршина длины ¹⁾, другіе восхваляютъ влеченіе его къ геройскимъ подвигамъ Александра Македонскаго и калифа Али, которыхъ описаніе было его любимымъ чтеніемъ. Алпъ Арсланъ былъ первый турецкій князь, водившій турецкую кавалерію по ту сторону Евфрата ²⁾ и воздвигшій на классической почвѣ западной Азіи престолъ для той расы, которая и теперь возсѣдаетъ на немъ. Восточные историографы рассказываютъ, что тогдашній Кайзаръ-и-Румъ, именно Романъ Діогенъ, въ припадкѣ высокохврія и гордости, принялъ рѣшеніе водрузить въ священномъ городѣ ислама, на-мѣсто калифа, осьмиконечный крестъ, съечь всѣ кораны и въ своемъ завоевательномъ шествіи не останавливаться вплоть до Самарканда. Но легко проглядываетъ въ этомъ пустая хвастливость. Испробовавъ свои силы надъ гнилымъ политическимъ организмомъ Ирана и Арабистана, дивіе сыны пустыни не могли устоять противъ искушенія помѣриться и съ Румомъ, слывшимъ тогда за могуществомъ и богатаго. Что началъ Тогрулъ бегъ, то выполнилъ Алпъ Арсланъ. Византійское войско, въ рядахъ котораго имѣли своихъ представителей различныя христіанскіе народы, даже Франки и Нормандцы, не могли выдержать стремительнаго натиска туркестанскихъ массъ и

¹⁾ Мирхондъ, *Geschichte der Seldschukiden*. Изданіе Вуллера, стр. 46.

²⁾ Ибнъ Халликанъ (въ турецкомъ переводѣ, напечатанномъ въ Константинополѣ въ 1280 г. геджры), II т. стр. 222. Гиббонъ говоритъ: „He passed the Euphrates at the head of the turkish cavallery, and entered Caesarea, the metropolis of Cappadocia, to which he had been attracted by the fame and wealth of the temple of St. Basil“.

были страшно побиты ¹⁾). Самъ Романъ попалъ въ плѣнь ²⁾, и хотя Алпъ Арсланъ обходился съ нимъ съ великодушiемъ, въ послѣдствiи столько прославленнымъ ³⁾, но это несчастье римскаго оружiя послужило началомъ того длиннаго ряда турецкихъ побѣдъ надъ Восточною Римскою Имперiею, который, спустя 500 лѣтъ, окончился завоеванiемъ Константинополя. Побѣдоносный турецкiй князь, распространяя вокругъ себя опустошенiя и обязавши гордую Византию данью, возвратился чрезъ Керманъ и Теббесъ, обходнымъ движенiемъ вдоль пустыни ⁴⁾, въ свою резиденцiю Нишабуръ и прибылъ какъ разъ во время, чтобъ торжественно принять невѣсту своего сына Меликшаха, дочь великаго хакана ⁵⁾ Самаркандскаго и съ обычною пышностью от-

1) Сначала Алпъ Арсланъ попытался мирнымъ путемъ уладить дѣло, что, естественно, ни къ чему не привело. Весьма характеристиченъ тонъ обоюдныхъ посольствъ; въ немъ христiанское византийское образованiе не очень возмущается надъ образованiемъ татарскихъ ордъ. Посольство А. Арслана сказало Роману, по Мирхонду, слѣдующее: „хотя твоя армiя и многочисленна, но ты поразмысли о томъ, что ишьешь противъ себя государя, котораго побѣды всѣмъ извѣстны. Если ты остановишь свой силъный шагъ, сдѣлаешься данникомъ и прекратишь военныя дѣйствiя, то султанъ утвердитъ за тобою всѣ твои владѣнiя и тебѣ не будетъ причинено ни малѣйшей бѣды. Въ противномъ случаѣ, знай, что ты навлечешь на себя свою собственную погибель“. Отвѣтъ Романа, по Гиббону, былъ такой: „if the barbarian wishes for peace let him evacuate the ground which he occupies for the encampment of the Romans, and surrender his city and palace of Rei as a pledge of his security“.

2) Сперва рубнулъ его саблею солдатъ изъ гвардiи султана, при второмъ ударѣ Романъ закричалъ ему: „остановись, я императоръ римскiй“, послѣ чего и взяли его въ плѣнь.

3) Алпъ Арсланъ своего плѣнника сажалъ подлѣ себя на тронъ и оказывалъ большое къ нему почтенiе. Позже сынъ его Меликъ Арсланъ женился на дочери Романа, и свадьба могоammedанскаго турецкаго принца съ христiанскою принцессою была отпразднована съ большою торжественностью.

4) Алпъ Арсланъ сдѣлалъ этотъ обходъ, чтобъ наказать своего брата Курда (по невѣрному персидскому списку Вуллерсъ и Малькольмъ называютъ его Кавердъ и Кадертъ), керманскаго намѣстника, который, какъ говорятъ, возмущился противъ него.

5) Титулъ хакана давался безусловно только самостоятельному князю, поэтому можно признать за достовѣрное, что Самаркандъ и прочая часть восточной средней Азiи перешла не въ дѣйствительное владѣнiе первыхъ Сельджукидовъ, а номинальное.

праздновать ихъ свадьбу ¹⁾. Но онъ недолго здѣсь отдыхалъ. Назначивъ своимъ преемникомъ Меликшаха и поручивъ управление различныхъ провинцій своей обширной имперіи прочимъ сыновьямъ и родственникамъ, онъ отправился въ 458 (1065) году въ Харезмъ, для наказанія возмутившагося вассала; чрезъ нѣсколько лѣтъ, и съ подобною же цѣлью, онъ двинулся съ войскомъ и противъ Шемсъ-уль-Мулька, знаменитаго повелителя Бохары, но на берегу Окса, 2-го магарема 465 (1072) года, палъ жертвою оскорбленной имъ военной чести и своей самонадѣянности ²⁾. Онъ умеръ на 44-мъ году своей жизни и на двѣнадцатомъ славнаго правленія. Алпъ-Арсланъ былъ второй князь изъ дома Сельджука, отличавшійся талантами и полководца, и правителя; но, что въ самомъ дѣлѣ безпримѣрно въ лѣтописяхъ могоммеданскихъ народовъ, и третій членъ этого дома, именно *Меликшахъ*, былъ въ состояніи съ такимъ же рвеніемъ и успѣхомъ еще возвысить блескъ своей династіи. Правленіе Меликшаха, безспорно, образуетъ высшую точку могущества Сельджукидовъ. Почти пять лѣтъ онъ употребилъ на защиту наслѣдованнаго престола противъ своего дяди Курда, по усмиреніи котораго двинулся въ Самаркандъ въ 470 (1077) году, чтобы въ лицѣ собственнаго тестя одолѣть могущественнаго противника своей династіи. Все его вниманіе направлено было главнымъ образомъ на упроченіе своей власти въ колоссальной имперіи, и, благодаря мудрымъ совѣтамъ знаменитаго визиря Низамъ-уль-Мулька, это ему удалось въ такой мѣрѣ, что спокойствіе и порядокъ, цвѣтущая культура его двадцатилѣтняго правленія составляютъ блистательную страницу въ исторіи могоммеданскихъ народовъ.

¹⁾ При въздѣ невесты въ Нишабуръ, предъ паланкиномъ прекрасной самаркандки шли тысячи рабовъ и рабынь, и каждый и каждая изъ нихъ несли рѣдкія и дорогія вещи, какъ подарокъ. На пути ея по городу они бросали во всѣ стороны мускусъ, амбру и алойную древесину.

²⁾ Когда въ землѣ Земъ (правильнѣе, провинціи Земъ), гдѣ Алпъ Арс-

Этотъ великій турецкій государь оказалъ такія услуги наукамъ, поэзіи, промышленности и архитектурѣ Ирана, какъ ни одинъ изъ его преемниковъ. Двѣнадцать разъ онъ объѣздилъ свои владѣнія отъ Емена до отдаленнаго Окса; князья добивались чести попасть въ его свиту, и калифъ Мугтади, его твореніе, считалъ особымъ для себя отличіемъ получить руку его дочери ¹⁾. Помня восточную поговорку: «совершенство и паденіе идутъ рука объ руку», онъ желалъ еще при жизни предотвратить всякое несогласіе между своими преемниками и раздѣлилъ имперію между различными родственниками своими. Анатолія была отдана Сулейманъ-шаху, родъ котораго царствовалъ до времени Газана; Сирію получилъ его братъ Тутушъ, которому предстояла борьба съ крестоносцами; Нуштекинъ-Гарча, возвысившійся изъ состоянія раба на степень генералиссимуса и сдѣлавшійся потомъ основателемъ Харезмидской династіи, былъ назначенъ правителемъ Харезма; Абсонгару ²⁾ достался

лавъ перешелъ Оксъ, было взято небольшое укрѣпленіе, долго задержавшее гордаго воеводу, и его комсидантъ, по имени Юсуфъ Харезми, былъ приведенъ къ султану, то послѣдній осыпалъ его бранными словами и велѣлъ прибить его къ кресту. Въ борьбѣ за жизнь Юсуфъ хотѣлъ отмстить своему убійцѣ и стремительно попалъ на Алъ Арслана съ мечомъ. Многочисленные слуги султана уже думали броситься на яростнаго Юсуфа, но первый удержалъ ихъ и, надѣясь на свое искусство въ метаніи стрѣлъ, наложилъ стрѣлу на лукъ, чтобъ положить на мѣстѣ злоумышленника. Стрѣла этотъ разъ не попала въ цѣль, и не успѣлъ еще изумленный Арсланъ пустить вторую стрѣлу, какъ Юсуфъ на него напалъ и смертельно ранилъ.

¹⁾ Приданое дочери Меликшаха даетъ намъ понятіе о богатствѣ и пышности Сельджукскихъ князей. За принцессою, при ея взѣздѣ въ Багдадъ, слѣдовали 130 своръ верблюдовъ (свора состоитъ изъ 10—15 верблюдовъ), навьюченныхъ самыми толстыми шелковыми матеріями изъ Рума; 74 мула съ золотыми ошейниками и золотыми колокольчиками, нагруженные 12 серебряными ларями, наполненными драгоценными каменьями и предметами украшенія, а за муллами слѣдовали по одиночкѣ еще 33 благородные верблюда съ золотыми сѣдлами и неслие разныя драгоценности.

²⁾ Аксонгаръ, правильнѣе Акшонгаръ (а не Аксангаръ, какъ ошибочно читаютъ и мною тоже невѣрно объяснено въ словарѣ моихъ „Tschagataischen Sprachstudien“) — турецкое слово и собственное имя въ значеніи „бллага сокола“.

Алеппъ, Чекермишу—Мосуль, Кобулмишу—Дамаскъ, Хонартекину—Фарсъ, а его сыну Санджару поручено управленіе Хоразаномъ и Трансоксанією. Но эта мѣра не спасла династію Сельджукидовъ отъ обыкновенной участи восточныхъ владѣтельныхъ фамилій; по смерти Меликшаха, послѣдовавшей въ 485 (1092) году, и по вступленіи на престолъ его сына Беркъ-Ярука (очень блистательный), вспыхнула ожесточенная вражда между многочисленными членами фамиліи, скоро обратившаяся въ хищничество полководцевъ и родственниковъ умершаго князя. Что происходило съ этого времени и до смерти султана Санджара въ 552 (1160) году, въ продолженіи болѣе полу столѣтія, это имѣетъ для исторіи Бохары очень мало интереса, даже почти что никакого, потому что только одинъ Санджаръ въ свое необыкновенно долгое, почти сорокалѣтнее правленіе, оказывалъ нѣкоторое вліяніе на исторію Трансоксаніи, и, между всѣми Сельджукидами, его слѣдуетъ назвать почти единственнымъ, который принималъ къ сердцу упадокъ своего авторитета въ древней отчинѣ своего рода и весьма серьезно заботился о его возстановленіи.

По-истинѣ удивительно, почему эта турецкая фамилія, такъ долго господствовавшая во всѣхъ частяхъ могоammedанскаго Востока, даже въ Африкѣ, ниспровергшая столько старыхъ престоловъ и основавшая столько новыхъ династій, никогда не могла процвѣтать въ старинной родной землѣ своей по ту сторону Окса! Начиная съ той минуты, когда храбрые внуки Сельджука, тѣснимые своими соперниками, водворились съ своими стадами на сѣверной окраинѣ Ирана, значеніе ихъ власти въ Трансоксаніи должно было уменьшаться въ такой мѣрѣ, въ какой стала распространяться ихъ завоевательная политика на западъ средней Азіи, чрезъ Иранъ и Арабистанъ. Исторіографы Сельджукидовъ, по большинству Персы и Арабы, для прославленія правленія Алпъ Арслана и Меликшаха, проводятъ восточную гра-

ницу Сельджукской имперіи далеко за Хокандъ, именно утверждая, что на монетѣ Кашгарской красовалось имя Меликшаха; но это утверждение не совсѣмъ вѣрно. Въ специальной исторіи Бохары (у Наршахи), вышеупомянутый Шемсъ-уль-Мульъ изображается, какъ великій и могущественный Падишахъ, т. е. великій князь; его владычество простиралось за Ходжендъ, его общепользныя постройки, керван-сераили, школы, бани и проч. называются и въ позднѣйшихъ вѣкахъ, а его гробница (онъ умеръ около 480 (1087 г.) и теперь еще посѣщается набожными мусульманами. Его преемникъ Арсланъ ханъ, тестъ султана Саиджара, пользовался такимъ же почетомъ, носилъ такой же титулъ и тоже оставилъ по себѣ добрую память въ Бохарскомъ народѣ. Онъ умеръ въ 525 (1130) году и погребенъ въ Мервѣ. Поэтому господство Сельджукидовъ въ Бохарѣ, Самаркандѣ и Ферганѣ всегда было только *номинальное*, дѣйствительная же власть находилась въ рукахъ или туземныхъ, или югурскихъ князей, управлявшихъ восточнымъ Туркестаномъ ¹⁾. Первымъ Сельджукидамъ, именно

1) Восточные историки производятъ князей, въ то время правившихъ въ восточномъ Туркестанѣ, изъ *Кара Хитай*, т. е. изъ нынѣшнихъ китайскихъ провинцій Шензи и Кансу, и даютъ это прозваніе всѣмъ вообще Туркамъ, живущимъ на крайнемъ востокъ. Мы тѣмъ менѣе можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ, что изъ вышеупомянутого югурскаго памятника письменности достаточно видно, что тѣ Турки, которые имѣли свои становища отъ Ферганы на востокъ далеко внутрь Китая, образовали одно общее племя, отличное отъ племени ихъ братьевъ на далекомъ сѣверѣ и западѣ. Они имѣли одно общее турецкое нарѣчіе, именно — нарѣчіе *Кудатку Билыксъ*, понятное на востокѣ и западѣ югурской земли, и только позже испортившееся, именно въ 7 столѣтіи гджэри, когда Югуры смѣшались съ прочими турецкими племенами. Естественно, мнѣніе восточныхъ историковъ несогласно съ нашимъ. Это именно Джувейни, копированный всѣми позднѣйшими историками, разумѣетъ подъ Югурами или *Этракъ и Югуръ*, „югурскіе Турки“, то турецкое племя, которое имѣло свои главныя становища въ Алмаликѣ и Бишбаликѣ, своего князя называло „Иди Куть“ (господинъ счастья) и своихъ жрецовъ „Камъ“. Не только оба эти слова, но и всѣ слова, принимаемыя Джувейни и его послѣдователями за „югурскія“, можно найти въ моихъ „Uigurischen Sprachmonumente“, которыхъ текстъ для кашгарскихъ Югуровъ написанъ 150 лѣтъ прежде, и подтверждаютъ мое мнѣніе, что языки Бишбалика и

Чакаръ бегу и Торулъ бегу, побѣдоносныя знамена которыхъ развѣвались на востокъ у Белха, а на западъ внутри Арменіи, вовсе и въ голову не приходило направлять свои взоры по ту сторону Окса; только Алпъ Арсланъ, по ниспроверженіи Восточной Римской Имперіи, хотѣлъ сперва мирнымъ путемъ утвердить свое господство въ Трансоксаніи, породнившись съ Сулейманомъ, Самаркандскимъ ханомъ. Но этотъ опытъ остался безплоднымъ, потому что, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ самъ былъ принужденъ двинуться съ большою арміею за Оксъ, причѣмъ потерялъ и свою жизнь. Меликшахъ продолжалъ войну съ своимъ тестемъ и даже побѣдилъ его, но все же сомнительно, чтобы его власть простиралась на Фергану, ужь не говоря о томъ, чтобы еще далѣе за нее; въ противномъ случаѣ, исторія не оставила бы намъ имени Хидръ-хана, называя его правителемъ Туркестана, современникомъ Меликшаха и даже его соперникомъ во власти и величіи ¹⁾. И какъ бы высоко ни развѣвалось знамя Сельджукидовъ въ западной Азій, на востокъ не имѣли почти никакого успѣха даже величайшія ихъ усилія, какъ напр. султана Санджара. Правда, Бохара, вмѣстѣ съ западною частью ханства, всегда находилась подъ верховною властью Сельджукидовъ, восточная же часть Трансоксаніи никогда не хотѣла признавать верховности того княжескаго дома, который имѣлъ центръ своей власти въ Персіи,—и Санджаръ, съ любовью пре-

Кашгара тождественны. Специальные Джувейниевскіе Югуры отличаются отъ западныхъ сосѣдей своихъ только тѣмъ, что они въ глазахъ могомедавина были „кафиръ“, т. е. невѣрующими, исповѣдывавшими христіанство, или шаманизмъ, между тѣмъ какъ первые были строгіе могомедане и не хотѣли имѣть ничего общаго съ еретическими братьями. Поэтому, если мы называемъ одну часть восточныхъ Турокъ „Югурами“, то подъ этимъ именемъ слѣдуетъ понимать все племя, которое и образовало въ Ферганѣ этнографическую цѣпь между Китайцами и Персами.

¹⁾ Отношеніе Хидръ-хана къ Меликшаху поразило также и Гиббона, который справедливо спрашиваетъ, какъ послѣдній, при своемъ громадномъ могуществѣ на западъ Азій, могъ терпѣть на востокъ ея такого славнаго соперника.

данный Хоразану и восточному міру ислама, очень хорошо это видѣль. Этотъ несчастный князь выступилъ въ 524 (1129) году противъ Могаммедъ, владѣтеля Самарканда ¹⁾, сына упомянутаго Сулейманъ-хана, чтобы принудить его къ выполненію вассальныхъ его обязанностей. Самаркандъ, грозная крѣпость того времени, была окружена и должна была наконецъ сдаться, побуждаемая къ тому голодомъ и эпидеміею. Могаммедъ отведенъ въ Хоразанъ плѣнникомъ, но позже Санджаръ его простилъ и даже возвратилъ ему его прежнюю должность. Это былъ первый военный походъ противъ Трансоксаніи. За то тѣмъ неудачнѣе окончился второй: въ 535 (1140) году Самаркандъ снова взбунтовался, и хотя Санджаръ наконецъ одолѣлъ мятежнаго князя, по имени Ахмеда, лежавшаго въ подагрѣ среди 12,000 рабовъ, защищавшихъ крѣпость, и поручилъ управленіе Самаркандомъ Насру, его сыну, но этотъ именно походъ вовлекъ Санджара въ несчастную войну и почти совершенно уничтожилъ власть Сельджукидовъ въ Трансоксаніи.

Югуры, о которыхъ мы уже говорили въ предыдущей главѣ, были соединены въ это время подъ властью могущественнаго князя, извѣстнаго подъ именемъ Курхана ²⁾. По свидѣтельству историческаго творенія Джиганкуши, изъ котораго всѣ позднѣйшіе историки черпаютъ свои данныя, Курханъ происходилъ изъ внутренняго Хатая (сѣверной части Китая); отсюда онъ двинулся съ своими многочислен-

¹⁾ По Джиганкушъ, и Бохара подъ предводительствомъ какого-то Тамгачъ-хана возстала противъ Санджара. такъ что, только по усмиреніи этого возстанія онъ двинулся на Самаркандъ.

²⁾ Не **سورخان** Кёръ-ханъ, какъ называютъ его, по Джувейни, прочіе восточные историографы. Джувейни утверждаетъ, что это слово означаетъ на языкѣ Кара-Хитай „Ханъ-хановъ“, что, по югурскому значенію слова кураганъ-протекторъ, можно предполагать, но не принимать за вѣрное. Клапрота же мнѣніе, сюда относящееся въ „Journal Asiatique“, 1828 г. стр. 23, вовсе не можетъ служить прочнымъ основаніемъ.

ными подданными и сперва поселился на восточной границѣ Киргизской степи, но, встрѣтивъ непріязнь отъ тамошнихъ номадовъ, отодвинулся къ югу и основалъ городъ Имиль. И здѣсь онъ не могъ долго оставаться и поселился въ Белазагунь ¹⁾, удачно воевалъ съ сильными племенами Кангли, Кипчакъ и Карликъ и, по распространеніи своего господства надъ одной частью такъ называемаго Хитая, надъ городами Бишбаликомъ и Алмаликомъ, напалъ на отдѣльныя, враждовавшія между собою, княжества Башгаръ и Хотень, покорилъ ихъ и началъ постепенно расширять свои завоеванія на западъ, именно къ Ферганѣ и Трансоксаніи. И если по-этому Санжаръ, тревожимый возрастающею властью своего восточнаго сосѣда, желалъ его остановить, то и самому Курхану не менѣе было желательно найти поводъ къ разрыву, который и не долго заставилъ себя ждать. На сѣверовостокѣ нынѣшняго Хокандъ, на родинѣ Кипчаковъ и Кара-Киргизовъ, кочевали тогда съ своими стадами отдѣльные отряды Кара-Хитайскихъ номадовъ, на которыхъ Санжаръ наложилъ большую контрибуцію, въ видѣ дани. Кара-Хитайскіе старики были согласны удовлетворить требованіе султана пятью тысячами верблюдовъ и 10,000 овецъ, но это не было уважено; тогда они искали помощи у Курхана, который скоро потомъ, въ 536 (1141) году, напалъ съ арміею на Трансоксанію и нанесъ султану Санжару такое рѣшительное пораженіе, что тотъ, оставивъ свой багажъ и гаремъ, едва только успѣлъ, и то съ большимъ трудомъ, бѣжать за Оксъ, въ сопровожденіи 300 всадниковъ, число которыхъ уменьшилось потомъ до 15. Въ этомъ сраженіи пало до 30,000 человекъ изъ сельджукской арміи, и слава оружія Санджара, называвшагося прежде вторымъ

¹⁾ Белазагунь называютъ Монголы *Губаликъ*, т. е. прекраснымъ городомъ, какъ переводитъ правильно Мирхондъ. На картѣ Азии первой половины XIV столѣтія, приложенной полковникомъ Г. Юлемъ къ превосходному его творенію „Cathay and the way thither“, Лондонъ, 1836 г., Белазагунь помѣщенъ на сѣверовостокѣ отъ нынѣшняго Урумчи.

Александромъ Македонскимъ, навсегда была потеряна для Сельджуидовъ, вмѣстѣ съ Трансоксаніею. Послѣ этого пораженія, несчастіе слѣдовало по пятамъ Санджара; онъ долженъ былъ еще вынести позоръ, — три года томиться въ плѣну у туркоманскихъ номадовъ, въ окрестностяхъ нынѣшняго Анджоя, — и хотя ему и удалось убѣжать, но этотъ избытокъ жестокихъ ударовъ судьбы довелъ его до умопомѣшательства, и онъ умеръ 20 ребіудъ эввеля 522 (1128) года. Послѣ него еще шесть лѣтъ правилъ его племянникъ Махмудъ ханъ, по отцу своему родственникъ Богра-хана Кашгарскаго, но онъ былъ ослѣпленъ мятежнымъ вельможею. Хоразанъ же сдѣлался добычею отчасти Харезміицевъ, отчасти владѣтелей Гура (сѣверная часть нынѣшняго Афганистана), и сверхъ того еще былъ опустошенъ ¹⁾ хищническими ордами Гуццъ, а Курханъ, въ это самое время, утвердилъ свое господство надъ большею частью Ферганы и Трансоксаніи.

Такъ кончилось владычество въ Трансоксаніи первой династіи турецкаго происхожденія, которая, по странному стеченію обстоятельствъ, ровно ничего не сдѣлала ни для возвышенія политическаго значенія древней родины своей, ни для просвѣщенія своихъ соплеменниковъ. Сельджукиды, хотя и Турки, но ослѣпленные царственнымъ блескомъ своихъ владѣній въ западной Азіи, находили едва-ли стоящую особеннаго вниманія небольшую землю при Оксѣ. Лучшіе ихъ государи жили въ ту культурную эпоху, когда персидскій языкъ въ Иранѣ также, какъ и въ Туранѣ, началъ соперничать съ арабскимъ, сильно распространеннымъ въ письменности; а такъ какъ Сельджукиды оказывали большія услуги, какъ покровители поэзіи и наукъ, поэтому Тогрульбеги, Меликшахи и Санджары являются предъ нами въ

1) Вслѣдствіе этихъ опустошеній, поэтъ Энвері написалъ свою знаменитую элегію „Слезы Хоразана“, мастерски переведенную на англійскій языкъ въ новое время Е. Г. Пальмеромъ и Дж. Коузлемъ.

дѣятельной роли возродителей прекраснаго, мягкаго иранскаго нарѣчія, турецкое же, — въ то время уже достигшее литературнаго процвѣтанія въ другой части Азіи ¹⁾, употреблялось въ тѣсномъ семейномъ кругу господствующей династіи, только какъ разговорный языкъ. Подобныя отношенія существовали и у турецкихъ князей Харезма и умогучихъ вассаловъ отдѣльныхъ городовъ Трансоксаніи, гдѣ правленіе въ то время сосредоточивалось исключительно въ рукахъ Турокъ, хотя число осѣдлага турецкаго народонаселенія было весьма незначительно.

¹⁾ Именно въ восточномъ Туркестанѣ, гдѣ было сочинено нравственно-политическое стихотвореніе Кудатку Биллиъ въ 462 (1096) году, слѣдовательно почти за сто лѣтъ до смерти Санджара.

. VII.

Югуры и Харезмскіе князья.

528 (1133) — 615 (1218).

Бохара, древняя столица наукъ и искусствъ, и Самаркандъ, пріобрѣтшій себѣ громкую извѣстность прелестями своей природы, были во всѣ времена цѣлью завоевательныхъ пожеланій своихъ воинственныхъ сосѣдей на востокъ и на западъ; но въ продолженіи 50 лѣтъ, протекшихъ между паденіемъ господства Сельджукидовъ и вторженіемъ Монголовъ, они составляли особенный предметъ раздора между двумя властолюбивыми сосѣдами, а именно югурскимъ Курханомъ на востокъ и Харезмянами на западъ. О появленіи перваго мы уже говорили, теперь же хотимъ упомянуть о вторыхъ, на сколько это входитъ въ раму нашей исторіи. преимущественно же выставить на видъ тѣ моменты, которые имѣютъ отношеніе къ ихъ политикѣ въ Трансоксаніи. — Харезмъ, нынѣшнее Хивинское ханство, былъ при Сельджукидахъ леномъ придворной должности *Таштдара* ¹⁾, или кружководца, и Меликшахомъ отданъ во владѣніе гене-

1) Именемъ Таштдаръ и теперь называется тотъ служитель, который держитъ подлѣ своего господина, при его священнѣхъ омовеніяхъ, особенную кружку, для того назначенную. Слѣд. это не *мундшенкъ*, какъ говорить Малькольмъ въ своей исторіи Персін, потому что Персы для этого употребляютъ слово *Чашисиръ*.

рагу *Нуштекину Гарчи*; отъ него перешелъ къ его сыну, *Моаммеду Кутб-эд-дину*, въ 491 (1097) году. Онъ управлялъ 30 лѣтъ, и какъ въ то время звѣзда Сельджукидовъ уже погасала, то его, подобно прочимъ вассаламъ гигантской Имперіи, связывала съ царствующимъ домоу только номинальная зависимость. Онъ принялъ титулъ Харезмъ Шаха (князя Харезма), но также мало былъ кружеодержателемъ Сельджукскихъ князей Хоразана, какъ и нынѣшній ханъ Хивы, въ отношеніи къ Константинопольскому султану, отъ котораго онъ получаетъ этотъ самый титулъ ¹⁾). Кутб-эд-дину наследовалъ его сынъ *Ацизъ*, князь съ отличными дарованіями духа и необузданнымъ честолюбіемъ, придавшій особенный блескъ своей династіи покровительствомъ литературѣ ²⁾, а съ другой стороны, употребившій возраставшую власть свою на то, чтобы совершенно отдѣлиться отъ Санджара, своего законнаго патрона и владѣтеля. Пока этотъ послѣдній стоялъ на высотѣ счастья, Ацизъ отличался вѣрностью и преданностью ³⁾ къ нему въ такой же мѣрѣ, въ

¹⁾ Нынѣшніе государи Хивы, считаются титулярными муншенками константинопольскихъ Султановъ. Не замѣчательно ли, какъ могли потомки прежняго слуги Сельджукидовъ такъ долго сохранять привилегію фамиліи своихъ господъ, несмотря на непрерывныя сношенія въ продолженіи многихъ вѣковъ.

²⁾ Реш-эд-динъ Ватватъ (т. е. засточка, поэтъ, приводимый Гаммеромъ въ Пургсталеи въ его исторіи персидскаго краснорѣчія, былъ въ большемъ почетѣ при его дворѣ, но стихотворнымъ насквилемъ (смотри у Гаммера въ упомянутой книгѣ стр. 121), до того оскорбилъ султана Санджара, что тотъ поклялся разсѣчь его на семь частей, въ случаѣ схватить его при взятіи Гезареспа. Когда этотъ городъ былъ взятъ, и Ватватъ отъ страха жилъ въ скрытности, то секретарь Санджара, Мунтагаб-эд-динъ попытался снять живъ своего государя слѣдующею шуткою, именно: онъ просилъ его приказать разсѣчь поэта Ватвата не на семь, а только на *девѣ* части, такъ какъ это—худенькая и маленькая пѣвчая птичка. Султанъ разсмѣялся и помиловалъ поэта.

³⁾ Когда Санджаръ, для подавленія возмущенія Тамгача, остался въ Бохарѣ, то нѣкоторые заговорщики рѣшили напасть на него на охотѣ и умертвить его. Ацизъ, увидѣвъ во снѣ этотъ заговоръ, тотчасъ пробудился, сѣлъ на лошадь и прискакалъ еще вовремя, чтобы разстроить замыселъ злодѣевъ. Санджаръ столько же былъ пораженъ нечаянностью этого злодѣя, сколько и тронуть вѣрностью Ациза.

какой потомъ, когда Санджара постигло несчастье, враждовалъ съ нимъ и воевалъ. Три раза онъ возмущался и нападалъ на Хоразанъ, но благородный Санджаръ всегда его прощалъ, хотя это безпокойное поведеніе Харезмянъ заслуживало наказанія, особенно если взять въ соображеніе, что эти смуты всего болѣе содѣйствовали цѣлямъ третьяго общаго врага, именно Курхана, который, послѣ первой побѣды подъ Санджаромъ, овладѣлъ всею Трансоксаніею, а отрядъ его войска, подъ начальствомъ Отуца, одного изъ лучшихъ его генераловъ, былъ посланъ въ Харезмъ, произвелъ тамъ большія опустошенія и возвратился съ добычею въ Самаркандъ. Ацизъ дѣлалъ все возможное, чтобы отмстить за позоръ. Въ 546 (1151) году онъ отправился въ Джендъ, чтобы вмѣстѣ съ Кемал-эд-диномъ ¹⁾, тамошнимъ наместникомъ и тайнымъ своимъ союзникомъ, возобновить войну съ невѣрными ²⁾ Югурами, но его усилія были напрасны: онъ принужденъ былъ платить ежегодную дань въ 30,000 динарѣ и, не смотря на свое безграничное честолюбіе, оставилъ эту плату своимъ наслѣдникамъ. Его сынъ *Иль-Арсланъ*, вступившій въ управленіе по смерти Ациза, послѣдовавшей въ 551 (1156) году въ Кабушанъ, повидимому, сдѣлалъ еще одну попытку избавить домъ Харезмянъ отъ этой постыдной дани, но это и ему также не удалось, какъ и его отцу. Въ 553 (1158) году, какъ говорятъ, Иль-Арсланъ, посольствомъ изъ Трансоксаніи, былъ призванъ на помощь противъ чрезмѣрныхъ притязаній самаркандскаго правителя, вассала Курхана. Онъ поспѣшилъ туда съ зна-

¹⁾ Кемал-эд-динъ, искренній другъ поэта Ватвата, позже предать Ациза постыднымъ образомъ, за что поэтъ, какъ подозрѣваемый въ соучастіи, попалъ въ неволю на нѣкоторое время.

²⁾ Что звать „невѣрующіе“, даже въ могоammedанскомъ смыслѣ слова, относится не ко всемъ Югурамъ, было замѣчено нами и прежде. Большинство Югуровъ и самъ Курханъ были могоammedане, прочіе же исповѣдали болѣею частью христіанскую вѣру, именно о турецкомъ племени Найманъ прямо говорится, что всѣ оны были христіане (герса).

чительными военными силами, и хотя Бохара безъ боя отворила ему ворота, но онъ все же ничего не могъ сдѣлать съ арміею своего противника, сосредоточенною предъ Самаркандомъ, и въ которой находились всѣ Туркоманы, обитавшіе между Каракѣлемъ и Джендомъ, и долженъ былъ возвратиться назадъ безъ всякаго успѣха. Югуры продолжали владѣть, какъ и прежде, большею частью Трансоксаніи и Ферганы, а Харезмяне должны были довольствоваться западною пограничною областью Бохары ¹⁾. Послѣ этого прошло шесть лѣтъ въ мирѣ между обѣими смежными землями. Въ продолженіи этого времени Иль-Арсланъ упрочилъ свое господство въ Хоразанѣ, послѣ низверженія съ престола и ослѣпленія Махмуда, послѣдняго изъ хоразанскихъ Сельджукидовъ; но въ 560 (1164) году снова открылись военныя дѣйствія. Югуры были обвиняемы въ нападѣнн на владѣнія Харезмскаго князя, и Иль-Арсланъ тотчасъ отправилъ своего генерала Аяръ-бега въ Амуйехъ, намѣреваясь и самъ лично за нимъ послѣдовать, но онъ не успѣлъ еще догнать его, какъ Югуры разбили на голову войско Аяръ-бега, взяли его самого въ плѣнъ и тѣмъ принудили стремившагося къ завоеваніямъ Иль-Арслана къ бѣгству, въ которомъ онъ заболѣлъ и умеръ въ томъ же году.

Онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ младшаго сына, даровитаго и ученаго *Султанъ-Шаха*, но старшій сынъ *Текишъ* ²⁾ не хотѣлъ отказаться отъ своего наслѣдствен-

1) Джузеппи, пристрастіе котораго къ Харезміянамъ такъ часто обнаруживается, утверждаетъ, что Иланъ Туркоманъ, устрашенный приближеніемъ Иль Арслана, тотчасъ изъявилъ покорность и что Самаркандцы молили о пощадѣ. Но едва ли это было такъ, потому что Самаркандъ и Бохара только до тѣхъ поръ признавали первенство Харезмянъ, пока были заняты ихъ войсками. Только западная часть Бохары, именно города Амуйе, Каракѣль и Джендъ въ сѣверо-западной части, остались во власти Харезміяцевъ въ продолженіи правленія Иль Арслана и Текиша.

2) А не Такашъ, какъ пишетъ даже ученый Катриеръ въ примѣчаніи къ достопримѣчательному переводу Рашид-эд-диновой Исторіи Монголовъ Пер-

наго права. Приобрѣтя поддержку въ Югурахъ обѣщаніемъ точнаго платежа опредѣленной прежде дани, онъ, послѣ 10-лѣтняго междоусобія, свергнувъ своего брата съ престола, чтобы занять на немъ мѣсто самому, какъ величайшему въ своей династіи государю, собравшему вокругъ незначительной земельки, въ низовьяхъ Окса, группу земель, которой границы на югѣ соприкасались съ Индією и Персидскимъ заливомъ, на западѣ — съ Евфратомъ, а на сѣверѣ — съ Волгомъ. По отношенію къ Югурамъ въ Трансоксаніи, Текишъ сначала слѣдовалъ политикѣ дружбы не столько вслѣдствіе своихъ обѣщаній, сколько отъ сознанія своей слабости. Казалось, онъ желалъ сперва утвердить свой тронъ и распространить свое господство на западѣ, а потомъ уже тѣмъ свободнѣе выступить съ своими планами на востокъ. Что касается перваго, то онъ могъ достичь своей цѣли только послѣ восьми-лѣтней борьбы съ своимъ братомъ Султаномъ Шахомъ; за то въ его второмъ намѣреніи ему помогло опасное положеніе дѣлъ при дворѣ Тогрула бинъ Арслана. Призванный на поле битвы мятежнымъ вельможею послѣдняго, Кутлугъ Инаджемъ ¹⁾, онъ не только однимъ смѣлымъ прыжкомъ очутился на престолѣ Персіи и побѣдилъ свирѣпныхъ

сіи. Текишъ—древнетурецкое слово въ значеніи сраженія, битвы. Текишмакъ—биться, сражаться.

¹⁾ Кутлугъ Инаджъ (счастливый вѣрующій), сынъ Атабега Илдеза (котораго взоръ медлитъ въ народѣ), выказалъ самую черную благодарность къ несчастному, но великодушному султану Тогрулу. Брошенный въ тюрьму за предательское покушеніе противъ особы своего государя онъ былъ освобожденъ оттуда великодушіемъ послѣдняго, и благодарность за это была та, что Кутлугъ тотчасъ отправился въ Харезмъ, чтобы призвать вооруженную помощь Текиша противъ своего благодѣтеля. Рассказывалъ, будто Тогрулъ, въ послѣднемъ сраженіи, данномъ имъ противнику, сѣлъ въ пьяномъ видѣ на своего боеваго коня и, разъяривъ въ великолѣпномъ вооруженіи предъ своими войскомъ и размахивая тяжелой булавою, декламировалъ изъ Шахнамеха воодушевляющіе къ битвѣ стихи, показывая, какъ онъ раздробитъ своихъ враговъ. Во время этой жестокости булава, къ несчастію, упала на колѣни лошади, которая свалилась и сбросила его на землю. Кутлугъ Инаджъ, замѣтивъ это, послѣдовалъ къ нему и убилъ его. Текишъ велѣлъ отдѣлать его голову отъ туловища и

фанатиковъ Ассасиновъ въ ихъ крѣпости Арсланъ-Куша (побѣдитель львовъ), но даже принудилъ калифа Назир-эд-дина, послѣ нанесеннаго ему пораженія, вступить съ нимъ въ дружелюбныя отношенія, прежде рѣшительно отвергнутыя гордымъ Аббасидомъ. Такимъ образомъ султану Текишу удалось, несмотря на мятежный духъ своихъ вассаловъ, даже своихъ собственныхъ дѣтей, основать царство, мало чѣмъ уступавшее въ величинѣ имперіи первыхъ Сельджукидовъ и Саманидовъ. И все-таки онъ остался данникомъ своего восточнаго сосѣда и даже, умирая послѣ 28 лѣтняго правленія 10-го рамазана 596 (1199) года, оставилъ своему наслѣднику завѣщаніе: *не вступать съ Курханомъ ни въ какіе раздоры, а смотреть на него, какъ на крѣпкую плотину, за которою стоитъ могучій врагъ, готовый къ вторженію.*

Трудно рѣшить, дѣйствительно ли принадлежать могущественному Харезміицу эти пророческія слова, предсказавшія вторженіе Монголовъ, или же онѣ вложены ему въ уста позднѣйшими историками; но его сынъ и преемникъ *Могаммедъ Кутб-эд-динъ* былъ вовсе не такой человекъ, который бы хотѣлъ исполнить волю умирающаго отца. Храбрый и рѣшительный, но одержимый ненасытнымъ честолюбіемъ, Могаммедъ съ трудомъ могъ выносить позоръ подчиненія сосѣду, считавшемуся въ его глазахъ варваромъ ¹⁾, и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, которая

тогдашъ отослать ее въ Багдадъ къ калифу, заклятому врагу Тогрула. На слѣдующій день позгъ, увидѣвъ обезглавленный трупъ, произнесъ замѣчательные стихи, которыхъ смыслъ слѣдующій:

Какъ своенравны волны рока, государи!
 Какъ быстро тучи кроютъ неба синеву!
 Глава твоя еще вчера касалась звѣздъ,
 Сегодня же за много миль отъ туловища...

¹⁾ Я повторяю здѣсь замѣчаніе, сдѣланное еще во введеніи, что обитатели Хареэма тогда еще всѣ были Персы и что Харезмиды, хотя и турецкаго происхожденія, но проникнутые персидскою культурою, считали Турокъ варварами.

должна будетъ произвести разрывъ между нимъ и Курханомъ. По вступленіи на престолъ, онъ не могъ тотчасъ приступить къ осуществленію своего намѣренія. Его соперникъ Шегаб-эд-динъ, князь Гура, своимъ вторженіемъ произвелъ страшныя опустошенія въ Тусъ и его окрестностяхъ. Могаммедъ выступилъ противъ него въ поле и тѣмъ вовлекъ себя въ продолжительную войну, въ которой на его сторонѣ были Югуры, а Шегаб-эд-динъ соединился съ мятежнымъ княземъ Самарканда. Въ 600 (1203) году князь Гура, съ арміею болѣе чѣмъ въ 70,000 ч., перешелъ Оксъ, и хотя Могаммедъ могъ противопоставить ему только наскоро собранный отрядъ въ 10,000 всадниковъ, но храбрость югурскаго вспомогательнаго войска доставила ему блистательную побѣду. Шегаб-эд-динъ принужденъ былъ бросить свои сокровища ¹⁾ и спасти жизнь свою и уже никогда не могъ оправиться отъ этого удара, а въ 602 (1205) году наконецъ и умеръ. Могаммедъ овладѣлъ Гератомъ и всею провинціею Гуръ, и когда подавленіемъ и другихъ возстаній въ Хоразанѣ его власть была утверждена во всемъ Иранѣ, то онъ и рѣшилъ, что наступило время обратить взоры и на Туранъ. Въместо благодарности Курхану за оказанную имъ помощь противъ Шегаб-эд-дина, онъ сталъ наступать на него съ высокоумѣнными притязаніями, и когда въ 606 (1209) году явились югурскіе послы за ежегодною данью, то клятвопреступный Харезміецъ объявилъ своимъ приближеннымъ, что не можетъ долѣе сносить этого позора, и отказъ послу былъ

¹⁾ Шегаб-эд-динъ послѣ пораженія стремительно бросился въ крѣпость, но она скоро была окружена Югурами и уже они сдѣлали въ ней брешь, когда князь Самарканда, хотя и партизанъ Курхана, побуждаемый религіозною ревностью, тайно велѣлъ сказать Шегаб-эд-дину, чтобы онъ постыжился спасти свою жизнь, а невѣрующимъ (вѣроятно, то были христіанскіе Югуры, готовившіеся на приступъ) лучше оставилъ бы свои сокровища

рѣшенъ. Самъ онъ лично не хотѣлъ противиться завѣщанію умирающаго отца, потому, при появленіи югурскихъ пословъ, оставилъ столицу, давъ для виду полномочіе своей матери, а Могаммеду Май (?), назначенному къ взаимному или отвѣтному посольству,—тайныя инструкціи. Турканъ Хатунъ, такъ называлась мать Могаммеда, вѣрная политикѣ своего умершаго супруга, приняла и отпустила пословъ Курхана самымъ дружелюбнымъ образомъ; но лишь только харезмійскій посоль прибылъ къ югурскому двору и растолковалъ собственную волю своего государя, какъ изумленный Курханъ угадалъ въ этомъ прелюдію къ готовящемуся нападенію султана Могаммеда. И дѣйствительно, оно не долго заставило себя ждать.

Будто бы по приглашенію угнетаемой югурскимъ игомъ Трансоксаніи, онъ напалъ еще въ томъ же году на Бохару, которая объявила себя за него и добровольно отворила ему ворота своей столицы. И съ Самаркандомъ ему было не труднѣе уладить дѣло. Здѣсь управлялъ тогда султанъ Османъ, высокопрославленный восточными исторіографами за свою тѣлесную красоту. Онъ былъ во враждѣ съ Курханомъ за то, что тотъ отказалъ ему въ рукѣ своей дочери; поэтому дружеское предложеніе султана Могаммеда, выдавшаго за него и дочь свою, принято имъ съ величайшею охотою; онъ тотчасъ объявилъ себя его вассаломъ и сопровождалъ его въ дальнѣйшемъ походѣ на сѣверъ, а для охраненія Самарканда оставленъ лучшій генералъ харезмскій, Тартаба. Когда Курханъ былъ извѣщенъ объ этихъ происшествіяхъ, то немедленно отдалъ своему генералиссимусу Таянку, находившемуся тогда въ столицѣ Джаджа, Таразѣ, приказъ къ сильному сопротивленію, но военное счастье не поблагоприятствовало Югурамъ,—ихъ армія была совершенно разбита, и самъ Таянку, тяжело раненный, попалъ въ руки своего противни-

ка ¹⁾. Можно себя представить, какъ этотъ успѣхъ усилилъ высокомеріе султана Могаммеда! Онъ велѣлъ называть его Искендеръ-и-сани, Александромъ вторымъ, принявъ титулъ „Циль-аллаги-фи'л-арци“ (Бога тѣмъ на землѣ) и былъ настолько жестокъ, что, возвратившись въ Харезмъ, упоенный побѣдою послѣ взятія Отрара, приказалъ бросить въ воду своего тяжело раненнаго плѣнника Таянку.

И все-таки этою побѣдою султанъ Могаммедъ далеко не достигъ исполненія своего желанія—владѣть всею Трансоксаніею. Только что онъ покинулъ берега Яксарта, какъ Курханъ, несмотря на свой преклонный 90-лѣтній возрастъ, самъ лично явился съ арміею предъ Отраромъ, опять возвратилъ потерянные владѣнія и, нѣсколько времени спустя, велѣлъ отряду своего войска обложить Самаркандъ. Султанъ Могаммедъ немедленно послѣдшилъ въ Трансоксанію. На пути онъ долженъ былъ, кромѣ этого, еще подавить вспыхнувшее въ Джендѣ возстаніе, но какъ только Югуры услышали о его прибытіи, то и сняли осаду и отступили къ сѣверу ²⁾. Харезмійцы слѣдовали за ними по пятамъ, и въ 610 (1213) году, недалеко отъ Бенакета, произошло сраженіе, въ которомъ, подъ личнымъ предводительствомъ обоихъ противниковъ, войска дрались съ ожесточеніемъ, но ни тотъ ни другой не имѣли рѣшительнаго успѣха. Такъ повѣтсвуется въ истори-

¹⁾ Когда Таянку, (не Танику, какъ прочелъ д'Эрбело) лежалъ на погѣ битымъ тяжело раненный и за нимъ ухаживала рабыня,—непріятельскій всадникъ наскочилъ на него и хотѣлъ разсѣчь ему голову; тогда рабыня испустила крикъ и провознесла а имя раненнаго, почему его схватили и представили султану.

²⁾ Джуейни приписываетъ быстрое отступленіе Югуровъ тому обстоятельству, что Курханъ, обеспокоенный возстаніемъ Кючюка въ Алмаликѣ, принужденъ былъ сосредоточить свои боевыя силы. Можетъ быть, это и такъ, но мы не можемъ не замѣтить, что Джуейни не совсѣмъ точно насчетъ соглашенія между Могаммедомъ и Кючюкомъ; такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ устроиваетъ его при первомъ походѣ, а въ другомъ мѣстѣ уломяетъ о немъ при второмъ походѣ.

ческомъ сочиненіи Джиганкуша. Хотя съ одной стороны и можно предполагать здѣсь пораженіе Харезмянъ по тому обстоятельству, что два главныхъ ихъ генерала, именно Тартаба и Исфакбадь, перешли къ непріятелю, и что самъ Могаммедъ много дней послѣ сраженія не являлся въ лагерь, потому что попалъ между непріятельскихъ войскъ и только тѣмъ спасся, что, по привычкѣ, всегда носилъ въ битвѣ платье непріятеля,—за то, съ другой стороны, по быстрому отступленію Курхана, можно полагать и противное; и въ самомъ дѣлѣ, это второе предположеніе тѣмъ болѣе будетъ имѣть за себя вѣроятія, если мы примемъ въ соображеніе, что въ это время на сцену исторіи выступило третье дѣйствующее лицо, столько же опасное для стараго югурскаго князя, сколько сильно благопріятствовавшее планамъ султана Могаммеда.

Это былъ Кючлюкъ-ханъ ¹⁾, сынъ Таянгъ-хана, князь турецкаго племени Найманъ, который, предъ возраставшею властью Джэнгиза, отступилъ изъ окрестностей Бишбалика на западъ и сперва искалъ защиты у Курхана, даже породнился съ нимъ, а потомъ, въ обществѣ съ мятежнымъ его вассаломъ, открыто возсталъ противъ него. И чтобы легче одолѣть Курхана раздробленіемъ его силъ на востокъ, Кючлюкъ заключилъ съ султаномъ Могаммедомъ договоръ, по которому послѣдній нападетъ на Курхана съ запада, а первый съ востока, и если Могаммедъ прежде низвергнетъ противника, то можетъ присоединить къ своему царству Капгаръ и Хотень, въ случаѣ же Кючлюкъ его предупредитъ, то этотъ можетъ распространить свои владѣнія до береговъ Яксарта. Въ Самаркандѣ султанъ Могаммедъ принималъ пословъ Кючлюка, поэтому второй его походъ противъ Курхана былъ предпринятъ въ полной надеждѣ на вѣрный успѣхъ. Судя по тому, какъ

¹⁾ Кючлюкъ—югурское слово и значить сильный, могущественный.

сложились дѣла въ сраженіи при Бенакетѣ, султанъ Могаммедъ былъ, конечно, въ правѣ продолжать свой завоевательный походъ противъ восточнаго Туркестана, но онъ удовольствовался прежнею пограничною линіею Отрара и возвратился въ Харезмъ, гордый и довольный. Но у стараго Курхана было другое на душѣ. Принужденный къ поспѣшному отступленію разбѣрами возстанія Кючлюка, онъ испыталъ еще и то несчастіе, что его собственныя войска, на дорогѣ, перессорились * между собою и стали грабить его же подданныхъ, и когда онъ достигъ Белазагуна ¹⁾, то жители заперли предъ нимъ ворота и, въ продолженіи шестнадцати дней, защищались противъ него съ большимъ ожесточеніемъ, въ надеждѣ, что султанъ Могаммедъ, у котораго они просили защиты, явится по слѣдамъ Курхана. Наконецъ, они были осилены, и 75,000 ихъ пало въ послѣдовавшей затѣмъ рѣзнѣ. Неудивительно, если подобныя поступки увеличили число враговъ Курхана, такъ что, когда Кючлюкъ, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, напалъ на него, то онъ долженъ былъ скорѣе сдаться. И дѣйствительно, отдавшись во власть своего прежняго кліента, Курханъ выпросилъ у него себѣ должность; впрочемъ, Кючлюкъ держалъ его въ почетѣ ²⁾, — и этотъ послѣдній могущественный турецкій князь на далекомъ востокѣ умеръ на 92-мъ году своей жизни, послѣ 81-лѣтняго управленія тѣми турецкими народами, которые обитали между внутренностью Китая и Оксомъ.

По смерти Курхана, султанъ Могаммедъ уже не имѣлъ

¹⁾ Суда по тому, что Курханъ, при своемъ отступленіи съ береговъ Яксарта, вовсе не коснувшись территоріи своего мятежнаго вассала Кючлюка, достигъ Белазагуна еще до прибытія къ Кашгару, можно съ достовѣрностью заключить, что Белазагунъ лежалъ не къ сѣверу отъ Комуля, какъ думаетъ полк. Г. Юль (См. примѣч. 1 стр. 115), а скорѣе къ западу, и именно сзади Алмалика.

²⁾ Онъ женился, какъ сообщаетъ Джувейни, на красивой дочери Курхана, которая, во время отсутствія своего отца, занималась управленіемъ.

болѣе противника, который бы внушалъ ему страхъ, ни въ Туранѣ, ни въ Иранѣ, но все же онъ не успокоился, все-таки его властолюбіе подстрекало его къ новымъ завоеваніямъ. Возвратившись въ резиденцію, онъ имѣлъ несчастіе, разгорячившись виномъ во время пиршества, приговорить къ смерти, по клеветѣ враговъ ¹⁾, высокочтимого аскета, Меджид-эд-дина Багдади, и приговоръ тотчасъ и былъ приведенъ въ исполненіе. Отрезвившись, онъ почувствовалъ глубокое раскаяніе и послалъ монастырю, гдѣ проживалъ шейхъ, блюдо съ золотыми вещами и драгоцѣнными каменьями для раздѣла, въ видѣ возмездія, между оскорбленными монахами, но Неджм-эд-динъ Кубера ²⁾, настоятель монастыря, отослалъ назадъ подарки и велѣлъ сказать ему: «не золото и драгоцѣнности, а жизнь султана, моя собственная и многихъ тысячъ правовѣрныхъ должна быть отдана въ возмездіе за кровь умершаго святого.» Мирхондъ, видящій въ этихъ словахъ пророческое указаніе на опустошительный походъ Монголовъ, прямо утверждаетъ, что это грѣховное дѣйствіе султана было первою причиною его паденія, а вторымъ непростительнымъ грѣхомъ выставляетъ отрѣшеніе калифа Назир-эд-дина, — поступокъ, до крайности неодобряемый и порицаемый всѣми могоammedанскими историографами. Какъ извѣстно, отношенія между Харезмскими князьями и Багдадскими калифами всегда были натянуты, — первые хотѣли играть роль Сельджукидовъ при іерархической главѣ ислама, а послѣдніе отвергали эту навязываемую имъ опеку, поэтому иногда происходили между ними и явные разрывы, какъ при Текипѣ; со стороны же Багдада чаще приводились въ движеніе всѣ возможныя интриги подъ маской сомнительной дружбы. Именно, когда

¹⁾ По Мирхонду, его обвинили въ тѣсной связи съ султаншею матерью.

²⁾ Неджм-эд-динъ Кубера, умерщвленный во время вторженія Монголовъ въ Харезмъ, почитаемъ былъ въ Хивѣ, какъ великій святой, и ежегодно тысячи правовѣрныхъ странствовали на поклоненіе его гробницѣ въ старомъ Юргендѣ.

въ 611 (1214) году умеръ Шегабъ-эд-динъ, князь Гура, и султанъ Могаммедъ двинулся къ Газнѣ для завоеванія этой провинціи, то нашелъ въ тамошней сокровищницѣ письма, въ которыхъ калифъ подстрекалъ покойника къ войнѣ съ Хarezміяцами и даже утверждалъ его грамотою въ званіи султана. Сильно раздраженный этимъ, Могаммедъ велѣлъ въ торжественномъ собраніи отрѣшить калифа и назначить на его мѣсто ученаго молла Ала-уль-Мульеа изъ Термеза и немедленно двинулся въ Багдадъ, чтобы на мѣсто свергнутаго Аббасида возвести своего кліента. Уже онъ перешелъ за Гамаданъ, но жестокая зима и глубокой снѣгъ въ тамошнихъ горныхъ ущельяхъ остановили его ¹⁾. Природа не хотѣла допустить, чтобы могоаммеданинъ предварилъ буддійскаго Голагу, и когда гордый Хarezміецъ, растроенный неудачей своего предпріятія, возвращался назадъ, то его встрѣтилъ гонецъ отъ Каиръ-Хана, его намістника въ Отрарѣ, съ донесеніемъ, что послѣднему удалось схватить 490 шпіоновъ монгольскаго князя Дженгизъ-Хана, прибывшихъ въ Отраръ въ платьѣ мирныхъ купцовъ ²⁾, и что онъ ждетъ только приказаній султана. Могаммедъ, чувствуя себя оскорбленнымъ прежнимъ посольствомъ ³⁾ Джен-

1) Дорога чрезъ Гамаданъ и Кирманшахъ и теперь зимою—ужасъ для путешественниковъ, и я часто слышалъ, во время моего пребыванія въ Персіи, что караваны тамъ погибали и путники замерзали.

2) Едва ли слѣдуетъ доказывать, что это дѣйствительно были мирные купцы. Джувейни замѣчаетъ, что Монголы не имѣли городовъ и не занимались земледѣліемъ, поэтому сильно нуждались въ купцахъ, все имъ доставлявшихъ, и защищали ихъ. Еще прежде въ Ходжендѣ образовалась торговая компанія, которая ходила съ своими караванами въ Монголію и привозила хану приличные подарки изъ парчи, холста и разныхъ драгоценностей. Когда они ихъ представляли Дженгизъ-хану, то онъ велѣлъ все переписывать и платилъ за нихъ хорошія деньги, хотя купцы и противились этому. Онъ даже поощрялъ ихъ къ учащенію своихъ посѣщеній и обѣщалъ имъ свое полное покровительство.

3) Мирхондъ рассказываетъ объ одномъ посольствѣ, состоявшемъ изъ Махмуда Ялянджа (послѣднее слово приведено по ошибкѣ какъ собственное имя, потому что оно значитъ: йолаучъ—по югурски посланникъ), Али Ходжи изъ Бохары и Юсуфа изъ Отрара, которыхъ Дженгизъ отправилъ къ султану Могаммеду со многими подарками, какъ-то: серебряными со-

гиза, а можетъ быть, и подъ вліяніемъ худого въ то время расположенія духа, велѣлъ умертвить схваченныхъ. Гонецъ поскакалъ въ Отраръ, и Каиръ-Ханъ тотчасъ исполнилъ повелѣніе своего государя, несмотря на то, что это были все могаммедане и за свои обширныя торговыя сношенія они пользовались особенною защитою Дженгиза.—Справедливо говорить Джувейни: «ихъ кровь пролита, но каждая ея капля стоила большихъ потоковъ крови; ихъ головы пали, но за каждый волосъ принесены въ жертву сто тысячъ жизней!»

Одинъ только спасся, чтобы принести эту ужасную вѣсть монгольскому князю, который, впрочемъ, удержалъ покамѣстъ свой справедливый гнѣвъ и отправилъ посла для разъясненія дѣла, но когда и этотъ былъ арестованъ и казненъ, тогда Дженгизъ закипѣлъ двойною яростью и рѣшился направить на западъ свой мечъ, до тѣхъ поръ торжествовавшій на Востокѣ. Такъ султанъ Могаммедъ Кутб-эд-динъ сдѣлался виновникомъ того несчастія, того во-вѣки незагладиимаго вреда, который нашествіемъ Монголовъ былъ причиненъ Трансоксаніи, всему могаммеданскому Востоку и части Европы, потому что, какъ мы позже увидимъ, у Монголовъ, при первыхъ успѣхахъ ихъ на Яксартѣ, блеснула надежда, водившая и ободрявшая ихъ въ дальнѣйшемъ побѣдномъ ихъ шествіи.

судами съ татарскимъ и тибетскимъ мускусомъ, агатами, парчевыми платьями и рѣдкими одеждами изъ зеленой и бѣлой шерсти (софъ). Послы съ глубокою преданностью объявили, что Дженгизъ ханъ, повелитель востока, желаетъ жить въ мирѣ съ султаномъ Могаммедомъ, повелителемъ запада, что онъ любитъ его какъ сына и желаетъ ему только благополучія. Хотя это отеческое отношеніе и не понравилось гордому Харезміицу, но мирное соглашеніе таки состоялось, и Дженгизъ остался ему вѣренъ. Впрочемъ, весь этотъ разговоръ Мирхонда мнѣ кажется вымысломъ.

VIII.

Нашествіе Монголовъ.

615 (1218)—624 (1226).

Въ той части восточной Азіи, гдѣ линіи турецкихъ народовъ, протягиваясь отъ ледяныхъ береговъ Арктическаго моря къ югу и отъ Адриатическаго побережья на востокъ, пересѣкаются въ такъ называемой пустынь Гоби¹⁾, обитали съ незапамятныхъ временъ Монголы, народъ близко родственннй²⁾ Туркамъ по языку и физиогноміи. Они вели самую бѣдную кочевую жизнь среди суровой и пустынной природы и, въ покойномъ отчужденіи отъ всего міра, едва были извѣстны по имени, тогда какъ соплеменные имъ Турки уже нѣсколько вѣковъ оказывали столь могучее вліяніе на судьбы западной Азіи.

¹⁾ Гоби, по-монгольски пустой, пустынный, необитаемый, также мало географическое собственное имя, какъ и употребляемое нами слово Сахара, которое по-арабски означаетъ открытое, свободное поле.

²⁾ Этнографическое сродство Монголовъ съ Турками становится виднѣе по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся отъ западныхъ Турокъ, т. е. Османли, все впередъ на востокъ. Румелійцы, Анатолійцы и Азербайджане представляютъ такую смѣсь иранскихъ и семитическихъ элементовъ, что въ ихъ наружныхъ признакахъ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда первобытнаго національнаго турецкаго типа. Туркоманы, Узбеки, Нагаи и Киргизы уже болѣе приближаются къ Монголамъ, а Буряты и Кичаки только немного отличаются отъ нихъ цвѣтомъ лица. Что же касается до монгольскаго языка, то грамматическія его формы мало имѣютъ общаго съ турецкимъ нарѣчіемъ, за то три четверти его словъ можно найти въ турецкомъ словарѣ.

Въ этомъ народѣ, въ 549 (1154) году ¹⁾, явился на свѣтъ герой, по имени Темурджи ²⁾, столько же рѣшительный и храбрый, сколько славолюбивый и твердый, какъ желѣзо, и, вслѣдствіе такихъ преимуществъ, способный изъ закаленной и первобытной природы своихъ соотечественниковъ выковать себѣ ту силу, съ которою онъ ринулся въ мѣръ далеко за предѣлы родныхъ своихъ пастбищъ и всю Азію, такъ сказать, перевернулъ вверхъ дномъ. О годахъ его юности преданіе сохранило только нѣсколько разнорѣчивыхъ эпизодовъ, на сценѣ же всемірной исторіи онъ является уже сорокалѣтнимъ и дебютируетъ въ войнахъ съ своими собственными соплеменниками и съ сосѣдними турецкими князьями такъ удачно, что потомъ принимаетъ прозваніе Дженгизъ, правильнѣе Чингизъ, т. е. крѣпкій, могущественный ³⁾. Первый значительный противникъ, надъ которымъ торжествовалъ Дженгизъ въ 599 (1202) году, былъ Онгъ-ханъ ⁴⁾, князь сосѣднаго племени Керантъ ⁵⁾. Съ нимъ послѣдовало покореніе от-

¹⁾ На этотъ именно годъ могомеданскіе астрологи предсказывали помянутое страшное урагана, который долженъ былъ налетѣть съ востока. Урагана не было, и звѣздочеты были посрамлены, но позже предсказаніе оправдалось, такъ какъ Дженгиза отождествляли съ ураганомъ.

²⁾ Я слѣдую здѣсь Джувейни, который называетъ его Темурджи, а не Темуджинъ.

³⁾ Хотя по отношенію къ чтенію „Дженгизъ“ я и присоединяюсь къ прочимъ ориенталистамъ, но не могу не замѣтить, что Ченгизъ или Чингизъ, какъ читаютъ на востокѣ, именно Турки и Персы, правильнѣе съ этимологической точки зрѣнія. Это слово чисто югорское и состоитъ изъ ченгъ или чингъ—прямо, подлинно, твердо, крѣпко, и кавъ или гизъ—сильный, могучій. Правильное значеніе этого слова—будеть, слѣдовательно, „очень могущественный“.

⁴⁾ Онгъ—также югорское слово и значить право, права.

⁵⁾ Керантъ по Абулгази означаетъ вихрь, но этимологія его совсѣмъ невѣстна, и мнѣ кажется, что это скорѣе испорченный персидскими переписчиками выговоръ правильнаго кирить—сѣрая собака. Прозваніе различныхъ племенъ и вѣтвей турецкаго народа по большей части заимствованы изъ царства животныхъ. Такъ напр. Мангитъ (по Абулгази густой гѣсъ) отъ мангъ—большая и итъ—собака; дагъе—Оуратъ (другіе читаютъ оуратъ)—бѣлая лошадь; Кунгратъ, собственно конгуръ-атъ—чернобурая лисица и др.

дѣльныхъ турецкихъ племень Оюратъ, Кунгратъ и Наиканъ, которыя всѣ жили къ западу отъ Монголовъ, и отъ соприкосновенія частью съ буддѣйско-христіанскими, частью съ могаммеданскими элементами, нѣсколько, можетъ быть, и возвышались надъ Монголами въ культурномъ отношеніи; за то въ воинственности далеко отставали отъ войскъ Дженгиза, вышколенныхъ драконовыми законами. У монгольскаго міропотрясателя была такая политика: отъ пріобрѣтеннаго успѣха переходить къ новымъ предпріятіямъ только послѣ того, какъ прочно присоединить вновь покоренныя племена къ ядру уже существующей монгольской арміи и сдѣлаетъ ихъ орудіемъ, годнымъ для дальнѣйшихъ плановъ, чрезъ введеніе между ними Ясзау (книги законовъ). Одерживая медленные, но прочныя успѣхи, онъ до 603 (1206) года покорилъ своей власти почти всѣхъ номадовъ пустыни Гоби; и утвердилъ свое пребываніе въ укрѣпленномъ мѣстѣ Каракорумъ. Въ это время онъ вошелъ въ сношенія съ Югурами. У восточной вѣтви этого народа Дженгизъ позаимствовалъ религію для своихъ номадовъ и письмена для ихъ языка; отсюда же набирались счетчики, секретари и прочіе политическіе чиновники Дженгиза и его ближайшихъ преемниковъ. Князь этихъ восточныхъ Югуровъ, называвшійся, по-югурски, Идикутъ, т. е. «господинъ счастья», добровольно покорился Монголамъ со всѣмъ своимъ народомъ, большею частью не могаммеданскимъ, и былъ Дженгизомъ осыпанъ почестями, какъ вѣрный союзникъ въ военныхъ походахъ противъ Китая, и съ успѣхомъ употребленъ имъ также и противъ Трансоксаніи. Со всѣмъ другаго рода были отношенія къ западнымъ Югурамъ, именно къ Туркамъ Кашгара и Хотена, по большей части могаммеданамъ. Пока они были соединены подъ могучимъ скипетромъ Курхана, Дженгизъ не отваживался на нападеніе; но когда, по смерти Курхана, вступилъ на престолъ Кючлюкъ и своими анти-исламскими чувствами вы-

звалъ негодованіе тамошнихъ мусульманъ ¹⁾, то Дженгизъ, только что возвратившійся тогда съ побѣдой изъ похода противъ Китая, рѣшилъ, что наступило время обратить свои взоры и на западъ. Монгольское войско, подъ начальствомъ генерала Чене, напало на Кючлюка, который въ минуту опасности былъ покинутъ своимъ союзникомъ, потерпѣлъ вездѣ пораженія и бѣжалъ въ горы Бадакшана, гдѣ и былъ потомъ пойманъ и выданъ Монголамъ. На сѣверѣ, округъ Алмалигъ, котораго князь Арсланъ-ханъ жилъ во враждѣ съ Кючлюкомъ, добровольно подчинился Монголамъ, и Дженгизъ, повелѣвавшій на всемъ пространствѣ отъ восточной границы пустыни Гоби и до западныхъ склоновъ Тянь-Шяньскаго хребта столькими городами, мирными земледѣльческими народами и дикими воинственными племенами, навѣрно, уже не могъ остановиться на своемъ, до сихъ поръ блистательномъ, поприщѣ, даже и безъ упомянутого въ предыдущей главѣ основательнаго повода къ враждѣ съ Харезмійскимъ княземъ, султаномъ Могоммедомъ. Онъ стоялъ у воротъ имперіи, о величинѣ, богатствѣ и образованности которой ему рассказывали чудеса, и притомъ противъ такого государя, который былъ въ полномъ блескѣ своей славы и потому казался Дженгизу равносильнымъ соперникомъ и достойнымъ противникомъ.

Въ 615 (1218) году, наконецъ, монгольскій миропотрясатель двинулся противъ Харезмскаго князя, въ сопровожденіи своихъ сыновей Чагатая, Октая и Джюджи ²⁾, главныхъ полководцевъ и съотборной арміей, простиравшеюся до 600,000

¹⁾ Въ то время, какъ супруга Кючлюка, христіанка, хотѣла обратить могоммеданъ Кашгара и Хотена въ свою вѣру, Кючлюкъ попробовалъ насильственно обратить ихъ въ его (? буддійскую) религію. Но приверженцы ислама оказали ему упорное сопротивленіе, при чемъ палъ, какъ мученикъ, имамъ Джелал-эддинъ изъ Хотена, во главѣ стойкихъ правобѣрныхъ

²⁾ Не Джюджи. Джюджи, также и джюджинъ—монгольское слово и значить гость.

человѣкъ, къ которымъ еще присоединились Идикутъ югурскій и Сигинайтекинъ, владѣтель Алмалика. Онъ направился по военной дорогѣ, черезъ долину Или и сѣверную часть Ферганы, противъ Отрара; предъ этой крѣпостью онъ сосредоточилъ свои боевыя силы и послалъ ихъ по слѣдующимъ направлѣнїямъ: одна часть ихъ, подъ командою его сыновей Чагатая и Овтая, была оставлена для взятїя названнаго мѣста; второй корпусъ, которымъ начальствовалъ Джуджи, направлень былъ направо, черезъ пустыню Кизиль-Кумъ, на Джендъ; третїй—въ 5,000 человекъ, подъ начальствомъ генераловъ Алакъ-Нояна и Синту-Бока ¹⁾, шелъ правымъ берегомъ Яксарта на Бинаветъ, а самъ Джегизъ, желая нанести главный ударъ, двинулся съ отборнымъ войскомъ противъ центра средней Азіи, именно — противъ Бохары. Мы намѣрены описать отдѣльныя операціи этихъ четырехъ военныхъ отрядовъ, сразу ринувшихся на среднюю Азію, подобно четыремъ бѣшеннымъ, опустошительнымъ потокамъ, и должны поэтому начать съ Отрара.

Эта пограничная крѣпость имѣла, подъ командою, уже упомянутаго, Каиръ-Хана, гарнизонъ въ 50,000 всадниковъ, къ которымъ еще присоединился вспомогательный корпусъ изъ 10,000 человекъ, подъ начальствомъ Караджи, тайнаго визиря султана Могаммеда, слѣдовательно, въ сложности, довольно значительную силу, и однакожъ историографъ рассказываетъ намъ, что, при видѣ монгольскихъ отрядовъ, окружившихъ городъ, ужасъ овладѣлъ могоммеданами. Судя по этому первому впечатлѣнїю, нельзя не удивляться, что гарнизонъ цѣлые пять мѣсяцевъ оказывалъ самое сильное сопротивленіе и, можетъ быть, продержался бы и долѣе, еслибы не произошло несогласїа между обоими военачальниками. Каиръ-Ханъ, считая себя главнымъ виновникомъ

¹⁾ Также называемаго Судай, Сунтай и Субутай.

въ умерщвленіи подданныхъ Дженгиза, рѣшился биться до смерти, между тѣмъ какъ Караджа, сомнѣваясь въ успѣхѣ сопротивленія, уже въ началѣ выказывалъ охоту къ переговорамъ, а позже отдѣлился отъ своего иначе думавшаго товарища и въ одну темную ночь передался съ своимъ отрядомъ Монголамъ. На слѣдующее утро онъ былъ представленъ сыновьямъ Дженгиза, которые, порицая его забвеніе обязанностей, сказали ему: «какъ можемъ мы ожидать отъ тебя вѣрности, когда ты такъ безчестно покинулъ своего государя и благодѣтеля?» и велѣли его, въ самомъ дѣлѣ, казнить со- всею его свитою. Каиръ-ханъ же продолжалъ сопротивляться, какъ отчаянный левъ. Послѣ того, какъ весь его отрядъ дорого отдалъ свою жизнь въ небольшихъ вылазкахъ по 50 человекъ, и когда пали подлѣ Каиръ-Хана послѣдніе два воина; тогда этотъ герой перешелъ съ крѣпостного вала на крыши домовъ и даже оттуда защищался кирпичами изъ рукъ своихъ рабынь противъ мстительныхъ враговъ, желавшихъ, во что бы то ни стало, взять его живого. Наконецъ, истощились и эти метательные снаряды, и онъ былъ окруженъ, схваченъ и потомъ умерщвленъ въ Бѣксерѣ (зеленый дворецъ) въ Самаркандѣ, куда Октай взялъ его съ собою, какъ трофей; ему налили въ уши растопленного серебра, въ наказаніе за сребролюбіе, жертвою котораго погибли несчастные купцы.—Такимъ образомъ Отраръ, ключъ Туркестана съ сѣверовостока, достался въ руки Монголамъ, которые сравняли его съ землею, обывателей избили и затѣмъ двинулись въ южномъ направленіи на Самаркандъ.

Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ Джюджи противъ Дженда, Сперва онъ напалъ на Сигнакъ, лежавшій у края пустыни и орошенный каналомъ, проведеннымъ изъ Дженда. Монголы заранѣе отправили туда Гасана Гаджи съ требованіемъ сдачи, но когда жители Сигнака напали на посла и ушербтвили его, тогда Джюджи, возмущенный этимъ насиліемъ,

велѣлъ немедленно взять городъ приступомъ и изъ мести перерѣзать всѣхъ его жителей до послѣдняго человѣка. Оставивъ на развалинахъ Сигнака сына убитаго Гасана Гаджи, онъ двинулся чрезъ Узкендъ (Özkend), сдавшійся добровольно, и чрезъ Ашнасъ, взятый силою, далѣе на Джендъ, предъ которымъ и разбилъ свой лагерь 4-го числа сефера 616 (1219) года. Извѣстie о его приближеніи произвело здѣсь страшное смятеніе, отъ сознанія безпомощности. Кутлукъ-Ханъ, губернаторъ Дженда, отъ страха поспѣшно бѣжалъ въ Харезмъ и оставилъ городъ на жертву полной анархіи, и когда Джинтимуръ, посоль Джюджи, явился предъ стѣнами города, чтобы обратить вниманіе жителей на угрожающую имъ опасность и отговорить ихъ отъ бесполезнаго сопротивленія, то едва не испыталъ участи Гасана Гаджи въ Сигнакѣ, и, только благодаря большой осторожности, спасъ свою жизнь. Только что онъ удалился, какъ прибыло монгольское войско съ метательными машинами и штурмовыми лѣстницами и стало готовиться къ приступу. Рассказываютъ, что гарнизонъ до такой степени былъ чуждъ военнаго дѣла, что, любопытствуя знать, какъ же взберутся Монголы на отвѣсную стѣну, совершенно покойно смотрѣлъ на дѣйствія враговъ, какъ праздные зрители; но ворвавшіяся толпы, наконецъ, вывели его изъ этого созерцанія, разграбили и опустошили городъ, вооруженную часть населенія изрубили, а мирнымъ ремесленникамъ даровали жизнь, послѣ девятидневнаго ареста вѣн города.

Въ то время, когда Джюджи, взятіемъ западной части Трансоксаніи, отрѣзалъ богатое побережье обѣихъ рѣкъ, заселенное весьма миролюбивыми обитателями, отъ всякаго сообщенія съ болѣе искуснымъ въ войнѣ Харезмомъ, — оба генерала, Алакъ Ноянъ и Синту Бока, устремились съ небольшимъ отрядомъ въ 5,000 человѣкъ на Бинакетъ и Ходжендъ. Первый изъ этихъ городовъ, котораго намѣст-

никъ Илерю, съ гарнизономъ изъ племени Бангли, сдался на произволъ побѣдителей послѣ четырехдневнаго сопротивленія, испыталъ участь Дженда, именно: вооруженные его жители были истреблены частью мечемъ, частью стрѣлами, а прочіе обращены въ рабство, или насильно включены въ ряды монгольскаго войска. Затѣмъ очередь дошла и до Ходженда. Его крѣпость, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ Яксартъ дѣлится на два рукава, оказала Монголамъ неожиданное сопротивленіе какъ въ своемъ естественномъ положеніи, такъ и въ геройскомъ поведеніи своего коменданта Тимурь-Мелика, о которомъ восточные историки справедливо говорятъ: «еслибы Рустемъ былъ еще живъ, то онъ могъ бы быть его пажомъ»¹⁾. Хотя она и была тѣсно обложена 50,000 рабовъ и 20,000 Монголовъ, и первые, порученные надзору Монголовъ, по десяти одному, должны были доставлять камни изъ горъ за три мили,—однакожь Аланку, управлявшій осадой, не могъ сдѣлать съ нею рѣшительно ничего. Тимурь, имѣвшій въ своемъ распоряженіи ничтожный гарнизонъ, велѣлъ изготovitъ двѣнадцать судовъ, которыя были защищены отъ непріятельскаго огня мокрыми войлоками и замазкой (?) изъ глины съ уксусомъ, могли безопасно приближаться къ берегу и чрезъ отверстія, сдѣланныя въ ихъ боковыхъ стѣнкахъ, осипать непріятелей опустошительнымъ градомъ стрѣлъ. Долго Тимурь защищался такимъ образомъ, когда же, наконецъ, увидѣлъ бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія, то велѣлъ нагрузить драгоцѣнною движимостью 70 судовъ и уплылъ вверхъ по теченію, чтобы чрезъ Джендъ добраться до пустыни, а оттуда и до Харезма. Преслѣдуемый съ обѣихъ береговъ Монголами, онъ продолжалъ это причудливое плаваніе; въ Бинакетѣ онъ однимъ ударомъ дубины разбилъ цѣпь, протянутую поперекъ рѣки, и когда, наконецъ,

1) Въ текстѣ Джиганкуша: Гашіе дари—должность чапраконосца.

при Баркликѣ Кетѣ, вышелъ на берегъ, то и здѣсь, въ самомъ бѣгствѣ, еще выдержалъ бой, котораго описаніе доходить до чудеснаго. Но все-таки прибылъ благополучно въ Харезмъ ¹⁾, а монгольскіе полководцы овладѣли Ходжендомъ и двинулись съ войскомъ на Самаркандъ, гдѣ думали соединиться съ своимъ главнокомандующимъ, чтобы получить отъ него приказанія къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ.

И Дженгизъ-ханъ, въ сопровожденіи своего сына Тули, совершалъ въ это время не менѣе блистательные военные подвиги. Дорога, которую онъ выбралъ отъ Отрара на южную Бохару, точно не обозначена; мы знаемъ только, что первый городъ, предъ которымъ онъ явился, былъ Сертакъ ²⁾, къ сѣверу отъ Бохары. Жителямъ этого, привѣтливо глядѣвшаго, города показались точно упавшими съ неба Монголы, вынырнувшіе изъ пустыни, и, почти не дозрѣвая грозившей опасности, они приготовились было къ сопротивленію; но когда явился къ нимъ посоль, по обыкновенію всегда отправляемый Монголами напередъ, и замѣтилъ имъ, что они играютъ съ пылающимъ пламенемъ и пѣнящимися потоками крови, то они тотчасъ изъявили по-

1) Изъ Харезма, гдѣ Тимуръ Меликъ увидѣлъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, онъ послѣшилъ за убѣжавшимъ султаномъ Могаммедомъ, нагналъ его и оказалъ ему существенныя услуги; наконецъ, отделился отъ него и, переодѣвшись дервишемъ, отправился въ Дамаскъ, гдѣ послѣ кратковременнаго его пребыванія, напала на него тоска по родиѣ, и онъ, среди многихъ злоключеній, отправился въ обратный путь въ Фергану. Здѣсь онъ услышалъ, что его сынъ, оставленный имъ еще малюткой, уже возмужалъ, попалъ въ милость къ Бату и получилъ отъ него прежнюю должность своего отца. Поэтому онъ отправился къ нему въ Ходжендъ и сказалъ ему: „если бы ты увидалъ своего отца, то узналъ ли бы его?“—„Нѣтъ“, отвѣчалъ тотъ, „я былъ еще груднымъ ребенкомъ, когда онъ меня покинулъ, попалъ въ имѣю раба, который, конечно, узнаетъ его“.

2) Не Зернукъ, какъ Мирхондъ называетъ это мѣсто. Джузеппи пишетъ Зернукъ, въ которомъ скорѣе можно узнать Сертакъ географической рукописи Белки.

корность. Тѣ изъ нихъ, которые найдены съ оружіемъ въ рукахъ, должны были вступить въ ряды арміи, крѣпость скрыта до основанія, а мирной части населенія, выѣхавшей изъ города на ослахъ и мулахъ, дозволенъ свободный возвратъ въ ея жилища. Послѣ Съртака, получившаго отъ Монголовъ прозваніе Кутлукъ Балика, т. е. счастливаго города, Нуръ былъ второй городъ, взятый Дженгизомъ въ Бохарской области. Сюда онъ дошелъ, при помощи турко-манскихъ проводниковъ, по новой дорогѣ, долго потомъ носившей названіе «ханской дороги». Авангардъ, предводимый Тагиръ Багадиромъ, слѣдовательно могаммеданиномъ и, вѣроятно, Туркомъ, сдѣлалъ себѣ ночью въ прелестныхъ рощахъ, окаймляющихъ Нуръ, штурмовыя лѣстницы и, держа ихъ передъ собою на лошадяхъ, приблизился къ стѣнамъ Нура, котораго жители заперли городскія ворота, отчасти сомнѣваясь въ прибытіи Дженгиза, отчасти же поджидая помощи отъ султана Могаммеда. Но когда Тагиръ велѣлъ имъ сказать, что могущественный монгольскій князь въ самомъ дѣлѣ приближается, но желаетъ у нихъ остановиться только на короткое время, если не встрѣтитъ сопротивленія, то они и отворили ему ворота Нура. Вслѣдствіе отданнаго имъ приказанія, они оставили городъ со всѣми средствами, необходимыми для продолженія хлѣбопашества, какъ-то: зерновой хлѣбъ, овцы, вьючный и упряжный скотъ. Послѣ этого Монголы вступили въ Нуръ, чтобы разграбить его дома, не причиняя, впрочемъ, лично жителямъ его ни малѣйшей обиды, и даже депутаты, отправленные въ лагерь Дженгиза, были приняты милостиво. На вопросъ, сколько платили до сихъ поръ податей, они отвѣчали: 1,500 динарь. Дженгизъ велѣлъ имъ давать эту сумму его авангарду и отпустилъ ихъ въ наилучшемъ настроеніи духа. Отъ Нура онъ поспѣшилъ къ Бохарѣ, подъ стѣнами которой разбилъ свой лагерь въ первые три дня могаррема 617 (1220) года и тотчасъ летучими отрядами

своего многочисленнаго войска напалъ на самыя крайніе наружные крѣпостныя ея верки. Бохара, навѣрно, извѣщенная о предшествовавшихъ кровавыхъ событіяхъ, встрѣтила обрушившееся на нее несчастье не совсѣмъ неготовая; она скрыла въ своихъ стѣнахъ 20,000 воиновъ, во главѣ которыхъ стояли Кекъ-ханъ, монгольскій и, можетъ быть, вѣрнѣе, югурскій перебѣжчикъ, и ханы Севинджъ и Кешли. Что могло побудить ихъ къ сопротивленію Монголамъ, столь превосходившимъ ихъ числомъ, остается, въ самомъ дѣлѣ, загадкой, но, какъ бы то ни было, они сдѣлали нападеніе и были почти совершенно истреблены; только немногимъ удалось спастись въ городъ, пораженные обыватели котораго отправили своихъ вельможъ къ Джэнгизу молить о пощадѣ. Въ сопровожденіи ихъ, монгольскій ханъ вступилъ въ Бохару. Великолѣпное зданіе пятничной мечети, сооруженное великимъ Саманидомъ съ большою роскошью, первое бросилось ему въ глаза, и онъ прежде всего вступилъ въ нее, съ своимъ сыномъ Тули, верхомъ на лошади и остановился предъ главною каедрою. Тули взошелъ на каедрю, а Джэнгизъ спросилъ, не дворецъ ли это султана? ему отвѣтили, что это «домъ Бога»; тогда онъ сошелъ съ лошади, поднялся на нѣсколько ступенекъ къ каедрѣ и закричалъ стоявшимъ за нимъ Монголамъ: «лугъ скошенъ, дайте корма вашимъ лошадямъ». — Легко вообразить, съ какою жадностью, послѣ этого сигнала къ грабежу, ринулись на несчастную Бохару дикіе Монголы, почти совсѣмъ ослѣпленные великолѣпіемъ среднеазиатской столицы. «Не только были разбиты всѣ дома и всѣ шкапы и похищены огромныя сокровища, но ярость грабителей не щадила даже, ничего не стоявшихъ на видъ, священныхъ предметовъ: кораны были изорваны и разбросаны подъ ноги вьючнымъ животнымъ вмѣсто соломы, а изъ ларей, въ которыхъ сохранялись священныя книги, сдѣланы корыта для корма лошадей; многоуважаемые шейхи и моллы, бывшіе звѣздами

учености, должны были прислуживать пирующимъ солдатамъ какъ мундшенки, или служить потѣхою для монгольскихъ мудрецовъ, и высокочтимые священники принуждены смотрѣть за мулами какъ конюхи». Такъ рассказываетъ могомеданскій историографъ. Что касается до оскорбленія религіознаго чувства, то, можетъ быть, въ этомъ изображеніи краски и слишкомъ ярки, но не подлежитъ сомнѣнію, что Бохара сильно пострадала, даже вытерпѣла ужасы уже при этомъ первомъ натискѣ Монголовъ.

Джѣнгизъ-ханъ пребылъ въ городѣ только нѣсколько часовъ, потомъ посѣтилъ лежавшую за городскими стѣнами Мосаллу (открытое мѣсто для молитвы), гдѣ было собрано все населеніе, и спросилъ, кто изъ нихъ знатные, т. е. богатые? Когда ему представили 280 человекъ (190 туземныхъ и 90 иноземныхъ, все большею частью купцовъ), то онъ обратился къ нимъ и, намекая на тиранство султана Могомеда, сказалъ: «О люди! Знайте, что вы совершили тяжкіе грѣхи, главные виновники которыхъ—ваши князья. Вы спрашиваете, кто я, говорящій такъ съ вами? Такъ узнайте, что я бичъ Божій. Если бы вы не согрѣшили, то Богъ не послалъ бы меня для вашего наказанія. Теперь», продолжалъ онъ, «мы не требуемъ отъ васъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что изъ вашего имущества и сокровищъ находится на землѣ, но вы скажите, что вы имѣете въ землѣ и покажите все». При этомъ онъ не забылъ приставить стражу изъ Монголовъ и Турокъ къ выборнымъ города для защиты ихъ отъ всякихъ нападковъ и оскорбленій. Такъ шли дѣла, пока наконецъ Джѣнгизъ, тревожимый скрывавшимися въ городѣ воинами султана Могомеда, не потребовалъ ихъ выдачи, но Бохарцы, вмѣсто исполненія воли побѣдителя, еще поддерживали ихъ въ ихъ тайныхъ замыслахъ и ночныхъ нападеніяхъ. Тогда Джѣнгизъ, въ порывѣ сильнаго, но справедливаго негодованія, велѣлъ зажечь городъ, и Бохара, состоявшая боль-

шею частью изъ деревянныхъ строеній, въ нѣсколько дней была сожжена до тла, только нѣкоторыя мечети и дворцы, построенные изъ кирпичей, чернѣлись на огненномъ морѣ пылавшихъ жилищъ. Цвѣтущій городъ на Зерешанѣ превращень въ груды мусора, а гарнизонъ въ цитадели все еще защищался, подъ предводительствомъ Бекъ хана, съ храбростью, заслуживающею наше удивленіе. Монголы употребляли всѣ возможныя средства для овладѣнія этимъ гнѣздомъ, даже гоняли Бохарцевъ на штурмовыя лѣстницы, но все было напрасно; и только тогда это послѣднее убѣжище было взято, и его отважные защитники преданы смерти, когда рвы были наполнены трупами людей и животныхъ. Но за этотъ геройскій подвигъ должна была заплатить и мирная часть населенія: болѣе 30,000 человекъ пало отъ руки палача, всѣ же прочіе, безъ различія званія, за исключеніемъ стариковъ, были обращены въ рабовъ, и обыватели Бохары, славившіеся своими искусствами, науками и утонченными нравами, впали въ несчастье и позоръ и были разсыяны по всѣмъ направленіямъ розы вѣтровъ. Только немногимъ удалось этого избѣгнуть, и когда одинъ изъ бѣглецовъ прибылъ въ Хоразанъ и былъ спрошенъ тамъ объ участи своего родного города, то онъ отвѣтилъ слѣдующимъ сжатымъ, въ послѣдствіи прославившимся, персидскимъ стихомъ:

Амедендъ у кендендъ у зухтендъ у куштендъ у бурдендъ у рефтендъ. (Они пришли, разрушили ¹⁾, сожгли, умертвили, ограбили и ушли).

„Да, это былъ ужасный день“, рассказываетъ историкъ Ибнъ-уль-Атгиръ, „только и слышались что стоны и вопли мужей, женъ и дѣтей, на-вѣки разлучаемыхъ.“

¹⁾ Гаммеръ Пургсталь (въ своей исторіи Золотой орды, на стр. 80) кенденъ переводитъ словомъ *рыть*, что съ одной стороны и вѣрно, но кенденъ значитъ также и испровергнуть, разрушить; въ этомъ послѣднемъ значеніи оно употреблено и здѣсь.

Варвары обезчестивали женъ и дѣвицъ предъ глазами ихъ родныхъ, которымъ въ безсиліи оставались оружіемъ однѣ слезы. Многіе предпочитали смерть этому возмутительному зрѣлищу; такъ пали кади Бедр-эд-динъ, имамъ Руки-эд-динъ съ своимъ сыномъ, которые, въ ярости отъ зрѣлища безчестія, нашли вѣрную смерть въ неравномъ бою.

Послѣ Бохары очередь дошла и до Самарканда, по протяженію еще большаго, и, при Харезміяцахъ, важнѣйшаго города Трансоксаніи, для защиты котораго бѣжавшій харезмскій князь оставилъ 110,000 человекъ, именно—60,000 Турокъ и 50,000 Таджиковъ, съ 20 слонами. Дженгизъ-ханъ, напередъ точно разузнавшій обо всемъ, уже подъ Отраромъ предугадывалъ ту жестокую борьбу, какой будетъ ему стоить прежняя резиденція его противника. Поэтому онъ и назначилъ Самаркандъ сборнымъ пунктомъ для различныхъ отрядовъ своей арміи, поэтому же онъ сперва приступилъ къ покоренію его окрестностей, чтобы посредствомъ изолированія тѣмъ легче было сокрушить силу опаснаго врага. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ маневръ имѣлъ наилучшій успѣхъ. Форсированными маршами Дженгизъ двинулся на великолѣпную резиденцію Харезміяца, въ сопровожденіи бохарскихъ плѣнныхъ, взятыхъ имъ для штурмованія Самарканда, и изъ которыхъ отставшіе отъ усталости на дорогѣ были безжалостно умерщвлены. Тамъ онъ нашелъ, сосредоточенною вокругъ него, такую военную силу, что легко могъ отдѣлать отъ нея 30,000, подъ начальствомъ генераловъ Чепе и Сунтая, для быстрого преслѣдованія султана Могаммеда, — и крѣпость, которую прежде онъ считалъ возможнымъ взять только послѣ продолжительныхъ, годичныхъ усилій, пала въ его руки послѣ трехдневнаго боя. Правда, храбрый гарнизонъ, подъ руководствомъ своихъ генераловъ Альпъ-хана, Шейхъ-хана, Вербалазъ (?) хана, сдѣлалъ удачную вылазку и замѣтно разрѣдилъ ряды Монго-

ловъ, но на третій день Дженгизъ самъ повелъ свои войска на приступъ, и Монголамъ скоро удалось овладѣть городскими воротами. Несмотря на это, Харезмійцы все еще продолжали безнадежный бой цѣлый день, съ презрѣніемъ къ смерти, пока наконецъ къ вечеру не вспыхнуло между ними несогласіе. Одни изъ нихъ, совѣтовавшіе сдаться, послали городского шейха-уль-исламъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты изъ молвъ, къ Дженгизу молить о пощадѣ; другіе же ушли въ цитадель и еще день продолжали битву, а Монголы между тѣмъ ворвались въ городъ чрезъ Намазгяхскія ворота и выгнали его обывателей, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе заняться хищничествомъ и грабежемъ. Только шейхъ-уль-исламъ съ 50,000 гражданъ, бывшихъ подъ его непосредственной защитой, остались нетронутыми въ этомъ первомъ нападеніи. А цитадель все еще держалась крѣпко и стояла штурмовавшимъ ее большимъ потерь. Когда же Алпъ-ханъ увидѣлъ приближеніе конца, то съ 1,000 героевъ сдѣлалъ отчаянную вылазку и благополучно пробился сквозъ всю монгольскую армію. Сдались только Кангли и другіе Турки, которыхъ Монголы увѣрили, что ихъ примутъ хорошо, какъ соплеменниковъ, — и дѣйствительно, для успокоенія ихъ на первыхъ порахъ, имъ обрили волосы по монгольскому обычаю, но съ закатомъ солнца и звѣзда ихъ существованія закатилась; всѣ они, въ числѣ 30,000 чловѣкъ, вмѣстѣ съ своими князьями, Удукъ-Барышмасомъ, Баганомъ и Сарзигъ-ханомъ ¹⁾, и 20-ю генералами были умерщвлены въ продолженіи ночи. Послѣ этого цвѣтушій Самаркандъ съ своею крѣпостью былъ сравненъ съ землей, а его жители, лишеныя всего имущества, раздѣли-

1) Имена эти сохранились для исторіи въ спискѣ убитыхъ, который приложилъ Дженгизъ къ своему побѣдному бюллетеню, отправленному имъ къ Рукъ-эд-дину, сыну султана Могаммеда и вѣстнику Ирана, чтобы напередъ застраховать его успѣхами монгольскаго оружія.

ли участь своихъ-бохарскихъ братьевъ... Разбѣжавшіе, изъ страха, были привлечены въ городъ обманчивыми общаніями, — способные носить оружіе должны были стать подъ знамена Монголовъ; искусные садоводы отправлены на далекій востокъ, чтобы потомъ украсить монголо-китайскую резиденцію великихъ Хановъ увеселительными садами въ самаркандскомъ стилѣ; знаменитыхъ же ремесленниковъ, между которыми особенно славились ткачи льняныхъ и шелковыхъ матерій, Дженгизъ или раздарилъ своимъ женамъ и родственникамъ, какъ искусныхъ рабовъ, или взялъ ихъ съ собою въ Хоразанъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ отослалъ къ сыновьямъ своимъ, Чагатаю и Октаю, уже выступившимъ противъ Харезма. Такъ погибъ въ 618 (1221) году Самаркандъ, по описаніямъ арабскихъ географовъ, самый прелестный и цвѣтущій пунктъ всего міра.

Съ этимъ вѣстѣ и Трансоксанія была совершенно покорена; оставалось только нѣсколько городовъ къ югу отъ Самарканда, для взятія которыхъ Дженгизъ-ханъ отправился самъ, давъ прежде своимъ войнамъ отдохнуть, а ихъ лошадямъ подкрѣпиться на пышныхъ лугахъ зерешанской долины, послѣ длинныхъ маршей. Сперва онъ пошелъ на Нахшебъ (Карши), который добровольно отворилъ ему свои ворота и также послужилъ ему мѣстопробываніемъ въ продолженіи лѣта. Отсюда онъ двинулся на Термезъ, бывший въ то время главною переправой чрезъ Оксъ, на пути въ южный Белхъ и Индію, и оказавшій ему сопротивленіе, въ надеждѣ на свои крѣпостныя верки, прикрытыя Оксомъ. Но это было возможно, разумѣется, только на короткое время противъ Монголовъ, упоенныхъ побѣдами и до сихъ поръ уже испробовавшихъ свои силы на многихъ и крѣпкихъ стѣнахъ. Городъ былъ взятъ приступомъ, всѣ его жители сосчитаны и розданы войскамъ для избіенія. Джувейни рассказываетъ, что одна женщина, предъ своею смертію, умоляла своего убійцу о пощадѣ,

общая отдать ему, вмѣсто выкупа за себя, драгоценную жемчужину, проглоченную ею. Монголь тотчасъ распоролъ ей животъ, и, такъ какъ тамъ дѣйствительно нашлась жемчужина, то и былъ отданъ приказъ разрѣзать и осмотрѣть внутренности всѣхъ труповъ. Послѣ Тергеза оставалось опустошить грабежѣмъ, убійствомъ и огнемъ только округи Кюнкуртъ и Самаць ¹⁾, чтобы окончательно раззорить земли при Оксѣ и Яксартѣ, считавшіяся самыми крайними бастионами могаммеданской культуры тогдашней Азіи. Дикій, алчный къ добычѣ и кровавадный врагъ, могъ теперь безпрепятственно продолжать свой истребительный походъ. Ужасныя безобразія, совершенныя Монголами въ Белхѣ, въ этой Меккѣ парсияма, позже прозванной „куполомъ ислама“ и имѣвшей 1,200 мечетей, раззореніе ими Талкана, Герата, большого торговаго города Мерв-эр-руда, богатаго школами Мерва и гордаго Нишабура, или ихъ неистовства въ громадномъ Реѣ, въ Ширазѣ и Исфаганѣ—все это не относится къ исторіи Бохары; поэтому мы лучше расскажемъ о гибели послѣдняго харезмійскаго князя, и войдемъ въ разсужденія о послѣдствіяхъ появленія Дженгиза и о главныхъ причинахъ его побѣдъ.

Султанъ Кутб-эд-динъ Могаммедъ, послѣ рокового повелѣнія умертвить купцовъ, находившихся подъ защитою Монголовъ, началъ медленными маршами обратный путь въ Хоразанъ. Отуманенный успѣхомъ своего продолжительнаго царствованія, онъ съ гордостью и беззаботностью предавался однимъ удовольствіямъ жизни и, проводя время въ веселомъ обществѣ и на пиршествахъ, прибылъ въ Бохару 8-го шаабана 612 (1215) года. Здѣсь онъ разбилъ свою палатку среди зеленѣющихъ полей и без-

¹⁾ Подъ послѣднимъ надо подразумѣвать округъ Шегри-Зебса или Кема, гдѣ находилась крѣпость *Самъ*, въ которой когда-то безчинствовала Моканна. См. прим. 2) на стр. 48.

печно отдался радостямъ времени года ¹⁾... Изъ Бохары онъ перешелъ въ Самаркандъ, гдѣ и получилъ первое извѣстіе о движеніи непріятеля, именно о приближеніи того военнаго отряда, который, подъ предводительствомъ Джюджи, шелъ отъ Отрара на Джендъ. Онъ самъ былъ уже на дорогѣ въ Джендъ для рекогносцировки, какъ услышалъ, что за Джюджи самъ монгольскій князь, Дженгизъ-ханъ, двигается съ огромною арміею. Не взирая на это, Могамедъ вступилъ въ битву съ Джюджи, но уже при первой стычкѣ имѣлъ много случаевъ вполне убѣдиться въ рѣдкой храбрости стоявшаго противъ него непріятеля. При всемъ численномъ превосходствѣ своего войска, онъ могъ спастись отъ совершеннаго пораженія и отступить въ Самаркандъ ²⁾, только благодаря геройству своего сына Джелал-эд-дина ³⁾. Въ смятеніи и ужасѣ отъ приближавшейся опасности, прежняя его чрезмѣрная самоувѣренность весьма скоро превратилась въ отчаяніе и трусость, — и онъ бѣжалъ поспѣшно чрезъ Оксъ въ Хоразанъ. Въ своемъ лагерѣ, на пресловутой равнинѣ Нишабура, онъ хотѣлъ было остановиться на нѣсколько дней, чтобъ распротиться съ удовольствіями жизни, которымъ въ особенности предавался,

¹⁾ См. у Гаммера Пургстали, въ его *Gemaldesammlung grosser moslimischer Herrscher*. Т. VI, стр. 180.

²⁾ Проѣзжая у края самаркандскаго рва, онъ будто бы закричалъ жителямъ, занимавшимся укрѣпленіемъ города: „если Татары побросаютъ въ этотъ ровъ только свои кнуты, то наполнятъ его.“ (Гам. Пургсталь, *Gemaldesaal grosser moslimischer Herrscher*, стр. 180).

³⁾ Онъ носилъ прозваніе Менгберди или Менгберди — кого далю небо (менгъ). Наши ориенталисты невѣрно прочитали это слово Манкберни и, Гаммеръ Пургсталь желаетъ даже перевести эту ошибку, при помощи напечатаннаго въ Индіи чагатайскаго словаря Фазл-Уллахъ-Хана, словомъ *тупоносый*. Онъ читаетъ манкъ-бурни, но онъ не вѣрно понялъ персидское толкованіе турецкаго слова *манкъ*, потому что манкъ въ названной книгѣ переведено словомъ — болѣзнь носа что въ обширномъ смыслѣ слова вѣрно, въ тѣсномъ же манкъ значить сапъ (лошадиная болѣзнь, обнаруживающаяся накопленіемъ мокроты въ носу). Поэтому знаменитый харезмскій государь долженъ, по чтенію моихъ предшественниковъ, получить не поэтическое прозваніе — „самый носъ“.

къ своему несчастью, въ минуту опасности,—но услыхаль, что Сунтай и Чепе идутъ по его слѣдамъ, поэтому поторопился въ путь и, преслѣдуемый ими, успѣлъ таки чрезъ Рей и непроходимыя горы Мазендрана смастись въ Абескунъ, вблизи нынѣшняго Астрабада, а оттуда на островъ Каспійскаго моря ¹⁾ (вѣроятно Огурчали). Здѣсь онъ былъ въ безопасности отъ мстительной руки своего дикаго врага, но отъ сильной горести объ участи своей семьи, попавшей въ плѣнъ къ Монголамъ, умеръ 22-го зиль-гидже 617 (1220) года, всѣми покинутый и въ такой бѣдности, что, за неимѣніемъ погребальнаго савана, былъ похороненъ въ единственномъ платьѣ, которое носилъ. Онъ назначилъ своимъ преемникомъ, вмѣсто опредѣленнаго прежде Эфлакъшаха, управлявшаго Харезмомъ, своего сына-героя Джелал-эд-дина, но этотъ, вмѣсто скипетра, долженъ былъ взять въ руку мечъ для отчаянной самозащиты. Онъ бѣжалъ чрезъ Харезмъ въ Герать и Газни; здѣсь собралъ свѣжія военныя силы и въ двухъ побѣдоносныхъ битвахъ нанесъ Монголамъ значительныя потери. Дженгизъ, задержанный на пути осадюю Талкана, пришелъ отъ этого въ ярость и бросился чрезъ Баміанъ и Кабулъ въ Газни съ такою поспѣшностью, что у Монголовъ не было времени даже готовить себѣ пищу и, однакожь, прибывъ въ Газни, онъ узналъ, что Джелал-эд-динъ уже 15 дней какъ ушелъ къ берегамъ Инда. Снова Монголы ускорили свой маршъ, пока, наконецъ, нагнали бѣжавшаго принца и напали на него съ страшною яростью. Джелал-эд-динъ защищался съ обычною храбростью. Подобно разъяренному льву, онъ бросался то на правое крыло, то на лѣвое, то на центръ

¹⁾ Хотя островъ, на который убѣжалъ султанъ Могаммедъ, долженъ существовать, по увѣренію многихъ, на лѣвомъ берегу Каспійскаго моря, но я слѣдую показанію древней географической рукописи „Месаликъ у Мемаликъ“, въ которой Абескунъ, на приложенной картѣ, означенъ вблизи нынѣшняго Астрабада; поэтому спорный островъ можетъ быть только Огурджали, или сѣверный Черекенъ.

Монголовъ, но, наконецъ, былъ окруженъ ими и, послѣ того какъ подъ нимъ убиты двѣ лошади, вскочилъ на третью и съ берега Инда, съ десяти-аршинной высоты, бросился въ волны рѣки и благополучно достигъ противоположнаго берега. При видѣ этого отчаяннаго поступка, Монголы хотѣли броситься за нимъ, но Дженгизъ, изумленный и тронутый геройствомъ Джелал-эд-дина, запретилъ дальнѣйшее преслѣдованіе и, обратившись къ своимъ сыновьямъ, сказалъ: „смотрите, такой отецъ (т. е. султанъ Могамедъ, о которомъ Дженгизъ имѣлъ высокое мнѣніе) долженъ былъ имѣть такого сына.“ Свита Джелал-эд-дина была перебита; сокровища, прежде брошенные имъ въ Индъ, вынуты водолазами; его семейство приведено предъ Дженгиза, и жестокой побѣдитель велѣлъ всѣхъ его членовъ мужского пола, не исключая и грудного младенца на рукахъ кормилицы, отдать на жертву дубинѣ палача. Такъ кончилось господство послѣдняго Харезмійца ¹⁾ въ 618 (1221) году, а съ нимъ погибла и династія, въ продолженіи 140-лѣтняго правленія своего, мало уступавшая дому Сельджука въ могуществѣ и великолѣпіи!.. Послѣ этого Дженгизъ возвратился въ Трансоксианію, и, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Самаркандѣ, отправился обратно на свою первоначальную родину и здѣсь на курилтаѣ, созванномъ въ 621 (1224) году, раздѣлили свою гигантскую имперію между сыновьями своими такимъ образомъ: Китай вмѣстѣ съ Монголією достался Октаю, котораго онъ назначилъ своимъ преемникомъ; Чагатай полу-

1) Конечно, мы разумѣемъ здѣсь послѣдняго Харезмійца въ Трансоксианіи, такъ какъ Джелал-эд-динъ еще имѣлъ славную карьеру въ Иранѣ; онъ завоевалъ всю южную часть Персіи. Азербайджанъ и отнялъ у Сельджукидовъ почти всю Сирію. Но его удивительная храбрость перешла наконецъ у него также, какъ и у его отца, въ чувственность и страсть къ разгульной жизни, и онъ погибъ потомъ подъ копытами тѣхъ Монголовъ, которые, при восшествіи на престолъ Менгю-Каана, были посланы, подъ начальствомъ генерала Чермагуна, для обратнаго завоеванія Ирана.

чили часть имперіи отъ югурскихъ проходовъ до Харезма, со включеніемъ Туркестана и Трансоксаніи; Бату, за смертью Джюджи, поставленъ государемъ надъ Харезмомъ, Дешти-и-Кипчакомъ до дербентскаго прохода, а Тули—надъ Хоразаномъ, Персією и Индією. Несмотря на свои 70 лѣтъ, Джюнгизъ двинулся на Тангутъ, возставшій противъ него. Въ этомъ походѣ онъ умеръ въ 624 (1226) году, мечемъ и огнемъ оставивъ во всей Азіи неизгладимые слѣды своей дикой страсти къ войнѣ; въ особенности же Трансоксанію, истребленіемъ ея населенія, много вѣковъ славившагося своею культурою; онъ низвергъ въ ту пропасть варварства, которая навсегда поглотила славу ея прошлаго и также ея будущность.

По истинѣ ни одна земля въ Азіи не почувствовала опустошительнаго вторженія монгольскихъ ордъ такъ ужасно, какъ береговныя страны Яксарта и Окса. Для городовъ, какъ Бенакетъ, Жоджендъ, Джендъ, Бохара и Самаркандъ, первый напоръ грубыхъ степныхъ обитателей Гоби-пустыни, былъ тѣмъ болѣе роковымъ, что эти послѣдніе, въ собственной Трансоксаніи, впервые натолкнулись на прочное, даже цвѣтущее состояніе, созданное промышленностью, торговлею и земледѣліемъ, и здѣсь-то впервые утолили сильную жажду свою къ хищничеству. Кромѣ этого, Трансоксанія составляла главный путь, по которому и въ послѣдующихъ десятилѣтіяхъ устремились потоки хищныхъ монгольскихъ скопищъ противъ Волги, Евфрата, Инда и Персидскаго залива. Неудивительно поэтому, что, по прошествіи пяти лѣтъ, уже были покинуты оживленныя до того торговыя дороги центральной Азіи, по которымъ провозились отчасти въ Европу и въ западную Азію продукты Китая и Индіи; что земли оазовъ, повсюду славившіяся своимъ плодородіемъ, лежали заглохшими пустырями и что наконецъ навсегда исчезло въ нихъ, высоко цѣнимое во всемъ исламѣ, производство оружія и нарядовъ, толстыхъ шел-

ковых матерій и эмальированныхъ издѣлій. Города лежали въ развалинахъ; хлѣбпашецъ или былъ умерщвленъ, или сильно былъ втиснутъ въ кадры монгольскаго войска, а ремесленники тысячами отправлены на далекий востокъ для украшенія и убранства пустынной родины завоевателя. Не менѣе глубокая рана нанесена была и наукѣ опустошеніемъ средней Азіи. Арабская поговорка гласитъ: «наука, это — дерево, которое коренится въ Меккѣ, а плоды его созреваютъ въ Хоразанѣ» ¹⁾. При нынѣшнемъ положеніи этихъ частей древняго міра, такое понятіе можетъ казаться страннымъ, но не слѣдуетъ забывать, что Трансоксанія играла весьма значительную роль въ ту, собственно культурную, эпоху могаммеданской Азіи, которая именно совпала съ вѣкомъ монгольскаго міропотрясателя. Бохара, Самаркандъ и Гергенчъ уже давно вели борьбу благороднаго соревнованія съ Нишабуромъ, любимымъ мѣстопребываніемъ тогдашнихъ великихъ умовъ Ирана, и съ Мервомъ, котораго школы были переполнены учениками изъ далекихъ странъ, и даже пріобрѣли пальму превосходства въ риторикѣ, грамматикѣ, поэзіи и медицинѣ. Послѣ монгольскаго погрома духовная жизнь въ средней Азіи, къ сожалѣнію, погасла. Иранъ и остальной западъ мало по малу оправались отъ жестокаго удара и даже возродились въ новой культурѣ подъ защитой Дженгизидовъ, — Бохара же и Самаркандъ уже никогда не могли возвратитъ прежней духовной дѣятельности, и все ихъ умственное и нравственное стремленіе, съ этихъ поръ, проявлялось только въ казуистикѣ, мистицизмѣ и натянутомъ усердіи въ религіи. Главною причиною этого несчастія, естественно, было то обстоятельство, что Монголы, истребленіемъ первобытнаго иранскаго населенія въ городахъ, уменьшили число собственно глав-

¹⁾ Эль ильму седжретунъ аслиха филь Мекке фе семериха филь Хоразанъ. — Джувейни.

ныхъ представителей культуры и мирной жизни въ той мѣрѣ, въ какой взяли перевѣсъ турецкіе элементѣ. Въ чисто турецкихъ земляхъ, каковы напр. нынѣшнія Хива и Хокандъ, народнымъ языкомъ при Сельджукидахъ былъ еще персидскій; и если уничтоженіе національности врагами просвѣщенія, Турками, двинувшимися изъ пустыни противъ постоянныхъ поселеній, и само собою, можетъ быть, совершилось бы мало по малу, то все-таки Монголы своимъ вторженіемъ значительно ускорили этотъ процессъ и наиболѣе способствовали совершенному истребленію иранскаго духа въ Трансоксаніи. И это одно уже—величайшій вредъ, нанесенный Дженгизомъ при-Овскимъ землямъ.

Что же касается до причинъ успѣховъ монгольскаго міросокрушителя, то легко замѣтить, что онѣ заключаются столько же въ личныхъ качествахъ Дженгиза и въ общественномъ положеніи его народа, какъ и въ политическомъ и этнографическомъ состояніи тогдашней могоаммеданской Азіи, преимущественно Трансоксаніи. Въ первомъ отношеніи трудно не признать, что Дженгизъ, не смотря на всѣ упреки въ безцѣльномъ варварствѣ и страсти къ опустошеніямъ, которыми осыпаютъ его могоаммеданскіе современники, совмѣшалъ въ своей личности атрибуты не только искуснаго полководца, но и завоевателя и законодателя въ полномъ смыслѣ этого слова. Введеніемъ своего кодекса Язау, онъ создалъ строго военную конституцію, какой никогда до него не знала могоаммеданская Азія, и которая доставила ему перевѣсъ надъ шаткимъ государственнымъ строемъ Харезміекаго государства;—съ другой же стороны, равноправность всѣхъ религій и сосѣдній, навѣрно, приобрѣла ему гораздо болѣе сочувствія и расположенія, чѣмъ сколько позволяютъ предполагать заявленія его исторіографовъ. Напрасно рассказываетъ Джувейни, будто Дженгизъ за жизнь мусульманина назначилъ пеню въ 40,000 мискалей золота, а за Китайца—только длинноухое жи-

вотное; другія извѣстія доказываютъ совсѣмъ противное, именно, что какъ онъ, такъ и нѣкоторые изъ его преемниковъ не дѣлали *никакого различія* между христіанами, могоаммеданами и буддистами. Такъ, въ Трансоксаніи было поставлено много могоаммеданскихъ намѣстниковъ и много югурскихъ (буддистскихъ) счетоводовъ находилось на службѣ, и мы видимъ даже иностранца, христіанина Марко Поло, посломъ Кубилая, внука Дженгиза, отправленнымъ изъ внутренняго Китая въ Берманъ съ деликатнымъ порученіемъ.— По отношенію къ общественному положенію Монголовъ, читателю восточныхъ историческихъ сочиненій бросается въ глаза то, что всѣ онѣ утвѣрждаютъ, будто Монголы были въ высшей степени суровы, дики и воинственны. «Народъ, плачущій на пирахъ, смѣющійся въ бою, слѣпо слѣдующій за предводителемъ, довольный холодомъ и голодомъ, неудержимый въ битвѣ и терпѣливый въ страданіяхъ, незнающій покоя и удовольствія, даже по имени. Монголы сами выдѣлываютъ и носятъ свое оружіе, всѣ они съ одинаковымъ смысломъ и сердцемъ, не изысканны въ пищѣ и одеждѣ, чужды состраданію, вырѣзываютъ дѣтей изъ внутренностей беременныхъ женщинъ; прибывъ къ рѣкѣ, переправляются чрезъ нее на надутыхъ кожаныхъ мѣхахъ, или же держась за хвосты и гривы своихъ плывущихъ лошадей, и проч.» Если и допустить, что тогдашнее состояніе Трансоксаніи находилось не въ очень рѣзкомъ противорѣчій съ упомянутымъ, то все же, навѣрно, можно сказать, что не только иранское населеніе городовъ, но даже и воюющая часть жителей была слаба и изнѣженна, въ сравненіи съ вторгнувшимися Монголами, и вовсе неспособна выдержать какую бы то ни было бурю. Къ этому присоединилось еще и то несчастіе, что Турки, никогда тѣсно не сближавшіеся съ Иранцами и составлявшіе главную военную силу султана Могоаммеда, добровольно, во многихъ мѣстахъ и толпами переходили подъ знамена Дженгиза и, вмѣсто сопротивленія, оказывали вторгшемуся

врагу услуги дружбы, или потому что были недовольны деспотизмом послѣдняго Харезміяца, или же изъ врожденной страсти къ разбою и грабежу, а можетъ быть, и по чувству племенного родства.

Слѣдуетъ-ли послѣ этого удивляться, что, при подобныхъ отношеніяхъ, было такъ блистательно и полно торжество великаго мірового бойца падъ распадавшеюся Трансоксанією?

IX.

Дженгизиды.

624 (1226) — 765 (1363).

Трансоксанія, въ продолженіи болѣе, чѣмъ двухсотлѣтняго владычества Дженгизидовъ, представляетъ взору читателя ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безначаліе, разнузданное своеволіе грубыхъ тирановъ, убійства и опустошенія смѣняють другъ друга, но даже и о нихъ исторія оставила намъ скудныя данныя ¹⁾; поэтому, за неимѣніемъ спеціальной хроники Трансоксаніи ²⁾, мы должны заимствовать свѣдѣнія объ этомъ времени только изъ монгольскихъ лѣтописей въ Китаѣ и Персіи.

Бохара и Самаркандъ, двѣ жемчужины востоко-могамеданскаго міра, были еще при жизни Дженгиза оторваны отъ юго-западныхъ сосѣднихъ странъ, родственныхъ имъ по

¹⁾ Справедливо говорить Абель Ремюза въ своихъ *Observations sur l'Histoire des Mongoles orientaux de Sannang Setzen*. Парижъ, изд. тип. 1852, стр. 12: „Il n'y a que la dynastie du Tschakhatai et des enfants de Djoutchi, qu' il nous reste peu d'espoir de connaitre, parce qu' autant que nous le pouvons savoir, elles n'ont pas eu d'historien particulier, et que traditions qui les regardent en sont devenues plus déchargées et sujettes à plus de lacune“.

²⁾ При исчисленіи источниковъ къ своей исторіи золотой орды, Гаммеръ Пургсталь упоминаетъ о Тарихи Туркестанъ, но мнѣ не довелось ее видѣть.

крови, просвѣщенію и религіи, и включены въ ту часть Монгольской имперіи, которая, подъ именемъ «Ханата Чагатайскаго», простиралась, по однимъ свѣдѣніямъ, отъ югурскихъ проходовъ, по другимъ—отъ Алтайскихъ горъ до Амуя на Оксъ, и состояла изъ населенія столько же пестраго, сколько и враждебнаго просвѣщенію. *Чагатай*, второй сынъ Дженгиза, котораго родъ оставался на престолѣ Трансоксаніи, съ немногими перерывами, до самаго появленія Тимурленка, придерживался, съ мелочною точностью, правительственныхъ законовъ своего отца и показывалъ видъ, будто желаетъ залечить раны жестоко истязанной страны. Въ его резиденцію, въ Альмаликъ, гдѣ онъ предавался удовольствіямъ охоты, курьеры привозили ему по хорошо содержимой почтовой дорогѣ извѣстія о правительственныхъ дѣлахъ ввѣренной ему провинціи, и его вниманіе. Не смотря на пьянство, которому былъ преданъ онъ также, какъ и прочіе потомки Дженгиза, было обращено на каждую отрасль администраціи. Его правленіе было строгое, но справедливое ¹⁾. Слѣдуя принципу равноправности всѣхъ религіи и національностей, онъ поручилъ даже высшее управление Трансоксаніи могомеданину, именно Месу'д-бегу, сыну Махмуда Голауджа, занимавшему такую же должность въ Китаѣ. Была введена правильная поголовная по-

¹⁾ Поэтому вдвойнѣ ошибочно мнѣніе многихъ европейскихъ ученыхъ, которому и я слѣдовалъ въ моихъ Чагатайскихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ, что обитатели центральной Азіи дали странѣ и національному нарѣчію имя „Чагатай“ изъ любви и уваженія къ сыну Дженгиза. Во первыхъ, жители средней Азіи сами не называли ни своей земли, ни своего языка „чагатайскимъ“, такъ какъ это названіе употреблялось только Персами по св сторону Окса, именно въ Иранѣ, а тѣ жители, во всѣ времена, называли свою страну *Туркистанъ*, а свой языкъ—*Турки*. Во вторыхъ, Чагатай за свою упорную привязанность къ Ясау, въ особенности же за свой буддистскій религіозный фанатизмъ, пользовался у мусульманъ всѣмъ, чѣмъ угодно, только не любовью. Въ его время послѣдніе должны были, подъ страхомъ смерти, удерживаться отъ умерщвленія домашнихъ животныхъ, не смѣли двѣмъ купаться въ текучей водѣ, и строгость этихъ приказаній была для нихъ тѣмъ ощутительнѣе, что это препятствовало имъ исполнять предписанія ихъ собственной религіи.

дать, измѣнявшаяся, смотря по состоянію, отъ одного до семи динаровъ ¹⁾, но священники всѣхъ религій ²⁾ были отъ нея освобождены. Земледѣльцы и ремесленники, скрывавшіеся отъ ужасовъ войны, были общаніями призваны къ ихъ прежнимъ занятіямъ, и хотя старосты отдѣльныхъ городовъ, большею частью Монголы, изъ которыхъ первый, въ Бохарѣ, носилъ имя Бука Боши, а самаркандскій—имя Джонгзанъ Тайфу, не могли быть лучшимъ средствомъ къ успокоенію населенія, но все же намъ говорятъ, что въ Бохарѣ, и даже скоро, все вошло въ прежнюю колею, что развалины замѣнены новыми постройками и что въ 632 (1234) году, слѣдовательно 15 лѣтъ спустя послѣ разрушенія, уже тысяча студентовъ прилежно занималась наукою въ collegіяхъ, учрежденныхъ Месу'дъ-бегомъ и Серкути-бегомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что управленіе Чагатая было для Трансоксаніи, если и не вполне благодѣтельно, то во всякомъ случаѣ благожелательно, не смотря на то, что онъ питалъ полное довѣріе хотя и къ могаммеданину, но искренно преданному монгольскимъ интересамъ Месу'ду, и, кромѣ того, имѣлъ визиремъ Турва, по имени Геджира. При его преемникахъ не переставали свирѣпствовать войны, при немъ же спокойствіе было нарушено только разъ, и то на короткое время, появленіемъ религіознаго сумазброда, о которомъ мы желаемъ здѣсь упомянуть.

Въ 630 (1232) году въ селѣ Тарабѣ, отстоявшемъ отъ Бохары на три мили, нѣкто, по имени Махмудъ, по ремеслу решетникъ, но глухой, слабоумный человѣкъ, сталъ утвер-

¹⁾ Я слѣдую показанію Гаммера. По Джувейни, подать, введенная Махмудомъ Йолауджомъ въ Трансоксаніи, измѣнялась отъ 1 до 10, а по д'Оссону—отъ 1 до 15.

²⁾ Утверждаютъ, будто Евреи были лишены этихъ привилегій, но имъ это кажется изобрѣтеніемъ могаммеданскихъ писателей, которые, какъ извѣстно, ненавидѣли Евреевъ больше всего; а что монгольскіе власти Китаю и Персіи обыкновенно выказывали полную вѣротерпимость,—это достаточно извѣстно.

ждать, что онъ одержимъ пери и прочими духами и потому владѣть сверхчеловѣческой властью. Въ Трансоксаніи и Туркестанѣ, съ давнихъ поръ, какъ сказываетъ Джувейни, по большей части женщины занимались ясновидѣніемъ: онѣ были призываемы къ больнымъ; устраивалось пиршество, на которомъ онѣ исполняли пляску вѣдьмъ и разными безчинствами думали будто-бы испугать болѣзнь. Такимъ духовидцемъ явился Махмудъ. Сперва онъ сообщилъ тайну своей сестрѣ, та разгласила эту тайну, и всѣ бросились къ нему съ больными, и нашъ историкъ заявляетъ, что онъ слышалъ, будто Махмудъ возвращалъ слѣпымъ зрѣніе тѣмъ, что вдувалъ имъ въ глаза пыль. Изъ Тараба, естественно, молва о немъ скоро достигла столицы. Здѣсь молда, по имени Шемседдинъ-Махбуби, пользовавшійся уваженіемъ, оказалъ содѣйствіе Тарабцу тѣмъ, что рассказывалъ, будто его отецъ (тоже ученый) оставилъ въ своемъ сочиненіи, что изъ Тараба явится освободитель міра, отчего мечта сумазброта еще болѣе усилилась, такъ что пророкъ решетникъ скоро очутился во главѣ такой партіи, которая распространилась далеко по окрестностямъ и ждала только его сигнала къ возстанію противъ Монголовъ. Уже одно это мирное происхожденіе возстанія испугало начальника и прочихъ офицеровъ Бохары. Они отправили къ Месу'дъ-бегу, жившему въ Ходжендѣ, за инструкціей, а сами пригласили лжепророка прибыть съ большими почестями въ Бохару, чтобы, какъ они говорили, осчастливить жителей этого города своимъ присутствіемъ. Они имѣли намѣреніе на дорогѣ умертвить его въ извѣстномъ мѣстѣ, когда онъ отдѣлится отъ своихъ приверженцевъ; но только что они прибыли къ условленному мѣсту, какъ Махмудъ, вѣроятно, напередъ предувѣдомленный объ ихъ замыслѣ, не спускалъ глазъ съ своего конвоя, упрежалъ ихъ въ ихъ коварномъ поступкѣ и грозилъ всѣхъ ихъ ослѣпить своею волшебною силою. Можно себѣ представить, какъ эта пророческая

улега запугала суевѣрныхъ Монголовъ! Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ встрѣченъ съ почестями въ Бохарѣ, помѣщенъ во дворцѣ Санджара, куда народъ устремился толпами и выказывалъ къ нему такое почтеніе, что когда онъ сверху плевалъ на нихъ, то они высовывали языки и съ жадностью подлизывали слюну. Наконецъ, дѣло приняло серьезный оборотъ. По наущенію молль и знатныхъ Бохары, Монголы рѣшились истребить его, но такъ какъ трудно было пробраться въ его жилище сквозь густыя массы народа, то онъ и успѣлъ убѣжать на близъ лежащій холмъ. Народъ скоро послѣдовалъ за нимъ. Сказывали, будто-бы онъ по воздуху перелетѣлъ туда, и воодушевленіе теперь уже не знало границъ, такъ что, когда онъ вечеромъ объявилъ своимъ приверженцамъ, что они должны вооружиться, потому что пришло время избить невѣрующихъ, то онъ скоро послѣ того могъ вступить въ городъ, во главѣ фанатическаго множества, не только какъ пророкъ, но и какъ повелитель. Онъ назначилъ упомянутаго Шемс-эд-дина-Магбуби Садръ-Джитаномъ т. е. первымъ духовнымъ сановникомъ, позволилъ черни грабить богатыхъ и розыгралъ, предъ слѣпо преданными ему приверженцами, слѣдующій фарсъ своей власти и величія: «армія у меня скрыта», сказалъ онъ, «и держится въ воздухѣ. Видите вы этихъ людей въ зеленомъ платьѣ, а тѣхъ въ бѣломъ — я поманю, и они тотчасъ явятся ко мнѣ!» Стоило только одному сказать: «да, мы видимъ ихъ!» — и тотчасъ все подтвердили это. Также точно онъ увѣрилъ, что и оружіе онъ получаетъ изъ воздуха, а между тѣмъ насильно отнялъ его у Ширазскихъ купцовъ, которые на четырехъ ослахъ привезли сабли. Въ первую пятницу онъ уже велѣлъ читать общественныя молитвы на его имя, конфисковалъ по произволу имущество богатыхъ, удерживая себѣ большую часть добычи, и проводилъ время въ оргіяхъ въ своемъ дворцѣ, наполненномъ красивыми женщинами. Наконецъ, богатые

Бохарцы, убѣжавшіе отъ его хищничества, собрались въ Кермивахѣ, соединились съ отрядомъ монгольскихъ войскъ и двинулись на Бохару. Махмудъ и его товарищъ поспѣшили къ нимъ на встрѣчу. Оба явились безъ оружія и безъ панцирей во главѣ фанатической толпы, въ доказательство неуязвимости своихъ священныхъ особъ. Только что началась схватка, какъ поднялся сильный ураганъ и закрылъ бунтовщиковъ такимъ густымъ облакомъ небу, что они казались своимъ противникамъ внезапно исчезнувшими. Разумѣется, этого было довольно для суевѣрныхъ Монголовъ, чтобы обратиться въ безпорядочное бѣгство. Бохарцы преслѣдовали ихъ и произвели между ними страшное кровопролитіе, но когда возвратились съ погони, то замѣтили съ величайшимъ ужасомъ, что пророка нѣтъ, — онъ погибъ въ схваткѣ. Его братья заступили его мѣсто, но ихъ обаяніе продолжалось только восемь дней: монгольскіе офицеры Иддиръ-Ноявъ, Дженгинъ-Курджи явились съ большими силами и уже въ первой битвѣ прогнали изувѣровъ. Раздраженные Монголы хотѣли было второй разъ налить свою ярость на Бохару, но Месуду удалось ихъ укротить. Онъ упросилъ ихъ подождать приказаній императора, и, благодаря его предстательству, Бохара этотъ разъ была помилована.

Это было единственное происшествіе, на время прервавшее мертвую тишину, наступившую въ Трансоксаніи вслѣдъ за монгольскимъ завоеваніемъ. Но когда въ 639 (1241) году, послѣ кончины младшаго своего брата Огтая, великаго хана или императора Монгольской Имперіи, и Чагатай скончался, и преемники Дженгиза затѣвали междоусобіе изъ-за престолонаслѣдія, то именно сами Чагатаиды причинили наиболѣе бѣдствій ввѣренной имъ землѣ, отчасти неистовствами своей партіи, отчасти же своею дикою страстью къ войнѣ. Чагатай оставилъ многочисленное семейство, изъ котораго намъ извѣстны сыновья Бизю, Вюри,

Байдаръ и Везенбука. На Курилтаѣ они содѣйствовали возведенію на престолъ Куюка, но этотъ, кажется, ни къ кому изъ нихъ не былъ особенно расположенъ, потому что назначилъ своимъ преемникомъ своего внука *Кара Гулагу*¹⁾ въ 640 (1242 году), къ которому, за его малолѣтствомъ, была приставлена вліятельная вдова покойника Эбюскюнь. Первымъ актомъ ея управленія была казнь Меджд-эд-дина, лейбъ-медика, и Геджира, любимаго визиря ея супруга. Оба были осуждены какъ виновники его смерти, на самомъ же дѣлѣ только потому погибли, что служили помѣхой ея властолюбію. Она назначила своимъ визиремъ и довереннымъ Габешъ-Амида, честолюбиваго и жестокаго человѣка, но могла удержаться на престолѣ этотъ разъ только въ продолженіи междуцарствія, слѣдовавшаго за смертью Октая. Куюкъ, насильно занявшій мѣсто умершаго и смѣнившій всѣхъ своихъ противниковъ, между которыми Эбюскюнь была въ первомъ ряду, назначилъ *Бизю*²⁾ въ 645 (1247) году главою фамиліи Чагатая и посѣялъ раздоръ не только въ Алмаликѣ, но и во всѣхъ частяхъ Ханата. Даже Месу'дъ Бегъ долженъ былъ бѣжать отъ его злобы и прибылъ къ Бату, хану Кипчака. Бизю былъ пьяница и развратникъ, но, къ счастью своихъ могомиданскихъ подданныхъ, выбралъ себѣ визиремъ и совѣтникомъ благочестиваго и ученаго Ходжа Бага-ед-дина изъ

1) Гаммеръ-Пургсталь называетъ его Кара Огланъ, а въ рукописи Джигангуша, находящейся въ моемъ распоряженіи, онъ названъ Кара Улагъ. Какойизъ этихъ родовъ чтенія правильный, трудно рѣшить, потому что, за неимѣніемъ историческихъ источниковъ, написанныхъ по монгольски, приходится ограничиться только персидско-арабскими авторами, которые, во-первыхъ, монгольскія имена съ трудомъ могли писать своими (т. е. арабскими) письменами, во-вторыхъ, даже и удачныя списыванія были искажены нерадѣніемъ позднѣйшихъ переписчиковъ до того, что сдѣлались неузнаваемыми.

2) Такъ называетъ его Джувейни въ находящейся у меня рукописи. Д'Оссовъ называетъ его Иссу (Yisson). Также и Дефремери (Histoire des khans mongols du Turkestan. Journal asiatique, T. XX, стр. 402).

Мергулана, человека, о котором Джувейни говорит съ почтеніемъ, но который скоро потомъ испыталъ печальную участь отъ своего соперника Габешъ-Амида, несмотря на то, что старался обезоружить его многими доказательствами своей любви. Именно—когда, послѣ трехлѣтняго царствованія Куюка, Менгкю сдѣлался великимъ ханомъ¹⁾ и Кара Гулагу и Эбюскюнь заняли прежнее свое положеніе, то Габешъ-Амидъ, снова получившій должность визиря, успѣшилъ, какъ можно скорѣе, заключить въ тюрьму даровитаго Бага-эддина, который послѣ этого, несмотря на краснорѣчивые стихи свои, обращенные къ княгинѣ, былъ, по наущенію Амида, зашитъ въ войлочное одѣяло и до тѣхъ поръ раскатываемъ по землѣ на подобіе войлочнаго ковра, пока не были раздроблены всѣ его члены²⁾. Бизю, какъ извѣстно, оттого потерялъ престоль, что долго отказывался признать господство Менгкю. Поэтому послѣдній опять возвелъ своего единомышленника Кара Гулагу на оставленный ему дѣдомъ тронъ, но съ условіемъ, тотчасъ положить на мѣстѣ соперника Бизю, что онъ и сдѣлалъ бы, если бы его самого не постигла смерть. Бразды правленія надъ Чагатайскимъ ханствомъ взяла въ свои руки его вдова Органа. Она немедленно велѣла умертвить противника своего мужа и правила счастливо десять лѣтъ. Органа была одною изъ тѣхъ трехъ монгольскихъ грацій, о которыхъ Вассафъ говоритъ: «живописцы творенія не производили кистью своего вымысла трехъ между Монголами образовъ подобной красоты, прелести, любезности и достоинства³⁾». Онѣ были сестры и въ одно время супру-

1) Мангу, какъ читаютъ Гаммеръ, д'Оссонъ и прочіе ориенталисты, — рѣшительно не правильно. Это—тюркское слово въ смыслѣ „вѣчный, небесный“ и состоитъ изъ *менг*—небо, вѣчность и прилагательнаго окончанія *кю*. Оно соответствуетъ арабскому имени Бака.

2) Увидя невозможность уйти отъ мести Амида, онъ приготовился къ смерти и написалъ своему противнику четырехстишіе, въ которомъ осуждать его проклятіями.

3) Гаммеръ, Исторія Золотой Орды, стр. 162, по Вассафу.

ги монгольскихъ князей въ Кипчакъ, Персін и Трансоксаніи.

Какъ уже упомянуто, благосостояніе и бѣдствіе Трансоксаніи, во время Чагатаидовъ, зависѣли по большей части отъ переворотовъ, вызываемыхъ престолонаслѣдіемъ въ Китайской Имперіи. Пока жилъ Менгкю, мудрая и энергическая Органа могла править покойно, но только что онъ скончался въ 658 (1259) году, какъ между Арикь-Бугою и Кубилаемъ завязалась борьба, имѣвшая, какъ обыкновенно, вредныя послѣдствія для Трансоксаніи. Первый назначилъ *Алгу* главою фамиліи Чагатая, а второй—*Апишку*, сына Бюри; но Алгу предупредилъ своего соперника и, по изгнаніи Органы, утвердился въ Алмаликѣ, между тѣмъ какъ Апишка, на дорогѣ, былъ схваченъ Арикь-Бугою въ провинціи Шен-Си и арестованъ. За это одолженіе, однакожь, Алгу заплатилъ своему покровителю черною неблагодарностью: когда Арикь-Буга, стѣсненный Кубилаемъ, обратился къ нему въ крайней нуждѣ за помощію, то этотъ вассаль, имѣвшій болѣе 150,000 войска, не только на отрѣзъ отказалъ ему въ поддержкѣ, но и схватилъ трехъ комиссаровъ, посланныхъ туда Арикь-Бугою для сбора дани, отнялъ у нихъ уже собранную сумму, ихъ самихъ умертвилъ, а самъ открыто передался Кубилаю. Естественно, Арикь-Буга, взбѣшенный этимъ безстыднымъ вѣроломствомъ прежняго своего кліента, и не взирая на своего противника на востокѣ, выступилъ противъ Алгу въ поле. Во время его военныхъ операцій на западѣ, Кубилай приходитъ и отнимаетъ у него Каракорумъ, но онъ вознаграждаетъ себя за это торжествомъ надъ Алгу, который принужденъ бѣжать изъ Алмалика сперва въ Кашгаръ и Хотень, а потомъ въ Самаркандъ. Арикь-Буга остается зиму 662 (1263) года въ Алмаликѣ, производитъ между приверженцами Алгу страшную расправу и свою неслыханною жестокостью до того опустошаетъ

край, что скоро послѣ того обнаруживается ужасный голодъ, отъ котораго гибнуть многія тысячи, и такъ какъ причина этого приписывается только тиранству Арикъ-Буги, то лучшіе офицеры скоро и оставляютъ его. Зная, что въ ослабленномъ состояніи онъ не можетъ противостоять нападенію Алгу, онъ сдѣлалъ мирное предложеніе, жертвуя всею землею Чагатайскою. Посредниками были принцесса Органа и Месу'дъ Бегъ. Алгу принимаетъ предложеніе и, для устранения всякой неприязни, женится на развѣнчанной Органѣ. Миръ въ Трансоксаніи опять былъ восстановленъ на нѣкоторое время. Благодаря административному таланту Месу'дъ Бега, не разъ уже испытанному, опустѣвшая казна скоро опять наполняется, чему наиболѣе должно было содѣйствовать, какъ обыкновенно, промышленное и трудолюбивое населеніе Бохары и Самарканда; но вслѣдствіе такого благоустроеннаго состоянія, Алгу скоро удалось поборотъ и второго врага, именно внука Октая, принца Каиду, поддержаннаго ханомъ Бату и объявившаго свои притязанія на сѣверную часть Трансоксаніи, т. е. на провинцію Турвестванъ. Наконецъ въ 662 (1263) году онъ умеръ, похоронивъ прежде свою искренно-любимую супругу ¹⁾.

Теперь Кубилай назначилъ главою Чагатайскаго улуса (рода) *Мубарекъ-Шаха*, сына Кара-Гулагу, какъ показываетъ его имя, могаммеданина, а по описанію — князя кроткаго и справедливаго. Впрочемъ, кажется, что великій ханъ, хотя и вѣдѣлъ своимъ вѣротерпимостью, не совсѣмъ довѣрялъ этому принцу, отпавшему отъ старой вѣры своихъ отцовъ, потому что тайно назначилъ ему въ соправители правнука Чагатая, принца *Борака*, который, тотчасъ по прибытіи ко двору Мубарека, началъ противъ

¹⁾ По Вассафу, Алгу думалъ, что Органа согрѣшила своею чрезвѣрною дружбою съ могаммеданиномъ Трансоксаніи, и поэтому лишилась жизни. Онъ хотѣлъ за то даже отдать города Бохару и Самаркандъ на разграбленіе, но оставилъ это по просьбѣ Месу'да.

него интриговать, солдатъ его довелъ до неповиновенія и его самого свергъ съ престола, чтобы тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовать противъ высокоумѣнныхъ притязаній Каиду на нижнемъ Яксартѣ. Каиду, отецъ 40 сыновей, надѣясь на свою силу, началъ борьбу не только за владычество въ Туркестанѣ и Трансоксаніи, но и изъ-за императорской короны Кубилая, и послѣдній потому и утвердилъ Борака на престолѣ въ Алмаликѣ, что думалъ пріобрѣсти себѣ въ немъ непоколебимо твердаго союзника въ борьбѣ съ Каиду; однакожь сильно ошибся въ расчетѣ. Боракъ въ самомъ началѣ уже держалъ себя совершенно мирно въ отношеніи къ сопернику Кубилая и даже раздѣлилъ съ нимъ искусныхъ оружейниковъ Бохары и Самарканда ¹⁾. Позже, когда Каиду поссорился съ Менгкю Тимуромъ, ханомъ Золотой орды, Боракъ хотѣлъ было воспользоваться этимъ случаемъ и выступилъ противъ перваго въ поле, но Каиду скоро помирился съ Менгкю Тимуромъ и нанесъ въроломному союзнику такое пораженіе на берегахъ Яксарта, что тотъ долженъ былъ поспѣшно бѣжать изъ Туркестана въ Трансоксанію. Его войска, лишившись поэтому имѣвшагося въ виду грабежа и жаждавшія добычи, во чтобы то ни стало, должны были получить удовлетвореніе на родной землѣ. Бездушный тиранъ приказываетъ обывателямъ Бохары и Самарканда покинуть все свое имущество и поспѣшно спастись изъ города, потому что войскамъ обѣщанъ грабежъ. Послѣ многихъ просьбъ и моленій, удалось нѣсколько смягчить жестокое приказаніе

¹⁾ По свидѣтельству Вассафа, Бохара въ это время, т. е. въ 661 (1263) году, имѣла 16,000 жителей, которые, подобно овцамъ, были раздѣлены между различными монгольскими владѣтелями: 5,000 принадлежали роду Бату, 300 принцессъ Сюрюкюктени, матери Гулагу, а прочіе были рабами великаго Каана. При взаимной враждѣ принцевъ изъ дома Дженгиза, эти несчастные страдали больше всѣхъ. Такъ мы узнаемъ, что Гулагу, въ отищеніе за пораженіе, нанесенное ему Берке, владѣтелемъ Кипчака, велѣлъ умертвить многихъ подданныхъ послѣдняго въ Бохарѣ.

тѣмъ, что жители могутъ откупиться тяжелою контрибуціею. И вотъ Боракъ опять готовъ къ бою, но Канду вступаетъ на путь примиренія и для переговоровъ посылаетъ въ Трансоксанію принца Кипчакъ Огула, искренняго друга Борака. Кипчакъ встрѣчаетъ самый сердечный приемъ у послѣдняго, и оба друга осушаютъ обычный кубокъ дружбы, въ которомъ смѣшаны кровь и золото, и становятся *анда* ¹⁾ т. е. союзниками.

Такъ состоялось примиреніе между Боракомъ и Канду весною 667 (1269) года! На равнинѣ ²⁾, къ сѣверу отъ Яксарта, въ продолженіи семи дней праздновали праздники дружбы. Боракъ получилъ двѣ трети Трансоксаніи, а остальная треть, именно Ходжендъ съ окрестностями и до Самарканда, досталась улусу Октая. Но Боракъ и этимъ остался недоволенъ. Онъ жаловался, что былъ надѣленъ хуже всѣхъ прочихъ Джентгизидовъ, и, какъ онъ особенно указывалъ на недостатокъ пастбищъ для его стадъ, то и было рѣшено, чтобы онъ, чрезъ Оксъ, перешелъ въ Хоразанъ и тамъ бы себя вознаградилъ, а Трансоксанію, до крайности обезсиленную и совсѣмъ высосанную, оставилъ бы въ покоѣ, пока жители соберутъ жатву. Месудъ получилъ отъ обоихъ принцевъ приказаніе объѣздить всю страну и уговорить, разбѣжавшихся отъ страха, земледѣльцевъ и ремесленниковъ продолжать ихъ мирныя занятія. Но Боракъ нетерпѣливъ, ему хочется поскорѣе пожать лавры побѣды надъ Абакою, который тогда

¹⁾ Анда по монгольски значитъ союзникъ, обзавшійся клятвою (андагха) къ дружбѣ. Замѣчательно, что, какъ древніе Монголы мѣшали золото съ кровью въ дружескомъ кубкѣ, такъ и у старшихъ Венгровъ былъ обычай, при Алдомасъ (союзѣ) отворять другъ у друга жилу на рукѣ и общую кровь пить изъ одного сосуда. И даже Турки употребляли такую клятву съ христіанскими Венгерцами, какъ это видно изъ историческаго труда Пексова.

²⁾ Д'Оссонъ называетъ эту равнину ошибочно Тала. Тала не собственное имя, но древне-турецкое слово для равнины, и въ этомъ смыслѣ и теперь употребительно на востокѣ центральной Азіи.

управлялъ Персею, и желаетъ, несмотря на жалкое состояніе при-Обскихъ земель, тотчасъ готовиться къ выступленію въ походъ. Месу'дъ позволяетъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя представленія противъ этого желанія, за что и получаетъ семь палочныхъ ударовъ, и хотя Боракъ скоро раскаивается въ этомъ, въ припадкѣ гнѣва сдѣланномъ, наказаніи, все же рѣшается немедленно начать военныя дѣйствія.

Прежде всего онъ отправляетъ Месу'дъ-Бега ко двору Абака, жившаго тогда на зимнихъ квартирахъ въ Мазендранѣ, повидимому, для окончанія нѣкоторыхъ счетовъ, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы добыть свѣдѣнія о военномъ состояніи монгольскаго государя Персеи. Абака открылъ тайный замыселъ чагатайскаго визиря, но только поздно, потому послалъ за нимъ погоню, и Месу'дъ только по особенному счастью избѣгъ своихъ преслѣдователей. Скоро послѣ этого Боракъ отправилъ второе посольство, которое должно было чагатайскаго принца Нигудара, жившаго при монгольскомъ дворѣ Персеи, привлечь на сторону его ближайшихъ соплеменниковъ; но это не удалось, потому что Нигударъ, хотѣвшій перейти въ обходъ чрезъ Кавказъ и по сѣверному берегу Каспійскаго моря на берега Окса, встрѣтилъ препятствія къ исполненію своего намѣренія въ дальновидномъ Абакаѣ. Между тѣмъ Боракъ хорошо вооружилъ и приготовилъ свою армію и, поддержанный многими принцами изъ дома Октая, соединившимися съ нимъ по приказанію Кайду, перешелъ Оксъ при Амухѣ и разбилъ свой лагерь подъ Мервомъ. Первое нападеніе было сдѣлано имъ на брата и генерала Абакаа, по имени Бучинъ (также называемаго Тебшинъ, Тушинъ и Тишинъ), который командовалъ въ округѣ Бадгизъ, въ восточномъ Хоразанѣ, т. е. въ Гератѣ, и отступилъ предъ превосходными силами своего противника. Боракъ его преслѣдовалъ и уже привелъ подъ свою власть весь

Хоразанъ, какъ въ его арміи обнаружилось несогласіе, стоившее ему почти половины его военныхъ силъ ¹⁾, такъ что достаточно было одной искусно употребленной Абакаемъ военной хитрости, чтобы удачное начало превратить въ печальный конецъ. Борака былъ завлеченъ въ засаду ²⁾, и, несмотря на безпримѣрную храбрость своихъ генераловъ, Мергаула и Джелаирти, такъ былъ страшно разбитъ, что самъ, раненный паденіемъ съ лошади, только съ большимъ трудомъ могъ спастись за Оксъ. Тѣломъ и душой разбитый ³⁾, онъ на носилкахъ вступилъ въ Бохару, гдѣ провелъ зиму, и, послѣ бесполезныхъ усилій отомстить вѣроломному союзнику, которому приписывалъ всю бѣду, умеръ весною 669 (1270) года, какъ нѣкоторые увѣряютъ, отъ отравы.

Трансоксанія была избавлена отъ безмокойнаго и безстыднаго тирана и опустошителя, но чаша ея страданій была осушена ею еще только до половины, потому что братоубійственная война между фамиліей Канду и домоу

¹⁾ Первый, отдѣлившійся отъ войска Борака, былъ Киччакъ, уже упомянутый другъ Борака. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ дерзкимъ въ самомъ дѣлѣ поведеніемъ Джелаирти и, несмотря на желаніе Борака наказать послѣдняго, болѣе уже не возвратился къ нему. Второй, оставившій его знамена, былъ Чабать, внукъ хана Кукука.

²⁾ Хитрость была слѣдующая: Борака, не знавшій числа и расположенія непріятельской арміи, послалъ трехъ лазутчиковъ въ лагерь Абакака. Они были схвачены и въ пыткахъ предъ Абакаемъ открыли тайну своего посольства, но въ то время, когда они, привязанные къ столбамъ палатки, ожидали вѣрной смерти, прискакалъ покрытый пылью курьеръ въ лагерь и объявилъ: „государь, въ твое царство вгорлаши безчисленные непріатели изъ Дербенда; западныя провинціи твои опустошены огнемъ и мечемъ, и т. д.“. Послѣ этого эпизода, самимъ Абакаемъ поставленнаго на сцену, поднялось страшное смѣтеніе въ лагерь, и рѣшено ночью же выступить на западъ. Раздался трубный сигналъ къ выступленію, и Абака велѣлъ казнить трехъ шпионовъ, но тихо сказалъ офицеру, которому это было поручено, нарочно позволить одному убѣжать. Ему и удалось благополучно прибыть къ Бораку, и только что онъ сообщалъ пріятную новость, какъ Борака ускоренными маршами двинулся на преслѣдованіе непріатели, но былъ окруженъ скрывавшимися въ засадѣ войсками Абакака и жестоко побитъ.

³⁾ Онъ повредилъ себя несчастнымъ паденіемъ съ лошади.

Чагатая, продолжала еще долго насматывать на города на Зерешанъ всѣ ужасы войны и уничтожать всѣ блага начинанія ихъ обывателей, снова возвратившихся къ своимъ домашнимъ очагамъ ¹⁾). По смерти Борака, Каиду, повелѣвавшій теперь и Туркестаномъ и Трансоксанію, назначилъ главою Чагатайской фамиліи *Никбай*, сына Сарбана, противъ чего возстали сыновья Борака, и, вмѣстѣ съ сыновьями Алгу, ковали оружіе мести въ пылу зажженныхъ городовъ Трансоксаніи. И самъ Никбай скоро взбунтовался противъ своего покровителя, но былъ побѣжденъ и убитъ въ 667 (1269) году. Послѣ него слѣдовалъ *Токатимуръ* и только послѣ этого былъ возведенъ на тронъ сынъ Борака—*Дуа* ²⁾), который примирился съ Каиду и отъ ихъ обоюдныхъ искреннихъ дружескихъ отношеній, можетъбыть, и вздохнулъ бы свободнѣе несчастный ханатъ, если бы не явился третій, именно Абака, для продолженія дѣла разрушенія. Онъ не легко могъ забыть вторженіе Чагатаидовъ въ Хоразанъ, и его визирю Шемс-эд-дину ³⁾ Джувейни, брату часто упоминаемаго историка Джувейни, стоило только, указавъ на разстроенное состояніе Окса, обратить его вниманіе на благоприятную къ возмездію минуту, какъ его армія скоро потомъ вторглась въ 671 (1273) году въ Бохару, грабила, убивала и жгла, сколько душъ было угодно, и возвратилась назадъ, уведя съ собою 50,000 плѣнныхъ и, при

¹⁾ Справедливо говорить д'Оссонъ въ своей *Histoire de Mongols*. II т. стр. 521: „La prosperité ne pouvait être que précaire dans les provinces exposées à la rapacité des nomades turcs et mongols, qui regardant les fruits de l'industrie comme leur proie, n'attendaient que l'occasion de les ravir à leur paisibles possesseurs.“

²⁾ Можно также читать Туа и Тава.

³⁾ Шемс-эд-динъ главнымъ образомъ былъ доведенъ до этого мщенія личнымъ оскорбленіемъ, именно—когда Месу'дъ-Бегъ явился при дворѣ Абака въ качествѣ посланника Борака, Шемс-эд-динъ поспѣшилъ къ нему для его приема и хотя выказалъ къ нему глубокое почтеніе и поцѣловалъ его стремя, но Месу'дъ съ презрѣніемъ сказалъ ему: „Ты государственный канцлеръ? Правда, молва о тебѣ стоитъ болѣе, чѣмъ твоя личность.“ (д'Оссонъ III т. стр. 428, по исторіи Монголовъ Рамид-эд-дина).

всеобщемъ опустошеніи, испепеливши и знаменитую коллегію Месу'діе. Правда, генералы Чаба и Каянъ преслѣдовали ее и отняли у нея нѣсколькихъ плѣнныхъ, но, спустя три года, эти же самые начальники раззорили эту же самую страну непомерною контрибуціею, такъ что несчастная земля долго лежала заглохшимъ пустыремъ, и, только благодаря извѣстной администраціи Месу'дъ Вега, на ея развалинахъ взошли ростки новой жизни. Къ сожалѣнію, Дуа былъ не такой человекъ, отъ котораго Трансоксанія могла бы получить такъ горячо желаемое успокоеніе. Время его, сравнительно долгаго, господства,—онъ правилъ отъ 671 (1272) до 706 (1306) года—прошло въ тяжкихъ и кровопролитныхъ войнахъ, которыя были полезны этому славолюбивѣйшему изъ всѣхъ Чагатаидовъ только тѣмъ, что онъ таки окончилъ соперническую борьбу съ фамиліею Кайду и снова соединилъ сѣверную область Яксарта съ владѣніями дома Чагатая, но за то онъ посѣтилъ Трансоксанію еще большими бѣдствіями. Послѣ того, какъ цѣлыя 20 лѣтъ кипѣла упорная борьба между Кайду и Кубилаемъ, на побережьяхъ Окса и Яксарта, Кайду, въ союзѣ съ Дуа, захотѣлъ теперь продолжить ее и въ землѣ великаго Каана Темура, слѣдовавшаго за Кубилаемъ. Въ 701 (1301) году, скоро послѣ возвращенія Дуа изъ Индіи, съ разбойническаго похода въ Лахоръ, соединенныя войска Кайду и Дуа, въ рядахъ которыхъ дрались 40 принцевъ изъ обѣихъ упомянутыхъ фамилій, напали на сѣверный Китай. Между Каракорумомъ и рѣкою Тамиръ они наткнулись на войска императора, и Кайду, одержавшій побѣду, какъ говорятъ, въ 41 сраженіи, былъ разбитъ въ 42-мъ ¹⁾ и умеръ на обратномъ пути отъ болѣзни. Старшій изъ его сыновей, Чабаръ, былъ

¹⁾ По Вассафу, Кайду и здѣсь, по обыкновенію, одержавъ побѣду и умеръ отъ болѣзни въ пустынѣ уже послѣ того, какъ началъ обратное движеніе съ большою добычею.

назначенъ, по предложенію Дуа, главою Кандуской фамиліи. Дуа и Чабаръ примирились съ великимъ Кааномъ, но скоро поссорились между собой, и въ первой битвѣ, происходившей въ 703 (1303) году между Самаркандомъ и Ходжендомъ, Дуа одержалъ побѣду. Позже, Чабаръ нѣсколько оправился, но какъ во время войны онъ возбуждалъ противъ себя непріязнь и великаго Каана, то ему ничего не оставалось, какъ отдаться Дуа, который принялъ его дружески, чтобы чрезъ это опять включить въ Чагатайскій ханатъ Туркестанъ, силою отторгнутый отъ него Кайдуидами.

Дуа умеръ въ 706 (1306) году. Ему наслѣдовалъ его сынъ *Кѣндчюкъ*, но скоро умеръ, и правленіе перешло въ руки *Таликава*, Чагатаида изъ линіи Моатугана, павшаго при Баміанѣ. Это былъ второй монгольскій князь на тронѣ Трансоксаніи, перешедшій въ исламъ, но его ревность къ вѣрѣ, должно быть, была слишкомъ велика, потому что монгольскіе офицеры его двора составили противъ него заговоръ и умертвили его во время праздника. На его мѣсто былъ поставленъ *Кебекъ*, сынъ Дуа, столько же храбрый, сколько и справедливый князь. Чабаръ и съ нимъ продолжалъ войну, которую такъ неудачно велъ съ его отцемъ, но былъ опять разбитъ, а съ этимъ исчезла послѣдняя надежда потомковъ Октая на престолъ Туркестана. Почему Чагатаиды призвали на тронъ *Эзенбуку*¹⁾, старшаго брата Кебека, который тоже далъ на это свое согласіе, не совсемъ понятно;—впрочемъ, довольно знать, что Эзенбука въ 709 (1309) году выступаетъ на сцену и до 716 (1316) года, слѣдовательно, въ продолженіи семи лѣтъ, играетъ роль главы Чагатайскаго улуса и въ этой роли ведетъ довольно роковую для Трансоксаніи войну съ Олд-

¹⁾ Я читаю Эзень, а не Изень, какъ д'Оссонъ. Эзень—турецкое слово въ смыслѣ *здоровый, сильный*.

жанту, монгольскимъ княземъ Персін. Именно — Эзенбука вѣшался въ войну съ Тобаджи, генераломъ великаго Каана Ваянту, и потерпѣлъ неудачу, и, чтобы вознаградить себя за потери на востокѣ, захотѣлъ овладѣть Хоразаномъ. Поэтому его армія, въ которой участвовали многіе принцы, переходитъ Оксъ въ 715 (1315) году, одерживаетъ при Мургабѣ побѣду надъ Эмиромъ Язауломъ, хоразанскимъ губернаторомъ, и преслѣдуетъ его до рѣки Герата. Такимъ образомъ эта часть Хоразана перешла во владѣніе Эзенбуки, котораго люди, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, терзали эту провинцію всѣми ужасами монгольскаго владычества и, навѣрно, остались бы въ ней и долѣе, если бы появленіе великаго Каана на Иссыкколѣ не принудило Эзенбуку къ отступленію. Къ сожалѣнію, Трансоксанія очень скоро должна была расплатиться за этотъ разбойничій набѣгъ своего князя. Какъ Абака въ свое время не оставилъ не отмщеннымъ нападеніе Ворака, такъ точно поступилъ теперь и Олджанту, монгольскій государь Персін, позже принявшій имя Худабенде ¹⁾ (божій слуга). Яссаверъ, братъ Эзенбуки, исповѣдывавшій исламъ и очерченный предъ послѣднимъ, искалъ и нашелъ убѣжище при дворѣ монгольскаго государя Персін. Въ то время, когда онъ велъ войну со своимъ братомъ, два корпуса, посланные ему на помощь Олджанту, перешли Оксъ и въ 716 (1316) году рѣшили бой въ его пользу. Эзенбука обратился въ бѣгство, и Трансоксанія снова была отдана на жертву самымъ ужаснымъ опустошеніямъ. Обитатели Бохары, Самарканда и Термеза должны были среди суровой зимы покинуть родину и тысячи этихъ несчастныхъ погибли на пути. Тѣмъ

¹⁾ Худабенде единственный монгольскій государь Персін, справедливость котораго и до сихъ поръ живетъ въ памяти турецкаго населенія Азербайджана. Въ развалинахъ его, прежде великолѣпной, гробницы въ Султанин и слышалъ изъ устъ народа много анекдотовъ о немъ.

временемъ Эзенбука сходитъ со сцены, а Кебекъ опять занимаетъ свое прежнее мѣсто, наказываетъ своего мятежнаго брата, причинившаго странѣ столько бѣдъ, и умираетъ въ 721 году.

Но около этого времени также начинается очень быстро закатываться и счастливая звѣзда Монголовъ въ западной Азіи. Тщетно силится Эбусайдъ въ Иранѣ и Арабистанѣ возстановить значеніе династіи. Принятіемъ ислама и западно-азиатскаго просвѣщенія Монголы утратили, вмѣстѣ съ грубой силой своей старой степной родины, и свое значеніе и, подобно львамъ, лишившимся своей гривы, уже нигдѣ болѣе не могли внушать прежняго страха. И какъ въ эпоху паденія Сельджуидовъ, эмиры, управлявшіе провинціями, находили въ слабости своихъ государей силу для преслѣдованія своихъ собственныхъ интересовъ, такъ точно и вассалы Арпа-хана, преемника Эбузаида, выступили смѣло противъ своего законнаго государя и начали тогда уже раздробленіе Имперіи, основанной кровавымъ оружіемъ Тули и Гулагу. Въ Трансоксаніи и Туркестанѣ, въ почвѣ которыхъ грубый милитаризмъ укоренился глубже и всегда находилъ себѣ болѣе пищи, Дженгизиды съумѣли заставить гораздо долѣе чувствовать и варваризмъ ихъ происхожденія, и ужасъ ихъ перваго появленія, но и здѣсь господствующая фамилія скоро потеряла свой прежній блескъ, и государи, послѣ Кебека воссѣдавшіе на престолѣ, до Кабилшаха ¹⁾, послѣдняго изъ Чагатаидовъ, или управляли срав-

¹⁾ Полный списокъ Чагатаидовъ на престолѣ Трансоксаніи и время ихъ вступленія на престолъ, по д'Оссону, слѣдующіе: 1) Чагатай (цифры года недостають у д'Оссона, но онъ, какъ извѣстно, вступилъ въ управленіе въ 1222 году). 2) Кара Гулагу—1224. 3) Йиссу Мангу (у меня Визю) 1247. 4) Регенство Аргунъ (Органы), вдовы Кара Гулагу 1252. 5) Алгу 1260. 6) Мобарекъ-шахъ 1266. 7) Боракъ. 8) Никбан 1270. 9) Тока Тимуръ 1272. 10) Дуа. 11) Гундшукъ (Кбнджукъ) 1306. 12) Таликуа 1308. 13) Эзенбука 1309. 14) Кебекъ. 15) Илтегидай 1321. 16) Туре Тимуръ. 17) Тармаширинъ. 18) Бузанъ 1330. 19) Джинкинъ. 20) Йиссунъ Тимуръ. 21) Али-султанъ изъ дома Окта. 22) Фуладъ. 23) Могаммедъ. 24) Касанъ 1383.

нительно только короткое время, или же были не больше, какъ куклами въ рукахъ властолюбивыхъ визирей. Что содержать лѣтописи о происшествіяхъ этого періода въ Трансоксаніи, ограничивается только упоминаніемъ о нападѣніи на Хоразанъ при князѣ *Алаэддинъ Тарма-ширинъ*, который въ 726 (1325) году былъ разбитъ при Газнинѣ и спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ за Оксъ. Тарма-ширинъ, арабскимъ путешественникомъ Ибнъ Батутою, гостившимъ у него въ Бохарѣ почти два мѣсяца, изображается, какъ чрезвычайно благочестивый могаммеданинъ, котораго религиозная ревность доходила до того, что онъ позволялъ молѣть, во всенародной проповѣди, наставлялъ его въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, даже, молча, проливалъ слезы, и, въ послѣдствіи, за эту привязанность къ могаммеданской вѣрѣ, потерялъ тронъ и жизнь, именно: онъ былъ умерщвленъ подлѣ Самарканда ¹⁾, по приказанію своего преемника, *Бозана* ²⁾, который, только по имени мусульманинъ, заставилъ жителей Трансоксаніи почувствовать всю ярость его тиранніи. Тогда они обратились за помощію къ сосѣднему

25) Данишмендже 1346. 26) Баянкули. 27) Тимуръ-шахъ. 28) Туклукъ Тимуръ. 29) Илія Ходжа 1362. 30) Кабишахъ. О послѣднихъ изъ этихъ князей потому не сдѣлано здѣсь никакого упоминанія что ихъ приврачное господство находится лѣтъ тѣсной связи съ описываемыми въ слѣдующей главѣ дѣяніями Тимура. Мирхондъ, въ своей исторіи Чагатаидовъ, заставляеть членовъ этой фамиліи позже фигурировать въ качествѣ предводителей Четовъ и тѣхъ Монголовъ, которые при Юнисъ-ханѣ приобрѣли себѣ извѣстность сѣверной Ферганѣ, но мнѣ кажется, онъ ошибается, потому что, какъ въ послѣдствіи мы увидимъ, князья Четовъ и тѣхъ Монголовъ происходятъ изъ дома Канду.

¹⁾ По словамъ автора сочиненія Матла эсъ саадейя, Тарма-ширинъ заболѣлъ въ Нахшебѣ въ 727 (1326) году оттого умеръ, слѣдовательно обыкновенною смертію

²⁾ По свидѣтельству Ибнъ Батуты, этотъ Бозанъ, котораго онъ называетъ Бузунъ, былъ побѣжденъ и умерщвленъ Халиломъ, синоиъ Езавера. Халилъ даже дошелъ будто бы до Алмалнеа и на голову разбилъ монгольское войско при Таразѣ. По возшествіи на престолъ въ Бохарѣ, онъ восталъ противъ султана Гусейна Керта, помогавшаго ему во всѣхъ его предпріятіяхъ, но былъ побѣжденъ и плѣнникомъ отведенъ въ Герать, гдѣ арабскій путешественникъ встрѣтился съ нимъ въ концѣ 747 (1346) года (Voyages d'Ibn Batoutah. Paris 1853. III т. стр. 48—51).

могаммеданскому князю, — и начались тѣ войны, въ которыхъ видную роль игралъ знаменитый Таджикъ, Гусейнъ Кертъ, вырвавшій Хоразанъ изъ рукъ Арпа-хана. Избавленный постояннымъ военнымъ счастьемъ, Гусейнъ напалъ на Андхой и принадлежавшій Бохаръ Шибурганъ, гдѣ обитали турецкія племена Арлатъ и Айберди. Турки эти для своей защиты выступили противъ Гусейна, но были разбиты и обратились за помощью къ своему *Казанъ-хану*, или, лучше сказать, къ своему визирю Эмиру Казгану, которому и удалось привести Гусейна Керта къ покорности. Этотъ Эмиръ Казганъ, могущественный вассаль, возводившій князей на престолъ Трансоксаніи, заслуживаетъ тѣмъ болѣе упоминанія, что изъ его дѣйствій лучше всего видно безсиліе послѣднихъ Чагатаидовъ. Казанъ, сынъ Язавера, вступилъ на тронъ въ 733 (1332) году. Это былъ кровожадный тиранъ, о которомъ Мирхондъ рассказываетъ намъ, что высшіе офицеры, отправляясь къ нему на Курилтай, напередъ составляли дома духовное завѣщаніе. Долго свирѣпствовалъ онъ на тронѣ, пока, наконецъ, его визиремъ сдѣлался Казганъ, который тотчасъ принялъ рѣшеніе свергнуть его съ престола. Для этого онъ прежде привлекъ на свою сторону войска, а потомъ открыто возсталъ противъ него. Въ первомъ сраженіи, которое происходило между противниками въ 744 (1343) году, или, какъ утверждаетъ Мирхондъ, два года позже, побѣда осталась на сторонѣ Казана. Стрѣла лишила Эмира Казгана глаза, но Чагатайдъ не могъ продолжить своего успѣха и долженъ былъ возвратиться въ Карши. Здѣсь онъ остался зимовать. Жестокая стужа побила его лошадей, и когда онъ возобновилъ войну на слѣдующую весну, то былъ побѣжденъ и умеръ послѣ 14-лѣтняго управленія. Эмиръ Казганъ предпочиталъ безопасно предаваться удовольствіямъ охоты и потому, вовсе не желая взять въ свои руки правленіе, возвелъ на престолъ принца, *Даншимендше Огланъ*, но чрезъ два

года и его велѣлъ умертвить и сдѣлалъ государь *Баянъ-Кули* и, навѣрно, еще долго такимъ образомъ самоуправствовалъ бы, если бы его не убилъ на охотѣ его шурина Кутлукъ Тимуръ. Сынъ его Абдаллахъ, наслѣдовавшій его санъ, но не значеніе, не могъ защитить ни себя, ни своего законнаго государя, противъ все болѣе и болѣе усиливавшейся власти вассаловъ и долженъ былъ позже погибнуть въ войнѣ съ Эмиромъ Хаджи Сейфеддиномъ Берласъ. Хотя послѣдній и убѣждалъ въ Хоразанъ отъ Чагатайда, *Туклукъ Тимура*, послѣдшившаго изъ Алмалика, чтобы положить конецъ анархическому состоянію, но онъ оставилъ по сю сторону Окса своего племянника, по имени Эмира Тимура, которому суждено было не только низвергнуть потомковъ Чагатая ¹⁾ съ престола Трансоксаніи, но и разрушить гнилое зданіе монгольскаго владычества во всей Азійи и при этомъ, къ сожалѣнію, снова обогреть міръ кровью сотенъ тысячъ несчастныхъ жертвъ.

Въ заключеніе этого печальнаго отдѣла исторіи Трансоксаніи, намъ желательно бросить взглядъ на культурныя и общественныя отношенія, характеризующія эту эпоху. Среди жестокихъ опустошеній, произведенныхъ Монголами, могла процвѣтать единственно только религіозная наука и ея представители. Уже при первыхъ Чагатайдахъ принципъ вѣротерпимости ²⁾, также какъ и подсказанное суетвѣріемъ уваженіе къ какимъ бы то ни было священникамъ, доставили туркестанскому духовенству извѣстную защиту, и въ каждомъ городѣ былъ тотъ или другой благочестивый мужъ, у котораго мусульмане искали убѣ-

1) Я нарочно говорю потомковъ Чагатая, потому что, хотя владычество Дженгизидовъ пало во всей остальной Азійи, но на престолѣ Трансоксаніи и теперь еще держится бокова вѣтвь, по женской линіи, потомковъ этого всемірнаго бойца, изъ фамиліи Джюджи.

2) Эта вѣротерпимость находитъ лучшее свое выраженіе въ той неприкосновенности, какую пользовались у корыстолюбивыхъ и хищныхъ Монголовъ извѣстныя священныя гробницы въ Турке танѣ. Такъ, между прочими, заслуживаютъ удивленія богатство и великолѣпіе найденныя Ибнъ Батутою на могилѣ Котгамъ-ибнъ-Аббаса, вблизи Самарканда.

жища въ минуту опасности. Такимъ образомъ духовны пастыри скоро стали и свѣтскими защитниками и, начиная съ этого времени, Садръ-и-Шеріать (духовный начальникъ) и верховный судья, также какъ и другія лица, извѣстныя своимъ благочестіемъ, приобрѣли въ городахъ Трансоксаніи такое неограниченное вліяніе, какого не найти нигдѣ во всемъ могомеданскомъ мірѣ,—вліяніе, которое даже и до сихъ поръ сохраняется ненарушимо въ землѣ, уже много вѣковъ управляемой мусульманскими князьями. Подобно отдѣльнымъ членамъ владѣтельнаго дома, ученые, въ династическомъ порядкѣ, занимаютъ свои мѣста въ духовной іерархіи. Между многими изъ нихъ особенною славою пользовались фамилія Ситаджи и фамилія Хавендъ. Основатель первой—Джемаль-эд-динъ Ситаджи, эзегетъ и авторъ многихъ суфическихкихъ стихотвореній, поселился въ Ходжентъ въ 628 (1230) и умеръ въ 640 (1242) году, во время нашествія Дженгиза. Вторая—жила въ Бохарѣ, и наиболѣе выдающимися ея членами были: Мевлана Кемаль-эд-динъ, сынъ знаменитаго профессора и Муфти Эмира Шемс-эд-дина Хавенда. Онъ извѣстенъ какъ авторъ Минхадша-уль-Музеккерина, драгоценнаго біографическаго творенія, также и многихъ дивановъ, и умеръ въ 671 (1272) году, въ первый день грабежей войскъ Абакайскихъ въ Бохарѣ, о чемъ мы упоминали выше. Далѣе, Хавендъ-шахъ Фахр-эд-динъ и молла Тадж-эд-динъ, ученый авторъ Бостанъ - и - Музеккерина, умершій въ 730 (1329) году. Позже, когда послѣдніе Чагатаиды приняли исламъ (обращеніе въ эту вѣру происходило въ большихъ размѣрахъ во время Тармаширина); — это духовное направленіе нашло въ религіозной ревности новообращенныхъ князей еще болѣе могучихъ двигателей. Мы видимъ потомковъ монгольскаго міропотрясателя ¹⁾, которые въ мечети, въ

1) Это былъ Ала-эд-довлекъ Тармаширинъ, какъ свидѣтельствуетъ Ибнъ Батута.

присутствіи народа, выслушиваютъ отъ фанатическаго моллы выговоръ въ проповѣди и, съ краской въ лицѣ, или даже со слезами на глазахъ, просятъ прощенія; и совершенно понятно, почему величайшій мистическій поэтъ Востока, питавшій отвращеніе къ сильной привязанности къ внѣшней формѣ, въ своемъ превосходномъ Месневи обращается съ слѣдующимъ двустипіемъ къ восторженному суфи того времени, идущему въ Бохару для исцѣленія своего сердца, больного отъ любви къ религіи:

«Бохара миреви диваней
 Лаик-и-зенджир-и-зинданханей.»
 Ты идешь въ Бохару, о безумецъ!
 Стоитъ въ цѣпи заковать тебя.

Х.

Эмиръ Тимуръ.

765 (1363)—807 (1405).

Преобладаніе турецкихъ элементовъ во всѣхъ частяхъ Трансоксаніи было однимъ изъ важнѣйшихъ этнографическихъ переворотовъ, вызванныхъ нашествіемъ Монголовъ на центральную Азію. Явившись сюда изъ восточныхъ долинъ Тянь-Шаня и изъ Алтайскихъ горъ союзниками и помощниками Монголовъ, Турки тѣмъ скорѣе могли водвориться на берегахъ Окса, что здѣсь они нашли своихъ соплеменниковъ и братьевъ, которые уже съ давняго времени основали здѣсь свою родину, насколько это возможно Турку, и, какъ испытанные воины, сдѣлались участниками въ почестяхъ и достоинствахъ первыхъ династій. Мало уступая Монголамъ въ искусствѣ раззореній, убійствъ и грабежей, Турки легко могли оставаться въ постоянной милости у Чагатаидовъ. Такъ какъ послѣдніе, питая отвращеніе къ пепелищамъ древне-иранской культуры, жили съ замѣтной охотой или на крайнемъ востокѣ, или на крайнемъ сѣверѣ наслѣдственной земли Чагатаидовъ, то и турецкіе старшины племенъ уже рано были извѣстны какъ ихъ собственные уполномоченные и намѣстники въ Трансоксаніи, и даже часто, какъ увидимъ, смѣшиваемы съ ними; и турецкое вліяніе на послѣднихъ Чагатаидовъ было такъ сильно, что они, едва помня монгольское нарѣчіе, упо-

требляли турецкій языкъ, какъ придворный и разговорный. Пока потомки Дженгизъ-хана обладали дѣйствительною силою и величіемъ, эти Турки были самыми вѣрными служителями ихъ воли, но когда наступило время паденія, они вездѣ старались занять мѣсто своихъ прежнихъ господъ. Чагатайское царство распалось на части и, какъ къ сѣверу отъ Самарканда, роды Джелаиръ и Солдузъ первые присвоили себѣ господство, такъ и на югѣ, именно въ Кешѣ и Нахшебѣ, домъ Берласть водрузилъ знамя самостоятельности на развалинахъ монгольскаго владычества.

Изъ этого послѣдняго рода, и именно изъ фамильной его вѣтви Кѣрекенъ ¹⁾, произошелъ Тимуръ-бегъ, извѣстный въ Европѣ подъ именемъ Тамерлана или Тамерленка ²⁾. Онъ явился на свѣтъ въ 736 (1333) году 5-го ша'бана во-вторникъ вечеромъ въ Кешѣ, въ предмѣстьи, которое за свою роскошную растительность носило прозваніе Шегри-

¹⁾ Отношеніе между родомъ (Stamm) и вѣтвью, какое я изложилъ въ моей книгѣ путешествій, у номадовъ центральной Азіи имѣло прежде, естественно, болѣе рѣзкія разграниченія. Родъ Тимура былъ Берласть, а *фамильная вѣтвь* Кѣрекенъ; слово это значитъ тоже, что и *прекрасный*. Клапротъ и многіе изъ моихъ предшественниковъ могли бы вовсе не трудиться отождествлять его съ курканъ или курханъ и переводить его словомъ „Grosschan“ (великій ханъ).

²⁾ Поэтому двойнѣ ошибочно мнѣніе о монгольскомъ происхожденіи Тимура, раздѣляемое, согласно съ показаніями Мирхонда и Шереф-эддина, Вейлемъ, Гаммеромъ и многими другими ориенталистами. Происхожденіе Тимура отъ Караджара Ноина—пустая басня, потому что объ этомъ мнимо мъ визирѣ Чагатая нигдѣ не упоминается въ Джиганкушѣ, изъ котораго черпали Рашид-эддинъ, Вассафъ, Мирхондъ и другіе. Что Тимура считали Монголою, это слѣдуетъ приписать только тому обстоятельству, что Персы долгое время смотрѣли на Чагатайское Ханство или Трансоксанію, какъ на составную часть Монгольской Имперіи—и это естественно, вслѣдствіе господствовавшего употребленія монгольскаго языка и югуро-монгольскихъ письменъ, которыми тогда вездѣ турецкія слова. Клавихо, посланникъ Генриха III Кастильскаго ко двору Тимура, говорить слѣдующее: „территорія Имперіи Самаркандской называется Монголією и туземный языкъ ея монгольскій, котораго, впрочемъ, не понимаютъ на этомъ берегу рѣки (Окса). И письмо, употребляемое на Самаркандской сторонѣ рѣки (именно югурскіе знаки), не понятво на этомъ (персидскомъ) берегу. Императоръ (Тимуръ) имѣетъ многихъ янсповъ, которые могутъ писать и читать эти монгольскія письма.“ (Narrative of the

Зебсь, «зеленый городъ» ¹⁾, перенесенное потомъ и на весь городъ. Отець его Тургай (перепель) ²⁾ былъ главою рода Берласъ и потому получилъ въ управленіе отъ Эмира Казгана провинцію Кешъ и Нахшебъ. Онъ оставался до самой смерти своей вѣрнымъ приверженцемъ послѣдняго, и молодой Тимуръ, обнаружившій уже рано признаки храбрости и ловкости наѣздника, былъ воспитанъ отцомъ своимъ въ строго могоammedанскомъ направленіи и въ духѣ тѣхъ политическихъ его убѣжденій, которыя имѣли цѣлью ниспроверженіе монгольскаго господства. Не давая полной вѣры льстецу, историографу Шереф-эд-дину, слѣдуетъ, однакожь, принять за достовѣрное, что Тимуръ уже въ годахъ юности чужалъ въ себѣ жало честолюбія и предчувствовалъ свое будущее величіе. Въ своей автобіографіи ³⁾ онъ говоритъ: „уже на двѣнадцатомъ году я воображалъ въ себѣ слѣды необыкновенной мудрости и величія и принималъ съ замѣтною гордостью и достоинствомъ каждаго, кто меня посѣщалъ. На восемнадцатомъ году я не менѣе возмечталъ о своемъ искусствѣ въ наѣзд-

Embassy of Ruy Gonsalez de Glavijo to the court of Timour at Samarkand A. D. 1403—6, translated by Clements. R. Markham, F. R. G. S. London Nachluyt Society 1859).

¹⁾ Въ классическомъ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ Бабернамежъ, Баберъ рассказываетъ, что въ Кешѣ стѣны и террасы домовъ весною почти совсѣмъ покрыты роскошными вьюнками и прочими растеніями.

²⁾ Не Та;гай, какъ читаетъ Вейль (Geschichte des Chalifen in Egypten. II т. стр. 21).

³⁾ Это произведеніе носитъ названіе „Тююк-и-Тимуръ“, т. е. разпораженія Тимура (отъ турецкаго *Tyuyuk* = законъ и арабскаго окончанія множественнаго числа *-at*); поэтому его скорѣе слѣдуетъ принять за книгу законовъ, въ родѣ Язау Дженгиза. Но такъ какъ Тимуръ въ немъ рассказываетъ и эпизоды своей удивительной жизни, а также излагаетъ и мотивы своихъ наиболѣе выдающихся дѣяній, то на это произведеніе, по справедливости, можно смотрѣть и какъ на жизнеописаніе. Первая копія привезенная англійскимъ майоромъ Дэви изъ Индіи въ Европу, состоитъ изъ 457 страницъ въ 8-ю долю листа на персидскомъ языкѣ. слѣдуетъ переводъ. Оригиналъ, написанный по-чагатайски, найденъ въ библиотекѣ Джафара, губернатора Емена. Онъ былъ переведенъ сперва на персидскій, а въ 1830 году, майоромъ К. Стюартомъ, на англійскій языкъ. (Примѣч. въ упомянутой выше книгѣ Меркэма, стр. XV).

ничествѣ и въ охотѣ и проводилъ время въ чтеніи ко-
рана, въ шахматной игрѣ и въ конныхъ упражненіяхъ.“
Не диво послѣ этого, если онъ на 20 году, когда отецъ,
въ знакъ его совершеннolѣтія, далъ ему отдѣльный аулъ
(дворъ), привязался, для утоленія своей жажды къ дѣя-
тельности, къ такому человѣку, подѣ знаменами котораго
думалъ съ успѣхомъ пройти курсъ войнъ и привлеченій.
Этотъ человѣкъ былъ упомянутый въ предыдущей главѣ
Эмиръ Казганъ, къ которому его отправилъ его отецъ въ
758 (1356) году, и которому юноша такъ понравился,
что тотъ отдалъ за него свою внуку Олджай Турканъ-
Хатунъ, дочь своего сына Села ¹⁾ хана и взялъ его съ
собою въ качествѣ Мингбаши (тысяченачальникъ) во вто-
рой походъ въ Хоразанъ, противъ Гусейна Керта. Это
было въ 760 (1358) году. Походъ увѣнчался успѣхомъ,
но Казганъ скоро потомъ палъ жертвою убійцы; въ это
время Тимуръ потерялъ и своего отца, поэтому, удручен-
ный двойною горестью, рѣшился принять дружеское пред-
ложеніе Эмира Гусейна, внука умерщвленнаго Эмира Каз-
гана, чтобы, соединившись съ нимъ, отмстить убійцѣ своего
благодѣтеля. Отъ войнъ, слѣдовавшихъ за этимъ рѣшені-
емъ, пламя анархіи вспыхнуло въ Трансоксаніи еще силь-
нѣе, и Туклукъ ²⁾ Тимуръ, временный глава улуса, на-
ходя, что наступилъ послѣдній срокъ защитить интересы
своей династіи отъ конечной гибели, двинулся изъ Алма-
лика противъ Самарканда съ арміею, состоявшею большею
частью изъ Джетовъ ³⁾, твердо рѣшившись, изгнаніемъ мя-

¹⁾ Не Маслахъ какъ читаютъ Шти-де-за Круа и д'Эрбело, введенные
въ обманъ искаженною рукописью. Правильное изображеніе этого слова
такое: ; оно значить по-турецки — родина, отечество.

²⁾ Не Тоглукъ, какъ читаютъ Вейль, Гаммеръ и другіе. Тукъ, по-ту-
рецки значить знамя, а Туклукъ — снабженный знаменемъ.

³⁾ Джетами, а не Гетами (Geten), какъ ошибочно пишетъ Вейль, на-
зывались тѣ турецкіе народы, которыхъ родина граничила съ собствен-
ною Монголіею и остатками которыхъ въ настоящее время считаются

тежныхъ вассаловъ, укрѣпить тронъ своего предка. При его появленіи нѣкоторые изъ нихъ изъявили покорность, другіе же, какъ напр. Гаджи Сейф-эд-динъ Берласъ, сдѣлавшійся, по смерти Тургая, главою племени, — бѣжали въ Хоразанъ, между тѣмъ какъ молодой Тимуръ былъ дружески принятъ Чагатаидами, ко двору которыхъ явился, и получилъ въ удѣлъ провинцію Кешъ. Пока Туклукъ-Тимуръ оставался въ Трансоксаниі, тамъ царствовало, повидимому, спокойствіе, но только что онъ удалился на востокъ, какъ безпокойные начальники снова возмущились и принудили его къ вторичному вооруженному вмѣшательству. Будущій завоеватель Азіи и этотъ разъ велъ себя покойно, и Туклукъ, явившись въ Самаркандъ во главѣ арміи, поставилъ тамъ вице-королемъ своего сына Илію Ходжу, совѣтникомъ же его оставилъ Тимура, какъ самаго вѣрнаго сторонника его интересовъ.

Напередъ уже можно было полагать, что эта роль опекуна при монгольскомъ принцѣ не особенно понравится Тимурѣ, который свою дѣятельность до сихъ поръ употреблялъ только какъ средство къ далекой цѣли. Поэтому онъ въ самомъ началѣ поссорился съ министромъ принца, тайно покинулъ дворъ Самарканда и, въ сопровожденіи только нѣсколькихъ приверженцевъ, отправился въ пустыню, которая протягивается до Каспійскаго моря между нынѣшними ханствами Бохарскимъ и Хивинскимъ. Это и есть то самое время, когда ему пришлось вполне испробовать всю неприятность своего, исполненнаго странныхъ приключеній, жизненнаго поприща, — бѣдствія и лишенія странствующаго по негостепримной степи рыцаря. Въ своихъ достопамятностяхъ Тимуръ рассказываетъ съ трогательною простотою, какъ онъ

только Буруты. Эти Буруты и теперь еще называются въ средней Азіи Чете Могуль—крайніе Монголы, отъ турецкаго четъ—край, сторона и Могуль—Монголы.

съ своею вѣрною супругою Олджан, въ сопровожденіи Эмира Гусейна, встрѣченнаго имъ въ пустынь, бродилъ дни и ночи безъ всякой пищи и питья въ продолженіи цѣлаго мѣсяца и, наконецъ, попалъ въ плѣнь къ Туркману, который держалъ искренно любимую половину его въ заперти въ коровникѣ, гдѣ все было покрыто насѣкомыми и червями. Дѣйствительно, тяжелая школа для того, кто потомъ половину Азіи привлекъ подъ свой скипетръ, но она была, главнымъ образомъ, тѣмъ горниломъ несчастія, въ которомъ Тимуръ (т. е. желѣзо) закалилъ себя въ крѣпкую сталь для блестящей будущности. Уйдя вмѣстѣ съ своими изъ плѣна, онъ тайно явился въ Кешъ, собралъ вокругъ себя нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по оружію, бывшихъ еще товарищами въ его дѣтскихъ играхъ, и сперва рыскалъ съ ними по берегамъ Окса, потомъ предпринялъ набѣгъ на Систанъ, и здѣсь, воюя съ перемежнымъ счастьемъ, то отнималъ у Белуджей одно или другое укрѣпленное мѣсто, то терпѣлъ пораженія и при одномъ изъ нихъ получилъ такую рану, что потомъ хромалъ всю жизнь, почему и названъ былъ Персами Тимурленкомъ, т. е. хромымъ Тимуромъ ¹⁾). Въ то время, когда онъ былъ оторванъ отъ поприща дѣятельности леченіемъ ранъ, его товарищъ Гусейнъ завладѣлъ Белхомъ. Вскорѣ и Тимуръ послѣдовалъ туда; число его приверженцевъ быстро возрасло до 1500 человекъ, и онъ почувствовалъ себя въ состояніи стать лицомъ противъ войска, посланнаго Илію Ходжею для его преслѣдованія. Въ 765 (1363) году на лѣвомъ берегу Окса, вблизи Кундуза, произошла первая между ними битва, изъ которой Тимуръ вышелъ побѣдителемъ, несмотря на то, что противникъ вступилъ въ бой съ войскомъ, въ пять разъ пре-

¹⁾ Злостная выдумка сирійскаго ученаго Ахмеда-бнъ-Арабшаха, что Тимуръ, по происхожденію пастухъ, былъ пойманъ въ кражѣ овцы и побитъ до хромоты, нашла себѣ вѣру только у отъявленныхъ враговъ татарскаго завоевателя.

восходившимъ его войско числомъ, и, ободренный этимъ военнымъ счастьемъ, отбросилъ Илію Ходжу, со всѣми его силами, на противоположный берегъ рѣки.

Теперь начинается безустанное преслѣдованіе Джетовъ, и одновременно съ этимъ, и совершенное изгнаніе Чагатаидовъ изъ Трансоксаніи, что Тимуръ могъ начать тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что именно въ это время скончался воинственный Туелукъ-Тимуръ-ханъ, а его сынъ удалился за Яксартъ, въ Алмаликъ, для овладѣнія отцовскимъ престоломъ. Когда послѣдніе Монголы очистили Трансоксанію, Тимуръ вступилъ въ Самаркандъ, гдѣ былъ привѣтствованъ жителями самымъ дружескимъ образомъ и гдѣ, среди празднествъ, появилась и его вѣрная супруга, жившая до того времени въ скрытности. Теперь Тимуръ былъ на самомъ дѣлѣ государемъ своей родной земли и могъ бы тотчасъ взойти на престолъ въ Самаркандѣ, но онъ видѣлъ, что, для достиженія конечной цѣли своихъ стремлений, ему предстоитъ еще преодолѣть много трудностей, устранить многихъ противниковъ, и потому, чтобы не увеличивать числа своихъ завистниковъ принятіемъ княжескаго титула, рѣшился помѣстить на оставленномъ Илію Ходжею тронѣ Чагатая другого потомка этой фамилии. Онъ созвалъ Курилтаи, велѣлъ провозгласить Кабилшаха государемъ и скоро потомъ, усиливши свою власть и значеніе, снова принялся за исполненіе славоблывыхъ плановъ своего поприща.

Можно было предвидѣть, что Джеты не такъ легко перенесутъ потерю Трансоксаніи, и, въ самомъ дѣлѣ, едва только Тимуръ отдохнулъ зиму въ Самаркандѣ, какъ получилъ донесеніе о нападеніи ихъ подъ предводительствомъ Иліи Ходжи. Онъ тотчасъ увѣдомилъ объ этомъ своего друга Эмира Гусейна, который присоединяется къ нему съ значительными военными силами, и, въ то время, когда Тимуръ разбиваетъ свой лагерь между Чиназомъ и Ташкен-

домъ, Гусейнъ переходитъ Яксартъ и выстраивается противъ наступающаго непріятеля. Правому крылу, командующему Тимуромъ, удалось отбросить непріятеля, но лѣвое, — подъ начальствомъ Эмира Гусейна, уже начало уступать, и только военная осторожность и стойкость Тимура могли предотвратить поразеніе. Это обстоятельство повело къ горячему спору между обоими предводителями и было началомъ того раздора, который, — послѣ многолѣтней войны соперниковъ, — кончился гибелью Гусейна и единовластіемъ Тимура. Оставивъ на мѣстѣ 2000 убитыхъ, соединеннымъ войскамъ ихъ, удалось теперь уйти. Гусейнъ отступилъ на противоположный берегъ Окса, въ свою резиденцію Сали Сарай, а Тимуръ — въ Карши, и Джеты безпрепятственно двинулись къ югу, осадили Самаркандъ, и, навѣрно, повторили бы въ немъ сцены монгольскаго грабительства, если бы не пали ихъ лошади отъ обнаружившейся язвы, и сами они не были принуждены удалиться съ котомкой за плечами. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ, дружное, соединенное наступленіе могло бы на долго, если не навсегда, подорвать власть Монголовъ, но вражда между прежними товарищами по оружію уже приняла большіе размѣры, и въ 767 (1365) году Тимуръ былъ принужденъ выступить противъ Гусейна съ оружіемъ въ рукахъ и, въ тоже время, съ другой стороны, зорко слѣдить и за движеніемъ Джетовъ на сѣверѣ. Что Гусейнъ, у котораго и владѣнія были обширнѣе, чѣмъ у Тимура, и число приверженцевъ больше, и потому располагавшій и большими средствами къ войнѣ, не считалъ ничтожнымъ своего соперника, видно изъ того обстоятельства, что онъ прежде прибѣгнулъ къ интригамъ и сплетнямъ, и только когда убѣдился, что Тимура не такъ легко поймать на удочку, только тогда онъ выслалъ противъ него за Оксъ отрядъ войска, подъ начальствомъ Эмира Музы, который впрочемъ былъ обращенъ въ бѣгство. Тогда самъ Гусейнъ выступилъ изъ Сали-Сарая, перешелъ Оксъ

со всѣми своими сборными войсками и остановился лагерьмъ по ту сторону рѣвы на мѣстѣ, называемомъ Бетикъ Чекчекъ. Узнавъ о большомъ превосходствѣ силъ своего противника, Тимуръ отступаетъ прежде въ Карши, оттуда въ Бохару, чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ своихъ тамошнихъ союзниковъ, отъ которыхъ онъ ждалъ помощи. Но здѣсь онъ убѣдился, что они могутъ быть для него слишкомъ слабою опорой при наступленіи, потому и рѣшилъ оставить, показавъ, Гусейну Трансоксанію и, подъ видомъ нападенія на западный Хоразанъ, избавиться отъ преслѣдованія своего противника. Гусейнъ тотчасъ двинулся въ Бохару, которой жители, по большей части Таджики, во всѣ времена извѣстные за трусовъ, вышли противъ него хорошо вооруженные, но были окружены конницей Гусейна и такъ сильно побиты, что ни за что въ мирѣ нельзя было ихъ побудить къ новому нападенію. Въ то время, когда соперникъ Тимура, такимъ образомъ, достигъ безпрепятственнаго обладанія почти всею Трансоксанією, Тимуръ самъ провелъ всю зиму въ весьма дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, и на слѣдующую весну мы находимъ его уже по ту сторону Окса, отважными нападеніями пробивающимся сквозь войско своего соперника при Карши и Самаркандѣ, на пути въ Ташкендъ и съ баснословно малымъ ¹⁾, но рѣшительнымъ отрядомъ, въ которомъ особенно отличался его сынъ Джигангиръ. Именно—онъ хотѣлъ здѣсь подвинуть на дѣятельное участіе своего союзника Кейхозру, изъ дома Джелаира, что ему и удалось, потому что Кейхозру отдалъ сыну Тимура свою дочь въ

¹⁾ Только съ 243 храбрецами Тимуръ напалъ на армію Гусейна, состоявшую изъ 12,800 человекъ, и, кромѣ того, еще опирающуюся на крѣпость Карши, и обратилъ ее въ бѣгство. Силъчаки, съ Тимуромъ во главѣ, въ темную ночь переправляются по одиночкѣ черезъ широкій крѣпостной ровъ на пустыхъ древесныхъ стволахъ, взбираются на стѣны, умерщвляютъ стражу и благополучно прогоняютъ гарнизонъ.

жены, а самому Тимуру вспомогательное войско, съ которыми тотъ разбилъ на голову и отбросилъ за Оксъ войска Гусейна, послѣдно слѣдовавшія за нимъ даже до Яксарта. Уже этой побѣды было довольно для того, чтобы проучить соперника, но союзъ съ домою Джелаиръ, опять приставшимъ къ Джетамъ, пробудилъ не безъ основанія страхъ въ Гусейнѣ. Поэтому онъ предпочелъ мирное рѣшеніе спора, что Тимуръ принялъ тѣмъ съ большею охотою, что ему самому было неприятно насильственное вмѣшательство Джетовъ во внутреннія дѣла Трансоксаніи, или, какъ выражаются его панегиристы, потому что питалъ отвращеніе къ взаимнымъ умерщвленіямъ и грабежамъ правовѣрныхъ. Какъ бы то ни было, не только заключенъ былъ миръ, но Тимуръ даже послѣшилъ чрезъ Оксъ, для содѣйствія Гусейну при наказаніи возмутившихся его вассаловъ въ Бадакшанѣ; а чтобы увѣнчать дѣло примиренія, оба соперника вмѣстѣ приняли участіе въ завоевательномъ походѣ противъ Кабула, для округленія владѣній Гусейна.

И все таки мирныя отношенія между ними не могли быть продолжительны. Едва только Тимуръ оставилъ Бадакшанъ, чтобы отогнать Джетовъ, которые угрожали новымъ вторженіемъ въ верховья Яксарта, что ему вполне удалось; какъ Гусейнъ, безпрестанно раздувавшій пламя раздора, принудилъ своего соперника опять взяться за оружіе. Когда Тимуръ былъ на походѣ въ Белхъ, то подъ его знаменами находились уже и важнѣйшіе изъ партизановъ Гусейна, которые, по увѣренію Шереф-эд-дина, были недовольны вѣчными интригами своего прежняго главы и измѣнили ему; вѣроятно же, были привлечены очевидно возрастающимъ счастіемъ Тимура. Не смотря на это, Гусейнъ оказалъ энергическое сопротивленіе и только тогда сдался, когда было взято силою послѣднее его убѣжище, именно Белхъ, со стѣнъ котораго онъ явился съ раскаяніемъ въ лагерь своего побѣдоноснаго соперника молить о пощадѣ своей жизни, по-

тому что намѣревался, по словамъ Мирхонда «отправиться пилигримомъ въ Каабу, и тамъ, слезами своихъ молитвъ, смыть длинный списокъ своихъ грѣховъ». Тимуръ былъ довольно великодушень и простилъ брата своей, горячо любимой, супруги, но начальники въ его свѣтъ не такъ легко могли забыть глубокія оскорбленія, вытерпѣнныя ими отъ Гусейна. Они умышляли на его жизнь, и хотя Тимуръ долго этому противился, но, кажется, наконецъ далъ свое согласіе, — и вотъ, товарищъ его по оружію еще въ юности и несчастный его соперникъ былъ вытащенъ изъ башни, куда убѣжалъ въ послѣднюю минуту, и умерщвленъ въ 771 (1369) году.

Теперь у Тимура уже не было соперниковъ. И даже вѣншіе его враги, именно Джеты на востокъ, были отброшены его оружіемъ, и онъ въ правѣ былъ думать, что наступило время положить конецъ призрачному владычеству кукольнаго государя и возложить на себя заслуженную корону Трансоксаніи. Но онъ хотѣлъ удостоиться этой высшей чести только посредствомъ законнаго избранія Курилтага, подобно тому, какъ нѣсколько вѣковъ спустя его сотоварищъ по судьбѣ, НаDIRъ, поставилъ на сцену этотъ послѣдній актъ цезарскаго стремленія только съ извѣстною восточною церемоніальною обстановкою. На собраніе сословій, созванномъ для этой цѣли въ Белхъ, прибыли почти всѣ верховные сановники прежняго Чагатайскаго царства, его товарищи по оружію еще въ юности его, также какъ и прежніе противники. Между наиболѣе выдающимися личностями историкъ называетъ: Эмира Шейха Могаммеда, Байна изъ дома Солдуць, Эмира Олджанту ¹⁾ и Эмира Кейхозру — изъ дома Хатланъ, Эмира Дауда — изъ рода Дуглатъ, Эмира Сарбугая — изъ дома Джелаиръ, Эмира Джаку — изъ рода

¹⁾ Мнѣ непонятно, какъ могъ Пти-де-ла-Круза прочесть это весьма извѣстное слово такъ: Оладья Иту.

Верлась, Эмира Зинде Гашмъ и многихъ другихъ знатныхъ начальниковъ. Тимуръ, по древне-турецкому обычаю, былъ посаженъ на бѣлый войлокъ, поднять вверхъ и, по испрошеніи Божьяго благословенія Сеидомъ Берке, духовнымъ наставникомъ Тимура, провозглашенъ Эмиромъ Трансоксаніи 10 рамазана 771 (8-го апрѣля 1369) года. Онъ роздалъ богатые подарки своимъ приверженцамъ, любовью и снисходительностью привлекъ къ себѣ и тѣхъ, кто держался подальше отъ него ¹⁾, и, утвердивъ свое господство по сю сторону Окса, перешелъ за рѣку, чтобы сдѣлать своею резиденціею Самаркандъ, который съ этого времени и до его смерти оставался такимъ мѣстомъ, куда онъ являлся для временнаго отдыха отъ трудовъ совершенныхъ походовъ и гдѣ была сложена громадная и богатая добыча, попавшаяся въ его руки въ столь многихъ и различныхъ странахъ азіатскаго міра.

Взявъ въ свои руки бразды правленія, Тимуръ прежде всего позаботился о возстановленіи столь сильно потрясеннаго порядка въ странѣ. Несмотря на свое усердіе къ религіи ислама, онъ былъ большой почитатель Дженгизоваго кодекса, который, какъ произведеніе туранской государственной мудрости, навѣрно, былъ болѣе приспособленъ къ социальнымъ и политическимъ отношеніямъ турко-татарскихъ народовъ, чѣмъ учрежденія въ чисто семитическомъ духѣ, возникшія изъ корана и сунны; поэтому легко понять, почему онъ такъ много заботился о строгомъ исполненіи Язау и постоянно защищалъ его противъ могаммеданской іерархіи ²⁾. Въ особенности же въ военной организаціи края

¹⁾ Такимъ былъ Зинде Гашмъ, владѣтель Шибургана, много разъ возстававшій противъ Тимура, но всегда побѣждаемый и, наконецъ, обратившійся въ самаго вѣрнаго приверженца, благодаря хорошему обхожденію.

²⁾ Это собственно Арабмахъ несправедливо упрекаетъ его въ томъ, что онъ Язау Дженгиза цѣнилъ выше корана. Учрежденія ислама, болѣе

онъ рабски подражалъ монгольскому всемірному завоевателю. Были учреждены должности Тюмень Агаси (начальникъ 10,000), Мингбаши (тысяченачальникъ), Юзбаши (сотникъ, центурионъ) и Онбаши (декуріонъ, десятникъ). И политическая администрація осталась старая, только система налоговъ была нѣсколько болѣе приспособлена къ предписаніямъ корана, а въ отличіяхъ должностей и въ придворномъ этикетѣ было много позаимствовано изъ церемоніала прежнихъ династій, именно Сельджукидовъ и Харезміцевъ. Къ послѣднимъ относится чинъ Беглербеги или Эмиръ-уль-Умера, соответствующій нашему генералиссимусу, атрибутомъ котораго было большое красное знамя, между тѣмъ какъ Тюмень Агаси имѣлъ тукъ, т. е. длинное копье съ конскимъ хвостомъ, а Юзбаши — литавры, висѣвшія по обѣ стороны сѣдла вершника ¹⁾). Гражданскимъ чиновникамъ были вѣнены въ обязанность строгое правосудіе, жалость къ земледѣльцу и защита торговли, а отъ военныхъ требовалось хорошее продовольствіе людей. Каждый всадникъ долженъ былъ имѣть при себѣ двѣ лошади, лукъ съ полнымъ колчаномъ, мечъ, боевой топоръ, пилу, нитки и 10 иголовъ, и каждые 18 человекъ получали одну палатку въ лагерѣ. Офицеръ долженъ былъ знать извѣстныя главные правила военной тактики, какъ это и теперь еще считается постулатомъ образованія узбекскаго Сипагія или туркоманскаго Сердаря ²⁾); простой солдатъ былъ подчиненъ

приспособленны къ іерархическому управленію, чѣмъ къ военному, только съ трудомъ могли соперничать съ распоряженіями монгольскаго кодекса.

¹⁾ Этотъ обычай и теперь еще въ большомъ ходу: никогда не увидишь чиновнаго Узбека, отправляющагося на войну или на парадъ, безъ того, чтобы его форрейторъ (передовой) не былъ въ двойныя литавры.

²⁾ Молодой номадъ, прежде чѣмъ получить отдѣльную для себя палатку, т. е. будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, обыкновенно излагаетъ предъ собраніемъ знати, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, или въ рѣчи, господствующіе взгляды на религію, нравы, скотоводство и наѣздничество — иначе хищническіе набѣги.

строгой субординаціи, дикій и неустрашимый въ битвѣ, онъ долженъ выказывать себя кроткимъ къ врагу, молящему о пощадѣ, и ни въ какомъ случаѣ не быть тѣмъ олицетвореннымъ страшилищемъ, какое намъ изображаютъ враги Тимура. Судя по Тюцукат-и-Тимуръ, и гражданское управленіе края было не менѣе благоустроенное. Во главѣ его стоялъ Диванбеги (великій канцлеръ) и при немъ Арцбеги (обер-церемоніймейстеръ) и четыре визира, изъ коихъ первый имѣлъ попеченіе о поземельной подати, таможенныхъ пошлинахъ и полиціи, второй—о жалованьѣ и продовольствіи войскъ, третій—о наличномъ составѣ арміи и дѣлахъ по наслѣдству, а четвертый—о расходахъ на содержаніе императорскаго двора. Высшіе чиновники при исполненіи законовъ, при сборѣ податей должны были дѣйствовать съ возможною кротостью; употребленіе кнута было даже запрещено, потому что самъ Тимуръ говоритъ: «губернаторъ, который менѣе значить, чѣмъ его кнутъ, недостойнъ сана начальника».

Конечно, дѣло переустройства Трансоксаніи, послѣ болѣе чѣмъ столѣтней анархіи, было весьма не легкое; оно могло совершиться только мало-по-малу, и, однакожъ, Тимуръ уже въ самомъ началѣ далъ полную волю своей страсти къ завоеваніямъ и старался, вмѣстѣ съ утвержденіемъ порядка внутри, и о расширеніи границъ своей имперіи. Разумѣется, прежде всего онъ долженъ былъ устремиться на тѣхъ непріятелей, отъ которыхъ опасался нападенія, а это были Джеты. Сила ихъ на старой родинѣ еще не совершенно была уничтожена, и они еще могли попытаться обратно завоевать Трансоксанію. Тимуръ самъ началъ наступательную войну. При первомъ его появленіи въ 772 (1370) году, Джеты добровольно покорились, и Тимуръ возвратился въ Самаркандъ. Но скоро потомъ Кебекъ Тимуръ, новый губернаторъ, возмущился, и, несмотря на то, что армія, посланная изъ Самарканды, снова его побѣдила и принудила къ миру,

Тимуръ остался недовольнымъ этимъ поведеніемъ своего генерала, и снова открылъ военныя дѣйствія противъ своихъ старыхъ враговъ, по землѣ которыхъ онъ прошелъ, грабя и сожигая, и потомъ, съ плѣнными и обремененный добычею, повернулъ назадъ. Прошло послѣ этого четыре года, и Камар-эд-динъ, князь Джетовъ, опять собралъ большую армію въ окрестностяхъ Кектепе и вызвалъ противъ себя въ поле Тимура съ необыкновенно сильнымъ войскомъ. Опять Джеты должны были проиграть. Камар-эд-динъ могъ спасти свою жизнь только бѣгствомъ; его сокровища и его гаремъ, въ которомъ находилась прекрасная его дочь Дилшадъ-ага, достались въ руки побѣдителя. Чтобы удержать противника, узами родства, Тимуръ принялъ его дочь въ число своихъ законныхъ женъ, но достигъ своей цѣли — присоединенія восточной части прежняго Чагатайскаго царства, онъ могъ только послѣ пятого похода, послѣ того, какъ Камар-эд-динъ, совершенно разбитый, принужденъ былъ навсегда бѣжать изъ страны. Это случилось въ концѣ 778 (1376) года. Пока это совершалось, вниманіе нашего героя было устремлено и по другому направленію, именно на Харезмъ, гдѣ Тимуръ прямо слѣдовалъ политикѣ присоединенія и самъ насильно вызвалъ войну, именно: онъ выступилъ съ ложнымъ ¹⁾ утвержденіемъ, будто Кетъ и Хивукъ ²⁾ и даже весь Харезмъ прежде были нераздѣльною частью Чагатайской наслѣдственной земли и что поэтому его владѣтель Гусейнъ Суфи, изъ рода Кунградъ, долженъ платить ему дань. Чтобы придать больше значенія этимъ притязаніямъ, онъ сперва послалъ туда Таваджи ³⁾ Алкама.

¹⁾ Я говорю ложнымъ, потому что біографъ Тимура, также и Вейль (Geschichte des Chalifats in Egypten. II т. стр. 23) ошибаются, утверждая, что Харезмъ принадлежалъ къ наслѣдству Чагатая. Хивинское ханство было при Монголахъ составною частью царства Джеджи.

²⁾ Въ древнія времена Хива называлась Хивукъ — слово турецкаго происхожденія, еще неизвѣстное при Сельджукидахъ.

³⁾ Таваджи, первоначально тападжи (не теваджи, какъ читаютъ Гам-

Гусейнъ велѣлъ ему сказать: такъ какъ онъ завоевалъ свою страну *мечемъ*, то и отнять ее у него можно только *мечемъ*. Этотъ отвѣтъ заставилъ гордаго завоевателя тотчасъ схватиться за оружіе и онъ немедленно пошелъ бы на Харезмъ, если бы Шейхъ Джелал-эд-динъ, изъ Кеша, не изъявилъ готовности еще разъ попробовать мирнаго рѣшенія спора. Но это посольство благочестиваго мужа также не удалось, какъ и первое, и весной 773 (1371) года Тимуръ выступилъ противъ Харезма съ огромнымъ войскомъ, принявъ предъ этимъ поздравительное посольство отъ новаго владѣтеля Герата, приславшаго ему, вмѣстѣ съ прочими драгоценными подарками, и боеваго коня Кунгоглянъ (коричневый малый), столько превозносиваго восточными писателями. Путь шелъ за Бохарой по пустынь, и Кетъ, находившійся вблизи Гезареспы, былъ взятъ послѣ трудной осады. Отсюда Тимуръ двинулся на Харезмъ, гдѣ пребывалъ Гусейнъ Суфи. И этотъ городъ, не смотря на измѣну Кейхозру изъ Хатлана, былъ взятъ послѣ того, какъ Харезмяне потеряли битву въ открытомъ полѣ. Гусейнъ умеръ еще во время осады. Братъ его Юсуфъ Суфи заключилъ миръ и, по видимому, очень обрадовался, когда Тимуръ, для скрѣпленія союза, потребовалъ въ жены для своего сына Джигангира племянницу Юсуфа, прекрасную принцессу Севинъ¹⁾. Онъ тотчасъ далъ свое согласіе, и Тимуръ, довольный этимъ успѣхомъ похода, побѣдоносно вступилъ на обратный путь. Но только что онъ оставилъ Харезмъ, какъ Юсуфъ, оболщенный мятежнымъ Кейхозру Хатланскимъ, не только не исполнилъ своего обѣщанія относительно принцессы, но еще поднялъ оружіе противъ Тимура, что по-

меръ и другіе) былъ чиновникъ, которому поручалось вербовать или набирать войско. Это слово происходитъ отъ турецкаго глагола *тамакъ* — находить.

¹⁾ По теперешнему выговору сюнъ, а по значенію слова — любовь, красавица.

будило послѣдняго, въ 774 (1372) году, во второму походу, который также окончился побѣдою и доставилъ его сыну принцессу съ богатымъ и великолѣпнымъ приданымъ. Блистательны были празднества по случаю этого бракосочетанія въ Самаркандѣ, но принцъ Джигангиръ только двумя годами пережилъ ихъ, не продолжительнѣе былъ и заключенный миръ. Тимуръ долженъ былъ предпринять противъ Харезма третій, а скоро потомъ и четвертый походъ. Во время послѣдняго Юсуфу пришла въ голову странная идея—вмѣсто кровопролитной битвы обѣихъ армій, помѣряться силами съ Тимуромъ въ поединкѣ. Онъ и написалъ своему противнику: долго ли миръ будетъ терпѣть муку и бѣдствія изъ-за двухъ человѣкъ? Благо челоуѣчества и страны требуетъ, чтобы эти два вышли на арену и испытали счастье одинъ на одинъ. Тимуръ былъ въ восторгѣ отъ этого предложенія и, не смотря на увѣщаніе Сейф-эд-дина Берласъ¹⁾ не рисковать своею драгоцѣнною жизнью, первый явился на мѣстѣ поединка и громкимъ голосомъ вызывалъ противника. Но Юсуфъ Суфи не явился. Робость и страхъ заставили его раскаяться въ своемъ поступкѣ, и онъ охотнѣе принялъ общее сраженіе, въ которомъ и былъ разбитъ, и умеръ въ 781 (1379) году въ крѣпости Харезмъ въ то время, когда Тимуръ ее осаждалъ. Въ руки побѣдителя достались громадныя сокровища, которыя онъ, вмѣстѣ съ искусными ремесленниками и учеными, привезъ въ Кешъ, гдѣ и велѣлъ построить дворецъ въ память объ этой побѣдѣ, и провелъ зиму вблизи родного города, предаваясь отдыху и увеселеніямъ.

Борьба съ соперникомъ шуриномъ, Эмиромъ Гусейномъ, и изгнаніе Джетовъ на сѣверовостокѣ требовали отъ Тимура величайшей энергіи и желѣзнаго терпѣнія, но и по-

1) Тимуръ до того забылся, что сдѣлалъ старому Сейф-эд-дину Берласъ грубый выговоръ и упрекнулъ его, какъ онъ осмѣлился склонять его къ трусости.

бѣда надъ врагомъ въ западномъ Харезмѣ была, навѣрно, еще болѣе трудною задачею, потому что оба Суфи, кромѣ значительныхъ военныхъ силъ собственной земли, опирались на хана Кипчакскаго, именно на повелителя Золотой Орды, какъ мы обыкновенно называемъ царство Джюджи. Владѣтели Харезма и Серая уже давно составили тайный союзъ противъ Тимура, и гибель перваго была вѣрнымъ предвѣстиемъ паденія и послѣдняго. Поэтому, когда Тимуръ возвратился съ побѣдою изъ Харезма и соединилъ подъ своимъ скипетромъ всю среднюю Азію, то онъ долженъ былъ дойти до убѣжденія, что земли при Оксѣ и Яксартѣ представляютъ для его честолюбія слишкомъ ограниченное поле и что онъ легко можетъ теперь пойти по слѣдамъ Дженгиза, котораго онъ взялъ себѣ за образецъ, какъ воителя. Водимый звѣздою своего прежняго поприща, счастливый покоритель всего Турана легко могъ вступить на путь всемірнаго завоевателя. И если бы слава его оружія, гремѣвшая предъ нимъ, и не приобрѣла ему завистниковъ и враговъ, то съ другой стороны у него никогда не было недостатка въ причинахъ, для оправданія своей завоевательной политики. Правда, онъ самъ въ своихъ достопамятностяхъ утверждаетъ: «если въ какой нибудь странѣ усиливается тиранство и несправедливость, то обязанность каждаго князя, во имя всеобщаго спокойствія и безопасности, истребить зачинщиковъ беспорядка и напасть на ту страну. Побѣдоносному правителю слѣдуетъ освобождать каждый народъ отъ его притѣснителей. Исходя изъ этой точки зрѣнія я завоевалъ Хоразанъ и очистилъ государства Фарсъ, Иракъ и Шамъ (Дамаскъ)». Но отъ него же самаго, по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству его біографа, часто слышались слова поэта: «какъ Богъ только *единый*, такъ и государь долженъ быть только *одинъ*. И что значить весь міръ въ сравненіи съ славолубіемъ великаго князя!» Чтобы играть роль всемірнаго завоевателя, Тимуръ, и помимо

своего великаго стратегическаго таланта и другихъ личныхъ преимуществъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи опытное, закаленное въ бояхъ и слѣпо ему преданное войско, а также и отличныхъ его предводителей. Солдаты, столпившіеся подъ его знамена, были его товарищами по оружію во всѣхъ превратностяхъ судьбы и въ самыхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ его прежняго поприща; и ихъ офицеры, какъ Джигангиръ Берласъ, Сейф-эд-динъ Берласъ, Акбуга, Османъ Аббасъ, Могаммедъ султанъ Шахъ, Кумари, Табанъ Богадиръ, Урусъ Буга, Пиръ Гусейнъ Берласъ, Гамза, сынъ Эмира Музы, Мегеммедъ Казганъ, Сарикъ Этбе и Музаффаръ Учвара, испробовали свои таланты то за него, то противъ него. Больше всего, естественно, Тимуру благоприятствовало, во первыхъ, анархическое состояніе тогдашней Азіи, во вторыхъ, воинственный, по преимуществу, духъ Туркестана. Съ паденіемъ Монгольскаго владычества исчезъ и малѣйшій слѣдъ государственнаго единства: все было раздроблено на олигархіи, которыя, вмѣсто взаимной поддержки, набросились другъ на друга съ ожесточенною яростью, и могучая рука Тимура, поддержанная духомъ предпріимчивости и счастьемъ, могла, конечно, основать царство; простиравшееся отъ Иртыша до Ганга и отъ пустыни Гоби до Мраморнаго моря.

Разсказавъ съ нѣкоторою подробностью о дѣяніяхъ Тимура въ его собственной родной странѣ, находящихся въ тѣсной связи съ нитью нашего историческаго повѣствованія, мы желаемъ теперь только кратко упомянуть о его дальнѣйшихъ завоевательныхъ походахъ. Хотя эти послѣдніе и образуютъ въ исторіи Трансоксаніи самую славную эпоху, и потому подробное ихъ описаніе не было бы въ ней неугодно, но въ тѣсныхъ рамкахъ *нашего* труда удобнѣе перечисленіе результатовъ, а не описаніе дѣйствій, которое сверхъ того заимствовано большею частью изъ вспомога-

тельныхъ источниковъ, уже давно сдѣлавшихся доступными европейскому читающему міру ¹⁾).

Первое завоеваніе Тимура за границею средней Азій было на сѣверѣ, именно въ царствѣ потомковъ Джюджи, которые, въ слѣпой ярости братоубійственной войны, сами вознили себѣ въ грудь мстительный мечъ завоевателя. Тохтамышъ ²⁾, свергнутый съ отцовскаго трона могущественнымъ Урусъ Ханомъ, прибѣгъ подъ защиту Тимура, который въ то время, именно въ 777 (1375) году, былъ въ походѣ противъ Джетовъ. Этотъ раздоръ кажется пришелся ему по сердцу, потому что Тохтамышъ былъ дружески принятъ, привезенъ въ Самаркандъ, осыпанъ подарками и, получивъ въ удѣлъ Отраръ и Сабранъ, два округа въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, поставленъ въ возможность защищаться противъ своего соперника, который, между тѣмъ, отправилъ старшаго сына своего Тохта Кая, съ арміею, для преслѣдованія его. Но счастье не благоприятствовало Тохтамышу послѣ двойной попытки. Онъ былъ разбитъ и покрытъ ранами и полубожаженный бѣжалъ къ Тимуру въ третій

¹⁾ Изъ біографій Тимура, сдѣлавшихся доступными европейскимъ читателямъ, стоить упомянуть здѣсь о слѣдующихъ: 1) французскій переводъ, написанной на персидскомъ языкѣ, книги Шереф-эд-дина Али Езди, который хотя и былъ панегиристомъ татарскаго завоевателя, но вѣстѣ съ тѣмъ оставилъ намъ самое подробное описаніе всѣхъ дѣланій Тимура. Французскій переводчикъ Пти-де-ла-Круа обнаруговалъ въ 1722 году, къ сожалѣнію, слишкомъ поверхностно выполненный переводъ. 2) Англійскій переводъ разсказа Мирхонда о жизни Тимура, наданный въ 1821 году майоромъ Давидомъ Прейсомъ въ его „Mohammedan history“; впрочемъ трудъ Мирхонда — не болѣе, какъ копія съ Шереф-эд-дина. 3) Гаммеръ въ своей исторіи Оттоманской Имперіи. 4) Малькольмъ въ своей исторіи Персіи. 5) Вейль во второмъ томѣ калифата Аббасидовъ въ Египтѣ и, наконецъ 6) д'Эрбело въ своей Bibliothèque Orientale.

²⁾ Не Тохтамышъ, какъ пишутъ многие изъ монхъ предшественниковъ, по ошибочному арабо-персидскому списку. Тохтамышъ — новое чагатайское для стараго менгю и значить тоже, что и *отчичий ностоланный*, непреходящій Между монхи. слутивками въ средней Азій одинъ Гаджи изъ Хоканда, единственно изъ рлгигознаго усердіа, перекрестилъ въ пути своего сына Тохта въ арабскаго Баки.

разъ; тогда этотъ послѣдній, во имя священнаго гостепріимства, не могъ сдѣлать ничего болѣе, какъ самъ стать во главѣ арміи и объявить войну Урусъ Хану. Но и этотъ походъ не имѣлъ желаемого конца. Холодъ и дождь на негостепріимныхъ степяхъ той страны препятствовали дать рѣшительное сраженіе: обѣ арміи нѣсколько мѣсяцевъ стояли одна противъ другой въ бездѣйствіи; но когда Тимуръ на слѣдующую весну 778 (1376) года снова захотѣлъ поддержать своего кліента, то это было тѣмъ легче, что тогда уже скончались и Урусъ-ханъ, и его сынъ Тохта Кая, и соперникомъ Тохтамыша былъ только Тимуръ Меликъ, младшій сынъ Уруса. Легко понять, что онъ не могъ устоять противъ соединенныхъ силъ, былъ разбитъ Тимуромъ подлѣ Каратала, взятъ въ плѣнъ и казненъ. Теперь Тохтамышъ, ставъ на ноги, продолжалъ свои побѣдоносные походы до тѣхъ поръ, пока не овладѣлъ всѣмъ Кипчакскимъ ханствомъ и, одолѣвъ Мамай, распространилъ свои хищническіе набѣги далеко внутрь Россіи и въ 786 (1384) году испепелилъ Москву. Упоенный успѣхами своего оружія, этотъ человекъ скоро забылъ благодарность, которою былъ обязанъ своему прежнему защитнику. Онъ тоже хотѣлъ играть роль всемірнаго завоевателя и въ 789 (1387) году вторгся въ западную прибрежную область Каспійскаго моря, чтобы напасть на Тимура, стоявшаго тогда въ Азербайджанѣ¹⁾. Мираншахъ, сынъ послѣдняго, послѣдствіемъ противъ него за Куръ, и хотя Тохтамышъ, котораго авангардъ былъ разбитъ, отступилъ въ бѣгствѣ, но Тимуръ показалъ видъ, что доволенъ всѣмъ этимъ дѣломъ и согласился даже за-

¹⁾ Гаммеръ Пургсталь въ своей исторіи Золотой Орды на стр. 340 полагаетъ, что первою причиною вражды между Тохтамышемъ и Тимуромъ была казнь султана Гусейна, внука Эмира Казгана (не Асгана), принца изъ дома Чагатая. Гаммеръ, также какъ и его авторитетъ Дженаби, забываютъ, что эмиръ Казганъ былъ не Чагатаецъ, а Турокъ и врагъ Монголовъ.

включить миръ, съ благоговѣніемъ воспоминаая стихъ корана: „раздоръ дремлетъ; Божіе проклятіе на того, кто его разбудить“. Естественно, все это было сдѣлано имъ только для того, чтобы, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, излить весь свой справедливый гнѣвъ, что и исполнилъ два года спустя. Именно, зимою 791 (1389) года, среди снѣга, доходившаго лошадямъ по грудь, онъ двинулся изъ Самарканда, и хотя онъ и разбилъ на берегу Яксарта Тохтамыша, вторгнувшася съ сѣвера, а на слѣдующую весну нанесъ ему второе поражение на другомъ берегу той же рѣки, но гнѣвъ его не унялся до тѣхъ поръ, пока онъ не выступилъ зимою 793 (1391) года, во главѣ многочисленнаго и хорошо вооруженнаго войска, чтобы отыскать Тохтамыша въ его собственной землѣ. Шесть недѣль томились лошади въ негостепріимныхъ степяхъ южной Сибири, и этотъ походъ по равнинамъ можетъ по справедливости быть поставленъ, по трудностямъ и утомленію, наравнѣ съ знаменитѣйшими переходами высокихъ горъ¹⁾. Утомленные и проголодавшіяся войска долго, долго отыскивали непріятеля, пока не наткнулись на него въ маѣ на зеленыхъ берегахъ Янеа (Урала). Начался цѣлый рядъ блистательныхъ кавалерійскихъ схватокъ. Обѣ арміи три дня дрались съ одинаковымъ геройствомъ, совершая чудеса храбрости; наконецъ Тохтамышъ побѣжденъ, вслѣдствіе измѣны своихъ собственныхъ родственниковъ, и долженъ былъ спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ. Съ быстротой стрѣлы Тимуръ преслѣдовалъ его въ самую глубь Россіи и дошелъ даже до Москвы, которой жители, какъ замѣчаетъ Гиббонъ, на-врядъ были бы защищены чудотворною иконою Пресвятой Дѣвы, если бы ужьренность и осторожность не заставили Трансоксанскаго ге-

¹⁾ Его армія была удручена не только необыкновенными климатическими тягостями, но и голодомъ и другими лишениями. Дневная порція солдатъ уменьшилась до чашки мучного супа (буламаджъ), и походъ могъ быть продолженъ только послѣ устроенной въ окрестностяхъ большой облавы, которой добыча нѣсколько утолила мучавшій голодъ.

роя остановиться. Послѣ одинадцати-мѣсячнаго похода онъ возвратился въ свою резиденцію, сопровождаемый громадною толпою плѣнныхъ, между которыми находились семейство и гаремъ его врага, обремененный сокровищами и драгоценностями сѣвера и съ гордымъ сознаниемъ, что соединилъ подъ своимъ скипетромъ двѣ самыя большія части бывшей имперіи Дженгиза. Недоставало ему еще только третьей — именно Ирана, Арабистана и части Индіи; но теперь, почти покончивъ съ сѣверомъ, онъ тѣмъ безпрепятственнѣе могъ устремить свои взоры на западъ.

Впрочемъ, Тимуръ началъ завоеваніе земель персидскаго языка, какъ мы будемъ называть Хоразанъ и Иранъ, задолго до покоренія хана Тохтамыша. Еще въ 782 (1380) году онъ послалъ своего сына Мираншаха Мирзу, въ сопровожденіи нѣсколькихъ отличныхъ полководцевъ, на завоеваніе Хоразана, а скоро и самъ послѣдовалъ на дорогу, открытую оружіемъ его храбраго и молодого сына. Здѣсь новый всемірный завоеватель долженъ былъ вступить въ бой съ двумя династіями. На сѣверѣ господствовали Сербедаріеры ¹⁾, съ которыми Тимуръ любезничалъ еще во время своего безсилія и которые теперь безъ всякаго сопротивленія признали его первенство. На югѣ, гдѣ правила уже упомянутая фамилія Кертъ, противъ которой нашъ герой сражался, можно сказать, съ самой юности

¹⁾ Династія Сербедаріеровъ, захватившихъ въ свои руки господство въ сѣверо-восточномъ Хоразанѣ послѣ сверженія Монголовъ, — родомъ изъ Ирака и называетъ своимъ родоначальникомъ нѣкоего Шегаб-эд-дина, который утверждалъ, что по отцу онъ происходитъ отъ имама Гусейна, а по матери отъ Халида Бермекида. Шегаб-эд-динъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Эмин-эд-дина, Абдуррезака, Васіет-эд-дина, Наср-эд-дина и Шемс-эд-дина. Сербедарійцы полновластно владѣли Хоразаномъ только 35 лѣтъ, и въ продолженіи этого времени особенно прославились слѣдующія лица: 1) Абдуррезакъ, правившій 1 годъ и 2 мѣсяца; 2) Меу'дъ правившій 7 лѣтъ; 3) Шемс-эд-динъ; 4) Тоганъ Тимуръ; 5) Кассабъ Гайдаръ; 6) Яхья Керати; 7) Газавъ Дамгани и Али Муэйедъ Абдуррезакъ, добровольно покорившійся Тимурѣ.

своей, дѣло было не такое легкое, потому что Гаяс-эддинъ-Пиръ-Али, глава названнаго дома, рѣшилъ ввѣрить свою судьбу скорѣе лезвію меча, нежели милосердію татарскаго воителя. Поэтому онъ энергически началъ защиту своего царства, простиравшагося отъ Гиндукушкаго хребта, на востокъ, и Мургаба, на сѣверъ, до пустынной полосы у Шахруда; но всѣ его усилія были только тщетною борьбою со смертью. Его резиденція Герать пала послѣ ожесточенной битвы, а прочіе города, какъ-то: Кабушанъ, Тусъ, Нишабуръ и Себзеваръ — знаменитыя средоточія искусства и науки — добровольно отворили свои ворота; они предпочли лучше служить этапамъ для армій Тимура, чѣмъ превратиться въ испепеленныя груды развалинъ, и побѣдитель, присоединивъ къ Хоразану также и Афганистанъ, Систанъ и Белуджистанъ, могъ въ 788 (1386) году продолжать свой походъ противъ Арабистана и собственной земли Персовъ. Въ этихъ частяхъ Ирана господствовали тогда двѣ различныя династіи: южнымъ Фарсомъ съ Исфаганомъ владѣли Мозаффариды, а Иракъ-Араби съ Азербайджаномъ находился въ рукахъ Илханіевъ. Шахъ-Шеджа, глава первой фамиліи, былъ довольно благоразуменъ и, съ изнѣженными сынами южной родины, уклонился отъ битвы съ испытанными воинами Трансоксаніи; онъ добровольно покорился и скрѣпилъ миръ брачнымъ союзомъ своей дочери съ принцемъ Пиромъ Могаммедомъ, сыномъ рано умершаго Джигангира Мирзы. Но султанъ Ахмедъ, сынъ Шейха-Овейсъ-Джелаира, думалъ иначе. Конныя толпы его Курдовъ и войны Азербайджана казались ему достаточной силой противъ наступавшихъ полчищъ Тимура. Онъ принялъ бой, но уже въ самомъ началѣ испыталъ такія неудачи, что долженъ былъ покинуть сильно укрѣпленную резиденцію свою Султанью и отступить въ Багдадъ, между тѣмъ какъ побѣдоносный его противникъ, вторгнувшись чрезъ Араксъ, однимъ ударомъ привелъ подъ

свой скипетръ всю Транскавказію и, какъ государь, вступилъ въ Нахчивань, Эривань, Тифлисъ и Ширвань. Гиланъ, до сихъ поръ остававшаяся каждому непріятелю недоступною своихъ первобытныхъ лѣсовъ и бездонныхъ болотъ, принужденъ былъ принести присягу покорности, и князь Арменіи, Тагиртень, былъ радъ, что, послѣ паденія своей знаменитой крѣпости Ванъ, могъ продолжать свое существованіе въ качествѣ вассала могущественнаго императора съ далекаго востока. Вообще говоря, въ этомъ походѣ испытали на себѣ ярость татарскаго завоевателя только династія Каракочулу (черный ягненокъ) и мятежный городъ Исфаганъ. Первая потеряла двѣ изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей, Ахлатъ и Адиль Джубазъ, а послѣдній 70,000 своихъ жителей за то, что они умертвили 3,000 солдатъ Тимура въ вѣроломномъ нападеніи ¹⁾. Это была ужасная кровопролитная бойня, дотога напугавшая Зингуль-Абедина, сына шаха Шедшаха, что онъ покинулъ свое намѣреніе свергнуть иго, наложенное на его отца; и Тимуръ, послѣ торжественнаго изъявленія покорности Мозаффаридами въ Ширазѣ, могъ въ 791 (1389) году съ триумфомъ возвратиться въ Самаркандъ, гдѣ, по обыкновенію, на празднествахъ, охотѣ и пирахъ отдохнулъ отъ понесенныхъ трудовъ, чтобы, съ обновленными силами, опять послѣдить на прежнее поприще дѣяній. Въ это время былъ совершенъ упомянутый выше походъ противъ Тохтамыша. Возвратившись съ него, Тимуръ предпринялъ, такъ называемую, «пятилѣтнюю войну» на западѣ, для подавленія смуты, вспыхнувшихъ тамъ въ его отсутствіе, а правильнѣе сказать, для того, чтобы, окончательнымъ покореніемъ

¹⁾ И теперь это былъ молодой кузнецъ, который, подобно Кавеху древности, подстрекнулъ гражданъ Исфгани къ бунту, и они напали на беззаботно отдыхающій гарнизонъ и сдѣлались виновниками того, что пирамида изъ череповъ 70,000 Исфганцевъ была воодвигнута, какъ памятникъ мести.

Ирана и Арабистана, собрать настоящей плод своего прежнего похода. Въ 794 (1392) году, послѣ кратковременной болѣзни, онъ перешелъ Оксъ при Амуѣ, во главѣ многочисленной и хорошо снаряженной армии, и вдоль сѣверной окраины Ирана направился на Астрабадъ, для наказанія мятежнаго Мазендрана. Амуль, главный городъ иранской альпійской страны и мѣстопробываніе свирѣпныхъ фанатиковъ Ассасиновъ или Федаи¹⁾, могъ быть взятъ только послѣ упорной битвы, и его смѣлые защитники подверглись за свое мужество такому страшному кровопролитію, что даже перо восточнаго историка отказывается описывать его. Легко понять, что послѣ такого наказанія должна была наступить мертвая тишина. Теперь Тимуръ двинулся съ своимъ оружіемъ, вдоволь напоеннымъ кровью, противъ южнаго Луристана и Кузистана, налетѣлъ на Гамаданъ, Буруджирдъ и Дизфюль и, по взятіи неприступной горной крѣпости Кале-и-Сефидъ, наналъ съ обычною стремительностью на Мозаффарида Шахъ Мансура. Этотъ послѣдній, по уходѣ Тимура, соединившій было пять княжествъ мозаффаридскихъ опять подъ своимъ скипетромъ, могъ выставить противъ завоевателя значительную силу, но все должно было уступать Татарамъ, упоеннымъ побѣдою. При мѣстѣ Патила завязался ожесточенный бой: Шахъ Мансуръ, во главѣ своей кавалеріи, врубился въ густые ряды Туркестанцевъ и, все сокрушая, подобно разъяренному льву, наскочилъ на самаго Тимура, который былъ окруженъ только 14-ю или 15-ю воинами и потому подвергся неминуемой опасности²⁾. Но его внукъ, принцъ

¹⁾ Федаями и теперь называютъ членовъ тайнаго заговора. Феда по арабски значитъ самопожертвованіе и Федаи—одинъ изъ пожертвовавшихъ собою, слѣдоват. мученикъ.

²⁾ Шахъ Мансуръ, какъ рассказываетъ Шерифъ-эд-динъ, пробился до самаго Тимура и сдѣлалъ два удара саблею по плечу императора Тимура, при видѣ этого бѣшенаго нападенія, хотѣлъ было защищаться, но

Шахрухъ Мирза, наскоро собравъ отрядъ изъ бѣжавшихъ, пресѣкъ путь наскочившему и, въ счастливомъ единоборствѣ, отсѣкъ голову Шахъ Мансуру и бросилъ ее къ ногамъ своего дѣда съ обычною привѣтственной формулой: „да падутъ такъ подъ копыта твоей лошади головы всѣхъ твоихъ враговъ!“ За этимъ послѣдовало совершенное пораженіе непріятеля. Династія Мозаффаридовъ была истреблена, за исключеніемъ двухъ прежде ослѣпленныхъ принцевъ, отпавленныхъ въ Самаркандъ. Завладѣвъ сокровищами Шахъ Мансура и роздавъ завоеванныя провинціи своимъ генераламъ, Тимуръ въ 795 (1393) году двинулся на новое покореніе арабскаго Ирака. Илханидъ Ахмедъ Джелайръ, въ этотъ второй разъ, уже не могъ избѣжать гибели. Вновь завоевавъ Азербайджанъ и одолѣвъ Курдистанъ, Тимуръ переправился чрезъ Тигръ въ собственной галерѣ султана. Багдадъ сдался безъ сопротивленія, и бѣжавшій его князь могъ спастись отъ смерти въ трагической равнинѣ Кербела, только благодаря необыкновенной быстротѣ своего арабскаго бѣгуна, но его жены и сынъ попали въ руки побѣдителя. Это была сравнительно ничтожная борьба, послѣ которой гордая столица Калифата въ третій разъ досталась татарскому завоевателю; прочіе города Месопотаміи, какъ-то: Мардинъ, Діарбекиръ и Текритъ стоили большихъ жертвъ, но все же, увѣнчанныя побѣдой, знамена Тимура были благополучно пронесены чрезъ Армению и Грузію. Еще не смолкли радостные клики побѣднаго торжества въ очаровательной долинѣ Мингъ Гель (тысяча озеръ), какъ пришло извѣстіе, что Тохтамышъ, низвергнутый года два тому назадъ, опять поднялся съ новой силой, подобно Антею, и при Дербентѣ грозитъ Кавказіи вторженіемъ. Пѣнящіеся кубки

его копыносецъ былъ далеко; только щитоносцу Адиль Акташу и лейбъ-гвардейцу Кумару овъ обяванъ тѣмъ, что отдѣлался отъ Шаха Мансура безъ тяжелыхъ ранъ.

опять быстро смѣнены убійственнымъ оружіемъ, и Тимуръ съ большимъ терпѣніемъ сталъ ждать, пока его противникъ подойдетъ поближе и самъ начнетъ бой; при этомъ онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «лучше, когда сама дичь бросается въ силокъ, чѣмъ когда приходится ее отыскивать. Старая курица не боится ястреба, и когда у саранчи уже выросли красноватая крылья, то она шагъ за шагомъ будетъ защищаться противъ нападающаго на нее воробья!» Какъ въ послѣдній разъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, такъ и теперь на западномъ—побѣда благоприятствовала знаменамъ Тимура. Тохтамышъ былъ разбитъ и принужденъ бѣжать въ пустыни южной Сибири, а побѣдитель, преслѣдуя его, углубился внутрь Россіи, ограбилъ Москву и, оставивъ вассаломъ въ ордѣ Ковурджака сына Урусъ-Хана, возвратился въ Грузію, чтобы съ новымъ побѣднымъ жаромъ продолжать прерванное празднество.

Такимъ образомъ прежній искатель приключеній туркестанскихъ степей, мало-по-малу, завладѣлъ сѣверною и западною Азією. Столько прекрасныхъ, богатыхъ и классически знаменитыхъ странъ украсили его царскую діадему! Суровые воины его съ береговъ Иссыкъ-кюля, Окса и Яксарта свезли въ Самаркандъ все движимыя драгоценности и сокровища западной Азіи; посольства, явившіяся со всѣхъ сторонъ, повергли къ ногамъ гордаго міропотрясателя дорогіе подарки вмѣстѣ съ поздравленіями,—и все же славолубіе Тимура еще не было удовлетворено, его страсть къ браннымъ тревогамъ еще не утихла. Послѣ пятилѣтняго отсутствія, онъ возвратился въ 799 (1396) году. Блестящій приѣмъ приготовили ему на берегахъ Окса его жены, дочери и внуки: по туземному обычаю его осыпали золотыми монетами и дорогими каменьями ¹⁾, и

¹⁾ Слабые слѣды этого обычая существуютъ и теперь у Османли. Въ

тысяча богато украшенных лошадей и муловъ была предложена ему какъ привѣтственный подарокъ. На могилѣ своего отца онъ прочиталъ на распѣвъ Фатику благодарности (первую суру или введеніе корана), потомъ обозрѣлъ великолѣпныя зданія, построенныя въ его отсутствіе, и совершилъ свой торжественный вѣздъ въ Самаркандъ съ блескомъ, превосходящимъ всякое описаніе. Здѣсь, 63-лѣтній воитель, столько разъ обнимавшій въ бояхъ побѣду, заключилъ въ свои объятія юную невѣсту, принцессу Тѣкель Ханунъ, въ распоряженіе которой отдалъ вновь сооруженный очаровательный лѣтній дворецъ Дилкуша. Начался длинный рядъ пиршествъ, празднествъ и военныхъ игръ; но веселый звонъ кубковъ и военныхъ игръ, повидимому, скоро пробудилъ въ Тимурѣ сильное влеченіе къ стуку оружія въ настоящей битвѣ—и вотъ, раздѣливши въ резиденціи между своими сыновьями завоеванныя земли, онъ снова сѣлъ на своего боевого коня, чтобы вести своихъ солдатъ въ страны, еще болѣе отдаленныя. Чтобы вполне заслужить титулъ Джигангира (всемірнаго завоевателя), ему недоставало еще Индіи на югъ и Рума на крайнемъ западѣ. Подъ первую—могаммеданскій азіатъ издавна разумѣлъ страну величайшаго богатства, а подъ послѣднимъ—страну высочайшаго могущества; могъ ли по-этому Тимуръ оставить ихъ не присоединенными къ своимъ завоеваніямъ? Первою его цѣлью былъ полуостровъ, заключающійся между Индомъ и Гангомъ. Его впускъ, Пиръ Могаммедъ, напередъ отправился туда по Гератской дорогѣ и осадилъ Мультавъ. Подъ личнымъ руководствомъ Тимура походъ былъ предпринятъ въ громадныхъ и грозныхъ размѣрахъ. Пройдя Белхъ, онъ направился по снѣжнымъ высотамъ Гиндукуша. Ни стужа

торжественной процессіи байрама разбрасываются серебряныя монеты предъ султаномъ, и женихъ, войдя первый разъ въ комнату невѣсты, долженъ разсыпать серебряныя и золотыя монеты на пути встрѣчающей его невѣсты.

холодныхъ, какъ ледъ, ущелій, отъ которой цѣпенѣли члены, ни смѣнявшія ее жаркія схватки съ отважными горцами — ничто не могло поколебать твердой рѣшимости завоевателя. Онъ велѣлъ на веревкахъ спускаться съ высокихъ и отвѣсныхъ скалъ и армію и себя самаго. Непріятели приходили въ ужасъ, и Тимуръ, чрезъ Кабуль, прошелъ въ Индію по тому самому горному проходу, въ которомъ, 440 лѣтъ позже, армія великой европейской державы потерпѣла кровопролитное пораженіе отъ потомковъ того же самаго народа. Въ первыхъ числахъ 9-го столѣтія гиджры былъ перейденъ Индъ. По соединеніи съ своимъ сыномъ на берегахъ Сетледжа; Тимуръ двинулся на Дели, резиденцію султана Махмуда. Несмѣтное множество плѣнныхъ препятствовало быстрѣ его переходамъ; по-этому онъ велѣлъ изрубить сотни тысячъ этихъ несчастныхъ. Это было жестокое поведѣніе, но каждый членъ его арміи принужденъ принять участіе въ исполненіи его, и историкъ рассказываетъ, съ какииъ ужасомъ и отвращеніемъ кроткій ученый Наср-эд-динъ убилъ 15 своихъ индѣйскихъ рабовъ. Желая побудить своего врага къ нападенію, Тимуръ притворился слабыиъ и нерѣшительнымъ. Эта стратегическая уловка ему удалась: Индѣйцы скоро попали въ его сѣти, были на голову разбиты, и Дели, богатый и промышленный городъ на Индѣ, достался въ руки татарскому завоевателю, вмѣстѣ съ своими сокровищами и искусными жителями. Подобная участь постигла и священный городъ Метру—паническій страхъ довелъ несчастныхъ Вишнуитовъ до крайняго отчаянія, но ничто не помогало имъ. Ихъ священныя пагоды были разрушены, ихъ идоли разбиты. Тимуръ проникъ до истоковъ священнаго Ганга, вездѣ распространяя смерть и опустошеніе; наконецъ, вдоволь насладившись, вмѣстѣ съ неутомимою охотою на людей, также и охотою на тигровъ, пантеръ и носороговъ, онъ возвратился въ Самаркандъ въ апрѣлѣ 1399 (801) года,

въ сопровожденіи значительнаго количества слоновъ, индѣйскихъ художниковъ и прочихъ плѣнныхъ.

Походъ Тимура въ Индію, подобно нападенію на него его монгольскаго предшественника и позднѣйшаго Надира, былъ не болѣе, какъ блистательнымъ военнымъ подвигомъ, безъ строго опредѣленной цѣли, и охотою за сокровищами; прочно же водрузить знамя Тимуридовъ на берегахъ Инда и Ганга предназначено было, столѣтіе спустя, гениальному Баберу Мирзѣ. Несмотря на это, блескъ хотя и минутнаго успѣха еще болѣе озарилъ величіе Тимура, и безграничное славолюбіе побуждало его помѣряться силами съ государемъ могущественнаго Рума (Запада). Хотя и кратковременно было его удаление съ поприща прежнихъ успѣховъ на западъ, но державное зданіе, воздвигнутое среди бури завоеваній, уже во многихъ мѣстахъ значительно разшаталось. Съ одной стороны, жалкое управленіе его сына, Мираншаха ¹⁾, вызвало въ Азербайджанѣ справедливыя жалобы и возмущеніе, съ другой же стороны, прекращеніе рода могущественнаго вассала и сосѣдняго князя подстрекало къ расширенію и безъ того уже колоссальной имперіи, такъ что Тимуръ могъ только на короткое время позволить себѣ отдохновеніе въ своей резиденціи и скоро опять уже былъ готовъ къ новому походу противъ западной Азіи. Поощадивши виновнаго сына, но казнивши его совѣтниковъ и любимцевъ, онъ поспѣшилъ чрезъ Герать и Казвинъ къ Араксу, чтобы прежде всего разсчитаться съ Меликомъ Гюргиномъ, мятежнымъ вязыемъ Грузіи. Этотъ послѣдній тщетно искалъ убѣжища въ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ

¹⁾ Клавихо разсказываетъ, что Мираншахъ однажды велѣлъ разрушить многое дома, мечети и другія великолѣпныя зданія для того, чтобы ему, какъ онъ выразился, «какъ сыну величайшаго человека въ мірѣ, заслужить, по крайней мѣрѣ, упоминаніе о томъ, что онъ разрушилъ то и то». Татарскій Геростратъ, вѣроятно, страдалъ отъ *delirium tremens*; его историкъ, конечно, хотѣлъ увѣрить весь свѣтъ, что онъ погредилъ свой мозгъ паденіемъ съ лошади.

яхъ и въ крѣпостяхъ: его армія вездѣ была вытѣснена, его крѣпости были взяты вмѣстѣ съ резиденціею, Тифлисомъ, и Тимурь, послѣ непродолжительнаго, но тѣмъ болѣе утомительнаго похода, могъ опять разбить свой лагерь на очаровательной равнинѣ Карабага. Хотя войны туркестанскихъ степей заслужили этотъ отдыхъ послѣ оконченной тяжелой работы, но теперь это было кстати еще и потому, что ихъ верховный вождь здѣсь принялъ рѣшеніе объявить войну своему турецкому державному брату, именно Баязиду, султану Османовъ. Во-первыхъ, власть этого наслѣдника могущества Рума была для него сучкомъ въ глазу; во-вторыхъ, Баязидъ былъ въ союзѣ съ туркоманскою династіею Каракоюнлу, противъ которой ярость Тимура была тѣмъ сильнѣе, что онъ, какъ самодержавный повелитель всѣхъ турецкихъ племенъ, въ особенности рассчитывалъ на изъявленіе покорности со стороны этихъ прежнихъ вассаловъ Сельджукидовъ¹⁾. И вотъ завязался дикій и ожесточенный бой между турецкими повелителями восточной и западной Азіи, бой, о подробностяхъ котораго христіанскіе и могоамеданскіе историографы оставили намъ изображенія, приводящія въ ужасъ²⁾, и окончившійся все-таки въ пользу татарскаго всемірнаго завоевателя. Сначала Тимурь хотѣлъ свести счеты съ египетскимъ султаномъ Ферруджемъ, котораго отецъ велѣлъ умертвить его посланника, ученаго шейха Саве, за что сынъ теперь получилъ страшное возмездіе, потому что Татары въ расплохъ напали на

¹⁾ Не только во времена Тимура, но даже и теперь у Турокъ дальняго востока есть сознаніе тѣснаго родства между ними и ихъ братьями на крайнемъ западѣ. Самый простой Туркоманъ знаетъ, что вокругъ Діарбекира живутъ его соплеменники, потому что саги и басни на востокѣ больше приносятъ пользы, чѣмъ мѣдныя доски Кію.

²⁾ Къ нимъ относятся гнусныя дѣла по взятіи Сиваса, гдѣ Тимурь, по свидѣтельству Дуваса и Халкондиласа, велѣлъ плѣнныхъ христіанскихъ рыцарей, бывшихъ на службѣ у Баязида, зарывать живыхъ по десяти въ одну могилу, а могоамеданское населеніе города истребить, несмотря на обѣщанное прощеніе.

Сирію и въ конецъ раззорили ея цвѣтушіе города. Эти успѣхи въ Сиріи сдѣлали совершенно невозможнымъ союзъ между Османами и Арабами; только послѣ этого Тимуръ, весною 805 (1402) года, обратился противъ Баязида, который мало уступалъ ему въ могуществомъ и величїи и, именно влѣдствіе этого равенства, считалъ своего противника ничтожнымъ и ничего не хотѣлъ и слышать о мирномъ улаженіи возникшаго между ними разногласія. Но и Тимуръ былъ не такой человекъ, котораго бы нужно было упрашивать на бой; онъ двинулся отъ Сиваса чрезъ Карашегръ къ Энгюрю (Ангора), и на здѣшной равнинѣ и произошло кровопролитное сраженіе между обѣими арміями. Османы были совершенно разбиты, и султанъ Баязидъ, вмѣстѣ съ своимъ гаремомъ, попалъ какъ плѣнникъ въ руки татарскаго побѣдителя. Этою блистательною и значительною побѣдой Тимуръ приобрѣлъ Малую Азію, по которой онъ дошелъ до Смирны; и еслибы не помѣшали ему соленныя волны моря, то онъ сдѣлалъ бы визитъ и Европѣ, но, кажется, его замыслы на далекомъ востокѣ не позволяли ему остаться долѣе на западѣ, и какъ только его орды изрыли, разграбили и опустошили завоеванную землю, онъ началъ обратный путь, и въ 807 (1404) году совершилъ торжественный въѣздъ въ Самаркандъ въ девятый разъ.

Опять начались празднества, свадьбы и безконечныя пированія, въ которыхъ принималъ участіе, между различными посланниками всѣхъ странъ Азїи, также и представитель наихристїаннѣйшаго европейскаго государства, именно рыцарь донъ Рюи Гонзалецъ де-Клавихо, присланный къ Тимуру Генрихомъ III, испанскимъ королемъ, съ предложеніемъ дружбы. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что Татары также бойко себя вели за столомъ и за кружкой вина, какъ и на полѣ кровавой сѣчи. Кто видѣлъ Тимура на этихъ пирахъ, среди блестящаго двора, какъ онъ предавался удовольствїямъ жизни, тотъ съ трудомъ открылъ бы

въ немъ неутомимаго воителя, и однакожь, и это кратковременное отдохновеніе было для него, даже въ глубокой его старости, только временемъ, въ которое онъ придумывалъ планы для новыхъ завоеваній и собирался пожинать новые лавры. Уже на аудіенціи различныхъ посольствъ, Тимуръ далъ замѣтныя доказательства своего нерасположенія къ представителямъ китайскаго императора,—и совершенно понятно, что покрытый славою побѣдитель почти половины Азіи едва могъ удержаться отъ гнѣва, когда посоль повелителя въ Камбалу уговаривалъ его платить ежегодную дань. Его оскорбленное честолюбіе не давало ему покоя, война была рѣшена, и, среди суровой зимы, маститый воитель, съ безчисленнымъ, хорошо-снаряженнымъ войскомъ, началъ походъ противъ «небеснаго срединнаго царства цвѣтовъ». Скоро по выступленіи изъ Самарканда, 4 января 1405 (807) года, онъ подвергся простудѣ вслѣдствіе холодной погоды, но не обратилъ на это вниманія, перешелъ замерзшіи Яксартъ и расположился лагеремъ въ Отрарѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ. Здѣсь болѣзнь его до того усилилась, что его придворный медикъ Мевлана Фацлудлахъ объявилъ безъ обиняковъ о безнадежномъ состояніи паціента, и Тимуръ, сотни разъ смотрѣвшій прямо въ глаза смерти, остался вполнѣ вѣрнымъ своему прежнему героическому поприщу и въ эти послѣднія минуты своей жизни. Въ то время, когда окружавшіе его дѣти, внуки и товарищи по оружію проливали горькія слезы по умиравшемъ верховномъ властителѣ своемъ, этотъ послѣдній увѣщевалъ ихъ всѣхъ жить во взаимномъ согласіи и въ послушаніи Пиру Могаммеду, котораго онъ назначилъ своимъ преемникомъ. Его спросили, не желаетъ ли онъ поскорѣе призвать къ себѣ своего внука Мирзу Халила, Султана и другихъ вельможъ, но онъ отказалъ въ этомъ, ссылаясь на немногія оставшіяся ему мгновенія жизни, и выразилъ сожалѣніе, что ему не довелось хоть одинъ только разъ взглянуть на воз-

любленное дитя свое Шахруха Мирзу. Скоро послѣ этого наступилъ совершенный упадокъ его силъ. Только знаками онъ далъ понять, что молла Гейбетуллахъ долженъ читать надъ его смертнымъ одромъ обрядныя суры изъ корана, и въ началъ вечера 7 шаабана 807 (17 февраля 1405) года испустилъ свой духъ. Его трупъ былъ перевезенъ въ Самаркандъ и вложенъ въ тотъ самый мавзолей, который онъ велѣлъ соорудить съ большимъ великолѣпиемъ для своего возлюбленнаго духовнаго наставника Сеида Берке ¹⁾.—Этотъ Сеидъ Берке предсказалъ ему, еще въ юности его, будущее величіе, и теперь они оба покоятся въ вѣчномъ снѣ другъ подлѣ друга и подъ однимъ и тѣмъ же куполомъ. Тимуръ скончался на 72 году своей жизни (1333—1405). Въ продолженіи половины этой жизни онъ былъ неограниченнымъ государемъ Трансоксаніи и сдѣлался повелителемъ всего мусульманскаго востока. По отношенію къ славолюбію, военнымъ талантамъ и желѣзной волѣ, онъ можетъ по справедливости быть поставленъ на ряду съ Александромъ, Цезаремъ, Дженгизомъ и Наполеономъ; но бѣшеный кровавый потокъ его войнъ приводитъ въ ужасъ даже его азіатскихъ современниковъ, и арабскій біографъ Ахмедъ бинъ Арабшахъ, хотя и отъявленный врагъ татарскаго завоевателя, не совсѣмъ не правъ, когда влагаетъ въ уста духу зимы слѣдующее обращеніе къ сѣдому воину, умирающему среди льдистой степи центральной Азіи:

«Остановись на своемъ быстромъ пути, дикій тиранъ! Долго ли ты будешь еще посѣщать несчастный міръ огнемъ и кровью? Если ты духъ ада, то и я тоже. Мы оба стары, оба имѣемъ одно и тоже занятіе—подчинять рабовъ. Продолжай, продолжай истреблять родъ людской и землю пре-

¹⁾ Объ особенностяхъ этого зданія, которое теперь носитъ названіе Турбетъ Тимуръ (гробница Тимура) см. мос. „Reise in Mittelasien“, Лейпцигъ 1865, стр. 168.

вращать въ холодную пустыню, и ты наконецъ испытаешь, что мои бури еще холоднѣе и убійственнѣе. Ты гордишься тѣмъ, что своими безчисленными войсками, послушными твоимъ велѣніямъ, можешь все опустошить и разрушить; такъ знай же, что мои зимніе дни, съ помощью Всемогущаго,—тоже разрушители, и что я у Бога ни въ чемъ тебѣ не уступлю. Подожди немного, моя месть постигнетъ тебя, и весь твой пылъ, весь твой огонь не спасетъ тебя отъ холодной смерти моихъ оледеняющихъ бурь».

Разсказавши о жизни и дѣяніяхъ Тимура въ исторической послѣдовательности и въ краткомъ очеркѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ рамкамъ этого сочиненія, мы желаемъ въ слѣдующей главѣ попробовать набросать хотя блѣдную картину его двора и его резиденціи, такъ какъ правленіе Тимура, безъ всякаго сомнѣнія, составило блистательный періодъ для небольшой земли по ту сторону Окса и озаарило турецкій народъ такимъ блескомъ, въ лучахъ котораго и теперь еще грѣются многія племена. Земли по ту сторону Окса и Яксарта съ Тимуромъ окончили свою всемірную роль, потому что онъ былъ послѣдній, который изъ *officina gentium средней Азии* вывелъ сотни тысячъ турко-татарскихъ воиновъ въ западную Азію. Ни одинъ изъ тѣхъ, которые, увлекшись его счастливою звѣздою, переходили послѣ него Оксъ съ завоевательнымъ мечемъ, уже не въ состояніи былъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, поднять бурю войны на этой войнолюбивой родинѣ человѣчества. Да и Персія уже не была прежнимъ благопріятнымъ базисомъ для азіатскихъ всемірныхъ бойцевъ, потому что Шейбани и Надиръ нашли западныя границы этой страны уже довольно загражденными. Въ Европѣ оканчивались бурные средніе вѣка, и лучи восходившаго въ ней солнца лучшаго времени доходили даже до отдаленнаго востока, хотя и не прямо, а только въ слабомъ отблескѣ.

ХІ.

Личность Тимура, его дворъ и резиденція. ¹⁾

Могущественный, всемірный завоеватель изъ *зеленаго города* изображается своими друзьями какъ идеаль мужской красоты въ такой мѣрѣ, въ какой его враги представляютъ его невзрачною, отвратительною, изуродованною фигурою. Если вѣрить преданію, и теперь живущему между его соотечественниками, онъ былъ средняго роста, но крѣпкаго сложенія, которое не ослабѣвало до глубокой старости, несмотря на неимоверныя тягости жизни, проведенной въ постоянныхъ войнахъ. Хотя одна нога у него и была повреждена, но хромота мало была замѣтна при прямомъ положеніи тѣла; громкій голосъ его далеко гремѣлъ по окрестности среди шума битвы, и только зрѣніе его ослабѣло на семидесятомъ его году до такой степени, что онъ могъ увидѣть испанскихъ пословъ на аудіенціи въ Самаркандѣ только тогда, когда ихъ подвели къ нему очень близко. Такъ какъ турецкая раса въ то время еще мало

¹⁾ Все, что здѣсь излагается о дворѣ и резиденціи Тимура, взято болѣею частью изъ упомянутого выше творенія Клавихо, переводомъ котораго съ испанскаго языка оказалъ особенную услугу Г. Мергемъ, ученый секретарь англійскаго географическаго общества. Клавихо былъ хорошимъ наблюдателемъ, и его данныя заслуживаютъ полнаго довѣрія.

была смѣшана съ иранскими элементами ¹⁾, и Тимуръ въ чертахъ своего лица носилъ чистый отпечатокъ монгольскаго типа, то его біографъ, довольно не кстати, при описаніи портрета своего героя, взялъ за образецъ идеаль иранской красоты и изобразилъ татарскаго завоевателя съ длинною бородою, розовыми щеками и бѣлымъ цвѣтомъ кожи, потому что если и было что въ немъ иранскаго или западно-азіатскаго, то это развѣ только въ костюмѣ. Какъ картина нравовъ того времени, въ земляхъ при Оксѣ, представляла въ общемъ пеструю смѣсь буддо-исламскихъ чертъ, такъ точно игосподствовавшая тогда мода въ одѣяніи. Мы видимъ Тимура въ торжественныхъ случаяхъ закутаннымъ въ то широкое оттопыренное шелковое платье, въ какое и теперь рядятся средне-азіаты, и которое, въ его время, было en vogue во всей могоammedанской Азіи. Впрочемъ, онъ подражалъ монголо-китайской модѣ въ покровѣ головы, состоявшемъ не изъ могоammedанскаго тюрбана, столь любезнаго Шереф-эд-дину, а изъ длинной конической войлочной шляпы ²⁾ съ продолговатымъ рубиномъ на верхушкѣ, осыпаннымъ жемчугомъ и драгоценными каменьями. Также и обычай его носить большія и дорогія серьги—чисто монгольскій. Вообще онъ не пренебрегалъ наружными украшеніями и пышностью, а это тѣмъ поразительнѣе, что онъ

¹⁾ *Вопервыхъ*, торговля невольниками изъ Ирана тогда еще не была развита въ такой мѣрѣ какъ теперь, потому что законная покупка шіитскихъ Персовъ была дозволена только чрезъ 50 лѣтъ по смерти Тимура Фетвою моллы Шемс-эд-дина; слѣдовательно и смѣшеніе расъ было рѣже. *Во вторыхъ*, Турки Трансоксаніи сочувствовали, дружились и роднились гораздо скорѣе съ Монголами и Югурами, имъ родственными, чѣмъ съ Таджикими, которые уже тогда были заклеяны прозвищемъ трусовъ

²⁾ Подъ словомъ *шляпа* слѣдуетъ понимать собственно кулакъ-шапку, потому что шляпа, по нашимъ понятіямъ, т. е. съ полями, умоammedанъ строго запрещено, какъ знакъ христіанства. Головной покровъ нынѣшнихъ Киргизовъ хотя и имѣетъ поля, но передняя ихъ часть срѣзана, чѣмъ моллы и думаютъ обойти запрещеніе.

на своемъ продолжительномъ воинственномъ поприщѣ принужденъ былъ переносить столько лишеній и всегда служилъ образцомъ спартанской простоты. Въ подобномъ отношеніи другъ къ другу находятся и выдающіяся черты его характера. Строго исламо-суфическія воззрѣнія на жизнь, внушенныя ему его отцемъ и духовными руководителями его юности, находились въ немъ въ постоянной борьбѣ съ тремленіями дико воинственного духа и необузданнаго сластолюбія. Послѣднія качества, кажется, въ немъ преобладали, такъ какъ онъ самъ говорилъ¹⁾: «только съ мечемъ въ рукѣ можно утвердить господство»; но можно ли назвать жестокимъ и дикимъ того, кто, при всеобщемъ грабежѣ и кровопролитіи въ Исфагани, велѣлъ своимъ людямъ щадить часть города, гдѣ жили ученые;—того, кто съ учеными Герата и Алеппо вступалъ въ богословскіе диспуты и по-царски награждалъ не такъ мыслившихъ²⁾, какъ онъ;—того, кто лестью и подарками хотѣлъ привлечь къ себѣ ученыхъ Шемс-эд-дина Фенери, Могаммеда Джебери и знаменитаго Шейха Бохари, схваченныхъ имъ при дворѣ противника и завѣдомо ожесточенныхъ враговъ своихъ;—того, кто всегда считалъ самою дорогою частью добычи въ какой-нибудь странѣ художниковъ и искусныхъ ремесленниковъ;—того, наконецъ, кто велѣлъ перенести на вьючныхъ животныхъ цѣлую библіотеку изъ Бруссы въ Самаркандъ. Поэтому вдвойнѣ ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые ставятъ Тимура наравнѣ съ Дженгизомъ и называютъ его дикимъ и своевольнымъ тираномъ. Онъ былъ прежде азійскимъ воителемъ, который употреблялъ въ дѣло свое

¹⁾ Этотъ девизъ вложенъ ему въ уста персидскимъ биографомъ въ видѣ такого положенія: „мульра егеръ караръ хаги кердъ, тигра бикараръ баъдъ кердъ“.

²⁾ Извѣстно, что онъ велъ ожесточенную полеміку съ ученымъ кади Шереф-эд-диномъ изъ Алеппо, а потомъ принялъ подъ свою защиту и велѣлъ богато одарить его и его приверженцевъ, которыхъ число простиралось до 2000 душъ.

побѣдоносное оружіе по обычаю своего времени, и даже гнусныя дѣянія и опустошенія, въ которыхъ упрекають его враги его, были болѣе или менѣе возмездіемъ за какое нибудь преступленіе, правда, слишкомъ строгимъ, но всегда справедливымъ. Въ Исфгани и Ширазѣ онъ желалъ отмстить за кровь своихъ солдатъ, измѣнически пролитую; обыватели Дамаска, эти старинные приверженцы Моави, должны были, безспорно, понести наказаніе за мученическую смерть фамиліи Гусейна, трагическій конецъ которой возбуждалъ гнѣвъ Тимура. И сколько могло быть подобныхъ кровопролитій, или слишкомъ яркими красками расписанныхъ враждебною кистью, или же происшедшихъ по причинѣ, отъ насъ совсѣмъ скрытой? Нельзя отрицать, что Тимуръ поступалъ въ западной Азіи весьма жестоко, и что многіе остатки просвѣщенія, изъ цвѣтущаго времени ислама, пощажены разрушительною яростью Монголовъ, были уничтожены потокомъ новыхъ турко-татарскихъ ордъ. Негодованіе Арабшаха въ этомъ отношеніи отчасти и справедливо, но кто смотритъ съ общей точки зрѣнія, тотъ поставитъ въ вину Тимуру преступленіе не столько безпутнаго разорителя, сколько насильственнаго пересадителя. Какъ всѣ почти завоеватели изъ турко-арабскаго племени, онъ питалъ замѣтное пристрастіе къ своей родной почвѣ и, вслѣдствіе этого, имѣлъ намѣреніе перенести политическій центръ тяжести западнаго ислама и, вмѣстѣ съ нимъ, пересадить и безъ того уже одряхлѣвшее дерево могоаммеданской культуры въ рыхлую почву туркестанскихъ степныхъ земель, — объ этомъ можно сожалѣть, но вмѣнять это въ преступленіе едва-ли слѣдуетъ.

Стоитъ ли говорить, что славное поприще Тимура, при подобномъ направленіи, имѣло для средней Азіи весьма важныя и продолжительныя слѣдствія. Никогда при дворахъ Камбалу, Газни, Бохары и въ резиденціяхъ другихъ прежнихъ династій, не было скоплено столько богатствъ и

расточено столько великолѣпія, какъ при дворѣ въ Самаркандѣ. Что Шереф-эд-динъ рассказываетъ о пышности и богатствѣ Тимуровыхъ пировъ и празднествъ—это только слабый очеркъ въ сравненіи съ ослѣпительно блестящею картиною двора татарскаго императора, вѣрно набросанною христіанскимъ рыцаремъ донъ-Рюи-Гонзалесомъ де-Клавихо. Послѣдній видѣлъ тамъ многое, видѣлъ все, потому что находился въ милости у Тимура, какъ это видно изъ того обстоятельства, что Тимуръ, въ торжественной аудіенціи, обращаясь къ своимъ вельможамъ, произнесъ съ гордостью: «смотрите, вотъ послы, которыхъ прислалъ мнѣ мой сынъ, король Испаніи, живущій на концѣ міра и величайшій изъ всѣхъ франкскихъ королей. Эти Франки, по-истинѣ,— великій народъ, и я хочу послать мое благословеніе и сыну моему, испанскому королю». Поэтому мы можемъ съ полною довѣренностью избрать своимъ руководителемъ при Самаркандскомъ дворѣ благороднаго гидальго и со словъ его описывать тамошнія достопримѣчательности, церемоніи и обычаи.

Въ этикетѣ Тимурова двора были соединены отдѣльные обычаи и церемоніи всѣхъ тѣхъ земель и династій, на развалинахъ которыхъ онъ воздвигъ свой могущественный тронъ. Придворный костюмъ, изъ шелка, бархата и атласа, имѣлъ арабскій или могаммеданскій покррой, между тѣмъ какъ придворный парядъ дамъ, въ которомъ главную роль игралъ Шеёкеле (высокій головной уборъ), напоминалъ староиранско-харезмскую моду, именно: онъ носили длинное, падавшее пышными складками, красное шелковое платье, обложенное золотыми кружевами; оно плотно обхватывало шею, было безъ рукавовъ и имѣло такой длинный шлейфъ, что его обыкновенно несли дамы и часто до пятнадцати числомъ. Лицо было подъ покрываломъ, а въ путешествіи смазывалось бѣлилами оловянаго цвѣта, для предохраненія отъ пыли и вліянія климата. На головѣ онъ носили

шляпку изъ краснаго сукна, похожую на шлемъ, усыпанную жемчугомъ, рубинами и изумрудами, и съ круглымъ зубчатымъ украшеніемъ на верху, отъ котораго ниспадали длинныя бѣлыя перья. Нѣкоторыя изъ этихъ перьевъ опускались до самыхъ глазъ для того, чтобы своимъ движеніемъ при походкѣ сообщать лицу особенную прелесть ¹⁾. И какъ безчисленныя дамы при дворѣ Тимура обсыпали себя драгоценностями половины Азіи и искусными издѣліями ювелировъ Мультаана, Исфагани, Гендже, Дамаска, Бруссы и Венеціи, такъ точно и мужчины выставляли на показъ не менѣе ослѣпительную роскошь въ осыпанныхъ драгоценными каменьями оружіи, поясахъ и аграфахъ. Баснословное богатство было замѣтно особенно въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ. Клавихо рассказываетъ о большомъ золотомъ ящикѣ, который онъ видѣлъ посрединѣ палатки: плоская его крышка была окружена башенками съ зеленою и голубою эмалью и множествомъ драгоценныхъ камней и большихъ жемчужинъ; отверстіе этого ящика было похоже на дверь, а внутри находился карнизъ, на которомъ стояли въ рядъ кубки, и надъ ними висѣли шесть золотыхъ шаровъ, осыпанныхъ жемчугомъ и дорогими каменьями. Вплоть подлѣ этого ящика стоялъ золотой столъ, въ одну пядь вышиною, въ оправѣ изъ драгоценныхъ камней, а на немъ лежалъ свѣтлый изумрудъ, въ двѣ пяди длины (?), покрывавшій весь столъ. Напротивъ него находилось золотое дерево, въ формѣ дуба, котораго стволъ имѣлъ толщину ноги человѣка, а вѣтви, покрытыя золотою дубовою зеленью, протягивались по всѣмъ направленіямъ. Вмѣсто плодовъ, на этомъ деревѣ висѣли безчисленные рубины, изумруды, бирюза, сафиры, и чудныя жемчужины, на листьяхъ же сидѣли золотыя птицы, эмальированныя въ разные цвѣта. Все, что ни

¹⁾ Остатокъ этой моды кажется сохранился въ головномъ покрывѣ, правильнѣе, въ головномъ уборѣ нинѣшнихъ туркомановъ.

предлагалось принцамъ императорской крови, должно было всегда быть положено на большіе серебряные подносы (конча), а члены императорской фамиліи ѣли изъ большихъ золотыхъ чашъ; если къ этому мы присовокупимъ, что при большихъ попойкахъ, въ которыхъ часто тысячи принимали участіе, вино почти всегда наливалось въ золотые кубки, на золотыхъ блюдахъ, то можно будетъ составить себѣ ясное понятіе о необыкновенно блестящемъ и богатомъ содержаніи Тимурова двора.

Нашъ руководитель, видѣвшій дворъ Тимура въ зенитѣ его блеска, не въ состояніи пересказать всѣхъ чудесъ, когда говоритъ о празднествахъ въ лагерѣ, на очаровательной Ханигульской равнинѣ ¹⁾ въ окрестностяхъ Самарканда. Турки, во всѣ времена, давали предпочтеніе жизни подъ легкою палаткою, поэтому ихъ званіе и богатство выражалось въ величинѣ и роскоши этихъ переносныхъ жилищъ, а Тимуръ, какъ величайшій и могущественнѣйшій изъ всѣхъ Турокъ на землѣ, весьма естественно, выказалъ въ нихъ еще никогда невиданное дотошъ великолѣпіе. Надобно видѣть дѣйствительно прекрасное положеніе Тимуровой резиденціи, чтобы быть въ состояніи вообразить себѣ въ настоящее время тотъ великолѣпный видъ, какой представлялъ праздничный лагерь на равнинѣ, протягивающейся почти на милью на сѣверовостокъ отъ города и орошенной Зеревшаномъ и безчисленными каналами. Подобный лагерь состоялъ изъ десяти и даже пятнадцати тысячъ палатокъ, подъ которыми помѣщались не только дворъ и вельможи, но и различные классы населенія. Здѣсь были представители всѣхъ городскихъ цеховъ, открывались богатѣйшія лавки, ремесленники устраивали свои мастерскія, даже были импровизированы

¹⁾ Въ Пти-де-ла-Крузавомъ переводѣ Шериф-ад-дина всегда говорится Ханигуль, но я думаю, что Ханигуль, какъ пишетъ и Баберъ въ своихъ мемуарахъ, правильнѣе, потому что Ханигуль почти ничего не значитъ, Ханигуль же, напротивъ, означаетъ по персидски „любовь къ цвѣтамъ“.

горячія ванны. Прежде всего разбивались палатки для императорскаго двора, для чего обыкновенно избирался центр лагера, имѣвшаго форму раскрытаго вѣера. Потомъ уже устраивались прочія палатки. Каждый членъ фамиліи, каждый визирь и тюменагази зналъ точно мѣсто своей палатки, соотвѣтствовавшее его званію, т. е. направо или на лѣво, въ первомъ, второмъ или третьемъ ряду онъ будетъ жить; нигдѣ не было замѣтно никакого замѣшательства, и прекрасная Канигульская равнина, въ удивительно короткое время, уподоблялась, своими пестрыми маленькими флагами на верхушкѣхъ палатокъ, громадной грядѣ тюльпановъ, движимой вѣтромъ. Что касается до формы палатокъ, то преобладали круглыя войлочныя палатки и теперь еще употребительныя въ этой странѣ; попадались, впрочемъ, и продолговатая Авраимова изъ Аравіи, и великолѣпная Сераперде изъ Ирана (дворецъ изъ занавѣсокъ), и именно одна изъ послѣднихъ привела въ удивленіе нашего благороднаго рыцаря изъ Кастиліи ¹⁾. Она имѣла четырехугольную форму, сто шаговъ въ ширину и три копы въ вышину. Средняя ея часть, похожая на павильонъ, держалась на двѣнадцати жердяхъ золотыхъ, покрытыхъ голубою краскою и имѣвшихъ толщину челоуѣка; на верху была круглая кровля въ формѣ полушара, а натянутыя на жерди шелковыя платки образовали столько же выпуклыхъ полудугъ. Кромѣ этого, павильонъ имѣлъ съ каждой стороны высокій входъ, поддерживаемый шестью столбами, а весь онъ былъ прикрѣпленъ болѣе чѣмъ пятью-стами красныхъ шнуровъ. Наружная сторона павильона состояла изъ черныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ шелковыхъ полосъ, а внутренняя—изъ пурпуроваго ковра съ золотымъ шитьемъ и различными украшеніями изъ шелка. Въ срединѣ боковыхъ сводовъ была самая богатая работа, а въ четырехъ углахъ стояли большіе орлы съ распростертыми крыльями. Четыре угловыя

¹⁾ Клавихо (стр. 144) называетъ этотъ родъ палатокъ *Залапарда*.

жерди были украшены шаромъ и полулуною, а надъ пятою среднею жердью было такое же украшеніе только большей величины; наконецъ, весь павильонъ, похожій издали на замокъ, окружала высокая и пестрая стѣна съ башенками. Кромѣ него было много и другихъ, не менѣе великолѣпныхъ, палатокъ для императрицы и первыхъ принцессъ. Онѣ были покрыты желтыми и розовыми шелковыми пурпуровыми платками, вышитыми золотомъ, а внутри обтянуты дорогою парчею. Почти всѣ онѣ имѣли высокія двери, въ которыя можно было проѣхать верхомъ на лошади, и были снабжены окнами. Когда эти окна раскрывались для освѣженія палатки, то густая шелковая сѣтка натягивалась въ ихъ отверстіи, а шелковый надъ ними навѣсъ отражалъ лучи солнца. Наибольшею роскошью отличались, разумѣется, какъ это и теперь бываетъ, ковры, употреблявшіеся на двери, и палаточныя подпруги. Первые были усѣяны весьма искуснымъ серебрянымъ и золотымъ шитьемъ, а на двери, принесенной Тимуромъ изъ Бруссы, было видно изображеніе св. Петра и Павла; послѣднія же имѣли по большей части огромныя массивныя золотыя и серебряныя пражки съ арабесками изъ драгоценныхъ камней.

Подъ этими палатками, описаніе которыхъ можетъ напомнить читателю чудныя сказки тысячи и одной ночи, давались не менѣе великолѣпныя пиры и попойки. Подробнаго меню татарской кухни у насъ нѣтъ, но, судя по скуднымъ извѣстіямъ, къ нему относящимся, къ наиболѣе любимымъ кушаньямъ принадлежали: жареное мясо баранье и лошадиное, пилавъ, какъ его и теперь готовятъ, мучныя блюда съ фаршемъ, торты съ фруктами и сладкіе сухари. Лакомымъ блюдомъ всегда считалась задняя часть лошади, разрѣзанная на куски и облитая соусомъ; ее подавали въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ, между тѣмъ какъ другія жаркія, раздѣленныя на куски искусными

рѣзальщиками, клали на кожанья скатерти ¹⁾ и обносили кругомъ только послѣ того, какъ императоръ съѣлъ первый ломоть. И кушанья изъ рубленого мяса также подавались къ обѣду, оканчивавшемуся лѣтомъ фруктами, именно дынями и виноградомъ. Потомъ слѣдовала попойка, какъ это было тогда въ обычаѣ въ восточной Азій, подъ личнымъ руководствомъ государя, безъ позволенія котораго никто не смѣлъ пить ни въ гостяхъ, ни дома. Любимыми напитками были вино, боза, сливки съ сахаромъ и кимисъ ²⁾, впрочемъ, предпочиталось вино; въ началѣ попойки его разливали кравчіе, которые, стоя на колѣнѣ, одною рукою подносили кубокъ на поддонѣ, а другою держали шелковый платокъ или салфетку, чтобы гость не закапалъ себѣ платье. Послѣ того, какъ кубки совершили нѣсколько церемоніальныхъ круговъ, мало-по-малу исчезала чинность, появлялись огромные бокалы, и кто желалъ осушить подобный за здоровье Тимура, тотъ долженъ былъ выпить его залпомъ до послѣдней капли. Какъ въ нынѣшней Азій цѣль попойки всегда совершенное опьяненіе, такъ было и тогда; только современники и потомки Тимура доходили до удивительнаго въ искусствѣ ѣды и питья. Кто, охмѣлѣвъ, падалъ на землю, или выкидывалъ забавныя штуки, надъ тѣмъ всѣ потѣшались, крѣпкіе же питухи, какъ храбрые на полѣ битвы, получали почетный титулъ багиръ (герой). Такъ какъ только колоссальное производило

¹⁾ Эти кожанья скатерти теперь замѣнены пестрыми русскими ситцевыми, а у богатыхъ — шелковыми, съ длинной бахромой, и носятъ названіе Дестурханъ, отъ дестуръ — церемонія и ханъ, правильнѣе хоанъ — столъ.

²⁾ Употребленіе спиртныхъ напитковъ, бывшее у могомеданъ уже издавна въ ходу, достигло во время господства Монголовъ высшей степени вредности. Уже при Харезмійцахъ предавались пьянству наиболѣе выдающіяся личности, а при Дженизидахъ и Тимуридахъ самую обыкновенною болѣзнью была *delirium tremens potatorum*: изъ мемуаровъ Бабера можно составить себѣ понятіе, какъ сильно распространился этотъ шорокъ, и открытіе табаку дѣйствительно было благодарніемъ для поклонниковъ Бахуса въ Азій.

наибольшее впечатлѣніе на эстетическое чувство Татаръ, поэтому пиръ только тогда считался великолѣпнымъ, когда подавалось на столъ много цѣлыхъ жареныхъ лошадей и чѣмъ огромнѣе и многочисленнѣе были сосуды съ виномъ. Эти послѣдніе, вмѣщавшіе въ себѣ, по словамъ Клавихо, по три ведра, образовали настоящую аллею предъ палатками Тимура; кромѣ этого, въ разныхъ мѣстахъ лагеря были выставлены подъ навѣсами подобные сосуды, которые содержали въ себѣ вино или сливки съ сахаромъ и въ извѣстные часы предлагались народу. Легко понять, что при подобныхъ случаяхъ не было недостатка въ фи-глярахъ, фокусникахъ и канатныхъ плясунахъ, являвшихся болѣею частью изъ Кашемира и Индіи, но что въ этихъ празднествахъ принималъ участіе и женскій полъ. и не en demi-masque, и что принцессы давали общественные пиры, на которые приглашались мужчины и даже христіанскій посланникъ — это можетъ, навѣрно, показаться страннымъ знатоку ислама и Азіи вообще. Изъ рассказовъ Испанцевъ мы знаемъ объ одномъ праздникѣ, устроенномъ для большого числа гостей супругою Мираншаха, ¹⁾ сорокалѣтнею тучною принцессою Ханзадод; на немъ очень бойко заговорили, подъ вліяніемъ вина, татарскія красавицы, которымъ служили Ганимедами старые рыцари, въ сопровожденіи молодыхъ пажей. Другой разъ ханша раг excellence, т. е. первая супруга Тимура, устроила большой праздникъ въ великолѣпной группѣ палатокъ, обнесенной оградой изъ суконной стѣны, разукрашенной арабесками и изреченіями, вышитыми золотомъ. Обрядъ поднесенія вина у женщинъ былъ гораздо прилич-

¹⁾ Она жила отдѣльно отъ супруга, потому что заявила, что будто бы Мираншахъ въ пьяномъ видѣ хотѣлъ ее убить. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ Клавихо. Но, кажется, Тимуръ былъ въ особенности привязанъ къ этой невѣсткѣ, которая повтому и имѣла свой великолѣпный дворъ въ Самаркандѣ.

нѣе: одинъ держалъ золотой кувшинъ, другой—золотой кубокъ и поддонъ; только послѣ троекратнаго колѣнопреклоненія они смѣли приблизиться къ дамамъ, и кравчій долженъ былъ обернуть руку салфеткой для избѣжанія надѣйшаго тѣлеснаго прикосновенія къ княжескимъ дочерямъ; но это мелочное правило цѣломудрія не мѣшало прекрасному полу при дворѣ Тимура оставлять пиршество въ совершенно отуманенномъ состояніи, какъ это и теперь обыкновенно дѣлають деликатныя дамы Персіи ¹⁾.

А сколько пришлось бы еще рассказывать о состязаніи атлетовъ, объ играхъ слоновъ, выкрашенныхъ въ зеленый и красный цвѣтъ, о разнообразныхъ ристаніяхъ и забавахъ, входившихъ въ программу празднествъ на Канигульской равнинѣ! Тимуръ собралъ несмѣтныя сокровища и богатства изъ всѣхъ частей Азіи, но что онъ ихъ не берегъ какъ скряга, это доказываютъ, во первыхъ, роскошное содержаніе его двора, во вторыхъ, сооруженіе колоссальныхъ и великолѣпныхъ зданій, которыми онъ украшалъ и свою резиденцію, и свой родной городъ.

Каждый блистательный военный подвигъ, каждое радостное событіе Тимуръ старался увѣковѣчить какимъ нибудь архитектурнымъ памятникомъ. Для этой цѣли сотни искусныхъ каменщиковъ Индіи и знаменитые зодчіе изъ Шираза, Исфагани и Дамаска должны были отправиться за Оксъ, чтобы возвести тамъ изящныя постройки, краснорѣчиво доказывающія, что могаммеданская Азія даже и послѣ того, какъ 200 лѣтъ служила лагеремъ для татарскихъ ордъ, все еще имѣла художниковъ, заслуживающихъ наше удивленіе своими твореніями, и что въ груди завоевателя, изображаемаго грубымъ варваромъ, было такъ много любви

¹⁾ Графъ Гобино, бывшій французскій посолъ при дворѣ Тегеранскомъ, навлекъ на себя нерасположеніе высшаго государя Персіи за то, что въ своей книгѣ о религіяхъ средней Азіи былъ на столько не деликатенъ, что разгласилъ на западъ дурную молву о персидскихъ придворныхъ дамахъ.

къ благородному и прекрасному. Хотя Тимуръ велѣлъ сооружать зданія и въ другихъ городахъ своей имперіи, напр. мечеть въ Тебризѣ, дворець въ Ширазѣ, высшую школу въ Багдадѣ и мавзолей въ Газрети-Туркестанѣ, надъ могилою знаменитаго отшельника Шейха Ахмеда Езеви, но въ Кешѣ и Самаркандѣ онъ оставилъ наилучшіе памятники своей щедрости. Въ первомъ городѣ, колыбели его фамилии, назначенномъ быть и мѣстомъ его послѣдняго упокоенія, онъ велѣлъ воздвигнуть на могилѣ своего отца великолѣпный мавзолей, а на могилѣ своего первороднаго сына Джигангира—мечеть, въ обширномъ дворѣ которой жили въ довольствѣ молла, день и ночь читавшіе коранъ для спасенія душъ умершихъ. Въ началѣ своей побѣдоносной карьеры Тимуръ былъ особенно расположенъ къ Кешу и сдѣлалъ его духовнымъ центромъ среднеазиатскаго міра, почему этотъ городъ и получилъ титулъ „куббетъ уль илмъ в'эль эдебъ“ (куполь науки и морали!). Профессора знаменитыхъ высшихъ школъ Харезма, ученые Бохары и Ферганы должны были поселиться въ его стѣнахъ, и Тимуръ имѣлъ намѣреніе сдѣлать его своею резиденціею, что достаточно доказывается построеніемъ прекраснаго дворца Акъ Сарай. Этотъ дворець, строившійся болѣе двѣнадцати лѣтъ, былъ произведеніемъ исключительно персидскихъ архитекторовъ, которые остались вѣрными національному, а можетъ быть правильнѣе, западо-исламскому стилю до того, что на верху главнаго фронтона помѣстили гербъ солнца и льва и жилище туранскаго завоевателя украсили эмблемою иранскихъ князей¹⁾. Самую видную и вмѣстѣ великолѣпную часть этого

¹⁾ Гербъ Тимура состоялъ изъ трехъ колець, которыя были такъ расположены , съ девизомъ Русти Расти—сила только въ справедливости

По символическому значенію, эти знаки указывали на его господство въ трехъ полсахъ, именно на югъ, на сѣверъ и на западъ; но кажется, они заимствованы изъ древнеиранской геральдики, потому что и на памятникахъ Сасанидовъ красуются кольца, какъ символъ власти и единства.

дворца, какъ и всѣхъ прочихъ зданій того времени, составлялъ порталъ (по персидски пишеть такъ = перёдъ кровли); онъ подымался высоко надъ всѣмъ зданіемъ, по формѣ походилъ на полкуполъ, на половину былъ снабженъ фантастическими нишами и весь покрытъ цвѣтами и арабесками, составленными изъ глазированныхъ кирпичей. Такіе кирпичи выдѣлывались въ Кашанѣ, почему носили и теперь еще носятъ названіе Кашанъ; ими украшались стѣны съ внутренней стороны, и высокіе покои, такимъ образомъ изукрашенные арабесками голубого и золотого цвѣта и съ самою изящною мозаикою на полу, должны были дѣйствительно быть поразительно прекрасны. Во дворцѣ находился цѣлый рядъ такихъ покоевъ; женское отдѣленіе преизобиловало пышностью и великолѣпіемъ, а предъ обширною праздничною залою тянулся большой, тѣнистый садъ, и между цвѣточными его грядами струились, журча, милые ручейки.

Впрочемъ, съ теченіемъ времени Самаркандъ своимъ восхитительнымъ положеніемъ отнялъ преимущество у Кеша, сдѣлался настоящею столицею Тимура и скоро своими размѣрами, великолѣпіемъ и важностью возвысился на степень значительнаго города. По свидѣтельству испанскихъ пословъ, онъ былъ только немногимъ обширнѣе Севильи, но при этомъ слѣдуетъ принимать въ расчетъ только цитадель (аркъ) и крѣпость (кал'а), т. е. внутреннюю часть города²⁾; собственное же великолѣпіе и прелесть Самарканда заклю-

¹⁾ Кашанъ и теперь дѣйствительно считается мѣстомъ, гдѣ приготовляются наилучшія глиняныя издѣлія въ Персіи, но производство кирпичей съ глазурью значительно упало, потому что бѣдный Востокъ теперь не можетъ и думать о великолѣпныхъ постройкахъ.

²⁾ Даже и въ этомъ смыслѣ показаніе Клавихо кажется мнѣ слишкомъ ничтожнымъ. Положимъ, что я подъ аркомъ разумѣю обитаемую часть внѣшняго Самарканда, не замокъ; въ такомъ случаѣ старый Самаркандъ, какъ объ этомъ можно заключать по существующему еще крѣпостному району, навѣрно, былъ болѣе Севильи. Сколько я могу припомнить, я ѣхалъ довольно долго, пока отъ Дарвазенъ Бохара (бохарскихъ городскихъ воротъ), чрезъ запустѣлую часть внѣшняго города, служащую теперь кладбищемъ и садомъ, доѣхалъ до внутренности Самарканда.

чались во внѣшней, загородной части, именно въ садахъ, простиравшихся на полторы и двѣ мили, и щеголявшихъ множествомъ увеселительныхъ замковъ и императорскихъ дворцевъ. На востокѣ подымался лѣтній дворецъ *Баи Дилкуша* (садъ, веселящій душу), увеселительное мѣсто, соединенное съ городомъ, именно съ городскими воротами (Дервазе-и-Фирузе), къ сивою длинную аллею, а широкій, высокій и выложенный голубыми и золотистыми кирпичами порталъ этого дворца блестялъ издали. Первый или передній дворъ весь былъ занятъ императорскою гвардіею въ богатомъ вооруженіи, во второмъ—посѣтителя неожиданно поражали выстроенные въ рядъ шесть слоновъ съ башенками, пестрѣвшими разноцвѣтными флагами, и только въ третьемъ, самомъ внутреннемъ дворѣ зданія, Тимуръ обыкновенно давалъ аудіенцію, сидя на коврѣ, вышитомъ шелками. Внутренность этихъ дворовъ состояла, какъ и теперь въ Персіи, изъ густо обсаженнаго ильмами, или тополями бассейна, въ которомъ струя фонтана играла красными и золотыми шариками.—На югѣ былъ дворецъ *Баи Бишмигъ* (райскій садъ), знаменитый какъ своею архитектурною прелестью, такъ и очаровательнымъ расположеніемъ сада. По свидѣтельству Шереф-эд-дина, онъ былъ выстроенъ изъ чистаго, бѣлаго Тебризскаго мрамора на искусственномъ холмѣ, окруженъ глубокимъ рвомъ и многими мостами соединенъ съ паркомъ, на одной сторонѣ котораго находился зоологическій садъ. Тимуръ подарилъ этотъ дворецъ одной изъ своихъ внучекъ, именно дочери Мираншаха, и такъ какъ онъ ее особенно любилъ, то и проводилъ обыкновенно здѣсь свои свободные часы, и это мѣсто считалось также и его армитажемъ (Халветъ). Въ этой части города находился и *Баи Чинаранъ* (садъ тополей), названный такъ за большіе и роскошные тополи, которыми славились его великолѣпныя аллеи. И здѣсь подымался среди сада, выстроенный въ формѣ креста на искусственномъ холмѣ, увеселительный

замокъ, снаружѣ украшенный искусными произведеніями сирійскаго рѣзца, а внутри расписанный аль-фреско и наполненный роскошною и дорогою мебелью, какъ-то: массивными серебряными столами, кроватями и прочими драгоценностями, напоминающими сказочныя чудеса. Еще упоминаются *Баи Шумаль* (сѣверный садъ) и *Баи Но* (новый садъ), дворець квадратной формы, имѣвшій въ каждомъ фасадѣ по полуторы тысячи шаговъ; мраморныя его изваянія возбуждали удивленіе, а его полъ состоялъ изъ мозаики, искусно составленной изъ чернаго дерева и слоновой кости.

Судя по настоящимъ, только скуднымъ остаткамъ изъ блестящаго періода Самарканда, описанія прежнихъ великолѣпныхъ зданій, дошедшія до насъ, вовсе не преувеличены. Сооруженная султаномъ Худабендехомъ, сто лѣтъ раньше, мечеть въ Султаныи и на половину не была такъ прекрасна, какъ Тимурова *Месджиди Шахъ*, поднимающаяся надъ развалинами нынѣшняго Самарканда; на ея порталѣ, какъ рассказываетъ намъ Баберъ, находилось изреченіе изъ корана, начертанное такими огромными буквами, что его можно было читать за милю, даже за двѣ (кerve). Также и позднѣйшія постройки подобнаго стиля, какъ напр. большая мечеть въ Исфагани, на площади Мейдани Шахъ, мавзолей въ Кумѣ и въ Меш'гедѣ далеко уступаютъ произведеніямъ, созданнымъ щедростію Тимура. При его потомкахъ, именно при Шахрухѣ и Мирзѣ Гусейнѣ Байкарѣ, страсть къ постройкамъ еще была довольно сильна въ центральной Азій, какъ видно изъ развалинъ на площади Мосаллахъ въ Гератѣ и въ красивой мечети принцессы Говгеръ Шахъ въ Меш'гедѣ; но высшей степени своего развитія достигла эта страсть только при Тимурѣ, только при этомъ, такъ называемомъ, „дикомъ варварѣ“. Подобное слѣдуетъ сказать и по отношенію къ промышленности. По повелѣнію Тимура, въ Самаркандѣ должны были переселяться и самые искусные ткачи шелка изъ Дамаска, и знаменитые хлопчато-бу-

важные фабриканты изъ Алеппо, и фабриканты суконъ изъ Энгюрю, и золотыхъ дѣлъ мастера изъ Турціи и Грузіи, словомъ, все, что только было искуснаго въ промышленности обрабатывающей. Поэтому здѣсь, въ Самаркандѣ, были представители всѣхъ націй и религій, и Клавихо едва ли ошибается, оцѣнивая въ 150,000 душъ общее число его жителей, изъ которыхъ многіе, за недостаткомъ жилищъ, пріютились подъ тѣнью деревьевъ и въ пещерахъ. Легко понять, что при такихъ отношеніяхъ Самаркандъ скоро сдѣлался также складочнымъ пунктомъ для всѣхъ статей азіатской торговли. Особенно процвѣтала въ немъ внутренняя торговля, достигшая громадныхъ размѣровъ и важности. Сюда приходили изъ Индіи богатые караваны съ пряностями и красками; Китай посылалъ шелковыя издѣлія, фарфоровыя сосуды, мускусъ, агаты и дорогіе камни, а изъ сѣверной части гигантской имперіи доставлялись чрезъ пустыню большіе грузы самыхъ дорогихъ мѣховъ. На рынкѣ Самаркандскомъ эти продукты самыхъ разнообразныхъ поясовъ укладывались въ тюки и не только разсылались по главнымъ городамъ западной Азіи, но даже перевозились въ Европу по двумъ главнымъ направленіямъ. По одному изъ нихъ торговля шла чрезъ Харезмъ, Астрабадъ, Нижній-Новгородъ и Москву въ руки Ганзы, а по другому—чрезъ Герать, Кузвимъ, Таврисъ и Трапезунтъ, потомъ на купеческихъ судахъ Генуэзцевъ, Венеціанъ и Пизанцевъ въ Европу. И торговля сношенія, несмотря на весьма тревожное воинственное время, были оживленныя и совершенно безопасныя вездѣ, куда только доходила тѣнь Тимурова владычества. Лучшія доказательства этого представляетъ часто упоминаемое нами испанское посольство; оно могло спокойно путешествовать отъ Трапезунта, иногда чрезъ непріятельскую область, въ Самаркандъ, почти безъ всякаго конвоя, большимъ караваномъ, навьюченнымъ драгоценностями запада—и это было послѣ рѣшительной битвы при Энгюрю, въ то

время, когда анархія достигла въ западной Азіи своего зенита.

Что касается духовнаго полета, даннаго центральной Азіи появленіемъ Тимура, то о немъ мы будемъ обстоятельно говорить въ слѣдующей главѣ, такъ какъ онъ принадлежитъ къ заслугамъ его сыновей и внуковъ, т. е. Тимуридовъ. Ему же самому подобаеъ хвала за то, что онъ далъ національное турецкое направленіе научному стремленію и этимъ выдвинулъ на первый планъ турецкую народность въ такой мѣрѣ, въ какой никогда до него не было это сдѣлано. Тимуромъ начинается собственно турецкій періодъ средней Азіи, потому что Харезмскіе князья, также какъ и Сельджукиды, хотя и Турки по происхожденію, обожали ирано-западно-исламскую культуру и также мало сдѣлали для процвѣтанія турецкой народности, какъ и турецкая Каджарская династія нынѣшней Персіи. Тимуръ, олицетворившій собою побѣду Турокъ надъ монголо-китайскимъ міромъ, постоянно и всѣми способами старался доставить турецкому элементу исполнѣ заслуженное имъ превосходство. Хотя его дворъ изобиловалъ иностранными учеными и художниками, но официальнымъ языкомъ страны всегда оставался турецкій, и даже были удержаны монголо-югурскія письмена, отъ всего сердца ненавидимыя фанатическими мусульманами, какъ остатокъ христіано-буддистическаго язычества. Самъ Тимуръ писалъ плавнымъ и выразительнымъ турецкимъ сло-гомъ, какъ это всего лучше доказываютъ часто упоминае-мая его „Тююкаты“. При этомъ онъ никогда не былъ особенно расположенъ къ пышнымъ оборотамъ рѣчи и къ изысканнымъ до крайности метафорамъ тогдашнихъ поэтовъ и официальныхъ писателей; тотъ, предъ кѣмъ дрожало бо-лѣе половины Азіи, предъ чьимъ трономъ повергалось въ прахъ столько династій, началъ свои дипломатическіе акты такою совершенно простою фразою: „Меня тангри кули Ти-муръ“, по русски — „Я, рабъ Божій Тимуръ, говорю то, что

слѣдуетъ ¹⁾." Какой рѣзкій контрастъ съ изысканнымъ титулованіемъ позднѣйшихъ хановъ или нищенствующихъ государей Бохары!

Впрочемъ, въ восточной части Тимуровой имперіи, несмотря на вѣчныя войны и смуты, было замѣтно, еще при жизни завоевателя, и даже не маловажное духовное движеніе въ сферѣ религиозныхъ, также какъ и мірскихъ знаній. Исторія повѣствуетъ намъ объ одномъ Алидѣ изъ фамиліи Зинъ уль Абидинсъ, именно о мистикѣ *Сейдъ Али Гамадани*, который три раза обошелъ обитаемый міръ въ качествѣ миссіонера и проповѣдника и, наконецъ, скончался въ Хатланѣ, по эту сторону Окса, въ 786 (1384) году, обнародовавъ передъ тѣмъ много твореній эстетическаго и миѣческаго содержанія. Во время Тимура жилъ и въ 791 (1388) году умеръ великій мистикъ *Ходжа Бага-эд-динъ* и основатель ордена Накишбенди. Онъ и теперь—высокочтимый національный святой Бохары, и трехкратное путешествіе на поклоненіе его гробницѣ, удаленной отъ столицы только на четверть часа пути, стобитъ пилигримства къ далекой Каабѣ. — Между свѣтскими учеными заслуживаютъ упоминанія: поэтъ *Лутфуллахъ Шишабури*, придворный поэтъ и панегиристъ принца Мираншаха, — не завидная должность, такъ какъ этотъ принцъ, какъ извѣстно, былъ пьяница и необузданный развратникъ; но перлы поэзіи, которыми Лутфуллахъ, по своему положенію, долженъ былъ украшать грязное животное, пользовались немалымъ почетомъ. Впрочемъ, онъ былъ высоко цѣнимъ Тимуромъ и умеръ въ 786 (1384) году. *Шейхъ Кемаль-эд-динъ Ходженои*, столько

¹⁾ Я хочу здѣсь ксгати исправить ошибку въ моихъ „Uigurischen Sprachstudien“ на стр. 17, гдѣ приписалъ эмиру Тимуру патентъ, написанный по югурски на берсгахъ Днѣпра въ 800 (1397) году и хранящійся въ Вѣнской придворной библіотекѣ. Этотъ письменный документъ принадлежитъ не эмиру Тимуру, а Тимуру Куглугу, изъ дома Джюджи, потому что и въ Золотой Ордѣ официальное письмо и языкъ были также югурскіе.

же прославившійся сочиненіемъ Касидъ, сколько его соименникъ и современникъ изъ Исфгани, именно Кемаль-эд-динъ Исфгани, своими Газелями. По взятіи его родного города. ханомъ Тохтамышемъ, поэтъ долженъ былъ по приказанію побѣдителя переселиться въ столицу на Волгѣ; здѣсь ему сначала очень понравилось ¹⁾, но потомъ, чрезъ четыре года, онъ принялъ приглашеніе Илханида, султана Гусейна, въ Тебризъ, гдѣ въ честь его былъ построенъ великолѣпный Шанкахъ (монастырь), въ которомъ онъ и скончался въ 793 (1391) году. Годомъ позже умеръ въ Самаркандѣ великій ученый *Улама Тефцини*, родившійся въ Ирабѣ въ 722 (1322) г. и уже на 16 году жизни обнародовавшій толкованіе на Ригани. Онъ жилъ попеременно въ Гератѣ, Джамѣ, Сарахсѣ, Самаркандѣ, Гидждованѣ, Туркестанѣ и Харезмѣ, и въ равной мѣрѣ былъ знаменитъ какъ богословъ, правовѣдъ, грамматикъ и эзегетъ. Число его твореній и статей было больше числа лѣтъ его жизни. Поэтъ *Ахмедъ Кермани*, авторъ Тимуръ-намеха, исторіи Тимура, написанной стихами, былъ на такой короткой ногѣ съ могущественнымъ завоевателемъ, что позволялъ себѣ въ отношеніи къ нему остроты, за которыя казнилъ бы смертью не одинъ полубразованный монархъ нынѣшней Азіи ²⁾. Не

¹⁾ Онъ говорилъ въ одномъ стихѣ (по Тарихи Сеидъ Ракина стр. 29):

Эгеръ сераи дилберанъ сераи
Біаръ баде, ки фаригъ шевемъ зи геръ ду сераг,

т. е. если ты Сераи (дворецъ), то ты въ самомъ дѣлѣ дворецъ райскій; явна сюда, чтобы я могъ покинуть оба двorca (этого и того свѣта)! Подробности о Кемаль-Ходженди см. Гаммера Исторію персидскаго краснорѣчія, стр. 255.

²⁾ Однажды Тимуръ былъ въ банѣ съ Кермани и другими литераторами того времени; разговоръ случайно коснулся личнаго достоинства людей, и Тимуръ спросилъ поэта: „какъ дорого ты оцѣнилъ бы меня, если бы меня продавали?“ „Въ двадцать пять асперовъ“, отвѣчалъ Кермани. „Да столько стѣбитъ поясъ, что на мнѣ“, возразилъ Тимуръ. „Да я и думаю

незначительно было и число иностранных ученых и поэтовъ, пользовавшихся расположеніемъ и защитою Тимура. Всѣ тѣ, кого онъ переселилъ изъ разныхъ частей Азіи въ Трансоксанію, были щедро вознаграждены. Способные люди, какъ *Джезери*, составитель самага большого арабскаго словаря, получали блестящія придворныя должности, а ученые профессора изъ Нишабура, Багдада, Мерва и Харезма получали въ коллегіяхъ Бохары, Самарканда и Кеша гораздо болѣе доходовъ, чѣмъ сколько имѣли прежде. Вообще, въ блестящій періодъ Тимура развилась такая роскошь въ основаніи и богатомъ одареніи коллегій, что ея слѣды приводятъ въ изумленіе нынѣшняго посѣтителя Бохары. Тимуръ самъ подавалъ примѣръ, и отдѣльные члены его фамиліи, также какъ и визири и прочіе богачи страны, соперничали между собою въ устройствѣ и одареніи коллегій, мечетей, читальныхъ домовъ и лазаретовъ; поэтому духовный полетъ центральной Азіи можетъ быть причисленъ, если и не непосредственно, но навѣрно къ заслугамъ эмира Тимура.

только о поляхъ", возразилъ Керманн, „потому что ты самъ не стоишь и фенига.“

ХІІ.

Тимуриды.

807 (1405)—906 (1500).

Тимуръ не такъ былъ счастливъ своими преемниками, какъ монгольскій его предшественникъ на поприщѣ всемирныхъ завоеваній. Послѣдній только положилъ основаніе обширному владычеству, упроченіе же его а также и разширеніе было предоставлено мощнымъ рукамъ его сыновей и внуковъ. Первый же самъ возвелъ до верху зданіе своего господства, а его дѣти, вмѣсто того, чтобъ служить ему подпорами, первые довели его до паденія и совершеннаго уничтоженія своимъ несогласіемъ и яростными междоусобіями. Дженгизиды могли въ продолженіи *двухъ* столѣтій господствовать въ средней и западной Азій, преемники Тимура едва только *одно* столѣтіе владѣли землями, доставшимися имъ по наслѣдству, хотя и между ними были личности, которыя еще долго будутъ приводить потомство въ удивленіе своими административными талантами, блестящими дарованіями и благородствомъ души ¹⁾.

1) Это отношеніе поразило и ученаго француза М. Белэна. Говоря о періодѣ Тимуридовъ въ своемъ „Notice bibliographique et littéraire sur Mir Ali-Chir Nevâii“, онъ дѣлаетъ на стр. 29 и такое замѣчаніе: „Il y a lieu de

Едва только были преданы землѣ въ Самаркандѣ брѣнные останки великаго покойника и еще не окончились траурныя церемоніи, какъ между его наслѣдниками вспыхнула борьба изъ-за короны. Такъ какъ сыновья Тимура, за исключеніемъ мудраго и благороднаго Шахмура Мурзы, правившаго Хоразаномъ, всѣ умерли прежде него¹⁾, то Тимуръ и назначилъ своимъ преемникомъ того изъ своихъ внуковъ, въ геройствѣ котораго онъ всего болѣе былъ увѣренъ. Это—Пиръ Могаммедъ ханъ, государь Индіи и Кабула, проведшій свою юность въ бранныхъ тревогахъ, а въ позднѣйшіе годы, пристрастившись къ вину и разврату, онъ передалъ бразды правленія хитрому и коварному визирю Пиру Али Тазу. Извѣстіе о кончинѣ дѣда застало его въ Кабулѣ среди кутежа. Еслибы онъ сумѣлъ въ ту пору тотчасъ собраться съ силами и, переѣмнивъ пѣнящійся бокаль на блестящее оружіе, двинуться за Оксъ, то ему бы легко удалось овладѣть короной, въ виду тѣхъ смуть и нерѣшительности, которыя господствовали при дворѣ²⁾. Но онъ медлил, и потому его успѣлъ предупредить 21 лѣтній сынъ Мираншаха *Султанъ Хамль Мирза*, проживавшій въ то время въ Ташкентѣ. Здѣсь онъ, при помощи нѣсколькихъ вліятельныхъ офицеровъ, взомель на дѣдовскій престолъ и немедленно двинулся въ Самаркандъ, чтобъ скопленными тамъ сокровищами и богатства-

s'étonner que le goût des lettres n'ait pu exercer sur ces princes doués pour la plupart, d'une certaine philosophie religieuse, une influence salutaire sur leur rudesse et leur cruauté naturelle“.

¹⁾ Отъ своихъ вполнѣ законныхъ, женъ Тимуръ имѣлъ четырехъ сыновей: 1) Галс-эд-дина Джигангира, 2) Муиз-эд-дина Омара Шейха, 3) Мираншаха и 4) Шахруха Мирзу.

²⁾ Именно въ совѣтѣ военачальниковъ господствовало разногласіе на счетъ самаго начала дѣйствій. Нѣкоторые были того мнѣнія, что слѣдуетъ скрыть смерть императора и напасть на Монголовъ и Китайцевъ, уже запугавшихъ; другіе же совѣтовали немедленное отступленіе, и подъ конецъ эти то послѣдніе и одержали верхъ въ застѣваніи.

ми приобрести себѣ расположение и тѣхъ, которые, по смыслу Тимурова завѣщанія, хотѣли поставить Пира Могаммеда во главѣ правленія. Партія этого послѣдняго, дѣйствительно, была сильная¹⁾, и Халиль Мирза могъ себя поздравить, когда ему удалось разстроить ея планы и распространить свое господство надъ землями по ту сторону Окса; но къ чему все это послужило? Его кротость и мечтательность назначили его быть скорѣе поэтомъ, нежели государемъ. Одною рукою раздавая съ расточительною щедростью несмѣтныя сокровища своего дѣда, онъ привлекъ къ себѣ многихъ вліятельныхъ вельможъ, и въ то же время другою рукою онъ оттолкнулъ отъ себя не одного стараго служителя своего предка и въ короткое время нажилъ себѣ самыхъ ожесточенныхъ враговъ. Много неудовольствія причинила, какъ говорятъ, страстная любовь Халиля къ дамѣ, поимени Шад-и-Мулъкъ (царства радость), прежней рабѣ Хаджи Сейфф-эд-дина, на которой онъ женился по воле на престолѣ. Еще Тимуръ хотѣлъ потушить это не аристократическое пламя своего сына умерщвленіемъ прекрасной невольницы, но она ушла, чтобъ потомъ, въ качествѣ государыни, увлечь своего супруга къ таежнѣ дѣламъ, которыми онъ вооружилъ противъ себя самыхъ вѣрныхъ своихъ приверженцевъ²⁾. Прежде всего возстали Эмиры Худададъ и Шейхъ Нур-эд-динъ, овладѣвшіе про-

¹⁾ Во всей арміи только незначительное меньшинство согласно было на исполненіе Тимурова завѣщанія. Во главѣ недовольныхъ стояли съ одной стороны Мирза Султанъ Гусейнъ, внукъ Тимура, а съ другой стороны генералъ Бурундукъ; но они уже потому не могли разстроить плана Халиля, что никогда небыли согласны въ своихъ заключеніяхъ по этому поводу и очень поздно приступили къ дѣйствіямъ.

²⁾ Эта женщина при жизни Тимура должна была занимать въ гаремѣ своего господина слишкомъ подчиненное положеніе сравнительно съ прочими женщинами; потому, достигнувъ счастья, она тѣмъ съ большею яростью предалась мщенію и этимъ оскорбила не одного изъ близкихъ къ государю вельможъ.

винцію Туркестаномъ и частью Ферганы. Скоро потомъ и другія свободныя племена пустыни отказали ему въ послушаніи, но Халиль, сочинявшій, дома въ Самаркандѣ, газели¹⁾ въ честь своей красавицы, еще долго оставался бы въ бездѣйствіи, если бы Пиръ Могаммедъ, добиваясь наслѣдства, не приблизился къ Оксу съ большою арміею и не сталъ сильно угрожать положенію Халиля. Съ первымъ отрядомъ войска, посланнымъ противъ наступающаго, Халиль самъ долженъ былъ сразиться²⁾, вслѣдствіе безчестной измѣны. Мирза Султанъ Гусейнъ, Халиля племянникъ, которому было поручено командованіе, взбунтовался, съ намѣреніемъ основать для себя государство на лѣвомъ берегу Окса. По счастью, Халиль во время узналъ объ этомъ, двинулся противъ него и побѣдилъ его въ сраженіи при Джигделикѣ, въ округѣ Кеша. Послѣ этого были возобновлены переговоры между обоими претендентами, но они не привели ни къ какой цѣли; тогда только пламя войны между ними вспыхнуло со всею силой. Пиръ Могаммедъ, уже перешедшій черезъ Оксъ, подвергся нападенію въ окрестностяхъ Несефа, былъ обращенъ въ бѣгство и долженъ былъ спастись, покинувъ лагерь и багажъ. За эту первую попыткой слѣдовала вторая, также неудачная. Пиръ Могаммедъ, весьма преданный пьянству и распутству всякаго рода, не сохранилъ въ себѣ ни одной искры прежняго геройства и скоро потомъ, вблизи Шиборгана, былъ

¹⁾ Миръ Али Ширъ цитуетъ изъ его газелей слѣдующую строфу, которая обнаруживаетъ скорѣе искусство въ аллитераціи, чѣмъ особенную поэтическую красоту. Вотъ она:

Эй турк-и пери пейкеримизъ терк-и-джефа кылъ

Камъ дилимизъ Лаал-и-реванъ бахшрева кылъ,

т. е. О ты, мой Пери подобная красавица, перестань же мучить и пусть изливается моя сердечная радость, одушевляющій меня рубинъ (поцѣлуй)!

²⁾ См. Матла'езъ Са'дейнъ, — собственность вѣнской императорской придворной бібліотеки, листъ 19.

умерщвленъ¹⁾ въ своей собственной палаткѣ въ 809 (1406) году своимъ визиремъ, извѣстнымъ Пиромъ Али Тазомъ²⁾. котораго онъ изъ простого слуги возвелъ въ самый высокій санъ. Съ юга Халиль былъ теперъ обезпеченъ, за то тѣмъ тревожнѣе было положеніе сѣвера его государства: здѣсь мятежные эмиры Худададъ и Шейхъ Нур-эд-динъ, распространяя кругъ своей власти, привлекли на свою сторону и прочихъ вельможъ и съ незначительными военными силами двинулись прямо на Самаркандъ. Халиль послалъ противъ мятежниковъ армию подъ предводительствомъ эмировъ Аргуншаха и Аллахдада, которые, впрочемъ, оба находились въ тайномъ союзѣ съ непріателемъ, такъ что, когда благородный, но несчастный Тимуридь отправился, въ сопровожденіи немногихъ вѣрныхъ, къ арміи, то они ему измѣнили и онъ подвергся нападенію небольшого отряда Худадада въ развалинахъ цитадели Шираза, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ предъ своего прежняго вассала. Здѣсь Халиль долженъ былъ отказаться отъ своей короны и въ вознагражденіе получить изъ рукъ своихъ мятежниковъ власть надъ Кашгаромъ; но не этотъ неожиданный ударъ судьбы его сокрушалъ — онъ былъ разлученъ съ искренно любимую Шад-и-Мулъкъ и только и дѣлалъ, что изливалъ свое страданіе въ жалобныхъ плачевныхъ пѣсняхъ. Не долго, впрочемъ, счастье улыбалось и его побѣдителю, овладѣвшему между тѣмъ Самаркандомъ со всѣми, находившимися тамъ, сокровищами и отдавшему на позоръ и осмѣяніе и даже на самыя гру-

¹⁾ Въ литографированномъ изданіи Раузатъ эсъ Сефа стоитъ Миръ Али Яръ. Тарихи Сендъ Ракимъ пишетъ Али Яръ, также и Тарихи Меккигъ хани, и все же я болѣе довѣряю старой и прекрасной рукописи Матіа эсъ Садейвъ.

²⁾ Вѣроломный визирь сдѣлалъ это съ тѣмъ, чтобъ самому быть княземъ Афганистана и сѣверной Индіи; но возстаніе вельможъ принудило его къ бѣгству, — онъ спасся въ Гератъ, гдѣ и велѣлъ его казнить Шахрухъ, которій привлекъ подъ свой скипетръ землю сына своего брата.

быя оскорбленія¹⁾, черня принцессу Шад-и-Мулькъ. Шахрухъ Мирза, самый старшій изъ Тимуридовъ, находившійся тогда на вершинѣ своего величія въ Гератѣ, не могъ долѣе оставаться равнодушнымъ къ переворотамъ въ Трансоксаніи. Этотъ превосходнѣйшій и славнѣйшій князь своего дома, дворъ котораго былъ средоточіемъ науки и образованности того времени, чувствовалъ себя среди иранскихъ элементовъ Хоразана, расположенныхъ къ просвѣщенію, слишкомъ счастливымъ, чтобы предаваться особеннымъ заботамъ о господствѣ въ при-Окскихъ земляхъ. Все, что тамъ происходило послѣ смерти его отца, мало его занимало. Но теперь, когда онъ увидѣлъ въ опасности династическіе интересы, не могъ долѣе удерживаться отъ войны, какъ ни не любилъ ея. Получивъ извѣстіе о несчастіи своего племянника, онъ тотчасъ двинулся съ арміею противъ Худадада²⁾, который, еще не приготовившись къ сопротивленію, лицемѣрно изъявилъ покорность. Но Шахрухъ не позволилъ обморочить себя: онъ продолжалъ свое движеніе къ Самарканду, гдѣ и былъ принятъ жителями съ блескомъ и пышностью, а мятежный Худададъ, въ испѣшномъ бѣгствѣ, отступилъ къ Ташкенту и обратился за помощію къ монгольскому князю Мегеммеду хану, который, какъ легко было предвидѣть, не осмѣлился стать въ непріязненные отношенія къ могущественному Шахруху. Вмѣсто того, чтобы оказать помощь, онъ велѣлъ своему брату Шема-Джигану схватить бѣглаго мятежника. Скоро

¹⁾ Мирхондъ рассказываетъ, будто Шахрухъ, по взятіи Самарканда, отдалъ принцессу на поруганіе. Но мнѣ кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ противоположный рассказъ, приводимый и Малькольмомъ въ его исторіи Персіи. Шахрухъ самъ имѣлъ романтическія отношенія къ своей супругѣ Гоухеръ Шадъ и, судя по преданію, и до сихъ поръ сохранившемуся объ этихъ отношеніяхъ, трудно повѣрить, чтобы онъ рѣшился еще болѣе оскорблять своего племянника и безъ того уже удрученнаго страданіями любви.

²⁾ Худададъ производилъ свой родъ отъ Чагатайдовъ; хотя это и сомнительно, но вѣрно то, что онъ былъ представителемъ притязаній начальниковъ Джетовъ, побѣжденныхъ Тимуромъ, и что всѣ Монголы и Калмыки на сѣверовостокѣ Трансоксаніи толпами стекались подъ его знамена.

потомъ Худададъ былъ обезглавленъ, и отрубленная голова его была представлена Шахруху, какъ монгольскій знакъ дружбы.

Когда Трансоксанія была такимъ образомъ нѣсколько умиротворена, то и вспомнили о томившемся въ заключеніи Мирзѣ Халилѣ. Такъ какъ онъ, по умерщвленіи Худадада, былъ переведенъ братомъ послѣдняго въ крѣпость на хребтѣ Алатау, то Шахрухъ и послалъ своего генерала Шахмулка взять ту крѣпость. Мирза Халиль, повидимому, болѣе страшился руки своего спасителя, чѣмъ своихъ мятежныхъ вельможъ, потому что потребовалъ надежнаго конвоя, который и былъ данъ ему. Только въ сопровожденіи его онъ отправился въ находившійся на лѣвомъ берегу Яксарта лагерь Шахруха, который обнялъ его и осыпалъ всеми знаками искренней дружбы; даже горячо любимая Шад-и-Мулькъ была ему возвращена, но престола онъ лишился. Чтобы хоть нѣсколько вознаградить его за это, Шахрухъ назначилъ его намѣстникомъ въ Иракъ, но онъ умеръ на дорогѣ туда въ 812 (1409) году и, какъ сказываютъ, Шад-и-Мулькъ = восхищеніе господства, правильнѣе же сказать, гибель его господства, — послѣ кончины своего нѣжнаго супруга, сама себя съ горя лишила жизни ¹⁾. Въ слѣдующемъ году Шахрухъ долженъ былъ еще разъ перейти Оксъ съ оружіемъ въ рукѣ. Смѣна правителей въ Трансоксаніи вызвала возмущеніе вельможъ, сдѣлавшихся черезъ-чуръ дерзкими, вслѣдствіе уступчивости Халиля. Ставшій во главѣ ихъ, Эмиръ Шейхъ Нур-эд-динъ захотѣлъ утвердить за собою престолъ и открылъ военныя дѣйствія, но былъ въ самомъ началѣ ихъ разбитъ генераломъ Шахмулькомъ и отступилъ къ Ташкенду, между тѣмъ какъ его соумышленники жестоко заплатились за свой проступокъ.

¹⁾ Рассказываютъ, что Шад-и-Мулькъ немогла пережить смерти своего вѣрнаго супруга, сама возила себѣ кинжалъ въ грудь и была погребена вмѣстѣ съ мужемъ въ одной и той же могилѣ.

Шахрухъ Мирза, соединившій теперь подъ своимъ скипетромъ всё владѣнiя своего отца, за исключенiемъ Сирiи и Арабистана, передалъ управленiе Трансоксанию первородному сыну своему *Улугъ бегу*, который не только былъ достоинъ своего отца, но еще превзошелъ его въ благородномъ стремленiи къ наукѣ и образованiю. Это—единственный Тимуридъ, котораго имя съ почтенiемъ упоминалось даже на христіанскомъ западѣ и нѣсколько вѣковъ спустя. Улугъ бегъ, носившій собственное имя Мегеммедъ Тургай, имѣлъ 15 лѣтъ отъ роду, когда умеръ его дѣдъ, слѣдовательно только девятнадцать, когда ему было поручено трудное дѣло управленiя Трансоксанию—и, однакожь, время его довольно продолжительнаго правленiя составило золотой вѣкъ Тимуридовъ для земель по ту сторону Окса. Благодаря высокому почету, которымъ пользовался его отецъ, спокойствiе въ Туранѣ мало было нарушаемо, и хотя Монголы много разъ принуждали его къ войнѣ, такъ что онъ однажды долженъ былъ дойти даже до Аксу, но мы считаемъ нужнымъ упомянуть изъ его правленiя только о томъ нападенiи съ сѣвера, которое имѣло несчастный исходъ и надѣлало много зла Трансоксани. Боракъ Огланъ, сынъ поставленнаго Тимуромъ Кипчакскаго хана Ковурджака, стѣсненный врагами, долженъ былъ уйти въ 828 (1421) году въ Туркестанъ, въ окрестности Сиганака, и скоро потомъ объявилъ свои притязанiя на владѣнiе, по праву, этою крѣпостью, которой комендантъ постоянно присылалъ жалобы на опустошенiя, производимыя кипчакскими или узбекскими наѣздниками, какъ называетъ ихъ Абурреззакъ, сочинитель „восхода обѣихъ счастливыхъ звѣздъ“. Улугъ бегъ рѣшился лично туда отправиться. Отецъ, не слишкомъ довѣрившій воинскимъ способностямъ этого сына, послалъ къ нему съ вспомогательными войсками и своего второго сына Мегеммеда Джуги, Но Улугъ бегъ, не дождавшись его прибытiя, началъ битву и былъ на голову разбитъ хотя и малочисленною, но луч-

шею кавалерією Борака. Не меньше досталось и подоспѣвшему между тѣмъ Джуги, и побѣдоносныя кипчакскія орды могли распространить свои грабежи и опустошенія даже за Ходжендѣ. Послѣ этой катастрофы, царственный сынъ, чувствовавшій себя, въ нѣжномъ юношескомъ возрастѣ, счастливымъ только въ обществѣ ученыхъ, могъ тѣмъ съ большею свободою предаться наукамъ и украшать свою резиденцію памятниками зодчества, которыхъ развалины еще и теперь представляютъ краснорѣчивое доказательство изящнаго вкуса и щедрости строителя. Баберъ, набросавшій въ своихъ мемуарахъ довольно вѣрную картину тогдашняго Самарканда, поименовываетъ слѣдующія изъ зданій Улугъ бега: 1) Ханкахъ (монастырь), имѣвшій самый высокій въ мірѣ куполь; 2) Коллегію, княжески одаренную, съ прекраснѣйшею ванною, выложенною искусною мозаикою. Она была построена въ 828 (1424) году, но уже чрезъ 200 лѣтъ въ развалинахъ ея великолѣпныхъ келій совы, вмѣсто прилежныхъ студентовъ, проводили ночи въ бдѣніи. 3) Месджида Мокатта, (паркетная мечеть), названная такъ потому, что ея внутреннія стѣны и потолокъ были покрыты пестрыми арабесками и украшеніями, составленными изъ цвѣтныхъ кусковъ дерева (?). 4) Дворецъ Чихль Сутунъ съ великолѣпной колоннадой, то съ прямыми, то съ извилистыми колоннами, и имѣвшій четыре высокія башни. 5) Тронная зала (Кѣрюнюшхане ¹⁾) изъ большихъ мраморныхъ кусковъ; въ ней платформу трона составлялъ колоссальный камень въ 15 аршинъ длины, 8 аршинъ ширины и 1 аршинъ вышины, получившій при перевозкѣ трещину ²⁾. Въ саду этого зданія находилась и *картинная галлерей* (Чини-хане), которой стѣны

¹⁾ Кѣрюнюшхане, по турецки, буквально означаетъ домъ для взаимнаго свиданія, слѣд. родъ Salon de Conversation.

²⁾ Это, кажется, не тотъ знаменитый Кѣкташъ (голубой камень), который я видѣлъ въ Самаркандѣ и о которомъ дѣлаю упоминаніе на стр. 167 моей книги путешествій. И на томъ тоже есть трещина, но ея длина, показанная мною, значительно разнится съ показаніемъ Бабера.

были покрыты живописью, альфреско, нарочно изъ Китая выписанными художниками. 6) Знаменитая обсерваторія, начатая въ 832 (1428) году у подошвы холма Когикъ, и именно по предложенію и съ помощью ученыхъ Казизаде Руми, Гаяс-эд-дина Джемидъ, Муайин-эд-дина Кашани и израильянина Селах-эд-дина, которыхъ призвалъ къ себѣ изъ Кашана ученый князь и награждалъ съ княжескою щедростію. Эта постройка длилась такъ долго, что до окончанія ея не могъ дожить ни одинъ изъ этихъ ученыхъ, рано потерявшихъ въ затмѣніи, по выраженію поэта, звѣзду своей жизни. Ученый Али Кунджи окончилъ это зданіе, и знаменитыя астрономическія таблицы Улугъ бега, или, какъ ихъ также называютъ, Керекенскія таблицы, были составлены въ 841 (1437) году. Улугъ бегъ нашелъ, что времясчисленіе Птолемея не согласно съ наблюденіями въ Самаркандѣ, поэтому онъ предпринялъ, съ помощью своихъ ученыхъ, провѣрку его, — и произведеніе греческой учености, освященное татарскимъ знаніемъ, приобрѣло новое достоинство ¹⁾. Абдуррезакъ, авторъ часто упоминаемаго историческаго творенія „восходъ обѣихъ счастливыхъ звѣздъ“, говоритъ съ восхищеніемъ о видѣнныхъ имъ искусныхъ инструментахъ для измѣренія высоты и для опредѣленія градусовъ и не можетъ выразить вполнѣ своего удивленія, какъ на небесномъ глобусѣ точно изображено теченіе здѣздъ и планетъ, а на земномъ — всѣ земли, горы, пустыни и моря. Обсерваторія, по справедливости, считалась чудомъ свѣта, для обзорѣнія ко-

¹⁾ Таблицы Улугъ бега раздѣлены на четыре части и содержатъ: 1) различныя эпохи и эры; 2) знаніе времени; 3) теченіе планетъ; 4) положеніе неподвижныхъ звѣздъ. Первое извѣстіе объ этихъ таблицахъ Западъ получилъ отъ ученаго ориенталиста и математика Джона Гривза, профессора въ Оксфордѣ, въ 1642—48 году. Докт. Тома Гайдъ перевелъ и обнародовалъ въ 1665 году весь реестръ съ біографіей Улугъ бега. подъ заглавіемъ: „Tabulae longae lat. Stellarum fixarum ex observationi Ulug Beighi, Tamerlanis magni nepotis“. Эта книга съ исправленіями Шарпа была напечатана въ 1767 году, а позже М. Седилло перевелъ ее на французскій языкъ. См. С. Markhams Indian Surveys, стр. 295.

того прибыла изъ Герата въ Самаркандъ въ 823 (1420) году даже мать князя, высокочтимая Говхеръ Шадъ (драгоцѣнная радость). Улугъ съ любовью былъ преданъ не одной только астрономіи и математикѣ, но и прочимъ отраслямъ науки. Поэты ¹⁾ и ученые стекались со всѣхъ сторонъ къ его двору, отецъ и сынъ выказывали даже взаимное соревнованіе въ привлеченіи къ себѣ того или другого ученаго или художника, и время правленія Улуга въ нѣкоторой степени можетъ быть сравнимо развѣ только съ эпохою великихъ Саманидовъ.

Къ сожалѣнію, это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока живъ былъ Шахрухъ Мирза, когда же онъ скончался въ 850 (1446) году,—густыя, мрачныя облака заволокли столь долго ясный горизонтъ средней Азіи, и драгоцѣнные плоды мира скоро погибли среди кровавыхъ междоусобій. Улугъ бегъ, какъ первенецъ Шахруха, считавшій себя наследникомъ всѣхъ владѣній своего отца, отправился было въ Хоразанъ, но на дорогѣ узналъ, что его племянникъ Ала-эд-довлетъ, сынъ Байсонкура Мирзы, предупредилъ его, овладѣлъ Гератомъ и взялъ въ плѣнъ его сына Абдуллатифа. Добродушный Улугъ не рѣшился воевать съ непріателемъ, въ рукахъ котораго была жизнь его дитяти, и примирился съ нимъ съ условіемъ, что Абдуллатифъ получитъ свободу и будутъ выданы его солдаты и сокровища. Первая часть этого договора была выполнена Ала-эд-довлетомъ, что же касается второй, то большая часть воиновъ Абдуллатифа была казнена, а о возвращеніи сокровищъ Ала-эд-довлетъ не хотѣлъ и слышать. При такихъ обстоятельствахъ Улугъ бегъ былъ принужденъ къ войнѣ. Обѣ стороны приготовились къ ней самымъ лучшимъ образомъ. Ала-эд-довлетъ поставилъ на карту большую часть богатствъ, скопленныхъ

¹⁾ При дворѣ Улугъ бега были въ большомъ почетѣ, кромѣ придворнаго поэта, Ходжи Исмета Вохари, еще слѣдующіе стихотворцы: Хіали, Бурундукъ, Рустемъ Хуріани и Тагиръ Абъюрди.

Шахрухомъ въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, и набралъ войско. Не смотря на это, онъ сперва попытался мирно рѣшить дѣло, но это не удалось, и при Турнабѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Герата, произошло сраженіе, въ которомъ Улугъ бегъ одержалъ блистательную побѣду, а его противникъ, лишившись короны и арміи, долженъ былъ спастись въ Мешгедъ. Герать, вмѣстѣ съ находившимися въ немъ сокровищами, достался въ руки законнаго наслѣдника, потому что Улугъ бегъ былъ самый старшій сынъ Шахруха Мирзы. Для преслѣдованія своего соперника онъ двинулся въ западный Хоразанъ и, соединившись съ своимъ братомъ Эбулказимомъ Баберомъ Мирзою, покорялъ тамъ одинъ городъ за другимъ. Къ несчастью, въ его отсутствіе, удалось туркоманскому начальнику Яру Али бегу, изъ рода Караконюлу, уйти изъ заключенія, въ которомъ держалъ его Улугъ бегъ. Возобновивъ старинную вражду своей фамиліи съ Тимуридами, онъ напалъ на Герать, ограбилъ его и предалъ самому ужасному разоренію большую часть его великолѣпныхъ зданій и памятниковъ искусства, изъ цвѣтущаго времени Шахруха Мирзы. Подобное несчастье и въ то же самое время постигло и его собственную столицу Самаркандъ: толпа отчаянныхъ узбекскихъ наѣздниковъ дошла до самыхъ городскихъ воротъ, все грабя на пути, и неистовствовала со всею варварскою яростью въ загородныхъ дворцахъ. „Нарочно изъ Китая выписанныя мозаическія картины были раздроблены въ дребезги дубинами Узбековъ и сбиты со стѣнъ картинной галлерей (Чини хане)“, какъ рассказываетъ Абдурреззакъ, „богатая позолота зала была сцарапана, и произведенія искусства многихъ лѣтъ были уничтожены въ нѣсколько часовъ“.

Какъ ни опечалили душу благороднаго Улугъ бега эти несчастные случаи, но еще печальнѣе было для него то, что его собственное дѣтище, изъ-за котораго онъ вступилъ на путь завоеваній, отплатило отцу своему за его расположеніе са-

мою черною неблагодарностью. Абдулатифъ, еще послѣ сраженія при Турнабѣ, гдѣ представилъ доказательства своей храбрости, чувствовалъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что отецъ призналъ главнымъ виновникомъ побѣды не его, а его брата Абдулазиса; къ этому присоединилось и то обстоятельство, что Улугъ бегъ конфисковалъ, найденныя въ цитадели Ихтиар-эд-динъ сокровища, собственникомъ которыхъ Абдулатифъ считалъ себя самага; поэтому, когда послѣ многихъ просьбъ Абдулатифъ получилъ отъ отца намѣстничество въ Белхѣ, то немедленно поднялъ тамъ знамя бунта и скоро потомъ двинулся съ арміею къ Оксу. Съ стѣсненнымъ сердцемъ отецъ долженъ былъ поднять перчатку, брошенную ему мятежнымъ сыномъ, но былъ уже въ первой стычкѣ разбитъ и принужденъ, спасаясь бѣгствомъ въ своей собственной странѣ, укрыться въ Шахрухія (древній Бинакетъ). Здѣсь онъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ сыномъ Абдулазисомъ, и безчеловѣчный сынъ былъ на столько жестокъ, что своего собственного отца велѣлъ казнить своему персидскому рабу, по имени Аббасу. Такъ умеръ Улугъ бегъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ государей востока, въ 853 (1449) году, послѣ 38-лѣтняго управленія въ качествѣ намѣстника своего отца и послѣ 2 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ самодержавнаго правленія въ Трансоксаніи и земляхъ, граничащихъ съ нею на сѣверѣ и востокѣ!

Впрочемъ, отцеубійца Абдулатифъ этимъ позорнымъ поступкомъ еще не достигъ цѣли своихъ нечистыхъ стремленій. Въ Самаркандѣ присвоилъ себѣ власть въ то время Эбусайдъ Мирза, правнуку Мираншаха. Прежде, какъ бѣглець, онъ нашелъ сердечный приемъ при дворѣ Улуга; великій Тимуридъ сдѣлалъ его даже своимъ зятемъ, но это не помѣшало честолюбцу поднять оружіе противъ своего благодѣтеля въ то самое время, когда тотъ долженъ былъ удалиться изъ резиденціи, для наказанія своего мятежнаго сына. Абдулазисъ, оставленный Улугомъ въ качествѣ намѣстника

въ резиденціи, убѣжалъ предъ превосходными силами Эбусайда, который потомъ и утвердился въ Самаркандѣ, такъ что Абдулатифъ, послѣ своей постыдной побѣды, долженъ былъ продолжать борьбу съ этимъ, какъ увидимъ послѣ, необыкновеннымъ человѣкомъ. Военное счастье опять улыбнулось недостойному сыну. Эбусайдъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, но успѣлъ спастись въ Бохару, а Абдулатифъ былъ умерщвленъ въ 854 (1450) году какимъ-то Баба-Гусейномъ, прежнимъ слугою Улугъ бега, хотѣвшимъ отмстить за кровь своего господина. Отрубленную его голову повѣсили на великолѣпномъ главномъ входѣ коллегіи, построенной его отцемъ, потому что отцеубійца не достоинъ никакого престола—такъ начинается сочиненное тогда стихотвореніе, и все несчастье, постигшее Трансоксанію въ ту пору, было признано Божьимъ наказаніемъ за ужасное преступленіе этого государя. Ему наслѣдовалъ на тронѣ *Абдуллахъ Мирза*, ввукъ Шахруха, тоже принятый при дворѣ Улугъ бега радушно и бывший точно также зятемъ послѣдняго. Эбусайдъ тотчасъ поспѣшилъ сюда и началъ съ нимъ войну за господство, но опять былъ разбитъ и убѣжалъ по ту сторону Яксарта къ узбекскому князю Эбулхайру, который предоставилъ въ его распоряженіе значительныя вспомогательныя войска; съ ними-то онъ и напалъ на Абдуллаха, въ кровопролитномъ сраженіи лишилъ его и жизни и короны, послѣ однолѣтняго его правленія, и, наконецъ, въ исходѣ 855 (1451) года завладѣлъ Самаркандомъ, столицею имперіи Тимуридовъ. Но эта побѣда была куплена дорогою цѣною, потому что дикіе сыны пустыни во второй разъ произвели въ городахъ жестокія опустошенія и даже, когда ихъ мѣшки были наполнены посредствомъ разбоя и грабежа, ихъ можно было только хитростью, отчасти же и силою принудить къ возвращенію на обнаженную родину ¹⁾. *Эбусайдъ*

¹⁾ Эбусайдъ совершенно одинъ отправился къ воротамъ осажденнаго Самарканда, далъ себя узнать и получилъ пропускъ. Узбеки, узнавъ о его

изображается самым властолюбивымъ между всеми потоками Тимура. Любя повторять известную поговорку своего предка: „этотъ міръ слишкомъ узокъ, чтобы дать мѣсто двумъ повелителямъ въ одно и тоже время“, и дѣйствуя въ смыслѣ этихъ словъ, онъ нашелъ границы туранскихъ владѣній слишкомъ тѣсными и сталъ расширять свое безпокойное (воинственное поприще болѣе чрезъ Хоразанъ и западный Иранъ, чѣмъ чрезъ Трансоксанію. Въ то время отдѣльныя члены фамиліи Тимура были раздѣлены на множество партій и почти всѣ были одержимы страстью къ неограниченному господству; поэтому Эбусайдъ могъ достигнуть своей цѣли только по низложеніи многихъ опасныхъ соперниковъ. Первая война, въ которую онъ увидѣлъ себя вовлеченнымъ чрезъ взятіе Самарканда, была съ Эбулказимомъ Ваберомъ Мирзою ¹⁾, который съ помощью Улугъ бега, по смерти Шахруха, явился въ Хоразанъ и, послѣ казни туркоманскаго князя Яра-Али, взомель на престолъ въ Гератѣ. Его правленіе изображается довольно счастливымъ, по крайней мѣрѣ, казалось, что онъ имѣлъ намѣреніе залечить глубокія раны столь еще недавно цвѣтущаго Хоразана. Онъ вѣрно предвидѣлъ въ лицѣ Эбусайда опаснаго противника, но примирился съ нимъ послѣ 40 дней безуспѣшной осады Самарканда. Не менѣ хлопотъ надѣлали Эбусанду и сыновья Абдуллатифа, Ахмедъ и Мехмедъ Джюги ²⁾, которые, чтобы отвоевать престолъ своего отца, вступили съ

тайномъ удаленіи изъ ихъ среды, начали владать въ подозрѣніе. Одна изъ нихъ, боясь нападенія съ тыла, ушли сами, а другихъ, напротивъ, пришлось просто прогнать. Такое поведеніе доказываетъ не особенную благодарность со стороны Эбусайда, оно же, кажется, и было главною причиною, что Эбулхайръ не такъ усердно поддерживалъ Тимурида, позже искавшаго у него помощи.

¹⁾ Мирза Эбулказимъ Баберъ, котораго не надо смѣшивать съ основателемъ монгольской династіи въ Индіи, былъ внукомъ Шахруха отъ его сына Байсонгура Мирзы.

²⁾ Я читаю Джюги, потому что принимаю это слово за турецкое; если же оно персидскаго происхожденія, въ значеніи *сторожа*, то принятое другими чтеніе *Джюми* будетъ правильнѣе.

нимъ въ борьбу изъ-за господства. Въ 859 (1455) году онъ разбилъ въ окрестностяхъ Белха армію, собранную этими принцами, причѣмъ Ахмедъ палъ, но Джюги удалось убѣжать. Онъ удалился за Яксартъ и искалъ помощи у узбегскаго князя Эбулхаира, какъ и Эбусандъ, во время своихъ невзгодъ. Степная область на сѣверѣ Трансоксаніи всегда служила наилучшею запасною кладовой воинственныхъ элементовъ, и хотя Эбулхаиръ, во вниманіе ли къ своему прежнему кліенту Эбусанду, или по другимъ причинамъ, и отказался самъ лично вступить за интересы Джюги, но довольно охотно нашелъ ему постороннюю помощь. Именно—онъ призвалъ къ себѣ своего сосѣда, Бюрге султана, могучаго степнаго героя, о которомъ Абулгази разсказываетъ, будто бы у него вмѣсто одной грудной кости *цълая* костяная доска образовала грудь, и сказалъ ему: „въ моей семьѣ никто не созрѣлъ для предстоящей задачи; ты, Бюрге, для меня, какъ сынъ; возьми же своихъ людей, я дамъ тебѣ вспомогательное войско, ступай и выручи этого Тимурида изъ бѣды!“ Бюрге султанъ принимаетъ предложеніе, стремится въ Ташкендъ, гдѣ къ нему присоединяются старые приверженцы Узбеговъ и недовольные Чагатайцы, такъ что скоро потомъ онъ могъ взять Шахрухію ¹⁾, затѣмъ перешелъ Яксартъ и двинулся прямо на Самаркандъ. Эмиръ Мезидъ, начальствовавшій въ этомъ городѣ, вышелъ противъ него и вступилъ въ бой. На правомъ крылѣ арміи Джюги находился нѣкто Пишкендъ Огланъ, предводитель Эбулхаирскаго вспомогательнаго войска, а на лѣвомъ стоялъ Бюрге съ Чагатайцами. Бой окончился несчастно для Самаркандцевъ; Мезидъ-ханъ послѣшно отступилъ за крѣпостныя верки, и Джюги постепенно овладѣлъ всѣмъ Мавера-ун-негръмъ.

¹⁾ Шахрухію назывался вновь выстроенный Бинакетъ, который, какъ известно, былъ разрушенъ Монголами. Имя Шахрухіа было дано ему въ честь Шахруха Мирзы.

Эбусайдъ получилъ извѣстіе объ этомъ происшествіи въ то самое время, когда между нимъ и Мирзою Гусейномъ Байкара, вполне достойнымъ его соперникомъ, происходила кровопролитная война въ Хоразанѣ. Быстро собрался онъ въ походъ за Оксъ, на правомъ берегу котораго Бюрге и Джюге спорили въ то время о выборѣ оборонительной линіи. Первый, рассчитывая на храбрость своихъ Узбеговъ, предлагалъ Оксъ, между тѣмъ какъ Джюги, сомнѣваясь въ вѣрности Чагатайцевъ, хотѣлъ защищаться на Яксартѣ. Разумѣется, Джюги имѣлъ лучшій взглядъ на положеніе дѣлъ, чѣмъ дикій сынъ пустыни; едва показался Эбусайдъ на почвѣ Трансоксаніи, какъ Чагатайцы толпами передались ему, такъ что Джюги только съ малымъ отрядомъ, и то съ большимъ трудомъ, могъ броситься въ крѣпость Шахрухію, Бюрге же успѣшилъ въ родную степь, опустошая все на пути своего отступленія. Четыре мѣсяца стоялъ Эбусайдъ подъ названною крѣпостью, онъ и взялъ бы ее, но возобновленное нападеніе Мирзы Гусейна принудило его къ перемирію, послѣ чего онъ двинулся въ Джорджанъ, разбилъ своего противника и долженъ былъ, по возвращеніи въ 867 (1462) году, снова осаждать стѣны Шахрухіи въ продолженіи еще десяти мѣсяцевъ. Доведенный до крайности и потерявъ послѣднюю надежду, Джюги охотно вступилъ въ переговоры. Ходжа Обейд-уллахъ, благочестивый шейхъ, бывшій въ почетѣ у обѣихъ партій, явился въ крѣпость парламентаромъ Эбусайда. Джюги изъявилъ готовность сдаться послѣ того, какъ Ходжа, съ клятвой на коранѣ, обѣщалъ ему свободный пропускъ; но Эбусайдъ мало заботился о данномъ обѣщаніи и, занявши Шахрухію, велѣлъ схватить несчастнаго Джюги и заключить его въ цитадель Ихтіар-эд-динъ, гдѣ онъ наконецъ и умеръ.—Избавивши такимъ образомъ престоль Трансоксаніи отъ опаснаго претендента и оставивъ въ Самаркандѣ правителемъ Турана своего сына, султана Ахмеда, Эбусайдъ опять отправился въ Хоразанъ, чтобы

утвердить тамъ свою власть и распространить свои завоеванія внутри отдаленнаго Ирака и Арабистана. По изгнаніи Мирзы Гусейна Байбары, онъ былъ неограниченнымъ повелителемъ не только Трансоксаніи и Ферганы, въ которой правилъ его сынъ Омаръ-Шейхъ, но и Хоразана, Афганистана, Систана, Кермана и Фарса, и его ненасытное властолюбіе тѣмъ охотнѣе останавливалось на плодородныхъ равнинахъ Азербайджана, что тамъ появился новый герой въ лицѣ Газана-бега, главы туркоманской династіи Аккоюнду. Это было въ 870 (1465) году. Хоразанъ наслаждался давножеланнымъ миромъ, и Эбусайдъ только что окончилъ пять мѣсяцевъ продолжавшіяся, по случаю обрѣзанія самаго младшаго его сына, празднества, на которыхъ турниры, общественныя игры и пиры смѣнялись пѣніемъ, музыкой и иллюминаціями,—какъ въ Мервѣ, ко двору, явился Гасанъ-Али, князь туркоманской династіи Каракоюнду, съ просьбой о помощи противъ врага своего отца, шаха Джигана, павшаго въ войнѣ съ Гасанъ-бегомъ или Узунъ Гасаномъ (длинный Гасанъ), какъ его чаще называютъ за его длинную фигуру. Само собою разумѣется, Эбусайдъ, при такихъ обстоятельствахъ, не заставилъ себя долго упрашивать. Въ 872 (1467) году онъ выступилъ изъ Мерва съ арміею изъ многихъ и большихъ корпусовъ и двинулся прямо на Азербайджанъ. Узунъ Гасанъ, имѣвшій свои планы ¹⁾, отправилъ къ нему на встрѣчу посла съ предложеніемъ мира, но Эбусайдъ слишкомъ обезумѣлъ отъ своихъ удачъ, чтобы умѣрить свои требованія, отвергъ всѣ попытки къ мирному улаженію дѣла и принудилъ Узунъ-Гасана взяться за оружіе, но долженъ былъ тѣмъ сильнѣе почувствовать слѣдствія

¹⁾ Именно: онъ долженъ былъ напасть на Гедика (Гаммеръ ошибочно читаетъ *Кедука*) Ахмеда пашу, котораго послалъ съ сильнымъ войскомъ въ Анатолію Магомедъ 11-й. Завоеватель Константинополя задумалъ отомстить Узуну Гасану за то, что онъ оказалъ гостепріимство Исгаку бегу, врагу Оттомановъ.

этой отчаянной борьбы. Постоянно тревожимы на своемъ трудномъ походѣ въ Карабагъ, ряды его воѣска скоро страшно порѣдѣли; наконецъ онъ самъ подвергся нападенію, попалъ въ плѣнъ и вскорѣ казненъ ¹⁾. Такъ кончилъ послѣ 18 лѣтъ почти правленія послѣдній Тимуридъ, которому удалось соединить подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ народы средней Азіи отъ Тянь-Шаньскаго хребта до Багдада и отъ Киргизской степи до Инда и Персидскаго залива, и который, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, могъ бы совершить много великаго при своемъ блестящемъ талантѣ полководца и также и при другихъ дарованіяхъ духа!

Его сынъ и наслѣдникъ, *Султанъ Ахмедъ Мирза*, могъ удержать изъ отцовскаго наслѣдства только господство въ Трансоксаніи, о чемъ не стоитъ и распространяться. На западѣ, все болѣе и болѣе усиливавшаяся династія Сефидовъ основывала свое будущее могущество и величіе на счетъ Тимуридовъ, на югѣ—Мирза Гусейнъ Байкара, въ послѣдній разъ оживившій блескъ стараго Хоразана, воздвигъ себя въ Гератѣ великолѣпный тронъ, съ котораго, почти четверть вѣка, повелѣвалъ сѣвернымъ Ираномъ, Афганистаномъ и Систаномъ. На самомъ крайнемъ востокѣ Омаръ Шейхъ объявилъ себя самостоятельнымъ, между тѣмъ какъ въ сѣверной области Яксарта Юнисъ бегъ, мнимый Дженгизидъ изъ вѣтви Чагатая, отказалъ въ повиновеніи, опираясь на свои монгольскія вспомогательныя войска. При такихъ обстоятельствахъ, что могъ сдѣлать Султанъ Ах-

¹⁾ Эбусайдъ, при первомъ взятіи Герата велѣлъ казнить принцессу Говхеръ Шахъ, супругу Шахруха Мирзы; поэтому Узунъ Гасанъ и выдалъ своего плѣнника Яджиару Мирзѣ, сыну послѣдняго, а этотъ, исполняя священную обязанность кровавой мести, тотчасъ велѣлъ казнить его. Такъ рассказываетъ историкъ Мирзы Гусейна Байкары. Контарини, венеціанскій посолъ при дворѣ Узунъ Гасана, сказываетъ, что онъ видѣлъ въ одной комнатѣ дворца въ Исфагани картину, представляющую Эбусайда (онъ называетъ его Бузохомъ), какъ его ведетъ на веревкѣ Угурду Могаммедъ, сынъ Узунъ Гасана, а въ другой комнатѣ находилось изображение, какъ отсѣкли голову этому, когда-то могущественному, Тимуриду.

надъ столько же благочестивый и добродушный, сколько и ограниченный человекъ? Въ личной храбрости у него не было недостатка, какъ это доказываетъ прозваніе Аладина (смертоубійца), данное ему Монголами, но развитію большей дѣятельности въ его характерѣ ему помѣшало его воспитаніе, носившіе въ себѣ всѣ слѣды ложно-набожнаго духа времени. Съ одной стороны, онъ оказывалъ такое уваженіе къ своему духовному наставнику Ходжѣ Обейдуллаху, что въ его присутствіи стоялъ на колѣняхъ со всѣмъ униженіемъ и съ подобострастіемъ на лицѣ, и даже не вставалъ, когда случайно попавшая подъ колѣни острая косточка причинила сильнѣйшую боль; — съ другой же стороны, этотъ благочестивый мужъ обыкновенно по 20—30 дней проводилъ въ оргіяхъ, но даже въ пьяномъ видѣ не забывалъ каждый день пять разъ молиться ¹⁾). При такомъ воззрѣніи на жизнь, постигнѣ, достойно удивленія, что онъ, объявивъ войну Юнису бегу, отвоевалъ Ташкендъ, Сирень и даже всю провинцію Туркестанъ; и своего брата Омара Шейха онъ пытался привести къ послушанію; много разъ между обоими братьями доходило даже до войны, но знаменитый отшельникъ Ходжа Ахраръ, бравшій на себя примиреніе ихъ, могъ скоро опять возстановлять миръ. За исключеніемъ этихъ случаевъ, Трансоксанія, въ нравленіе Султана Ахмеда, наслаждалась довольно продолжительнымъ, глубокимъ миромъ, и благотворный свѣтъ живой образованной жизни при дворѣ Мирзы Гусейна Байкары не могъ не освѣщать береговъ Зеревшана, хотя и по другому направленію. Примѣръ, поданный Султаномъ Ахмедомъ сооруженіемъ дворцовъ, молитвенныхъ домовъ, коллегій и общественныхъ банъ, нашелъ себѣ усердныхъ подражателей въ

¹⁾ Такъ какъ Могаммедъ запретилъ употребленіе спиртныхъ напитковъ изъ опасенія, что его правовѣрные могутъ въ опьяненіи забыть пятикратную ежедневную молитву; поэтому могоммедане, для предупрежденія этого опасенія своего пророка, исполняли свои молитвенныя обязанности даже въ пьяномъ состояніи.

богатыхъ и знатныхъ: къ этому времени относится между прочимъ и глѣтній замокъ Мегеммеда Тархана въ Самаркандѣ, изображаемый Баберомъ какъ очаровательный, подымавшійся террасами и съ предестыи роскошныиъ лугомъ подлѣ. Прочное правленіе Султана Гусейна Миранъ въ Хоразанѣ дѣлало невозможными серьезныя замѣшательства въ Трансоксаніи, и ея жители только тогда съумѣли опѣнить счастливое время своего, хотя и посредственно одареннаго, государя, когда онъ, послѣ 27-лѣтняго правленія, скончался въ 899 (1493) году¹⁾, и братъ его, *Султанъ Махмудъ*, сдѣлался государемъ. По смерти своего отца, онъ, послѣ многихъ превратностей, нашелъ при дворѣ брата своего радушный приѣмъ и жилъ съ нимъ въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ, но, однажды, подѣ предлогомъ охоты, оставилъ Самаркандъ, перешелъ Оксъ и овладѣлъ Бедакшаномъ, откуда потомъ и достигъ престола. Уже первое его дѣйствіе, именно — приказъ схватить во дворцѣ Кѣксераи и казнить четырехъ несовершеннолѣтнихъ сыновей умершаго брата — до крайности возмутило всѣхъ. Къ этому присоединились еще своеволие и жестокость его чиновниковъ; торговля начала останавливаться, и, именно въ Самаркандѣ, распространилась такая паника, что жители лучшихъ классовъ едва осмѣливались показываться на улицахъ. Хотя этотъ государь и не былъ невѣжей, даже писалъ худые стихи, но онъ, среди непрерывныхъ оргій, пренебрегалъ молитвами, и такъ какъ религія не была для него священнымъ предметомъ, то онъ и не оказывалъ ни малѣйшаго почтенія къ высокочтимому всѣми ходжѣ Обейдуллаху. Разумѣется, его правленіе было весьма кратковременно, потому что онъ умеръ чрезъ шесть мѣсяцевъ

¹⁾ Сендъ Рахимъ говоритъ 896 и старается доказать точность этой цифры многими хронограммами, сочиненными на смерть султана Ахмеда. Но мнѣ кажется болѣе вѣрнымъ число, приводимое Баберомъ, который былъ современникомъ султана Ахмеда.

по возшествіи на престолъ и, вѣроятно, насильственной смертью, которую много дней скрывалъ его лукавый и вліятельный визирь Хозру-шахъ, чтобы тѣмъ временемъ легче можно было обобрать государственную сокровищницу, что и удалось ему; но, какъ только вѣсть о кончинѣ государя разнеслась въ народъ, вспыхнуло сильное возмущеніе, отъ котораго только съ большимъ трудомъ могъ уйти Хозрушахъ¹⁾.

Теперь только начались между Тимуридами Трансоксаніи настоящіе споры и раздоры, и легко было видѣть, что ихъ окончательное паденіе приближается исполинскими шагами. Изъ пяти сыновей, оставленныхъ Султаномъ Махмудомъ, трое, именно—Месу'дъ, Байсонкуръ и Султанали, тотчасъ вступили въ ожесточенную вражду между собою изъ-за престолонаслѣдія. Первый, самый старшій между ними, дѣйствовавшій за одно съ Хозру-шахомъ, могущественнѣйшій визиремъ своего отца, захватилъ на этомъ (лѣвомъ) берегу Окса Гиссаръ, Кундузъ и Бедахшанъ и, конечно, восторжествовалъ бы въ борьбѣ за корону Трансоксаніи, если бы не выступилъ противъ нихъ обоихъ Султанъ Гусейнъ Мирза, не ради завоеваній, а только для огражденія сѣверной границы своего государства. Поэтому о Месу'дѣ не можетъ быть и рѣчи въ вопросѣ о престолонаслѣдіи; за то тѣмъ сильнѣе была партія *Байсонкура Мирзы*, который при жизни отца былъ наиѣстникомъ въ Бохарѣ, и теперь, призванный оттуда въ Самаркандъ, былъ возведенъ на престолъ съ обычными почестями. Этотъ 18 лѣтній юноша съ чисто туркоманской физиогноміей, но не

¹⁾ Хозру-шахъ былъ Турокъ изъ племени Кичакъ; свою раннюю молодость онъ провелъ на службѣ тархановъ, позже приобрѣлъ расположеніе Султана Махмуда и еще при жизни этого послѣдняго имѣлъ въ своемъ распоряженіи отрядъ въ 5—6000 человекъ и владѣлъ въ видѣ лена провинцію Бедахшаномъ, отъ Окса до самаго Гиндукуша. По смерти своего государя, онъ объявилъ себя независимымъ въ этой самой странѣ, содержалъ армию въ 20,000 человекъ, но былъ до того ослѣпленъ честолюбіемъ и властолюбіемъ, что схватилъ сыновей своего благодѣтеля и одного ослѣпилъ, а другого лишилъ жизни (Баберъ, оригинальный текстъ, стр. 36).

богатый духовными дарами ¹⁾, не могъ, при всемъ своемъ желаніи, ничего сдѣлать противъ превосходныхъ силъ туземной знати и вліятельнаго духовенства. Каждый хотѣлъ имѣть его орудіемъ своихъ плановъ, и кончилось тѣмъ, что всѣ были имъ недовольны и рѣшились свергнуть его съ престола. Злоумышленники предъявляли, будто бы онъ, во время своего намѣстничества въ Гиссарѣ, былъ ласковѣе и привѣтливѣе, чѣмъ въ Самаркандѣ, поэтому его настоящая сдержанность ихъ оскорбляетъ, и они, въ самомъ дѣлѣ, призвали изъ Карши въ Самаркандъ его младшаго брата Султанали и принесли ему присягу въ вѣрности въ лѣтнемъ дворцѣ Баги-Но, гдѣ жилъ какъ бы въ заключеніи Байсонкуръ, поклонный своимъ приверженцами. Оба принца теперь были охраняемы въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Къ вечеру удалось Байсонкуру, подъ предлогомъ исполненія извѣстныхъ естественныхъ отправлений, уйти на задній дворъ, откуда онъ, не совсѣмъ величественнымъ путемъ канавъ, убѣжалъ на свободу и нашелъ пріютъ въ домѣ высокочтимаго Ходжеке Ходжи. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ его бѣгство, народъ столпился предъ домою Ходжи, но никто не осмѣлился насильно войти въ него, и такъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней, многіе партизаны султана, съ вліятельнымъ Ходжею Эбуль Мекаримомъ во главѣ, возвели его, изъ его убѣжища, опять на тронъ и приняли самыя энергическія мѣры для подавленія возстанія. Султанали вмѣстѣ съ дервишемъ Мегеммедомъ Тарханомъ, главнымъ своимъ партизаномъ, былъ схваченъ и, послѣ неудачной попытки къ бѣгству, былъ приведенъ предъ Байсанкура, который велѣлъ послѣдняго умертвить, а перваго ослѣпить. Мятельный Тарханъ долженъ былъ тотчасъ на мѣстѣ подвергнуться

¹⁾ Онъ писалъ прекрасные стихи, которые, впрочемъ, не были собраны въ диванъ. Какъ рассказываетъ Баберъ, онъ былъ также искуснымъ каллиграфомъ и живописцемъ.

ся казни, но такъ какъ онъ крѣпко уцѣлился руками и ногами за колонну на переднемъ дворѣ, то его и изрубили въ куски. Но Султанали былъ счастливѣе. Цирюльникъ или хирургъ, которому была поручена операція «продѣванія ланцета»¹⁾, какъ технически называютъ на востокѣ ослѣпленіе, оставилъ, по умысленному неумѣнью, неповрежденными глаза мятежнаго принца, и собственно ослѣпленнымъ или обмороченнымъ оказался Байсонкуръ, потому что въ то самое время, когда онъ считалъ себя въ безопасности, Султанали удалось убѣжать въ Бохару и отсюда еще сильнѣе возстать противъ своего брата. Хотя онъ и былъ преслѣдуемъ послѣдственно отправленными въ погоню за нимъ солдатами, но въ Бохарѣ онъ имѣлъ сильную партію, такъ что когда дошло до битвы, то Байсонкуръ былъ разбитъ и принужденъ бѣжать подъ стѣны Самарканда.

Послѣ несчастнаго исхода этой битвы Байсонкуръ увидѣлъ себя стѣсненнымъ сразу съ трехъ сторонъ. Съ запада, именно изъ Бохары, на него устремился Султанали; съ юга подступилъ Мес'удъ Мирза, а съ востока, именно изъ Эндиджана или Хованда, какъ теперь мы называемъ его, выступилъ претендентомъ на дѣдовскій престолъ геніальный сынъ Омара Шейха, тогда еще юноша, Баберъ Мирза, котораго мы по справедливости можемъ признать однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ принцевъ востока и запада и котораго мемуары ученымъ оріенталистомъ новаго времени названы *комментаріями Цезаря востока*. Онъ-то своимъ необыкновенно проицательнымъ взоромъ очень рано открылъ, что господство Тимуридовъ въ Трансоксаніи приближается къ наденію, и теперь, впервые, выступалъ онъ съ своими

1) По персидски: „Миль кемиденъ“. *Миль*—название тонкаго, ланцетовиднаго хирургическаго инструмента, который раскаляли и проводили по глазамъ преступника. Этими же словомъ, *миль*, называется также и туалетная вещь, посредствомъ которой на востокѣ красятъ рѣсницы порошкомъ чернаго желѣзка, называемымъ *котель*, чтобы придать болѣе блеска глазамъ.

стремленіи воспрепятствовать этому, но, какъ увидимъ, несчастная звѣзда постоянно ихъ преслѣдовала. Итакъ Самаркандъ въ началѣ 903 (1496) года былъ атакованъ съ трехъ сторонъ. Къ счастью для Байсонкура, скоро наступила суровая зима. Баберъ и Султанали, соединившіеся между собою съ условіемъ раздѣленія Трансоксаніи, отступили предъ приближавшеюся стужей, а Месу'дъ Мирза — отъ пламени любви: онъ только что женился на дочери шейха Абдуллаха Берласа, въ которую до смерти былъ влюбленъ, и рѣшился забыть свое честолюбіе въ сладкомъ упоеніи медоваго мѣсяца. Этихъ Байсонкуръ, разумѣется, еще далеко не высвободился изъ тисковъ, потому что, какъ только наступила оттепель, союзники напали съ востока и запада и семь мѣсяцевъ крѣпко осаждали Самаркандъ. Въ продолженіи этого времени Байсонкуръ обращался во все стороны за помощію, и только Узбеки съ низовья Ясарта, всегда готовые принять участіе въ такихъ предпріятіяхъ, гдѣ имѣлись въ виду разбой и грабежи, подошли близко къ Самарканду, но не отважились вступить въ бой съ соединенными войсками Бабера и Султанали и отступили назадъ. Наконецъ, Байсонкуръ, не способный къ сопротивленію, тайно покинулъ свою резиденцію въ 903 (1497) году и, перейдя Оксъ при Термезѣ, долженъ былъ бѣжать къ своему брату Месу'ду Мирзѣ. Онъ имѣлъ только 22 года отъ роду, когда лишился трона послѣ столькихъ приключеній и жестокихъ битвъ, и даже своимъ противникомъ, Баберомъ Мирзою, изображается какъ человѣкъ правдивый и съ тонкимъ образованіемъ; только одно ставится ему въ вину, что онъ втайнѣ принадлежалъ къ шитской сектѣ, впрочемъ позже перешелъ къ истинной вѣрѣ. Онъ умеръ въ 905 (1449) году¹⁾. Послѣ бѣгства Байсонкура, гос-

¹⁾ Байсонкуръ, второй сынъ Султана Махмуда, родился въ 883 (1477) году и, по описанію Бабера, имѣлъ красивые глаза, темный цвѣтъ лица, а во всемъ остальномъ чисто туркоманскую фізіономію.

подство въ Трансоксаніи переніо къ обоимъ союзникамъ: *Султанамъ* взялъ себѣ Бохару съ округомъ Міянкаль, а *Баберъ* — городъ Самаркандъ вмѣстѣ съ восточной частью этой страны, но ни тотъ, ни другой долго не наслаждались своею властью, потому что первый скоро долженъ былъ бѣжать отъ самоволія своихъ необузданныхъ вассаловъ въ Гератъ, къ султану Гусейну Мирзѣ, а послѣдній, не находя достаточно продовольствія для своего войска въ голодномъ и опустошенномъ Самаркандѣ и также уступая настоятельнымъ увѣщаніямъ своей матери поскорѣе возвратиться, отправился въ обратный путь¹⁾. Нельзя отрицать, что ихъ господство было только номинальное, такъ какъ въ Бохарѣ всемогущимъ былъ Абдуль-Али Тарханъ, а въ Самаркандѣ собственно Ходжа Эбуль Мекаримъ, но, по словамъ Бабера, главное здѣсь состояло въ томъ, чтобы 140-лѣтній престолъ его династіи не достался никому чужому, и въ этомъ смыслѣ вполне оправдываются всѣ его усилія. Но къ чему послужило все это! Звѣзда дома Тимура уже закатывалась, и рука 19-лѣтняго Бабера Мирзы не въ состояніи была нигдѣ, и всего менѣе въ Трансоксаніи, остановить это. Шейбани Мегеммедъ ханъ, Дженгизидъ изъ дома Джюджи, въ пламени несчастной братоубійственной войны Тимуридовъ выковавшій себѣ оружіе для завоеваній, уже тогда находился въ фактическомъ обладаніи многихъ важныхъ пунктовъ Трансоксаніи, благодаря многочисленнымъ отрядамъ своихъ смѣлыхъ узбекскихъ наѣздниковъ, и въ 905 (1499) году, овладѣвъ престоломъ въ Самаркандѣ, этотъ счастливый воевода положилъ конецъ господству Тимуридовъ.

¹⁾ Не можетъ быть ничего крѣпче отношеній между Баберомъ и его умною и коротко знакомою съ дѣлами правленія матерью. Подстрекаемая любовью, эта послѣдняя не одобряла и часто порицала опасное честолюбіе своего единственнаго сына, а что теперь она его отозвала, то этому причиною была готовившаяся по-тихоньку революція въ Энджаханѣ, которая позже и лишила безпокойнаго Тимурида отцовскаго престола.

Подробности этой перемены династий найдутъ болѣе удобное для себя мѣсто въ слѣдующей главѣ, а здѣсь мы желаемъ лучше упомянуть о духовномъ движеніи, вызванномъ и поддержанномъ въ восточной части мусульманскаго міра владѣтельнымъ домою хромаго всемірнаго завоевателя изъ «зеленаго города», чѣмъ Тимуриды, безспорно, приобрѣли себѣ почетное мѣсто въ исторіи Азіи. Правда, стремленія культурной жизни по ту сторону Окса были немного отличны отъ духовнаго направленія, господствовавшаго при дворѣ Шахруха Мирзы, или султана Гусейна Мирзы Байбары въ Гератѣ: здѣсь, подлѣ богословско-догматическихъ занятій находили себѣ пріютъ и поэзія, исторія, медицина, правовѣдѣніе и прочія такъ называемыя *свѣтскія* науки и искусства, а тамъ, за исключеніемъ правленія Улуга бега и Эбусайда, во всѣ времена преобладаю известное соревнованіе въ области религіознаго изувѣрства, богословскихъ умозрѣній и монашескаго быта. Довольно трудно обозначить точную границу литературной дѣятельности въ обѣихъ странахъ, потому что, хотя прекрасный источникъ духовной жизни вышелъ изъ иранскихъ элементовъ, но и ученые чагатае-турецкаго происхожденія также смѣло черпали изъ него, и татарскіе князья не только оказывали щедрую поддержку представителямъ литературы и искусства, но и сами иногда становились въ ихъ ряды и не стыдились занимать даже второстепенное мѣсто. Миръ Али Ширъ въ своей книгѣ *«Излцныя собранія»*¹⁾ называетъ слѣдующихъ принцевъ изъ дома Тимура, занимавшихся литературой: Шахруха Мирзу, который писалъ турецкія и персидскія стихотворенія и котораго извѣстно слѣдующее четверостишіе:

«Герой долженъ воспламенять и сожигать въ битвѣ;

¹⁾ Меджалисъ азъ нефасъ. Приведенное здѣсь мѣсто этого творенія взято изъ текста, выдержки изъ котораго обнарудовалъ г. М. Белень въ своемъ уже названномъ сочиненіи, на стр. 65—82.

если онъ раненъ, то пусть грива лошади его ложе; да умреть смертью собаки трусь, зовущій себя мужемъ и молящій врага о пощадѣ.» Онъ пробовалъ свои силы также и въ эротической поэзіи, и въ сказкахъ Гератскаго населенія и теперь еще живутъ выраженія его нѣжныхъ чувствъ къ весьма любимой имъ супругѣ Говхеръ Шадъ (алмазь восхищенія).—Турецкіе и персидскіе стихи также писали Султанъ Искендеръ Ширази, сынъ Омара Шейха, и уже упомянутый Халиль Мирза, оставившій послѣ себя цѣлый диванъ турецкихъ стихотвореній, о которыхъ съ похвалою отзывается знаменитый поэтъ Ходжа Исметъ Бохари. Улугъ бегъ, объ учености котораго въ астрономіи и математикѣ мы уже говорили, былъ очень преданъ, кромѣ точныхъ наукъ, и изящной литературѣ, живописи и музыкѣ, и въ доказательство его необыкновенной памяти приводятъ, будто бы онъ зналъ наизусть коранъ въ семи различныхъ его чтеніяхъ. Байсонкуръ, сынъ Шахруха Мирзы, умершій еще при жизни своего отца ¹⁾, постоянно былъ окруженъ поэтами, каллиграфами, живописцами и музыкантами, и отъ его сына Бабера Мирзы, причинившаго себѣ раннюю смерть непомернымъ употребленіемъ спиртныхъ напитков ²⁾, сохранилось на турецкомъ языкѣ много поэтическихъ идей. Сиди Ахмедъ Мирза, сынъ Мираншаха, оставилъ диванъ и месневи подъ названіемъ Летафет-намехъ (книга прелесть), и, наконецъ, этотъ списокъ можетъ быть увѣнчанъ Баберомъ Мирзою, основателемъ династіи Могола въ Индіи, который, въ своихъ уже упомянутыхъ мемуарахъ, яв-

¹⁾ Онъ умеръ 6-го джемазіуль эввела 886 (1482) года, какъ разобралъ это г. Н. Ханъкозъ на одной надгробной надписи, существующей на мосаллахъ въ Гератѣ.

²⁾ Получивъ въ опасной болѣзни предостереженіе отъ чрезмѣрнаго употребленія вина, Мирза Баберъ, съ полнымъ раскаяніемъ въ грѣхъ, удалился въ Мешедъ и цѣлые дни проводилъ въ мечети имама Ризы. Но его страсть была сильнѣе его рѣшимости; онъ скоро опять впалъ въ пьянство и умеръ въ 861 (1456) году.

ляется предъ нами и поэтось, и политикомъ, и философомъ античной формы и удивительной зрѣлости ¹⁾).

Припоминая восточную пословицу, — «народъ слѣдуетъ вѣрѣ своихъ князей», можемъ ли мы поэтому удивляться, что время Тимуридовъ представляетъ доказательства такихъ культурныхъ стремленій, которыя, за исключеніемъ блистательнаго періода Омейядовъ въ Испаніи и первыхъ Аббасидовъ въ Арабистанѣ, нигдѣ и никогда не встрѣчаются у народовъ ислама? Правда, культурная эпоха Тимуридовъ служитъ продолженіемъ духовнаго пробужденія въ Иранѣ въ правленіе послѣднихъ монгольскихъ государей, но при дворахъ въ Мерагѣ, Таврисѣ и Султанѣ искусство и наука никогда не блистали въ *столь разнообразномъ* видѣ, какъ въ Гератѣ и Самаркандѣ. Изъ *поэтовъ* того времени мы желаемъ упомянуть только слѣдующихъ: Мевлану Абдуррахмана Джамі, прозваннаго божественнымъ, большого мастера слова въ стихахъ и прозѣ, который отличался въ разныхъ отрасляхъ науки, какъ-то: въ богословіи, толкованіяхъ, нравоученіи, философіи, грамматикѣ и во всѣхъ родахъ стихотворнаго искусства. Сугейли или Шейхума Сугейли, образцоваго переводчика индѣйскихъ басенъ Бидпаясь, жившаго прежде при дворѣ Эбусайда, потомъ, еще двадцать лѣтъ, при дворѣ Мирзы Гусейна Байкары. Касима-уль-энваръ (свѣтораздатель), собственно Муайина-эд-дина Али, величайшаго мистическаго поэта своего времени; онъ сначала жилъ при дворѣ Шахруха, позже былъ имъ удаленъ, ушелъ въ Самаркандъ и умеръ въ 837 (1433) году. Ходжу Абдулаха Гатифи, называемаго также и Месневи-гуй (месневи поэтъ), автора Тимурнамеха или біографіи Тимура въ стихахъ. Ходжу Исмета Бохари, придворнаго поэта какъ сул-

¹⁾ Во всей ли литературѣ турецкаго и персидскаго народа нѣтъ другой такой книги, какъ Бабернамехъ, которая бы содержала въ себѣ столько назидательнаго и въ такомъ простомъ и ясномъ изложеніи.

тана Халиля, такъ и Улугъ бега, которому давалъ уроки стихотворнаго искусства и умеръ въ 845 (1441) году. Мевлану Гусейна Кубераи, потомка знаменитаго Неджм-эд-дина Куберы, умерщвленнаго Монголами въ Юргенджѣ, и ученика ученаго Эбулвефы Харезми. Онъ отличался какъ мистическій поэтъ и написалъ комментарий къ месневи Джелал-эд-дина Руми. Ходжу Абдуллаха Мурварида (жемчужина), который оставилъ диванъ газелей и похвальныхъ стиховъ, подъ именемъ поэта Беяни, книгу подъ заглавіемъ: Мунисъ-уль-ахбабъ (повѣренный друзей) и трактатъ объ эпистографіи (сочиненіи писемъ). Моллу Бинаи, сына архитектора изъ Герата, гдѣ былъ въ милости при дворѣ Мирзы Гусейна до тѣхъ поръ, пока не разсорился съ Миръ Али Широъ, потомъ отправился въ Трансоксанію, пользовался расположеніемъ при дворѣ Султана Махмуда и, наконецъ, Шейбани Мегеммедъ ханъ назначилъ его придворнымъ поэтомъ; умеръ въ 922 (1516) году. Мегеммеда Салиха, автора прекраснаго героическаго стихотворенія Шейбанинамехъ¹⁾, о чемъ еще будетъ рѣчь, который писалъ также прелестныя газели и сочинилъ турецкій месневи въ стихотворномъ размѣрѣ Меджнуна и Лейли. Баберъ отрицаетъ всякое достоинство его сочиненій, но это, кажется, только потому, что Мегеммедъ Салихъ былъ любимцемъ Шейбани и жилъ при дворѣ узбекскаго князя. Гелали, автора весьма распространеннаго въ чтеніи месневи Шахъ у Дервишъ (государь и нищій), котораго справедливо порицаетъ Баберъ за его безстыдство воспѣвать прелести любви въ прекрасныхъ формахъ не женщины, а мушкетера. Онъ имѣлъ такую замѣчательную память, что зналъ наизусть около тридцати или сорока тысячъ двустишіи. Наконецъ, но вовсе не послѣдняго, упомянемъ

¹⁾ Баберу, кажется, не было извѣстно это стихотвореніе, или же не умолчалъ ли онъ нарочно о немъ, такъ какъ оно содержитъ антитезу военныя подвиги Шейбани?

Мира Али Шира, который сдѣлался знаменитымъ какъ отличный государственнй мужъ, искусный полководецъ и какъ остроумный и плодовитый писатель. Хотя онъ и не былъ основатель восточно-турецкой литературы, какъ всѣ принимаютъ это ¹⁾, но все-таки своими безчисленными сочиненіями на турецкомъ языкѣ, также какъ и ревностью въ защитѣ турецкаго національнаго элемента противъ предубѣжденія и насмѣшекъ иранскихъ литераторовъ ²⁾, заслужилъ глубокую признательность, которую изъявляли ему при жизни и послѣ его смерти его соотечественники. Три съ половиною вѣка протекли уже отъ его кончины, а его творенія, хотя и не вездѣ понимаемы народомъ, составляютъ домашнее сокровище каждаго Узбега, имѣющаго притязаніе на образованность.— *Богословіе*, *Экзегетика* и ученіе *Мистицизма* имѣли цѣлую армию усердныхъ тружениковъ, которые, слѣдуя за однимъ, или другимъ «свѣтиломъ науки», дѣйствовали словомъ и письмомъ. Несмотря на то, что *каждый* писатель долженъ былъ разрабатывать ту, или другую отрасль этихъ наукъ и что многіе, украшенные вѣнкомъ поэтовъ, радились также и въ мантію «божескихъ знаній», — все-таки извѣстны, какъ

¹⁾ Турецкая литература съ тѣхъ поръ, какъ знаютъ турецкій народъ прошла столько разныхъ фазъ и всегда носила на себѣ вѣрный отпечатокъ специальныхъ, религиозныхъ и политическихъ состояній. Судя по извѣстному намъ древнѣйшему письменному памятнику, она процвѣтала уже въ 9-мъ столѣтіи. Изданная мною въ 1871 году часть Кудатку Балии была сочинена въ 463 (1070) году; ея языкъ обнаруживаетъ равную литературную дѣятельность, хотя авторъ увѣряетъ, что его книга — первое, появившееся на турецкомъ языкѣ произведеніе.

²⁾ Уже тогда составилось совершенно, впрочемъ, вѣрное мнѣніе, что иранскій элементъ по своему духовному превосходству значительно выше турецкаго народа. Миръ Али Ширъ, ссылаясь на литературныя произведенія своихъ соотечественниковъ, доказалъ, что и Турки могутъ быть глубокомысленными писателями; но такъ какъ онъ не могъ соперничать съ метеорами тогдашней персидской литературы, то и перешелъ отъ вопроса о литературномъ дарованіи къ различію характера и на первый планъ своей картины поставилъ честность, храбрость и вѣрность Туровъ. Этотъ занимательный споръ онъ велъ въ своемъ Мугалеметъ эль лугетейнъ (сужденіи объ обоихъ языкахъ, т. е. турецкомъ и персидскомъ).

спеціально ученые, слѣдующіе: Мевлана Гусами, родомъ Хивинецъ, долгое время ученикъ и собесѣдникъ знаменитаго Ходжи Ахрара въ Каракѣлѣ. Ходжа Обейдуллахъ Ахриръ, духовный ученикъ и ревностный распространитель ученія Багаэддина Накишбенда, пользовавшійся такимъ почетомъ, какъ мистикъ и ученый, что современные ему князья добивались его расположенія наперерывъ другъ передъ другомъ. И не взирая на это, онъ строго слѣдовалъ правилу жизни, приписываемому будто бы Могаммеду: „эль факру фахри = бѣдность — моя гордость“, и самъ, своими руками, обрабатывалъ поле въ окрестностяхъ Каракѣля, гдѣ жилъ, а умеръ въ 895 (1489) году въ деревнѣ Кумагиранъ. Его книга: Тохфеи Ахраръ, нравственно-религіознаго содержания, и теперь еще читается многими, и отовсюду стекаются на поклоненіе его гробницѣ въ Самаркандѣ. Мевлана Фазих-эд-динъ, жившій при дворѣ Мирзы Гусейна Вайкари и пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Мира Али Шира; его толкованія самыхъ замѣчательныхъ произведеній догматики и теперь составляютъ предметъ изученія въ коллегіяхъ средней Азіи. Онъ умеръ въ 919 (1513) году. Менѣе извѣстенъ, но не менѣе цѣнимъ былъ и молла Абдуль Гаффуръ, ученикъ Джами, за свои толкованія; кромѣ этого, онъ знаменитъ какъ правовѣдъ, — умеръ въ 916 (1510) году. Въ такомъ же родѣ по занятіямъ и извѣстности были: Мевлана Муайинъ изъ Ферраха, біографъ Могаммеда и главный столпъ ислама; Мевлана Кемал-эд-динъ Гусейнъ, извѣстный своими многочисленными сочиненіями о толкованіи корана и самостоятельными работами въ этикѣ; и Мевлана Могаммедъ Кази — своей книгой: «Силсилей Арифейнъ (цѣль ученыхъ). — Въ *исторіографіи* отличались Шереф-эд-динъ, своею біографіей Тимура, и Абдуррезакъ — своею, написанною напыщенно, но богатою содержаніемъ, исторією Тимуридовъ. Въ это же время была сочинена и Дебистанъ (школа религіи); она

говорить о двѣнадцати религіяхъ востока, и ученые У. Джонсъ считаетъ ее одною изъ самыхъ назидательныхъ, самыхъ гениальныхъ книгъ востока. Также и *математика, ариѳметика и народовѣдѣніе*¹⁾ не оставлены были безъ вниманія, и кто знаетъ, какъ много и другихъ духовныхъ продуктовъ этой замѣчательной эпохи осталось для насъ неизвѣстными по недостатку свѣдѣній?

Мы не можемъ пускаться здѣсь въ подробныя литературно-историческія разъясненія, потому проходимъ молчаніемъ галерею *грамматиковъ и законовѣдцевъ*, замѣтивъ только, что изъ этой эпохи происходятъ многія грамматическія и синтаксическія учебныя пособія, попадающіяся теперь въ рукахъ мусульманскихъ юношей всѣхъ странъ, и что многія обрядовыя и догматическія особенности среднеазиатцевъ основываются на возрѣніяхъ ученыхъ того времени. Все, что могомеданинъ Авіи и всего свѣта разумѣетъ подѣ утонченнымъ, высокимъ и совершеннымъ образованіемъ,—атрибуты, извѣстныя ему теперь только по имени,—все это процвѣтало при дворахъ Герата и Самарканда. Въ первомъ ряду мы помѣщаемъ *каллиграфію*, въ которой отличался Султанъ Али, употребленный Мирозъ Али Широу для переписыванія его сочиненій, и *рисовальное искусство*, которымъ славились Вехзадъ и Шахъ Мозаффаръ; потому что, хотя Тимуриды и были ревностными суннитами, но снабжали свои книги цвѣтными иллюстраціями и украшали лучшія изъ своихъ великолѣпныхъ зданій картинами альфреско²⁾, на которыхъ были

¹⁾ Къ нему относятся прежде всего сочиненія Джами, въ вопросахъ и отвѣтахъ, объ Индіи и Васифа Биладъ-и-Чинъ (города Китая), описаніе Китая, вѣроятно, на основаніи извѣстій той миссіи, которую послалъ Шахрухъ Мирза въ Пекинъ.

²⁾ По свидѣтельству Бабера, Эбусандъ велѣлъ украсить дворецъ Бабера Мирзы скульптурами, а стѣны его покрыть изображеніями сраженій. И прежде упомянутая героическая поэма Мегемедъ Салиха также была украшена прекрасными цвѣтными иллюстраціями сраженій, штурмовъ и осадъ. Эта работа, исполненная во время автора, нисколько не уступаетъ значительнымъ у насъ въ Европѣ картинамъ Ирана и Индіи — и Бохара, еще въ

изображены не только арабески и неодоушевленные предметы, но вѣсть и портреты знаменитыхъ князей и воиновъ, даже святыхъ. Произведеніями *зодчества* были преимущественно богаты правленія Шахруха, Улугъ бега, Эбусанда и Мирзы Гусейна, и объ архитекторахъ Уста Мегешмедъ Себзъ и Уста Каваж-эд-динъ рассказываютъ, будто число общественныхъ построекъ, ими произведенныхъ, доходитъ до многихъ тысячъ. По свидѣтельству историка Сама Мирзы, Миръ Али Ширъ велѣлъ въ одношь Хоразанъ построить 370 зданій—коллегій, караван-сераилей, мостовъ, мечетей, госпиталей и читальныхъ залъ. Вотъ что дѣлали одни только государи и принцы такой эпохи! Вѣчныя войны по ту сторону Окса оставили мало слѣдовъ даже развалинъ, но вокругъ Герата существуетъ не одинъ пунктъ, представляющій намъ ясныя доказательства когда-то цвѣтущаго здѣсь состоянія просвѣщенія. Не только въ самомъ городѣ Гератѣ, въ его мосалѣ и въ Ходжѣ Абдулахъ Ансари можно удивляться тонкому вкусу Тимуридовъ, но и дико-романтическіе берега Мургаба, гдѣ многія выдающіяся скалы увѣнчаны развалинами прежнихъ увеселительныхъ замковъ, совершенно ясно говорятъ о томъ, въ какой мѣрѣ эти люди умѣли пользоваться искусствомъ, наукою и поэзіею для возвышенія наслажденій жизни. Такъ какъ на пиршествахъ, бывшихъ въ большемъ употребленіи при дворахъ Герата и Самарканда, несмотря на цѣлыя толпы богослововъ, экзегетовъ и шейховъ, и часто продолжавшихся по нѣсколько дней, не было недостатка въ пѣніи и музыкѣ;—поэтому *музыканты* и *композиторы* были въ не маломъ почетѣ. На этомъ поприщѣ особенную извѣстность приобрѣли, по свидѣтельству Бабера, уже упомянутый Ходжа Абдулахъ Мурва-

эпоху Тимура, была знаменитѣйшею школою живописи на мусульманскомъ востокѣ. Теперь же книга, изображающая людей и животныхъ, подвергла-бы опасности жизнь въ Бохарѣ. Sic tempora mutantur!

ридь, Куль Могаммедъ У'ди, Шейхъ Нейи и Гусейнъ У'ди, которые отличались то на арфѣ, то на гусляхъ, то на гитарѣ; другіе же, какъ-то: Миръ Шади; Гуламъ и Миръ Газу извѣстны были своими композиціями. Для знатока настоящаго состоянія могоммедаанской Азіи въ высшей степени должно быть удивительно, что при дворѣ Тимуридовъ были и *танцовщицы* и, по Баберу, первымъ между ними былъ Сеидъ (изъ фамиліи пророка!), по имени Бедръ, знаменитый мастеръ въ искусствѣ Терпсихоры и самъ даже выдумавшій многіе танцы. Какой ужасъ овладѣлъ бы нынѣшнимъ мусульманиномъ, если бы Сеидъ, въ своемъ огромномъ тюбанѣ, сталъ выдѣлывать *pas de deux* или другой танецъ, и теперь еще любимый въ Иранѣ и извѣстный подъ именемъ Герати ¹⁾.

Да! такъ перемиряются времена, такъ и средняя Азія послѣ паденія Тимуридовъ, мало-по-малу, съ высокой степени образованности и истиннаго влеченія къ прекрасному упала въ ту тину невѣжества, дошла до того варварства, изъ которыхъ уже никогда не будетъ въ состояніи высвободиться. Съ угасаніемъ ея культурной эпохи стало блѣднѣть и ея государственное существованіе, — и Бохара и Самаркандъ, которыхъ государи въ продолженіи вѣковъ повѣлывали наилучшими частями могоммедаанской Азіи, теперь уже, такъ сказать, сыиграли до конца свою роль на сценѣ всемірной исторіи. И чтó въ прошломъ было прекраснымъ царствомъ Трансоксаніи, то отнынѣ уже низойдетъ до жалкаго Бохарскаго Ханства!

¹⁾ Я видѣлъ въ 1862 году въ Ширазѣ танецъ, называемый Герати. Танцующій его всталъ на кресла, закуталъ себя въ простыню, при чемъ его движенія строго слѣдовали за тактомъ музыки или пѣнія и, произведя въ этомъ положеніи эволюціи не очень граціозныя, но требующія большой ловкости, снятъ раскрылъ себя. Другіе танцы, извѣстные подъ именемъ Хоразани, и происходящіе изъ того же времени, представляютъ нѣкоторое подобіе кадрили, въ которой танцоры исполняютъ весь процессъ любви не особенно изящными позами.

Изданіе Я. А. ИСАНОВА.

**Этнографическіе и историческіе матеріалы
по средней Азіи и Оренбургскому краю въ
12 видами, 2 планами и картою соч. М. В.
Галкина.**

С.-Петербургъ. 1869 г. цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 рубля.

Предисловіе отъ издателя.—Введеніе.—О Турменахъ восточнаго прибрежья Каспійскаго моря.—Журналъ экспедиціи, снаряженной для обозрѣнія восточнаго берега Каспійскаго моря, въ 1859 году.—Обозрѣніе степей Россіи съ Хивою.—Выдержки изъ дневника слѣдованія, въ 1868 году, изъ Оренбурга въ Хиву Киргизскою степью и Аму-Дарьёю.—Объ историческихъ правахъ Россіи на города Туркестанъ и Ташкентъ.—Распросныя свидѣнія о Шегри-Сябасѣ и Мервѣ.—Нѣсколько словъ о Самаркандѣ.—О военныхъ силахъ Бухарскаго Эмира.—Показанія Русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Бухары въ 1858—59 гг.—Показанія Автадѣвъ и Туркменъ, сопровождавшихъ въ 1840 году англійскихъ путешественниковъ Аббота и Шекспира изъ Герата въ Хиву и оттуда на Каспійское море.—Путевой журналъ переводчика, Армянина Турпаева, посланнаго въ 1834 году изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія въ Хиву.—Извлеченіе изъ дѣла Московскаго сенатскаго архива объ отправленіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана князя Бековича-Черкаскаго на Каспійское море и въ Хиву, въ 1714—1717 гг.—О караванной дорогѣ изъ Мангышлака въ Хиву.—Нѣсколько дорожниковъ черезъ нѣмн Киргизскія степи въ среднюю Азію и между Бухарой, Боканомъ, Шегри-Сябасомъ, Чарджуемъ, Ташкентомъ и проч.—Свидѣнія о мѣстахъ расположенія Киргизскихъ родовъ Оренбургскаго края.

П Р И Л О Ж Е Н І Я :

- Р И С У Н К И :**
- Александровскій фортъ.
 - Портретъ Туркменскаго старшины Мамбетъ-Сафи Кулуева.
 - Видъ Кува-Давской долины.
 - Стоянка на Красноводскомъ заливѣ.
 - Портретъ Салихъ-Хана.
 - Видъ Серебрянаго бугра.
 - Островъ Ашуръ-Аде.
 - Развалины дворца въ Ашрѣвѣ (въ окрестностяхъ Астрабада).
 - Дворецъ Шахъ-Абаза.
 - Городъ Ваку.
 - Городъ Хива.
 - Ханское загородное помѣщеніе подъ Хивою.

Планы: Бѣлаго бугра и Чинашларскаго аула.

Карта Средне-Азіатскихъ владѣній съ пограничными частями Россійской имперіи.

Типографія Смаратина, на углу фонарнаго пер. и Базарнаго канала д. Франка.

115

ИСТОРИЯ БОХАРЫ

ИЛИ

ТРАНСОКСАНИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО.

По восточнымъ обнаруженнымъ и небырароданнымъ рукописнымъ историческимъ источникамъ

ПЕРВЫЙ РАЗЪ ОБРАБОТАНА

Германомъ Вамбери,

Ординарнымъ профессоромъ восточныхъ языковъ и литературъ въ королевскомъ университетѣ въ Пештѣ.

Переводъ А. И. Павловскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1873.

ИСТОРИЯ БОХАРЫ.

ИСТОРИЯ БОХАРЫ

ИЛИ

ТРАНСОКСАНИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО.

По восточнымъ обнаруженнымъ и небырародованнымъ рукописнымъ историческимъ источникамъ

ПЕРВЫЙ РАЗЪ ОБРАБОТАНА

Германомъ Вамбери.

Ординарнымъ профессоромъ восточныхъ языковъ и литературы въ королевскомъ университетѣ въ Пештѣ.

Д. Павловскій

Переводъ А. И. Павловскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1873.

БД

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Октября 1878 года.

не читайся

Типографія Скарятина на углу Фонарного переулка домъ Франка.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Окончивъ переводъ историческаго труда Вамбери, нахожу необходимымъ сказать нѣсколько словъ какъ о значеніи самаго сочиненія, такъ и о переводѣ его на русскій языкъ.

Въ этомъ сочиненіи, по словамъ его автора, предлагается благосклонному вниманію образованной публики **первая исторія** страны, извѣстной въ прежнія времена подъ громкимъ именемъ **Трансоксанія**, по буквальному переводу арабскаго слова **Мавера-ун-негръ** (что сзади или по ту, правую, сторону рѣки, т. е. Окса или Аму-Дарьи), и только съ паденіемъ Тимуридовъ, именно съ 16-го столѣтія, получившей скромное названіе **Бохарскаго Ханства**. Эта страна, знаменитая уже въ древности и достигшая полнаго величія своего при Тамерланѣ, избравшемъ Самаркандъ столицею своей колоссальной имперіи, до сихъ поръ оставалась для исторіи почти совершенно новымъ, нетронутымъ полемъ. Только въ самое недавнее время, благодаря успѣ-

PERLSTEIN 13 DEC 1940

41 X 260 Digitized by Google

хамъ нашего оружія въ Средней Азіи, она стала проглядывать сквозь густой мракъ, столько вѣковъ ее покрывавшій, и возбудила во всѣхъ образованныхъ читателяхъ, преимущественно же въ насъ, Русскихъ, понятное желаніе узнать ее во всѣхъ сферахъ ея бытія и хотѣя бѣгло заглянуть и въ ея прошлое. Этому желанію удовлетворяетъ настоящее сочиненіе ученаго оріенталиста Вамбери, написанное по восточнымъ рукописнымъ историческимъ источникамъ, между которыми находятся совсѣмъ новые, еще вовсе неизвѣстные въ ученномъ мірѣ Европы; поэтому въ немъ приводятся такіе факты, о которыхъ не только образованные читатели, но даже ученый свѣтъ до сихъ поръ почти ничего не знали: такъ, напримѣръ, въ немъ упоминаются многіе государи, даже цѣлыя династіи, о которыхъ въ Азіи до сихъ поръ написано весьма мало, а въ Европѣ еще ни одного слова.

Кромѣ этого, чисто ученаго достоинства, которое найдетъ безпристрастныхъ и компетентныхъ цѣнителей въ нашихъ оріенталистахъ и историкахъ, знакомыхъ съ большею частью источниковъ, приводимыхъ Вамбери — настоящее сочиненіе имѣетъ для насъ, Русскихъ, еще особый интересъ по слѣдующимъ двумъ причинамъ:

Вопервыхъ, ученый Венгерецъ Вамбери извѣстенъ своимъ нерасположеніемъ къ Россіи и пристрастіемъ къ Англии, и его можно считать поборникомъ западнаго (англійскаго) возрѣнія на новѣй-

шія политическія событія въ Центральной Азіи. Поэтому, тѣмъ дороже должны быть для насъ его историческіе выводы, особенно въ послѣднихъ двухъ главахъ (XVIII и XIX), касательно нашей политики въ этой части Азіи, лестные для насъ, наперекоръ его желанію.

Восторыкъ, новѣйшія событія, именно побѣды русскаго оружія въ Хивѣ и еще болѣе блистательный походъ по песчаной, безводной, безлюдной и безслѣдной пустынѣ, подъ палящими лучами солнца, по своимъ трудностямъ превосходящій, по сознанію даже враговъ нашихъ, самые утомительные съ древнѣйшихъ временъ военные походы, даже знаменитые переходы Альповъ Ганнибаломъ и Суворовымъ и Гиндукуша Александромъ Македонскимъ и Тамерланомъ, — снова обратили взоры всего образованнаго міра на эту внутреннюю часть азіатскаго материка. Сочиненіе Вамбери и въ этомъ отношеніи оказываетъ услугу читающей публикѣ, такъ какъ исторія Бохары весьма тѣсно связана съ исторіей Хивы и Хоканда. Хива или Хивукъ, въ прежнія времена извѣстная подъ именемъ Харезма (Chahrezm), или, какъ неправильно до сихъ поръ писали, Ховарезма, то составляла долгое время нераздѣльную часть Трансоксаніи, то ея государи владѣли Трансоксаніею, а въ новое время отсюда выходили воинственныя турецкія орды, преимущественно суннитскіе Узбеки, наводившіе ужасъ на шіитскую Персію и въ изобиліи доставлявшіе товаръ на рынки

невольниковъ въ Хивѣ и Бохарѣ.—Съ особеннымъ удовольствіемъ, даже съ гордостью, прибавлю здѣсь, что первымъ важнымъ результатомъ только-что оконченнаго Хивинскаго похода и вмѣстѣ блистательнымъ проявленіемъ великодушія нашего Монарха-Освободителя было *освобожденіе изъ неволи цѣлыхъ тысячъ* этихъ несчастныхъ и возвращеніе ихъ на родину, уже давно ихъ оплакавшую.—Само собою разумѣется, что картина нравовъ и весь складъ духовной жизни во всѣхъ этихъ ханствахъ до того сходны, что, узнавъ Трансоксанію по книгѣ Вамбери, можно довольно вѣрно судить о Хивѣ и о Хокандѣ не только въ историческомъ, но и въ культурномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Итакъ, хотя Вамбери и не владѣетъ талантомъ Тацита или Маколея, но его историческій трудъ, во всякомъ случаѣ, **важное пріобрѣтеніе** и для науки, и въ особенности для насъ, Русскихъ. Онъ даритъ намъ довольно подробную и вѣрную картину тысячелѣтней жизни недавно пріобрѣтеннаго нашимъ оружіемъ края и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и руководящія идеи для будущей дѣятельности нашей въ этомъ центрѣ азіатскаго міра, великая задача просвѣщенія котораго выпала на долю Россіи.

Теперь два слова о переводѣ. Первый его томъ, въ который, по нѣкоторымъ соображеніямъ, вошла и 1-я глава изъ втораго тома нѣмецкаго оригинала, переведенъ мною безъ пропусковъ и съ возмож-

ною близостью къ подлиннику, во второмъ же томѣ, именно въ послѣднихъ двухъ его главахъ, я принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько пропусковъ, о которыхъ и считаю своею прямою обязанностью дать здѣсь отчетъ предъ читающею публикою.

Ученый путешественникъ, ориенталистъ и публицистъ Вамбери, какъ Венгерецъ и Англоманъ въ восточномъ вопросѣ, ненавидитъ Россію, считаетъ нашу внѣшнюю политику завоевательною, принимая это за историческую аксіому, и не даетъ никакой вѣры официальнымъ и офиціознымъ заявленіямъ нашей печати о миролюбивомъ настроеніи нашего Монарха. Исходя изъ этой точки зрѣнія, въ сущности ложной и сильно нуждающейся въ положительныхъ доказательствахъ, онъ вездѣ, гдѣ только представляется поводъ, голословно, иногда и наперекоръ исторической логикѣ событій, повторяетъ свои любимыя фразы о русской завоевательной политикѣ. Всѣ эти и имъ подобныя бездоказательныя фразы я опустилъ, отчего, по моему крайнему разумѣнію, сочиненіе Вамбери не только нисколько не пострадало, но даже выиграло, потому что въ немъ, какъ во всякомъ серьезномъ историческомъ трудѣ, не должна быть допускаема тенденціозность, такъ какъ личныя и предвзятыя мнѣнія автора, вовсе не вытекающія изъ хода событій, нисколько не уясняютъ этого хода и скорѣе препятствуютъ правильному, безпристрастному его пониманію. Точно также и прозваніе русскихъ *Мо-*

сковитями, Россіи *Ursus'омъ* (медвѣдемъ), Азією, императора Николая *гордымъ*, политики петербургскаго кабинета и всѣхъ нашихъ плановъ на востокъ *завоевательными*, нашей прессы *подозрительною* и *лживою* относительно Англіи, и тому подобныя выраженія нашихъ западныхъ недоброжелателей, слишкомъ избытка и давно уже опровергнутыя и осмѣяныя въ нашей печати, показали мнѣ недостойными занимать мѣсто въ этомъ серьезномъ и ученомъ историческомъ трудѣ. Впрочемъ, для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, спѣшу прибавить, что допущенные мною пропуски составляютъ въ подлинникѣ всего двадцать двѣ строки текста и семь строкъ примѣчанія.

Аркадій Павловскій.

Стрѣльна, августъ 1878 г.

ХІІІ.

Узбеки (Ozbegen) и Шейбани Мегеммедъ Ханъ.

906 (1500)—916 (1510).

Въ характеръ турецкаго народа искони была слѣдующая блестящая черта: того изъ своихъ государей, который оказалъ особенную услугу славнымъ правленіемъ своимъ, или введеніемъ общепользыхъ учреждений, онъ старался увѣковѣчить принятіемъ его имени. Дѣлая его такимъ образомъ своимъ вторымъ родоначальникомъ, онъ съ этимъ вмѣстѣ сообщалъ наилучшее выраженіе своему государственному возрожденію и своему выступленію на арену всемірной исторіи. Такъ, мы видимъ, что Турки, проникшіе въ западную Азію, въ качествѣ аванпостовъ могущества Сельджукидовъ, и потомъ основавшіе новую имперію на развалинахъ древней Византіи, называются теперъ Османли, по имени своего предводителя Османа. Также точно и турко-монгольскія ¹⁾ племена, жившія въ восточной

¹⁾ Чтобы выраженіе *турко-монгольскій* никому не показалось страннымъ, я долженъ предпослать замѣчаніе, что Узбековъ я считаю за смѣшанный народъ турко-монгольскаго, а не чисто турецкаго происхожденія уже потому, что подобныя смѣшенія не только вѣроятны, но и происходили совершенно естественнымъ путемъ тамъ, гдѣ Турки и Монголы могомеданской религіи жили вмѣстѣ. Лучшее доказательство этого представ-

Вамбери, *Исторія Вохари*. Т. II.

области Голубой Орды, т. е. между Волгой и Аральскими озером¹⁾, приняли политическое собирательное имя Узбеков²⁾ по Узбеку (Özbeğ), девятому государю из дома Джуджи. „Узбекъ ханъ“, такъ рассказываетъ намъ Абулгази въ своей исторіи Татарь,³⁾ „почиталъ и одарялъ каждого по его заслугамъ. Онъ обратилъ свой народъ въ исламъ и чрезъ него многіе были украшены благородствомъ могоammedанской религіи. Поэтому и народъ Джуджи принялъ имя Узбека, которое сохранить до конца міра“. Во всякомъ случаѣ Узбекъ былъ не только апостоломъ своего народа, какъ справедливо замѣчаетъ Гаммеръ⁴⁾, но и третьимъ изъ четырехъ великихъ государей, украсившихъ

лаетъ именной списокъ 32 узбекскихъ родовъ, между которыми много именъ монгольскаго происхожденія и многіе изъ этихъ послѣднихъ и теперь существуютъ у нынѣшнихъ номадовъ пустыни Гоби. Такъ, напр., Хитай по-монг. Китатъ (о перемѣнѣ окончанія : въ т см. Uigurische Sprachmonumente, стр. 23) = Китаецъ; Нёксъ, по монг. Нокосонъ = шерсть (буква и почти вовсе не встрѣчается съ аналогомъ въ турецкомъ языкѣ); Тасъ, по монг. тасъ = родъ сѣраго орла; Дёрмень, по монг. дёрбень = четыре; Митень, по монг. мите = трусость и т. д.

¹⁾ Въ восточныхъ историческихъ источникахъ средней Азіи древняя родина Узбековъ обозначается неопредѣленнымъ выраженіемъ Дешта Кипчакъ = степь Кипчакская, подъ именемъ которой подразумѣвается та часть туранскаго нагорья, которая, начинаясь отъ Каспійскаго моря, протягивается на востокъ на 600 ферзаховъ въ длину и 300 ферз. въ ширину. Но это невѣрно, потому что, хотя Узбеки и доходили съ своими стадами на югъ до Харезма, но на сѣверовостокъ они только въ эпоху паденія Тимуридовъ проникли до низова Яксарта. Вѣроятно, ихъ родиной были береговые страны Урала и Эмбы, однимъ словомъ, та часть, которую мы теперь обыкновенно называемъ территоріей Малой Орды.

²⁾ Буквальное значеніе слова Узбекъ: свой собственный господинъ, самостоятельный. Замѣчательно, что это слово встрѣчается и у древнихъ Венгровъ, какъ названіе достоинства или званія, и въ этомъ смыслѣ оно находится въ документахъ, относящихся къ 1150 г. Согласно съ вышеупомянутымъ значеніемъ, знаменитый шейхъ Худададъ (умершій въ 939 (1332) году) сказалъ слѣдующую остроу на турецкомъ языкѣ своему духовному ученику Арифу Софи, который, какъ Узбекъ, сожалѣлъ о первой побѣдѣ Бабера надъ Шейбани: „Sanga özbekin kirek mi = ты хочешь имѣть своего собственнаго господина, иначе Узбека?

³⁾ Абулгази — Шедренъ Турки (Родословная Турокъ), стр. 98.

⁴⁾ Исторія Золотой Орды, стр. 281. Прозіе три были: Бату, Берке и Тохтамышъ.

тронъ Кипчака, но ни при немъ, ни при его ближайшихъ потомкахъ, не играло никакой видной роли это родовое имя Узбековъ, явившееся во время господства Тимуридовъ и о которомъ уже упоминаетъ арабскій путешественникъ Ибнъ Батута. Только полтора ста лѣтъ спустя, когда сильная прежде Золотая Орда была разорвана на четыре части, вслѣдствіе чего Іоаннъ Васильевичъ, освободитель Россіи отъ татарскаго ига, вскорѣ могъ сокрушить власть потомковъ Джюджи на верхней Волгѣ, — только тогда мы узнаемъ впервые, что Эбулхайръ ханъ, князь Узбековъ, находился между принцами и вассалами, отказавшимися отъ повиновенія государю Серая и пользовавшимся верховнымъ правомъ, въ качествѣ старшинъ или хановъ. Грозою, налетѣвшею съ христіанскаго сѣвера на мусульманское царство, онъ былъ принужденъ, съ шатрами и многочисленными стадами своего кочующаго народа, отступать все далѣе и далѣе внутрь восточной степной области, и въ правленіе Кичигъ¹⁾ Могаммеда, послѣдняго князя Голубой Орды, съ паденіемъ котораго совсѣмъ рухнулъ тронъ Джюджи въ Кипчакѣ, онъ достигъ уже такого значенія, что Тимуриды Эбусайдъ, Мегеммедъ Джюги и Гусейнъ Байкара, какъ было сказано въ предыдущей главѣ, искали у него защиты и помощи. Вдали отъ вліяній могаммеданской культуры западнаго Серая и южной Трансоксаніи, Узбеки, эти перво-родные сыны пустыни, дѣйствительно могли долѣе сохранить суровый характеръ туранскаго воина, чѣмъ ихъ братья, привыкшіе къ постояннымъ жилищамъ и уже избѣженные цивилизаторскими стремленіями Тимуридовъ. Религія арабскаго пророка была распространена между ними только по имени, ихъ нравы, какъ и самъ народъ, пред-

¹⁾ Гаммеръ всегда читаетъ Кичюкъ, забывъ, что на восточно-турецкомъ языкѣ это слово значитъ *молодая собака*, а прозваніе этого хана именемъ *кичикъ* значитъ *малый*. При тогдашнемъ состояніи нашихъ познаній въ восточно-турецкомъ языкѣ, подобныя ошибки извинительны.

ставляли пеструю смѣсь турско-монгольскихъ обычаевъ, и въ то время, когда Турокъ на берегу Окса и Яксарта постепенно осваивался съ языкомъ и литературой, а также и съ утонченнымъ образомъ жизни Ирана,—Узбеки еще кутались въ овчины и лошадиныя шкуры, а ихъ духовная жизнь развилась только до того, что они отчасти позволяли руководить себя мнимому чудотворцу, отшельнику Ходжѣ Ахмеду Езеву ¹⁾, своему національному святому. Только позже, водворившись въ постоянныхъ поселеніяхъ, они мало-по-малу сбросили съ себя оболочку грубости, и какъ прежде подъ именемъ Чагатай подразумевался осѣдлый, такъ сказать, образованный Турокъ Трансоксани, и подъ именемъ Узбекъ—дикій степной житель на сѣверо-западъ ²⁾, такъ точно потомъ и до новаго времени это отношеніе сдѣлалось обратнымъ, т. е. Узбекъ заступилъ мѣсто прежняго Чагатая, а Киргизомъ, также и Казакѣмъ (по буквальному смыслу этого имени—бродяга, странникъ), стали называть не образованнаго Турка.

Эбулхайръ отлично понималъ время, въ которомъ жилъ. Не думая о завоеваніяхъ, при тогдашнихъ отношеніяхъ центральной Азіи и невозможныхъ, онъ довольствовался тѣмъ, что потомки Тимура искали у него помощи въ своихъ ожесточенныхъ братоубійственныхъ войнахъ. Онъ бился не только за дѣло Эбусайда, но и за Минутшехра

¹⁾ Ходжа Ахмедъ Езевъ и теперь считается патрономъ у номадовъ, кочующихъ по сѣвернымъ степямъ центральной Азіи. Его нравственно-религиозныя стихотворенія, образчики которыхъ я привелъ въ моихъ чагатайскихъ изученіяхъ языка, ставятся наравнѣ съ кораномъ Киргизами и Узбеками.

²⁾ Это всего яснѣе видно изъ слѣдующаго двустишія, которое поэтъ Шейбани намека влгаетъ въ уста самому герою:

„Tschagatai ili meni Özbek dijmesun
Bihude fikr kilib gam jimesun“

т. е. чагатайскій народъ не долженъ называть меня Узбекѣмъ, и пусть бесполезныя мысли не печалатъ его.—Что прежде считалось бранью, то съ теченіемъ времени обратилось въ почетное имя, потому что Узбекѣмъ теперь называется образованный осѣдлый Турокъ, безъ различія племени.

Мирзу и султана Гусейна Байкару; его Узбеки возвращались всегда съ тяжелымъ грузомъ добычи, и его почти 40-лѣтнее господство изображается какъ самое славное для степнаго князя. „Быстро разсыпается песокъ пустыни, еще быстрѣе счастье людей“ — обыкновенная поговорка между Туркоманами. И власть, и величіе Эбулхаира навлекли на него враговъ и завистниковъ: сосѣдніе степные ханы соединились противъ него, и даже его близкіе родственники, какъ прежде упомянутый Бюрге султанъ, выступили противъ него, дѣйствуя въ духъ татарской пословицы: „если врагъ нападетъ на палатку твоего отца, то ты пристань къ нему и грабь вмѣстѣ ¹⁾“. Поэтому онъ былъ скоро осилень, и, послѣ его смерти въ бою, многочисленные члены его семьи были разсыяны по всемъ направленіямъ въ пустынь. Изъ одиннадцати сыновей ²⁾, имъ оставленныхъ, ему наследовалъ въ достоинствѣ, и то по имени, его пятый сынъ Шейхъ Гайдаръ Султанъ, котораго власть распространялась только на немногихъ, потому что Узбеки уже тогда направили свое вниманіе и довѣріе къ внуку Эбулхаира, именно къ принцу Мегеммеду Шейбани, также называемому ³⁾ Шахбахтъ (короля счастье), который подавалъ самыя блистательныя надежды, не смотря на свою

¹⁾ Въ оригинальномъ текстѣ Абулгази стр. 106: Atang jortin jautscharsa, ailandura birge tschar. Навѣрно, немногіе языки имѣютъ подобную пословицу, означающую неукротимую страсть къ грабежу и убійству.

²⁾ Это были: Будагъ султанъ, Ходжа Мегеммедъ султанъ, Ахмедъ султанъ, Мегеммедъ султанъ, Шейхъ Гайдаръ султанъ, Санджаръ султанъ, Ибрагимъ султанъ, Кѣчкюнджи султанъ, Сюнджѣ Ходжа султанъ (его мать была дочерью ученаго Улугъ бега), Акъ Буркъ султанъ и Сеидъ Баба султанъ. Въ исторіи средней Азіи играли роль потомки только первыхъ двухъ изъ поменованныхъ здѣсь князей, поэтому ихъ родословная и приведена довольно подробно въ своемъ мѣстѣ. О потомкахъ же прочихъ сыновей Эбулхаира исторія вовсе ничего не говоритъ.

³⁾ У персидскихъ исторіографовъ онъ называется также Шаги бегъ, или, какъ читаетъ Дегинъ, Шаббекъ. И касательно года его рожденія историкъ Ирана ошибаются, и Раузатъ эсъ сефа приводитъ 906, какъ годъ его рожденія, тогда какъ это былъ, какъ мы увидимъ, годъ вступленія его въ управленіе. Шейбани явился на свѣтъ въ 855 (1451) году.

молодость. Шейбани, такъ мы будемъ его называть, рано лишился отца ¹⁾ Будагъ Султана (король-почка) и матери Кузи ²⁾ Бегумъ (ягненокъ-самка) и жилъ вмѣстѣ съ своими братьями подѣ опекой Караджи бега, вѣрнаго слуги своего дѣда, также со всей искренностью предавагося и осиротѣлымъ принцамъ. По смерти Шейха Гайдара, Караджа бегъ принужденъ былъ съ выросшими уже сиротами бѣжать отъ враговъ фамилии Эбулхаира къ низовьямъ Яксарта. Здѣсь Шейбани собралъ вокругъ себя разсѣянные аулы (группы шатровъ) дѣдовской орды и сталъ въ тишинѣ готовиться, посредствомъ выполненія священной обязанности кровавой мести, поднять упавшее величiе своего дома, въ особенности же отгнать Бюрге Султану, обитавшему въ верховьи названной рѣки на опушкѣ лѣса, за его постыдную измѣну Эбулхаиру. Пока силы были недостаточны, Шейбани лицемѣрно предлагалъ дружбу, но современемъ явились и средства, и въ одну долгую и морозную зимнюю ночь — настоящее страшилище и безъ того постоянно мрачной природы степей — онъ напалъ съ горстью храбрыхъ приверженцевъ на дворъ своего противника, убилъ многихъ изъ его родственниковъ, и самъ Бюрге не могъ спастись отъ смерти, несмотря на рѣдкiй примѣръ вѣрности ³⁾.

¹⁾ Предъ взятiемъ Самарканда (906) Шейбани говорилъ своему придворному поэту и другу Мегемеду Салиху, что ужъ прошло 30 лѣтъ, какъ онъ потерялъ своего отца. Слѣдоват. послѣднiй умеръ въ 876 (1471) году, и Шейбани, родившiйся въ 855 (1451), имѣлъ поэтому при смерти своего отца 21 годъ отъ роу.

²⁾ Не Нури Бегумъ, какъ написано въ литографированномъ изданiи Раузата эс сефа.

³⁾ Именно: люди Шейбани, разскивая на разсвѣтѣ Бюрге, о которомъ знали, что онъ раненъ, примѣтили на свѣжѣмъ снѣгу кровавыя слѣды, которые вели все далѣе и далѣе внутрь лѣса. Здѣсь наконецъ былъ найденъ на землѣ тяжело раненный воинъ; его взяли, и на вопросъ, кто онъ такой, онъ назвалъ себя Бюрге Султаномъ. Когда его принесли къ Шейбани, то послѣднiй замѣтилъ, что это не Бюрге, а его слугитель Мюнге Би, и, обратившись къ нему, спросилъ его: „зачѣмъ ты выдалъ себя за Бюрге Султана?“ — „Государь“, отвѣчалъ вѣрный слуга, „я выросъ съ Бюрге, въ его хлѣбъ-соль и когда узналъ, что его разскиваютъ, то

Этот удачно нанесенный удар скоро поставил молодого героя во главѣ не ничтожной толпы узбекскихъ наѣздниковъ, съ которою онъ могъ отважиться и на военныя дѣйствія въ большихъ размѣрахъ, что и не заставило долго себя ждать.

При такихъ обстоятельствахъ столкновение съ Тимуридами Трансоксаніи было неизбежно. На тронѣ Самарканда возсѣдалъ тогда Султанъ Ахмедъ, сынъ Эбусаида, а сѣверная граница его государства была ввѣрена намѣстнику Мезиду Тархану, сыну Кишликъ хана. Этому послѣднему сперва предложилъ свои услуги Шейбани и даже былъ у него на жалованьи, но Мезидъ скоро замѣтилъ, что узбекскіе начальники грозятъ сѣсть ему на плечи и, желая отъ нихъ отдѣлаться во что бы то ни стало, отослалъ ихъ къ Абулали Тархану, неограниченному вассалу Бохары, мало уступавшему въ роскоши и великолѣпіи своего двора своему государю. Онъ принялъ молодыхъ воиновъ радушно и вскорѣ очень хорошо воспользовался ихъ мечомъ при нападѣніяхъ Монголовъ на сѣверовостокѣ. Для подобныхъ услугъ были употреблены внуки Эбулхайра и противъ мятежныхъ вассаловъ въ сѣверной провинціи Туркестана, но узбекскіе принцы, оттого ли, что чувствовали себя здѣсь на родной почвѣ, или отъ сознанія пріобрѣтенной силы, — какъ бы то ни было, только они остались недовольны обыкновенной платой за работу своего оружія, и пришлось удовлетворить ихъ отдачей имъ во владѣніе городовъ Отрара, Сабрана и Сиганака, которые и образовали, такъ сказать, зерно столь обширной впоследствии Шейбаниевой имперіи. Такъ какъ они были поддерживаемы въ тылу много-

и рѣшился пожертвовать собою для его спасенія и принять въ свое сердце убійственную стрѣлу, назначенную для него. Я такъ поступилъ, теперь твоя воля въ твоей рукѣ." Шейбани былъ довольно благороденъ, щедро наградилъ честнаго человѣка и выпустилъ его на свободу. Но позже Бюрге былъ таки найденъ и казненъ.

численными приверженцами и любящими отважныя похождения сынами номадовъ, то продолжительное согласіе между возвышавшимся Шейбани и падавшими Тимуридами было немислимо; причина раздора скоро была отыскана, и, еще при жизни Султана Ахмеда, Шейбани уже объявилъ себя независимымъ на Яксартѣ, насильно вовлекъ намѣстника Мезида Тархана въ союзъ и изъ прежняго наемника превратился въ опаснаго противника дома Тимура. Необузданный, воинственный духъ молодыхъ кочевыхъ князей и самъ по себѣ уже былъ довольно крѣпкой шпорой къ вѣчнымъ ссорамъ и спорамъ, съ другой же стороны анархическое состояніе Трансоксаніи и своеволие ея вассаловъ не мало содѣйствовали тому, чтобы Шейбани, выступившій въ началѣ безобиднымъ наѣздиномъ, перешелъ на поприще завоеваній. Первое большое его предпріятіе было направлено противъ Самарканда въ 905 (1499) году. Какъ сообщаетъ намъ авторъ Шейбанады, Султанъ Махмудъ, братъ Шейбани, еще при Байсонкурѣ Мирзѣ сдѣлалъ набѣгъ почти до самаго Диззака¹⁾ и съ большимъ урономъ былъ отброшенъ. Шейбани, сдѣлавъ ему выговоръ за то, что не сообщилъ ему своего плана, рѣшился отштитить за поражение своего брата и тотчасъ перешелъ Яксартъ съ вспомогательнымъ отрядомъ изъ 1000 Джетовъ, измѣна которыхъ, впрочемъ, принудила его къ постыпному отступленію. Тогда онъ задумалъ, по ученію своего духовнаго руководителя, украшенному параболами, „начать не съ середины, а съ края“²⁾ завоеваніе страны и для этого разо-

¹⁾ Нинѣшній Джиззакъ.

²⁾ Какъ всѣ турецкіе воятели того времени, и Шейбани имѣлъ духовнаго руководителя, къ которому обыкновенно обращался за совѣтомъ и которому оказывалъ слѣдное послушаніе во всѣхъ отношеніяхъ. Это былъ Шейхъ Мансуръ. Находясь на службѣ у Абдулала, Шейбани однажды, въ порывѣ честолюбія, выразился слѣдующимъ образомъ: „какъ это случилось, что Абдулала, человекъ обыкновеннаго происхожденія, пользуется верховною властью (вассалы султана Ахмеда дѣйствительно пользовались ею), а я, княжескаго рода, долженъ быть его слугою?“ Эти выраженія

слазь къ окрестнымъ турецкимъ князьямъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ ихъ къ совершенному ниспроверженію господства Тимуридовъ, обращая ихъ вниманіе на благопріятный къ тому случай. Но какъ ни гнили и расшатаны были столбы могущества Тимуридовъ въ Трансоксаніи, все же нашлось много Турокъ, оставшихся вѣрными государю въ Самаркандѣ. Шейбани долженъ былъ напередъ привлечь ихъ всѣхъ на свою сторону, и когда это ему удалось по отношенію къ главнымъ между ними, каковы Кючюмъ Султанъ, Сюнджъ Ходжа Султанъ ¹⁾, Гамза Султанъ и Мехди Султанъ, тогда онъ вступилъ на прежній путь съ хорошо снаряженнымъ войскомъ и двинулся прямо на Самаркандъ.

Здѣсь, по удаленіи Бабера въ Эндиджанъ, во главѣ управленія стоялъ Султанали только по имени, на самомъ же дѣлѣ—упомянутый верховный кади Ходжа Эбуль Мекаримъ ²⁾, котораго предки въ продолженіи 400 лѣтъ были шейхами уль ислама въ Самаркандѣ. Но какъ первый, такъ и второй были неспособны къ управленію и тѣмъ болѣе къ устраненію опасности, которою угрожало ихъ землѣ приближеніе могучаго врага. Поэтому недиво, что Шейбани, послѣ десятидневной осады и удачно отбивъ вылазку изъ воротъ Шейхзадскихъ, немедленно могъ проникнуть черезъ ворота Чигаррахскія до увеселительнаго замка Баг-

дошли до ушей Шейха Мансура, и когда Шейбани его посѣтилъ, то онъ велѣлъ накрыть столъ скатертью для ужина. По окончаніи ужина стали снимать скатерть, тогда Шейхъ, обратившись къ Шейбани, сказалъ ему: „смотри, эту скатерть берутъ не на срединахъ, а съ концовъ и уносятъ; такъ и завоеваніе царства должно начинать не съ столицы, а съ границы.“ Это было въ то самое время, когда Шейбани, какъ замѣчаетъ Саидъ Рахимъ, у котораго мы позаимствовали этотъ анекдотъ, отправлялся въ Хиу за тѣмъ, чтобы набрать тамъ вспомогательнаго войска изъ племени Мангитъ и серьезно начать свои завоеванія.

¹⁾ Эти оба были его дяди. Поэтому кажется, что сначала не всѣ члены дома Эбулхайра объявили себя за дѣло Шейбани.

²⁾ Эбуль Мекаримъ, т. е. достопочтенный, какъ его называютъ туземные историческіе источники, было только его титуломъ, а собственное имя этого властолюбиваго прелата—*Ходжа Яль*.

и-но ¹⁾ и сталъ самъ отыскивать непріятельское войско. Только около полудня начался бой. Шейбани лично принялъ въ немъ участіе съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти; рѣзня съ обѣихъ сторонъ свирѣпствовала всю ночь, но на слѣдующее утро разнеслась вѣсть, что Баки Тарханъ, сынъ Абдулали Тархана, у котораго Шейбани началъ свое поприще, идетъ изъ Бохары къ Самаркандцамъ на помощь и уже стоитъ лагеремъ предъ крѣпостью Дебузи. Узбеки должны были отказаться отъ пріобрѣтеннаго успѣха и, прекративъ осаду Самарканда, со всею поспѣшностью отступить къ Бохарѣ. Лишенная всѣхъ вспомогательныхъ войскъ, эта послѣдняя не могла сдѣлать ничего лучшаго, какъ тотчасъ сдаться на капитуляцію. Шейбани избралъ ее своею главною квартирой, помѣстилъ свою мать съ семействомъ въ тамошнемъ дворцѣ и потомъ продолжалъ свой маршъ на Карабѣль. Такъ какъ, оставленный здѣсь послѣ перваго завоеванія, гарнизонъ подъ начальствомъ Бубая Султана былъ истребленъ жителями, то и пришлось Узбекамъ вновь взять этотъ городъ и, только послѣ наказанія его со всею строгостью татарскаго военнаго закона, можно было приступить къ энергической осадѣ Самарканда. Девять мѣсяцевъ держалась эта столица, межъ тѣмъ хорошо укрѣпленная, можетъ быть, и долѣе выдерживала бы узбекскій натискъ, если бы несогласіе между властолюбивнымъ Ходжею Эбуломъ Мекваримомъ и княземъ Султанали не перешло въ открытую вражду. Шейбани, отъ котораго не скрылось это отношеніе, написалъ призрачному государю Самарканда слѣдующее: „ужели еще не опротивѣло ему опекунство Ходжи? И не лучше ли привѣтствовать наконецъ

¹⁾ Какъ изъ этого видно, Баг-и-но и прочіе лѣтніе дворцы съ своими обширными садами принадлежатъ къ загородной части города Самарканда. Если это такъ, то промежутокъ между городской стѣной и крѣпостью, кромѣ которой была еще и цитадель (Аркъ), навѣрно, былъ больше, чѣмъ какъ это явствуетъ изъ нынѣшнихъ развалинъ.

звѣзду дома Эбулхаира, зажженную божьей благостью, и искать спасенія на пути дружбы“! ¹⁾ Чтобъ придать болѣе сильное выраженіе своимъ дружескимъ предложеніямъ, онъ просилъ руки матери Султанали, которая изъявила на то свое согласіе, и все это было совершено въ такой тайнѣ, что Шейбани Мегеммедъ Ханъ въ одну пятницу вошелъ съ одной стороны въ обложенный городъ, а Ходжа Эбуль Мекаримъ, ничего не зная о случившемся, находился въ то время въ мечети на другой сторонѣ. Это происходило въ началѣ 906 (1500) года. Изумленный городъ принужденъ былъ покориться своей участи. Бракъ былъ совершенъ между узбекскимъ княземъ и вдовою Султана Ахмеда, Зогрою Бегумъ, которая, впрочемъ, какъ рассказываетъ намъ Баберъ, пользовалась не лучшимъ обхожденіемъ, какъ и обыкновенная наложница, и Султанали вскорѣ умеръ, какъ кажется, насильственной смертью ²⁾; да и самое господство дикихъ и хищныхъ степныхъ обитателей такъ было тягостно для Самарканда и его окрестностей, что Самаркандцы, понятно, стали вездѣ искать спасенія отъ этого ига и наконецъ призвали пылкаго и благороднаго Бабера Мирзу на освобожденіе резиденціи его предковъ ³⁾. Баберъ, принимавшій, какъ замѣчено, весьма близко къ сердцу интересы своей фамиліи, бродилъ въ то время съ немногими, ему преданными,

¹⁾ По свидѣтельству Шейбани намеха (Мегеммеда Салиха), мать Султанали будтобы сама сдѣлала починъ и чрезъ гонца предложила свою руку побѣдоносному Узбеку, но это мнѣ кажется невѣроятнымъ.

²⁾ По свидѣтельству Бабера, Султанали просто былъ убитъ. Но авторъ изданной Березиннымъ Шейбаниады утверждаетъ, будтобы онъ, во время прогулки верхомъ на берегу Когика (Зервшана), по несчастію, упалъ въ воду и утонулъ.

³⁾ Жестокая вражда между отдѣльными членами дома Тимурова лучше всего обнаружилась въ томъ равнодушіи, съ какимъ смотрѣлъ на происшедшее въ Трансоксаніи султанъ Гусейнъ Мирза, стоявшій въ зенитѣ своего величія. Правда, что возмущеніе его сына Бедди-эз-земана съ одной стороны и дерзкая выходка Хозрушаха въ Гиссарѣ съ другой мѣшали ему дѣйствовать въ пользу Самарканда; но какъ были-бы тщетны всѣ усилія Шейбани противъ соединенныхъ силъ этихъ отдѣльныхъ членовъ?

въ верховья Зерешана; въ его свитѣ находился и Ходжа Эбул-Мекаримъ. Слѣдовало только Хокандцамъ въ одну темную осеннюю ночь 906 (1500) года приблизиться къ воротамъ Самарканда, какъ его обыватели протянули имъ руки, и Шейбани такимъ же способомъ потерялъ городъ, какимъ и взялъ его. Такъ какъ его Узбеки стояли лагеремъ большею частью на Канигульской равнинѣ, поэтому не могло быть и мысли о совмѣстномъ дѣйстви; до 400 человекъ пало въ первой стычкѣ, и Шейбани, замѣтившему на слѣдующее утро безвыходность своего положенія, не оставалось ничего болѣе, какъ поскорѣе уйти въ Бохару съ тѣмъ, что только можно было спасти. Баберъ опять владѣлъ Самаркандомъ. Но его господство здѣсь продолжалось только до наступленія весны, до той именно поры, когда неутомимый узбекскій начальникъ собралъ достаточно силъ для новаго нападенія. Смѣлые внезапные набѣги, при которыхъ съ обѣихъ сторонъ выказаны чудеса храбрости, открыли войну и, наконецъ, на берегахъ Зерешана, между Бохарой и Самаркандомъ, у Серапула, произошло генеральное сраженіе, въ которомъ Баберъ, не взирая на всѣ свои усилія, былъ разбитъ на голову и съ большимъ трудомъ могъ спастись въ крѣпость Самарканда. Онъ приписывалъ это несчастье хищничеству своихъ вспомогательныхъ монгольскихъ войскъ, но, кажется, была и другая еще причина этого. Геройство и присутствіе духа, выказанныя въ этомъ достопамятномъ бою основателемъ монгольской имперіи въ Индіи и его полководцами, заслуживаютъ всякой похвалы, но противъ дикаго напора и вполне воинственнаго духа Узбековъ почти что ничего не въ состояніи были сдѣлать воины Трансоксаніи и Эндиджана, уже привыкшіе къ пріятностямъ жизни, хотя ихъ число, по свидѣтельству автора Шейбаниады, простиралось до 40,000 человекъ. Потери Бабера были весьма значительны, три Ибрагима¹⁾ пали въ

¹⁾ Это были: Ибрагимъ Терханъ, Ибрагимъ Сару и Ибрагимъ Джани.

рядахъ его высшихъ офицеровъ, и этотъ худой знакъ, какъ зловѣщій призракъ, носился предъ глазами героя, при всемъ просвѣщеніи своемъ несвободнаго отъ суевѣрія, и хотя онъ въ Самаркандѣ съ обычной энергіей немедленно сталъ готовиться къ продолженію борьбы, но скоро дошелъ до печальнаго убѣжденія, что дѣло его династіи въ Трансоксаніи потеряно безвозвратно. Шайбани, пользуясь побѣдой, горячо преслѣдовалъ бѣжавшихъ и тѣсно обложилъ Самаркандъ. Осада, длившаяся 4 мѣсяца, была самая жестокая въ лѣтописяхъ прежней столицы Тимура. Осаждающіе вдоволь питались и насыщались въ богатыхъ окрестностяхъ прекрасной столицы, осажденные же Чагатайцы, за недостаткомъ средствъ пропитанія, принуждены были прибѣгать къ собачьему и ослиному мясу—ужасной пищѣ въ глазахъ моголмеданина, и даже къ древесной корѣ, а ихъ лошадямъ вмѣсто корма бросались стружки. Къ этому присоединилась еще анархія и ослабленіе всѣхъ узъ послушанія; и Баберъ, увидѣвъ себя почти покинутымъ среди пустыхъ крѣпостныхъ верковъ, и самъ ушелъ изъ крѣпости въ полночь чрезъ Шейхзадскія ворота, чтобы спасти свою жизнь посредствомъ хоть бѣгства, сопряженнаго съ тысячею опасностей¹⁾, причѣмъ попала въ плѣнъ и его старшая сестра Ханзада Бегумъ, на которой тоже Шейбани женился.

Такъ палъ Самаркандъ, а съ нимъ и господство Ти-

1) „Въ глухую темную ночь на землѣ Большаго Согда, перерѣзанной каналами и ручьями, я замѣтилъ, и то предъ разсвѣтомъ, что я далеко оставилъ за собой свою свѣту. Подпруга у моей лошади лопнула, сѣдло перевернулось на бокъ, я упалъ головою внизъ на землю и хотя опять сѣлъ, но до самой ночи не могъ прійти въ себя. Весь свѣтъ, вмѣстѣ съ послѣдними событіями, носился предъ моими глазами, какъ сновидѣніе. Уже было около полудня, когда мы, наконецъ, сдѣлали стоянку у Иланоти, убилъ лошадей и позволили немного отдохнуть нашимъ животнымъ.... И только въ Дивзакѣ мы могли утѣшить себя жирнымъ мясомъ, хорошимъ хлѣбомъ, вкусными дынями и сладкимъ виноградомъ.“ Такъ говорить о своемъ бѣгствѣ Баберъ въ своихъ мемуарахъ. См. оригинальный текстъ, стр. 117.

муридовъ! Дыша местию, Узбеки все разграбили въ городѣ, котораго обыватели, страшась кары завоевателя, еще прежде искали спасенія въ бѣгствѣ. Между послѣдними находилса и заклятый врагъ Шейбани, временный глава, Ходжа Ягья. Чтобы не быть узаннымъ, этотъ благочестивый мужъ совершилъ самое ужасное въ глазахъ могомеданина преступленіе — сбрилъ себѣ бороду. Но это не помогло, онъ былъ узнанъ, схваченъ, и когда Шейбани спросилъ его, какъ онъ могъ притти къ такой ужасной идѣ сбрить себѣ бороду, то онъ отвѣтилъ ему персидскимъ стихомъ слѣдующаго содержания: „кто плюеть въ зажженное Богомъ пламя, тотъ опалить свою собственную бороду“ ¹⁾. Но божеское пламя, именно Шейбани, не далъ обморочить себя этимъ остроумнымъ комплиментомъ, и Ходжа за свои мірскія пожеланія долженъ былъ проститься съ жизнью подъ рукою палача. Съ подобною строгостью поступилъ побѣдитель и со всѣми приверженцами прежней династіи и этимъ навелъ на всѣхъ такой ужасъ и оцѣпенѣніе, что послѣ примиренія съ своимъ братомъ, задумавшимъ было возмущеніе вокругъ Оратене, могъ предпринять переходъ чрезъ Окъ съ сравнительно малочисленнымъ войскомъ, находившимся въ его распоряженіи. Воздержность и умѣренность узбекскаго завоевателя была не менѣе удивительна, какъ его терпѣніе и храбрость. Уже по овладѣніи престоломъ въ Самаркандѣ, его сильно тянуло въ плодородный Хоразанъ, но тамъ еще воссѣдалъ на тронѣ въ Гератѣ великолѣпный и могущественный Мирза Гусейнъ Байкара, и такъ какъ Шейбани достаточно зналъ средства и силу своего противника, то уклонялся въ началѣ отъ всякихъ прямыхъ непріязненныхъ дѣйствій, и его набѣги распространялись только на

¹⁾ Стихъ гласитъ такъ:

Чирагира ки Издъ беръ фурузекъ

Геръ анкесъ туффъ кунедъ ршешъ бесузедъ.

тѣ части Хоразана, въ которыхъ господство Мирзы Гусейна держалось на шаткой ногѣ. Это были, вопервыхъ, Белхъ, гдѣ принцъ Беди-эз-земанъ развернулъ знамя бунта; вовторыхъ, владѣнія прежняго визиря Султана Ахмеда, Хозрушаха ¹⁾, который, послѣ отстраненія измѣной сыновей своего благодѣтеля, захватилъ себѣ Гиссаръ, Хатланъ, Кундузь и Бедахшанъ и теперь долженъ былъ воевать съ Шейбани. Но прежде чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, узбекскій завоеватель долженъ былъ обезопасить себя въ тылу, именно побѣдить Ханеке Султана и Аладжу Султана, монгольскихъ родственниковъ Бабера по матери, которые имѣли въ своемъ распоряженіи значительную военную силу изъ Монголовъ и Калмыковъ на правомъ берегу Яксарта, вокругъ Шахрухи и Ташкенда, и, частью изъ зависти, частью же въ отмщеніе за своего несчастнаго племянника, всячески вредили Узбекиамъ. Первый походъ былъ предпринятъ еще въ годъ взятія Самарканда. Среди чрезвычайно суровой зимы Шейбани двинулся на сѣверъ съ армією, закутанною въ шубы. Его братъ Султанъ Махмудъ съ Тимуромъ Султаномъ образовалъ авангардъ изъ 6000 самыхъ храбрыхъ Узбековъ, которые, впрочемъ, встрѣтивъ препятствіе въ жестокой стужѣ, вѣроятно же еще болѣе въ закаленныхъ Монголахъ, возвратились назадъ ни съ чѣмъ, не достигнувъ никакого успѣха. И у самаго Шейбани скоро остылъ дикій воинственный жаръ въ груди на ледяной степи, и онъ возвратился въ Самаркандъ. Монголы слѣдовали за нимъ до Оратепе, и хотя этотъ городъ на слѣдующую весну и былъ опять взятъ, и съ Ханеке заключенъ миръ, но это было собственно только перемиріе, потому что едва Шейбани вторгнулся во владѣнія Хосрушаха, какъ Монголы опять бросили ему перчатку и въ этотъ разъ напали не на границы его земли, но на Тенбея Султана, его намѣстника въ Хокандѣ.

¹⁾ Смот. 1-е примѣч. на стран. 261 перваго тома этого сочиненія.

Само собой понятно, что Тенбель, чрезъ возмущеніе котораго Баберь потерялъ свое царство и тѣмъ легче могъ быть побѣжденъ узбекскимъ оружіемъ, имѣлъ полное право на защиту Шейбани. Но были и другія побудительныя причины, заставившія неугомоннаго узбекскаго князя прервать теперь всѣ постороннія завоеванія и выступить со всѣми своими силами противъ своихъ враговъ внутри Турана. Ханеке, не менѣе храбрый и властолюбивый, какъ самъ Шейбани, опирался на всѣхъ вмѣстѣ Монголовъ и Калмыковъ, обитавшихъ между Яксартомъ и пустыней Гоби, и нужно было только соглашеніе между нимъ и Тимуридами въ Хоразанѣ, чтобы сразу и навсегда уничтожить всѣ замыслы и планы Узбековъ. Шейбани это сознавалъ и потому, въ 911 (1505) году, двинулся со всѣми своими боевыми силами сперва противъ Шахрухія, которую велѣлъ обложить, и потомъ вверхъ по теченію Яксарта дошелъ до Акси, гдѣ въ разстояніи пяти миль стояла соединенная монгольская армія, готовая къ бою. Картина вооруженія и составныхъ частей обѣихъ армій, набросанная авторомъ Шейбаниахеа, интересна и единственна въ своемъ родѣ, но не менѣе замѣчательно и описаніе двухдневнаго кроваваго боя, одного изъ самыхъ большихъ, когда либо происходившихъ между Монголами и Турками и окончившагося такою побѣдою Узбековъ. Ханеке и его братъ были взяты въ плѣнъ и, представъ предъ Шейбани, ожидали вѣрной смерти, но побѣдитель изумилъ ихъ блистательнымъ доказательствомъ своего великодушія, утѣшалъ ихъ въ ихъ несчастіи, причемъ рассказалъ имъ подходящія параболы и, наконецъ, далъ имъ клятвенное обѣщаніе не трогать и волоса ни у нихъ, ни у ихъ близкихъ. Онъ только просилъ для себя сдачи крѣпости Шахрухія, въ которой командовала мать монгольскихъ принцевъ. Послѣдняя была тронута великодушіемъ, съ какими поступлено съ ея дѣтьми, согласилась на сдачу, и миръ былъ восстановленъ. Тогда Шей-

бани, не боясь быть обезпоеннымъ въ тылу, могъ направить свое оружіе противъ своихъ враговъ на лѣвомъ берегу Окса. Здѣсь, разумѣется, отношенія значительно перемѣнились. Не смотря на ожесточенную борьбу партій, которая происходила между Хосрушахомъ, повелителемъ Гиссара, Кундуза, Хатлана и Бедахшана, и другимъ вассаломъ Султана Гуссейна Мирзы, стремившимся къ независимости, здѣсь, въ виду грозившей опасности, образовался противъ Шейбани союзъ, который пустилъ въ ходъ все пружины, но не могъ достигнуть ни малѣйшаго успѣха. Узбекскій князь, послѣ одержанной побѣды, открылъ военныя дѣйствія противъ Хосрушаха, но Тенбель, изъ-за котораго онъ только что окончилъ упорную войну, возсталъ противъ него и принудилъ его къ новому походу къ сѣверо-восточной границѣ своего государства, и Тенбель съ семью братьями и сестрами своими долженъ былъ заплатить жизнью за свою неблагодарность. Затѣмъ Шейбани спѣшилъ за Оксъ, и его появленія было достаточно, чтобы разогнать соединенныя войска его противниковъ въ Хатланъ, гдѣ Баберъ представлялъ наиболѣе выдающуюся личность. Между тѣмъ, братъ Шейбани, Султанъ Махмудъ, взялъ Кундузъ и умеръ тамъ отъ болѣзни. Въ это же время были открыты военныя дѣйствія и противъ Чина Софи, владѣтеля Харезма, усердно преданнаго дѣлу Султана Гусейна Мирзы. Авангардъ повелъ самъ Шейбани. За нимъ послѣдовалъ принцъ Обейдуллахъ, за 14 дней предъ тѣмъ женившійся и теперь изъ объятій своей молодой супруги ринувшійся въ бранное смятеніе. Выступленіе въ походъ, по обыкновенію, начато среди суровой зимы, чтобъ можно было перейти Оксъ вездѣ, гдѣ угодно. И вотъ Узбеки уже стояли противъ Туркомановъ, которые составляли главную силу арміи Чина Софи. Противники вполне стояли другъ друга, такъ что осада главной крѣпости Харезма, расположенной между нынѣшней Хивой и Гезареспомъ, съ невыразимымъ

упорствомъ затягивалась надолго; поэтому пришлось прежде совершенно уничтожить Хосрушаха, и тѣмъ отнять у Чина Софи надежду на помощь изъ той страны. И Хосрушахъ, прежде столько могущественный князь въ верховьи Окса, претерпѣвалъ отъ генераловъ Шейбани поражение за поражениемъ, пока, наконецъ, былъ пойманъ въ бѣгствѣ и умерщвленъ съ 700 самыхъ вѣрныхъ своихъ воиновъ¹⁾. Отрубленная его голова была отослана къ Чину Софи, бродившему среди развалинъ и окруженному проголодавшимися солдатами, но эта угроза нисколько не испугала героя. Цѣлые шесть мѣсяцевъ онъ мужественно противостоялъ всѣмъ усиліямъ узбекскаго войска, затѣмъ держался еще три мѣсяца, пока, наконецъ, не была взята цитадель приступомъ, и онъ нашелъ подъ ея развалинами смерть отъ стрѣлъ своихъ собственныхъ людей. — Прошло не болѣе пяти лѣтъ со взятія Самарканда, а Шейбани, послѣ этого послѣдняго успѣха, уже имѣлъ въ своей власти весь Туранъ. Блестящую звѣзду его военнаго счастья привѣтствовали на востокѣ Эндиджанъ, на сѣверѣ Шахрухія и Ташкентъ, на югѣ гористый Гиссаръ, Верахшанъ и Белхъ и, наконецъ, на западѣ Харезмъ; бѣдные, еще предъ взятіемъ Самарканда кутавшіеся въ овчины, Узбеки теперь были завалены великолѣпиемъ и богатствомъ Трансоксаніи, и молва о могуществѣ потомковъ Эбулхаира дошла до самыхъ отдаленныхъ странъ.

Теперь только Шейбани выступилъ противъ старика, Султана Гусейна Мирзы, и между Узбеками и домою Тимура должна была завязаться окончательная борьба; поэтому едва ли стоитъ говорить о томъ, что обѣ стороны

¹⁾ Мирхондъ рассказываетъ, будто-бы онъ попалъ живой въ руки Шейбани и сперва былъ привязанъ къ хвосту осла и водимъ по улицамъ Кундуза, затѣмъ былъ казненъ. О характерѣ Хосрушаха Мирхондъ говоритъ слѣдующее: „онъ былъ строгъ и справедливъ какъ правитель, благочестивъ какъ могомеданинъ, но какъ человекъ—неблагодаренъ и жестокъ“.

выступили на арену во всеоружіи. Шейбани своими военными дѣйствіями не только привлекъ подъ свои знамена всѣ воинственные элементы въ земляхъ Окса и Яксарта, но и наиболѣе замѣчательные между монахами дѣйствовали въ его интересахъ, и такъ какъ иранскій народъ уже давно пересталъ играть роль въ при-Окскихъ земляхъ, то самыя различныя турецкія племена тѣмъ съ болѣе пылкимъ увлеченіемъ стекались къ новому Тимуру, который водилъ ихъ на разбой и добычу, и съ радостью переполняли ряды его войска. Что касается Султана Гусейна Мирзы, то онъ, сознавая грозившую опасность, отдалъ приказъ своимъ сыновьямъ и родственникамъ столпиться съ своими отрядами вокругъ его трона и двинуться противъ вторгнувшейся узбекской арміи. Вслѣдствіе этого, на сѣверѣ Герата сосредоточилась сильная армія изъ континентовъ Афганистана, Систана, Хоразана, Фарса и Джорджана, но ей недоставало главнаго условія силы, именно—единства, и еще Тимуриды не прекратили своихъ мелочныхъ споровъ, какъ Шейбани, перейдя въ 911 (1505) году Оксъ при Керки, разбилъ на голову авангардъ ихъ арміи при Меймене. Около этого времени скончался Султанъ Гусейнъ Мирза; счастье для него, что онъ не дожилъ до паденія своей фамиліи, но тѣмъ болѣе было несчастье для его сыновей, жившихъ въ вѣчныхъ между собою спорахъ и раздорахъ. Съ нимъ сошла въ могилу послѣдняя тѣнь единства воли и авторитета, слѣдовательно, и надежда на успѣхъ. Его преемникъ Беди-эз-земанъ Мирза собралъ семейный совѣтъ, въ которомъ принялъ участіе и Баберъ Мирза, тогда уже повелитель Кабула, вмѣстѣ съ своимъ визиремъ Джигангиромъ. Но это принужденное согласіе принесло мало добра, и Шейбани, проникшій уже до праваго берега Мургаба, съ такой увѣренностью рассчитывалъ на совершенную побѣду, что безъ дальнихъ околичностей прислалъ въ Гератъ посла къ Беди-эз-земану съ требованіемъ добровольнаго подчинен-

ніа, причеиъ указывалъ на то уваженіе, которое покойный султанъ Гусейнъ Мирза оказывалъ еще его дѣду Эбулхаиру. Гордый Тимуридъ далъ послу оскорбительный отвѣтъ, и узбекская армія тотчасъ двинулась отъ Мерва впередъ и на равнинѣ Мервичака ¹⁾ предложила битву войскамъ Тимуридовъ. У Узбековъ все стремилось въ авангардъ, и герои, какъ Тимуръ Султанъ, Абдуллахъ Ханъ, Махмудъ Султанъ и другіе близкіе родственники Шейбани, были въ первыхъ рядахъ сражающихся. У Тимуридовъ только старій генералъ Зулунъ выказалъ мужество и напалъ, но тотчасъ былъ побѣжденъ и погибъ. Этого было довольно, чтобъ произвести всеобщую панику. Свидъ Абдуллахъ Мирза спасается къ Кебеку въ Мешгедъ, Абдубаки и эмиръ Мегеммедъ Бурундукъ мчатся въ Себзеваръ, между тѣмъ какъ самъ Беди-эз-земанъ съ Музаффаромъ Гусейномъ Кѣрекенъ бѣгутъ въ Гератъ, но остаются тамъ только нѣсколько часовъ, потому что узбекское войско слѣдуетъ за ними по пятамъ, и преемникъ могущественнаго Султана Гусейна Мирзы принужденъ покинуть свою фамилію и свои сокровища и бѣжать далѣе. Гератъ добровольно отворилъ ворота побѣдителю, 11-го числа могоаррема 913 (24-го мая 1507) года. Шейбани совершилъ свой въѣздъ туда и, дѣйствуя съ большимъ благородствомъ, чѣмъ прежніе завоеватели этого города, довольствовался контрибуціею въ 100,000 тенговъ и пощадилъ это прославленное мѣстопробываніе искусствъ и наукъ отъ посѣщенія своихъ жадныхъ къ добычѣ Узбековъ. Самъ онъ расположился за городомъ, куда и были приведены къ нему члены семейства его бѣжавшаго противника. Когда онъ увидѣлъ новѣсту Музаффара Гусейна Мирзы, то влюбился въ нее, несмотря на свои 58 лѣтъ,

¹⁾ Теперь онъ называется Марчахъ, на нижнемъ теченіи Мургаба, мѣсто побояща Сырныкъ-и Салор-Туркомановъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ Марчахъ также, какъ и Пенджедъ еще платили дань Герату и были заселены номадами Джемшиди, которые разсказывали мнѣ, когда я жилъ между ними, дивныя вещи о многихъ тамошнихъ развалинахъ.

до такой степени, что никакія увѣренія и клятвы, что она уже законная жена упомянутого Тимурида, не могли потушить пыла его любви, и онъ таки женился на ней. И сокровища, состоявшія изъ огромной массы золотой и серебряной утвари, драгоценныхъ рубиновъ, опиксовъ, жемчугу и алмазовъ, были перевезены въ его лагерь. Затѣмъ онъ обходился съ фамиліей Беди-эз-земана съ честью и отличіемъ, и все, что изъ страха предъ Узбеками ¹⁾ запряталось въ горныя ущелья Бадгизскаго хребта, скоро возвратилось къ мирнымъ занятіямъ.

Если на полѣ сраженія у Серпула Шейбани завоевалъ престоль Трансоксаніи, то битва при Мервичакѣ доставила ему обладаніе всѣмъ Хоразаномъ. Напрасно напрягали свои силы къ отчаянному сопротивленію ускользнушіе отъ избіенія Тимуриды, — Узбеки напали съ быстротою молніи, какъ прежде монгольскія войска, на западный Хоразанъ, и одна крѣпость за другою переходила въ ихъ руки. Въ Мешгедѣ принцъ Эбуль Мухсинъ Мирза, узнавъ о Мервичакской катастрофѣ, стянулъ къ себѣ значительныя массы войскъ изъ Ирака, но Узбеки, подъ предводительствомъ Мегеммеда Тимура султана, сына Шейбани, и Обейдулахъ-хана, его племянника, напали утромъ въ распахъ на армію Тимуридовъ предъ Джамомъ, когда офицеры ея были задержаны въ лагерѣ ночью оргією. Эбуль Мухсинъ Мирза вмѣстѣ со свитою былъ убитъ въ первой стычкѣ, и его армія обращена въ безпорядочное бѣгство. Не менѣе благопріятствовало Узбекамъ военное счастье и въ Себзеварѣ, пограничномъ пунктѣ Хоразана съ запада, куда отступилъ съ остатками Тимуридовой арміи Ибнъ Гусейнъ Мирза, командовавшій прежде въ Каинѣ. Городъ былъ взятъ, Эбу-

¹⁾ Въ города Герата Узбеки, по свидѣтельству персидскихъ историковъ, вели себя точно такъ, какъ ихъ соплеменники, Монголы. Мученіями и пытками они заставляли беззащитныхъ бѣднѣжковъ выдавать спрятанныя цѣнности и уводили въ неволю всѣхъ, кого только могли взять съ собою.

ду Мухсину удалось, правда, спастись бѣгствомъ, но принцы Абдуль Баки и Бурундукъ потеряли свою жизнь при защитѣ. Уже двѣнадцать принцевъ изъ дома Тимура до сихъ поръ пали подъ ударами узбекскихъ мечей, но Шейбани еще не насытилъ своего славолюбія. Оставивъ своихъ сыновей въ Хоразанѣ, онъ поспѣшилъ, по взятіи Герата, за Оксъ; въ Бохарѣ его приняли съ торжественностью, но онъ явился сюда только мимоходомъ и ускорилъ свой маршъ къ сѣверной области Яксарта, для наказанія Монгола Махмуда хана, сына Юниса хана, возмущившагося во время его отсутствія.¹⁾ Возстановивъ здѣсь спокойствіе, онъ возвратился въ Хоразанъ, чтобъ завершить дѣло завоеванія. Въ 914 (1508) году и провинція Джорджанъ досталась ему во владѣніе. Онъ собралъ подъ своимъ скипетромъ почти всѣ земли потомковъ Тимура, управленіе которыми и было поручено имъ, въ видѣ награды, самымъ лучшимъ воинамъ. *Гератъ* былъ отданъ Джану Вефѣ Баи, *Мервъ* Кобузу Найману, *Белхъ* Харезміицу Султану Шаху, *Гиссаръ* вмѣстѣ съ окрестностями Мегди Султану и Гамзѣ султану, *Кундузъ* Ахмеду султану, *Ташкендъ* Сюнджу Ходжѣ хану, *Ахси* Джани бегу, *Эндижанъ* Махмуду Шаху султану, *Харезмъ* Купчи Кёпеку и *Туркестанъ* Кёчкюнджи хану, а намѣстничество въ *Бохарь* и *Каракёль* было ввѣрено имъ сперва брату Султану Махмуду, по смерти же его, первородному сыну и предполагаемому наслѣднику Мегеммеду Тимуру Султану, вмѣстѣ

¹⁾ Махмудъ ханъ, сынъ Юниса бега, поднявшася противъ Тимуридовъ въ Трансоксаніи въ правленіи Султана Ахмеда, хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ Шейбани и проникъ съ своими пятью сыновьями до Энджана съ одной стороны, а съ другой до Самарканда, чтобъ овладѣть Трансоксаніею. Когда Шейбани выступилъ противъ него, то онъ, съ значительными военными силами, стоялъ лагеремъ при Ходжендѣ по эту сторону Яксарта. Завязалась жестокая битва, въ которой большая часть его арміи вмѣстѣ съ пятью сыновьями нашла себѣ смерть въ волнахъ названной рѣки, въ 914 (1508) году. (Тарихи Севадъ Ракимъ, листъ 118).

съ жемчужиной всей Имперіи, именно съ *Самаркандомъ*, *Кешемъ* и округомъ *Милкаль*.— Подражая Дженгизу и Тимуру, внукъ Эбулхаира желалъ удержать за собою только мѣсто верховнаго главнокомандующаго арміею. Силою оружія онъ, изъ прежняго скитальца по степи, возвысился на степень повелителя столькихъ странъ, съ оружіемъ въ рукахъ онъ считалъ себя въ состояніи идти далѣе впередъ по пути всемірныхъ завоеваній, и кто знаетъ, не образовался ли бы изъ него феноменъ, подобный Тимуру, еслибы въ это самое время не выступилъ на поле дѣйствій второй боець, не менѣе славолюбивый, не менѣе пылкій и храбрый, какъ и Шейбани, и съ такимъ точно рвеніемъ усиливавшійся раздвинуть границы своего государства на востокъ, съ каковымъ тотъ хотѣлъ расширить свои владѣнія на западъ.

Этотъ второй боець былъ Шахъ Измаиль изъ дома высокочтимаго иранскими Турками за свою святую жизнь Шейха Сефи ¹⁾ изъ Эрдебиля, котораго могила и теперь у Персовъ въ большомъ почетѣ. Шаху Измаилу, уже 14 лѣтнимъ юношею ставшему во главѣ своихъ приверженцевъ и побѣдившему своихъ враговъ, удалось, при блескѣ религіознаго сіянія, превратить скромный дервишскій коверъ своей фамиліи въ великолѣпный тронъ всего Ирана. Турокъ по происхожденію, хотя его льстецы, для увеличенія его религіознаго славы, производятъ родъ Сефи отъ Музы, седьмаго имама, Измаиль былъ почти боготворимъ семью турецкими ордами ²⁾,

¹⁾ Малькольмъ въ своей исторіи Персіи дѣлаетъ ошибку, отождествляя имя Шейха Сефи съ извѣстнымъ именемъ секты Суфи. Орденъ, во главѣ котораго стоялъ Шейхъ Сефи, имѣетъ и ученіе, и тенденціи совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя лежатъ въ основаніи суфизма. Только Османцы читаютъ Сафевы, а Персіянцы выговариваютъ это слово всегда Сефевы.

²⁾ Турецкія орды, или, правильнѣе сказать, роды, обитавшіе въ Транскавказіи, на южномъ берегу Каспійскаго моря и на западѣ Хоразана, отчасти и теперь тамъ живущіе, переселились туда изъ средней Азіи подъ предводительствомъ Сельджукидовъ. Имена ихъ родовъ были: Устаджлу, Шамлу, Николу, Богарлу, Зилкадаръ, Каджаръ и Эфшаръ.

обитавшими на западѣ Каспійскаго моря. Его побѣдоносное оружіе доставило ему власть надъ большей частью Ирана и Арабістана, но что вмѣняется ему въ особенно высокую заслугу, это—ревность, съ которою онъ, дѣйствуя въ традиціонномъ духѣ своихъ предковъ, вступился за дѣло шиитской религіозной секты и ея чувства къ четвертому калифу Али и его несчастнымъ потомкамъ, подавляемымъ въ продолженіи вѣковъ, возвысилъ на стѣпень общественнаго, національнаго культа. Шиизмъ, столько же древній, какъ и исламъ, всегда имѣлъ болѣе послѣдователей между народами Ирана, чѣмъ въ прочихъ частяхъ могаммеданскаго міра. Ненависть секты, лежавшая въ его основаніи, была болѣзненнымъ выраженіемъ угнетеннаго и глубоко оскорбленнаго иранскаго національнаго чувства предъ своеволіемъ семитическихъ завоевателей, и хотя по ту сторону Евфрата, какъ и за Оксомъ, мѣстами и попадались тайные шииты, какъ, напр., упомянутый Байсонкуръ Мирза и какъ это довольно ясно видно изъ возмущенія Шерика бинъ Шейха уль Мегди во время арабскаго завоеванія въ Бохарѣ, но всегда собственно только Персія одна за свою упорную привязанность къ этой сектѣ была подозрѣваема и ненавидима суннитами, т. е. строгими послѣдователями преданія. Пока эта секта оставалась въ секретности, ея противники удовольствовались преніями и насмѣшками; но когда Сефиды написали это ученіе на своихъ знаменахъ и выступили съ ними къ существенному вреду суннитскихъ князей, то и между послѣдними вспыхнуло пламя, и обѣ партіи въ равной мѣрѣ избрали религію ядовитымъ оружіемъ для своихъ мірскихъ выгодъ. На западѣ Азіи эта ненависть секты сильно воспламеняла духъ уже въ войнѣ между Узуномъ Гасаномъ и завоевателемъ Константинополя, и уже тогда раздавался въ битвахъ военный крикъ иранскихъ Турокъ: *И Али!* (О! Али). Но на востокѣ пламя долго тлѣло подъ пепломъ и прорывалось только въ благород-

номъ состязаніи въ духовной жизни, и, какъ видно изъ современной картины двора Султана Гусейна Мирзы, персидскіе суннитскіе литераторы Герата и Трансоксанин работали надъ тѣмъ, чтобы доказать, что иранская культура и ученость несвойственны только приверженцамъ шиитской секты. Позже, именно во время Узуна Гасана, жившаго, какъ извѣстно, на дружеской ногѣ съ Тимуридами въ Хоразанѣ, этотъ вопросъ сталъ выступать на первый планъ въ средней Азій, именно въ Бохарѣ, уже потому, что смерть Эбусайда считалась мученичествомъ за справедливое дѣло суннитовъ. Чѣмъ болѣе знаменосцы шиизма распространялись по Ирану, тѣмъ болѣе возрастала ненависть и ожесточеніе средне-азіатцевъ къ этимъ еретикамъ, и, еще при жизни Султана Гусейна Мирзы, Гератскіе ученые вмѣстѣ съ улемами Бохары и Самарканда, заклеили позоромъ шиитовъ, какъ не могаммеданъ, дозволили публичную продажу ихъ, какъ невольниковъ¹⁾, и брачныя союзы съ ними объявили *мекрухъ*¹⁾, т. е. мерзкими.

Въ такомъ взаимномъ отношеніи находились обѣ эти секты, когда Шейбани Мегеммедъ ханъ, послѣ своихъ удачъ въ Хоразанѣ, достигъ границъ Ирака на своемъ завоевательномъ пути, и столкновение съ Шахомъ Измаиломъ было неизбѣжно. — «Кто взялся за рукоять меча, тотъ не ищетъ болѣе никакого предлога», говорятъ Турки, и Шейбани

¹⁾ По закону, „Кули Исламъ гурре—каждый могаммеданинъ свободенъ“, шииты только тогда могли быть по праву допущены на рынки невольниковъ центральной Азій, когда духовенство средней Азій отлучило отъ общенія съ исламомъ послѣдователей шиитской секты. Это и совершилось въ упомянутое время, и главнымъ виновникомъ этой роковой для Ирана фетвы былъ знаменитый правовѣдъ молла Шемсъ-эд-динъ Герати.

²⁾ *Мекрухъ*—презрѣнный, мерзкій, занимаетъ средину между гарамъ—неповозительный и гелалъ—позвожительный. По положеніямъ ислама, бракъ съ немогаммеданкой не грѣхъ, и даже нѣкоторые изъ султановъ женились на греческихъ и сербскихъ принцессахъ. Но на востокѣ могаммеданскаго міра это не было въ употребленіи, и тамошніе ученые, всегда бывшіе болѣшими фаворитами, чѣмъ ихъ товарищи на западѣ, объявили это дѣйствіе *Мекрухъ*.

могъ бы этому слѣдовать, но, надѣясь священнымъ блескомъ религіозной войны возбудить большое воодушевленіе, онъ выступилъ противъ храбраго Сефида сперва въ качествѣ апостольствующаго моллы и написалъ ему въ 914 (1508) году слѣдующее: „О, государь Ирана! Такъ какъ до моего сіятельнаго свѣдѣнія дошло, что ты распространяешь нечестивую секту шіа и въ этомъ слѣдуешь только слѣпой страсти и дьявольскому навожденію—то пусть это будетъ тебѣ предостереженіемъ. Откажись отъ беззаконной секты и возвратись въ общество суннитовъ, потому что пламя мятежа и злобы, тобою возженное, навѣрно, пожретъ тебя самаго. Еще разъ говорю тебѣ, — ты стоишь на ложной дорогѣ, возвратись на истинный путь вѣры, чтобъ не достаться дьяволу навсегда. Если же мои слова не встрѣтятъ никакого вниманія съ твоей стороны, то знай, что я вторгнусь въ Иракъ съ безчисленными войсками и съ блестящимъ мечемъ въ рукѣ возьму и съ землей сравняю твою крѣпость Исфганъ, какъ бы ни были высоки зубцы на ея стѣнахъ. Да, моя кара будетъ такъ ужасна, что жители Ирака будутъ помнить ее до дня всеобщаго воскресенія“.¹⁾— Шахъ Измаилъ, какъ кажется, оставилъ безъ отвѣта это письмо, и Шейбани, видя въ этомъ признакъ слабости, тѣмъ съ болшею энергіей принялся за расширеніе своей и безъ того уже обширной имперіи. На югѣ Хоравана хищническія узбекскія орды проникли за Кандагаръ, и только когда готовился подобный набѣгъ и на Кирманъ, явился посоль отъ Шаха Измаила съ цѣлью остановить завоевателя. Шейбани снова отвѣчалъ угрозами и послалъ Сефиду Кешкулъ (нищенскую суму) вмѣстѣ съ посохомъ нищаго²⁾ и слѣдующимъ письмомъ: „прими эти дары, они—знакъ твоего

¹⁾ По Тарихи Сеида Ракима, листъ 110.

²⁾ *Кешкулъ*, половинка (корзина кокосоваго орѣха, въ которую собирается милостыня, и *Аса*, посохъ нищаго, принадлежать къ атрибутамъ дервиша.

отцовскаго наслѣдства. Что же касается меня, то я получилъ въ наслѣдство отъ Дженгиза, славнаго моего предка, мечъ и власть. Если ты недоволенъ своимъ нищенскимъ званіемъ, то пеняй на себя самого за послѣдствія своихъ шаговъ".—Какъ рассказываетъ Хондемиръ, Шахъ Измаиль отвѣтилъ на это такъ: „ладно,—если я дервишь, то и наѣрещъ отправиться на богомолье ко гробу святаго Имама Ризы въ Мешгедъ, и мы тамъ встрѣтимся". Шахъ Измаиль уже былъ вполнѣ готовъ къ походу, а Шейбани въ своемъ движеніи на югъ былъ задержанъ возстаніемъ племени Фирзукухи¹⁾, гдѣздившагося на крутыхъ скалахъ; и въ то самое время, какъ опъ дѣлалъ напрасныя усилія для наказанія этого послѣдняго, ему было принесено извѣстіе, что Шахъ Измаиль съ сильнымъ войскомъ уже на пути къ Мешгеду. Къ большой его досадѣ и къ ужасу, въ то же время прибыло извѣстіе изъ Трансоксаніи, что его сынъ Мегеммедъ Тимуръ на походѣ противъ Киргизовъ на Яксартѣ подвергся нападенію отъ Боюнсиа Гасана и потерпѣлъ отъ него страшное пораженіе. Такимъ образомъ съ трехъ сторонъ сразу требовалась храбрая рука и зоркій глазъ Шейбани! Кромѣ того, и войска его были утомлены и изнурены продолжительными маршами, и онъ самъ въ Мервѣ не зналъ, на что рѣшиться, идти ли за Оксъ, или ожидать своего противника у края пустыни, а послѣдній, между тѣмъ, гоня предъ собою узбекскіе гарнизоны Дамгана, Себзеvara и Нишабура, форсированными маршами уже достигъ Мешгеда и все болѣе и болѣе наступалъ своими грозными колоннами. При такихъ обстоятельствахъ Шейбани ниоткуда не могъ притянуть къ себѣ подкрѣпленій, и ему ничего не оставалось другого, какъ искать защиты за стѣнами крѣпости

¹⁾ Объ иранскомъ племени Фирзукухи см. моя Skizzen aus Mittelasien, стр 261. Значить, они остались вѣрными своему старинному характеру, какъ хищный народъ.

Мерва, въ надеждѣ, что помощь современемъ подоспѣтъ для освобожденія его отъ осады. Но Шахъ Измаилъ не былъ римскимъ Кунктаторомъ. Онъ понялъ, что-если употребить силу, то осажденный выиграетъ время, поэтому прибѣгнувъ къ хитрости и послалъ къ Шейбани письмо такого содержанія: „Ты прежде далъ мнѣ обѣщаніе посѣтить меня въ Азербайджанѣ, но не сдержалъ своего слова, и вотъ я теперь самъ пришелъ въ Хоразанъ. Не взирая на это, ты не благоволишь принять меня и захлопнулъ дверь предъ носомъ своего гостя. Такъ какъ теперь ты, повидимому, желаешь остаться въ секретности, да и меня принуждаютъ къ возвращенію извѣстныхъ приключенія въ Иранѣ и Азербайджанѣ, то я рѣшился теперь же снять свой лагерь и предоставить дальнѣйшимъ опредѣленіямъ судьбы наше свиданіе“. За словами послѣдовало и дѣло, но только что отступила армія хитраго персидскаго государя, какъ небольшое и истомленное узбекское войско, подъ личнымъ предводительствомъ Шейбани, напало съ тыла на отступающихъ, преслѣдовало ихъ за Мургабъ, и только тогда Узбеки замѣтили, что сдѣлались жертвой хитрости, когда сзади ихъ былъ разломанъ мостъ, и 17,000 Персовъ замкнули при Махмудабадѣ рововой для Шейбани кругъ. Послѣдовавшее здѣсь кровопролитіе было ужасное. Узбеки, по сознанию самихъ враговъ своихъ, защищались съ истиннымъ героизмомъ, не смотря на вѣрную гибель; уже болѣе половины ихъ лежали мертвыми на землѣ, когда Шейбани съ нѣсколькими преданными ему, пробившись сквозь густые ряды Персовъ, устремился къ оставленному двору, чтобы между его стѣнами продлить битву на смерть. Вскорѣ онъ былъ окруженъ, вмѣстѣ со всѣми своими умерщвленъ, и въ этихъ именно развалинахъ въ послѣдствіи и было найдено его тѣло подъ грудой труповъ и покрытое многочисленными ранами.

Шейбани былъ 61-го года, когда погибъ смертію ге-

роя. ¹⁾ Шахъ Измаиль велѣлъ его черепъ оправить въ золото и употреблялъ его вмѣсто кубка; а по другому объясненію, онъ будто бы послалъ его Султану. Баязиду въ Константинополь, такъ какъ между этимъ послѣднимъ и государемъ Трансоксаніи существовало политическое соглашеніе. ²⁾ И правая рука была отнята отъ трупа Шейбани и съ слѣдующею ироническою запиской отправлена къ владѣтелю Мазендрана, партизану Узбековъ: „Ты всегда утверждалъ, что желаешь крѣпко держаться за Шейбани, но, такъ какъ при жизни его тебѣ это не удалось, то Шахъ Измаиль теперь посылаетъ тебѣ руку твоего покровителя, чтобъ ты исполнилъ свое желаніе.“ Это рассказываютъ персидскіе историографы. По словамъ средне-азіатцевъ, смертные его останки были погребены въ сооруженной имъ великолѣпной коллегіи въ Самаркандѣ еще въ 916 (1510) году, слѣдоват. въ годъ его смерти, и его могила и теперь еще во всеобщемъ почетѣ, какъ мѣсто упокоенія Шегіда (мученика).

Шейбани Мегеммедъ ханъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенный человекъ, и его замѣчательное поприще уже потому заслуживаетъ ближайшаго рассмотрѣнія, что оно образуетъ, такъ сказать, поворотный пунктъ, превратившій

¹⁾ По свидѣтельству хронограммы въ Тарихи Сеида Рахима, Шейбани умеръ въ пятницу, чтобъ еще лучше запечатлѣть свою мученическую кончину. Впрочемъ, болѣе точныхъ показаній о днѣ и мѣсцѣ не имѣется.

²⁾ Гаммеръ, въ 39 главѣ своей исторіи Оттоманской Имперіи, утверждаетъ, что дипломатическія отношенія между Портою и Трансоксаніею начались только въ концѣ правленія султана Сулеймана, законодателя, что само по себѣ уже ошибка, потому что, если-бы Шейбани не любезничалъ съ султаномъ Баязедомъ, повелителемъ Константинополя, то Шахъ Измаиль, навѣрно, не послалъ-бы послѣднему черепа своего врага, думая этимъ раздосадовать суннитскаго главу западной Азіи. Еще между Эбусандомъ и Могаммедомъ, завоевателемъ, существовало соглашеніе. Что Гаммеръ въ упомянутой выше главѣ и Сенковскій въ своей Table géologique приводятъ весьма невѣрныя и сбивчивыя данныя, — этому нечего удивляться при недостаточности тогдашнихъ историческихъ источниковъ.

исторически знаменитую Трансоксанію въ политически незначительное Бохарское Ханство. При этомъ разсмотрѣніи слѣдуетъ выставить на видъ три момента: *вопервыхъ*, Шейбани былъ послѣднимъ изъ тѣхъ всемірныхъ бойцевъ, которые выступали, опираясь на грубую силу средне-азиатскихъ степныхъ обитателей, и могли основывать имперію, простиравшуюся далеко за предѣлы Окса; а послѣ него счастье не благопріятствовало въ этомъ отношеніи уже ни одному воеителю, какъ-бы велики ни были его таланты и честолюбіе. Окрѣпшее внутри, состояніе Ирана сдѣлалось высокою и прочною плотиною, непереходимою для вліянія Бохары и Самарканда на западъ. *Восторыхъ*, отнынѣ на всегда прекратились этнографическіе перевороты въ средней и западной Азіи, и Узбеки были послѣднимъ народнымъ племенемъ, изъ *officina gentium* туранскаго нагорья спустившимся на югозападъ. *Въ третьихъ*, съ паденіемъ и совершеннымъ истребленіемъ Тимуридовъ, были порваны узы, связывавшія если и не тѣсно, за то постоянно, магмеданъ по ту сторону Окса и Яксарта съ ихъ братьями по религіи на западѣ Азіи. Этотъ разрывъ былъ еще увеличенъ, разумѣется, шитскимъ усердіемъ къ вѣрѣ Сефидовъ, которые, такъ сказать, вбили клинъ въ тѣло ислама. Такъ какъ Шейбани съ своими номадами ринулся изъ сѣверной степи въ этотъ край именно въ то самое время, когда совершалась эта іерархически-соціальная революція, поэтому тѣмъ полнѣе было и обособленіе Трансоксаніи, и водная межа Окса сдѣлалась, мало-по-малу, рубежомъ между туранскою и иранскою жизнію, чѣмъ она и была въ глубокой древности.

Что касается личности Шейбани, то онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ тѣмъ своевольнымъ варваромъ, какимъ его изображаютъ иранскіе его враги. Начать съ того уже, что онъ оказывалъ большое уваженіе, даже дѣтское подчиненіе духовнымъ ученымъ своего времени; да и самъ онъ былъ

преданъ музамъ и во всѣхъ своихъ походахъ возилъ съ собою небольшую карманную библиотеку. Какъ ^сТимуръ вмѣшивался въ богословскіе диспуты съ учеными Дамаска и Алеппо, такъ и узбекскій завоеватель вступалъ въ пренія объ извѣстныхъ мѣстахъ корана съ Кази-Ихтіяр-омъ и Мегеммедомъ Юсуфомъ, первыми толковниками Герата. Изъ ироническаго замѣчанія Бабера, что Шейбани писалъ глупые и безвкусные стихи и велѣлъ читать ихъ съ каедры, ясно, по крайней мѣрѣ, то, что этотъ человекъ меча, совершенно въ духѣ понятій своего времени объ образованіи, владѣлъ и перомъ въ такой степени, какъ немногіе изъ ему подобныхъ, потому что его стихотворенія, вопреки саркастической замѣткѣ его отъявленнаго врага, обнаруживаютъ рѣдкій поэтический талантъ и основательное знаніе турецкаго, персидскаго и арабскаго языковъ ¹⁾. Многіе ученые, оставшіеся по смерти Султана Гусейна Мирзы безъ куска хлѣба и защиты, были приняты имъ на службу и получали богатое жалованье; въ Бохарѣ, Самаркандѣ и Ташкентѣ онъ велѣлъ строить мечети и коллегіи, даже въ своихъ походахъ онъ былъ окруженъ учеными, которые оказывали на него огромное вліяніе ²⁾. Наконецъ, хотя имя Узбекъ при его появленіи и впоследствии, даже и теперь еще у Иранцевъ равнозначуще съ выраженіемъ *грубости* и *варварства*, но оно вовсе неприменимо къ личности Шейбани, потому что онъ по образованію стоялъ также высоко, какъ и многіе принцы изъ дома Тимура.

¹⁾ Авторъ Шейбани-намеха приводитъ нѣсколько стихотвореній Шейбани, которія, по языку и вымыслу, могутъ быть причислены къ лучшимъ произведеніямъ восточно-турецкихъ литераторовъ.

²⁾ Когда требованіе сдачи города, принесенное моллоу Биван, придворнымъ поэтомъ Шейбани, было передано въ руки ученымъ Герата, то послѣдніе отправились для переговоровъ въ лагерь Узбековъ, и только благодаря ихъ вліянію, побѣдитель удовольствовался выкупомъ, и даже договаривался съ ними о суммѣ его.

XIV.

Шейбаниды.

916 (1510)—1006 (1597).

Когда ужасная вѣсть о катастрофѣ при Мервѣ достигла Трансоксаніи, и члены дома Шейбани увидѣли съ одной стороны свою неспособность къ дальнѣйшему сопротивленію, а съ другой—угрожающее положеніе потерявшихъ власть Тимуридовъ, то они на первыхъ порахъ не могли ничего придумать лучшаго, какъ заключить миръ съ Шейхомъ Измаиломъ, который съ своею побѣдоносною армію шелъ къ Оксу. Узбеки принуждены уступить лѣвный берегъ этой рѣки, которая, по договору, должна образовать границу, какъ и въ древнія времена, между Ираномъ и Тураномъ. Но миръ былъ непродолжителенъ. Баберъ Мирза, хотя и владѣвшій очаровательнымъ Кабуломъ, но, увлекаемый къ роднымъ побережьямъ Окса и Яксарта пламенною любовью къ отечеству, тотчасъ по полученіи извѣстія о концѣ своего прежняго противника, вступилъ въ союзъ съ Шахомъ Измаиломъ, скоро получилъ отъ него помощь для обратнаго завоеванія отцовскаго престола и въ 917 (1511) году перешелъ Оксъ съ войскомъ изъ Персовъ, бѣглыхъ средне-азіатцевъ, Бедакшанцевъ и Афганъ и

овладѣлъ Самаркандомъ ¹⁾, не встрѣтивъ особеннаго сопротивленія. Этотъ неожиданный успѣхъ слѣдуетъ этотъ разъ приписать не столько геніальности Бабера, сколько раздорамъ, господствовавшимъ въ фамиліи Шейбани. По смерти этого послѣдняго, одна фракція Узбековъ присягнула *Мегаммеду Тимуру Султану*, сыну завоевателя, между тѣмъ какъ другая, составлявшая значительное большинство, видѣла, по древнетуранскому обычаю, предметъ уваженія только въ сѣдыхъ волосахъ; потому и хотѣла во главѣ народа поставить знакомаго съ управленіемъ Туркестана, сына Эбулхайра, Кѣчкюнджи Султана, называемаго Персами Кѣджюмъ ²⁾ Султанъ. Первый занималъ престолъ своего отца, только нѣсколько дней ³⁾ и, какъ кажется, погибъ насильственной смертью. Тогда предводители арміи собрались вокругъ стараго Кѣчкюнджи на нижнемъ теченіи Яксарта, чтобы посовѣтоваться о мѣрахъ, какія надо было принять. *Кѣчкюнджи* единогласно былъ избранъ здѣсь преемникомъ Шейбани, и такъ какъ преклонныя лѣта не позволяли ему явиться на сцену военныхъ дѣйствій, то его и замѣнилъ на ней другой членъ фамиліи, мало уступавшій основателю династіи въ стратегическомъ талантѣ, въ честолюбіи и храбрости. Это былъ Обейдуллахъ ханъ, сынъ Махмуда Султана ⁴⁾, завоеватель западнаго Хоразана, выросшій въ походахъ своего дяди и безспорно самый способный изъ всѣхъ узбекскихъ принцевъ.

¹⁾ Жаль, что въ мемуарахъ Бабера нѣтъ извѣстія объ этой послѣдней его попыткѣ обратно завоевать Самаркандъ. Отдѣлы Баберовой книги озаглавлены числами соответствующихъ годовъ, и такъ какъ существуетъ пробѣлъ между 914 (1508) и 925 (1519) годами, то мы и должны разказывать о ходѣ этой войны только по иностраннымъ источникамъ.

²⁾ Буквальное значеніе Кѣчкюнджи—вомадь, бродячій, и Кѣджюмъ кажется сокращеніемъ этого слова.

³⁾ Шейбани, кромѣ этого, имѣлъ еще двухъ сыновей, именно — Хуррема Султана и Сьюнджа Мегеммеда Султана, и странно, почему оба они оставлены безъ вниманія въ вопросѣ о престолонаслѣдіи.

⁴⁾ Махмудъ Султанъ былъ, какъ извѣстно, младшій братъ Шейбани и умеръ, какъ мы видѣли, послѣ взятія Кувдуза отъ болгаръ.

Обейдуллахъ долженъ былъ снова начать дѣло Шейбани и притомъ въ такое время, когда уже исчезъ между Узбеками духъ единства. Получивъ отъ святаго Шейха Ахмеда для блага предпріятія Фатиху благословенія на дорогу, онъ перешелъ Яксартъ съ отрядомъ въ 5000 удалыхъ наѣздниковъ и, двигаясь по пустыни на лѣвомъ берегу этой рѣки, напалъ съ сѣвера на Бохарское ханство, а Баберъ не получалъ никакихъ донесеній о движеніи своего врага. Узбекскій лагерь находился на берегу озера Мелика въ округѣ Хайрабада ¹⁾, аванпосты же его были продвинуты далеко за Бохару. Баберъ, какъ говорятъ, выступилъ съ 70,000-нымъ войскомъ ²⁾, и Обейдуллахъ, для сосредоточенія своихъ силъ, сталъ стягивать къ себѣ аванпосты. Бохарцы сочли это за начало его отступленія, и когда эта пріятная вѣсть была принесена Баберу, то онъ ускорилъ свой маршъ и предложилъ своему противнику битву на берегу названнаго озера. Обейдуллахъ принялъ ее. Эмиръ Сехеджа-эд-динъ и Урусъ Мирза напали, каждый съ 1000 человекъ, на центръ Баберовой арміи; прочіе Узбеки послѣдовали за ними съ обычной яростью и презрѣніемъ къ смерти, и, хотя эта небольшая толпа была окружена, но произвела въ рядахъ слишкомъ многочисленнаго непріятеля такое замѣшательство, что смятеніе, а вскорѣ и бѣгство сдѣлались всеобщими. Баберъ личнымъ участіемъ въ битвѣ подвергался крайней опасности и только тогда ускользнулъ, когда уже развѣвались надъ нимъ знамена Обейдуллаха. Повидимому, онъ предчувствовалъ, что это былъ окончательный бой за отцовскій тронъ.

¹⁾ Хайрабадъ удаленъ отъ Бохары къ сѣверу на одну небольшую станцію. Въ моемъ путешествіи по Бохарѣ я не видѣлъ озера Мелика, но пустыню Мелика перешелъ на ея концѣ (см. въ моей книгѣ путешествія стр. 161).

²⁾ Я слѣдую здѣсь показанію Сенда Ракима, но мнѣ кажется нѣсколько преувеличеннымъ это число при той ничтожной боевой силѣ, съ какою Обейдуллахъ отважился принять битву.

потому что, уйдя съ поля сраженія, онъ могъ промедлить въ Самаркандѣ только до тѣхъ поръ, пока собралъ свои сокровища, семью и близкихъ, чтобъ поспѣшно броситься съ ними въ крѣпость Гиссаръ. Его господство продолжалось всего шесть мѣсяцевъ, и болѣе уже никогда ему не удавалось видѣть такъ высоко цѣнимую имъ резиденцію своихъ предковъ. Обейдуллахъ безпрепятственно вступилъ въ Самаркандъ въ 918 (1512) году, передалъ тамошній престолъ своему дядѣ Кѣчкюнджи Султану, а за собой удержалъ Бохару, для окончанія военныхъ приготовленій, потому что побѣдой надъ Баберомъ еще далеко не были обезпечены интересы Узбековъ; настоящій могущественный противникъ стоялъ во всеоружіи на другомъ берегу Окса и зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ потомковъ Шейбани.

Дѣйствительно, Шахъ Измаиль, тотчасъ по полученіи извѣстія о пораженіи Бабера и для предупрежденія новаго нападенія Узбековъ на Хоразанъ, отдалъ приказъ Неджму Сани ¹⁾, намѣстнику той провинціи, изо всѣхъ силъ поддерживать Бабера и немедленно напасть на Трансоксанію. И персидская армія вскорѣ соединились при Термезѣ съ Баберомъ и вмѣстѣ напала на Карши, который и достался въ ихъ руки. Неджмъ Сани, проникнутый ненавистью шиитской партіи, былъ до того жестокъ, что велѣлъ изрубить весь гарнизонъ вмѣстѣ съ жителями, между которыми находился и знаменитый поэтъ молла Бинаи; но этотъ поступокъ такъ возмутилъ благородную, рыцарскую душу Бабера ²⁾, что онъ, рѣшившись лучше отказаться отъ всякой надежды на отвоеваніе Трансоксаніи, расторгъ

¹⁾ Неджмъ сани поарабски значитъ *вторая звезда*. Собственное имя этого человѣка было Миръ Яръ Мегеммедъ.

²⁾ Хотя комендантъ Карши былъ двоюродный братъ Обейдуллаха, но благородная душа Бабера все же не могла видѣть, какъ Персы жестоко поступали съ близкимъ родственникомъ его смертельнаго врага.

союзъ съ Персією и предоставилъ слишкомъ рано надменному генералу Сефидовъ одному продолжать путь въ Бохару. И вполнѣ заслуженная этимъ послѣднимъ кара недолго заставила себя ждать. Узбеки дали ему безпрепятственно углубиться внутрь страны; одна крѣпость за другой переходила въ его руки, но когда онъ, наконецъ, прибылъ къ Гидждовану съ своимъ утомленнымъ и проголодавшимся войскомъ, то достаточно было нѣсколькихъ летучихъ отрядовъ, чтобъ на голову разбить гордаго визира персидскаго государя въ сраженіи, въ которомъ онъ самъ потерялъ жизнь вмѣстѣ со всѣми своими высшими офицерами. Персидскій исторіографъ, для нагляднаго изображенія великолѣпія и богатства этого человѣка, рассказываетъ, что въ его кухнѣ каждый день употреблялось сто овецъ, безчисленное множество куръ, утокъ и гусей, до ста пудовъ корицы, шафрана и прочихъ пряностей и что весь столовый приборъ его былъ изъ золота и самаго тонкаго китайскаго фарфора. — Какъ бы то ни было, Узбеки одержали блистательную побѣду, и Шахъ Измаилъ, уже напередъ рассчитывавшій на защиту Хоразана этимъ военнымъ походомъ, достигъ именно противнаго, потому что Обейдуллахъ, вмѣстѣ съ Джани бегомъ, сыномъ Ходжи Султана ¹⁾, слѣдоват. съ своимъ двоюроднымъ дядей, перешелъ Оксъ при Чихарджу въ 919 (1513) году; при Мургабѣ онъ соединился съ Тимуромъ Султаномъ, проникнувшимъ сюда изъ Самарканда чрезъ Керки, и оба напали на Мешгедъ. И чрезъ Термезъ узбекскіе отряды дошли до Белха, вездѣ обозначая свой путь развалинами и опустошеніемъ; и не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ побѣды при Гидждованѣ, а Узбеки, предводимые Обей-

¹⁾ Ходжа Султанъ, второй сынъ Эбулхайра хана, имѣлъ двухъ сыновей, именно — Джани бега и Боали султана; изъ дѣтей послѣдняго никто не достигъ верховной власти, потомками же перваго заключился рядъ Шейбанидскихъ государей въ Трансоксаніи.

дуллахомъ, уже были властителями тѣхъ земель, къ овладѣнію которыми имъ помогать мечъ Шейбани.

Такимъ образомъ Шахъ Измаиль увидѣлъ внезапно уничтоженными плоды своихъ побѣдъ и долженъ былъ снова направить свое оружіе на Хоразанъ, хотя уже тогда, въ ожиданіи нападенія со стороны Султана Селима, съ видимымъ смущеніемъ обращалъ взоры къ западнымъ границамъ своей имперіи. При извѣстіи о его приближеніи, Узбеки отступили за Оксъ, но тотъ способъ, какимъ эти летучіе наѣзтники пустыни, выѣзжавшіе только на разбой, а не на завоеваніе странъ, приближались къ границамъ Персіи, былъ для сѣверовосточной окраины несчастной Иранской земли страшнымъ бичомъ и роковымъ бѣдствіемъ. Хотя мы и не имѣемъ данныхъ, относящихся до соглашенія, существовавшего между Узбеками и Османли насчетъ совмѣстнаго ихъ дѣйствія, но едва-ли можно въ этомъ сомнѣваться, потому что, едва только государи Константинополя распускали свои знамена противъ возникавшаго могущества Сефидовъ и тѣмъ отвлекали отъ сѣверной окраины Ирана необходимую защиту, какъ Узбеки уже сидѣли въ сѣдлахъ, готовые ворваться по желтымъ волнамъ Окса въ жестоко истязанный Хоразанъ. Такъ мы видимъ, что Обейдуллахъ одинъ предпринималъ въ разное время и въ большихъ размѣрахъ *шесть* нападеній на Иранъ, которыя, кромѣ ужаснаго раззоренія сосѣдней страны и истребленія ея населенія, самимъ землямъ Окса не приносили ни малѣйшей пользы. Хотя они и представляютъ печальную и скучную картину, но мы не можемъ не изобразить ее хотя въ краткомъ очеркѣ. *Первыи* набѣгъ, какъ уже упомянуто, былъ отбитъ въ началѣ. *Второй*, предпринятый Узбеками въ болѣе благопріятное время, именно—когда Шахъ Измаиль былъ разбитъ и ослабленъ въ несчастномъ сраженіи при Чалдиримѣ, приведенъ въ исполненіе, по свидѣтельству персидскихъ историковъ, съ болѣе значи-

тельными средствами. Обейдуллахъ, съ позволенія своего дяди, перешелъ Оксъ съ 30,000 Узбековъ, однакожь не достигъ успѣха, соотвѣтствовавшаго размѣрамъ предпріятія, потому что долженъ былъ возвратиться послѣ десятидневной безплодной осады Герата. Стремительный натискъ узбекскаго войска встрѣтилъ сильный отпоръ въ энергіи начальниковъ Хоразана, Сама Мирзы и Дурмиша Мирзы, и только окрестные посѣвы, совершенно истребленные, испытали этотъ разъ всю его ярость. *Третій* набѣгъ происходилъ послѣ смерти Шаха Измаила, въ 931 (1524) году. Дикій, воинственный Шейбанидъ бросился чрезъ Чихарджуи на Мервъ, между тѣмъ какъ Эбусаидъ, сынъ Кѣчкюнджи, чрезъ Керки явился предъ Гератомъ. Послѣдній, впрочемъ, здѣсь мало могъ сдѣлать, за то Обейдуллахъ не только завладѣлъ Мервомъ и Мешгедомъ, но и распространилъ свой хищническій набѣгъ до самаго Астрабада, даже взялъ этотъ городъ и отдалъ его своему сыну Абдулазису, который, конечно, не долго могъ тамъ держаться, потому что Обейдуллахъ еще былъ только въ Дамганѣ, на пути своемъ въ Белхъ, какъ Шахъ Тамаспъ, сынъ и наслѣдникъ Шаха Измаила, поспѣшилъ на защиту угрожаемой провинціи и отовсюду прогналъ Узбековъ назадъ на ихъ родину. Этотъ разъ въ Трансоксаніи сильно ошиблись въ расчетѣ, принявъ смерть Шаха Измаила и послѣдовавшія за нею смуты внутри Ирана за мутную воду, въ которой легко ловить рыбу. Тамаспъ, хотя вступившій на престолъ еще юношей, твердо рѣшился противодѣйствовать вреду узбекскихъ набѣговъ. Обейдуллахъ зналъ это очень хорошо и поэтому изображалъ яркими красками силы, съ которыми молодой персидскій государь будто-бы задумалъ перейти за Оксъ. Дѣйствительно ли Тамаспъ имѣлъ такое намѣреніе, весьма трудно повѣрить; но Кѣчкюнджи ханъ, повидимому, хотѣлъ предупредить своего противника, — и войско изъ всѣхъ возможныхъ племенъ и вѣтвей туранскаго нагорья, подъ предво-

дательствомъ Обейдуллаха, сдѣлало *четвертый набѣгъ* на Хоразанъ, въ 935 (1528) году. Въ немъ со стороны Узбековъ участвовали почти все лучшіе принцы, какъ-то: Боракъ Султанъ изъ Ташкенда, Кѣчкюнджи съ своимъ сыномъ Эбусайдомъ изъ Самарканда, Гамза Султанъ изъ Гиссара и Кистенъ Кара Султанъ изъ Белха. Персидскіе историографы, привыкшіе къ яркимъ краскамъ, рассказываютъ, что никогда до того времени не переходила Оксъ *сразу* такая огромная масса ¹⁾ Татаръ; но они забываютъ присовокупить, что до того времени никогда не раздавались въ этихъ странахъ пушечные и ружейные выстрѣлы, а Тамаспъ имѣлъ въ этой войнѣ около 6,000 огнестрѣльнаго оружія, и славные туранскіе стрѣлки изъ луковъ теперь впервые стояли лицомъ къ лицу противъ сокрушающаго грубую силу изобрѣтенія запада! Во всякомъ случаѣ здѣсь встрѣтились двѣ значительныя арміи, и ожесточеніе борьбы еще усилилось отъ того обстоятельства, что главное сраженіе началось между Джамомъ и Зорабадомъ ²⁾ 9-го мгаррема ³⁾, слѣд. наканунѣ того дня, въ который шиты съ дикимъ сокрушеніемъ празднуютъ трагическую кончину Гусейна при Кербелѣ. Только что первые лучи восходящаго солнца озарили густые ряды стрѣлковъ, какъ повто-

¹⁾ Персидскій историческій источникъ Раузатъ эсъ сефа приводитъ число ихъ въ 200.000 и поименовываетъ всевозможныя страны и племена, принимавшія участіе въ этомъ походѣ.

²⁾ Это большая равнина, составляющая границу между Афганистаномъ и Ираномъ, или лучше между Гератомъ и Хоразаномъ. Джамъ, первое мѣсто на персидской землѣ, когда идешь изъ Герата — теперь только деревушка, жители которой едва только могутъ переводить духъ отъ страха предъ Туркоманами. По извѣстію объ этомъ сраженіи, дошедшему до Бабера въ Индію, оно происходило не между Джамомъ и Зорабадомъ, а между Джамомъ и Харгирдомъ. Узбекское войско, какъ слышалъ Баберъ, было въ числѣ 300,000 человекъ, а Персы, называемые здѣсь Туркоманами, были только 40—50,000.

³⁾ Этотъ вечеръ у шитовъ самый священнѣйшій во всемъ году. Изнуряютъ себя постомъ, мучаютъ свое тѣло всеми возможными способами, чтобы только сдѣлать душу тѣмъ чувствительнѣе къ печали слѣдующаго дня, — страшнаго *рузи ашура*.

рилась сцена древнеклассического боя между Эфрасиабомъ и Рустемомъ, и Тамаспъ, окутанный густымъ облакомъ пыли, былъ почти окруженъ побѣдоносными въ началѣ Узбеками. Персидское войско, подражая тактикѣ Турокъ, обставило себя возами и выстроило въ первой линіи стрѣлковъ. Узбеки стремительно атаковали его съ обоихъ фланговъ и уже было прорвали и здѣсь его линіи, какъ главныя силы персидской арміи, выступивъ изъ центра, напали на нихъ съ тыла и обратили ихъ въ дикое бѣгство. 50,000 Узбековъ и 20,000 Иранцевъ остались на полѣ битвы¹⁾, но мнимая кровавая месть за смерть Шейбани еще не получила полного удовлетворенія! Въ 938 (1531) году, въ то самое время, когда Тамаспъ былъ слишкомъ занятъ на западѣ борьбою съ султаномъ Сулейманомъ, Обейдуллахъ въ пятый разъ напалъ на Иранъ различными отрядами своего войска. Самъ онъ двинулся на Гератъ, его сынъ Абдулазисъ на Мешгедъ, Камипогланъ (молодецъ камышей), о которомъ рассказываютъ чудеса храбрости, на Астрабадъ и Ханкелди Батуръ на Себзеваръ. Полтора года Хоразанъ, Систанъ и часть Ирака подвергались ихъ опустошеніямъ, но какъ только былъ заключенъ миръ между персидскимъ королемъ и императоромъ Оттомановъ, и первый былъ въ состояніи обратить свои взоры на сильно терпѣвшій Хоразанъ,—Узбеки, по обыкновенію, съ добычей и рабами, отправились въ обратный путь.

Въ это время, именно въ 940 (1533) году, *Обейдуллахъ*, наконецъ, вступилъ на престолъ Трансоксаніи, по смерти стараго Кѣчкюнджи, проводившаго свою жизнь всего

¹⁾ По свидѣтельству Бабера, въ этомъ сраженіи десять узбекскихъ султановъ, и между ними самъ Кѣчкюнджи, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Эбусандомъ, и Обейдъ ханъ попали въ руки Персовъ, но изъ послѣднихъ трехъ только Эбусандъ живой. Это совсѣмъ невѣрно, потому что, какъ мы увидимъ далѣе въ этой же главѣ, они всѣ трое и гораздо позже занимали престолъ Трансоксаніи одинъ послѣ другаго, и даже самый старшій между ними, именно Кѣчкюнджи, умеръ только чрезъ два года послѣ этой катастрофы.

охотиѣ въ обществѣ отшельниковъ и дервишей и оставившаго тронъ своему сыну *Эбусаиду хану*. Весьма сомнительно, чтобъ послѣдній, управлявшій три года, и, какъ говорятъ, скончавшійся скоропостижно, не былъ тайно устраненъ Обейдуллахомъ. Впрочемъ, и по вступленіи своемъ на престолъ, Обейдуллахъ продолжалъ по прежнему посѣщать войнами сосѣднія страны. Въ 942 (1535) году онъ предпринялъ *шестой*. набѣгъ на Хоразанъ, при чемъ, по свидѣтельству туземныхъ источниковъ, будто бы наконецъ была вырвана изъ рукъ Сама Мирзы крѣпость Герать, хотя и не надолго¹⁾. Это былъ послѣдній военный походъ его въ Хоразанъ, потому что Обейдуллахъ, послѣ бесплодной попытки привести Харезмъ подъ власть Бохары, умеръ въ 946 (1539) году, на 65 своей жизни и шестомъ году своего правленія, и былъ погребенъ въ Бохарѣ, въ часовнѣ построенной имъ коллегіи. Такъ какъ господство въ Трансоксаніи до сихъ поръ дѣлилось, такъ сказать, между дѣтьми Кѣчкюнджи и Шейбани, то по смерти Обейдуллаха обнаружались между Узбеками несогласія. Партія первой фамилии возвела на тронъ *Абдуллаха*²⁾, сына Кѣчкюнджи, и послѣ его смерти, послѣдовавшей чрезъ шесть мѣсяцевъ, сдѣлала ханомъ его брата Абдулатифа, а другая, болѣе сильная партія, присягнула въ 948 (1541) году *Абдулазису*, сыну Обейдуллаха. Намъ неизвѣстно, долго ли продолжалось соперничество между ими обоими, или же было мирно совмѣстное ихъ правленіе; изъ скудныхъ и сбивчивыхъ извѣстій того времени ясно только, что Абдулазисъ оставался на престолѣ до 958 (1551) года, что во все это время онъ жилъ въ мирѣ съ Персією, ведъ только одну войну,

¹⁾ Раузатъ эсъ сефа утверждаетъ противное, именно — что Узбеки должны были отступить вслѣдствіе энергическаго сопротивленія Сама Мирзы.

²⁾ ДеГиннъ въ своей исторіи Гунновъ и Турокъ, III т., стр. 472 (въмец. перев.) смѣшиваетъ этого Абдуллаха съ великимъ Абдуллахомъ, слѣдовавшимъ позже, и такъ какъ онъ уже послѣ перваго приводитъ Абдулмумина, то и пропускаетъ въ исторіи Бохары болѣе помѣстятія.

противъ Белха, что онъ былъ совсѣмъ другаго характера, чѣмъ его отецъ, былъ расположенъ къ ложно-набожному направленію вліятельнаго духовенства, потому и употреблялъ болѣе старанія на построеніе мечетей, монастырей и прочихъ богоугодныхъ заведеній, чѣмъ на свѣтскія дѣла. Это съ одной стороны было въ пользу странъ, истощенной постоянными войнами, но съ другой отдавало ее на жертву хищничества незанятыхъ на сѣверѣ номадовъ. Послѣ его смерти долженъ былъ вступить на престолъ Мегеммедъ Яръ Султанъ ¹⁾, сынъ Мегеммеда Сююнджъ Султана, жившій въ Ташкентѣ, но его постигла смерть на дорогѣ въ Бохару, или, по другимъ извѣстіямъ, онъ былъ умерщвленъ въ Самаркандѣ въ 961 (1553) году; поэтому былъ возведенъ на престолъ Ханата, вопреки желанію многихъ, *Бурганъ ханъ*, внукъ Обейдуллаха, и скоро своей распутной жизнью и безумными выходками, такъ какъ по цѣлымъ днямъ рѣдко бывалъ въ трезвомъ состояніи, возбудилъ къ себѣ всеобщее отвращеніе и презрѣніе. Среди замѣшательствъ, вызванныхъ этимъ жалкимъ правленіемъ, изъ сѣверовосточной степи средней Азіи вынырнулъ Боракъ ханъ ²⁾, сынъ побѣжденнаго Шейбаниемъ Махмуда хана, и наводнилъ самыя цвѣтуція части Трансоксаніи своими грубыми наемными скопищами, состоявшими по большей части изъ Калмыковъ и Киргизовъ. Отъ Отрара и до Бохары вездѣ появились развалины и опустошеніе, и ничто не можетъ изобразить бѣдствія, въ какое была повергнута страна жестокостью и варварствомъ этихъ тирановъ.

Въ это самое время напасти на сцену выступилъ *Абдулахъ ханъ*, сынъ Искендера хана ³⁾ и внукъ Эбулхаира,—

¹⁾ По другому объясненію, онъ назывался Мегеммедомъ Регимомъ, но это невѣрно, потому что Мегеммедъ Регимъ, средній сынъ Обейдуллаха хана и отецъ Бургана хана, уже не былъ въ живыхъ въ это время.

²⁾ Его собственное имя было Норузъ Ахмедъ.

³⁾ Отецъ его, Джани бегъ (см. выше прим. 1 на стр. 36) имѣлъ 12 сыновей, которыхъ имена слѣдующія: Достъ Могаммедъ султанъ, Кастель

человѣкъ, который по справедливости заслуживаетъ названіе величайшаго въ средѣ Шейбанидовъ. Родившись въ 940 (1538) году, онъ, кажется, происходилъ по отцу не отъ особенно умныхъ предковъ; прадѣдъ его носилъ насмѣшливое прозвище тинтекъ—олухъ, его дѣдъ Джани бегъ былъ слабоумный ¹⁾ и его отецъ считался не особеннымъ церковнымъ свѣтиломъ, потому что, какъ главныя его преимущества, восхваляются во-первыхъ то, что онъ точно выполнялъ свою пятикратную молитву ²⁾ и во-вторыхъ то, что онъ былъ искусный охотникъ соколовъ. Не смотря на это, высокочтимый Ходжаки Казани уже въ младенцѣ предвидѣлъ будущее его величіе, и когда Искендеръ ханъ поднесъ къ нему дитя для благословенія, то онъ будто бы воскликнулъ въ порывѣ радости: „это дитя носить отпечатокъ ясной звѣзды счастья и будетъ даже могущественнымъ повелителемъ“. Чтобы придать болѣе силы своему благословенію, святой мужъ снялъ съ себя поясъ изъ верблюжьяго волоса и обвязалъ его дитяти вокругъ поясицы. Ходжа предсказалъ ему даже частности его будущаго поприща; поэтому его воспитаніе было поручено корифеямъ того времени, которыхъ при Обейдуллахѣ было много, по замѣчанію Сеида Ракима. 22 лѣтъ отъ роду Абдуллахъ до того былъ воодушевленъ усердіемъ къ интересамъ своей фамиліи,

Кара султанъ, долгое время правившій въ Белхѣ. Паѣнде Мегеммедъ султанъ, Рустемъ султанъ, Искендеръ ханъ, Исфендіаръ султанъ, Сулейманъ султанъ, Пиръ Мегеммедъ султанъ, Шахъ Мегеммедъ султанъ, Яръ Мегеммедъ султанъ, Джанъ Мегеммедъ султанъ и Нуръ Мегеммедъ султанъ.

¹⁾ Абулгази рассказываетъ, что онъ позволялъ своимъ беременнымъ женамъ лить сало въ огонь, чтобы по язычкамъ пламени отгадать, кѣмъ онѣ разрѣшатся—мальчикомъ или дѣвочкой. Это суевѣріе и теперь еще въ ходу въ средней Азій; впрочемъ, подъ стать къ нему и обичай нашихъ дѣвицъ лить олово наканунѣ Рождества, чтобы по фигурамъ растопленнаго олова, вылитаго въ воду, узнать, выдутъ ли онѣ замужъ въ продолженіи года, или нѣтъ.

²⁾ Онъ употреблялъ еще новый родъ молитвы, *Нафиле*. Этими именемъ называется молитва или рикать (колѣнопреклоненіе), которыми набожный могомеданинъ думаетъ угодить своему богу, какъ прибавленіемъ къ молитвѣ, предписываемой религіей.

что съ небольшою толпою началъ борьбу противъ наслій Борака хана, который только что завоевалъ тогда Бохару. Сначала онъ долженъ былъ укрываться въ незначительной крѣпости Тарабъ, недалеко отъ Бохары, родномъ городѣ решетника, пророчествовавшаго во время Чагатая, но здѣшніе обыватели обнаружили холодное безучастіе къ нему. Онъ порицалъ ихъ поведеніе и обѣщалъ имъ привилегіи въ случаѣ успѣха, послѣ чего къ нему пристали 300 пѣшихъ воиновъ. Въ то самое время, когда Абдуллахъ готовился здѣсь къ сопротивленію, сюда прибыло извѣстіе о смерти Борака, послѣдовавшей въ 963 (1555) году; онъ послѣшилъ въ Бохару, овладѣлъ городомъ и окрестностями и внезапно увидѣлъ себя въ состояніи начать войну съ Бурганошъ ханомъ, котораго онъ побѣдилъ и велѣлъ казнить¹⁾; и, такимъ образомъ прогоняя вторгшихся хищниковъ, въ короткое время снова упрочилъ господство Шейбанидовъ въ Трансоксаніи. Какъ Шейбани и Обейдуллахъ, сдѣлавшись настоящими государями этой страны, передавали другому резиденцію Ханства, а сами съ оружіемъ въ рукѣ продолжали свое воинственное поприще, — такъ точно и Абдуллахъ, возведя на престолъ въ Самаркандѣ своего отца Искендера, самъ сталъ во главѣ арміи, для возстановленія старыхъ границъ имперіи при Шейбани. Въ этихъ стремленіяхъ протекла большая часть жизни Абдуллаха, и не только счастье было для него гораздо благоприятнѣе на пути завоеваній, чѣмъ всѣмъ его предшественникамъ, но ему удалось также больше всѣхъ содѣйствовать процвѣтанію земель при Оксѣ и Яксартѣ, и поэтому онъ вполне заслуживаетъ, какъ увидимъ, прозваніе «благодѣтеля своего народа».

Это при немъ границы Бохарскаго ханства раздвину-

¹⁾ Онъ былъ злодѣйски умерщвленъ какимъ-то Мирзакъ Куччи (птицеловъ).

лись на стѣверь далеко за обитаемыя мѣстности провинціи Туркестанъ. Послѣ смерти Ворака спокойствіе въ томъ краю мало было нарушаемо. Впрочемъ, въ 975 (1567) году Баба ханъ¹⁾, его сынъ, опять сдѣлалъ опустошительный набѣгъ на Трансоксанію, дошелъ до Самарканда, схватилъ Хосру султана, тамошняго князя, и увезъ съ собою его и многихъ вельможъ города вмѣстѣ съ найденными сокровищами. Абдуллахъ въ то самое время былъ съ арміею въ Хоразанѣ и не могъ этому воспрепятствовать, но спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 983 (1575) году, Баба ханъ былъ привлеченъ къ расчету и долженъ былъ послѣднимъ бѣгствомъ спастись съ своей арміею за Яксартъ, послѣ чего былъ заключенъ миръ, но на короткое только время, потому что, спустя три года, Баба ханъ возобновилъ свои хищническіе набѣги, и Абдуллахъ долженъ былъ снова выступить въ поле противъ него. При Акъ кѣтелѣ (бѣлая гора), въ округѣ Замина, слѣд. близко Самарканда, произошло рѣшительное сраженіе, въ которомъ Баба ханъ былъ разбитъ на голову, и Абдаллахъ преслѣдовалъ его далеко вглубь степи до Улугтага (большая гора), гдѣ и велѣлъ воздвигнуть памятникъ напротивъ того, который былъ по-

¹⁾ Баба ханъ, сынъ Ворака хана, былъ послѣдній изъ той династіи монгольскаго происхожденія, которой предводителя, начиная съ Канду, слѣдовательно съ 665 (1266) до 986 (1578), благопріятствуемые анархическимъ состояніемъ, постоянно вторгались въ Трансоксанію, для того, чтобы привести въ силу право извѣстной фамильной вѣтви предъ правителями изъ дома Чагатая, или вообще интересы Дженизидовъ. Въ войнахъ Тимура съ Джетами сила ихъ была сокрушена надолго, но при его потомкахъ они опять оправдлись, привлекая на свою сторону Калмыковъ и Киргизовъ, и въ правленіе Эбусанда они приобрѣли такое значеніе вокругъ Ташкенда, что сынъ послѣдняго, именно Омаръ Шейхъ, женился на дочери тамошняго князя Юниса бега, и отъ этого брака произошелъ знаменитый Баберь. Во время смуты Шейбанидской эпохи они овладѣли и Хокандомъ, и послѣдній долженъ былъ, какъ уже сказано, вести войну съ Махмудомъ ханомъ, сыномъ Юниса хана. Послѣ того, какъ Махмудъ ханъ не могъ устоять противъ оружія Шейбани, его сынъ Борахъ, а послѣ него опять сынъ Баба ханъ, пытались, конечно напрасно, возстановить упавшее значеніе своей фамиліи.

ставленъ, по повелѣнію Тимура, во время похода противъ Тохтамыша, и какъ всемірный завоеватель изъ зеленого города изображалъ на камнѣ свои дѣянія, такъ точно и Абдуллахъ захотѣлъ на камнѣ же увѣковѣчить свои военные успѣхи. *На востокъ* не только вся Фергана, но также Кашгаръ и Хотенъ были покорены власти Шейбанидовъ, и *на югъ*, гдѣ, какъ извѣстно, съ одной стороны фамилія Бабера, а съ другой Сефиды, добиваясь обладанія Белхомъ, слѣдовали наступательной политикѣ, власть Узбековъ приобрѣла бдльшее распространеніе, чѣмъ во время первыхъ Шейбанидовъ. Белхъ былъ укрѣпленъ, Тохаристанъ и Бедахшанъ присоединены къ Трансоксаніи, и светло-зеленыя воды Мургаба опять образовали пограничную линію Турана. *И на западъ* могло побѣдоносно пронести оружіе Абдуллаха, не взирая на соединенное противодѣйствіе Иранцевъ и Харезмянъ. Астрабадъ былъ взятъ послѣ внезапнаго нападенія; князь Гирана, союзникъ султана Мурада III, долженъ былъ искать убѣжища въ Константинополѣ, и даже здѣсь границы имперіи Шейбанидовъ были такъ далеко продвинуты, какъ никогда до того времени. Въ началѣ были предприняты Абдуллахомъ скорѣе хищническіе набѣги на Иранъ, или Аламани, какъ Туркоманы теперь называютъ ихъ, потому что Тамаспъ, заключившій, къ великой досадѣ Узбековъ, миръ съ султаномъ Сулейманомъ въ 969 (1561) году, былъ довольно силенъ, чтобы защищать восточную границу своей имперіи, поэтому, само собою понятно, дѣйствія въ большихъ размѣрахъ были здѣсь невозможны для Узбековъ. Но по смерти Тамаспа, въ правленіе жалкихъ его сыновей, Иранъ, въ особенности же Хоразанъ, впали въ самую дикую анархію; тогда-то толпы узбекскихъ наѣздниковъ непрерывно устремлялись на сѣверную окраину послѣдней страны, и въ 974 (1566) году даже самъ Могаммедъ Мирза, сынъ Тамаспа, отправившись съ 15,000 человекъ въ Герать, подвергся опас-

ности попасть въ руки скопищу грабившихъ Узбековъ и только съ большимъ трудомъ могъ броситься въ крѣпость Турбетъ-и-Гайдери, чтобъ посредствомъ отчаянной битвы избавиться отъ плѣна. Потомъ ожесточенныя войны за престолонаслѣдіе и соперничество главныхъ сановниковъ въ Персіи еще болѣе выровняли путь для властолюбія Абдуллаха, такъ что когда Шахъ Аббасъ, названный великимъ, велъ войну съ своимъ соперникомъ Могаммедомъ Худабендехомъ, въ руки Узбековъ досталась, послѣ девяти мѣсячной осады, важная крѣпость Гератъ. Али Кули ханъ Шамлу, персидскій намѣстникъ Хоразана, былъ казненъ вмѣстѣ со многими другими вельможами, огромная толпа жителей уведена въ неволю въ Бохару, и сѣверовосточная часть Хоразанской провинціи подверглась ужаснымъ опустошеніямъ.

При этомъ именно случаѣ хранители гробницы Имама Ризы, завѣдывавшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и многочисленными доходами съ духовныхъ имуществъ высокочтимаго Алида ¹⁾, каковы были—поля, сады, виноградники и прочія имѣнія, въ письмѣ обратились къ Абдуллаху съ слѣдующимъ вопросомъ: какъ согласуется съ его религіозными идеями разрушеніе имущества Имама Ризы и чрезъ это уничтоженіе средствъ къ поддержанію жизни столь многихъ тысячъ небожныхъ странниковъ, между которыми попадаются также и сунниты? Находившіеся въ лагерѣ при Абдуллахѣ молны

¹⁾ Имамъ Риза — богатѣйшій святой въ Персіи; ему не только принадлежатъ цѣлыя базары и улицы въ Мешгедѣ, знаменитомъ своею значительною торговлей, но онъ имѣетъ и внѣ города и также въ другихъ мѣстахъ Хоразана поля, виноградники и кервансераи. Отсюда прежде всего снабжается кухня его высочества, изъ которой каждый пилигримъ въ продолженіи трехъ дней можетъ получать бесплатно порцію пилава (кушанье изъ риса) съ мясомъ и хлѣбъ. Его высочество, такъ Имамъ обыкновенно называется, и о немъ говорятъ, какъ о живомъ, имѣетъ еще даровую ванну, мыльный заводъ, много сотенъ келій и другія удобства для употребленія пилигримовъ, изъ которыхъ только зажиточные даютъ добровольное подаваніе на его могилѣ, а бѣднымъ оказываетъ бесплатное гостепріимство Имамъ, называемый „Султанъ эль гуреба—князь иностранцевъ“.

изъ Трансоксаніи отвѣчали на это сильными нападками на шиизмъ вообще, приводя въ доказательство, что, по ихъ убѣжденію и основнымъ законамъ, приверженцы секты ша хуже, чѣмъ невѣрующіе, истребленіе которыхъ предписано самимъ Богомъ. Если обязанность каждаго мусульманина воевать съ невѣрующими, то какъ онъ долженъ поступать съ тѣми, которые, не взирая на родство съ святымъ, покоящимся среди нихъ, уклонились отъ истиннаго пути и впали въ позорные грѣхи? Что же касается до упрека въ раззореніи полей и садовъ Имама Ризы, то они хорошо знаютъ, что это благотворительныя заведенія и принадлежатъ гробу Имама Ризы. Но вопросъ еще, кто имѣетъ болѣе права пользоваться ими—правовѣрные-ли, воюющіе за правое дѣло Божье и лишенные всѣхъ средствъ къ пропитанію, или тѣ, которые злобствуютъ противъ Аллаха, грѣшатъ и срамятъ первыхъ мужей вѣры ¹⁾? и т. д. Разумѣется, шиитскіе моллы не замедлили отвѣтомъ. Дѣйствуя съ тактомъ, они прежде всего предложили собрать родъ церковнаго ареопага изъ равнаго числа ученыхъ суннитской и шиитской сектъ, который и долженъ рѣшить: можно-ли признать шиитовъ невѣрующими за то, что они считаютъ первыхъ трехъ калифовъ похитителями и защищаютъ противъ нихъ наслѣдственное право Али. Шиизмъ также старъ, какъ и исламъ, и еслибы послѣдователи этой секты были до такой степени поруганы, то почему же Имамъ Риза поселился именно среди нихъ, а не пошелъ въ Трансоксанію? и т. д. Это преніе имѣло также мало успѣха, какъ и собранный въ Багдадѣ Надиромъ Шахомъ, 150 лѣтъ спустя, консиліумъ шиитскихъ и суннитскихъ ученыхъ ²⁾, и въ то

¹⁾ Первые три калифа—Эбубекръ, Омаръ и Османъ—призваны шиитами за нечестивыхъ самозванцовъ, и ихъ имена произносятся съ прибавленіемъ всѣхъ возможныхъ проклятій.

²⁾ Надиръ, котораго Персы считаютъ тайнымъ суннитомъ, былъ довольно проникателенъ, чтобы видѣть опасность, которою грозила эта ересь

самое время, когда обѣ партіи здѣсь тщетно усиливались перомъ рѣшить споръ, котораго не могла прекратить война въ продолженіи многихъ вѣковъ, — юный Шахъ Аббасъ приблизился съ армією изъ Казвина, и Абдуллахъ отступилъ чрезъ Мервъ въ Бохару. Аббасъ имѣлъ въ виду, какъ справедливо замѣчаетъ Малькольмъ въ своей Исторіи Персіи, эту диверсію въ Хоразанъ скорѣе увѣршить свое собственное значеніе, чѣмъ совершенно изгнать и побѣдить Узбековъ, потому что остался въ Мешгедѣ только короткое время и поспѣшилъ въ Грузію, гдѣ Османъ угрожалъ ему войною и скоро потомъ и нанесли ему пораженіе. Какъ часто уже случалось, побѣда оттоманскаго оружія на западѣ и теперъ нашла отголосокъ на далекомъ востокѣ: тотчасъ по полученіи извѣстія, Абдуллахъ, въ 990 (1582) году, сдѣлалъ вторую попытку завоевать Мешгедъ и ввѣрилъ авангардъ арміи своему сыну Абдулмумину хану, намѣстнику въ Белхѣ. Абдулмуминъ, столько же дикій воинъ, сколько жестокій и честолюбивый человекъ, стремясь къ подвигамъ, быстро двинулся впередъ съ дядей своимъ и съ большимъ военнымъ отрядомъ, къ которому присоединился Кулъ Ваба Кюкелтанъ, вѣрный слуга Абдуллаха и намѣстникъ Гератскій. Первое нападеніе было сдѣлано на Нишабуръ. Въ аванпостной стычкѣ нѣсколько Узбековъ были взяты въ плѣнъ и опять отпущены на свободу для того, чтобъ они донесли своему молодому военачальнику, что Нишабуръ составляетъ только часть Мешгеда, и если послѣдній падетъ, то и онъ сдастся добровольно. Поэтому Абдулмуминъ бросился со всѣми силами своими къ Мешгеду и не щадилъ никакихъ жертвъ и тяжелыхъ трудовъ для взятія его. Хотя комендантъ вѣрности, Умметъ ханъ Устаджлу, употреблялъ все возможное, чтобъ отбивать нападенія, но ужасъ былъ слишкомъ всеобщій,

исламу вообще; онъ желалъ устроить единеніе и собралъ въ Багдадѣ родъ церковнаго консаліума, который, впрочемъ, ни къ чему не повелъ, вслѣдствіе раздраженія обѣихъ партій.

и многіе бѣжали изъ окрестностей внутрь города, который не былъ достаточно снабженъ продовольствіемъ; поэтому Узбеки скоро нашли себѣ въ губительномъ антелѣ голодной смерти сильнаго помощника, который доставилъ имъ въ руки, уже послѣ перваго ихъ приступа, это священное мѣсто шитовъ со всеми его сокровищами, памятниками зодчества и искусствъ и полными базарами. Когда воины Абдулмумина съ многихъ сторонъ ворвались въ городъ, то жители обоихъ половъ съ многочисленными учеными и благочестивыми укрѣпились за оградой гробницы Имама Ризы, въ надеждѣ остаться нетронутыми подъ защитой святѣйшаго; но Узбеки, въ дикой ярости убійства и грабежа, неспривергли все, и даже мнимые потомки имама Ризы, крѣпко уцѣпившіеся за гробницу своего предка, были безжалостно изрублены. Рассказываютъ, что Абдулуминъ со двора Мира Алишира совершенно спокойно смотрѣлъ, какъ грубые его воины избивали дѣтей и стариковъ, чернь и ученыхъ цѣлыми толпами, и даже отчаянные вопли и предсмертные стоны тысячъ этихъ несчастныхъ жертвъ не могли пробудить въ немъ состраданія. Не только улицы города, но и самыя священныя мѣста мечети и гробницы были обрызганы кровью, и при всеобщемъ грабежѣ города всего болѣе пострадали именно мѣста упокоенія Алидовъ. Богатыи и драгоценныя подаванія набожныхъ странниковъ ¹⁾, хранившіяся здѣсь въ продолженіи трехъ столѣтій, достались въ руки побѣдителя. Между ними были массивныя и колоссальныя подсвѣчники изъ золота и серебра, цѣлыя досиѣхи изъ благороднаго металла, самыя дорогіе солитеры и богато украшенныя аграфы и прочіе предметы убр-

¹⁾ Чтобы составить себѣ хотя слабое понятіе о богатствахъ и святѣй, хранившихся въ то время на гробѣ Имама Ризы, я прошу читателя пробѣжать 142 стр. моихъ *Wanderungen und Erlebnisse in Persien*. Петръ, 1867 г.—Кумъ далеко ниже Мешгеда по важности, и слѣдуетъ замѣтить въ особеннѣе то, что при Тимуридахъ много было сдѣлано для прославленія гробницы Имама Ризы.

ства, а драгоценнѣе всего превосходная библіотека, знаменитые экземпляры корана, чудныя произведенія каллиграфіи и дары прежнихъ султановъ — все, все это было расташено, разрушено, уничтожено. Даже мертвые должны были почувствовать ищеніе суннитскаго побѣдителя, потому что кости Тамаспа были вытащены изъ могилы, находившейся тотчасъ подлѣ гробницы Имама Ризы, сожжены и развѣяны по вѣтру съ проклятіями и бранью. Чтобъ этимъ послѣднимъ актомъ обрадовать и другаго суннитскаго противника Сефидовъ, Абдулмуминъ отправилъ своего казначея Мегеммеда Кули въ Константинополь къ султану Мураду III съ письмомъ, въ которомъ этотъ Узбекскій принцъ изображаетъ слишкомъ напыщеннымъ слогомъ *свои побѣды* въ Хоразанѣ и, выставивъ на видъ именно уничтоженіе пелла Тамаспова, сообщаетъ далѣе, что для окончательнаго истребленія безбожной шайки шиитскихъ еретиковъ, онъ намѣренъ вскорѣ выступить въ походъ противъ Ирака и проситъ содѣйствія въ этомъ султана. Этотъ планъ Узбековъ кануль въ воду по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, Оттоманы не только что не обѣщали никакой помощи своимъ единовѣрцамъ на дальнемъ востокѣ, но и сдѣлали совсѣмъ противное, именно — оказали поддержку Персамъ, потому что побѣды Абдуллаха начинали ихъ уже беспокоить, и дальнѣйшіе успѣхи его оружія могли даже грозить имъ самимъ. Во-вторыхъ, Шахъ Аббасъ, при разрушеніи Мешгеда лежавшій на одрѣ болѣзни въ Тегеранѣ, мало-по-малу оправился и употреблялъ всѣ возможные мѣры къ отпору. Но, покажѣсть, Абдуллахъ былъ несокрушимымъ побѣдителемъ, и большая часть Хоразана, вмѣстѣ съ городами Гератомъ, Мешгедомъ, Сарахсомъ, Мервомъ, Хафомъ, Джамомъ, Фушенгомъ и Гуріаномъ, перешла къ нему во владѣніе и осталась въ его рукахъ почти до смерти его.

Завоеваніемъ Хоразана правленіе Абдуллаха достигло полного блеска своего величія, и тѣмъ удивительнѣе, что,

не смотря на продолжительное воинственное поприще и непрерывную цѣпь побѣд вѣ Трансоксаніи, самодержавное его правленіе внутри страны начинается только около этого времени. Мы замѣтили, что онъ тотчасъ послѣ своего удачнаго дебюта передалъ бразды правленія своему отцу Искандеру хану, но этотъ, кажется, не долго оставался на престолѣ, потому что хотя онъ умеръ только въ 991 (1583) году, но мы встрѣчаемъ въ этотъ промежутокъ времени еще многихъ правителей, которые съ обычными атрибутами хутбе у сикке (общественная молитва и чеканка монеты), слѣдовательно съ полной независимостью, воссѣдали на тронѣ въ Самаркандѣ. Къ нимъ принадлежатъ *Хосру Султаны*, который былъ разбитъ въ сраженіи въ 975 (1567) году, во время вторженія Баба хана изъ Ташкенда въ Трансоксанію, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Послѣ него слѣдовалъ *Султаны Саидъ*, сынъ Эбусайда и внукъ Кѣкюнджи, правившій пять лѣтъ, оказывавшій защиту ученимъ, но въ особенности много содѣйствовавшій украшенію Самарканда; умеръ въ 980 (1572) году, и его мѣсто занялъ его братъ *Джуванмердъ Али Багадуръ*. Это при немъ Абдулахъ ханъ вѣшался въ правительственныхъ дѣла Самарканда, и вотъ по какой причинѣ: Джуванмердъ имѣлъ двухъ сыновей, Эбулхайра султана и Мозаффара султана, которые жили въ дикой братоубійственной враждѣ между собою, и когда первый, призваншій къ себѣ на помощь Баба хана въ свою страну, былъ все-таки разбитъ послѣднимъ, котораго поддерживалъ Абдулахъ, а отецъ этихъ любезныхъ дѣтокъ взялъ сторону побѣжденнаго — тогда-то Абдулахъ, чтобъ съ корнемъ вырвать это зло, долженъ былъ отдѣлаться сперва отъ старика и потомъ отъ обоихъ юношей. Джуванмердъ и Мозаффаръ были схвачены въ Самаркандѣ и казнены, подобная же участь постигла и Эбулхайра, и въ 986 (1578) году, положивъ конецъ двойственному господству въ Трансоксаніи

Абдуллахъ принялъ присягу, какъ неограниченный государь всего Турана ¹⁾. Трудно рѣшить, почему онъ не сдѣлалъ этого раньше, и что побуждало его къ политикѣ уступчивости. Побѣдитель на сѣверѣ, востокѣ и западѣ Трансоксаніи, повелитель почти всего Хоразана и Табаристана, онъ, конечно, могъ завоевать небольшой и себѣ самому предоставленный Самаркандъ. Значить, не столько слабость, сколько вниманіе къ своимъ ближайшимъ родственникамъ и отвращеніе къ семейнымъ раздорамъ привели къ такой политикѣ Абдуллаха, въ другихъ случаяхъ неумолимаго, даже жестокаго противника. Въ такомъ же родѣ были дѣйствія его и по отношенію къ своему брату Пиру Мегеммеду хану, который вступилъ въ управленіе Белхомъ послѣ Кистена Кары султана, сына Джани бѣга, и оставался въ этомъ вполнѣ независимомъ княжескомъ достоинствѣ до 974 (1566) года, и когда онъ умеръ въ этомъ году, то Абдуллахъ охотно согласился бы признать законнымъ по немъ наслѣдникомъ его сына, Дина Мегеммеда хана, если бы его собственный сынъ Абдулмуминъ, о грубомъ и зломъ характерѣ котораго мы уже говорили, не требовалъ у него настойчиво обладанія провинціями по эту сторону Окса. Такъ какъ онъ, при вступленіи въ управленіе, встрѣтилъ здѣсь противодѣйствіе въ лицѣ Дина Мегеммеда, то и велѣлъ, по взятіи Белха, казнить его вмѣстѣ съ первыми офицерами, — этотъ поступокъ сильно возмутилъ его отца. Впрочемъ, поведеніе Абдулмумина очень часто образовало тѣ густыя тучи, которыя омрачали жизненный горизонтъ вобще счастливаго Шейбанида. Абдуллахъ искренно любилъ его, какъ единственнаго сына, и такъ

¹⁾ Еще одинъ только соперникъ стоялъ въ это время въ полѣ противъ него, именно Абдулъ Султанъ, сынъ Абдуллатифа, поднявшій знамя бунта въ Заминѣ. Абдуллахъ разбилъ его въ открытомъ полѣ, потомъ тотъ бѣжалъ въ гористую страну Гиссаръ и до тѣхъ поръ не успокоился, пока его не схватили и въ 988 (1580) году казнили.

какъ зная его бездѣльное честолюбіе, то и позволилъ ему еще въ качествѣ наслѣдника носить титулъ хана, который принимаютъ исключительно только турецкіе государи ¹⁾). Отца называли Улугъ ханомъ, великимъ княземъ, а сына—Кичикъ ханомъ, малымъ княземъ; но послѣдній этимъ не удовольствовался, и уже въ первые годы его правленія мы встрѣчаемъ его съ необузданными хищными конными толпами и въ горныхъ, и въ низменныхъ странахъ, и на сѣверѣ, и на югѣ, и на западѣ. Такъ какъ вѣчныя войны сына весьма сильно поддерживали политику отца въ Хоразанѣ, то послѣдній и не жѣлалъ ему и даже чувствовалъ себя еще возвеличеннымъ въ геройской натурѣ своего дѣтища; но Абдулмуминъ скоро былъ отуманенъ военнымъ счастьемъ, началъ соперничать съ своимъ отцомъ, а потомъ перешелъ къ открытой враждѣ съ нимъ. Первою причиною раздора было желаніе Абдулмумина видѣть соединенными подъ своимъ скипетромъ все цис-оксанскія владѣнія имперіи Шейбанидовъ, и именно онъ хотѣлъ вытѣснить изъ Герата старика Кула Бабу Кекелташа, вѣрнаго служителя Абдуллаха и его стараго товарища по оружію, своимъ мечемъ такъ много содѣйствовавшего величію его отца. Само собой понятно, Абдуллахъ наотрѣвъ отказалъ въ этомъ, и когда Абдулмуминъ, послѣ побѣды надъ Харезмійскимъ принцемъ Нуромъ Мегеммедомъ ханомъ, собралъ подъ свои знамена болѣе 20,000 всадниковъ и выступилъ противъ Кула Бабы Кекелташа, то послѣдній получилъ приказъ, отложивъ въ сторону всякое уваженіе къ мятежному принцу, оказывать сопротивленіе ему, какъ и всякому другому неприятелю. Этого было достаточно, чтобы

¹⁾ Я говорю нарочно *турецкіе государи*, потому что въ Персіи титулъ хана употребляется и савонниками. Въ Турціи же его принимаютъ только султаны.

²⁾ Нуръ Могаммедъ, незаконный сынъ Эбу-султана, Харезмискаго князя, по смерти Обейдуллаха опять овладѣлъ Мервомъ, своимъ отцовскимъ наслѣдствомъ, но отъ страха предъ Узбекомъ заключилъ союзъ съ Шахомъ Аббасомъ; не видя на то, Абдулмуминъ одолѣлъ его. Тогда онъ убѣжалъ къ Шаху Аббасу, но и съ этимъ разсорился, былъ арестованъ и умеръ въ крѣпости Истахрѣ.

побудить упрямого сына къ возстанію противъ своего собственнаго родителя, и въ 1004 (1595) году, когда Абдуллахъ предавался удовольствіямъ охоты въ верховья Окса, сюда явился Шахъ Мегеммедъ, одинъ изъ вельможъ на службѣ у Абдулмумина, съ извѣстіемъ, что его государь съ враждебнымъ намѣреніемъ приближается съ военнымъ отрядомъ. Отъ гнѣва и ужаса Абдуллахъ былъ почти внѣ себя и поспѣшилъ тотчасъ въ Бохару, но Абдулмунинъ, повидимому, раскаялся въ своей выходѣ и возвратился въ Белхъ. Впрочемъ, позже дѣло дошло до кровавыхъ битвъ между обоими, и могущественный Шейбанидъ, глубоко оскорбленный неблагодарностью своего дитяти, пришелъ и къ тому печальному убѣжденію, что, во первыхъ, его долги и тяжелыя войны на сѣверѣ его Имперіи не привели къ желаемой цѣли, потому что ему было принесено извѣстіе, что одинъ изъ лучшихъ его генераловъ на голову разбитъ сильной ордю Калмыковъ, и, во-вторыхъ, Персы, этотъ врагъ, такъ часто поражаемый, скоро уничтожить плоды многолѣтнихъ войнъ его на западѣ.

Мы уже говорили о союзѣ, существовавшемъ между князьями Харезма и государями Ирана. Онъ былъ совершенно естественнымъ слѣдствіемъ наступательной политики, которой слѣдовали Шейбаниды по отношенію къ Харезму, потому что хотя господствующій классъ обѣихъ странъ составляли Узбеки, но небольшая земелька въ низовьяхъ Окса тѣмъ не менѣе и часто, и сильно терпѣла отъ болѣе могущественнѣйшей и болѣе вліятельной Бохары. Ханы изъ дома Шейбани всѣми силами хотѣли полнаго ея присоединенія и какъ только могли, то и нападали внезапно на города Гезареспъ, Хивукъ (нынѣшняя Хива), Кетъ, Везиръ и Юргенджъ. Конечно, ихъ господство продолжалось только до тѣхъ поръ, пока они были въ этой землѣ, и когда, наконецъ, неслыханные поборы и жестокости Абдуллаха хана заставили здѣшняго князя Гад-

жизни хана броситься въ объятія Шаха Аббаса, то господство Бохары въ Хоразанѣ стало быстро приближаться къ своему концу, потому что Шахъ Аббасъ нашелъ въ туркоманскихъ подданныхъ Харезма такое вспомогательное войско, которое было совершенно равносильно Узбекамъ Трансоксаніи и съ которыми онъ, еще при жизни Абдуллаха, именно въ 1004 (1595) году, отвоевалъ почти весь Хоразанъ, за исключеніемъ укрѣпленныхъ мѣстъ—Мешгеда, Мерва и Герата. Эта неудача его плановъ, въ соединеніи съ горестью глубоко оскорбленнаго родительскаго сердца, довела Абдуллаха до меланхоліи, и онъ умеръ послѣ кратковременной болѣзни, 2-го реджеба 1006 (6-го февраля 1597) года, на 66 году своей жизни, послѣ болѣе чѣмъ сорокалѣтняго правленія то какъ регента, то какъ самодержавнаго государя въ Трансоксаніи, и оставилъ послѣ себя имя, которое и теперь еще живетъ въ устахъ каждаго Бохарца.

Какъ Персы новаго времени приписываютъ все только Шаху Аббасу великому, и великолѣпные кервансераили, мости, цистерны, и искусно высѣченныя по горнымъ ущельямъ дороги и прочія постройки, сооруженныя для общаго блага и еще уцѣлѣвшія изъ давнопрошедшаго времени, или уже на половину развалившіяся;—такъ точно въ глазахъ нынѣшняго Бохарца каждый памятникъ зодчества прежнихъ вѣковъ обязанъ своимъ происхожденіемъ любви къ изящнымъ искусствамъ и щедрости Абдуллаха хана. Преданіе повѣствуетъ слѣдующее: однажды архитектора этого государя спросили, какъ велико число зданій, которыя онъ построилъ по повелѣнію Абдуллаха. Онъ отвѣчалъ, что число коллегій, мечетей, ваннъ, госпиталей, кервансераилей, цистернъ и мостовъ простирается до 1001, хотя тогда протекала еще половина его царствованія. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ удивляться, что Абдуллахъ, при своихъ постоянныхъ войнахъ, находилъ довольно времени заниматься внутрен-

ними дѣлами страны, потому что какъ бы ни была преувеличена похвала его царственныхъ добродѣтелей, собственно ему съ избыткомъ расточаемая обитателями Бохары и Самарканда, но вѣрно, что торговля, земледѣіе и науки находили въ немъ могущественнаго и усерднаго покровителя, и что ни одинъ изъ Шейбанидовъ не заботился такъ серьезно о процвѣтаніи культуры и о счастьи своего народа, какъ Абдуллахъ ханъ. Изъ его щедро одаренныхъ коллегій многія и теперь еще находятся въ пользованіи студентовъ; разведенные имъ увеселительные сады (Чигарбагъ) въ Бохарѣ, Самаркандѣ, Керминехѣ и Мешгедѣ ¹⁾, съ тѣнистыми, великолѣпными аллеями, и теперь—наиболѣе посѣщаемыя мѣста въ жаркое время года. Въ Бохарѣ всего лучше сохранилась та часть базара, которую Абдуллахъ велѣлъ построить въ 990 (1582) году; точно также и прекрасный мостъ чрезъ Зеревшанъ въ Керминехѣ, съ четырьмя башнями,—теперь почти единственное постоянное средство сообщенія обоихъ береговъ, потому что прочіе мосты, построенные по его приказанію, разрушены отчасти людьми, отчасти природою. Всѣ дороги въ Трансоксаніи были при немъ снабжены помилыными столбами (ташъ), сообщеніе производилось посредствомъ хорошо устроенныхъ почтъ (ямъ), и безопасная торговля и сношенія распространили во всѣхъ слояхъ народонаселенія давно невиданное благосостояніе ²⁾. Не диво поэтому, что слава его правленія проникла въ самыя отдаленныя страны. Изъ Китая ³⁾

¹⁾ Узбеки, повидимому, чувствовали себя въ Мешгедѣ совершенно какъ дома, потому что Абдуллахъ ханъ велѣлъ развести тамъ общественный увеселительный садъ, который былъ готовъ въ 1004 (1595) году. Онъ также велѣлъ построить и кервансерай, который и теперь еще носитъ названіе *кервансераи Узбекъ*.

²⁾ Величайшимъ несчастьемъ, постигшимъ Трансоксанію въ правленіе Абдуллага хана, была моровая язва въ 999 (1590) году, похитившая сперва множество людей, а потомъ почти всѣхъ домашнихъ животныхъ.

³⁾ Тарихи Мекниъ хана, у котораго я это заимствую, пишетъ: князь Монгута, но, кажется, это географическая ошибка, вмѣсто Тангута, подъ какимъ именемъ тогда былъ извѣстенъ среднеазіатцамъ Китай.

пришли послы съ богатыми дарами и изъявленіями дружбы, Султанъ Мурадъ III изъ Константинополя искалъ союза съ нимъ, и Крымскій ханъ отправилъ къ нему посольство поздравить его съ его побѣдами. Да! на его правленіе можно по справедливости смотрѣть какъ на послѣдній лучъ того блеска, который не разъ исходилъ отъ престола Трансоксаніи.

Съ какою поспѣшностью недостойный сынъ занялъ престолъ своего умершаго отца и какими дѣяніями онъ ознаменовалъ свое правленіе, легко можно понять изъ того, что уже сказано объ Абдулмунинѣ. Первымъ его шагомъ былъ мстительный походъ противъ маститаго и за свои благодаренія высокочтимаго всѣми Була Бабы Кежелташа, достойнаго служителя его фамиліи, котораго онъ схватилъ въ Гератѣ и велѣлъ ему съ двойнымъ желѣзнымъ ошейникомъ и съ цѣпами на рукахъ и ногахъ пѣшкомъ слѣдовать за собою. Такъ онъ вступилъ въ Бохару, гдѣ многіе привѣтствовали его изъ страха и только немногіе изъ расположенія къ нему. Конфисковавъ здѣсь и въ Самаркандѣ богатыя сокровища своего отца, онъ отправился для личнаго посѣщенія всѣхъ мѣстъ, гдѣ только былъ облеченъ правительственною властью вѣрныи служитель его отца, и отправился собственно для того, чтобъ наградить его за вѣрность дубиною палача. Такъ онъ поступилъ въ Оратепе, Ходжендѣ и Ташкендѣ, въ которомъ былъ казненъ старикъ Кежелташъ со всѣми своими ближайшими родственниками. Отсюда онъ поспѣшилъ въ Эндиджанъ и Акси, чтобъ овладѣть особой своего двоюроднаго брата Узбека хана ¹⁾, занимавшаго тамъ уже много лѣтъ мѣсто намѣстника. Узбекъ оказалъ сопротивленіе, но скончался уже въ первые дни осады, и Абдулмунинъ, достигнувъ этимъ своей цѣли, отправился назадъ. Такъ какъ онъ не дѣлалъ ни малѣйшей тайны

¹⁾ Узбекъ (Özbeğ) ханъ былъ племянникъ Абдуллаха хана.

изъ своихъ кровожадныхъ плановъ, то вскорѣ и распространилась вѣсть, будто онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не будутъ истреблены всѣ служители и приверженцы его отца. Послѣдніе, довольно ясно чуя опасность, рѣшились уничтожить его самого, чтобъ разстроить безбожные замыслы этого тирана. Во главѣ заговорщиковъ сталъ извѣстный Абдул-васи-Би, старый воинъ, родомъ изъ Казаконъ. «Слова здѣсь бесполезны, только дѣло можетъ помочь» — этимъ выраженіемъ онъ предложилъ убить Абдул-мумина и въ тайномъ собраніи убѣдился въ рѣшимости своихъ товарищей тѣмъ, что клалъ свою руку на ихъ обнаженную грудь, послѣ чего жребій указалъ исполнителя задуманнаго покушенія. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ. Абдул-муминъ, по случаю жаровъ, путешествовалъ ночью, и заговорщики подстерегали его, на обратномъ его пути въ Самаркандъ, въ узкомъ проходѣ между Оратепе и Заминонь. Уже большая часть его арміи прошла, но когда ханъ, въ сопровожденіи факельшиковъ и ламповосцевъ, прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ могли пройти рядомъ ни какъ не болѣе двухъ всадниковъ, то въ него сразу было пущено много стрѣлъ, и онъ палъ бездыханный на землю. Въ одно мгновеніе бросился на него избранный жребіемъ, отсѣкъ ему голову, умертвилъ и слѣдовавшаго за нимъ совѣтника, и все это съ такою быстротою, что это узнали только тогда, когда аррьергардъ на разсвѣтѣ наткнулся на трупы и узналъ тѣло своего обезглавленнаго государя по платью.

Такъ кончилъ, послѣ шестимѣсячнаго правленія, столько же способный ¹⁾, какъ и дикій, упрямый и жестокій Аб-

¹⁾ Онъ оказалъ услуги именно возсозиданіемъ Белха изъ развалинъ. Его предшественникъ, Кистенъ Кара Султанъ, говорить, ограничился только пятаделю, которал, по рассказамъ, была построена при Эбу Муслимѣ, двадцать два раза разрушаема и именно первымъ приведена въ хорошее состояніе. Абдулуминъ распространилъ свое пощеченіе и на городъ. Когда онъ овладѣлъ Белкомъ, то этотъ городъ на половину былъ въ развалинахъ, а спустя шесть мѣсяцевъ уже все было застроено. Ему приписываются: великолѣпные куполы, покрытые ками (глазирванная

дудлуминъ ханъ, и такъ какъ кромя него отъ Абдуллаха не осталось ни одного потомка мужскаго пола, то съ нимъ прекратилась и династія Шейбанидовъ, ровно сто лѣтъ занимавшая престолъ въ Трансоксаніи. Легко вообразить всеобщее замѣшательство, послѣдовавшее за этимъ. При всемъ стараніи нельзя было найти преемника, потому что Абдулуминъ въ самомъ дѣлѣ истребилъ всѣхъ мужскихъ членовъ своей фамиліи. Сказываютъ, правда, будто бы супруга Абдуллаха представила втораго сына своего, выросшаго въ женскомъ платьѣ и съ длинными волосами, который и былъ признанъ государемъ одною партіею; но страна была раздѣлена на столько разныхъ партій, что это не могло быть совершившимся фактомъ. Нѣкоторые хотѣли двухлѣтнаго сына Абдулмумина, другіе стараго и опоеннаго опіумомъ Пира Мегеммеда хана, единственнаго оставшагося въ живыхъ брата Абдуллаха, третьи — его шурина, и въ то время, когда эти партіи съ дикою яростью боролись между собою и все опустошали, непріятели, подстерегавшіе на границахъ, увидѣли теперь самый лучший случай обратно завоевать земли, отнятыя у нихъ Абдуллахомъ; и прежде всѣхъ выступилъ Шахъ Аббасъ. Ободренный счастливымъ предзнаменованіемъ своего астролога и опираясь на дышащее мечью оружіе 40,000 шитовъ, онъ взялъ Себзеваръ и Мешгедъ уже въ первомъ нападеніи, позже Гератъ, разбивъ передъ тѣмъ на-голову въ кровопролитномъ сраженіи сосредоточенныхъ тамъ Узбековъ. На сѣверѣ, изъ Ташкенда, вторгнулся въ страну Тѣкель ханъ, князь Казаковъ ¹⁾, съ огромнымъ скопищемъ Монголовъ, Калмыковъ и Бирги-

черепица), прекрасный порталъ надъ воротами замка, базаръ Бабаджаубазъ и гробница Али (Тарихи-Мекимъ Хана).

¹⁾ Тѣкель султанъ, при которомъ Казаки (у насъ неправильно называемые Киргизами) впервые вступили самостоятельнымъ племенемъ въ Трансоксанію, — тотъ самый, котораго приводитъ Левшинъ въ своемъ „Description des hordes et des steppes Kirghitz-Kazaks“, на стр. 141, подъ именемъ Тевкеля султана. Казаки, кажется, очень рано заняли угро-

зовъ и дошелъ до Самарканда. Хотя усиляемъ Ишима Би, командовавшаго въ этомъ городѣ, и удалось отбросить назадъ этого непріятеля, уже казнившаго четырехъ ¹⁾ принцевъ изъ дома Шейбани и многихъ приверженцевъ этой династии, но спокойствіе, нарушенное прекращеніемъ рода Шейбани, далеко еще не было восстановлено.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ новой, по числу *девятой*, владѣтельной фамилии Трансоксаніи, не будетъ лишнимъ нѣсколько познакомить читателя съ культурной жизнью, ознаменовавшею тревожную эпоху Шейбанидовъ,—эпоху, въ продолженіи которой совершился процессъ обособленія восточно-исламскаго міра отъ западнаго ислама и обрисовалась картина, теперь представляемая намъ могоммеданствомъ отъ восточной границы Ирана и до Китая. Само собою разумѣется, что о собственной культурѣ, какую мы видѣли при Тимуридахъ, не можетъ быть и рѣчи при Шейбанидахъ. Эти грубые воины, думавшіе обуздывать стихіи, испѣлять болѣзни и приводить битвы къ побѣдѣ посредствомъ *Яда таши* ²⁾ (волшебнаго камня), обраща-

жающее положеніе въ сѣверной степной области Яксарта; потому что уже въ 911 (1534) году Иоанну Грозному было донесено е о послѣхъ, Данилоу Губиннымъ, слѣдующее: „Et les Kazaks, Sire, sont dit on très forts, et l'on dit, Sire, qu'ils ont fait la guerre à Techkène (Ташкендъ) et les fils du roi de Techkène, dit-on, se sont battus avec eux deux fois et les Kazaks les ont battus“. (Левинъ, стр. 140). Тѣмъ, присланный къ царю Теодору въ Москву много посольствъ, былъ самымъ могущественнымъ между султанами Казаковъ

¹⁾ Это были: Гезаре султанъ и Пиръ Мегеммедъ султанъ, сыновья Узбека хана, далѣе Мегеммедъ Кули султанъ, сынъ Сулеймана султана и внукъ Джани бега, и, наконецъ, сынъ Паѣде Могоммеда султана.

²⁾ Это было, между прочимъ, въ сраженіи при Джамѣ, гдѣ Узбеки, по восходѣ солнца, какъ рассказываетъ намъ Бабуръ въ своихъ мемуарахъ (стр. 450), велѣли своимъ волшебникамъ оперировать чудодѣйственнымъ камнемъ, чтобъ привести Персовъ въ замѣшательство. Не смотря на трех-вѣковыя усилія могоммеданскаго фанатизма, этотъ камень и теперь въ большомъ почетѣ у номадовъ средней Азіи. Сердаръ (шефъ) рэцціи у Туркоманъ, или предводитель киргизской баранты, и теперь носитъ его бережно въ кишкѣ, а при смертельномъ укушеніи змѣи или ужаленіи скорпіона онъ цѣнится выше, чѣмъ Фаліха (формула благословенія мѣзъ

ли величайшее вниманіе на религію и ея представителей. Какъ во время занятія страны Монголами нѣкоторые изъ наиболѣе знаменитыхъ молль, подъ бѣднымъ на видъ покровомъ духовнаго превосходства, дѣлались настоящими повелителями этой страны, и весьма часто ихъ могучее veto гремѣло противъ самоволія безумныхъ деспотовъ; точно то же, съ немногими исключеніями, повторилось и при Шейбанидахъ. Этимъ мужамъ божеской науки не только народъ былъ слѣпо преданъ, но и сами князья соперничали изъза ихъ расположенія. Было ли это сила суевѣрія или боязнь вліянія на массы, но во всякомъ случаѣ явленіе поразительное, какъ даже могущественные князья этой династїи не стыдились занимать противъ высокопрославленныхъ молль положеніе не то что почтенное, но уже слишкомъ подчиненное. Въ особенности были прославлены и еще при жизни окружены сіяніемъ святости слѣдующія два лица: *Махдумъ Аазамъ*, называемый собственнымъ именемъ Мовлана Ходжаки Казани, духовный ученикъ знаменитаго отшельника Ходжаха Ахрара во время Тимуридовъ, который при своей благочестивой жизни вошелъ въ великую честь за чудодѣйственный даръ и пользовался у князей своего времени уваженіемъ, доходившимъ до страха. Онъ умеръ 21-го могоаррема 949 (1542) года въ Самаркандѣ, и его могила въ Дегбидѣ, ¹⁾ удаленномъ на часъ пути, и теперь — сильно посѣщаемое богомольцами мѣсто. *Казимъ Шейхъ Азизанъ*, ученикъ Худадада, значить, какъ и первый, знаменитый не высокою ученостью, но необыкновеннымъ благочестіемъ; а какъ его почитали, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота: Шейхъ Азизанъ, жившій въ Керминехѣ, получилъ извѣстіе, что Абдуллахъ ханъ, бывшій тогда во

корана). Дальнѣйшее о Яда таши смотр. въ Исторіи Монголовъ Персїи Катрмера, стр. 428.

¹⁾ О Дегбидѣ смотр. мое путешествіе въ средней Азїи, стр. 178 (нѣмец. оригинальное изданіе).

враждѣ съ Джуванмердомъ Али изъ Самарканда, намѣревается посѣтить его въ извѣстный день. Шейхъ, дружески расположенный къ этому государю, идетъ за городъ на недалекое разстояніе для его встрѣчи. Вскорѣ онъ видитъ длинный кортежъ, во главѣ его человѣка съ непокрытой головою, пѣшаго, а вокругъ шеи у него веревка, которой конецъ былъ въ рукѣ всадника. Какъ велико было изумленіе шейха, когда онъ въ лицѣ этого пѣшехода узналъ могучаго Абдуллаха, повелителя столь многихъ странъ, который, на вопросъ объ этомъ появленіи своемъ въ образѣ кающагося грѣшника, отвѣчалъ: „я далъ обѣтъ идти въ этомъ видѣ отъ хана Рабата до ханкаха (монастырь) шейха“. Шейхъ Азизанъ былъ глубоко тронутъ этимъ дѣйствіемъ, собственными руками своими поднялъ государя на лошадь, набросилъ на него свой собственный плащъ, и такъ они продолжали путь въ Керминехъ. Абдуллахъ ханъ, разумѣется, хотѣлъ этимъ выраженіемъ рѣдкой подчиненности добиться помощи шейха въ своихъ замыслахъ противъ Самарканда; и, получилъ ее, взялъ этотъ городъ, а чрезъ три года потомъ, именно въ 989 (1581), скончался Шейхъ Азизанъ.

При такихъ отношеніяхъ, конечно, только строго богословскія науки пользовались всеобщимъ попеченіемъ. На этомъ поприщѣ выдвинулись въ особенностъ: *Мовлана-Исам-эд-динъ*, сынъ Арабшаха, жившій сперва въ Гератѣ, при дворѣ Султана Гусейна Мирзы; позже онъ перенелъ въ Бохару и былъ отличаеми именно Обейдуллахомъ ханомъ. Этотъ князь, извѣстный своимъ дико-воинственнымъ характеромъ, былъ расположенъ къ поэзіи и самъ даже пробовалъ писать стихи. Въ сомнѣніи на счетъ правильнаго пониманія одного арабскаго четырехстишія, онъ однажды просилъ у ученаго Исам-эд-дина необходимаго объясненія, и этотъ въ короткое время нѣсколькихъ часовъ далъ на каждую строчку того непонятнаго четырехстишія 656 объ-

ясненій, какъ свидѣтельствуеть его панегиристъ Сеидъ Ракииъ. Онъ умеръ въ Самаркандѣ въ 943 (1536) году, а самыя извѣстныя его произведенія: примѣчанія на поляхъ къ Тефзир-и-Кази и къ объяснительнымъ работамъ Джамии. *Мовлана Садыкъ*, ученый толкователь изъ Самарканда, ходившій два раза на богомолье въ Мекку, написалъ много очень дорогихъ комментариевъ къ богословскимъ книгамъ и много примѣчаній къ болѣе труднымъ поэтическимъ сочиненіямъ. Въ преклонныхъ лѣтахъ онъ жилъ въ Кабулѣ, при дворѣ Гекима Шаха, гдѣ и послѣдовала его смерть въ 1006 (1597) году. Не менѣе высоко цѣнимы были: *Молла Зиа-эд-динъ*, ученый богословъ, умершій въ 973 (1565) г., и *Ходжа Джелалъ Джуибари*, ученикъ Махдума Азама, не только отшельникъ, но также и экзегетъ и ученый богословъ. — Къ славнымъ поэтамъ этого времени могли принадлежать только Турки, потому что наиболѣе излюбленнымъ тогда языкомъ сдѣлался турецкій, и между ними въ особенности отличался узбекскій принцъ *Мегеммедъ Саликъ*, котораго отецъ чрезъ Тимуридовъ лишился власти надъ Харезмомъ, и рано вступившій на службу къ Шейбани. Это—авторъ Шейбани-намеха (Шейбаниады), мастерски написаннаго эпоса, которымъ онъ возвышается даже надъ Неваи ¹⁾. — Изъ прочихъ стихотворцевъ этой эпохи, которые по большей части были ремесленники и фабриканты хронограммъ (надписей), исторія упоминаеть слѣдующихъ: *Эмира Али Кіатиба* и *Моллу Мирека*, придворнаго поэта первыхъ Шейбанидовъ; далѣе *Моллу Мушфики*, который снабжалъ надписями многочисленныя постройки Абдуллаха, также оставилъ газели, касиды и нѣсколько эпиграммъ и умеръ въ 994 (1085) году; *Кази Пальде*

¹⁾ Я надѣюсь скоро обнаружить текстъ и переводъ этого прекраснаго стихотворенія. Флюгель упоминаеть о немъ въ каталогѣ рукописей имп. библіотеки въ Вѣнѣ, II т. стр. 323, но ему невѣдомо имя автора.

изъ *Шамина*, особеннаго мастера слова; изъ его работъ упоминается осьмнадцати-строфное похвальное стихотвореніе визирю Кулу Баба Кёкелташу, гдѣ не встрѣчается ни одной пунктированной буквы, а это все равно, какъ если бы кто на любомъ европейскомъ языкѣ хотѣлъ написать стихотвореніе, избѣгая въ немъ буквъ б, з, й, к, н, п, т, ф, х, ч, ш ¹⁾; наконецъ *Ширина Ходжу*, поэта времени Обейдуллаха, и *Хаира Гифиза*, любимаго при дворѣ Абдуллаха пѣвца и музыканта, умершаго въ 981 (1573) году.—При общепользныхъ стремленіяхъ Абдуллаха хана, въ тѣсной связи съ этимъ богословско-суфическимъ направленіемъ находились также и памятники зодчества изъ эпохи Шейбанидовъ. Больше всего было сооружаемо мечетей, монастырей, коллегій, читальныхъ залъ и мавзолеевъ надъ преставившимися святыми. Между этими зданіями упоминаются: мечеть, построенная въ Самаркандѣ по повелѣнію визиря Алейке Кёкелташа въ 934 (1527) году; въ ней была поставлена кафедра изъ бѣлаго мрамора иждивеніемъ Кёчкюнджи хана. Еще и понынѣ хорошо сохранившаяся коллегія Абдуллаха хана съ высокимъ порталомъ, на которомъ находится надпись изъ корана, составленная изъ глазированныхъ кирпичей, и ея буквы величиною болѣе двухъ футовъ, поэтому ее можно легко читать изъ большого отдаленія. Возобновленіе Месджиди и Могака, прежняго храма Персовъ, и построеніе Абдуль-Азисомъ ханомъ монастыря на могилѣ Хаджи Бага-эд-дина, въ милѣ разстоянія отъ Бохары. Наконецъ, коллегія Эбусайда въ Самаркандѣ и другая богача Мира Араба въ Бохарѣ, считающаяся и теперь еще наиболѣе одаренною школою средней Азіи.

Какъ маловата и бѣдна представленная нами картина

¹⁾ Это стихотвореніе называютъ Би нокать — безъ точекъ, и замѣчательно, что на Востоку тратятъ время и терпѣніе на то, чтобы цѣлыя книги писать въ такомъ родѣ.

Вамбергъ. Ното риз Бохари. Т. II.

въ сравненіи съ могучимъ духовнымъ полетомъ, благородствомъ и образованностью въ это самое время при Сефидахъ въ Персіи, или сравнительно съ благородными стремленіями другаго государя туранскаго происхожденія, именно Тимурида Экбера Шаха въ Индіи, который, показывая наружное расположение то къ ученію Христа, то къ браминизму, правилъ обширную имперію на Индѣ и Гангѣ ¹⁾ съ блескомъ и величіемъ въ продолженіи пятидесяти лѣтъ!

¹⁾ Экберъ Шахъ, внукъ Бабера, вступившій на престолъ въ 1556 г., четырнадцать лѣтъ отъ роду, очень рано, какъ достаточно доказалъ ученый полковникъ Г. Юль въ своемъ превосходномъ твореніи „Cathay and the way thither“, II т. стр. 531, высказалъ желаніе ближе узнать христіанство. Въ 1578 онъ принималъ португальскаго посла Кабрала изъ Гоа и, услышавши, что именно тогда находился въ Бенгаліи отличный священникъ, послалъ за нимъ и велѣлъ устроить публичное преніе съ могомеданскими моллами. Что онъ будто-бы въ 1590 году издалъ повелѣніе разрушать мечети и минареты, какъ извѣщаютъ іезуиты—это, конечно, вѣдугма; но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что по его собственному желанію явился въ его странѣ отрядъ христіанскихъ миссіонеровъ.

XV.

Первые Аштарханиды.

1006 (1597)—1091 (1680).

Взглядъ назадъ, болѣе чѣмъ за три столѣтія, дастъ намъ нѣкоторыя объясненія касательно происхожденія династїи Аштарханидовъ, которая заняла престолъ въ Трансоксанїи послѣ фамиліи Шейбани и удержалась на немъ почти двѣсти лѣтъ. Только что Эмиръ Тимуръ прогналъ потомковъ Чагатая съ престола въ Самаркандъ и положилъ конецъ монгольскому владычеству, какъ одинъ изъ отпрысковъ дома Джюджи призвалъ его къ монгольскую имперію на Волгѣ для оказанія подобной услуги. Тохтамышъ, въ порывѣ ожесточенной сопернической борьбы съ Урусомъ ханомъ и его сыновьями, навѣрно, не предвидѣлъ опасныхъ послѣдствій этого вспомогательнаго средства. Войска Тимура бились сперва за него, а потомъ противъ него, и конецъ этого былъ тотъ, что Тохтамышъ умерщвленъ¹⁾ послѣ разнообразныхъ превратностей судьбы, потомки Урус-хана потеряли свою власть и почетъ, и члены княжескаго дома Джюджи разсѣялись по всѣмъ направленіямъ

¹⁾ Тохтамышъ, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, былъ умерщвленъ недалеко отъ Сумена въ Сибири, по повелѣнію Шади бега, преемника Кутлука Тимура. Гаммеръ, Исторія Золотой Орды, стр. 366.

послѣ того, какъ внимательство Тимура совершенно расторгло и безъ того слабые узы единства. Къ принципамъ, вслѣдствіе этихъ переворотовъ игравшимъ всемірно-историческую роль во главѣ своихъ ордъ, принадлежитъ Кутлукъ Тимуръ¹⁾, который, какъ союзникъ Самаркандскаго императора, прославился своею побѣдой у Кіева, въ 802 (1399) году, надъ Тохтамышемъ и соединившимся съ нимъ польскимъ войскомъ. Но его потомки позже должны были удалиться въ низовье Волги, въ Ханатъ Астрахань, или Аштарханъ²⁾ и сперва жили здѣсь въ неизвѣстности, а съ теченіемъ времени избраны въ князья номадами той страны. Эта вѣтвь Дженгизидовъ, названная по своему мѣсту жительства Аштарханидами, жила въ тихомъ удаленіи въ продолженіи двухъ вѣковъ, пока, наконецъ, несогласіе, вѣроятно же возраставшая власть русскаго великаго княжества не принудила ихъ искать себѣ новой родины, и Яръ Мегеммедъ ханъ³⁾, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ

¹⁾ Въ вспомогательныхъ источникахъ, находящихся у меня подъ рукою, даннаго касательно его происхожденія различаются между собою слѣдующимъ образомъ: у автора Тарихи Мекима хана генеология его такова—Дженгазъ, Джюджи, Урусъ, Буга султанъ и Кутлукъ Тимуръ; у Абулгаши (стр. 100) мы читаемъ Дженгазъ, Джюджи, Токай Тимуръ, Узъ Тимуръ, Абай, Турганъ и Кутлукъ Тимуръ, между тѣмъ какъ Гаммеръ въ родословной таблицѣ улуса Джюджи, гдѣ упоминаются потомки 14 сыновей этого послѣдняго, до такой степени уклоняется отъ обоихъ, что у него даже вовсе нельзя узнать настоящаго происхожденія Кутлука Тимура.

²⁾ По нижесказанному способу изображенія этого слова, можно Астрахань производить отъ Ашдаръ (آشدر) ханъ, что указывало бы на персидское происхожденіе, но правильность стариннаго произношенія отъ Гади тархана еще болѣе выяснится, если мы замѣтимъ, что средне-азиатскія рукописи всегда пишутъ это слово съ *шизъ* и *те*.

³⁾ И насчетъ происхожденія Яра Мегеммеда хана оказывается существенная разница между авторомъ Тарихи Мекимъ хана и Абулгаши. Первый пишетъ Кутлукъ Тимуръ, Багадиръ ханъ, Мегеммедъ ханъ, Гавакъ, Нангиланъ (вмѣсто Мангиллакъ) и Яръ Мегеммедъ; послѣдній же—и его указаніе, вѣроятно, правильное—пишетъ: Кутлукъ Тимуръ, Али Тимуръ, Тимуръ Кутлукъ, Тимуръ султанъ, Мегеммедъ ханъ, Джуралъ, Мангиллакъ Мегеммедъ султанъ и Джавъ, правильнѣе Джани султанъ, но между обоими послѣдними пропущенъ Яръ Мегеммедъ ханъ.

Джани ханомъ, переселился въ Трансоксанію. Шейбанидъ Искандеръ ханъ, правившій въ это время въ Самаркандѣ, принялъ бѣглецовъ весьма дружески. Шейбаниды всегда гордились своимъ происхожденіемъ отъ Дженгиза, и, чтобъ въ полной мѣрѣ выказать гостепріимство иноземному родственнику, Искандеръ отдалъ Джани хану въ жены дочь свою Зегру Ханымъ, сестру знаменитаго Абдуллаха хана. Яръ Мегеммедъ, названный за свой преклонный возрастъ Кари (старецъ) Яръ Мегеммедъ, умеръ вскорѣ послѣ своего переселенія въ Трансоксанію, но Джани ханъ долго участвовалъ въ войнахъ Абдуллаха, который цѣнилъ услуги своего шурина и поручилъ намѣстничество въ Нишабурѣ старшему изъ своихъ племянниковъ, особенно отличавшемуся въ битвахъ Абдулмумина съ Персами (Джани ханъ имѣлъ трехъ сыновей: Динъ Мегеммеда, Баки Мегеммеда и Вели Мегеммеда).

Когда Абдулмуминъ былъ умерщвленъ при Заминѣ и страна впала въ анархію, то нѣкоторые изъ вліятельныхъ вельможъ предложили корону старому Джани хану. Онъ отвергъ эту честь и сказалъ: «хотя я и Дженгизидъ по происхожденію, но господство въ Трансоксаніи приличнѣе тому, кто вмѣстѣ и родственникъ Шейбанидамъ». Этими словами онъ указывалъ на своихъ сыновей, поэтому старшій изъ нихъ, *Динъ Мегеммедъ*, и былъ провозглашенъ ханомъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія изъ Хоразана, но въ этой провинціи, какъ мы уже показали въ предыдущей главѣ, происходили такіа дѣла, вслѣдствіе которыхъ Динъ Мегеммедъ, при всемъ своемъ желаніи, никакъ не могъ удалиться съ поля дѣятельности. Шахъ Аббасъ, увидѣвъ себя избавленнымъ отъ двухъ самыхъ опасныхъ противниковъ смертью Абдуллаха и Абдулмумина, изгналъ Узбековъ изъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ Хоразана и скоро потомъ въ генеральномъ сраженіи нанесъ имъ страшное пораженіе. Динъ Мегеммедъ ханъ палъ въ этошъ сраженіи, а по другому из-

вѣстію, — во время бѣгства¹⁾); весь его лагерь и сокровища достались въ добычу побѣдителя, и всеобщее смятеніе бѣгущихъ Узбековъ было такъ ужасно, что даже супруга Дина Мегеммеда хана могла быть спасена только самопожертвованіемъ и мужествомъ вѣрнаго слуги, по имени Хаки Ясаула. Онъ послѣшно посадилъ свою государыню на лошадь, обоихъ принцевъ Имажули и Незра Мегеммеда спряталъ въ дорожный мѣшокъ, висѣвшій у сѣдла, и быстро ускакалъ. При этомъ случилось, что ружейная пуля попала въ ту самую часть мѣшка, гдѣ былъ спрятанъ Незръ Мегеммедъ, который и получилъ рану въ ногу и остался на всю жизнь свою хромымъ. — Такимъ образомъ Бохара, вслѣдствіе этой катастрофы, лишилась вновь избраннаго государя, но такъ какъ его братьямъ удалось спастись за Оксъ, то старшій изъ нихъ, именно *Баки Мегеммедъ ханъ* и былъ возведенъ, въ 1007 (1598) году, престолю въ Трансоксаніи, между тѣмъ какъ младшій, Вели Мегеммедъ ханъ, получилъ въ удѣлъ Белхъ и Цисоксанскую область. Только согласію, господствовавшему между обоими братьями, слѣдуетъ приписать то, что отношенія въ при-Окскихъ земляхъ начали проясняться раньше; чѣмъ это можно было предвидѣть, и что страна могла быть спасена отъ раздробленія, которымъ ей грозили отчасти возростающая власть Шаха Аббаса, отчасти непокорные вельможи. Въ Трансоксаніи собственно, вскорѣ по изгнаніи князя Казаковъ, Тѣкеля хана, спокойствіе было восстановлено, но въ Цисоксанской области основатели по-

¹⁾ Раузатъ эсъ сефа рассказываетъ о его смерти предъ Гератомъ съ такою подробностію, что во всемъ этомъ происшествіи едва ли что подлежитъ сомнѣнію; между тѣмъ какъ Тарихи Мекимъ хани повѣствуетъ, какъ Динъ Мегеммедъ, послѣ несчастнаго исхода сраженія, бродилъ между номадами Каран у Андхоя, былъ узанъ по своему княжескому одѣвию и умерщвленъ. но собственную причину этого трудно отыскать, такъ какъ это было смертоубійство Караевъ, за что вслѣдствіи Баки Мегеммедъ ханъ изъ мести предпринялъ походъ противъ нихъ.

вой династїи нашли въ честолюбіи великаго Сефидскаго государя слишкою опаснаго противника. Белхъ съ провинціей Тохаристанъ и пограничнымъ Вѣдахшаномъ, составлявшимъ со временъ Саманидовъ нераздѣльную часть Бохары, имѣлъ въ глазахъ Узбековъ тѣмъ болѣе цѣны, что, во-первыхъ, многіе изъ ихъ соплеменниковъ водворились по сю сторону рѣки, именно въ Кундузѣ, Акче, Шиборганѣ и Андахудѣ¹⁾, и, во-вторыхъ, надо было защищать отъ шїитскаго завоеванія предполагаемый гробъ Али²⁾, этого высокочтимаго святаго могоммеданскаго военнаго міра. Такъ какъ вниманіе Аббаса было обращено въ это время и на внутреннее состояніе имперїи также, какъ и на сѣверо-западные ея границы, то на Белхъ, по взятїи Герата, было произведено съ персидской стороны этотъ разъ только непрямое вліяніе. Мегеммедъ Ибрагимъ, Шейбанидъ по происхожденію и покровительствуемый Шахомъ Аббасомъ, достигшїи обладанія Белхомъ съ персидскою помощью, своевольнымъ поведеніемъ до такой степени возмущилъ Белхянъ, и безъ того сильно склонявшихся къ Ирану, что они, при всемъ своемъ отвращенїи къ узбекскому господству, протянули руку подошедшему Вели Мегеммеду

¹⁾ Это нынѣшнїи Андой или Андхуй. По звукоизмѣненію турецкаго языка перемѣна на концѣ звука *й* въ *т* бываетъ очень часто. Андахудъ или Андахуть — монгольское слово въ значенїи *соединенное счастье*.

²⁾ Исторїя этого предполагаемаго гроба Али, по Тарїхи Сеида Ракима, слѣдующая: во время султана Гусейна Мирзы Байкери одинъ ученый слѣдовалъ открытіе въ историческихъ сочиненїяхъ, что гробъ Али ибнъ Эбу Талиба былъ найденъ въ правленїе Сельджукида Санджара въ деревнѣ Ходжа Хаиранъ, недалеко отъ Белха. Поэтому стали тамъ рыть и дорылись до зданїя, на которомъ была каменная плита съ слѣдующею надписью: „это гробъ Божья Льва, брата пророка, именно Али, Божьяго любимца“. Когда это извѣстіе было принесено названному Тимуриду, то онъ отправился туда въ сопровожденїи огромной свиты и совершилъ въ 885 (1480) первое моленіе набожнаго странника у вновь открытаго гроба. Съ теченїемъ времени тамъ были воздвигнуты великолѣпныя зданїя, отъ которыхъ хотя осталось въ нынѣшнемъ Мезари Шерифъ только мало слѣдовъ, но достовѣрность открытія не подлежитъ у среднеазиатцовъ ни малѣйшему сомнѣнїю.

и дали ему помощь для завоеванія этой «матери городов», какъ былъ называемъ Белхъ. Послѣ взятія цитадели Вели Мегемедомъ, покинутый кліентъ былъ казненъ, и только высшимъ его офицерамъ удалось спастись въ Исфгань, куда они принесли для умилостивленія персидскаго государя тотъ самый алмазь, который въ свое время былъ взятъ изъ гробницы Имама Ризы Абдулмуминоу. Эта драгоценность въ торжественной церемоніи была опять вложена въ сокровищницу Хоразанскаго святаго, Узбеки водворены въ Казвинъ, но Белхъ не подалъ никакого предлога къ дальнѣйшимъ столкновениямъ. Гораздо важнѣе было столкновение съ Персами въ 1011 (1602) году, когда Баки Мегемедъ ханъ, въ отмщеніе за смерть своего брата, убитаго, какъ говорятъ, во время бѣгства, племенемъ Караи, выступилъ въ поле противъ этого племени, жившаго въ Кундузѣ. Караи или Кара-Туркоманы¹⁾ и теперь обитаютъ въ упомянутой части центральной Азіи и, что довольно замѣчательно, живутъ еще и теперь въ постоянной враждѣ съ сосѣдними Узбеками и Туркоманами. Хотя и нельзя безусловно ставить имъ въ вину умерщвление Дина Мегемеда, но ихъ несомнѣнная дружба съ шиитскими Персами была достаточной причиной, чтобъ Баки Мегемедъ ханъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, напалъ на нихъ и велѣлъ безжалостно казнить всѣхъ, доставшихся въ его руки. Часть способныхъ носить оружіе удалилась въ крѣпость Кундузъ и оказала здѣсь упорное сопротивленіе. Только послѣ того, какъ значительная часть стѣны подведенными минами была взорвана на воздухъ съ сотнями осажденныхъ, цитадель можно было взять приступомъ, и ни одинъ изъ плѣнныхъ не оставленъ въ живыхъ. Въ этой войнѣ туркоманское племя Кара до того было ослаблено, что съ того времени уже никогда не могло оправиться.

¹⁾ О Кара Туркоманахъ, по фзiономiи и росту похожихъ всего болѣе на Юмудовъ, см. мое „Путешествіе въ средней Азіи“, стр. 245.

Можно было предвидѣть, что повелитель Бохары этимъ дѣйствиємъ жестокой мести всего болѣе возмутить Шаха Аббаса, который, въ интересъ своихъ союзниковъ, и выступилъ съ войскомъ изъ Мерва противъ Акче, чтобъ сперва наказать Аштарханида въ Белхѣ, а потомъ двинуться чрезъ Оксъ въ Бохару. Войнолюбивое узбекское войско не заставило долго ждать себя. Персы уже дошли до гробницы Бабы Абдала, находящейся вблизи Велха, какъ больше половины ихъ заболѣло отъ эпидеміи, такъ что, когда въ этомъ состояніи на нихъ сдѣлано было нападеніе съ обѣихъ сторонъ, то кровопролитное пораженіе ихъ не замедлило, и Шахъ Аббасъ могъ спастись въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ, и то съ большимъ трудомъ¹⁾.—Это была единственная важная война, которую велъ Баки Мегеммедъ ханъ въ свое правленіе. Возмущеніе его племянника Беди-эз-земана, удалившагося, въ 1011 (1602) году, въ гористый Каратегинъ, окончилось по взятіи укрѣпленнаго мѣста Месджа; также и бунтъ Мегеммеда Земана, бедахшанскаго намѣстника, отецъ котораго велѣлъ казнить мятежнаго Беди-эз-земана, былъ подавленъ въ зародышѣ, и время правленія Баки Мегеммеда хана можно назвать сравнительно спокойнымъ. Онъ занималъ престолъ только семь лѣтъ, потому что заболѣлъ въ 1014 году, и, какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ,—Казакіи посѣтили страну своими набѣгами и произвели страшныя опустошенія. Среди всеобщаго смятенія всѣ взоры устремились на высокочтимаго святаго Шейха Алемъ Азизана, отъ чудотворной силы котораго государь долженъ былъ получить выздоровленіе. Въ этомъ источникѣ божеской учености Бохарцы искали,

¹⁾ Впрочемъ, персидскія хроникі не дѣлаютъ никакой тайны изъ несчастнаго окончанія этого похода. Раузатъ эсъ сефа говоритъ, что необыкновенно сильная жара и жажда до того ослабили персидскую армію, что ей было трудно противостоять номадамъ, внезапно вынырнувшимъ со всѣхъ сторонъ пустыни.

какъ. это и теперь они дѣлають, свѣтской для себя мудрости. Шейхъ предписалъ больному свѣжій воздухъ Окса, и Баки Мегеммедъ ханъ на носилкахъ былъ перенесенъ на лодку и много дней гулялъ по рѣкѣ. Но благочестивый мужъ сдѣлалъ худую діагнозу, потому что пациентъ вскорѣ послѣ того скончался, къ концу реджеба 1014 (1605) года.

Вели Мегеммедъ ханъ, прибывшій изъ Белха, чтобъ навѣстить больнаго брата, наслѣдовалъ ему въ правленіи, разбивъ передъ тѣмъ въ сраженіи при Термезѣ возставшихъ противъ него обоихъ сыновей умершаго брата. Вели Мегеммедъ былъ добродушный князь, по своему характеру; но онъ слишкомъ предавался пьянству и распутству, почему разнузданность и жестокость его чиновниковъ въ самомъ началѣ оттолкнула отъ него всѣхъ. О его визирѣ Шахбергѣ Кѣвелташѣ, котораго онъ оставилъ губернаторомъ въ Белхѣ, рассказываютъ слѣдующее: онъ приказывалъ посредствомъ запряженныхъ быковъ отрывать у преступниковъ голову отъ туловища, или варить ихъ въ горячемъ маслѣ, или же чесалкой шерсти сдирать съ нихъ кожу отъ головы до пятковъ. Подобныя гнусныя дѣла, въ соединеніи съ несправедливою казнью трехъ визирей¹⁾ послѣдняго государя, скоро вызвали противъ себя сильную партію, во главѣ которой стали два вышеупомянутые принца. Она избрала своимъ государемъ *Имамкули хана*, а Вели Мегеммеда хана, охотившагося тогда вокругъ Карши, объявила лишеннымъ престола. Безъ солдатъ и прочихъ вспомогательныхъ средствъ, послѣдній тѣмъ менѣе могъ думать о возвращеніи въ Бохару, что узналъ о вступленіи уже на престолъ своего соперника и о гибели своего визира, ис-

¹⁾ Достумъ Аргувъ, Шахъ Кичикъ и Гаджи Найманъ — такъ называются эти визири — были въ почетѣ еще во время Абдуллаха хана. Въ правленіе Баки Мегеммеда хана они были возведены въ санъ эмира уль-умера (османскій беглербегъ въ пражнемъ значеніи). — По Тарихи Сеида Рахима.

пытавшаго передъ смертью всѣ тѣ мученія, которымъ онъ обыкновенно подвергалъ другихъ. Ему не оставалось ничего другаго, какъ бѣжать въ Персію и искать защиты у Шаха Аббаса, стариннаго врага своей фамиліи. Едва ли слѣдуетъ говорить, что великій Сефидъ старался извлечь какъ можно болѣе пользы изъ этого раздора братьевъ и принялъ бѣгущаго Аштарханида съ величайшимъ расположеніемъ: онъ вышелъ на встрѣчу къ своему гостю за три часа пути отъ Исфгани до Довлетабада и обрадовалъ его братскимъ обниманіемъ; до двадцати тысячъ мушкетеровъ образовали шпалеры по обѣ стороны ихъ пути; всѣ дома и лавки на базарѣ, мимо которыхъ они проѣзжали, были убраны дорогими коврами; поэты праздновали этотъ вѣздъ касидами, — и вовсе неудивительно, если узбекскій князь, при взглядѣ на это великолѣпіе, увидѣлъ предъ собою призракъ возвращеннаго господства. Трудно допустить, чтобы Шахъ Аббасъ особенно желалъ завоеванія и присоединенія Трансоксаніи; но онъ думалъ посредствомъ добраго согласія съ ея повелителемъ защитить такъ часто тревожимую сѣверную границу Ирана и спустя недолго отправилъ назадъ къ Оксу Вели Мегеммеда въ сопровожденіи 80,000 Персовъ ¹⁾. При этомъ случаѣ опять обращаетъ на себя наше вниманіе безграничное вліяніе высшаго духовенства въ Бохарѣ. Въ тяжкихъ болѣзняхъ у него искали медицинской помощи, теперь, при приближеніи опаснаго непріятели, оно должно было оказать стратегическую поддержку. Именно—Имамкули былъ вѣ себя отъ страха, когда узналъ о большомъ числѣ своихъ враговъ, и обратился за совѣтомъ къ потомку Махдума Аазама, Ходжаху Мегеммеду Эмину. Но этого благочестиваго мужа нисколько

¹⁾ Я слѣдую здѣсь показанію Тарихи Мекима Хани, хотя это число мнѣ кажется преувеличеннымъ. Раузаъ эсъ сефа заставляетъ Вели Мегеммеда опять достигнуть обладанія Бохарой, но умалчиваетъ какъ о числѣ персидскаго войска, такъ и о пораженіи защитника, Шаха Аббаса.

не смущает ничтожное число воиновъ, находившихся въ распоряженіи Имамкули. Въ порывѣ священнаго увлеченія, онъ самъ принимаетъ участіе въ битвѣ, вѣшаетъ на свое священническое платье лукъ и колчанъ, пускаетъ первую стрѣлу и, бросивъ горсть пыли на непріателя, отчего все покрылось мракомъ, даетъ знакъ къ общей атакѣ. Завязался дикій бой и, какъ рассказываетъ мой историческій авторитетъ, Тарихи Мекимъ хани, со всею важною, этотъ мракъ окружилъ сражающихся Узбековъ точно стѣною и лишилъ непріательскій лагерь при озерѣ Маганъ всякой возможности защищать себя. Что касается историческаго хода этой войны, то Имамкули въ началѣ отъ страха оставилъ непріателю столицу, но въ сраженіи, происходившемъ на названномъ мѣстѣ ¹⁾ въ началѣ реджеба 1020 (1611) года, побѣда осталась на его сторонѣ. Вели Мегеммедъ живой достался въ его руки и, по приказанію восторженнаго Шейха, былъ тотчасъ обезглавленъ, послѣ шестилѣтняго правленія.

Послѣ этого наступилъ длинный періодъ спокойствія и мирной жизни между Персією и Трансоксанією. Шахъ Аббасъ блистательнымъ успѣхомъ своего оружія противъ Порты внушилъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ, слѣдовательно и Узбекамъ, такое почтеніе къ себѣ, что даже обыкновенные небольшіе хищническіе набѣги прекратились на долгое время, да и кромѣ этого Туркоманы, уже образовавшіе въ это время, такъ сказать, кордонъ отъ пустынной страны при Андохъ и до восточнаго берега Каспійскаго моря, вдоль всего сѣвера Ирана, были или на жалованьи у Шаха, или его союзниками. Только одинъ небольшой военный походъ предпри-

¹⁾ Разуать эсь сефа говорятъ о берегѣ рѣки (рудъ), на которомъ стояло лагерьмъ персидское войско. О большомъ рѣшительномъ сраженіи все не упоминается. И въ опредѣленіи времени есть существенная разница, потому что персидскій историческій источникъ называетъ 11-е могаррема днемъ, въ который начались битвы.

няль Имамкули противъ разбойническихъ Казаковъ и Балмыковъ на сѣверѣ Туркестана, и мы здѣсь упомянемъ о немъ, ради замѣчательнаго обстоятельства, такъ ясно представляющаго на видъ мусульманское лицемеріе. Именно—большая орда названныхъ номадовъ въ 1021 (1612) году прорвалась до Самарканда, все грабя и опустошая, и получила за то отъ Имамкули достойное наказаніе. Для предотвращения подобныхъ бѣдствій, онъ передалъ пограничный городъ Ташкендъ, имѣвшій, кажется, и свою долю въ грабежѣ, собственному сыну своему Искендеру, который, впрочемъ, оставался тамъ весьма недолго и былъ убитъ мятежными жителями во время бунта. Тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти своего дитяти, взбѣшенный Имамкули бросается въ Ташкендъ и клянется до тѣхъ поръ не останавливать своего мщенія, пока кровь ташкендскихъ бунтовщиковъ не будетъ доходить до стремени его лошади. Но Ташкендъ былъ укрѣпленный городъ, и потому имъ можно было овладѣть только послѣ продолжительной войны. Наконецъ, крѣпость таки была взята. Теперь послѣдовало ужасное избіеніе, отъ котораго остались только старики и дѣти, но Имамкули, вспомнивъ свою клятву, увидѣлъ, что потоки крови доходятъ только до лодыжекъ его лошади, поэтому и хотѣлъ, во избѣжаніе клятвопреступленія, дать приказъ перебить и остальныхъ. Къ счастью, улема придумали средство. Чтобы избавить своего *благочестиваго* государя отъ нарушенія клятвы, а дѣтей и стариковъ отъ дубины палача, была вырыта яма, спущена въ нее кровь убитыхъ, и Имамкули потомъ въѣхалъ въ нее; кровь доходила до стремени, и совѣстливое его величество приказалъ прекратить убійства.

И не замѣчательно ли послѣ этого, что, несмотря на всѣ эти превратныя понятія о нравственности, религіи и гуманности, Имамкули именно и былъ единственный князь Трансоксаніи, который безъ завоеваній и войнъ сдѣлалъ

свою страну, счастливою; богатою и цвѣтущею! Онъ изображается какъ истый первообразъ могоммеданскихъ государей, который могъ доставить закону Божию уваженіе въ самой полной мѣрѣ, при 38 лѣтнемъ правленіи котораго общественныя дороги пользовались величайшей безопасностью, который чувствовалъ себя лучше всего въ обществѣ благочестивыхъ и поэтовъ-литераторовъ и который, часто мѣняя княжескую одежду на платье дервиша, бродилъ по городу въ сопровожденіи своего визиря Незра Диванбеги и своего любимца Абдулваси, чтобъ все разузнавать. Изъ ученыхъ того времени онъ имѣлъ самыя частыя сношенія съ моллою Юсуфомъ Карабаги, а между поэтами цѣнилъ особенно высоко моллу Тураби и моллу Нахли, за касиду котораго онъ однажды велѣлъ заплатить золотомъ по вѣсу. Отъ него самого осталось много удачныхъ стихотвореній, а изъ его многихъ похожденій-инкогнито стоитъ сообщить слѣдующее: молодой молла изъ одной коллегіи былъ до безумія влюбленъ въ очаровательное существо, но онъ былъ бѣдѣнъ, а предметъ его любви требовалъ отъ него осязательнаго доказательства его пламени—новаго платья къ предстоящему празднику; страданіе и уныніе моллы не знали границъ, и въ этомъ его отчаяніи отъ бѣдности, могоммеданскій принципъ: „имущество невѣрующихъ принадлежитъ правовѣрнымъ“¹⁾ навелъ его на мысль пробраться ночью въ лавку индѣйскаго ювелира и добыть тамъ весьма необходимыя для него средства. Сказано—сдѣлано. Молла отправляется въ сопровожденіи двухъ вѣрныхъ служителей на базаръ, пробирается чрезъ слабо запертую, вслѣдствіе прославленной безопасности, дверь въ лавку, и уже онъ былъ на улицѣ съ драгоценнымъ ящикомъ, какъ пробу-

¹⁾ „Малъ и Киафиринъ хестъ беръ и'умининъ гелалъ“, гласитъ эта поговорка по персидски и часто приводится въ исполненіе, хотя коранъ объявляетъ неприкосновеннымъ добро податныхъ невѣрныхъ.

дившіяся Индусъ поднялъ тревогу и схватилъ моллу за воротъ въ ту самую минуту, когда прибѣжала сюда патрульный сторожъ съ факеломъ въ рукѣ. Молла быстро вышибъ у него факель изъ руки и, пользуясь темнотою, сказалъ: «Ахъ, Незръ Диванбеги, ты сѣигралъ худую шутку». На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Ваше величество, это былъ не я, а Абдулваси Курджи». Такъ какъ инкогнито Имамкули въ сопровожденіи названныхъ лицъ не было тайной, то испугавшіяся сторожъ думалъ, что онъ испортилъ шутку своему государю и опрометью бросился бѣжать. Что затѣлъ послѣдовало, легко отгадать. Обворованный Гинду принесъ суду князя жалобу на забвеніе сторожемъ своей обязанности, но дѣло скоро разъяснилось, и когда молла, исполняя судебный приговоръ—возвратить похищенное, предсталъ предъ князя, то и былъ еще награжденъ подаркомъ и отпущенъ въ милости.

За недостаткомъ политическихъ событій, историографъ Аштарханидовъ украшаетъ время правленія Имамкули подобными эпизодами и исторіями; и мы не можемъ не сообщить читателю нѣкоторыхъ изъ нихъ, потому что въ нихъ такъ ясно отражается духъ времени тогдашней средней Азии. Въ нихъ, между прочимъ, сообщается много интереснаго о дипломатическихъ сношеніяхъ между Монгольской Имперіей въ Индіи и Бохарскимъ Ханствомъ. Имамкули, по возвращеніи изъ Ташкенда, отправилъ посольство къ Джигангиру, императору Индіи, для официальнаго извѣщенія его о своемъ возшествіи на престолъ. Потомокъ Бабера, соединившій тогда уже всю сѣверную половину индѣйскаго полуострова подъ своимъ скипетромъ, принялъ посланника своего узбекскаго державнаго брата весьма милостиво, даже сдѣлалъ нѣсколько шуточныхъ замѣчаній, и такъ какъ Джигангиръ, по значенію слова *Всемирный завоеватель*, тогда томился въ оковахъ у своей очаровательной супруги Нурджиганъ (свѣтъ міра) и думалъ только объ амурѣ, то и нѣсколько

не задумался освѣдомиться о красавицахъ Имамкули. Посланникъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ этою нескромностью ¹⁾, наиболѣе нарушающею могаммеданскія приличія, и возразилъ: „мой государь свободенъ отъ земныхъ страстей и никогда не думаетъ о свѣтскихъ предметахъ.“ На это Джигангиръ улыбнулся и замѣтилъ: „такъ гдѣ же твой государь видѣлъ свѣтъ, чтобъ получить къ нему отвращеніе?“ Этотъ разговоръ былъ вѣрно переданъ возвратившимся посланникомъ, и Имамкули почувствовалъ себя этимъ оскорбленнымъ. Черезъ нѣсколько времени Джигангиръ, въ отвѣтъ на вѣжливость, отправилъ въ Бохару, въ качествѣ посланника, весьма ловкаго врача. Между многими дорогими подарками, привезенными этимъ послѣднимъ, находилась яркочерная, усѣянная алмазами и другими драгоценными каменьями палатка, стоявшая по оцѣнкѣ годовой подати Гиндустана. И все же Имамкули, помня оскорбленіе, заставилъ индѣйскаго посланника ждать аудіенціи шесть мѣсяцевъ. Напрасно старался Диванбеги ходатайствовать въ пользу посланника, Имамкули твердилъ все одно и то же: „если я приму подарки, то буду обязанъ благодарить; если же я этого не сдѣлаю, то самъ нарушу этикетъ; поэтому лучше вовсе не принимать его.“ Но Диванбеги снова упрашиваетъ своего государя, который, наконецъ, обѣщаетъ дать столь желанную аудіенцію при какойнибудь случайной встрѣчѣ, напр., на охотѣ. Хитрый врачъ тотчасъ разбиваетъ въ районѣ охоты великолѣпную палатку, ставитъ въ нее привезенные подарки, и однакожь, Имамкули, проѣзжая мимо нея, нарочно отворачивается въ сторону, будто бы разговаривая съ однимъ изъ своей свиты. — „О! по-

¹⁾ Въ глазахъ могаммеданина ничего не можетъ быть срамнѣе, какъ если кто, находящійся съ нимъ не въ особенно дружескихъ отношеніяхъ, освѣдомится о здоровьи его жены. При этомъ противно приличіямъ употреблять слово супруга или жена; говорятъ всегда *теом*, твои домашніе, твоя челядь и т. п.

воротный пунктъ челоѣчества,"¹⁾ говорить докторъ, „взгляни хоть разъ по этому направленію!“ Даже и теперь Имамкули бросилъ только бѣглый взглядъ на подарки и, обратившись къ Региму Перванеджи, сказалъ: „возьми это все, я дарю тебѣ его.“ Посланникъ былъ изумленъ, но такъ какъ онъ еще оставилъ у себя превосходный мечъ, то и просилъ на слѣдующій день аудіэнціи, чтобы представить его. Она была ему дана, и онъ сказалъ: „отъ Экбера Шаха остались два рѣдкіе меча, одинъ изъ нихъ мой императоръ сохранилъ для себя, а другой посылаетъ теперь тебѣ, своему брату, въ знакъ дружбы.“ Этого подарка узбекскій князь не могъ не принять, но когда онъ хотѣлъ вынуть мечъ изъ ноженъ и мечъ сначала не выходилъ, то Имамкули, намекая на попытку Джигангира завоевать Бедахшанъ, но неудавшуюся, замѣтилъ: „да, ваши мечи трудно выходятъ изъ ноженъ.“—„Только этотъ одинъ“, возразилъ находчивый посланникъ, „потому что это мирный мечъ. Если-бы это было военное оружіе, то онъ выходилъ-бы легче.“ Отъ этого посла, котораго потомъ полюбилъ Имамкули и милостиво отпустилъ, сохранилось еще слѣдующее остроумное замѣчаніе. Однажды при дворѣ бохарскаго князя состязались въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ оба поэта Нахли (пальмовый) и Тураби (земляной, земной); умнаго доктора спросили, кому онъ отдастъ-бы преимущество, и онъ отвѣчалъ: „о, государь! изъ *земли* вырастаетъ *пальма*.“ Вслѣдствіе этого сужденія, съ послѣднимъ изъ названныхъ поэтовъ (Тураби) и стали съ того времени обходиться съ ббльшимъ отличіемъ. Посольство Джигангира возвратилось въ 1036 (1626) году. Спустя годъ, этотъ государь скончался, и престолъ его на-

¹⁾ Нижшняго государя Персіи подданные его такъ привѣтствуютъ: Киблек Алемъ-поворотный пунктъ міра. Государи Бохары были, значить, высшаго полета, потому что ихъ называли поворотнымъ пунктомъ *человѣчества* (Кибле-и-Алеміанъ).

слѣдовалъ его сынъ Шах-Джиганъ, который захотѣлъ удовлетворить Белхомъ свою страсть къ завоеваніямъ, но Имамбули вышелъ противъ него хорошо вооруженный, и тотъ скоро раскаялся въ своемъ дѣйствіи и объявилъ Дадхаху ¹⁾ Гаджи Мансору, посланному къ нему со стороны Бохары для мирнаго улаженія спора, будто-бы его намѣреніе было не воевать, а устроить большую охоту.

И такъ Имамбули могъ еще долго сохранять миръ, такъ боязливо имъ оберегаемый. Добрымъ согласіемъ съ Персією, только на короткое время ²⁾ нарушеннымъ по смерти Аббаса великаго, онъ былъ обязанъ своему брату Незру Мегеммеду хану, намѣстнику Белха, занявшему было враждебное положеніе по отношенію къ Ирану и Шаху Аббасу, вслѣдствіе кровнаго родства своего съ главнымъ святымъ Хоразана; но потомъ онъ обмѣнялся съ Шахомъ дружественными посольствами и въ 1031 (1621) году представилъ ему чрезъ своего посла Паънде Мирзу 50 туркестанскихъ лошадей вмѣстѣ со многими другими подарками. Какъ Незръ Мегеммедъ породнился съ Имамомъ Ризой, объясняютъ слѣдующимъ образомъ: когда Абдумунинъ взялъ Мешгедъ и велѣлъ все тамъ истреблять, въ то время Абуталибъ, глава потомковъ Имама Ризы, бросился къ вѣдвшему по городу Дину Мегеммеду и умолялъ его, по крайней мѣрѣ, пощадить его семью и принять отъ него угощеніе. Динъ Мегеммедъ завернулъ къ нему, женился на Зегрѣ Бану Бегумѣ ³⁾, дочери Шейха, и отъ этого

¹⁾ Дадха—отъ кого требуютъ справедливости, значитъ—судья, былъ титулъ прежнихъ вице-намѣстниковъ въ центральной Азій; теперь ихъ встрѣчаемъ этотъ санъ только въ Ховандѣ и въ восточномъ Туркестанѣ.

²⁾ Это было въ правленіе Шаха Сефи. Именно, когда въ Мервѣ, вслѣдствіе громаднаго числа казней, сдѣлалась тревога, и авторитетъ Персін былъ подорванъ, то Имамбули послалъ въ Мервъ 15,000 человекъ изъ Бохары и Незръ Мегеммедъ ханъ 20,000 изъ Белха подъ предводительствомъ своего сына Абдулазиса. Они долгое время осаждали этотъ городъ, но когда прибавилась къ нему большая персидская армія, то Узбеки и отступили.

³⁾ Эта дама, о которой рассказываютъ, что она спаслась съ обонимъ

брака произошелъ Незръ Мегеммедъ, значить, по рожденію Сеидъ и даже Алидъ. Это преимущество рожденія, въ глазахъ строго религіозныхъ среднеазиатцевъ немалое преимущество, не нарушило однакожь согласія между братьями, и ничто не доказываетъ ихъ взаимнаго уваженія въ такой мѣрѣ, какъ пріемъ, оказанный Имамкули Незромъ Мегеммедомъ, когда тотъ, для предупрежденія нападенія Шах-Джигана, явился въ Белхъ во главѣ своей арміи. Незръ Мегеммедъ, съ *двѣнадцатью* сыновьями своими, пѣшкомъ вышелъ на встрѣчу своему государю за полмили отъ города, и, не взирая на замѣчаніе послѣдняго: „ты сеидъ и высокочтимый, тебѣ неприлично ходить пѣшкомъ“, его вѣрноподданническая покорность не имѣла границъ, и даже въ Белхѣ, гдѣ въ то время были собраны всѣ сановники Трансоксаніи, онъ велѣлъ представить обычныхъ *девять даровъ* и себя самого присоединилъ къ осьми рабамъ ¹⁾. По возвращеніи въ Бохару, Имамкули прожилъ еще много лѣтъ въ ненарушимомъ мирѣ и благополучіи, такъ что время его правленія сравнивается среднеазиатцами только съ эпохою султана Гусейна Мирзы Байкары въ Гератѣ. Наконецъ, въ 1050 (1640) году онъ заболѣлъ и, желая,

своими сыновьями изъ несчастной битвы, должно бытъ возвратилась по смерти своего супруга изъ Бохары въ Персію, такъ какъ мы знаемъ, что она позже, по приказанію Шаха Аббаса, сдѣлалась женою Миграба хана, Каджарскаго главы, и отъ этого брака произошелъ Муртеза Кули ханъ, намѣстникъ Мешгеда. Во время упомянутой въ предъидущемъ примѣчаніи осады послѣдній, при своей отважной попыткѣ выручить Мервъ, былъ схваченъ Узбеками и перевезенъ въ Бохару. Имамкули привалъ его какъ сведенаго брата съ особеннымъ отличіемъ и возвратилъ ему свободу. Это родственное отношеніе Аштарханидовъ съ турецкимъ домомъ Каджаровъ и теперь безсозвѣстно, хотя нынѣшняя владѣтельная фамилія Бохары происходитъ отъ первыхъ только по матери.

¹⁾ Онъ сдѣлалъ это съ обычной фразой: „Бу Сикизъ Кулъ Незръ Мегеммедъ биле тогузъ-адъсь восемь рабовъ, съ Незромъ Мегеммедомъ девять“. Это выраженіе вѣжливости употребительно у турецкихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ, слѣд. вовсе не изобрѣтеніе Ибрагима султана изъ Грузіи, который исполнилъ этотъ церемоніалъ предъ Тимуромъ, какъ разсказываетъ Шереф-эд-динъ въ жизнеописаніи хромого всемірнаго завоевателя.

какъ благочестивый мусульманинъ, окончить послѣдніе часы своей жизни вблизи отъ мѣста упокоенія пророка ¹⁾, велѣлъ призвать изъ Белха брата, передалъ ему свой скипетръ, а самъ взялъ посохъ пилигрима. Еще одну пятницу онъ пробылъ въ Бохарѣ, и когда въ его присутствіи въ большой мечети первый разъ была прочитана хутбе на имя Незра Мегеммеда хана, то всѣ заплакали горькими слезами. Онъ скоро однакожь оставилъ свою столицу, свою землю, свой народъ, имъ излюбленный и въ самомъ дѣлѣ осчастливленный, и направилъ свой путь чрезъ Иранъ въ Мекку. Въ путешествіи онъ былъ принятъ государемъ Персіи съ царскими почестями, и въ Мединѣ, гдѣ изъ его учрежденій и теперь еще существуютъ общественный садъ и бани, онъ умеръ на 62-мъ году своей жизни.

Этотъ замѣчательный князь еще былъ живъ и занимался богоугодными дѣлами въ священномъ городѣ ислама, а зданіе мира, воздвигнутое его правленіемъ, разрушилось, и революція, война и кровавыя распри братьевъ заступили его мѣсто. *Незръ Мегеммедъ ханъ*, вскорѣ по восшествіи на престолъ въ 1052 (1642) году, могъ замѣтить, что онъ наследовалъ власть, но не почетъ своего брата. Онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ щедростью, такъ какъ располагалъ громаднымъ состояніемъ, считался даже богатѣйшимъ принцемъ между Шейбанидами и Аштарханидами. Для перевозки своихъ сокровищъ онъ употреблялъ 600 сворь ²⁾ верблюдовъ. Въ его конюшняхъ находилось 8000 лошадей, не говоря уже о его многочисленныхъ конскихъ заводахъ. Онъ имѣлъ 80,000 овецъ, приносявшихъ голу-

¹⁾ Мудшавиръ болмакъ—быть въ сосѣдствѣ (пророка), считается и нынѣшними среднеазіатцами за самое богоугодное дѣло, и счастливъ тотъ, кто можетъ его исполнить.

²⁾ Катаръ турецкое слово, употребляемое въ Персіи для обозначенія цуга вьючныхъ животныхъ. Въ средней Азіи подъ этимъ словомъ разумѣютъ отъ 6 до 100 верблюдовъ, связанныхъ въ рядъ другъ за другомъ. Англійское, *astring of camels*“ всего лучше передаетъ смыслъ этого слова.

быхъ (кебудъ?) агнать, и 400 полныхъ сундуковъ французскаго бархата оранжеваго цвѣта. Но все это мало содѣйствовало упроченію его власти. Онъ самъ нарушилъ миръ Овскихъ земель тѣмъ, что, по смерти Исфендіяра хана, повелителя Харезма, послалъ армию для завоеванія той страны. Вскорѣ потомъ какой-то Баки Юзъ (?) на сѣверѣ его имперіи поднялъ знамя бунта, и когда онъ отправилъ своего собственного сына Абдулазиса для усмиренія возмущившейся провинціи, то это же самое нѣжное дѣтище стало дѣйствовать за одно съ бунтовщиками и позволило имъ провозгласить его государемъ на мѣсто отца. Незрѣ Мегеммедъ находился въ Карши, когда ему была принесена вѣсть объ этомъ нелюбезномъ поступкѣ, съ прибавленіемъ, что его мятежный сынъ уже идетъ на Бохару. Зная хорошо энергію этого послѣдняго, онъ думалъ, по крайней мѣрѣ, спасти Цисовсанскую часть своей имперіи; поэтому поспѣшно удаляется, послѣ пятилѣтняго только правленія, въ Белхъ, гдѣ находитъ хорошій приемъ у обывателей и слѣдующимъ образомъ раздѣляетъ государство между сыновьями, оставшимися ему вѣрными: Хосру султанъ получаетъ Гуръ и его сынъ Казимъ султанъ — Меймене и Андхой; Беграмъ султанъ назначается въ Гулабъ, Субгангули въ Салу Чигарбекъ (нынѣшній перевозъ чрезъ Оксъ, Ходжа Салу), а Кутлукъ султанъ въ Кундузъ. Тѣмъ временемъ *Абдулазисъ ханъ* вступилъ на престолъ въ Бохарѣ. Не довольствуясь своимъ преступнымъ дѣяніемъ, онъ задумалъ самаго способнаго изъ своихъ братьевъ перетянуть на свою сторону какъ сообщника; для этого въ письмѣ къ отцу, исполненномъ раскаянія, онъ умолялъ о прощеніи ¹⁾ и для дальнѣйшихъ объясненій просилъ прислать къ нему въ Бохару брата

¹⁾ Авторъ Тарихи Мекимъ хани довольно наивно увѣряетъ читателя, будто-бы Абдулазисъ только насиліемъ былъ доведенъ до возмущенія противъ своего отца. Онъ говоритъ, что ему грозилъ даже смертью въ случаѣ отказа.

Бутлука султана. Незръ Мегеммедъ исполняетъ его просьбу; но едва только Бутлукъ прибылъ въ Бохару, какъ Абдулазисъ и его возбудилъ къ возстанію. Теперь къ Бутлуку былъ отправленъ Субганкули съ обѣщаніемъ получить отъ отца санъ Кале'хани (коменданта крѣпости) въ награду, если ему удастся уговорить брата. Такъ какъ Бутлукъ не былъ готовъ къ войнѣ, то и удалился въ крѣпость Кундузь. Субганкули тѣсно обложилъ крѣпость, взялъ ее и казнилъ своего собственного брата, чтобъ вполне усмирить его. Этотъ поступокъ, разумѣется, возмутилъ душу отца, который, порицая его, такъ говорилъ Субганкули: „я послалъ тебя наказать, а не умертвить брата“, и такъ какъ онъ медлилъ исполненіемъ своего обѣщанія на счетъ награды, то и третій сынъ возсталъ противъ него. Несчастный Незръ Мегеммедъ ханъ, утомленный вѣчными раздорами съ своими непокорными дѣтьми и доведенный до отчаянія невѣрностью своихъ Узбековъ, обратился за помощью въ Индію къ Шаху-Джигану, не сообразивъ того, что властолюбивый сынъ Джигангира, уже давно направлявшій свои жадные взоры на Белхъ, принесетъ ему вмѣсто спасенія окончательную гибель. Такъ и случилось. Ауренгзибъ и Мурадъ Бахши, оба сына Шах-Джигана, явились съ сильною арміею. Хосру султанъ, оказывавшій сопротивленіе, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Индію, а Незръ Мегеммедъ, только тогда увидѣвшій злое намѣреніе своихъ помощниковъ, когда они уже были близко Белха, могъ, и то съ большою опасностью жизни и даже встрѣтивъ непріязнь въ своихъ собственныхъ Узбекахъ, спастись чрезъ Шиборганъ и Мервъ въ Иранъ, гдѣ надѣялся найти дружескій приемъ у Аббаса II, правнука Аббаса великаго.

Въ этомъ и не ошибся Незръ Мегеммедъ ханъ. Когда узнали въ Исфагани о его приближеніи и о его положеніи, то Аббасъ II, вмѣстѣ съ приглашеніемъ прибыть въ столицу, послалъ ему тысячу дукатовъ на путевныя издержки

и далъ повелѣніе вездѣ на дорогѣ оказывать ему царскія почести. Почетный караулъ былъ выставленъ на разстояніи трехъ миль отъ воротъ Исфагани, и самъ Шахъ, окруженный первыми сановниками, выѣхалъ на встрѣчу къ гостю за два часа пути, заключилъ его дружески въ свои объятія¹⁾, предложилъ ему отличную лошадь вмѣсто исхудалой его клячи, и, послѣ вѣзда ихъ въ городъ, празднества и иллюминаціи слѣдовали безъ конца.—Чтобъ усладить жизнь своего гостя въ будущемъ, Аббасъ II, послѣ двухъ съ половиною лѣтъ его пребыванія въ Персіи, отправилъ его назадъ въ его землю въ сопровожденіи арміи, которая помогла ему опять овладѣть Белхомъ, но этотъ край до такой степени былъ разоренъ хозяйничаньемъ Индусовъ и войною съ ними Абдулазиса, что Незръ Мегеммедъ ханъ вмѣсто трона опять попалъ на шпы. Въ Белхѣ свирѣпствовалъ такой голодъ, что за мѣру хлѣба, составлявшую грузъ осла, платили тысячу гульденовъ²⁾ и приэтомъ, зимою 1060 (1650) года, наступили жестокіе холода, никогда небывалые прежде. Отъ нихъ-то страшно потерпѣли Индусы, на возвратномъ пути своемъ преслѣдуемые узбекскими войсками. Тысячи ихъ замерзали въ горныхъ ущельяхъ, и авторъ Тарихи Мекимъ хани рассказываетъ, что онъ видѣлъ цѣлыя груды человѣческихъ костей вдоль пути, по которому спустя годъ ѣхалъ въ Индію въ качествѣ дипломатическаго агента (Вакаанигіаръ)³⁾.—Но и помимо бѣдствій безъ конца, вездѣ встрѣченныхъ, Незръ Мегеммедъ ханъ испыталъ отъ своихъ сыновей еще большую прежней ненависть и открытую вражду. Долго обитатели Белха были

¹⁾ Въ одномъ среднеазиатскомъ историческомъ источникѣ говорится, что Аббасъ II не ездѣлъ въ платьѣ простаго солдата и, чтобы оказать особенную честь своему гостю, долгое время шелъ пѣшкомъ у стремена Незра Мегеммеда хана. Только когда обратили вниманіе послѣдняго на это, онъ узналъ своего царственнаго брата и обіялъ его.

²⁾ Въ текстѣ рубія, англійская рупія, стоящая австрійскій гульденъ.

³⁾ Вакаанигіаръ-это разсматриваетъ происшествіе, титулъ тайнаго агента, для отличія отъ Вакаанузиса-кто описываетъ происшествія, рашпортёръ.

на его сторонѣ, но вѣчные раздоры и ихъ утомили, и когда Абдулазизъ послалъ своего брата Субганкули съ большимъ отрядомъ войска противъ отца, то всѣ пристали къ партіи повелителя Бохары, и Незръ Мегеммедъ рѣшился наконецъ уступить поле своимъ дѣтямъ и отправиться въ Медину, чтобъ окончить въ мирѣ послѣдніе дни свои. Онъ хотѣлъ примириться съ своими дѣтьми и благословить ихъ на прощаньи, но Субганкули отвергъ это послѣднее изліяніе родительскихъ чувствъ, и такъ Незръ въ уныніи, съ разбитымъ сердцемъ, началъ свое набожное странствованіе. Однакожъ, счастье не было ему такъ благоприятно, какъ его брату: онъ умеръ на дорогѣ въ Симнанѣ, и только его браннымъ останкамъ довелось коснуться священной почвы Аравіи.

Когда извѣстіе о его смерти дошло до Трансовсаніи, то его сыновья наложили общенародный трауръ, роздали благочестивыя подаванія для спасенія его души и велѣли читальщикамъ корана день и ночь читать на распѣвъ эту священную книгу—точно они потеряли искренно любимого отца, а не постоянно ненавидимаго соперника. Впрочемъ, со смертью Незра Мегеммеда хана еще долго не исчезалъ духъ раздора въ средѣ его фамиліи: еще до истеченія опредѣленнаго закономъ срока траура, Абдулазизъ, опасаясь соперничества Субганкули, желалъ отнять у него Белхъ и для этой цѣли отправилъ за Оксъ своего брата, Казима Мегеммеда султана, во главѣ арміи. Но съ Субганкули не такъ легко было справиться и тѣмъ менѣе могъ посчитаться съ нимъ такой противникъ, какъ поэтически настроенный Казимъ Мегеммедъ султанъ. Послѣ долгихъ, но безплодныхъ усилій онъ долженъ былъ отступить въ Гиссаръ, и миръ былъ заключенъ только подъ условіемъ, что Субганкули будетъ объявленъ законнымъ наследникомъ престола. Казимъ и Субганкули непрерывно обмѣнивались дружественными посольствами, и когда однажды многіе прибыли къ

первому отъ Субганкули, то онъ, подъ предлогомъ сообщенія тайны, подвергся нападенію въ боковой покоѣ и умерщвленъ. Историкъ Аштарханидовъ рассказываетъ, что въ лицѣ Казима умеръ раннею смертью самый образованный принцъ этой фамилии. Онъ оставилъ Диванъ болѣе чѣмъ изъ тысячи двустипій на турецкомъ и персидскомъ языкахъ и при этомъ былъ мастеръ и въ прозѣ. Отдѣлавшись отъ этого значительнаго соперника, Субганкули продолжалъ быть съ Абдулазизомъ на дружеской ногѣ, даже поддерживалъ его, когда этотъ вель войну съ Харезмомъ и западной части Бохары серьезно угрожали Узбеки изъ низовья Окса.

Въ Харезмъ въ то время господствовали Абулгази Багадуръ ханъ, котораго разнообразныя походы очень напоминаютъ Бабера и которому Хивинское Ханство обязано своею независимостью, а миръ — историческимъ твореніемъ подъ заглавіемъ: „Генеалогія Турокъ“. Проникнутый до глубины души ненавистью къ государямъ Трансоксоніи, въ особенности къ Абдуллаху хану, варварски поступившему съ его предками, онъ уже въ ранней молодости своей поставилъ высшею цѣлью для себя погибель чужеземныхъ владѣтелей, и изгнаніе Бохарцевъ изъ низовья Окса — единственное и исключительно ему принадлежащее дѣло. Его собственное появленіе въ исторіи относится къ 1054 (1646) году, именно когда онъ, по отозваніи Казима Мегеммеда Султана съ поста намістника Хивы, овладѣлъ этимъ городомъ. Первые его войны были направлены то противъ Туреомановъ внутри Харезма, то противъ хищническихъ набѣговъ Калмыковъ, на Бохару же наступать онъ началъ только тогда, когда Субганкули обратился къ нему за поддержкой въ войнѣ съ Абдулазизомъ ханомъ. Хотя между братьями скоро былъ восстановленъ миръ, но Абулгази, разъ напавши на Кѣкюртликъ ¹⁾, принадлежавшій къ территоріи Бохары,

¹⁾ Кѣкюртликъ называется то мѣсто въ пустынѣ на правомъ берегу Окса, которое считается границею между Бохарой и Хивой.

уже не хотѣлъ удерживаться отъ давножеланной мести и распространилъ свои набѣги до города Каракѣля, который и былъ испепеленъ. Въ слѣдующемъ году онъ сдѣлалъ второе нападеніе и проникъ этотъ разъ до Керминеха. Абдулазисъ напалъ на него съ арміею въ 60,000 человекъ, и Абулгази, отрѣзанный отъ своихъ и окруженный превосходными силами непріятеля, навѣрно, потерялъ бы свою жизнь, еслибы не былъ спасенъ отъ опасности героизмомъ своего еще 14 лѣтняго сына, Ануши хана. Бохарцы потерпѣли большое пораженіе. Абдулазисъ былъ раненъ и принужденъ спастись вплавь черезъ Оксъ, а Абулгази возвратился въ Хиву съ плѣнными и сокровищами. И все же мщеніе Абулгази еще не было удовлетворено! Возобновленные его набѣги доходили одинъ разъ до Варданци, другой разъ до самыхъ воротъ Бохары, и это вѣчное кровопролитіе между двумя родственными по вѣрѣ и по крови государями пробудило въ немъ чувства умѣренности и жалости только на шестидесятомъ году его жизни. Онъ примирился съ Абдулазисомъ и вскорѣ потомъ умеръ, въ 1074 (1663) году. Такъ какъ у татарскихъ воителей, какъ читатель много разъ могъ въ томъ убѣдиться, голосъ человечества обыкновенно начиналъ говорить уже въ глубокой старости, поэтому войнолюбивый сынъ и наслѣдникъ его, Ануша ханъ ¹⁾, мало обращая вниманія на мирный договоръ своего отца, снова напалъ на Бохару, прорвался до резиденціи Ходжи Джуибара и отдалъ это священное мѣсто на разграбленіе. Абдулазисъ былъ въ Керминехѣ въ ту пору, когда это случилось. Онъ быстро бросился въ Бохару и ровно въ полночь прискакалъ къ городскимъ воротамъ, занятымъ Хивинцами. Ему удалось, въ сопровожденіи только сорока своихъ приверженцовъ, изрубивъ стражу, проник-

¹⁾ Авторъ Тарихи Меккии Хани приписываетъ и этотъ набѣгъ Абулгази; на это, впрочемъ, ошибка, потому что послѣдняго тогда ужъ давно не было въ живыхъ.

нуть въ городъ, и, непрерывно сражаясь, онъ достигъ цитадели, откуда и было сдѣлано воззваніе къ населенію избить въ ту же ночь Харезмійцевъ. Все, что только было между Узбеками, Таджикими, Райями и иностранными купцами способнаго носить оружіе, — все бросилось на непріятелей, застигнутыхъ въ распахъ среди ночнаго покоя. Избіеніе было ужасное, и только малая часть арміи Ануши хана успѣла спастись въ Хиву. Эта катастрофа надолго отбила у Харезмянъ охоту нарушать спокойствіе въ Бохарѣ.

Межъ тѣмъ и Абдулазису хану наскучили правительственныя дѣла по причинѣ вѣчныхъ войнъ съ сосѣдями и раздоровъ съ братьями, и онъ, слѣдуя блестящему примѣру двухъ послѣднихъ своихъ предшественниковъ на трансоксанскомъ тронѣ, рѣшился добровольно отказаться отъ престола въ пользу Субганкули и съ посохомъ пилигрима отправиться въ путь въ Мекку. Когда Субганкули былъ потребованъ въ Бохару для принятія верховной власти, то онъ чрезъ Аталика Имамкули и Перванеджи Тангриберди велѣлъ сообщить, что онъ охотно повинуется волѣ государя, но что резиденцію онъ можетъ и желаетъ посѣтить только послѣ того, какъ ее оставитъ Абдулазизъ. Это сообщеніе произвело не очень хорошее впечатлѣніе, да и Бохарцы желали, во что бы то ни стало, отклонить своего государя отъ его намѣренія; поэтому Тангриберди, видя опасность для интересовъ своего повелителя въ неисполненіи этого намѣренія, предсталъ предъ Абдулазиза хана и сказалъ ему: „государь, если ты позволишь, я расскажу тебѣ исторію, которая случайно пришла мнѣ на умъ. Когда султанъ Ибрагимъ изъ Белха на дорогѣ въ Мекку проходилъ Нишабуръ, то онъ навѣстилъ Ферид-эд-дина-Аттаръ ¹⁾, перваго му-

¹⁾ Ферид-эд-динъ Аттаръ (продавецъ пряностей), родившійся въ 613 (1216) году, былъ авторомъ сочиненій много читанныхъ на могоammedавскомъ

дреца своего времени, и остался у него ужинать. Но высокопочтенный, какъ извѣстно, былъ очень небогачъ. Наступилъ вечеръ, онъ сталъ молиться Богу, и, о чудо! вдругъ явилось на столѣ полное блюдо вкусной пищи, которое вдоволь насытились гость и онъ самъ. На слѣдующій день султанъ Ибрагимъ пригласилъ къ себѣ святаго, также молилъ Бога о помощи—и явилось вдругъ *много* блюдъ съ дорогими яствами. Ферид-эд-динъ, пораженный этимъ различіемъ въ небесномъ благословеніи, воскликнулъ: о Боже! зачѣмъ я получилъ только *одно* блюдо, а султанъ, напротивъ, много? На это голосъ отвѣтилъ: хотя вы оба мои служители, но Ибрагимъ для меня принесъ въ жертву скипетръ и тронъ, а ты только овощную лавку. Его заслуга ббольшая, потому и награда должна быть ббольшая. Точно тоже и съ тобой“, прибавилъ хитрый Тангриберди. „Твое пилигримство дѣйствительно многотрудное дѣло, потому что оно въ тысячу разъ большая заслуга, чѣмъ пилигримство другаго“.—Абдулазисъ, до слезъ разстроганный этой параболой, утверждаетъ свое рѣшеніе, собирается въ путешествіе и послѣ того, какъ къ его каравану присоединилось болѣе 3000 пилигримовъ, выступаетъ изъ Бохары въ 1091 (1680) году, чтобъ черезъ Персію достигнуть священныхъ городовъ Аравіи. И ему также, какъ и его предшественникамъ, оказано персидское гостепрѣимство. Шахъ Сулейманъ, сынъ Аббаса II, принялъ его съ княжескими почестями. Въ Исфагани онъ былъ помѣщенъ въ очаровательномъ дворцѣ Чихл-Сутунъ, и такъ какъ въ то время праздновался праздникъ Норусъ со всею своею обыкновенною въ Иранѣ торжественностью, то узбекскому князю и довелось, среди садовъ Исфагани, щеголявшихъ пышными

востокъ—именно: Мантикъ этъ теиръ (логика птицъ), Певдиамехъ (книга совѣтовъ) и Джевагирнамахъ мехъ (книга святыхъ). Онъ прожилъ болѣе ста четырнадцати лѣтъ и, чтобъ лучше предаваться созерцательной жизни, оставилъ свою торговлю пряностями.

весеннимъ нарядомъ и среди выставленной на показъ роскоши персидскаго двора, проститься и съ красотами природы, и съ блескомъ мірскаго великолѣпія. Отсюда онъ направилъ свой путь мимо Гамадана и Багдада чрезъ пустыню, гдѣ имѣлъ несчастье подвергнуться нападенію большой шайки разбойническихъ Бедуиновъ. Они потребовали сорокъ тысячъ дукатовъ выкупа, въ противномъ случаѣ грозили прибѣгнуть къ оружію. Абдулазисъ, не желая мараť ружь кровью во время набожнаго странствованія, обѣщаль половину этой суммы, но когда Арабы не уступали, то онъ пришелъ въ сильный гнѣвъ и закричалъ: „сорокъ лѣтъ я царствовалъ, а теперь разбойники смѣютъ мнѣ приказывать! Къ оружію! если я и паду, то это все равно, что на службѣ у Бога“. По счастью, бой окончился въ пользу государя-пилигрима. Онъ благополучно достигъ цѣли своихъ желаній и скоро потомъ скончался на 74 году своей жизни и былъ погребенъ въ Мединѣ подлѣ своего отца и дяди.

Что касается паружности Абдулазиса, то онъ былъ необыкновенно тученъ, даже самый толстый человекъ своего времени, такъ что, по свидѣтельству исторіографа, въ его голенищахъ могъ свободно помѣститься четырехлѣтній ребенокъ. Одинъ поэтъ имѣлъ смѣлость сдѣлать эту дородность предметомъ своей насмѣшки. Услышавъ объ этомъ, Абдулазисъ велѣлъ его призвать, и когда поэтъ, дрожа за свою жизнь, предсталъ предъ нимъ, то онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «о молла, я слышаль, что ты написалъ оскорбительное для меня стихотвореніе, не дѣлай этого съ другими, а то тебѣ будетъ худо». Послѣ этого онъ велѣлъ дать ему десять тысячъ динарѣ и почетное платье. Но поэтъ сказалъ: «государь, лучше бы ты велѣлъ разсѣчь меня на десять тысячъ кусковъ, чѣмъ такимъ образомъ осрамить меня своимъ великодупіемъ». И въ самомъ дѣлѣ, поэтъ оставилъ Бохару и

переселился въ Индію. Абдулазизъ, поступавшій такъ безсердечно съ своимъ собственнымъ отцомъ, выказывалъ рѣдкое великодушіе и при многихъ другихъ случаяхъ. Самъ онъ былъ недюжиннаго научнаго образованія, писалъ хорошіе стихи, даже во время своего набожнаго странствованія сочинилъ нѣсколько прекрасныхъ гимновъ и въ особенности отлично зналъ знаменитое твореніе Бохари¹⁾. Ученые постоянно имѣли свободный къ нему входъ, и калиграфовъ онъ цѣнилъ такъ высоко, что знаменитаго чистописца моллу Гаджи занималъ въ продолженіи семи лѣтъ списываньемъ одного только экземпляра Гафиза. Этотъ художникъ писалъ ежедневно только пару стиховъ, и когда Абдулазизъ, проѣзжая черезъ Персію, представилъ въ даръ Шаху Сулейману этого Гафиза, то это доставило шаху гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ всѣ вѣстѣ святни и дорогія матеріи, привезенныя ему ех-государемъ Трансоксаніи. Мужественный въ бою, рѣшительный въ опасности, Абдулазизъ часто по цѣлымъ днямъ былъ недоступенъ впечатлѣніямъ вѣшняго міра. Многіе приписывали это его продолжительной созерцательной жизни, потому что князья Бохары, лично принимавшіе участіе въ кровопролитныхъ сраженіяхъ и ради земнаго вліянія воевавшіе съ своими братьями и отцами, должны были, для пріобрѣтенія общественаго расположенія, часто по цѣлымъ часамъ проводить въ кругу святыхъ мужей и, размышляя съ ними о величіи Божьемъ и доискиваясь его сущности, объявлять всѣ мірскія стремленія суетнымъ бездѣльемъ. .

¹⁾ См. I т. этого сочиненія, стр. 75.

XVI.

Субганкули ханъ и конецъ Аштархани- довъ.

1091 (1680)—1150 (1737)

Мы уже оставили за собой два столѣтiя со времени паденiя Тимуридовъ и начала разложенiя Трансоксанiи; не диво поэтому, если картина политическихъ и социальныхъ отношенiй небольшого государства на Оксъ становится все бѣднѣе и мрачнѣе, и если вмѣсто важныхъ по содержанiю фактовъ на нить историческаго разсказа нанизываются только извѣстiя о внутреннихъ усобицахъ, братоубийственныхъ войнахъ и мелочныхъ ссорахъ. Субганкули ханъ, занявшiй престолъ въ Бохарѣ въ первыхъ числахъ могоарема 1091 (1680) года, послѣ отъѣзда своего брата ко святымъ мѣстамъ, долженъ былъ бороться съ тѣми же самыми трудностями, какiя онъ прежде готовилъ своему брату, именно: браться за оружье то противъ своихъ безпкойныхъ сосѣдей на западѣ, то противъ собственныхъ надменныхъ вассаловъ, то даже противъ собственныхъ дѣтей. Начало сдѣлалъ, по обыкновенiю, Белхъ, это Дофине Аштарханидовъ, куда Субганкули назначилъ своего сына Искендера хана, но этотъ отправлялъ тамъ должность наместника не болѣе двухъ лѣтъ, потому что его братъ Эбулмасуръ, со-

бравшій вокругъ себя сильную партію, устранилъ его посредствомъ яда и самъ занялъ его мѣсто. Субганкули не хотѣлъ утверждать въ должности этого задорнаго и сердитаго сына и назначилъ на этотъ постъ его младшаго брата Ибадуллаха. Но кто уважалъ тогда слова государя, если имъ не вторило громко оружіе? Белхяне грозили привести въ исполненіе свою волю, даже не пада крови — и Эбулмансуръ сталъ во главѣ правленія въ Белхѣ, но держался тамъ только четыре мѣсяца, потому что, боясь соперничества, велѣлъ казнить Ибадуллаха и тѣмъ скоро потерялъ расположеніе своей партіи. Составился противъ него заговоръ, и когда онъ однажды отправился навѣстить свою тетку, то на него напали и умертвили его. Ему наследовалъ теперь сынъ Субганкули, по имени Сиддикъ Могаммедъ ханъ, такой же развратникъ, какъ и ближайшій его предшественникъ. Съ одной стороны онъ изъ мести велѣлъ съ убійцъ своего брата съ живыхъ сдирать кожу и отрывать у нихъ членъ за членомъ, съ другой же стороны онъ отказалъ своему отцу въ повиновеніи и даже тогда не пришелъ къ нему на помощь, когда Ануша ханъ изъ Хивы посѣтилъ Трансоксанію мечемъ и огнемъ. Послѣ благополучнаго устраненія опасности, отцу очень хотѣлось притянуть сына къ отвѣту за неисполненіе имъ своей обязанности, но позже онъ узналъ, къ великому горю своему, что тотъ не явился вслѣдствіе злостнаго замысла. Чтобъ расчитаться съ непокорнымъ сыномъ, онъ перешелъ Оксъ; тогда Сиддикъ Мегеммедъ открыто возсталъ противъ него и заперся въ Белхѣ; но родительское сердце все еще страшилось насильственныхъ мѣръ. Субганкули въ письмѣ къ нему упрекалъ его въ неблагодарности и общалъ снисхожденіе, если онъ захочетъ возвратиться къ отцу. Этотъ шагъ имѣлъ хорошія послѣдствія: Сиддикъ Мегеммедъ явился къ своему отцу съ полнымъ раскаяніемъ и вскорѣ потомъ умеръ

въ 1096 (1684) году. Субганули вполне убѣдился, какъ опасно довѣрять дѣтямъ вліятельныя мѣста; поэтому намѣстничество въ Белхъ было поручено вѣрному вельможѣ, Хадиму Би Аталику ¹⁾, а за его смертью, въ 1099 (1687) году, столько же преданному, какъ и способному Махмуду Би Аталику изъ племени Кунградъ, что и лучше соотвѣтствовало цѣли, потому что Узбеки и окрестные Туркоманы этимъ были на долго обузданы, и Белхъ видимо разцвѣталъ; въ доказательство изобилія и благосостоянія приводятъ, что мѣра хлѣбнаго зерна, составлявшая грузъ осла ($2\frac{1}{2}$ центнера) стоила сорокъ тенговъ (фунтъ стерлинговъ) ²⁾, овощей же и прочихъ съѣстныхъ припасовъ даже вовсе не продавали.

Само собою разумѣется, число преданныхъ вассаловъ, въ родѣ Махмуда Би, едвали и можно было брать въ расчетъ въ сравненіи съ мятежными старшинами узбекскихъ племенъ, которые, за недостаткомъ внѣшняго врага, утоляли свою страсть къ войнѣ внутри страны, то воюя между собою, то бунтуя противъ своего государя. Между послѣдними особенно отличался Баятъ Кара, князь узбекскаго племени Баятъ, который держался въ гористой странѣ Гиссара и бунтовалъ впродолженіе семи лѣтъ. Махмудъ Би много разъ выступалъ противъ него въ поле, но его не такъ легко было одолѣть въ его убѣжищѣ, сильной крѣпости Наиманъ, и иногда приходилось заключать съ нимъ договоръ. Доведенный до безсилія, Баятъ Кара обѣ-

¹⁾ Аталикъ по буквальному значенію слова — *тотъ, кто заступаетъ мѣсто отца*. Въ прежнія времена у турко-татарскихъ народовъ это былъ титулъ тѣхъ сановниковъ, которые давались князьямъ какъ совѣтники. Оно имѣетъ также и значеніе опекуна, воспитателя и учителя, и только въ новое время мы встрѣчаемъ это слово въ смыслѣ визиря, министра. Шейбаниды и Аштарханиды имѣли многихъ аталиковъ, одинъ такой сановникъ даже принадлежалъ къ придворному штату каждаго принца. Нынешній ханъ Хивы имѣетъ опредѣленное число аталиковъ; новелитами Бохары и Хоканда даютъ этотъ титулъ за отличіе.

²⁾ По нынѣшнему курсу тенговъ, ихъ считаютъ на одинъ фунтъ стерлинговъ въ Бохарѣ только 24, а въ Хивѣ 40.

щаль явиться закутаннымъ въ саванъ, повѣсивъ на шею лукъ и мечъ, т. е. въ образѣ кающагося грѣшника, но онъ никогда не исполнялъ своего обѣщанія, напротивъ, употреблялъ данный срокъ на то, чтобъ собраться съ силами для новаго возстанія. Надо было восемь разъ его одолѣвать, пока, наконецъ, онъ самъ не погибъ, а отрубленная его голова была прислана въ Бохару. Не менѣе продолжительны были войны между узбекскими племенами Мингъ, жившимъ въ Меймене и Андхоѣ, и Кипчакъ, которое обитало въ окрестности Белха, и эти войны были тѣмъ бѣдственнѣе, что западный сосѣдь Бохары, именно Хива, подъ шумъ этихъ внутреннихъ раздоровъ, весьма легко могъ производить свои разбойническія нападенія. Ануша ханъ, воинственный сынъ Абулгази, уже при Абдулазизѣ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, распространилъ свои набѣги за Бохару и долженъ былъ за свою дерзость поплатиться тогда сильнымъ поражениемъ. По вступленіи Субганкули на престолъ онъ возобновилъ свои разбойническіе набѣги и въ 1095 (1683) году напалъ врасплохъ даже на Самаркандъ. Субганкули былъ въ величайшемъ затрудненіи, такъ какъ Юргенджи все опустошали, а его надменные вассалы отказывали ему въ помощи. Одинъ только Махмудъ Би съ обыкновенной вѣрностью вступился за своего государя, разбилъ на голову Анушу хана въ открытомъ сраженіи при Гидждованѣ и преслѣдовалъ его даже до Харезма. Но это не помѣшало безпокойному Анушѣ снова вторгнуться въ Бохару въ слѣдующемъ году, въ то самое время, когда Субганкули проживалъ въ Белхѣ. Такъ какъ и этотъ разъ онъ долженъ былъ отступить съ потерей, то его собственные люди напали на него на возвратномъ пути и умертвили. Юргенджи подняли на бѣломъ войлокѣ его сына Ирнака ¹⁾, который сначала былъ въ милости, даже подъ защитой у Субганкули, и не-

¹⁾ Ирнакъ или Эрнакъ — очень древнее туранское имя, потому что, сколько намъ извѣстно, сынъ Аттилы назывался имъ.

смотря на это, вскорѣ потомъ, слѣдуя по стопамъ своего отца, вторгнулся въ Бохару, даже проникъ однажды, въ 1098 (1686) году, до самыхъ воротъ столицы. Поэтому наступила крайняя пора прекратить это бѣдствіе. Махмудъ Би собралъ значительное войско, самъ напалъ на Харезмъ, и, послѣ истребленія имъ войска противника, многіе вельможи перешли въ его лагерь. Ирнакъ ханъ посредствомъ яда былъ удаленъ изъ этого свѣта, и Хива снова была подчинена верховной власти Бохары; но это продолжалось никакъ не болѣе двухъ лѣтъ.

И даже среди этихъ политическихъ бѣдствій и при всѣхъ очевидныхъ признакахъ государственнаго разложенія, Бохара все еще пользовалась у суннито-могаммеданскихъ князей того времени уваженіемъ и почетомъ въ рѣдкой степени, и блескъ ея прошедшаго до того ослѣплялъ всѣхъ, что никто не хотѣлъ увидѣть гнилость ея въ настоящее время. Такъ, мы видимъ, что ко двору Субганкули приходили почетныя посольства съ дорогими подарками изъ далекаго Хотена и Кашгара, изъ Крыма, даже изъ Индіи. Изъ этой послѣдней страны прислалъ въ 1096 (1684) году гордый Аурагзибъ одного изъ своихъ вельможъ, Зебердеста хана, съ нѣсколькими слонами и прочими дарами въ Бохару, съ цѣлью пріобрѣсти себѣ въ поводителѣ Трансоксаніи союзника противъ шиитской Персіи. Властолюбивый императоръ Индіи предполагалъ тогда въ вѣчныхъ безпокойствахъ со стороны афганскихъ племенъ по ту сторону Сулеймановаго горнаго хребта персидскія интриги, и такъ какъ онъ не хотѣлъ явнаго разрыва съ шахомъ Сулейманомъ, сыномъ Аббаса II, тогдашнимъ повелителемъ Персіи, то и думалъ усмирить своего противника ¹⁾ посредствомъ узбекскихъ на-

¹⁾ Война однакожъ, къ счастью, была избѣгнута и именно при посредствѣ принцессы Джиганары (мира украшеніе), дамы съ рѣдкимъ талантомъ и ловкостью; она-то и устроила сближеніе обохъ дворовъ.

бѣговъ на Хоразанъ — посредствомъ этого стараго бича Ирана. Подобные мотивы заставили также и султана Ахмеда II¹⁾, въ отвѣтъ на привѣтствіе, присланное изъ Бохары въ Турцію Субганкули (а не Могаммедомъ Багадиромъ, какъ называютъ его османскіе историографы), отправить изъ Константинополя другое посольство, во главѣ котораго находился нѣкій Мустафа Чаушъ. Этотъ послѣдній прибылъ въ Трансоксанію въ 1102 (1690) году и привезъ съ собою дипломатическій документъ, который служитъ вѣрнымъ выраженіемъ самообольстительнаго и лживаго языка сановниковъ Порты. Ахмедъ II, терпѣвшій, какъ извѣстно, значительныя пораженія въ Венгріи, Польшѣ, Далмаціи, Сиріи, на Средиземномъ морѣ, словомъ — вездѣ, вездѣ, увѣдомляетъ своего царственнаго брата на Оксѣ о блистательныхъ подвигахъ своего оружія и славныхъ побѣдахъ надъ черными невѣрными и призываетъ его къ содѣйствію, такъ что невольно приходитъ на мысль, что секретарь Порты списалъ изъ «Корреспонденціи султановъ»²⁾ Феридуна Бея какою нибудь побѣдный бюллетень времени Могаммеда завоевателя, или Селима II и отослалъ его къ Субганкули. Это интересное письмо, приводимое въ османскомъ подлинникѣ въ Тарихи Мекимъ Хани, гласитъ такъ:

«Во имя милосердаго и милостиваго Бога.

Наслѣдовавшій престолъ султаната и счастья, разоставшій коверъ спокойствія и безопасности, причастникъ Божьей благодати и милости еще отъ своихъ предковъ, гордость правленія, *Сеидъ Субганкули ханъ*, привѣствуемъ тебя безконечными привѣтствіями, заключающими въ себѣ вѣчную дружбу и единеніе, и безчисленными

¹⁾ Ахмедъ II вступилъ на тронъ 14 іюля 1691 года и умеръ 6 февраля 1695.

²⁾ Мушгъатъ эсъ Селатинъ — корреспонденція султановъ, названіе драгоценной книги, составленной Феридуномъ Бейемъ, секретаремъ Мурада III, изъ 1800 подлинныхъ документовъ, которые онъ нацѣлъ въ императорскомъ оттоманскомъ архивѣ. Въ новое время она явилась въ печати въ Константинополѣ, дополненная позднѣйшими подобными актами.

пожеланіями счастья, исполненными непреходящей любви и согласія. Цѣль нашего сердечнаго сіятельнаго повелѣнія слѣдующая. Твое почтенное, продуманное мускусомъ посланіе— я разумѣю твое письмо, проникнутое искреннею дружбой, которое ты случайно прислалъ—прибыло въ самое лучшее время и въ самый счастливый часъ. Когда его содержаніе изъ оболочки скрытности достигло нашего благороднаго чтенія, то изъ его краснорѣчиваго текста моему удивительному смыслу стало ясно какъ здоровье и благосостояніе твоей особы, воодушевленной вѣрностью и преданностью, такъ и прочія приключенія и обстоятельства. — Теперь да будетъ также и твоему свѣтлому разсудку и благословенному духу извѣстно, что мы, со времени нашихъ великихъ предковъ, благословенной памяти, и нашихъ пребывающихъ въ раю отцовъ до настоящаго счастливаго часа постоянно шли по избранной стезѣ высокополезныхъ священныхъ войнъ; въ особенности же считали наилучшимъ богоугоднымъ дѣломъ стереть съ лица земли франкскихъ невѣрующихъ и жалкихъ еретиковъ-Кизилбашей. Но все въ свое время, говоритъ пословица, а что это дѣло замедлено вслѣдствіе нѣкоторыхъ препятствій, то этому причиной только то обстоятельство, что мы признали цѣлесообразнымъ *сперва* покончить съ франкскими невѣрными и потомъ уже, съ полнымъ спокойствіемъ души, нагрянуть на этихъ нечестивыхъ Кизилбашей. Теперь, что касается до нашихъ войнъ съ упомянутыми франкскими невѣрными, то, хотя истребленіе этой страшной шайбы и было внѣ возможности, все-таки происходило много жестокихъ битвъ, изъ которыхъ мы наконецъ вышли, по милости Божьей, побѣдителями, при чемъ были взяты въ плѣнъ многіе изъ невѣрныхъ князей и начальниковъ, а прочіе разсѣялись во всѣ стороны. Впрочемъ, скоро послѣ того франкскіе ханы составили злой планъ, скопили массы войскъ и, ворвавшись изъ провинціи Орханъ (?) въ нашу хорошо защищенную

имперію, напали на имущество правовѣрныхъ, и такъ какъ они произвели много насилій, то и мы поднялись и напали на нихъ. Невѣрные, не способные противостоять нашимъ безчисленнымъ войскамъ, отъ страха бросились бѣжать на свою родину и прислали оттуда своихъ знатныхъ особъ сюда, которыя дали обѣщаніе прекратить дальнѣйшія непріязненныя дѣйствія, обязались къ покорности и, съ кольцами рабства въ ушахъ вступивъ на стезю послушанія, долгое время выказывали вѣрность и преданность. — Но кромѣ этого въ наше царство ворвались коноводы и другой Френгской толпы животной природы, чванясь множествомъ своего войска. Немедленно былъ отправленъ и противъ нихъ отрядъ нашихъ войскъ, но пока еще онъ прибылъ, наши подданные, живущіе на границѣ, начали войну и въ одномъ нападеніи взяли въ плѣнъ многихъ знатныхъ и овладѣли ихъ знаменами, военной музыкой и оружіемъ. Только немногимъ вельможамъ удалось въ беспорядочномъ бѣгствѣ достигнуть родины. Между тѣмъ, посланные нами солдаты соединились съ пограничнымъ войскомъ и преслѣдовали невѣрныхъ въ ихъ собственной землѣ, причемъ и прочіе были уничтожены, и только немногіе, лишившись всего имущества, спасли свою жизнь. Много крѣпостей, извѣстныхъ всему свѣту своей силой, и масса богатствъ и провіанта легко были пріобрѣтены съ Божьей помощью.

«Такъ какъ мы наполнили нашъ благородный духъ сподобившимъ на счетъ невѣрующихъ съ этой стороны, то наша счастливая звѣзда должна съ каждымъ днемъ блистать все ярче; наши благодаренія возносятся къ всевышнему порогу, и, въ полномъ сознаніи нашей глубокой преданности къ Богу Всемогущему, отнынѣ уже ничѣмъ не будетъ нарушено и досаждено наше усердіе и стремленіе къ истребленію безбожнаго народа Кизилбашей. Поэтому мы хотимъ въ самомъ скоромъ времени послать наши побѣдо-

носныя войска на великій бой и съ упованіемъ на Бога и предстательствомъ Могаммеда двинуться противъ замковъ и крѣпостей тѣхъ народовъ, и какъ скоро перейдемъ границу, увѣдомимъ тебя письменно.—Такъ какъ ты Падишахъ Трансоксаніи, и твоя резиденція издавна извѣстна какъ мѣстопробываніе столь многихъ отличныхъ улема, благочестивыхъ и шейховъ, то, кажется, и *твоя* обязанность содѣйствовать мечемъ поддержанію закона Божія и благосостоянію ислама. Ты долженъ дать приказъ Узбекамъ своей земли, тѣсно соединившимся съ моею побѣдоносною арміею, истребить этихъ злоумышленниковъ противъ религіи и очистить отъ терній и волчцевъ прекрасныя долины Ирака. О прочемъ мы не хотимъ тебя утруждать, потому что это письмо написано только съ тѣмъ, чтобы доставить тебѣ случай принять участіе въ священной обязанности религиозной войны».

Что Субганкули въ отвѣтъ на это напыщенное письмо Кейзар-и-Румъ, какъ назывались султаны на далекомъ востоцѣ, не могъ двинуться за Оксъ съ безчисленными узбекскими ордами, при всемъ безграничномъ уваженіи, которое онъ питалъ, какъ благочестивый мусульманинъ, къ калифу (намѣстнику пророка),—это довольно ясно видно изъ разстроеннаго состоянія его государства. Да и самъ Субганкули былъ не изъ тѣхъ, которые находятъ особенное наслажденіе въ бранномъ шумѣ. Въ безконечныхъ возмущеніяхъ своихъ непослушныхъ вассаловъ, отчасти вызванныхъ его безграничнымъ, хотя и справедливымъ довѣріемъ къ Махмеду Би, онъ имѣлъ обыкновеніе прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ только въ самой крайней нуждѣ. Чтобы положить конецъ гражданской войнѣ въ Белхѣ, ему посоветовали назначить туда намѣстникомъ своего сына Мекима хана, но онъ только съ трудомъ далъ свое согласіе, говоря: «мой сынъ ни по лѣтамъ, ни по занятіямъ еще не созрѣлъ для управленія». Самъ же Субганкули былъ

весьма преданъ наукамъ. Онъ не стыдился даже въ преклонныхъ лѣтахъ брать уроки у знаменитыхъ ученыхъ и писалъ подь псевдонимомъ Нишани стихи, обнаруживающіе рѣдкое поэтическое дарованіе. Между свѣтскими науками онъ въ особенности былъ преданъ врачебной. Краснорѣчивое доказательство этого мы имѣемъ въ лечебникѣ, имъ составленномъ и отлично написанный экземпляръ котораго имъ посчастливилось приобрести въ Гератѣ. Въ короткомъ его предисловіи ученый князь говоритъ: «замѣть, что прежніе мудрецы въ медицинѣ оставили послѣ себя надлежащія сочиненія на арабскомъ и персидскомъ языкахъ. Лечебникъ на турецкомъ языкѣ и до сихъ еще не попалъ въ руки; поэтому я, покорный Сеидъ Мегеммедъ Субганкули ханъ, сынъ Сеида Незра Мегеммеда хана (да спасетъ его Богъ!), написалъ эту книгу. Для всѣхъ возможныхъ болѣзней и недуговъ въ ней указано лекарство, и она, навѣрно, многимъ послужитъ въ пользу.»¹⁾ Понстингъ, недюжинный образецъ государя, въ такой мѣрѣ пекунагося о гигиеническомъ благѣ своего народа! Самъ Субганкули дожилъ до глубокой, 80-ти лѣтней старости. Послѣ кратковременной болѣзни, видя приближеніе своего конца, онъ собралъ вельможъ вокругъ себя, увѣщевалъ ихъ не жаловаться, а безъ ропота повиноваться Божьимъ велѣніямъ. Онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что не можетъ проститься съ своимъ любезнымъ сыномъ Мекимомъ ханомъ, давно уже назначеннымъ въ наслѣдники, и, до его совершеннолѣтія, поставивъ намѣстникомъ его старшаго брата Обейдуллаха, скончался въ первыхъ числахъ мѣсяца ребуль ахира 1114 (1702) года, послѣ того какъ правилъ

¹⁾ Изъ этого лечебника я кое-что сообщилъ въ моихъ „Tschagataischen Sprachstudien“, стр. 164. Эта книга основывается на арабскихъ переводахъ работъ Галена (Джалевоса), Гипократа (Вограта) и Али бенъ Сини (Авиденни), но къ ней прибавлены и многіе чудесные курсы леченія, напр. чтеніе на расплѣвъ извѣстныхъ молитвенныхъ формулъ и ношеніе извѣстныхъ нус'хасъ (талисмановъ).

31 годъ въ Бедхъ и 24 года въ Бохаръ, всего 55 лѣтъ, то какъ могущественный вассалъ, то какъ самодержавный государь.

Что послѣдняя воля Субганкули хана касательно престолонаслѣдія была именно упомянутая выше, это мы знаемъ у автора Тарихи Мекимъ хани, но дѣйствительно ли это такъ было, или же авторъ дѣлаетъ такое утверждение только въ интересъ своего государя, мы остаемся почти въ совершенной неизвѣстности объ этомъ. Вѣрно только то, что война за престолъ между обоими братьями вспыхнула тотчасъ послѣ смерти ихъ отца и свирѣпствовала нѣсколько лѣтъ. Получивъ въ Бедхъ извѣстіе о кончинѣ, Мекимъ ханъ отправилъ къ своему брату сперва скорбное письмо, а позже и поздравленіе съ возшествіемъ на престолъ. Обейдуллахъ, которому небезъ-извѣстно было враждебное настроеніе брата, принялъ посольство съ замѣтной холодностью, и тотчасъ началась война между обѣими частями государства, именно—между Цисоксанию и Трансоксанию. За Мекима хана выступилъ уже упомянутый Махмудъ Би, а Обейдуллахъ поручилъ защиту своихъ интересовъ главѣ племени Маигяъ, Региму Би Аталику. Въ сущности это была гораздо скорѣе соперническая борьба обихъ узбекскихъ племенъ, чѣмъ самихъ претендентовъ, потому что значеніе владѣтельской фамиліи уже давно ушло слишкомъ низко, и по смерти Субганкули принцы были только безпомощными куклами въ рукахъ властолюбивыхъ вельможъ. Послѣ пятилѣтней почти войны, Обейдуллахъ наконецъ одержалъ верхъ; онъ правилъ, пока это нравилось всемогущему Региму Би Аталику, почти ¹⁾ до 1130 (1717) года, потому что, какъ только онъ показалъ видъ, что

¹⁾ Я слѣдую здѣсь устному показанію, которое слышалъ въ Бохарѣ, но, за неимѣніемъ историческаго источника, не ручаюсь за его достоверность. Странно, что именно о новомъ времени ми не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій.

желаетъ съ помощью тайной партіи отдѣлаться отъ черезчуръ тягостной опеки, то и былъ насильственной смертью устраненъ съ престола Трансоксаніи, и на его мѣсто взошелъ его братъ Эбулфонъ ханъ. Крайняя уступчивость и слабость этого князя, прикрашеннаго среднеазіатцами эпитетомъ: «смирненная кротость и характеръ дервиша», была причиной того, что онъ въ продолженіи сорока лѣтъ наслаждался призрачнымъ господствомъ, такъ какъ дѣйствительное управленіе находилось въ рукахъ Регима Би и его соплеменниковъ, между тѣмъ какъ область по эту сторону Окса, т. е. Бедахшанъ и Белхъ, перешли въ полное владѣніе боковой вѣтви этой династіи, именно къ потомкамъ дочери Невра Мегеммеда хана. Еще при Субганкули ханъ, глава этой фамиліи, Салихъ Ходжа, велъ кровопролитныя войны изъ-за обладанія Белхомъ съ Мекимомъ ханомъ и Махмудомъ Би, и когда эти уступили ему поле, то ему было тѣмъ легче привести въ исполненіе свои притязанія, что религіозный блескъ, окружавшій его дѣло, уже давно привлекъ на его сторону жителей Белха. Только Андхой, Меймене и Лебабъ ¹⁾ или Туркоманы-Эрсари еще отчасти признавали верховную власть Бохары на этой сторонѣ Окской области; впрочемъ, это очень мало могло задерживать процессъ раздробленія и распаденія, такъ что всякаго, даже самаго легкаго вѣтерка извнѣ уже было достаточно, чтобы развалить картонное зданіе господства Аштарханидовъ, — но въ это самое время изъ Персіи налетѣлъ сюда сильный ураганъ въ лицѣ Надира Шаха.

Что этотъ послѣдній изъ азіатскихъ всемірныхъ бойцевъ ²⁾ направилъ на востокъ свое побѣдоносное оружіе

¹⁾ Лебабъ Туркменъ—береговне Туркоманы называются такъ потому, что они, со времени своего поселенія въ этомъ краѣ, занимаютъ лѣвый берегъ Окса отъ Ходжи Салика до Чихарджуа. И эти Туркоманы утверждаютъ, что пришли сюда изъ Мангешлака.

²⁾ Надиръ, также Надиръ Кули, происходитъ, по свидѣтельству Мирзы Мегди, своего исторіографа, отъ вѣтви Каракии племени Афшаръ, пра-

только послѣ дѣйствительнаго возшествія на тронъ, это объясняется слабостью и незначительностью, характеризовавшими тогдашнія земли на востокѣ Ирана, Индію также, какъ и Трансоксанію. НаDIRь хотѣлъ пожать лавры въ упорной борьбѣ съ могучимъ противникомъ на западѣ, потому онъ, только послѣ пораженія оттоманской арміи въ Грузіи и Арабистанѣ, началъ распространять на востокѣ границы своей имперіи. Еще когда онъ осаждалъ Кандагаръ, его сынъ Ризакули двинулся съ сильнымъ отрядомъ войска въ 1149 (1736) году чрезъ Бадгизъ и Марчахъ (прежній Мервичакъ) на Андхой, чтобъ наказать его повелителя Алимердана хана за мнимую дерзость. Турецкіе номады той страны, именно племена Кара и Джелайръ, кажется, скоро были привлечены на сторону персидскаго войска обѣщаніемъ богатаго жалованья, а какъ безъ ихъ содѣйствія нельзя было и думать объ успѣшномъ сопротивленіи, то Алимерданъ вскорѣ былъ побѣжденъ и плѣнникомъ отправленъ къ Надиру. Подобнымъ образомъ сдѣлся и Акче и Шиборганъ, и только Белхъ, въ которомъ правилъ Сеидъ Эбулгасанъ, сынъ упомянутого прежде Салиха Ходжи, отважился серьезно сопротивляться могущественному непріятелю. Дорога, ведущая къ этой старой „матери городовъ“¹⁾, была перерѣзана рвами, но это не помѣшало приближенію врага, и сильный артиллерійскій паркъ, прибывшій съ Ризакули, въ короткое время принудилъ къ сдачѣ крѣпость, окруженную земляной стѣной. НаDIRь, весьма

вильнѣ Аушаръ (потому что такъ выговариваютъ Туркоманы, и это слово значитъ вмѣстѣ соединяющій). Аушары пришли изъ Туркестана въ Иранъ во время монгольскаго владычества и поселились въ провинціи Азербайджанѣ. Во время Шаха Исмаила Сефи они переселились въ Хоразанъ и жили съ тѣхъ поръ въ Янъ Кенкенѣ, который принадлежалъ къ Абиверду и лежитъ въ 20 ферсахахъ къ сѣверозападу отъ Мешгеда. Здѣсь, слѣд. на окраинѣ степи, родился НаDIRь 6 могаррема 1110 (1698) года. въ субботу.

¹⁾ Арабы называютъ именно Белхъ умъ эль Биладъ—мать городовъ, что должно быть добавленіемъ къ глубокой его древности.

обрадованный взятіемъ Белха, послалъ своему сыну въ знакъ признательности 12,000 дукатовъ, 300 почетныхъ одеждъ и благородныхъ лошадей съ золотыми сбѣлами и шорами, осыпанными драгоцѣнными каменьями. Ризакули увидѣвъ въ этомъ побужденіе къ дальнѣйшимъ военнымъ подвигамъ; и такъ какъ его войска уже предприняли отдѣльныя хищническія нападенія на область по ту сторону Окса, то онъ вскорѣ и самъ послѣдовалъ за ними со всею арміею и рѣшился тогда же начать войну съ Эбулфеизоу ханомъ. Но пылкій сынъ Надира этотъ разъ ошибся въ расчетѣ. Эбулфеизъ, слабоголовый Аптарханидъ, опирался на Толбарса (левъ) хана, энергическаго и воинственнаго князя Хивы, который съ своимъ смѣлымъ узбекскимъ войскомъ пресѣкъ Персамъ путь къ Карши, и хотя имъ удалось овладѣть находящеюся вблизи Карши цитаделью Сельджукъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Ризакули потерпѣлъ здѣсь отъ соединенныхъ татарскихъ войскъ сильное пораженіе, вслѣдствіе чего НаDIRъ, для предупрежденія дальнѣйшихъ несчастій, внезапно отозвалъ своего сына, также и князямъ средней Азійи и узбекскимъ вельможамъ далъ знать, что весь этотъ походъ былъ предпринятъ противъ его воли, что онъ, напротивъ, желаетъ жить съ ними въ мирѣ и вовсе не думаетъ беспокоить наслѣдственный удѣлъ потомковъ Дженгиза хана и большихъ туркоманскихъ родовъ.

Такой образъ дѣйствія Надира, какъ справедливо замѣчаетъ Малькольмъ въ своей Исторіи Персіи ¹⁾, очевидно, — плодъ его мудрости, которая нарочно предписываетъ умеренность, чтобъ вѣрнѣе осуществить честолюбивыя планы, а не результатъ зависти къ возраставшей славѣ своего сына. Несмотря на безсиліе повелителей Бохары, соединен-

¹⁾ Хотя Малькольмъ съ другой стороны и ошибается, заставляя Ризакули одерживать побѣды въ Трансоксоніи. Значительныя потери, имъ понесенныя предъ Карши, можно угадать даже изъ сильно прикрашеннаго разсказа Мирзы Мегди.

ное наступление Узбековъ могло бы сильно повредить Надирю, дѣйствовавшему на югъ; поэтому онъ хотѣлъ предупредить подобную случайность, и въ самомъ дѣлѣ, своей притворной дружбой онъ достигъ того, что союзъ между Бохарой и Хивой скоро былъ расторгнутъ, и въ то время, когда Иолбарсъ, пользуясь отсутствіемъ персидскаго государя, опустошалъ Хоразанъ и надвѣлалъ много хлопотъ правителю его Ризакули, — узбекскіе сановники Бохары, съ Регимомъ Би Аталикомъ во главѣ, персидскимъ золотомъ и обѣщаніями все болѣе и болѣе привлекаемы были къ служенію Надирю еще и потому, что соглашеніе съ Хивой если и не поддерживало интересовъ Аптарханидовъ, за то, навѣрно, было бы во вредъ властолюбивымъ планамъ племени Мангитъ. Подробности происхожденія этого разрыва намъ неизвѣстны, но когда Надиръ, въ 1153 (1740) году, возвратился съ побѣдоноснаго индѣйскаго похода, то онъ нашелъ почву до такой степени выровненной Регимомъ Би, что могъ приблизиться къ Оксу безъ выстрѣла, даже съ почетомъ, потому что намѣстники Гиссара и Карши явились къ нему въ Керки на поклонъ. Въ изящно вырѣзанной и выложенной мозаикою лодкѣ, приготовленной искусными ремесленниками *Бохары*, онъ перешелъ древнюю границу между Ираномъ и Тураномъ, и такъ какъ трансоксанскій походъ Сасанида Фируза представленъ только въ сомнительномъ свѣтѣ поэтической саги, поэтому Надиръ былъ первый, увѣнчанный войнскою шапкой, государь Персіи, который, въ качествѣ повелителя, ступилъ на противоположный шелкобархатный берегъ Окса, какъ говорятъ Рудеки ¹⁾. Въ четырехъ миляхъ отъ Бохары онъ разбилъ

¹⁾ Относящееся сюда двустышіе Рудеки гласитъ: „Риг-и деръ-и Аму фе дурунта-и-о — Зирі найемъ періанъ айедъ гемі — по песку и хрящу прибрежья Окса нога моя скользятъ какъ по желу; — оно составляетъ часть стихотворенія, которое первый поэтъ новоперсидскаго нарѣчія написалъ для прославленія Бохары.

свой лагерь и ждалъ тамъ въ вѣликолѣпно изукрашенной палаткѣ присяги Эбулфеиза хана. Чтобы побудить послѣдняго изъ Аптарханидовъ къ этому акту подчиненія, былъ заранѣе посланъ въ Бохару хитрый Регимъ Би Аталикъ. Уговариваніе стоило не особеннаго труда, потому что Дженигизидъ чистой крови, какъ Аптарханиды себя называли, былъ найденъ въ обществѣ святошъ, которые были погружены тогда именно въ размышленія о ничтожествѣ земнаго существованія. Въ сопровожденіи огромной толпы молвъ, Эбулфеизъ ханъ отправился отсюда, 19-го джемазіуль ахира 1153 (12-го сентября 1740) года, въ персидскій лагерь, гдѣ и занялъ устроенныя для него палатки. На слѣдующій день онъ изъявилъ Надиру свою покорность, причеиъ получилъ отъ него поясъ, усыпанный драгоцѣнными каменьями, арабскую лошадь съ золотою сѣдельною сбруей и другіе подарки. Надиръ обходился съ нимъ какъ съ державнымъ братомъ, но Эбулфеизъ долженъ былъ уступить Персіи Циссоксанскую область вмѣстѣ съ городомъ Чихарджуемъ и еще кромѣ того представить въ ея распоряженіе военный контингентъ изъ Узбековъ и Туркомановъ. Для скрѣпленія взаимнаго договора родственные узы должны были связать Афшарскій родъ съ благородною породой Дженигизидовъ, и, послѣ бракосочетанія племянника Надирова съ дочерью благочестиваго государя, персидскій царь продолжилъ свой путь въ Харезмъ съ цѣлью посчитаться съ изолированнымъ теперь Юлбарсомъ, что ему и удалось. На возвратномъ пути изъ названной страны Надиръ принялъ въ Чихарджуѣ новыя увѣренія въ преданности со стороны князя Бохары и, совершивъ триумфальный въѣздъ въ Мешгедъ, онъ велѣлъ изъ туранской добычи изготовить для патрона Ирана, Имама Ризы, золотой, густо усыпанный дорогами камнями замокъ, который долгое время служилъ главнымъ украшеніемъ массивной серебряной рѣшетки, окружающей мѣсто упокоенія

высокопочинаго Алида ¹⁾, а изъ туранскихъ вспомогательныхъ войскъ образовались впоследствии тѣ страшныя когорты, которыя вмѣстѣ съ Афганцами навели такой ужасъ на шитскихъ Персовъ.

Выгоды, добытыя Персіей посредствомъ движенія Надира за Оксъ, исчезли послѣ смерти побѣдоноснаго героя также быстро, какъ и столбы пыли, поднятыя конницей его войска; но верховная власть въ Трансоксаніи получила смертельный ударъ въ самомъ униженіи, наложенномъ на Эбулфеиза хана, который съ этого времени становился все болѣе и болѣе орудіемъ своего властолюбиваго визиря и наконецъ былъ имъ даже отрѣшенъ и въ 1150 (1737) умерщвленъ. Подобнымъ же образомъ было поступлено и съ сыномъ и наслѣдникомъ Эбулфеиза хана, женатымъ на дочери Регима Би. Хотя и послѣ этого былъ возведенъ на престолъ Трансоксаніи еще третій мнимый Апшарханидъ въ качествѣ призрочнаго князя, но въ дѣйствительности Эбулфеизомъ оканчивается рядъ государей этой династіи. Въ правленіе ихъ, продолжавшееся почти полтора ста лѣтъ, погасъ и послѣдній лучъ того блеска политическаго величія и соціального значенія, которыми озаряла въ бывшее время столько народовъ могоammedанской Азіи небольшая земля при Оксѣ.

Послѣ изложеннаго до сихъ поръ слѣдуетъ ли что говорить о культурномъ движеніи этой эпохи? Въ это время Оттоманская Порта, Персія и Индія, съ пробужденіемъ

¹⁾ Большая часть этихъ въ высшей степени дорогихъ украшеній погибла во время афганскаго похода при Ахмедѣ шахѣ. Хотя Мешгедъ и былъ оставленъ во владѣніи Шахруха Мирзы, сына Надира, но афганское любостаженіе сильно разорило эту священную столицу Хоразана. Другая часть сокровищъ Имама Ризы была истратчена мятежными Саларъ въ войнѣ съ вышшимъ государемъ Персіи. И такъ было поступлено уже со многими излюбленными святыми. Богомольцы владуть на ихъ гробницы драгоцѣнныя сокровища, а честолюбцы потомъ тратятъ ихъ на войну и убійства.

духа въ западной Европѣ, уже знали о распространѣніи могучаго немогаммеданскаго просвѣщенія; въ это время дворы Константинополя, Исфагани и Лахора, благодаря отдѣльнымъ европейцамъ, то дипломатамъ, то купцамъ и миссіонерамъ, волей или неволей пришли въ соприкосновеніе съ пробудившимся къ новой жизни западомъ;—а въ Трансоксаніи, куда былъ затрудненъ доступъ оградой изъ дикихъ комадовъ и негостепримныхъ степей, все еще оставались вѣрными духу времени прошлыхъ вѣковъ, даже усиливались превзойти въ религіозныхъ добродѣтеляхъ блестящіе образцы той эпохи. Какъ уже упомянуто, на берегахъ Зеревшана издавна разумѣли подъ наукою только толкованіе корана, богословіе и догматику, а идеаль челоуѣческаго совершенства представлялся въ образѣ Суфи, въ осмѣяніи силы воли челоуѣка и въ полномъ сознаніи ничтожества всѣхъ земныхъ цѣлей. Если бы въ Бохарѣ, какъ въ свое время въ Кордовѣ, Дамаскѣ и Багдадѣ, сумѣли съ строгимъ исполненіемъ предписаній корана соединить и то благородное влеченіе къ изслѣдованію и знанію, то, быть можетъ, еще хоть на нѣсколько мгновеній продолжилась бы старинная мусульманская культурная эпоха. Но этому помѣшали съ одной стороны воинственный характеръ и связанное съ нимъ нерасположеніе турецкаго народа къ просвѣщенію, а съ другой стороны уединенное положеніе туркестанскихъ земель при Оксѣ; и потому князья на Зеревшанѣ изъ должностей и достоинствъ Гарун-эр-рашида или Абдурахмана III въ Испаніи удержали только должность блюстителя религіозныхъ церемоній и считали царственныя обязанности свои исполненными, когда правовѣрные ихъ подданные не пропускали молитвъ, предписанныхъ религіею, а въ своемъ поведеніи воспроизводили картину нравовъ *Вакт-и-Сеадегъ*, т. е. золотаго вѣка ислама. Въ правленіе первыхъ князей изъ династїи Аштэрханидовъ еще фигурируетъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ изъ періода Шейбанидовъ поэтовъ и составителей хронограммъ въ

стихахъ; также и нѣкоторые князья этого дома, какъ, напр., Имамкули, принцъ Казимъ Мегеммедъ султанъ и въ особенности Субганкули представили очевидные признаки отличныхъ административныхъ талантовъ и неподдѣльной любви къ образованію: что первый сдѣлалъ для удобренія почвы, видно изъ наполовину разрушенныхъ каналовъ, носящихъ его имя; поэтическое дарованіе второго сказывается въ Диванѣ, имъ оставленномъ, а любви къ наукамъ послѣдняго мы уже коснулись при упоминаніи о его лечебникѣ. Но все это вмѣстѣ мало могло содѣйствовать измѣненію прежде описаннаго направленія духа времени. Тамъ, гдѣ три государя краду иѣняли скипетръ на посохъ пилигрима, сходили съ блестящаго престола, чтобы провести остатокъ своей жизни въ прахѣ у гроба пророка—фактъ безпримѣрный въ гѣтописяхъ могоммеданскихъ странъ,—тамъ уже не надо никакихъ другихъ доводовъ, чтобы ханжество и изуверство признать господствующими идеями духа того времени... Что, въ связи съ этимъ, при Атшарханидахъ сравнительно было менѣе, чѣмъ прежде, способностей въ области религіозной науки и что также и касательно учрежденія коллегій и сооруженія мечетей было сдѣлано менѣе—это слѣдуетъ приписать сильно уменьшившемуся въ это время матеріальному благосостоянію. По свидѣтельству Сеида Ракима, Самаркандъ и Бохара, еще въ 1030 (1620) году, были усѣяны великолѣпными зданіями, которыя были сооружены въ послѣднихъ вѣкахъ, но, по нерадѣнію о необходимыхъ починкахъ, развалились, а что уцѣлѣло изъ построекъ Атшарханидовъ до новаго времени, ограничивается слѣдующимъ: коллегією Еленгоша, которая была построена въ 1020 (1611) году напротивъ уже развалившейся тогда коллегіи Улуга бега; мечетью и коллегією въ Бохарѣ, сооруженными въ 1029 (1619) году богачемъ Незромъ Диванбеги и наконецъ двумя Керююш-ханами, т. е. приѣмными салонами, которые велѣлъ выстроить въ Бохарѣ и Самаркандѣ Баки Мегеммедъ ханъ въ 1014

(1605) году. Въ Трансоксаніи преимущественно Белхъ упоминается какъ такое мѣсто, гдѣ намѣстники въ разное время производили незначительныя поправки на мшиной гробницѣ Али, о чемъ историки того времени всегда громко трубили. Этотъ Белхъ былъ тогда единственнымъ городомъ, который наследовалъ отъ Герата блескъ когда-то знаменитой суннитской учености. Сюда шітскіе моллы Мешгеда присылали свои тезисы въ диспутахъ съ жестоко враждовавшими между собою сектами. Починъ и этотъ разъ, какъ всегда, исходилъ изъ Ирана, и хотя суннитскій отвѣтъ, составленный ученымъ Белха, Мовлаою Омаромъ, во время намѣстничества Мекима хана, былъ признанъ довольно вразумительнымъ, но различіе въ толкованіи нѣкоторыхъ изрѣченій Корана еще долго не могло наполнить старинной вѣковой пропасти, раздѣлявшей обѣ секты. Иранъ, нуждавшійся въ мирѣ, хотѣлъ рѣшить споръ перомъ, а суннитскіе Узбеки, искавшіе добычи и рабовъ, всегда выказывали болѣе готовности отвѣчать оружіемъ. Но развѣ это первый примѣръ, что благороднѣйшее чувство чловѣка принесено въ жертву самымъ мелочнымъ расчетамъ?

XVII.

Домъ Мангитъ и Эмиръ Маасумъ.

1199 (1784) — 1242 (1826).

Наши свѣдѣнія о судьбѣ другихъ странъ Азіи въ послѣднемъ столѣтіи становятся все подробнѣе и достовѣрнѣе; съ Трансоксаніею же происходитъ совсѣмъ противное. По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ настоящему времени, туманъ, окутывающій тамошнее безотрадное положеніе, становится все гуще и гуще. И въ лѣтописяхъ сосѣднихъ странъ не говорится ничего такого, что могло бы послужить прочной точкой опоры, да и европейскіе путешественники ¹⁾ не отваживаются подходить къ одичавшей землѣ, — вотъ почему мы принуждены довольствоваться только ²⁾ туск-

¹⁾ Европейскіе путешественники новаго времени посѣтили Бохару только въ началѣ вниѣшняго столѣтія. Братья Поло пробыли тамъ три года во время Борака хана (1264—1270) и Антоній Еякисонъ, путешествовавшій по средней Азіи вмѣстѣ съ братьями Ионсонъ въ качествѣ агента русскихъ фабрикантовъ суконъ, былъ въ Бохарѣ въ 1558—59 годахъ.

²⁾ Заимствую изъ дружескаго сообщенія генералъ-маіора сэра Генри Роулинсона, что въ Лондонскихъ бібліотекахъ East-India Office и Британскаго музея находятся многія восточныя рукописи, относящіяся до новой исторіи Бохары. Къ сожалѣнію, я долженъ былъ также узнать, что ницъ можно пользоваться только на мѣстѣ, а такъ какъ это было невозможно при теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ, то я надѣюсь позже пополнить этотъ пробѣлъ, если только тѣ рукописи дѣйствительно содержатъ неизвѣстное.

лымъ свѣтомъ нѣсколькихъ кое-гдѣ разбросанныхъ искръ. Этотъ мракъ больше всего покрываетъ подробности той эпохи, къ которой относится окончательное паденіе Аштарханидовъ и возвышеніе племени Мангитъ ¹⁾—фактъ, хотя и понятный въ главной причинѣ своей, но все-таки нуждающійся въ болѣе обстоятельномъ разъясненіи.

Что между многочисленными узбекскими племенами, избравшими Трансоксанію своимъ мѣстомъ обитанія, именно Мангиты смѣнили въ господствѣ падавшій домъ Аштарханидовъ,—это слѣдуетъ приписать не столько случайности, сколько тому преимуществу, какимъ пользовались Мангиты въ средней Азійи съ самаго появленія своего. Переведенные Дженгизъ ханомъ съ лѣсистой первоначальной родины, съ сѣверо-востока Монголіи, на берега Окса, они въ новомъ мѣстѣ жительства, въ лѣсной странѣ лѣваго берега Окса, гдѣ теперь живутъ хивинскіе Каракалпаки, значительно размножились при Дженгизидахъ и оказывали хивинскимъ князьямъ важныя услуги. Рядомъ съ Кунгратами, они были самые знаменитые родомъ и храбрѣйшіе между всѣми турецкими племенами, почему Шейбани-Мегемедъ ханъ, при своемъ появленіи, держалъ часть ихъ у себя на жалованьи. Эти-то послѣдніе и водворились позже въ Бохарскомъ Ханствѣ, и именно въ степи въ окрестностяхъ Карши, и какъ своимъ воинственнымъ духомъ, который они удержали, такъ и чрезъ свою привязанность къ владѣтельному дому, всегда оказывали значительное вліяніе при Бохарскомъ дворѣ. Пока государи послѣдней династіи владѣли дѣйствительною силой, Бай (варховный старшина) племени Мангитъ былъ предан-

¹⁾ Абулгази, Генеалогія Турокъ, стр. 27 Казанскаго изданія, утверждаетъ: Мангитовъ потому такъ назвали, что они жили въ густомъ лѣсу, въ то именно время, когда еще находились подъ вѣдѣніемъ Дженгизъ-хана; но мнѣ непонятно, какъ слово Мангитъ, которое старіе чагатайскіе авторы пишутъ Мангяитъ, можетъ означать *густой лѣсъ*? Теперь Мангиты раздѣлены на двѣ части: одна живетъ въ округѣ Хивы, на лѣвомъ берегу Окса и одного съ ними имени, а другая вокругъ Карши.

нымъ слугой своего государя, но уже при Эбулфеизѣ, какъ мы видѣли, Регимъ Бай оставилъ это положеніе, насильно завладѣлъ дѣйствительнымъ господствомъ подъ маской визирата и велѣлъ казнить не только Эбулфеиза, но и его сына, за котораго передъ тѣмъ выдалъ замужъ свою собственную дочь. Региму Баю наследовалъ въ достоинствѣ визиря и главы племени Мангитовъ *Даніаль Бай*, по матери родственникъ Аштарханидамъ и, можетъ быть, потому онъ и сдѣлалъ призраннымъ княземъ внука Эбулфеиза хана, принца Абдулгази, чтобы именемъ его тѣмъ безнаказаннѣе можно было дать полную волю постыдному любостязанію и тиранніи. Абдулгази ханъ, послѣдній князь Трансоксаніи, въ жилахъ котораго еще текла кровь Дженгиза, жилъ въ такомъ страхѣ предъ своимъ визиремъ и майоромомъ, что безъ его согласія не смѣлъ даже выйти изъ дома. Даніаль Бай имѣлъ на своей сторонѣ не только всѣхъ Сипагивъ (военачальникъ), но также и любостязательное духовенство. Сдѣлаться самодержавнымъ княземъ было бы для него легче всего на свѣтѣ, но онъ предоставилъ эту роль своему сыну Маасуму, который такъ хитро и лицемерно повелъ дѣло, что Бохарцы, паскучивъ междуцарствіемъ, таки насильно возложили корону на его голову.

Эмиръ Маасумъ, въ дѣтствѣ прозванный отцомъ Бегъ Джанъ ¹⁾ (сердечный принцъ), а въ зрѣломъ возрастѣ — Шахмурадъ (желаніе царя), такъ какъ исполнивъ соотвѣтствовалъ его желанію, былъ самый вѣрный отпечатокъ своего суфически-ложно-набожнаго вѣка, который въ его личныхъ качествахъ достигъ высшей точки своего развитія. Уже въ годахъ юности онъ показывалъ замѣтное расположеніе къ

¹⁾ Еще и теперь существуетъ въ средней Азіи старинный турецкій обычай давать первенцу нѣжныя прозвища — Баба Джанъ (дорогой отецъ) Ханъ Джанъ (дорогой князь), Бегъ Джанъ (дорогой принцъ) и т. п. Съ дѣвочками, которыя, какъ извѣстно, нигдѣ въ Азіи не доставляютъ радости отцу, а этого не замѣтилъ.

обществу религиозных сумасбродовъ, даже переиѣнилъ наружные знаки своего званія на такъ называемый Хиркан дервишанъ, т. е. нищенскій плащъ и по цѣлымъ днямъ проводилъ въ Шанкахлахъ ¹⁾ (монастыряхъ) и мечетяхъ въ благочестивыхъ размышленіяхъ, въ которыхъ никто не смѣлъ ему мѣшать, между тѣмъ какъ его братья и родственники жили въ дикой враждѣ между собою изъ-за мірскаго господства. Онъ даже отказался отъ части, приходившейся на его долю изъ отцовскаго наслѣдства, и сказалъ: „отдайте ее тѣмъ, кто распредѣляетъ общественныя подаванія. Пусть они, на сколько это возможно, вознаградятъ тѣхъ, отъ кого это было выжато; но я не рѣшусь замарать свои руки деньгами, насильственно явившимися въ домъ“. Для выраженія глубокаго раскаянія и сокрушенія о несправедливостяхъ своего умершаго отца, онъ надѣлъ на себя платье кающагося грѣшника, повѣсилъ мечъ на шею и въ такомъ видѣ ходилъ по улицамъ, плача и крича и прося у всѣхъ жителей прощенія за бѣдствія, причиненныя имъ въ правленіе его отца. Можно себѣ представить, какой восторгъ и какой высокой почетъ вызвалъ въ народѣ также, какъ и въ кругу духовенства, этотъ образъ дѣйствій. Если бы Эмиръ Маасумъ захотѣлъ воспользоваться выгодами, приобрѣтенными этимъ поведеніемъ, то ему удалось бы, тотчасъ по смерти своего отца, одержать блистательную побѣду надъ братьями и мятежными вассалами, враждовавшими другъ съ другомъ изъ-за престола; но онъ выжидалъ еще нѣсколько времени, потому что хотѣлъ напередъ положить еще болѣе прочное основаніе для своихъ будущихъ дѣйствій. Удалившись во дворъ Месджиди Каланъ (большая мечеть), онъ провелъ еще годъ въ религиозныхъ созерцаніяхъ, написалъ, между прочимъ, свое лучшее твореніе: „Айнъ

¹⁾ Съ того времени въ средней Азійи вошло въ обычай, что вельможа, удалившійся отъ общественныхъ дѣлъ, проводить свою жизнь не въ своемъ помѣстьи, а въ монастырѣ, или коллегіи.

уль Гикметъ“ — источникъ мудрости ¹⁾ и довольствовался тѣмъ, что могъ счастливить фатихой (благословеніемъ) или своимъ чудотворнымъ нефесъ (дыханіемъ) большую толпу своихъ обожателей, которые стекались къ его дому и вездѣ слѣдовали за нимъ по улицамъ. Между тѣмъ, смуты во всѣхъ частяхъ страны принимали все большіе и большіе размѣры, даже въ столицѣ происходили ожесточенныя битвы между партіями, и когда въ одной изъ нихъ потеряли жизнь до тысячи гражданъ, также и нѣкоторые изъ его братьевъ, тогда слабый князь Абдулгази, не имѣя силъ справиться съ этимъ бѣдствіемъ, прибылъ къ Миру Маасуму въ мечеть, окруженный нѣсколькими вельможами, и умолялъ его занять мѣсто визиря, много лѣтъ съ такимъ успѣхомъ занимаемое Эмиромъ Даніаломъ, чтобы въ сіяніи святости его особы опять засвѣтился потухшій блескъ престола и опять былъ восстановленъ миръ. И все еще ни за что не рѣшался дотронуться до земныхъ предметовъ этотъ святой мужъ, подъ предводительствомъ котораго потомъ были умерщвлены тысячи людей и опустошены цѣлыя страны! Онъ обѣщаль помочь совѣтомъ, но не дѣломъ и только тогда увидѣлъ опасность отъ дальнѣйшаго своего упорства, когда Ніязъ Али бегъ, мятежный начальникъ Шегри Себза, своими частыми набѣгами угрожалъ странѣ крайнею гибелью. Тогда онъ сталъ во главѣ войска и не только прогналъ мятежника за границы ханства, но и отнялъ у него Гиссаръ и Карши, которыми тотъ прежде насильственно завладѣлъ, и такимъ образомъ мало-по-малу восстановилъ порядокъ. Само собой понятно, что, съ возрастаніемъ политическаго вліянія Эмира Маасума, каждая отрасль внутренняго управленія получала складъ строго

¹⁾ Сколько мнѣ извѣстно, Эмиръ Маасумъ писалъ только по-персидски, слѣдовательно, онъ первый турецкій князь Бохари, пренебрегшій своимъ роднымъ языкомъ изъ религиозныхъ расчетовъ, потому что, хотя его предшественники всѣ были сильны и въ персидскомъ языкѣ, но турецкій былъ у нихъ наиболѣе любимымъ.

исламо-ієрархическаго законодательства, въ которому Бо-хара всегда стремилась, но которое было оставлено безъ вниманія только при слабомъ правленіи послѣднихъ князей. Пока лукавый святоша занятъ былъ возстановленіемъ прежняго уваженія къ предписаніямъ ислама, до тѣхъ поръ онъ предоставлялъ Абдулгази наслаждаться княжескимъ, въ сущности же ничтожнымъ величіемъ; когда же все привелъ въ желаемую колею отчасти примѣромъ своей отшельнической жизни, отчасти же строгостью, то принялся и за него. Онъ нашелъ недостатки въ образѣ жизни этого мнимаго Аптарханида, поэтому и удалилъ его на почетный покой съ опредѣленною пенсією и самъ взомелъ въ шаабанѣ 1199 (1784) года на престолъ Трансоксаніи, чтобъ дебютировать на немъ такими дѣяніями, которыя нивагъ не гармонировали съ дервишскимъ его плащемъ ¹⁾. — Полею для его первой дѣятельности внѣ границъ Трансоксаніи, естественно, должна была сдѣлаться Персія, или, точнѣе сказать, ея сѣверовосточныя провинціи, куда, какъ въ землю еретиковъ, во все время, начиная съ глубокой древности, направляли свои хищническіе набѣги фанатическіе разбойники и гдѣ и Эмиръ Маасумъ хотѣлъ пожать первые лавры такъ называемаго Гази (поборника вѣры) ²⁾. Но этотъ старый, тысячелѣтній путь туранскихъ разбойническихъ набѣговъ тогда еще не былъ такъ беззащитенъ, какъ теперь, потому что нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ Мервъ, Сараксъ

¹⁾ Малькольмъ въ своей исторіи Персіи (нѣмецкій переводъ докт. Г. В. Беккера, Лейпцигъ, 1830 г.) говоритъ, что Абдулгази былъ государемъ по имени и его дворъ содержался на счетъ коронныхъ мѣднѣй. Но я могу рѣшительно опровергнуть это мнѣніе, потому что Мирза Садыкъ, мувши (придворный писецъ), ясно говоритъ о днѣ и числѣ возшествія на престолъ Эмира Маасума.

²⁾ Гази'емъ дѣлаются собственно только въ войнѣ съ невѣрными (Кафиръ), т. е. христианами, евреями и язычниками, но что и шиитскіе могамеданы въ глазахъ суннитскихъ средне-азиатцевъ считались за невѣрныхъ, объ этомъ уже было упомянуто. Османъ не принимаютъ этой теоріи, такъ какъ они признаютъ Персовъ только за еретиковъ (рафаъ, мулгидъ).

и другія, находились въ рукахъ храбрыхъ шитовъ, которые часто останавливали этихъ благочестивыхъ узбекскихъ грабителей и весьма затрудняли имъ исполненіе такъ называемой суннитской обязанности: все опустошать въ Хоразанѣ и снабжать товаромъ бохарскій рынокъ невольниковъ. Неудивительно поэтому, если Эмиръ Маасумъ, или, какъ его называютъ персидскіе авторы, Бег-Джанъ, представлявшій со своею арміею изъ тысячъ всадниковъ никакъ не болѣе, какъ образецъ нынѣшняго туркоманскаго Аламана въ громадныхъ размѣрахъ, рѣшился устранить это препятствіе, однимъ словомъ, открыть путь. Въ самый годъ своего восшествія на престолъ онъ двинулся противъ Мерва, который съ начала эпохи Сефидовъ находился въ рукахъ Каджарскаго рода и подъ командой начальниковъ его вѣтви Иццедили. Мы уже упоминали, что эта вѣтвь Каджаровъ находилась въ родствѣ съ Аптарханидами ¹⁾; несмотря на это, ненависть сектъ питала самую ожесточенную вражду между ними, и о рѣшимость гарнизона Мерва разбивалось даже болѣе чѣмъ разбойническое предпріятіе Узбековъ и Туркомановъ. Когда Эмиръ Маасумъ явился предъ стѣнами этой крѣпости, комендантомъ ея былъ Байрамъ Али ханъ, много лѣтъ державшій въ страхѣ окрестныя хищныя орды, но теперь онъ напрасно защищался противъ многочисленнаго непріятеля. Его соплеменникъ, столько же славолюбивый, сколько и неутомимый Ага Мегемедъ ханъ, былъ занятъ на югѣ Персіи войною съ храбрымъ Лutfъ Али ханомъ изъ-за кейянской короны; Хоразанъ былъ раздѣленъ между многими князьями, стремившимися къ независимости и потому вѣчно враждовавшими другъ съ другомъ, и Ге-

¹⁾ См. II т., стр. 83 (прим. 3) этого сочиненія. Я повторяю здѣсь, что обѣ фамиліи вполнѣ создаютъ это родственное отношеніе и, полагаясь на это, еще недавно Шахрухъ Мирза, двоюродный братъ нынѣшняго персидскаго шаха, принужденный бѣжать вслѣдствіе измѣны или тайнаго заговора, нашелъ гостепримство при дворѣ Бохарскомъ.

ратъ, испытанная ограда противъ туранскихъ нападений, находился во владѣннн внука Надра шаха, Шахруха Мирзы, который, вѣрный союзу, заключенному его дѣдомъ съ Эбулфейзомъ, смотрѣлъ теперь съ большою радостью, какъ обрушивалось бѣдствіе надъ Каджаромъ, стѣвленнымъ врагомъ его дома. И совершенно безпомощный Байрамъ Али ханъ былъ наконецъ таки преодоленъ, не смотря на геройскія усилія свои, несмотря на прославляемую и теперь въ пѣсняхъ храбрость его воиновъ, которые въ своихъ отъважныхъ вылазкахъ были сопровождаемы и вооруженными женами и дочерьми. Онъ палъ подъ стѣнами Мерва ¹⁾, а Узбеки совершенно опустошили окрестности этого города, всѣхъ его жителей увели въ неволю и даже, чтобъ воспрепятствовать и будущему воздѣлыванію почвы въ этой странѣ, разрушили старинную, существовавшую много вѣковъ плотину Бенд-и-Мервъ, которая способствовала орошенію ²⁾. Послѣ этого ихъ благочестивый, богобоязненный (?) предводитель отправился въ обратный путь въ Бохару. Это первое нападеніе было только началомъ тѣхъ столь бѣдственныхъ для Персіи разбойническихъ походовъ, которые предпринималъ Эмиръ Маасумъ въ продолженіи своего правленія много лѣтъ кряду ³⁾. Мервъ, въ которомъ, послѣ наденія Байрама Али хана, еще держался нѣкоторое время храбрый его сынъ, Мегемедъ Гусейнъ, поддержанный Афганцемъ Тимуромъ шахомъ, былъ наконецъ совершенно разрушенъ ⁴⁾, его турецкіе обыватели были насилью

¹⁾ По Мирзѣ Садику, Эмиръ Маасумъ велѣлъ отдѣлить отъ тулонца голову пашаго Байрама Али и повѣсить ее на висѣлицѣ въ Бохарѣ.

²⁾ Эта плотина, или правильнѣе резервуаръ, которому она служила защитой, находилась въ сѣверовосточномъ направленіи отъ Мерва и получала воду изъ Мургаба. Съ тѣхъ поръ, какъ ее разрушили, все земледѣліе Мерва, за недостаткомъ драгоценной влаги, ограничивается нѣсколькими огородами дннъ и овощей.

³⁾ Мирза Садику говоритъ о четырехъ нападеніяхъ, въ которыхъ принималъ личное участіе Эмиръ Маасумъ.

⁴⁾ По Раузатъ эсъ Сефа, владѣтель Бохары оставилъ въ цитадели Мерва своего сына Насир-эд-дина съ гарнизономъ.

переселены въ Бохару, гдѣ они и теперь носятъ названіе Мерви ¹⁾, и съ тѣхъ поръ отъ гордой Маргіаны въ древности поднимаются на монотонномъ степномъ ландшафтѣ только отдѣльныя груды земли, какъ свидѣтельница прошлаго величія ²⁾. Въ 1205 (1790) году Сарики и послѣ нихъ, около 1250 (1834) года, Текке-Туркоманы, жившіе прежде въ Ахалѣ (къ западу), завладѣли этими развалинами, и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ когда-то процвѣтала персидская наука и персидская промышленность, раздаются теперь только персидскіе жалобные стоны, сопровождаемые звукомъ цѣпей тѣхъ несчастныхъ Иранцевъ, которые въ тяжелой неволѣ подъ туркоманскими шатрами обращаютъ къ близкой родинѣ свои страдальческіе взоры! Уже въ слѣдующемъ году очередь дошла до Мешгеда, но когда его крѣпостныя верки оказали неожиданное сопротивленіе, то благочестивый военачальникъ объявилъ, что святой Имамъ Риза явился ему въ сновидѣніи и велѣлъ падить Мешгедъ, т. е. мѣсто мученичества, вмѣстѣ съ окрестностями. «Я знаю, что Имамъ живетъ», сказалъ Эмиръ Маасумъ, „пусть же онъ не упрекаетъ меня за то, что я нарушилъ его покой“, и отступилъ, но подвергнувъ прежде тѣмъ большимъ опустошеніямъ близъ лежащія поселенія. Сѣверовостокъ Ирана никогда еще, со времени вторженія Шейбани и Абдулмумина хана, не терпѣлъ такъ много отъ туранскихъ ордъ, какъ въ правленіе этого нищенствующаго князя. По свидѣтельству Мирзы Садика, число Узбековъ и Туркомановъ, участвовав-

¹⁾ Въздѣтіе вѣтрной саваны, я приписалъ въ моемъ *Reise in Mittelasien*, на стр. 296, эмиру Саиду насильственное переселеніе обитателей Мерва въ Бохару.

²⁾ Изъ европейскихъ путешественниковъ новаго времени развалины Мерва посѣтили: Бернсъ, Вольфъ, Ричмондъ, Шекспиръ, Ж. Абботъ, Томсонъ, которому, послѣ названныхъ двухъ послѣднихъ Британцевъ, поручена была миссія къ Хивинскому хану; неаполитанскій искатель приключеній, по имени Флоресъ Назедди, отправившійся въ Бохару, наперекоръ всѣмъ отговариваніямъ, и тамъ казненный, и наконецъ Блоквилъ, который цѣлый годъ былъ тамъ туркоманскимъ плѣнникомъ.

шихъ въ набѣгахъ, никогда не было менѣе 20,000, и, какъ рассказываютъ въ Бохарѣ, рынокъ невольниковъ такъ былъ переполненъ¹⁾, что дюжого шита нельзя было продать и за нѣсколько тенговъ (=немного менѣе, чѣмъ франкъ). Сколько слезъ разрушеннаго семейнаго счастья было пролито изъ-за этого человѣка, который прикрывался рубищемъ, ѣздилъ на худой влячѣ, для осмѣянiя земнаго блеска ходилъ въ грязи и нечистотѣ и въ убогой палаткѣ на худомъ коврѣ могъ по цѣлымъ часамъ погружаться въ созерцанiе божества! И однакожь, zelotствующiй государь Бохары велъ эту жестокою игру съ Ираномъ почти двѣнадцать лѣтъ! Наконецъ, въ 1212 (1797) году, Ага Мегеммедъ ханъ, основатель династiи, занимающей нынѣ тронъ Персiи, по восстановленiи спокойствiя въ Фарсѣ и Азербайджанѣ, явился въ Хоразанъ съ намѣренiемъ положить конецъ этому ужасному бѣдствiю. Военный походъ за Оксъ казался этому персидскому государю и неблагоразумнымъ, и неудобноисполнимымъ, вслѣдствiе непрочного состоянiя его внутренней политики; поэтому онъ попытался прежде дипломатическимъ путемъ проучить Узбека и препроводилъ къ нему чрезъ Мегеммеда Гуссейна Иццеддину слѣдующее, уже потому въ высшей степени интересное письмо, что въ немъ мы въ первый разъ встрѣчаемъ намекъ на національное единство турецкаго народа²⁾. Это письмо, сообщающее въ Раузатъ эсъ сефа, гласитъ слѣдующее:

¹⁾ Подобный случай повторился въ Бохарѣ только въ новѣйшее время, именно—когда шахъ Наср-эд-динъ отправилъ въ Туркестанъ армию изъ 20,000 человекъ, которая въ окрестностяхъ Мерва потерпѣла постижное пораженiе отъ трехъ только тысячъ Текке-Туркмановъ. Ушло лишь нѣсколько сотенъ Персовъ, а всѣ прочiе были взяты въ плѣнъ и распроданы на Бохарскихъ и Хивинскихъ рынкахъ невольниковъ за безцѣнокъ.

²⁾ Могаммеданское положенiе: „Кули муминнахъ ихветунъ—всѣ правобѣрные и братья“ всегда, какъ извѣстно, дѣлало невозможною у народовъ ислама идею національности, и тѣмъ менѣе слѣдовало-бы ожидать отъ грубаго Каджара или его мирзы (исца), что-бы онъ имѣлъ понятiе о племенномъ единствѣ династiй Китая, Индiи и Рума.

... „Нѣтъ надобности повторять исторію Сефидовъ и современниковъ Мегеммеда Шейбани хана до Афшара Надира Шаха. Я знаю хорошо, да и тебѣ достаточно извѣстно, что Белхъ, Мервъ, Земиндаверъ, Систанъ, Кандагаръ и Кабулъ всегда были составною частью иранской имперіи. Ну, какъ же тебѣ пришло на умъ завоевать Белхъ и Мервъ и въ послѣднемъ городѣ умертвить Баирама Али хана, родственника моея сіятельной фамиліи? Развѣ ты хочешь возобновить старинную борьбу между Ираномъ и Тураномъ? Но для этой задачи ты вовсе не созрѣлъ ¹⁾! Играть съ хвостомъ льва, или щекотать за ухомъ у тигра — дѣло совсѣмъ не умнаго человѣка. — Вѣдь всѣ люди происходятъ отъ Адама и Евы, и если ты хвастаешься своимъ родствомъ съ туранскими княжескими родами, то знай, что и я *также* происхожу отъ нихъ. Происхожденіе и родъ у Каджара Нояна ²⁾ не только знатнѣе и сіятельнѣе, чѣмъ у фамиліи Мангитъ и Кунгратъ, но превосходитъ своею знатностью даже знаменитые дома Солдузъ и Джелайръ ³⁾. Мы вѣстѣ должны благодарить Бога всемогущаго за то, что предоставилъ высокой фамиліи Турокъ владычество надъ Ираномъ и Тураномъ, надъ Румомъ, Русомъ, Китаемъ и Индією. Пусть каждый довольствуется доставшимся ему владѣніемъ и пусть не протягиваетъ руки за границы своего государства. И я желаю пребывать въ мирѣ въ древнихъ границахъ Ирана, и никто изъ насъ да не переходитъ Окса!...“

Другой персидскій историческій источникъ рассказы-

¹⁾ Какая ѣкая пронія — желать сдѣлать изъ поповскаго Эмира Маасума втораго Эфрасиаба!

²⁾ Ноянъ, какъ извѣстно, титулъ, который давался высшимъ офицерамъ монгольскаго войска. Дѣйствительно ли владѣлъ этимъ титуломъ родоначальникъ Каджаровъ, не рѣшено и до сихъ поръ потому, что въ Персіи, какъ я самъ слышалъ, многіе Турки этимъ титуломъ величаютъ своихъ родоначальниковъ. Особенно гордятся имъ Кашкаи въ Ширазѣ.

³⁾ Почему Солдузъ и Джелайръ названы знаменитыми, мнѣ неизвѣстно. Оба племени всегда обитали въ землѣ по ту сторону Окса и пришли туда, какъ и большая часть Турокъ, съ Дженгизомъ съ востока.

васть намъ, что это письмо было сочинено совсѣмъ въ другомъ тонѣ, потому что содержало угрозы, въ случаѣ Миръ Маасумъ не выдастъ немедленно плѣнныхъ Персовъ, и что соответственно этому былъ составленъ и отвѣтъ. Бегъ Джанъ даже позволилъ себѣ насмѣлку надъ именемъ величайшаго изъ Каджаровъ, назвавъ его вмѣсто Ага ханъ Ахта ханъ, т. е. оскопленный князь, и, какъ хочетъ увѣрить насъ авторъ Назиха этъ теvarиха, вовсе не возвратилъ плѣнныхъ Персовъ. И еслибы Ага Мегеммедъ ханъ, въ это самое время подвергшійся нападенію русской императрицы Екатерины II, хотѣвшей отомстить за жестокую участь Грузинъ, находившихся подъ ея защитой, не былъ принужденъ направить и свое вниманіе, и свою армию къ берегамъ Аравса, то свѣтъ дожилъ бы до страннаго зрѣища, какъ два причудливыя величества тогдашняго мусульманскаго міра внутренней Азіи, одно оскопленное, а другое въ образѣ стараго нищенствующаго монаха, при всемъ недостаткѣ внѣшнихъ атрибутовъ азіатскихъ воиновъ и завоевателей, ведутъ между собою упорный бой за первенство. Но между ними стала третья власть, которая хотя и низвергла впоследствии ихъ обоихъ другъ за другомъ, но покажѣтъ помогла ханжѣ Узбеку на столько, что подъ его защитой и впредь могли быть предпринимаемы небольшіе разбойническіе набѣги на Персію.

Впрочемъ, Эмиръ Маасумъ утолялъ не на однихъ шиитскихъ еретикахъ свой воинственный пылъ, предписываемый религіею,—онъ находился въ войнѣ и съ суннитскими правовѣрными, но здѣсь онъ уже не могъ приобрѣсти заслугу Газія и напрасно старался скрывать подъ платьемъ дервиша свой завоевательный мечъ. Афганцы, народъ арійскаго происхожденія, составляли во время Махмуда Ганзевида небольшое и незначительное племя въ горной Сулеймановой цѣпи, но въ слѣдующихъ вѣкахъ они такъ распространились, что теперь занимаютъ почти все пространство между

Оксомъ и Индомъ и между плоскогоріемъ Памиръ и Систаномъ. При Маасумѣ они уже играли важную роль въ исторіи центральной Азіи. Еще почти до начала осмнадцатаго вѣка христіанскаго лѣтосчисленія они, для защиты себя противъ узбекскихъ притязаній, платили дань то императорамъ Индіи, то королямъ Персіи, но когда въ этой послѣдней землѣ угасъ блескъ династіи Сефидовъ, то эти же самые Афганцы, подъ предводительствомъ Махмуда изъ рода Гилзай, совершенно испровергли тронъ въ Исфгани. Хотя Надиръ и изгналъ ихъ изъ областей Ирана, но послѣ смерти этого послѣдняго всемірнаго бойца распаденіе имперіи Могула въ Индіи съ одной стороны и слабость узбекскаго правленія на Оксѣ съ другой поставили ихъ въ состояніе выступить въ качествѣ наслѣдниковъ той части Надировой имперіи, которая лежала между Индомъ и Оксомъ. Ахмедъ шахъ, изъ вѣтви Дурани, заключивъ союзъ съ Шахрухомъ Мирзой, внукомъ Надира, овладѣлъ въ 1166 (1752) году всею Цисоксанскою частью Бохарскаго ханства. Меймене, Андохи, Акче, Шиборганъ, Серпуль, Хулмъ, Бедахшанъ, Белхъ и Баміанъ—все изъявили покорность Бег-и-хану ¹⁾, генералу, посланному на завоеваніе и получившему за этотъ военный подвигъ титулъ Садразама. Тогдашняго сонливаго государя на Зеревшанѣ или, лучше сказать, его всемогущаго визиря Даниаль бая мало обезпечила потеря этихъ провинцій, гдѣ господствовали мятежные вассалы, за то тѣмъ болѣе не по душѣ пришлось это его сыну Эмиру Маасуму. Расширеніе власти Афганцевъ уже давно было для него сучкомъ въ глазу, такъ что, когда Тимуръ шахъ, преемникъ Ахмеда шаха, находился въ 1203 (1788) г. въ походѣ противъ Багаулпура, узбекскій князь перешелъ Оксъ при Килифѣ и завоевалъ обратно, если и не все, то большую часть названныхъ провинцій.

¹⁾ Сморг. History if the Afgans, by J. P. Ferrier. Лондонъ 1858 г. Стр. 81.

Тимуръ шахъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ къ своему противнику письмо, въ которомъ совершенно ясно выставлено властолюбіе эмира Маасума, прикрываемое маской религіознаго лицемѣрія ¹⁾.—Тимуръ шахъ напоминаетъ ему о дружескихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между домою Дурани и узбекскими государями, и что онъ самъ (эмиръ Маасумъ), при всемъ намѣреніи своемъ повредить дуранскимъ интересамъ, повергался въ прахъ съ добровольными, вѣрно-подданныческими изъявленіями всякій разъ, какъ только дѣло доходило до открытой войны. Хотя никакое государство не имѣетъ права вести войну съ подданными другой земли изъ-за религіозныхъ взглядовъ; однакожъ онъ завоевалъ Мервъ и его жителей угналъ въ плѣнъ, и причиной этого выставлялъ свое желаніе обратить ихъ въ истинную вѣру. Но теперь вполне отерывается несообразность въ его дѣйствіяхъ: если онъ такъ близко принимаетъ къ сердцу обращеніе невѣрующихъ, то за чѣмъ же выступаетъ противъ Афганцевъ и тѣмъ препятствуетъ имъ истреблять посредствомъ завоеваній въ Индіи столь многихъ невѣрующихъ Индусовъ, христіанъ и евреевъ?—И далѣе, что значатъ его войны съ жителями Шегри Себза, Ходженда и Туркоманами, которые вполне правовѣрные сунниты? „Эти люди“—такъ продолжаетъ въ своемъ письмѣ Тимуръ шахъ—, „искали у меня помощи, я вступлюсь за нихъ и скоро отправлюсь въ походъ противъ Туркестана“.

Весною 1204 (1789) года Тимуръ шахъ, во главѣ многочисленной и хорошо снаряженной арміи, ²⁾ двинулся къ берегамъ Окса и напалъ сперва на Агче, но узбекскій комендантъ этого города, Рахметъ Би, уступая превосходству силы, бѣжалъ въ лагерь своего государя у Килифа.

¹⁾ Смотр. An Account of the kingdom of Caubul. By the Honourable Montstuart Elphinstone. Лондонъ, 1842. Том. II, стр. 315.

²⁾ Эльфинстоуъ на 305 стр. II. т. приводитъ число афганскаго войска въ 100,000, а Мирза Садыкъ вдвое болѣе.

Эмиръ Маасумъ, именно въ то время собравшійся нанастъ съ большимъ войскомъ на Хоразанъ, гдѣ въ прошломъ году остались безплодными его усилія, былъ непріятно пораженъ афганскимъ нападеніемъ и готовъ былъ тотчасъ вступить на путь примиренія. Чтобы не показывать слабости, онъ отослалъ назадъ въ Акче Рахмета Би, въ сопровожденіи Султана Мурада Би съ небольшимъ отрядомъ войска, что повело къ незначительнымъ схваткамъ; но когда онъ узналъ, что и Тимуръ шахъ предпринялъ походъ не охотно, то и отправилъ къ нему посольство изъ самыхъ почтенныхъ молвъ Бохары съ мирными предложеніями и, какъ всегда, когда того требовали обстоятельства, выказалъ удивительное смиреніе и покорность, такъ что афганскій государь, еще недавно, въ упомянутомъ прежде письмѣ, упрекавшій его именно въ этой хитрости, опять допустилъ себя опутать сѣтью и не только заключилъ съ нимъ миръ, но и предложилъ ему дальнѣйшее обладаніе силою захваченными городами. Пока жилъ Тимуръ шахъ, эмиръ Маасумъ уважалъ этотъ договоръ и не двигался съ мѣста. Но когда дуранскій князь скончался, въ 1208 (1793) году, и ему наследовалъ его сынъ шахъ Земанъ, то онъ тотчасъ ворвался въ область Белха, посредствомъ засады взялъ въ плѣнъ намѣстника съ 4,000 лучшаго его войска и немедленно окружилъ Белхъ въ надеждѣ, что и прочія войска, пораженныя участію своего предводителя, также сдадутся. Но въ этомъ онъ ошибся. Онъ сталъ грозить, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, казнить плѣннаго предводителя предъ глазами гарнизона, потомъ эту угрозу привелъ въ исполненіе, но Афганцы держались до возвращенія шаха Земана съ побѣдоноснаго хоразанскаго похода въ Кабулъ и надѣялись на скорое освобожденіе. И эмиръ Маасумъ готовился къ той случайности. Но, видя замедленіе, рѣшился воспользоваться имъ для избавленія себя отъ явной опасности и отправилъ въ Кабулъ посольство, съ обѣщаніями,

отказаться от своих притязаній на Белхъ и его окрестности и впредь соблюдать договоръ, заключенный съ Тимуромъ шахомъ. Шахъ Земанъ, слишкомъ занятый своими завоевательными планами на Индію, охотно показалъ свою готовность къ уступчивости, и эмиръ Маасумъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ опять своей лукавой политикѣ. Впрочемъ, этимъ еще далеко не былъ положенъ конецъ враждебныхъ его домогательствамъ по отношенію къ сосѣднему афганскому князю. Когда въ 1214 (1799) году шахъ Махмудъ, братъ и соперникъ шаха Земана, послѣ многократныхъ неудавшихся попытокъ овладѣть престоломъ, долженъ былъ бѣжать, то это былъ эмиръ Маасумъ, который предложилъ ему убѣжище въ Бохарѣ. Противъ законовъ гостепріимства шахъ Земанъ ничего не могъ явно предпринять противъ Узбека¹⁾, но старался добиться выдачи тайнымъ путемъ, посредствомъ обѣщанія большой денежной суммы. И если-бы въ то самое время афганскій государь не вступилъ въ тайный союзъ съ Каджаремъ Ага Мегеммедомъ ханомъ, то старый бохарскій нищій-король, навѣрно, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, нарушилъ-бы даже священнѣйшій законъ азіатцевъ, но этотъ разъ онъ не смягчился и послу шаха Земана, требовавшему, по крайней мѣрѣ, строгаго надзора за бѣжавшимъ братомъ, отвѣчалъ слѣдующее: *Махмудъ не оставитъ Бохары*, за это онъ ручается его *головою*. И дѣйствительно, Махмудъ не могъ-бы оставить Бохару съ головою на туловищѣ, если-бы одинъ вліятельный Узбекъ не доставилъ ему возможности бѣжать въ Хиву, гдѣ онъ былъ дружески принятъ тамошнимъ поводителемъ, Мегеммедомъ Регимомъ ханомъ. Въ 1217 (1802) году, наконецъ, умеръ Эмиръ Маасумъ, послѣ восемнадцатилѣтняго правленія, которое жители Бохары считаютъ славною эпохою недавняго

¹⁾ Позже и самъ шахъ Земанъ принужденъ былъ, какъ бѣглецъ, искать защиты при Бохарскомъ дворѣ.

прошлаго. Такъ какъ она еще свѣжа въ памяти нынѣшняго поколѣнiя, то Узбекъ и Таджики, начавъ рассказывать о справедливомъ, благочестивомъ и прекрасномъ правленiи этого могоammedанскаго образцоваго государя, никакъ не могутъ вдоволь наговориться. Всего болѣе, разумѣется, восхваляется строго религи́озный характеръ его администраци. Это онъ опять возстановилъ должность Рейс-и-Шерiата (охранителя религи́ознаго закона) и въ то именно время, когда во всемъ исламѣ уже забыли о ней ¹⁾). Этотъ Рейсъ долженъ былъ ежедневно обходить улицы въ сопровожденiи своихъ десятскихъ, вооруженныхъ каноническою четырехъночною плетью, и подвергать людей всенародному испытанiю въ дѣлахъ вѣры. Кто не могъ представить Фазръ уль айнь (главная обязанность), т. е. сказать по-арабски нѣсколько обязательныхъ молитвъ, или у кого не было въ складкахъ турбана обычнаго кесека (глыба земли) ²⁾, тотъ на мѣстѣ получалъ порядочную дозу побоевъ, или былъ сажаемъ въ тюрьму на много дней. Неисправное посѣщенiе мечети, или же опущенiе обязательныхъ часовъ молитвы было наказываемо первый разъ строгимъ тѣлеснымъ наказанiемъ, а второй разъ смертью; подобнымъ образомъ поступали съ пьющими вино и куращими табакъ ³⁾, разбойники же, воры и прелюбодѣи прямо были передаваемы плачу. Это судорожное поддерживанiе предписанiй религи́и было замѣтно и во всѣхъ отрасляхъ администраци. Правовѣрный обязанъ былъ вносить только законную десятину

¹⁾ Какъ я слышалъ въ Константинополѣ, эта специальная религи́озная должность никогда не была въ употребленiи въ Турци. И въ Перси и сѣверной Инди она не существовала, и только въ Меккѣ, Мединѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточной Африки она по временамъ существовала въ продолженiи послѣднихъ вѣковъ.

²⁾ О значенiи и употребленiи кеска смотр. мои *Skizzen aus Mittelasiens*. Лейпцигъ 1868 г., стр. 150.

³⁾ Куренiе табаку долгое время было строго запрещаемо въ Перси и въ Турци, потому что духовные ученые причисляли употребленiе его къ мусекиратъ (опынающимъ напитокамъ).

отъ земледѣлія и скотоводства, и зекіать, т. е. 2 $\frac{1}{2}$ процента съ своихъ доходовъ, въ пользу бѣдныхъ и столько же пошлины съ ввозимыхъ товаровъ, между тѣмъ какъ невѣрующіе, именно индусы, евреи и христіане должны были платить джизіать, т. е. поголовную подать. И содержанію своего княжескаго дома эмиръ Маасумъ старался дать тотъ строго религіозно-патріархальный покрой, которымъ первые калифы хотѣли показать примѣръ умѣренности позднѣйшимъ „князьямъ правовѣрныхъ.“ Какъ Омара восхваляютъ за то, что онъ до такой степени скряжничалъ съ Бейтъ эль Малъ (государственною кассою), что довольствовался самой простой пищей и позволялъ себѣ въ годъ только одно новое платье, такъ точно и фанатическій повелитель Бохары назначилъ для своей персоны только одну тенгу въ день; столько-же получалъ его поваръ, его слуга и даже самые бѣдные обыватели коллегій, которыхъ было такъ много, что въ нихъ находили себѣ пріютъ въ одно и то же время болѣе 30,000 учениковъ, жаждавшихъ божеской науки. Но этими мѣрами не была прекращена роскошь и любостязаніе его офицеровъ, и въ то время, когда онъ самъ проживалъ подъ старой, почти развалившейся палаткой, покрывался мохнатымъ, изъ верблюжьяго волоса, чапаномъ (длинное верхнее платье) и ѣлъ изъ грязной миски худое кушанье, — офицеры его арміи ходили въ шелковыхъ платьяхъ, носили разукрашенное оружіе и употребляли даже въ лагерѣ золотые и серебряные сосуды, осыпанные драгоценными каменьями. Кажется, что этотъ контрастъ между ослѣпительнымъ блескомъ его приближенныхъ и его собственною, жалкою внѣшнею обстановкою, ему особенно нравился, и этому-то святому образу жизни дервиша онъ обязанъ и своимъ высокимъ почетомъ, и съ помощію его-то удалось ему, въ продолженіи восемнадцати лѣтъ, употреблять для своихъ цѣлей безпокойные элементы столь многихъ узбекскихъ и туркоманскихъ племенъ. Хотя онъ во все это время предпринималъ почти каждый годъ воен-

ный поход и, кромѣ упомянутыхъ войнъ, былъ въ открытой непріязни и съ сосѣдними князьями Хивы и Хованда ¹⁾, но Бохарское Ханство, въ его правленіе, наслаждалось благоденствіемъ въ рѣдкой степени, потому что въ памяти его народонаселенія живетъ не только необыкновенная религіозная строгость, но и мягкость и справедливость его управленія. Для насъ правленіе эмира Маасума уже и потому интересно, что при немъ была совершенно покончена старинная борьба между Ираномъ и Тураномъ, такъ какъ онъ былъ послѣдній государь, нападавшій на Иранъ съ вооруженною силою.

Его сынъ и преемникъ Сеидъ Гайдаръ Тѣре взшелъ на престолъ Трансоксаніи въ 1218 (1803) году подъ именемъ эмира Сауда. Въ религіозномъ сумасбродствѣ, ханжествѣ и фанатизмѣ онъ былъ не только благовоспитаннымъ дѣтищемъ своего отца, но даже хотѣлъ превзойти своего предѣстника; за то тѣмъ менѣе наследовалъ отъ него его искусства въ управленіи и его наклонности къ войнѣ,— всю свою жизнь онъ былъ молла въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, слѣдоват., по старо-узбекскимъ понятіямъ, только половина человѣка ²⁾. Но это не помѣшало святошѣ, въ самомъ началѣ своего правленія, обрызгать кровью Богомъ освященный тронъ. Именно— онъ боялся соперничества своего брата Насира-эд-дина. Тѣре, которому, какъ извѣстно, было поручено, еще при жизни эмира Маасума, управленіе провинціею Мервъ, и, желая тайкомъ отдѣлаться отъ него, онъ потребовалъ, чтобы братъ лично принесъ ему присягу. Такъ

¹⁾ Около этого времени, именно въ 1203 году, умеръ *Алемъ ханъ*, знаменитый государь Хованда въ концѣ прошлаго столѣтія, въ продолженіи 30-ти лѣтъ, какъ я слышалъ отъ Ховандцевъ, державшій въ страхѣ Бохарцевъ. Со смертію его начинается наступательная политика Эмировъ Бохари по отношенію къ востоку и продолжалась она до тѣхъ поръ, пока Россія возстановила миръ между обими воюющими.

²⁾ Узбекская поговорка именно таже: „два моллы составляютъ одного человѣка, а одинъ молла— только женщину.“ (Смолр. мон. Tschagataische Sprachstudien, стр. 57).

какъ Насиръ-эд-дину не была неизвѣстна опасность отъ братскихъ объятій, то онъ и поспѣшилъ вѣсто Бохары въ персидской границѣ и просилъ защиты и помощи у Фетга Али шаха. Если-бы Каджары, вѣсто пустого и смѣшного блеска своего господства, владѣли дѣйствительною силой, то теперь представлялся благоприятный случай дать отличный урокъ сосѣду, разбойнику и опустошителю Хоразана; но убѣжавшаго принца поддерживали одними пустыни обещаніями, и эмиръ Саидъ, слабѣйшій князь изъ дома Мангитъ, нисколько не страшился гнѣва Фетга Али шаха—государя, который считалъ себя счастливымъ, что носить самую длинную въ странѣ бороду и имѣеть самый лучший алмазъ на поясѣ. Эмиръ Саидъ оставался и въ продолженіи двадцати трехъ лѣтъ въ спокойномъ обладаніи своимъ господствомъ, ежедневно проводилъ много часовъ въ монастыряхъ въ исполненіи религиозныхъ обязанностей, или посѣщалъ чтенія по экзегетикѣ знаменитыхъ профессоровъ, и когда западный его сосѣдъ, именно хивинскій ханъ Мегемедъ Регимъ, въ отмщеніе за смерть своего отца Илтазара хана, дошелъ чрезъ Чихарджуи и Каракѣль почти до самыхъ воротъ Бохары, все опустошая и грабя, то и тогда онъ не измѣнилъ своего богоугоднаго образа жизни и только воскликнулъ: „Ахиръ Ригистанъ амандуръ,“ т. е. вѣдъ ригистанъ (площадь, гдѣ находился дворецъ) еще въ безопасности! За недостаткомъ достославныхъ дѣяній, Бохарцы восхваляютъ именно этотъ строго монашескій смыслъ своего князя. Рабская чернь столицы на Зеревшанѣ даже проливала слезы радости, когда эмиръ, опираясь на палку не отъ тѣлесной немощи, а только изъ подраженія моллѣ, ходилъ по улицамъ, склонивъ голову. Даже еще болѣе,—ему приписывали чудотворную силу, хотя объ этомъ живомъ святомъ извѣстно, что онъ, нарушивъ нагляднымъ образомъ самый священнѣйшій изъ азіатскихъ законовъ, именно гостепріимство, насильно отнялъ прекрасную дочь у ослѣпленнаго

и убѣжавшаго къ его двору шаха Земана, и когда слѣпой отецъ разразился въ справедливыхъ жалобахъ, то онъ еще хотѣлъ его умертвить. Печальный образъ государя, желающаго внушить страхъ своему народу религіею и такою нравственностью! Правда, и прежде картина нравовъ въ Бохарѣ была довольно гнусная, но въ правленіе этихъ грубыхъ Узбековъ изъ дома Мангитъ она стала еще болѣе негодною и отвратительною. При Шейбанидахъ и Аштарханидахъ еще попадались иногда искры просвѣщенія и образованности, но Мангиты, эти переимчивые ученики властолюбивыхъ и любостязательныхъ моллъ, хотѣли осуществить облагороженіе своего народа только путемъ ханжества и зелотизма. Легко понять печальный результатъ этого. Такъ напр. запрещеніе вина и табаку привело къ употребленію гораздо болѣе вреднаго ошума; драконовый законъ отдѣленія обоехъ половъ произвелъ гнусный порокъ, который даже былъ оправдываемъ публично, потому что наемъ или владѣніе Вечемъ ¹⁾ было полюбовно рѣшаемо на судѣ кади. И эта Бохара все-таки осмѣливалась и тогда громко заявлять о себѣ, что она „Куввети исламъ у динъ эсть“, т. е. подпора ислама и вѣры!

¹⁾ *Juvenis imberbis.*

ХVIII.

Эмиръ—Насруллахъ.

1242 (1826)—1277 (1860).

„Князья—зеркала своего времени“¹⁾—эта пословица ни въ какой странѣ и ни у какого народа могоммеданской Азіи не нашла себѣ такого вѣрнаго приложенія, какъ въ Насруллаху Багадиру хану, сыну и наслѣднику эмира Саида, вступившему на Бохарскій престолъ въ 1242 (1826) году, послѣ кончины своего отца. Надо представить себѣ картину общества тогдашней Бохары, изуродованнаго безграничными лицемеріемъ въ религіи, грубымъ невѣжествомъ и безсовѣстною тиранніею и погрязшаго въ безнравственности, чтобы имѣть понятіе о лукавствѣ и глупомъ невѣдѣніи, о надменномъ славолубіи и негодности души, о религіозномъ фанатизмѣ и самыхъ гнусныхъ порокахъ,—обо всѣхъ этихъ отдѣльныхъ характеристическихъ чертахъ Насруллаха хана. Уже тотъ способъ, какимъ онъ достигъ престола, показываетъ въ немъ нераскаяннаго братоубійцу. Какъ младшій братъ, онъ не имѣлъ никакого права на престолъ; поэтому, еще при жизни своего отца, началъ интриговать изъ Карши.

¹⁾ Это—старинная югурская пословица, встрѣчающаяся въ рукописи Кудатку Билікъ; съ небольшимъ измѣненіемъ она еще и теперь существуетъ у Узбековъ и Туркмановъ.

гдѣ занималъ должность окружнаго начальника, стараясь привлечь на свою сторону вліятельныхъ лицъ, что ему и удалось. Самыми замѣчательными между этими послѣдними были Кушбегъ Гахимъ баи ¹⁾ и Муминъ баи, губернаторъ Гессара, хотя и состоявшіе на службѣ у законнаго наслѣдника, а потомъ и государя эмира Гусейна, но все таки главные виновники его низверженія и смерти. Справедливо предполагають, что эмиръ Гусейнъ, по наущенію Насруллаха, былъ устраненъ съ помощью яда послѣ трех-мѣсячнаго только правленія, но это убійство вызвало въ поле третьяго претендента, именно Омара хана, Гусейнова брата, съ которымъ теперь Насруллахъ долженъ былъ вступить въ открытый бой. Съ фетвой великаго кади Карши въ рукѣ, Насруллахъ, въ сопровожденіи небольшой, но преданной толпы, бросился въ Самаркандъ, который безъ выстрѣла открылъ ворота, и отсюда, послѣ принятія съ кѣкташа ²⁾ торжественной присяги, двинулся прямо на Бохару. Кетте Курганъ, Керминехъ и прочія укрѣпленныя мѣста, лежащія между обѣими столицами, присягнули ему одинъ за другимъ. Хотя Бохара и оказывала упорное сопротивленіе въ продолженіи 40 дней, но все усиливавшійся голодъ и недостатокъ воды оттого, что Насруллахъ овладѣлъ главными каналами, въ особенности же вѣроломное поведеніе Гахима баи, скоро предали и ее въ его руки. 22-го Марта 1826 года Насруллахъ вступилъ во дворецъ на ригистанѣ. Омаръ могъ спастись только бѣгствомъ и вскорѣ умеръ отъ холеры въ Хокандѣ, котораго ханъ принялъ его дружески. По трупамъ еще трехъ младшихъ братьевъ, съ хладнокровіемъ умерщ-

¹⁾ Баи соотвѣтствуетъ османскому бей. Таджики и съ ними также и Узбеки Бохари говорятъ ба.

²⁾ Кѣкташъ—зеленый камень въ Самаркандѣ, о чемъ мы уже говорили, получилъ свое прежнее значеніе при церемоніи коронаванія только при Ашгарханидахъ. Шейбаниды, чтобы уничтожить всѣ преданія Тимурскія, сдѣлали своею резиденцію Бохару, и обыкновенное возведеніе трона на Кѣкташѣ не было у нихъ въ употребленіи.

вленныхъ на берегу Окса, и послѣ казни большого числа приверженцевъ своихъ прежнихъ соперниковъ, Насруллахъ достигъ теперь безспорнаго обладанія престоломъ, на которомъ, въ продолженіи 34 лѣтняго правленія, представлялъ міру примѣръ, какъ много мерзостей способенъ совершить могомеданскій государь въ Азіи и какое тиранство въ состояніи выносить народъ, порабощенный ханжествомъ! Въ первые годы по вступленіи на тронъ, еще находясь подъ контролемъ вліятельнаго Гакима баи, онъ показывалъ видъ, будто-бы, слѣдуя по стопамъ своего отца ¹⁾, имѣть предъ глазами, какъ высочайшую цѣль, строгое охраненіе религиозныхъ законовъ и благополучіе своихъ подданныхъ. Въ это именно время Александръ Бёрнсъ посѣтилъ Бохару, иначе онъ, навѣрно, не могъ-бы сказать о Насруллахъ: онъ испылъ свои злыя и порочныя дѣянія, помогшія ему взойти на престолъ, и править своими подданными рукою справедливой и безпристрастной ²⁾. Разумѣется, позже, не боясь никакихъ соперниковъ и чувствуя себя въ безопасности на своемъ мѣстѣ, этотъ смиренный звѣрь, снявъ съ себя личину, превратился въ лютаго тигра и, какъ это часто бывало, попробовалъ свои когти на томъ самомъ, кому наиболѣе былъ обязанъ своею властью, именно на своемъ Кушбеги Гакимѣ баи. Этотъ, благодаря снисходительности, въ началѣ выказанной его государемъ, прибрѣлъ не только большой почетъ, но и большія богатства. Онъ имѣлъ болѣе тысячи рабовъ, которыхъ употреблялъ на работу въ своихъ помѣ-

¹⁾ Хотя въ Бохарѣ полагають, что Насруллахъ виновенъ даже въ смерти своего отца, и это при его характерѣ не совсѣмъ вѣроятно.

²⁾ См. Travels into Bokhara by Lieut. Alexander Burnes. Лондонъ 1834. Том. II, стр. 361. По этому справедливо замѣчаетъ этотъ же авторъ въ своемъ сочиненіи, появившемся семь лѣтъ спустя, подъ заглавіемъ: Cabool a personal narrative of a journey to and Residence in that city*, стр. 250: His (Насруллаха) acts of tyranny are so audacious and so numerous, that I have never ceased to congratulate myself at having passed so successfully through his kingdom.“—

стяхъ; о его стадахъ овецъ и табунахъ лошадей и верблюдовъ я слышалъ баснословное; онъ даже торговалъ особыми караванами съ Россією, такъ что, когда Насруллахъ (я хочу употребить слова Бохарцевъ), поднялъ руку, чтобы убить насѣкомое, которому онъ позволилъ спокойно разжирѣть отъ его крови, то оно, въ самомъ дѣлѣ, готово было лопнуть отъ жира. Такъ какъ для тирана нѣтъ ничего легче, какъ обвинить своего слугу, то Кушбеги скоро былъ привлеченъ къ суду, обвиненъ въ расхищеніи государственной казны, отрѣшенъ отъ должности и сосланъ въ заточеніе въ Карши, а потомъ въ Нурату. Чтобъ сразу не вооружать противъ себя сильной его партіи, Насруллахъ осыпалъ особыми почестями и отличіями ¹⁾ старика Аяза баи, тестя Кушбеги, потомъ, когда раздраженіе нѣсколько улеглось, велѣлъ и его безъ всякой причины заключить въ тюрьму, и оба были казнены весною 1840-го года. Насруллахъ не только польстился на сокровища своего визиря, но смертью Гакима баи онъ освободился отъ неприятой опеки и теперь могъ дать полную волю своимъ разнороднымъ и гнуснымъ страстямъ и началъ показывать себя въ настоящемъ свѣтѣ испуганнымъ обывателямъ Бохары. Чтобъ имѣть не совѣтника, а слѣпо преданнаго слугу, былъ назначенъ Рейсомъ (начальникъ полиціи) безсовѣстный разбойникъ Маасумъ-Бирди, въ грѣхѣ и преступленіи выросшій подлѣ Насруллаха, въ качествѣ туркоманскаго наемника; и въ санъ визиря были возводимы по временамъ подобные мерзавцы, часто впрочемъ

¹⁾ Аязъ баи занималъ должность Топчи-баши (начальникъ артиллеріи) и скопилъ несчѣтныя богатства. Чтобъ не лишиться этихъ богатствъ внезапнымъ изъясненіемъ своей немилости, Насруллахъ призвалъ къ себѣ этого стараго слугу, далъ ему почетное платье и богато украшенную туркоманскую лошадь, и когда одаренный хотѣлъ удалиться, то онъ далъ ему провожатыхъ до воротъ и хотѣлъ даже помочь ему сѣсть на лошадь. Старикъ замѣтилъ злость, скрывавшуюся подъ этими предательскими ласками, бросился въ ноги къ своему государю и молилъ его, лучше немедленно подвергнуть его наказанію. Но Насруллахъ его помялъ, обнял и такимъ вѣроломнымъ образомъ успокоилъ справедливое предчувствіе этого несчастнаго.

только на нѣсколько часовъ; но первый, за продолжительное расположеніе своего государя, долженъ былъ получить наказаніе отъ руки палача въ 1839 году. Начиная съ этого времени, Насруллахъ остался въ полномъ и неограниченномъ обладаніи своею землею, также и жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ.—И кто можетъ исчислить длинный рядъ вопіющихъ къ небу насилій, которыми этотъ безчестный развратникъ заклеилъ свое правленіе! Его ненасытному любостыжанію постоянно подвергались всѣ классы народонаселенія, въ особенности иностранное купечество, и Бохарецъ, славившійся своею зажиточностью, чувствовалъ страхъ, если забывалъ отъ времени до времени покупать расположеніе своего государя дорогими подарками, не дожидаясь его требованій. Огромное, почти до невѣроятности, число тайныхъ писцовъ и шпионовъ ¹⁾ постоянно было занято составленіемъ донесеній о каждой мелочи, случившейся на базарѣ, въ школѣ, въ мечети, на общественномъ гуляньи, или въ банѣ. Эти слуги тайной полиціи имѣли право проникать даже въ самую внутренность семейнаго круга и, подъ предлогомъ строгаго надзора за исполненіемъ законовъ религіи, подсматривали и вывѣдывали все, что только могло послужить корыстолюбію и сладострастію ихъ господина. Такъ какъ онъ въ своей преступной жизни щадилъ интересы вліятельнаго и плутоватаго духовенства, то оно было настолько безстыдно, что еще помогало ему формально тѣмъ, что удерживалось отъ своего veto, которое во всѣ времена было дѣйствительно уздою для тирановъ. Религія вездѣ употреблялась какъ вывѣска. Кто хотѣлъ спасти отъ грязныхъ рукъ тирана свое добро, своихъ рабовъ, своихъ дѣтей обоюго пола, отличавшихся тѣлесной красотою, того учили

¹⁾ Мыъ рассказывали въ Бохарѣ, что эти люди, стоя предъ кѣмъ нибуль съ скрещенными руками, дѣлали въ длинныхъ и широкихъ рукавахъ бохарскаго платья тайныя замѣтки, чтобъ можно было потомъ слово въ слово переждать слышанное.

въ упрямствѣ предѣ, княземъ правовѣрныхъ,“ предѣ „тѣнью Бога на землѣ,“ и его дерзость должна была нести самыя страшныя наказанія. Подобныхъ преступниковъ умерщвлять посредствомъ всевозможныхъ истязаній, по цѣлымъ днямъ подвергать мукамъ въ ямѣ¹⁾, наполненной овечьими вшами, сбрасывать съ высокихъ стѣнъ или башенъ, съ живыхъ сдирать кожу, или сожигать ихъ въ пылающей печи— все это въ глазахъ жалкаго тирана были наказанія, которымъ онъ обыкновенно подвергалъ безъ всякаго разбирательства, между тѣмъ какъ самъ, какъ уже упомянуто, не боясь ни людей, ни Бога, валялся въ лужѣ пороковъ.

Такой государь возсѣдалъ на престолѣ Трансоксаніи, когда предвѣстники европейскаго могущества и европейскаго духа, проникнувъ въ многія страны Азіи, достигли воротъ и этой, въ глубокой древности уже знаменитой, но съ тѣхъ поръ все еще почти неизвѣстной, земли и начали въ нихъ стучаться. Именно Россія, по длинному, въ продолженіи многихъ вѣковъ пройденному ею пути съ сѣвера, сквозь дико-воинственныя орды и по негостепріимнымъ стѣнямъ, достигла береговъ Яксарта, между тѣмъ какъ Британцы, къ югу отсюда, образовали, менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ, гигантскую Индѣйскую Имперію изъ своихъ скромныхъ торговыхъ факторій и теперь, бросая смѣлый орлиный взоръ завоевателя поверхъ Сулеймановой цѣпи, остановились въ разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ Окса. Первое соприкосновеніе азіатскихъ земель съ Западомъ всегда имѣло высокое значеніе для блага и зла и для дальнѣйшаго существованія этихъ земель. Тамъ, гдѣ фанатизмъ и самообольщеніе дѣлали невозможными всякую гибкость, всякое обученіе,—тамъ быстро слѣдовали

¹⁾ Эта страшная темница извѣстна подъ именемъ Сіахъ чахъ (черный колодець), также Кенне хане (шивный домъ). Въ немъ кшѣли эти насекомыя, которыхъ, за недостаткомъ живой жертвы, кормили выброшенными внутренностями убитыхъ живогныхъ. Преступника бросали туда связаннаго, чтобы онъ не могъ защищать себя отъ этихъ насекомыхъ.

насмльственный разрывъ и паденіе, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ известная степень податливости и добровольное вступленіе на лучшую стезю государственной и общественной жизни должны были вызывать видимое снисхожденіе и дружескую взаимность. Къ послѣдней категоріи можно причислить Турцію, Персію, Египеть, даже весь сѣверный берегъ Африки, между тѣмъ какъ подъ первыми землями можно разумѣть Монгольскую Имперію въ Индіи и Трансоксанію. Если поэтому въ Бохарѣ точное до іоты исполненіе могаммеданскаго закона, ограниченные взгляды ея обитателей, окруженныхъ степной полосой, а, можетъ быть, и блескъ прошлаго величія, гнушаясь всякаго обновленія и рѣшительно отрицая дѣйствительное превосходство новаго міросозерцанія, уже по принципу должны были отвергнуть всякое сношеніе съ христіанскимъ западомъ,—то можно-ли было и подумать о пробужденіи, объ участіи въ новомъ міровомъ движеніи подъ руководствомъ такого государя, какимъ былъ Насруллахъ?! Мы скоро увидимъ, какъ Насруллахъ встрѣтилъ это первое соприкосновеніе съ христіанскимъ западомъ, какъ онъ понялъ могущество и вліяніе европейскихъ странъ, и уже изъ этого читатель можетъ увидѣть, что Трансоксанія, наперекоръ прочимъ могаммеданскимъ землямъ Азіи, уже съ самаго начала противилась всѣмъ попыткамъ къ ея перерожденію, и что гибель ея государственнаго существованія была рѣшена не новѣйшимъ русскимъ завоеваніемъ Самарканда, но еще за 30 лѣтъ до того, поведеніемъ Насруллаха хана. Но пока мы дойдемъ до этого пункта, необходимо хотя немного поговорить о политическихъ отношеніяхъ Насруллаха къ ближайшимъ сосѣднимъ землямъ.

Что этотъ порочный сынъ зелотствовавшего эмира Самда, одушевляемый страстью къ войнѣ, хотѣлъ играть роль великаго завоевателя, объ этомъ мы уже говорили. Къ удовлетворенію этой страсти, весьма удобный случай представилъ

прежде всего городъ Шегри Себзъ съ окрестностями. Узбеки этой части Бохарскаго ханства, принадлежащiе къ племенамъ Мингъ, Ачмаили и Кунградъ, уже при первыхъ Аштарханидахъ, очень часто возставали противъ верховности Бохары и причиняли много хлопотъ князьямъ этого дома еще и потому, что, во первыхъ, могли опираться на четыре крѣпкiя цитадели, и во вторыхъ, родина ихъ была защищена болотною мѣстностью. Впрочемъ, ненависть, ихъ одушевлявшая, происходитъ собственно изъ послѣдняго столѣтiя, именно изъ братоубiйственной войны Мекима хана и Обейдуллаха хана, или, точнѣе сказать, изъ соперничества между племенами Мангитъ и Кунградъ. Эта ненависть, естественно, должна была все усиливаться отъ того обстоятельства, что первое изъ названныхъ племенъ одержало верхъ и даже потомъ взошло на тронъ,—и такъ, мы видимъ Узбековъ Шегри Себза въ постоянной и ожесточенной враждѣ съ поведителями изъ дома Мангитъ. Эмиръ Маасумъ испробовалъ на нихъ свое оружье; при эмирѣ Саидѣ они по цѣлымъ годамъ жили въ совершенной независимости, и Насруллахъ предпринялъ первый свой военный походъ противъ этой мятежной провинци. Это былъ упорный и продолжительный бой тирана съ храбрыми защитниками родного города. Не разъ онъ бралъ этотъ городъ, послѣ многомѣсячной осады, и его жителей принуждалъ къ покорности, но какъ только уходилъ съ своими войсками, опять началась старая игра. Онъ пробовалъ составить себѣ партiю то посредствомъ влiянiя священниковъ, то убiйствами и подкупами, наконецъ, онъ даже какъ-то женился на сестрѣ своего заклятаго врага Велинаама хана, стоявшаго во главѣ движенiя—ничто не помогало! Шегри Себзъ продолжалъ бунтовать и упорствовалъ въ этомъ, какъ увидимъ, до самой смерти тирана.

Также упорны и также не особенно удачны были войны Насруллаха съ Хокандомъ, какъ называется со времени

Аштарханидовъ эта Фергана древности. Какъ мы видѣли въ продолженіи нашего разсказа, эта восточная земелька потеряла свою самостоятельность послѣ окончателнаго пораженія Бабера и, какъ мнѣ хорошо извѣстно, опять отчасти возстановила свое государственное бытіе только послѣ паденія Шайбанидовъ. Когда эта послѣдняя династія доживала цвѣтущее время своего владычества, въ восточной части нынѣшняго Хоканда, именно отъ Ооша и почти до Ходженда, появилась, въ качествѣ претендента трона и соперника Шейбанидовъ, фамилія монгольскаго происхожденія, главою которой былъ Юнисъ ханъ, по матери, дѣдъ Бабера. При большомъ расширеніи власти первыхъ Шейбанидовъ, она держалась на гористомъ сѣверѣ Хоканда, только изрѣдка отваживаясь объявлять свои притязанія на тронъ. Правда, сыновья Юниса хана отняли у временщика Тенбеля ¹⁾ господство надъ Эндиджаномъ и, съ помощію Кара-Киргизовъ и Бипчаковъ, довольно долго оказывали энергическое противодѣйствіе узбекскому вліянію, но потомки этой фамиліи достигли фактическаго обладанія Хокандомъ только во время Сунганкули хана ²⁾, хотя съ другой стороны увѣряютъ, что даже и тогда на монетѣ и въ молитвѣ красовалось имя повелителя на Зеревшанѣ. По мѣрѣ того, какъ падало значеніе послѣдняго, ханы Хоканда расширяли границы своей земли и даже распространили свои наследственныя права, какъ потомки фамиліи Каиду, на всю прибрежную полосу Яксарта, на собственную провинцію Турвестанъ, а съ начала нынѣшняго столѣтія старались покорить своему скипетру Ходжендъ, Ташкендъ и даже далѣе. Протекло бо-

¹⁾ Какъ извѣстно, Тенбель, въ то самое время когда Баберъ отправился въ Самаркандъ противъ Шейбани, тайно возсталъ и захватилъ Эндиджанъ, но скорѣй потомъ былъ побѣжденъ Баберомъ родственникомъ, по матери.

²⁾ Я слѣдую здѣсь устнымъ показаніямъ моихъ хокандскихъ товарищей въ путешествіи, такъ какъ для самаго недавняго прошедшаго Хоканда вовсе нѣтъ историческихъ источниковъ.

лѣ 500 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Канду, внукъ Октая, велъ войну изъ-за обладанія Туркестаномъ съ потомками Чагатая, и, при всемъ недостаткѣ письменныхъ документовъ, сознание непрерывности права постоянно было у монгольскихъ принцевъ этого дома и послужило причиной возобновленія борьбы. Послѣдніе Аптарханиды, при вяломъ характерѣ своего правленія, мало или вовсе не беспокоили владѣтелей Хоканда, но съ воцареніемъ дома Мангитъ это отношеніе измѣнилось. Эмиръ Маасумъ велъ кровопролитныя войны за Ходжендъ, а его внукъ Насруллахъ, подстрекаемый охотой къ грабежу, напалъ на Хокандъ и потому еще, что тамошній князь Мегеммедъ Али ханъ своими побѣдами надъ Китайцами въ восточномъ Туркестанѣ, прославилъ свое имя во всемъ могомеданскомъ мірѣ и своимъ справедливымъ правленіемъ привелъ свою землю въ цвѣтущее состояніе, а своими подданными былъ любимъ въ такой степени, въ какой безпутный Насруллахъ внушалъ страхъ и отвращеніе. Завоевательной страсти этого тирана очень много содѣйствовало появленіе Абдула Самеда хана, столько же лукаваго, сколько и подлаго персидскаго бродяги. Этотъ человѣкъ, или, правильнѣе, чудовище, осужденный какъ плутъ въ Персіи, а это много значитъ при испорченномъ характерѣ нынѣшнихъ Персіянъ, долгое время бродилъ по Индіи и Афганистану, съ ничтожными понятіями о европейскомъ военномъ искусствѣ, которыя приобрѣлъ еще въ юности, потомъ (1835), когда Гакимъ бай былъ еще въ силѣ, явился въ Бохару попытать счастья. Кущбеги хотѣлъ сдѣлать его военнымъ наставникомъ (*Instructeur militaire*), но, какъ *similis simili gaudet* (свой своему радъ), то онъ и былъ принятъ Насруллахомъ съ особенною благосклонностью и съ титуломъ Наюба поставленъ во главѣ бохарской арміи какъ генералиссимусъ. Такъ какъ онъ, навѣрно, могъ лучше обращаться съ пушками, чѣмъ Узбеки, также зналъ два-три французскихъ слова команды, то его новый государь и вообря-

зиль, что приобрѣлъ въ немъ чудо военныхъ способностей, съ помощью котораго скоро достигнетъ горячо желаемаго имъ титула завоевателя, и, чтобы напередъ уже показаться въ этомъ качествѣ своему державному брату въ Хокандѣ, были открыты въ 1839 году военныя дѣйствія противъ Мегеммеда Али хана. Какъ первый casus belli было выставлено сооруженіе Хокандцами еще въ 1819 году пограничной крѣпости Пишагирь. Насруллахъ требовалъ срытія ея. Получивъ отказъ, онъ отправился туда съ арміей, и Абдуль Самедъ имѣлъ удовольствіе показать первое искусство своего артиллерійскаго парка на рыхлыхъ земляныхъ стѣнахъ, а его государь съ чувствомъ гордости возвратился съ этого побѣдоноснаго похода. Какъ утверждаютъ въ Бохарѣ, Мегеммедъ Али, зная непріязненное настроеніе своего западнаго сосѣда и не желая быть застигнутымъ въ распахъ, самъ открылъ наступательную войну въ началѣ 1841 года. Именно—онъ прогналъ бохарскій гарнизонъ изъ Оратепе, которое по праву принадлежало Хоканду, и овладѣлъ этимъ мѣстомъ съ окрестностями. Поэтому Насруллахъ второй разъ выступилъ противъ него съ превосходнымъ числомъ узбекской конницы и съ 500 человекъ вновь составленной милиціи (Сербазъ), которая была подъ начальствомъ своего руководителя и организатора Абдула Самеда хана, и, послѣ трех-мѣсячной осады, опять взялъ Оратепе. По обыкновенію, онъ произвелъ здѣсь кровавую расправу, которая сдѣлала жителей названнаго города заклятыми его врагами, такъ что не успѣлъ онъ еще возвратиться въ Самаркандъ, какъ они согласились съ Хокандцами, напали на бохарскій гарнизонъ и перебили солдатъ и офицеровъ. Можно себѣ представить, съ какою яростью и поспѣшностью Насруллахъ послѣ этого приключенія опять напалъ на Оратепе. Его противникъ долженъ былъ тогда употребить значительную часть своихъ боевыхъ силъ для наблюденія за Русскими въ низовьи Яксарта, поэтому и не отважился принять бой и отступилъ по ход-

жендской дорогѣ, но Насруллахъ преслѣдовалъ это шагъ за шагомъ и подлѣ Ходженда принудилъ его къ битвѣ. Мегеммедъ Али проигралъ ее. Преслѣдуемый на пути отступленія и видя въ опасности свою столицу, онъ отправилъ къ побѣдителю парламентаря и заключилъ при Когне Бадемѣ миръ, по которому долженъ былъ подчиниться верховной власти побѣдителя и уступить ему Ходжендъ со многими другими мѣстами. Легко понять, что этотъ миръ не примирилъ обѣихъ партій. Чтобъ еще болѣе досадить побѣжденному, злобный эмиръ Бохары назначилъ губернаторомъ вновь завоеванной провинціи брата Мегеммеда Али и претендента на престолъ, прежде убѣжавшаго въ Бохару. Но этотъ разъ онъ ошибся въ расчетѣ. Находившаяся еще въ живыхъ мать хокандскихъ князей помирила братьевъ, и эмиръ еще не успѣлъ объ этомъ узнать, какъ Ходжендъ съ прочими мѣстами снова перешелъ во власть Хоканда, и онъ вмѣсто одного имѣлъ дѣло теперь съ двумя непріятелями. Ярость бохарскаго тирана не имѣла границъ, и жажда мщенія побудила его къ чрезвычайнымъ вооруженіямъ. Кромѣ обыкновенной своей арміи, состоявшей изъ 30,000 всадниковъ и 1000 сербазовъ, онъ нанялъ еще 10,000 Туркомановъ изъ племенъ Текке и Салоръ. Усиленными маршами послѣшивъ въ Хокандъ, онъ напалъ на Мегеммеда. Али такъ внезапно, что этотъ долженъ былъ бѣжать изъ своей столицы, но былъ настигнутъ подлѣ Мерголана, а десять дней спустя казненъ въ своей собственной столицѣ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и двумя сыновьями ¹⁾. И супруга несчастнаго, и даже ребенокъ въ ея утробѣ не были пощажены, и жестокой побѣдитель, передавъ палачу большую часть приверженцовъ Мегеммеда

¹⁾ Для оправданія этого жестокаго поступка, Насруллахъ велѣлъ распустить слухъ, будто Мегеммедъ Али имѣлъ съ своей собственной матерью невольнительную связь и потому, по законамъ корана, заслуживаетъ смерть.

Али и конфисковавъ все ихъ имущество, возвратился въ Бохару, а въ завоеванномъ городѣ оставленъ былъ Ибрагимъ би, родомъ изъ Мерва, съ 2000 человекъ въ качествѣ гарнизона.

Хотя успѣхъ бохарскаго оружія можетъ быть признанъ значительному превосходству силы, но, съ другой стороны, не мало ему содѣйствовали и интриги, посредствомъ которыхъ Насруллахъ посѣялъ раздоръ въ средѣ могущественнаго и вліятельнаго племени Кипчаковъ ¹⁾). Ему удалось на нѣкоторое время удалить съ поля дѣйствій этотъ дико-воинственный народъ, но высокомѣрное поведеніе Бохарцевъ скоро положило конецъ ихъ нейтралитету, — они овладѣли гарнизономъ и городомъ и возвели на престолъ убѣжавшаго къ нимъ Шира Али хана, сына Мегеммеда Али ²⁾). Такъ какъ въ Хокандѣ каждому было извѣстно, что Насруллахъ будетъ мстить, то заранѣе были приняты самыя энергическія мѣры къ сопротивленію. Хокандъ при этомъ случаѣ былъ въ первый разъ обнесень толстою глиняною стѣною, и только что она была окончена, какъ предъ нею появилась бохарская армія, состоявшая изъ 15,000 человекъ, подъ предводительствомъ искателя короны и давноуже покровительствуемаго Насруллахомъ. Мусульманъ Куль (такъ онъ назывался), кажется, еще на дорогѣ сговорился съ своими земляками, городскія ворота вскорѣ были ему отворены, и его первый шагъ былъ тотъ, что онъ тотчасъ возсталъ противъ Насруллаха, который послалъ его сюда, чтобы потомъ сдѣлать его ханомъ, и, соединившись съ земляками, обратилъ въ бѣгъ

¹⁾ Кипчаки, только въ незначительномъ числѣ обитавшіе на сѣверо-востокѣ Хокандскаго ханства, считаются самымъ храбримъ и наиболее воинственнымъ турецкимъ племенемъ и потомками тѣхъ Монголовъ, которые прежде, подъ именемъ Джете-Могуль, вели ожесточенную борьбу съ Тимуромъ и позже, при сыновьяхъ Юниса хана, овладѣли этою восточною частью Туркестана.

²⁾ О генеалогическихъ отношеніяхъ фамиліи Мегеммеда Али хана см. мое путешествіе въ Средней Азіи, стр. 311.

ство Бохарцевъ, пришедшихъ съ нимъ. Бохарскій эмиръ, отъ бѣшенства слегшій въ постель, отправилъ теперь въ четвертый разъ противъ Хоканда армію, подъ предводительствомъ Шахруха Мирзы, который, впрочемъ, дошелъ только до Оратепе, потому что смерть тирана, какъ мы увидимъ далѣе, положила конецъ войнѣ, и результатъ всѣхъ плановъ противъ Хоканда состоялъ только въ томъ вредѣ для послѣдняго, что Русскіе, при своемъ движеніи въ низовьи Яксарта, встрѣчали мало сопротивленія; въ самомъ же Хокандѣ все осталось по старому.

Не лучше было отношеніе Насруллаха хана и къ своему западному сосѣду, хану Хивы, гдѣ къ старинно^{му}, вѣковой враждѣ присоединился, съ возвышеніемъ дома Мангитъ, новый благовидный casus belli. По мѣрѣ того, какъ Россія ближе придвигала къ правому берегу Яксарта и къ Аральскому озеру аванпосты своего войска, дѣйствовавшего въ тишинѣ и съ временными перерывами,—отдѣльные Казаки изъ малой и изъ средней орды, недовольные русскою властью ни подъ какимъ видомъ, все отступали къ обработанной полосѣ туркестанскихъ странъ оазовъ, что бы найти себѣ защиту, такъ сказать, въ тѣни тѣхъ независимыхъ могомеданскихъ государствъ. Что они нашли здѣсь не защиту и оборону, а совсѣмъ противное, къ этому мы еще возвратимся, но приближеніе ихъ было весьма бѣдственно для самыхъ ханствъ, потому что Хива, также какъ и Бохара, утверждала, что приняла ихъ въ число своихъ подданныхъ, и хотя Казаковъ стригли и оббирали сразу два господина, но послѣдніе сильно поссорились между собою, и не проходило и десяти лѣтъ, чтобы эти Казаки не давали повода къ войнѣ. Въ правленіе Насруллаха вражда была непревѣтная и даже въ то время, когда русская экспедиція, подъ начальствомъ генерала Перовскаго, поставила Аллахкули хана, повелителя Хивы, въ крайнюю опасность, даже и тогда князь, „священной Бохары“ распространилъ свои

разбойническіе набѣги до Гезаресна и тѣмъ помогъ общему врагу достигнуть своихъ цѣлей не только на сѣверовостокѣ, но и на западѣ. Непріязнь Бохарцевъ продолжалась и при Регимкули ханѣ, правившемъ въ Хивѣ съ 1841 по 1843 годъ, и только сильная рука Мегеммеда Эмина хана (1843—1855) была въ состояніи остановить свирѣпаго Зеревшанскаго злодѣя, который, впрочемъ, всегда оставался ожесточеннымъ врагомъ своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ въ низовья Окса ¹⁾.

О дружескомъ расположеніи Персіи въ Бохарѣ не могло быть и рѣчи ни въ какое время, и всего менѣе въ правленіе Насруллаха. Болѣе 20,000 Персіянъ томилось тогда въ неволѣ въ Бохарскомъ Ханствѣ. Они принадлежали болѣею частью къ сѣверовосточнымъ провинціямъ Ирана и хотя многіе достигли высокихъ должностей, но картина этого насильственнаго опустошенія цѣлыхъ городовъ и деревень была слишкомъ ужасна, чтобы Аббасъ Мирза, воинственный и способный сынъ Фетга Али Шаха, находившійся тогда въ Хоразанѣ, могъ долѣе оставаться хладнокровнымъ ея зрителемъ. Этотъ принцъ только что прогналъ тогда Туркомановъ изъ Сарахса и Мерва, и его положеніе съ сильною и многочисленною арміею въ послѣднемъ изъ названныхъ мѣстъ внушало бохарскому эмиру довольно основательный страхъ. Если-бы не помѣшала неприянь Аллагули, хивинскаго хана, постоянно подстрекавшаго Туркоманъ противъ Персіи, то славолбивый Аббасъ Мирза, навѣрно, предпринялъ бы набѣгъ если не на столицу, то на ближайшіе города въ Бохарскомъ Ханствѣ; но этотъ разъ онъ долженъ

¹⁾ Турецкіе обитатели Бохары и Хивы уже много вѣковъ живутъ въ ожесточенной враждѣ между собою, несмотря на то, что они Узбеки и даже имѣютъ общіе племенные интересы. Узбекъ Бохары считаетъ своего западнаго соплеменника неотесаннымъ, грубымъ и варваромъ, а послѣдній — смотритъ на того, какъ на лукаваго, обманывающаго, словомъ какъ на челоуѣка со всѣми пороками Таджика.

былъ ограничиться только угрозой, и Насруллахъ, вообразившій, что набѣгъ не состоялся изъ страха предъ его силой, сдѣлался тѣмъ смѣлѣе по отношенію къ Персіи. И въ Афганистанѣ обстоятельства сложились не менѣе благопріятно для удовлетворенія хищничества и властолюбія этого кровожаднаго тирана. Афганское царство, основанное первыми князьями изъ дома Дурани, уже почти совсѣмъ тогда распалось, вслѣдствіе безконечныхъ братоубійственныхъ войнъ. Ренджитъ Сингъ, „Левъ Пенджаба“, послѣ столь несчастнаго для Афганцевъ сраженія при Нучеро, раздвинулъ границы своей земли до Пешавера. Персія не только отвоевала часть Хоразана, но захотѣла вознаградить себя и на афганской территоріи и напала на Герать. Хивинцы, въ правленіе Регимкули хана, торжествовали надъ Джемшидіями, кочующимъ народомъ иранскаго происхожденія, въ верховья Мургаба. Не диво поэтому, что Насруллахъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, распространилъ вліяніе своей власти на лѣвую береговую полосу, для осуществленія тамъ старыхъ притязаній Бохары. Правда, ему не могло удалиться фактическое присоединеніе Белха, Хулма, Андхоя и Меймене, но при томъ страшномъ запустѣніи, до котораго эти мѣстности были доведены, онъ, казалось, и не особенно добивался этого; за то, пока военный походъ Яра Могаммеда хана не разстроилъ его расчетовъ, онъ пользовался неограниченнымъ верховнымъ правомъ надъ этими 12-ю ханствами, которыя охотно платили ему ежегодно небольшую дань, чтобы подъ защитой Бохарскаго эмира, достигшаго до такого значенія, быть обезпеченными противъ афганскихъ, или другихъ нападений.

Итакъ мы видимъ, что Насруллахъ ханъ; всячески поддерживаемый обстоятельствами въ своихъ мечтахъ о величіи, при всѣхъ неудачахъ, по временамъ его постигавшихъ, уже воображалъ себя въ сіяніи славы Шегиншаха (царя царей). Конечно, это былъ и смѣшной и глупый при-

здравъ, но все же онъ въ состояніи былъ въ этомъ варварѣ, чувствовавшемъ себя въ безопасности подъ защитою своихъ песчаныхъ пустынь и рѣшительно ничего не знавшемъ о внѣшнемъ мірѣ, возбудить такое же высокомеріе и дерзость въ отношеніяхъ къ европейскимъ великимъ державамъ, какъ будто онъ имѣлъ дѣло съ Хокандомъ и Хивой. Въ виду тѣхъ политическихъ комбинацій, съ которыми Россія и Великобританія приближались къ границамъ Трансоксаніи, ему было удобно вести дерзкую игру безнаказанно, хотя и съ малою проницательностью онъ могъ бы уже тогда убѣдиться, что тѣнь великой державы, съ сѣвера упавшая на Туранъ, все удлинняется и грозитъ затмить существованіе его ближайшихъ потомковъ.—Что касается Россіи собственно, то она еще съ прошлыхъ столѣтій находилась въ постоянныхъ политическихъ сношеніяхъ съ Бохарой. Старинный, еще изъ среднихъ вѣковъ, торговый трактъ изъ внутренней Азіи, вдоль Волги, въ Москву и Новгородъ, сдѣлалъ необходимымъ сближеніе великаго князя Россіи съ Бохарскимъ ханомъ, но сношенія между обоими повелителями, ради торговыхъ интересовъ, поддерживали только простые агенты, и первое дипломатическое посольство, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, имѣло мѣсто, подъ начальствомъ Негри, въ 1820 году, причемъ мы получили первыя достовѣрныя свѣдѣнія о Бохарѣ отъ барона Г. Мейендорфа, члена той миссіи. Колонны русскихъ войскъ еще начинали тогда показываться на южной окраинѣ песчаныхъ степей, но только съ Хокандомъ и Хивой онѣ позволяли себѣ пограничныя споры; съ Бохарой держались на дружеской ногѣ потому уже, что Русскіе хотѣли до тѣхъ поръ падить это самое значительное и сравнительно самое сильное изъ ханствъ, пока справятся съ меньшими и слабѣйшими—политика, во всѣхъ отношеніяхъ здравая, и петербургскій дворъ могъ-бы и впредь держаться ея, если-бы Великобританія, его соперницѣ на поприщѣ азіатскихъ завоеваній, въ равной мѣрѣ сознавав-

шей важность Бохары, не пришла охота вступить въ сношеніе съ государствомъ на Зерешанѣ, не ради завоеваній, но для защиты уже завоеваннаго. Это политическое соревнованіе въ Бохарѣ двухъ христіанскихъ европейскихъ державъ, которое, какъ увидимъ далѣе, сдѣлало полоумнымъ надменнаго и много о себѣ думавшаго Насруллаха, началось съ англійской стороны въ 1832 году полуоффиціальнымъ путешествіемъ Александра Барнса. Россія придавала путешествію этого гениальнаго Шотландца болѣе важности, чѣмъ сколько оно имѣло на самомъ дѣлѣ. Въ 1834 году отправился изъ Петербурга въ Бохару посоль Демезонъ, въ 1835 году политическій агентъ Витковичъ, затѣмъ, что-бы, какъ говорили, добиться освобожденія русскихъ плѣнныхъ, въ сущности же, чтобы въ выраженіяхъ, обычныхъ въ той странѣ, увѣрить эмира въ нелицемерной дружбѣ русскаго царя. Впрочемъ, эти завѣренія въ дружбѣ были вполне своевременны, потому что въ то самое время, когда русскіе дипломатическіе акты такъ пріятно щекотали самолюбіе Насруллаха высокопарными величаніями ¹⁾, русское оружіе, все болѣе и болѣе, приближалось къ восточной части степныхъ странъ, а въ Бохарѣ не обращали ни малѣйшаго вниманія на грохотъ русскихъ пушекъ

¹⁾ Россія всегда съ большимъ тактомъ держалась принципа *Si fueris Romanus et in.* Съ восточными князьями она строго соблюдала правила восточнаго этикета и стилистики. Въ статіѣ Залѣсова одипломатическихъ сношеніяхъ между Россією и Бохарой въ 1836—1843 годахъ приведено, какъ образецъ сффиціальнаго корреспонденціи, письмо графа Перовскаго, тогдашняго Оренбургскаго военнаго губернатора; въ немъ слѣдующимъ образомъ титулуется Эмиръ: „Истолкователю всей мудрости и законовъ, высокопочетному, совершеннѣйшему, славному и великому Эмиру (именно Насруллаху-го!); этому отростку благотворительнаго Хакана, этому средоточію учености, порядка и славы; этому разсыпателью всякаго благополучія представляемъ наше искреннее уваженіе и преданность! Да сохранитъ его всевышній и всемогущій Богъ на престолѣ владычества и счастья отъ всѣхъ бурь и напастей и да дастъ ему долгоденствіе.“ (См. *The Russians in Central-Asien. Translate from the Russian by John and Robert Mitchell. Лондонъ 1865 г. Стр. 409.*)

на Яксартѣ. И по отношенію къ способу, какииъ бохарскій эмиръ отвѣчалъ на посольства Россіи, русскій дворъ выказалъ поразительную уступчивость и терпѣніе. Когда Насруллахъ хотѣлъ доставить одному изъ своихъ камердинеровъ (мегремъ), или какому придворному офицеру прибыльную должность, то этотъ посылался какъ его представитель въ Петербургъ, чтобы достать тамъ дорогіе подарки и себѣ и ему также. Иногда давалось этому мнимому дипломату порученіе просить у русскаго правительства военныхъ инструкторовъ, искусныхъ рудокоповъ и другихъ техниковъ: въ нихъ будто-бы эмиръ нуждается и желаетъ щедро награждать ихъ за ихъ услуги. Эти идеи, естественно, были только причудливымъ произведеніемъ каприза, потому что какъ могъ недовѣрчивый эмиръ допустить иностраннымъ офицерамъ ѣздить по его землѣ и изучать ее ¹⁾? Наконецъ таки и русское терпѣніе дошло до своихъ границъ. Въ Афганистанѣ потерпѣла неудачу партія, противодѣйствовавшая Британцамъ. Достъ Могаммедъ ханъ, ея предводитель, долженъ былъ бѣжать въ Бохару, и, при извѣстіи, что англійскіе аванпосты уже приблизились къ лѣвому берегу Окса, Россія захотѣла войти въ соглашеніе съ Бохарой и отправила въ 1840 году майора Бутеньева, во главѣ политико-научной миссіи, въ столицу на Зеревшанѣ. Этотъ, облеченный полномочіемъ, дипломатъ, долженъ былъ прежде всего поставить эмира въ извѣстность на счетъ дружескихъ чувствъ, которыя показалъ Петербургскій дворъ къ могаммеданскимъ государствамъ, напр. къ султану Махмуду II въ его затрудненіяхъ съ Мегеммедомъ Али Египетскимъ, или къ Могаммеду, шаху Персіи—чувствъ, которыя и Насруллахъ можетъ пріобрѣсти, если приметъ

¹⁾ Правда, позже, въ бытность Бутеньева была предпринята не большая русская учная экспедиція въ горы Самарканда, но ея члены подвергались на каждомъ шагу строгому надзору точно опасные шпіоны, такъ что на работы Леманна и Яковлева слѣдуетъ смотрѣть, какъ на чудо.

на себя слѣдующія обязательства: 1) ни явно, ни тайно не вступать въ непріязненныя отношенія къ Россіи; 2) не держать Русскихъ въ неволѣ и защищать личность также, какъ и собственность каждаго русскаго подданнаго; 3) имущества умершихъ въ Бохарѣ русскихъ подданныхъ не конфисковать, а въ цѣлости отсылать обратно въ Россію; 4) строжайше запретить Бохарцамъ грабить русскихъ подданныхъ, или употреблять противъ нихъ насиліе и всѣхъ, противодѣйствующихъ этому повелѣнію, немедленно наказывать; 5) русскіе товары облагать равномѣрными пошлинами, которыя не должны превышать 5 процентовъ ихъ дѣйствительной стоимости; 6) русскіе купцы на бохарской территоріи не должны подвергаться никакимъ притѣсненіямъ и пользоваться такою же защитой, какую находятъ Бохарцы на русской почвѣ. Съ русской стороны обѣщаны соотвѣтствующія этимъ условіямъ выгоды и признанія, и, если мы примемъ въ разсужденіе издержки русскаго правительства на снаряженіе этой миссіи, отчасти и способность отдѣльныхъ ея членовъ, то насъ нисколько не должно удивлять, что въ Петербургѣ ожидали рѣшенія важнаго вопроса отъ Бутеньева, отправившагося въ путь изъ Оренбурга съ первымъ дыханіемъ майскаго вѣтерка.

И даже Россія, эта азіатская Россія, была на столько неопытна, что предалась нѣкоторымъ иллюзіямъ на счетъ Насруллаха! И что могъ знать безумный развратникъ на Бохарскомъ тронѣ о различіи между отправленіемъ простаго агента и миссією уполномоченнаго посла, или, можетъ быть, его прежній бече, 19 лѣтній визирь Абдулъ Халикъ, далъ ему объясненіе содержанія императорскаго собственноручнаго письма и депеши графа Нессельроде? Правда, пріемъ и угощеніе русскаго посольства не оставляли желать ничего лучшаго, но въ дѣловомъ отношеніи эта миссія ровно ничего не достигла. Насруллахъ милостиво принялъ подарки и изъявленіе дружбы своего царственнаго брата

на берегахъ Невы, также обратилъ вниманіе и на минералогическія свѣдѣнія нѣкоторыхъ членовъ посольства, но къ переговорамъ о желательномъ со стороны Россіи трактатѣ его ничѣмъ нельзя было побудить. То онъ торопился двинуться на Хокандъ, во главѣ своей побѣдоносной арміи, то его отвлекало то, или другое занятіе, и когда майоръ Бутеньевъ, послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія въ Бохарѣ, послѣ многократныхъ, но тщетныхъ домогательствъ аудіенціи, былъ позванъ 14 Апрѣля 1841 года *выслушать милостивыя слова Эмира*, то онъ нашель этого послѣдняго во дворѣ дворца, въ сапогахъ со шпорами, готовившагося сѣсть на лошадь, чтобы снова отправиться въ походъ въ Хокандъ. Чрезвычайному и уполномоченному послу императора Николая было сообщено со всею поспѣшностью, что разсмотрѣніе его дѣла передано главному тафельдекеру (Дестур-ханджи¹⁾), и послѣ этого, кивнувъ головою въ знакъ прощанья, Насруллахъ поскакалъ къ воротамъ. Теперь только замѣтилъ русскій посоль, съ какимъ презрѣніемъ этотъ варваръ обошелся съ нимъ, или, собственно, съ его императоромъ. Русскіе были вправѣ вознегодовать на этотъ актъ варварства; но Насруллаха нисколько не тревожило это явное нарушеніе правилъ международныхъ сношеній. Отъ побѣдъ въ Хокандѣ его тщеславіе сдѣлалось еще больше, чѣмъ оно было, и онъ дѣйствительно уже мечталъ о роли Дженгиза и Тимура. И отъ давящаго кошмара англійскаго нашествія онъ почувствовалъ себя освобожденнымъ, такъ какъ тогда уже прибыло извѣстіе о кабульской катастрофѣ, объ умерщвленіи и изгнаніи Англичанъ, и когда онъ увидѣлъ, что и Афганцы, предъ которыми онъ воображалъ себя Александромъ великимъ, могутъ торже-

¹⁾ Дестур-ханомъ т. е. застольной церемоніей называется собственно *скатерть*, которую кладутъ подъ кушанья въ центральной Азіи, а также и общай каждому гостю, при его вступленіи въ домъ, накрывать столъ, за которымъ онъ непременно долженъ что нибудь откусать. Дестур-ханджи называется тотъ, которому поручена эта служба.

ствовать надъ высокопрославленнымъ регулярнымъ войскомъ великой европейской державы, то чего-же ему было страшиться отъ гнѣва своего сѣвернаго врага, главная квартира котораго находилась въ такомъ далекомъ разстояніи отъ границъ его земли?

Кто можетъ послѣ сказаннаго еще удивляться, что Англія, строго державшаяся основныхъ правилъ европейской морали даже и по отношенію къ испорченнымъ азіатцамъ, еще менѣе пожалала плодовъ отъ своихъ политическихъ сношеній съ Бохарой, почувствовала себя еще глубже-оскорбленною, чѣмъ Россія? Обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ британское правительство пришло въ соприкосновеніе съ столицей на Зеревшанѣ слишкомъ новы и всѣмъ извѣстны, чтобы необходимо было здѣсь подробное ихъ изложеніе. Начиная съ той минуты, какъ англо-индійскія войска перешли Индъ, столкновение съ среднеазіатцами и сближеніе съ Бохарой, этимъ іерархически-политическимъ центромъ мусульманскаго міра внутренней Азіи, сдѣлалось неизбѣжнымъ и именно по двумъ слѣдующимъ главнымъ побужденіямъ: во первыхъ, Бохара, при всемъ своемъ внутреннемъ гнѣніи и разложеніи, все еще была державой руководительницей для прочихъ среднеазіатскихъ народовъ, и ханы на Зеревшанѣ все еще могли бросать на сосѣднія страны нѣкоторые лучи отъ сіянія прошлаго старыхъ повелителей Трансоксаніи. Чтѣ Бохара одобряла, было одобряемо; чтѣ Бохара любила, было любимо. Поэтому Англія должна была заручиться дружбой Бохары и для того заранѣе сдѣлать необходимые шаги, приготовить по ту сторону Сулеймановой цѣпи почву для своей политики, къ сожалѣнію, рановременной ¹⁾ и торопливой, а потому и окончившейся несчастно. Во вторыхъ,

¹⁾ Я говорю рановременной, потому что если бы Англичане сперва перешли Сутледжъ, утвердили свое господство въ Пенджабѣ и лучше узнали Афганцевъ послѣ многолѣтнихъ непосредственныхъ наблюденій, то походъ въ Афганстанъ, навѣрно, не имѣлъ бы такого печальнаго конца. По всему вѣроятію, онъ и вовсе не былъ бы предпринятъ.

такъ какъ и другая европейская держава, именно Россія, какъ замѣчено уже, преслѣдовала подобную цѣль въ Бохарѣ, то это обстоятельство и дѣлало упомянутую столицу собственною ареною сопернической борьбы, исходъ, которой тѣмъ болѣе озабочивалъ тогдашнюю Англiю, что, въ случаѣ какого пораженія, она опасалась не столько потери своего положенія въ Афганистанѣ, сколько за свою прекрасную Индiйскую Имперiю. Были ли эти опасенія неосновательны, или, можетъ быть, преувеличены, объ этомъ и теперь трудно дать рѣшительное мнѣнiе, и только будущее это покажетъ. Мы должны здѣсь отмѣтить историческiй фактъ существованiя подобныхъ чувствъ и, помимо высказанныхъ ¹⁾ мною личныя взглядомъ на этотъ вопросъ, я могу выставить здѣсь эти самыя чувства второю причиною англо-бохарскихъ сношенiй. Такъ какъ путешествiе Александра Бэрнса имѣло только полуофициальный характеръ и можетъ считаться только тайною политическою рекогносцировкой, то миссия полковника Стоддарта въ Бохару въ 1838 году была первою, посредствомъ которой англiйское правительство пришло въ соприкосновенiе съ Бохарой. Стоддартъ получилъ отъ Дж. Мак-Нейла, британскаго посланника въ Тегеранѣ порученiе увѣрить бохарскаго эмира, что ему вовсе нечего бояться влiянiя Британцевъ въ Афганистанѣ. Англiя скорѣе готова поддерживать дружескiя отношенiя съ Бохарой и охотно помогать эмиру, въ случаѣ его земля подвергнется нападенiю иностранной державы. Уже само по себѣ было довольно непрактично дѣлать дружескiя предложенiя фанатическому Насруллаху, всей душой ненавидѣвшему каждаго христiанина; въ добавокъ и лицо, назначенное къ этой деликатной миссии,

¹⁾ Большия статьи объ этомъ вопросѣ, обнародованныя мною, слѣдующiя: 1) заключительная глава моихъ, появившихся въ 1867 году, „Skizzen aus Mittelasien“; 2) Unsere Zeit. Нѣмецкое обозрѣнiе настоящаго, и именномъ: въ Ноябрьской и Декабрьской тетрадахъ 1868 года, въ Июльской 1869, въ Февральской, Майской и Ноябрьской 1870 и въ Ноябрьской 1871. Далѣе въ Глобусѣ, географическомъ журналѣ, издаваемомъ подъ редакцiей докт. К. Андра, XX т. стр. 81, 105 и 122.

было выбрано весьма неудачно. Полковникъ Стоддартъ былъ безспорно отличный офицеръ, украшенный всѣми добродѣтелями своего званія, но его кипучая натура, шероховатая, чисто военныя манеры и недостатокъ въ немъ гибкости могли-бы, навѣрно, оказать ему лучшія услуги предъ фронтомъ его полка, чѣмъ въ дипломатіи. Съ такими качествами, естественно, онъ не могъ ничего добиться у тирана, какимъ былъ Насруллахъ, а своимъ смѣшнымъ упрямствомъ не подчиняться извѣстнымъ, мѣстнымъ обычаямъ и церемоніямъ, онъ уже при самомъ прибытіи въ Бохару возбудилъ въ Эмирѣ нерасположеніе и гнѣвъ. Невѣрующій, который дерзнулъ развѣзжать верхомъ по „благородной Бохарѣ“ и даже на ригистанѣ, гдѣ всѣ должны сходить съ лошади, который отказывалъ князю правовѣрныхъ въ подобающемъ почтеніи, который, наконецъ, явился у ступеней трона безъ подарковъ — это, съ самомъ дѣлѣ, ужъ было слишкомъ для раздражительной природы тирана. Уже чрезъ два дня послѣ первой аудіенціи у Эмира, Стоддартъ былъ постыднымъ образомъ схваченъ и брошенъ въ отвратительную тюрьму. Какъ тигръ съ своею вѣрною добычей, такъ Эмиръ игралъ съ несчастнымъ офицеромъ: то онъ приказывалъ терзать его въ тюрьмѣ невыносимыми муками, то освобождалъ изъ нея и осыпалъ почестями, мѣняя свое обращеніе съ нимъ сообразно съ тѣми извѣстіями, какія получались о положеніи Англичанъ въ Афганистанѣ. Вырвать эту жертву изъ когтей кровожаднаго тирана не удалось ни просьбамъ султана, меккесскаго шерифа, персидскаго шаха и сосѣднихъ князей, ни даже посредничеству Россіи, которая, чрезъ своего посла, упомянутаго майора Бутеньева, напрасно употребляла всѣ возможныя усилія спасти отъ вѣрной гибели это орудіе своего политическаго противника. Стоддартъ, принуждаемый къ принятію ислама, но публично отвергшій ученіе арабскаго пророка, сохранилъ свою стоическую англійскую натуру въ продолженіи почти четырехъ лѣтъ, среди пытокъ и униженій

всякаго рода, пока наконецъ въ лицѣ своего соотечественника получилъ товарища въ страданіяхъ и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ послѣдній путь—на эшафотъ.

Капитанъ Артуръ Конолли, такъ назывался этотъ товарищъ Стоддарта, отправился 3-го сентября 1840 года изъ Кабула въ дипломатическую миссію въ среднюю Азію. Англійскіе политики тогда уже дошли до убѣжденія, что дипломатическіе переговоры кабинетовъ Лондона и С.-Петербурга не приведутъ ни къ какой цѣли, и что Россія намѣрена спокойно продолжать свою наступательную политику по отношенію къ тремъ ханствамъ; поэтому имъ не оставалось другого исхода, какъ самимъ обратиться къ князьямъ тѣхъ ханствъ, открыть имъ глаза на угрожающую опасность и дѣйствовать такъ, чтобы всѣ они, именно—Бохара, Хива и Хокандъ, соединились вмѣстѣ въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ, для дружнаго отпора общему врагу. Но думать о союзѣ этихъ земель, въ продолженіи многихъ вѣковъ находившихся между собою въ ожесточенной враждѣ, — это была самая непрактическая и самая несчастная идея въ мірѣ, но еще несчастіе было и здѣсь выборъ лица, которому ввѣренно рѣшеніе этой эфемерной проблемы. Конолли, человекъ съ благородными и нѣжными чувствами, съ душою, проникнутой самыми чистыми, христіанскими идеями, мечтавшій объ освобожденіи всѣхъ рабовъ Азіи, даже объ осчастливленіи всего человѣческаго рода,—этотъ голубь всесвѣтнаго мира долженъ былъ вступить въ переговоры съ черными коршунами на среднеазиатскихъ престолахъ! И однакожъ, это было такъ. Въ Хивѣ, гдѣ ему предшествовали англійскіе офицеры Абботъ и Шекспиръ въ человѣколюбивой миссіи для освобожденія русскихъ невольниковъ, онъ былъ дружески принятъ Аллахкули ханомъ, но его усилія въ политикѣ были также безплодны, какъ и его гуманное стремленіе въ вопросѣ объ эманципаціи рабовъ. У воинственныхъ Узбековъ рабы и

каналы для орошенія равно необходимые предметы для добыванія насущнаго хлѣба; въ вопросѣ о союзѣ съ Бохарой и Хокандомъ ханъ вовсе не нуждался въ чужихъ совѣтахъ, а какъ выраженіе британской дружбы онъ хотѣлъ тотчасъ имѣть богатый субсидіи и запасы оружія. Поэтому Конолли отправился изъ Хивы *re infecta* въ Хокандъ, — нарочно обойдя Бохару по сѣверной степной области, по дорогѣ, которая, сколько я знаю, оканчивается у Джиззака и еще не была посѣщена ни однимъ европейцемъ. Его пріемъ въ этой восточной части Туркестана былъ не менѣе сердечный, какъ и въ Хивѣ. Мегеммедъ Али тогда именно находился въ войнѣ съ Насруллахомъ, поэтому прібытіе знакомаго съ европейскимъ оружіемъ и тактикой офицера было для него весьма благоприятно, и въ надеждѣ воспользоваться въ военномъ отношеніи его присутствіемъ и было оказано этому чужестранцу самое блистательное гостепримство. Къ какому результату привели политическіе переговоры Конолли съ Мегеммедомъ Али, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно, такъ какъ хокандскія замѣтки названнаго офицера потеряны. Впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ они не должны быть важны, потому что критическое положеніе, въ какое былъ поставленъ хокандскій князь войною, отняло у него, навѣрно, всякую охоту къ планамъ на счетъ будущаго, и Конолли, не найдя и здѣсь никакой надежды на успѣшное дѣйствіе, былъ на столько неостороженъ, что послѣдовалъ обманчивому приглашенію Насруллаха и сдѣлалъ ему визитъ въ его лагерь, находившемся недалеко отъ Хоканда, въ мѣстечкѣ Мегремѣ. Подозрительный бохарскій Эмиръ вообразилъ, что Конолли подстрекнулъ его восточнаго сосѣда къ войнѣ съ Бохарой. Чтобы привлечь его въ западню, Стоддарта принудили сдѣлать своему земляку приглашеніе; поэтому вполне понятно, почему Конолли, вниманіе котораго тщетно обращали на злость Эмира его хокандскіе друзья, тотчасъ по прібытіи въ бохарскій лагерь былъ арестованъ, лишенъ всего

имущества и отправленъ въ Бохару, гдѣ и раздѣлилъ съ Стоддартомъ участь ужаснаго заключенія. Англо-индѣйскій писатель Дж. В. Кей, человекъ съ большими познаніями и мастерски владѣющій перомъ, приводитъ въ своей книгѣ «Lives of Indian Officers» ¹⁾, отрывки изъ дневника, писаннаго Конолди въ тюрьмѣ. Хотя это только слабый очеркъ, грустной картины, но и онъ въ состояніи произвести глубоко потрясающее дѣйствіе на читателя и достаточенъ для того, чтобы дать намъ хотя и слабое понятіе о страданіяхъ и мукахъ, которыя выносили эти несчастные европейцы въ продолженіи послѣдняго, почти шестимѣсячнаго, заключенія въ гнилой, мокрой и темной норѣ, въ холодъ и сырость, прикрытые только жалкимъ рубищемъ, усыпанные червями, при отвратительномъ продовольствіи и въ постоянномъ страхѣ смерти. Пока оставалось въ Бохарѣ русское посольство подъ начальствомъ Бутенѣва, гуманныя усилія котораго къ освобожденію заключенныхъ европейцевъ не довольно извѣстны, до тѣхъ поръ для несчастныхъ все еще свѣтился хотя слабый лучъ надежды, но съ его отъѣздомъ погасла и послѣдняя его искра. Насруллахъ, получившій около этого времени достовѣрныя извѣстія о Кабульской катастрофѣ, увидѣлъ, что ему теперь нечего бояться ни съ какой стороны мести за свое безстыдное поведеніе и велѣлъ обоимъ плѣнниковъ, для которыхъ смерть была желаннымъ спасеніемъ, казнить 17-го іюня 1842 года ²⁾ на общественной площади, въ присутствіи любопытныхъ зрителей. Сперва Стоддарту была отрублена голова; когда очередь дошла до Конолди,

¹⁾ Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей и явилось въ свѣтъ въ Лондонѣ у Стрессна и Комп. въ 1867 году.

²⁾ Это число приведено Кейемъ въ выше упомянутомъ его сочиненіи. Генералъ Феррьеръ въ своей History of the Afghans, на стр. 460 приводитъ 24-е іюня и именно на основаніи свидѣтельства Ахундадеха, который переноситъ день казни приблизительно на второе число мѣсяца джемазуль эввела или джемазуль сани, но это не вѣрно, потому что новолуніе въ началѣ 1268 года гиджри падаетъ на 12-е мая или 10-е іюня.

палачъ остановился, потому что было сказано, что Конолли будетъ дарована жизнь въ случаѣ, если онъ перейдетъ въ исламъ; но благочестивый мужъ произнесъ съ отвращеніемъ: «Стодартъ сдѣлался могоммедининомъ и вы все же казнили его. Я умираю охотно». Послѣ этого онъ совершенно хладнокровно подставилъ свой затылокъ палачу, который однимъ ударомъ отдѣлилъ благородную голову отъ туловища, и бездыханныя оболочки обонхъ мучениковъ положены въ одну могилу, которая была вырыта еще передъ ихъ глазами.

Такъ кончили въ столицѣ Трансоксаніи первые послы христіанскаго запада, со времени путешествія Клавихо въ Самаркандъ. Почти можно сказать, это были первые апостолы новаго міра, потому что, каковы бы ни были мотивы посредничества британскаго правительства по ту сторону Окса, но, навѣрно, въ основаніи ихъ лежала не страсть къ завоеванію, а гуманное стремленіе къ просвѣщенію центральной Азіи, въ чемъ думали найти наилучшій болъверкъ противъ территоріальныхъ захватовъ сѣвернаго соперника. Что жалкій Насруллахъ могъ осмѣлиться поставить на сцену подобный позорный актъ по отношенію къ великой европейской державѣ, которая славится тѣмъ, что не боится величайшихъ жертвъ для защиты своихъ подданныхъ, — это слѣдуетъ приписать во-первыхъ тѣмъ неудачамъ, которыя она потерпѣла въ долинахъ Гиндукуша. Въ присутствіи Британцевъ въ Кабулѣ, Насруллахъ не дерзнулъ бы учинить это, даже по могоммеданскимъ законамъ, преступное нарушеніе международнаго права; въ противномъ случаѣ, навѣрно, не замедлила бы справедливая кара нашествія Англичанъ чрезъ Белхъ и Карши. Во-вторыхъ, тиранъ обязанъ былъ безнаказанностью своего безчестнаго поступка несчастному соперничеству обѣихъ великихъ державъ. Прочитъ Эмира никто не имѣлъ болѣе права и способности, какъ Персія, сотня тысячъ подданныхъ которой томилась

у него въ цѣпяхъ. Но этой странѣ постоянно не доставало необходимыхъ средствъ, а такъ какъ ея симпатіи къ Россіи не были тайной, то могла-ли Англія усиливать и увеличивать это орудіе своего соперника?

Благопріятствуемый подобными обстоятельствами, Насруллахъ послѣ этого печальнаго событія могъ еще долго своими грязными поступками осквернять престоль, имъ занимаемый. Кромѣ упомянутыхъ Англичанъ ¹⁾ пали еще жертвой его страсти къ казнямъ Итальянцы Джіовани Орlando и Флоресъ Назелли и Грекъ Іосифъ. Охота къ странствованіямъ побудила перваго изъ нихъ, въ обществѣ хокандскаго посла, съ которымъ онъ познакомился въ Константинополѣ, отправиться въ далекій Хокандъ. Вмѣстѣ съ этимъ городомъ онъ попалъ въ руки Насруллаха, долгое время былъ у него придворнымъ часовщикомъ, но однажды, когда въ механизмѣ часовъ тирана случилась остановка, — Орlando былъ позванъ, и падачъ въ наказаніе остановилъ и механизмъ его жизни. Второй, солдатъ по званію, и, вѣроятно, привлеченный на далекій востокъ блестящей участью своего соотечественника генерала Авитабиле на службѣ у Реджитъ Синга, прибылъ въ Бохару спустя не много времени послѣ казни Англичанъ. Онъ думалъ найти на службѣ Эмиру щедрю оцѣнку своихъ военныхъ познаній, но онъ явился сюда безъ всякаго знанія восточныхъ языковъ и, такъ какъ

¹⁾ Миссіонеръ докт. Іосифъ Вольфъ, причудливый, но во всякомъ случаѣ неустрашимый человекъ, говоритъ въ своей книгѣ „Посольство въ Бохару“, изданной на нѣм. языкѣ докт. Эдуардомъ Амторомъ въ Лейпцигѣ въ 1846 году, въ I т. на стр. 294, что поручикъ Вибуртъ былъ схваченъ на пути въ Хиву, приведенъ Туркоманами въ Бохару, содержался тамъ въ продолженіи года въ тюрьмѣ и казненъ не задолго до прибытія Стоддарта. — Другія извѣстія объ участи этого человека не согласуются съ словами Вольфа. Вибуртъ, который, безъ всякихъ познаній ашха и нравовъ средней Азіи, рвался на туркскую степь, тщетно былъ предостерегаемъ въ Тегеранѣ на счетъ вѣрной смерти, на которую онъ стремился. Но онъ послѣдовалъ влеченію своей страсти, и трагическій конецъ постигъ его еще въ пустынѣ.

коварный Абдуль Самедъ ханъ, этотъ заклятый врагъ европейцевъ, опасался въ немъ соперника, то онъ и былъ уже на первой недѣлѣ послѣ своего прибытія обвиненъ въ шпионствѣ и казненъ. Третій былъ слугою Конолли и хотя и законный подданный турецкаго султана, но долженъ былъ отправиться на казнь прежде своего господина. И чего было бояться Насруллаху отъ султана, котораго онъ признавалъ іерархическимъ главою только по религіозной необходимости, но думалъ превзойти его въ свѣтскомъ величіи? Даже мусульманскій подданный султана палъ жертвою его кровожадности! Мустафа Чаушъ; присланный въ Бохару въ качествѣ военнаго инструктора Решидомъ пашею, по просьбѣ Эмира, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего пребыванія былъ найденъ не религіознымъ, брошенъ въ тюрьму и за свою жалобу на строгость закона наказанъ смертью. Въ глазахъ жалкаго тирана не было ничего на столько священнаго, чтобы сдерживать порывы его ярости и его похотливую натуру. Достъ Могаммедъ ханъ, обращенный Англичанами въ бѣгство, искалъ при дворѣ Насруллаха убѣжища съ своимъ семействомъ. Поразительная красота султана Джана, самаго младшаго изъ его сыновей, возбудила въ Эмирѣ грязную страсть уже при первомъ свиданіи, и, несмотря на святость гостепріимства, рѣдко нарушаемую даже самыми грубыми азіатскими варварами, онъ былъ на столько безстыденъ, что отъ самаго отца требовалъ себѣ это прелестное дитя (султану Джану было тогда 14 лѣтъ). Достъ Мегеммедъ, зная гнусную страсть развратника, хотѣлъ спасти своего сына поспѣшнымъ бѣгствомъ, но это ему не удалось. Султанъ Жанъ, вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ, былъ настигнутъ, схваченъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе, и привезенъ въ Бохару. Что его тамъ ожидало, и сказать нельзя да и не слѣдуетъ. Самъ Достъ Могаммедъ только съ большимъ трудомъ могъ спастись изъ когтей чудовища. Чистый родникъ бохарскаго ислама, вѣроятно, не

очень его восхитилъ, когда онъ позже сравнилъ почтительное обхожденіе своей британской стражи въ Лоодіанахъ съ тѣмъ гостепрїимствомъ, которое оказалъ ему его единовѣрецъ и сосѣдній князь, и въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что онъ даже въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ хотѣлъ отмстить за это безчестное поведеніе.

Но самаго Насруллаха не постигла эта справедливая кара. Внѣшніе его враги были не въ состояніи притянуть его къ отвѣтственности, и его преемникъ долженъ былъ, какъ увидимъ, искупить его грѣхи. Внутри, именно въ самой Бохарѣ, все опѣнешло отъ ужаса. Отцы видѣли, какъ ихъ дочерей и сыновей насильно увлекаютъ въ Аркъ (дворецъ), и не смѣли даже издать звука неудовольствія, потому что, по увѣренію молль, Бохарскій эмиръ можетъ также неограниченно поступать съ своимъ народомъ, какъ пастухъ съ своимъ стадомъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ (точной цифры я не могъ узнать) образовалась значительная партія недовольныхъ, и во главѣ ея предполагали Насруллаха старшаго сына, который, какъ законный наслѣдникъ престола, занималъ въ Карши должность намістника. Малѣйшаго подозрѣнія уже было достаточно, чтобы предать въ руки палача болѣе сорока заговорщиковъ, и Мозаффар-эд-динъ, такъ назывался сынъ Насруллаха, былъ перемѣщенъ въ Керминехъ, гдѣ онъ имѣлъ меньшій кругъ дѣятельности и гдѣ присмотръ за нимъ могъ быть строже, въ непосредственной близости отца. Чѣмъ болѣе послѣдній старѣлся, тѣмъ чаще и сильнѣе становились припадки его ярости, которые въ 1860 году и пресѣкли его жизнь, послѣ тридцати четырехлѣтняго его правленія. Кромѣ частныхъ возстаній въ Хокандѣ, его взбѣсила до смерти упорная борьба, которую велъ съ нимъ его шуринъ Велинаамъ Шегри Себзскій. Извѣстіе о взятіи этой крѣпости прибыло только тогда, когда свирѣпый тиранъ былъ при послѣднемъ издыханіи. Уже почти не владѣя чувствами, онъ при-

казаль умертвить невѣрнаго шурина со всѣми его дѣтьми, но такъ какъ глаза его не могли насытиться кровью, то онъ велѣлъ предъ самой смертью призвать къ себѣ собственную жену свою, сестру Валинаама. Несчастливая женщина, мать двоихъ дѣтей, трепетала, но это нисколько не тронуло умирающаго тирана, — онъ велѣлъ обезглавить ее у самаго изголовья своего, и, вперивъ взоръ въ кровь сестры своего отвѣвленного врага, испустилъ свою отвратительную душу.

XIX.

Эмиръ Мозаффар-эд-динъ и домъ Романовыхъ.

1277 (1860)—1287 (1870).

„Отцы вѣдятъ кислыя ягоды, а у дѣтей оскомя на зубахъ“—эта старая восточная пословица рѣдко на мѣстѣ, оправдывалась въ такой полной мѣрѣ и съ такою поразительною быстротою, какъ на Мозаффар-эд-динъ ханъ, сынъ и преемникъ Насруллаха. Правдивая Немезида, еще при жизни грѣшника, неслась на крыльяхъ Борея къ берегамъ Окса, но когда она къ нимъ прилетѣла, то смерть уже предупредила ее своею мстительною косою, и теперь, за преступленія отца, сынъ долженъ былъ поплатиться своею короною, а земля своею независимостью. Первую молодость свою Мозаффар-эд-динъ провелъ въ Карши, въ этомъ Дефинѣ и главнымъ мѣстопребываніи Мангитовъ, гдѣ онъ, какъ и его отецъ, когда-то, изучалъ среди соплеменниковъ искусство правленія. Уже рано онъ отличался прилежаніемъ къ своимъ занятіямъ, также какъ и блестящими способностями, и пишущій эти строки могъ лично убѣдиться въ томъ, что онъ былъ основательно образованный могаммеданинъ, конечно, въ туркестанскомъ смыслѣ этого слова. Несмотря на это, Мозаффар-эд-динъ уже рано былъ сучкомъ

въ глазу для своего отца, который, судя по своему безчестному поведенію по отношенію къ своему отцу, эмиру Саиду, всегда боялся въ лицѣ своего дѣтища опаснаго соперника престола. Предъ нимъ всегда поднимался изъ Карши призракъ заговора, и, чтобъ избавиться отъ этого постояннаго кошмара, онъ назначилъ своего сына намѣстникомъ въ Керминехъ, для лучшаго присмотра за нимъ въ непосредственной близости. Здѣсь Мозаффар-эд-динъ оставался до самой смерти своего отца, и именно въ довольномъ отчужденіи и опалѣ, и отсюда онъ взшелъ на престолъ Трансоксаніи, чтобъ занять въ исторіи мѣсто государя, заключившаго собою длинный рядъ самодержавныхъ повелителей, которые царили на Зеревшанѣ въ продолженіи тысячи лѣтъ, начиная съ Саманидовъ и изъ столь многихъ династій.

Впрочемъ, нельзя безусловно утверждать, что Мозаффар-эд-динъ, по своему личному характеру, былъ вовсе неповиненъ въ несчастіи, постигшемъ его домъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ существовало значительное различіе между характерами наслѣдниковъ престола и въ послѣдствіи государей. И Мозаффар-эд-динъ, сдѣлавшись *Эмиромъ*, утратилъ миролюбивую натуру прежняго *Кетте Тёре* ¹⁾ и, тотчасъ по вступленіи на тронъ, возобновилъ войну съ мятежнымъ Шегри Себзомъ, который, вскорѣ послѣ смерти его отца, опять поднялъ знамя бунта. Это было первое дѣло его оружія, но его усилія остались также безплодными, какъ и усилія его отца, и еще онъ былъ занятъ осадой Чиракчи, одной изъ крѣпостей Шегри-Себза, какъ происшествія въ Хокандѣ вовлекли его въ новую войну и принудили его продолжать и здѣсь ту же политику,

¹⁾ Это слово только въ новое время сдѣлалось извѣстнымъ на западѣ и равно-значуще съ Вели Агдъ (наслѣдникъ престола) у западныхъ могоммедавъ. Кетте—большой и Тёре—принцъ, слѣдоват. большой, старшій принцъ, который по заведенному обычаю и есть настоящій наслѣдникъ трона.

которую началъ его отецъ къ вреду своему собственному и всей средней Азіи. Мусульманъ Булъ, захватившій, какъ читатели припоминаютъ, господство въ Хокандѣ, былъ устранилъ кинжаломъ, подкупленнымъ бохарскими интригами, и корона досталась третьему внуку Мегеммеда Али, именно принцу Худаяру хану. Этотъ слабый, боязливый принцъ былъ воспитанъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Насруллаха во всѣхъ порокахъ бохарскаго двора. Бохара была для него выше всего, и даже на тронѣ первобытнаго, но не испорченнаго Хоканда, онъ тосковалъ по утонченному оргіямъ лицемѣрной столицы на Зерешанѣ. И если бѣлый войлокъ древней Ферганы пришелся ему не по вкусу, то еще тягостнѣе было для него исполненіе обязанности государя, часто посылавшей его во главѣ его арміи противъ Русскихъ, подвигавшихся впередъ въ низовья Яксарта. Въ добавокъ къ этому, онъ претерпѣвалъ отъ храбрыхъ сыновъ сѣвера пораженіе за пораженіемъ и терялъ одну крѣпость за другою. Надо было отвоевать Ак-Месджидъ, на которомъ тогда уже развѣвалось знамя каракуша (черная птица, птица несчастья, орелъ) и который носилъ русское имя — Фортъ Перовскій, и когда Худаяръ возвращался съ неудачной, какъ обыкновенно, священной войны, то онъ нашелъ запертыми ворота своей столицы, потому что въ его отсутствіе старшій его братъ Молла ханъ лишилъ его престола и принудилъ его къ бѣгству въ Бохару. Еслибы Мозаффар-эд-динъ, вмѣсто лицемѣрной готовности карать неправду, мирно уладилъ распрю въ фамиліи Мегеммеда Али, слѣдуя арабскому правилу: „миръ—самое лучшее изъ всѣхъ рѣшеній“, и клиенту своего дома предложилъ бы только тихое гостепріимство, то онъ могъ бы избѣгнуть болѣе чѣмъ одной неприятели; но какъ всѣ азіатскіе государя, онъ тоже мечталъ о громкомъ имени „всемирнаго завоевателя“ и, пользуясь призывомъ Худаяра на помощь, со всею посѣпшностью оставилъ Шегри Себзь, чтобы во главѣ мно-

гочисленного войска завоевать Хокандъ. Въ этомъ первомъ военномъ походѣ скрытый кинжалъ опять исполнилъ дѣло открытаго оружія. Молла ханъ былъ умерщвленъ ночью въ своей постелѣ бохарскими партизанами, къ которымъ принадлежали его собственные слуги, и въ то время, когда его усердные приверженцы, Кипчаки, игравшіе первую роль въ Хокандѣ, готовились возвести на престолъ пріятнаго имъ Шахмурада, младшаго брата Худаяра, — Мозаффар-эд-динъ опять посадилъ на него своего кліента и отправился обратно въ Бохару. Но Худаяръ удержался на своемъ мѣстѣ только четыре мѣсяца, и бохарскому эмиру, чувствовавшему себя поруганнымъ въ роли протектора, не оставалось ничего другого, какъ, для восстановленія своего значенія, выступить противъ Хоканда съ большими еще силами и во что-бы то ни стало довести до желаемого конца начатую политику свою. Отправивъ напередъ Шахруха хана, своего Сердари Кула (главнокомандующаго) съ 40,000 человекъ и Мегеммеда Гасана бега съ 30 пушками, самъ онъ поспѣшилъ на востокъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ Текке-Туркомановъ, съ твердымъ намѣреніемъ до тѣхъ поръ не возвращаться, пока не приведетъ подъ свой скипетръ все до самой китайской границы. Въ виду такихъ мѣропріятій и Хокандъ вооружился до крайности. Кипчаки, наиболѣе воинственный элементъ этого ханства, изъявили готовность всею пожертвовать для вѣреннаго ихъ защитѣ претендента, и хотя они и отступили предъ превосходнымъ числомъ войска, въ особенности же артиллеріи Эмира, пользовавшейся во всей средней Азіи громкою извѣстностью, такъ что Мозаффар-эд-динъ могъ безпрепятственно дойти до Ооша, — но этотъ успѣхъ, возвѣщенный съ большою напыщенностью, въ сущности былъ весьма сомнителенъ. Во всемъ этомъ ужасномъ походѣ съ обѣихъ сторонъ пало никакъ не болѣе ста человекъ, и какъ только армія повелителя Бохары, воображавшаго себя вторымъ Тимуромъ, оставляла

какой городъ, Кипчаки опять вступали въ него и уничтожали всякій слѣдъ бохарскаго правительства. Окончательнымъ результатомъ этой игры было то, что Хокандъ раздѣлился на двѣ части. Востокъ этого ханства, именно отъ Ооша до Мехрема, достался кліенту Кипчаковъ, между тѣмъ какъ сѣверная часть, отъ Оратепе и за Ташкендъ, осталась подъ вѣдѣніемъ Худаяра хана, который впрочемъ учредилъ свою резиденцію въ Самаркандъ, чтобы быть поближе къ своему покровителю.

Еслибы въ основаніи этой протекціонной и завоевательной политики Мозаффар-эд-дина лежала въ самомъ дѣлѣ идея союза или соединенія боевыхъ силъ для отпора иноземному врагу, подвигавшемуся впередъ въ низовья Яксарта, то его нападеніе на сосѣднюю землю еще можно было бы отчасти оправдывать. Но онъ былъ слишкомъ далекъ отъ политики будущаго, и даже главная побудительная причина его дѣйствій, именно смѣшное славолюбіе и любостыжаніе, вмѣсто обезпеченія его въ будущемъ, тѣмъ болѣе ускорила его погибель, что протекторатъ надъ Худаяромъ ханомъ поставилъ его лицомъ къ лицу съ такимъ противникомъ, до котораго недоросъ ни онъ, ни средняя Азія, ни даже весь исламъ.

Россія, послѣ несчастно окончившейся попытки экспедиціи Перовскаго въ 1839 году и послѣ неудачи дипломатическихъ миссій, перенесла свою операционную линію съ югостока Аральскаго озера на берега Яксарта, и оволо этого времени уже проникла до обитаемой части Хокандской территоріи. Въ 1847 году былъ заложенъ фортъ Оренбургъ на рѣкѣ Тургаѣ, въ слѣдовавшемъ за тѣмъ году — фортъ Карабутакъ на Карабутакъ¹⁾). Мнѣніе, будто-бы Оксъ — главная коммуникаціонная линія, лучшей водной путь внутрь Тур-

¹⁾ The Russians in Central-Asia by John and Robert Mitchell. Лондонъ. 1865. Стр. 320.

кестана, не оправдалось на дѣлѣ ¹⁾, и пришлось избрать для этого Яксартъ. Въ 1847 году, по приказанію генерала Перовскаго, оренбургскаго генераль-губернатора, въ устьѣ этой рѣки былъ сооруженъ капитаномъ Шульцемъ Фортъ Аральскъ, сдѣлавшійся для Узбековъ Хивы сучкомъ въ глазу, отъ котораго они не могли избавиться, не взирая на повторенныя усилія свои, и должны были спокойно смотрѣть, какъ русскій орелъ на лѣвомъ берегу Яксарта все болѣе и болѣе расширялъ свои крылья, которыхъ зловѣщая тѣнь грозила затмить небо ихъ будущности. Такъ какъ фортъ Аральскъ, позже названный фортомъ № 1, образовалъ прочный исходный пунктъ, то легко было предвидѣть, что за нимъ послѣдуютъ форты № 2, № 3 и т. д. и что подвигающіяся впередъ русскія колонны скоро придутъ въ столкновеніе съ Хокандомъ, какъ съ той державой, которая номинально владѣла этой страной. Въ началѣ гарнизонъ хокандской крѣпости Ак-Месджидъ взялъ на себя неблагоприятную роль преградить путь аванпостамъ сѣвернаго колосса; для этого онъ нападалъ то на Русскихъ, то на Киргизовъ, ввѣрившихъ себя ихъ защитѣ, но, какъ обыкновенно, былъ отражаемъ съ значительными потерями. Это продолжалось много лѣтъ. Хоканды по большей части

¹⁾ Остроумный и въ прочемъ довольно свѣдущій сэръ Александръ Бэрнсъ былъ первый, пустившій въ ходъ въ Европѣ мнѣніе, что Русскіе будутъ употреблять Оксъ какъ главный путь сообщенія съ Туркестаномъ. Позже, адмиралъ Бутаковъ въ своихъ, между 1849 и 1858 годами, произведенныхъ изслѣдованіяхъ низовья Окса, именно его устье, основательно доказалъ совершенно противоположное. Изъ его изысканій ясно видно, что ни одинъ изъ четырехъ рукавовъ, на которые дѣлится эта рѣка въ концѣ своего теченія, не можетъ быть сдѣланъ судоходнымъ. Во-первыхъ, русло этихъ рѣкъ само по себѣ мелко; во-вторыхъ, — и теченіе измѣняется отъ массъ песку почти ежедневно при низкомъ уровнѣ воды. Судоходство можетъ доходить до Кипчака развѣ только въ томъ случаѣ, если въ нѣкоторыхъ каналахъ, частью естественныхъ, частью искусственныхъ, изливающихся на равнину сзади Кунграта и Чортанкѣля, будетъ задержанъ стокъ воды. Подробнѣе чит. объ этомъ вопросѣ въ Journal of Geographical Society of London 1867 г. въ статьѣ, написанной самимъ адмираломъ Бутаковымъ.

имѣли дѣло съ небольшими отрядами русскаго войска, потому превосходство русскаго оружія и немогло сдѣлать на нихъ надлежащаго впечатлѣнія ужаса; за то Московиты, все болѣе и болѣе осваиваясь съ военными ихъ хитростями и со способомъ веденія войны въ этомъ краѣ, проходили отличный приготовительный курсъ туркестанскихъ завоеваній. Тѣмъ временемъ прибыли назначенные для плаванія по рѣкѣ пароходы: они были доставлены къ Аралу сухимъ путемъ и спущены въ темнозеленыя воды этого древняго Харезмскаго озера. За недостаткомъ каменнаго угля ихъ топили крѣпкимъ суковатымъ кустарникомъ, называемымъ *саксауль*, но эти первыя паровыя лодки, не смотря ни на какія затрудненія, съ которыми онѣ разсѣкали волны древнеклассической рѣки, вполне соответствовали имѣвшейся въ виду цѣли. Въ 1852 году полковникъ Вларамбергъ выступилъ съ отрядомъ для рекогносцировки крѣпости Ак-Месджидъ и проникъ съ горстью своихъ людей до самыхъ стѣнъ ея; и хотя этотъ отважный до безумія походъ (за 250 миль отъ русской границы) не могъ привести ни къ какому результату, за то тѣмъ блистательнѣе было вознаграждено серьезное нападеніе, сдѣланное на крѣпость уже въ слѣдующемъ году. Экспедиція въ этотъ разъ приняла нѣсколько большіе размѣры ¹⁾. Среди чрезвычайно жаркой весны Русскіе изъ Оренбурга по самой необитаемой части большой степи добрались до форта № 1, чтобъ отсюда достигнуть правымъ берегомъ Яксарта до Ак-Месджиды, между тѣмъ какъ пароходъ «Перовскій» въ то же время слѣдовалъ за ними вверхъ по теченію рѣки. Давящій зной, густые рои комаровъ и саранчи, ярко пылающій пожаръ степи—ничто не въ силахъ было остановить рѣшительныхъ

¹⁾ Она состояла изъ 1168 человекъ вмѣстѣ съ офицерами, и 2,442 лошадей, 2,088 верблюдовъ и 2,280 быковъ, для перевозки багажа. The Russians in Central-Asia, стр. 339.

сыновъ сѣвера на ихъ пути. Крѣпость Ак-Месджидъ была окружена, и этимъ началась борьба за первое укрѣпленное мѣсто на туркестанской почвѣ. Генераль Перовскій сперва потребовалъ у Хокандцевъ добровольной сдачи ¹⁾, но ихъ отвѣтъ состоялъ въ томъ, что они намѣрены до тѣхъ поръ сопротивляться, пока въ ихъ пороховницахъ будетъ хотя одно зерно пороха и на ихъ улицахъ хотя одинъ кесекъ (глыба земли, бросаема въ непріятели за недостаткомъ камней) и пока не разломаны клинки ихъ мечей и головы ихъ копій. Въ самое дѣлѣ, съ обѣихъ сторонъ дрались отлично, и только послѣ того, какъ земляныя стѣны во многихъ мѣстахъ разсыпались въ прахъ отъ дѣйствія русской артиллеріи, и гарнизонъ сильно уменьшился отъ безостановочнаго бомбардированія, могла проникнуть въ крѣпость 8-го августа 1853 года первая штурмовая колонна, которую велъ Венгерецъ, лейтенантъ Эрделій ²⁾. Хокандцы

¹⁾ Относящійся сюда документъ, изъ котораго явствуетъ, что Русскіе, когда того требовали обстоятельства, умѣли говорить съ среднеазиатцами чисто по-узбекски, гласитъ такъ:

„Отъ оренбургскаго генераль-губернатора коменданту крѣпости Ак-Месджидъ.“

„По повелѣнію моего государя, Императора всероссійскаго, я прибылъ сюда, чтобы взять крѣпость Ак-Месджидъ, которую Хокандцы соорудили на русской землѣ для угнетенія находящихся въ подданствѣ его Императорскаго величества Киргизовъ.“

„Ак-Месджидъ ужъ взять, хотя вы еще живете тамъ, и вы убѣдитесь, что я въ состояніи всѣхъ васъ уничтожить, не потерявъ ни одного изъ моихъ людей.“

„Русскіе пришли сюда не на одинъ день или годъ, но навсегда. Они не уйдутъ назадъ.“

„Хочется вамъ жить, молитесь о пощадѣ; хотите умереть въ Ак-Месджидѣ, — и это вамъ предоставляется. Мнѣ нетого особенно торопиться и я не такъ скоро съ вами покончу. Я пришелъ не для того, чтобы дать вамъ сраженіе, но чтобы васъ до тѣхъ поръ бить, пока вы откроете ворота.“

„Все это я сказалъ бы вамъ еще въ первый день моего прибытія, когда безоружный приблизился къ вашимъ стѣнамъ, еслибы вы не стрѣляли въ меня, что не въ обычаѣ у почтенныхъ воиновъ.“ (The Russians in Central-Asia, стр. 348).

²⁾ Въ только что названномъ англійскомъ сочиненіи я нахожу только

все еще защищались шагъ за шагомъ съ рѣдкимъ мужествомъ, не смотря на то, что ихъ комендантъ Медвели (Мегемедъ Вели) въ самомъ началѣ палъ во главѣ своихъ вѣрныхъ; почти всѣ начальники остались на мѣстѣ, и только не многіе могли найти спасеніе въ бѣгствѣ. Это было первое мѣсто, важное въ стратегическомъ и политическомъ отношеніи, которое завоевали Русскіе на сѣверной окраинѣ степи, но также первое и мѣстѣ и послѣднее доказательство самопожертвованія, выказаннаго средне-азиатцами предъ лицомъ непріятеля.

Послѣ паденія Ак-Месджида не проходило года, чтобъ Хокандцы не дѣлали значительныхъ и частыхъ попытокъ отвоевать это мѣсто ¹⁾, но безуспѣшно, хотя это время, именно между 1853 и 1856 годами, было самое удобное для возвращенія потеряннаго. Въ то время Россія должна была собирать силы изъ всѣхъ членовъ своего гигантскаго тѣла и сосредоточивать ихъ въ Крыму. Ей было не до своихъ владѣній на отдаленномъ югѣ Азіи, и еслибы князья центральной Азіи, для которыхъ не были тайною битвы за Севастополь, сознавая явную опасность для ихъ общихъ интересовъ, могли только на короткое время послѣдовать политикѣ единства, то имъ было бы легко не только овладѣть сооруженными фортами, но и оттѣснить Русскихъ до сѣверной окраины степи; и это тѣмъ болѣе, что Иззетъ Кутибаръ ²⁾, киргизскій степной князь, именно тогда по-

Erdeli, но я полагаю, что венгерская двугласная *ly* (=gl въ итальянскомъ) подверглась измѣненію только по своей странности. Erdelyi (по значенію слова *Семирадець*) въ Венгріи часто употребляемое названіе фамиліи, сдѣд. первымъ на зубцахъ первой среднеазиатской крѣпости былъ мой землякъ.

¹⁾ Одно изъ самыхъ большихъ нападѣній со стороны Хоканда произведено отъ 14 до 17 декабря 1853 года, при чемъ 12,000 войско Хокандцевъ было не только остановлено, но даже обращено въ бѣгство 600 Русскихъ.

²⁾ Кутибаръ (=онъ имѣетъ счастье)—чистый и вѣрный образчикъ страстующаго рыцаря Киргизской степной области — еще въ 1822 году сдѣлался знаменитымъ своими смѣлыми набѣгами и разбоями. Прежде онъ

дурвалъ русскую власть въ малой и средней ордѣ. Но до какой сильной степени въ средней Азіи князья недостойны правленія, а народъ независимости, лучше всего доказывается тѣмъ, что изъ этой легкой возможности вышло совершенно противное, потому что политика Россіи, въ самую критическую минуту, всего менѣе находилась въ затрудненіи именно въ Окскихъ земляхъ. Напрасно Порта уговаривала посланниковъ Хивы и Бохары, въ продолженіи года содержимыхъ съ большими издержками, какъ можно скорѣе возвратиться во свояси и обратить вниманіе своихъ государей на благопріятный случай употребить въ дѣло все силы для обезпеченія своей земли, даже для освобожденія всего ислама. Хива, вмѣсто того, чтобы перейти въ наступленіе, отправила въ Ак-Месджидъ пословъ съ изъявленіемъ дружбы, а Бохара—тогда еще былъ на ея тронѣ безчестный Насруллахъ, желая извлечь выгоду изъ несчастья своего ослабленнаго восточнаго сосѣда, напала на Хокандъ и считала себя счастливой, присоединяя къ своей территоріи одно мѣсто за другимъ. При такихъ обстоятельствахъ было совершенно естественно, что Россія, по заключеніи Парижскаго мирнаго трактата, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ продолжала свои военныя дѣйствія. Въ 1859 году пала небольшая крѣпость Челекъ, два года спустя фортъ Енги Курганъ на Яксартѣ, по лѣвому берегу котораго русскіе аванпосты все болѣе и болѣе приближались уже къ густо населенной части сѣвернаго Хоканда, и въ 1864 году попалъ въ русскія руки также и городъ Туркестанъ или Газрети Туркестанъ, мѣсто упокоенія знаменитаго отшельника, Ходжи Ахмета Бсеви. Это была пер-

грабилъ подъ русской защитой богатые караваны изъ Хоканда и Бохары и получилъ въ С.-Петербургѣ золотую медаль за свои многократныя заслуги (но не въ наукѣ и искусствѣ?). Позже, онъ обратилъ оружіе противъ своего собственнаго патрона, и только послѣ довольно продолжительной и упорной борьбы удалось сдѣлать его безвреднымъ.

вая страшная вѣсть, которая навела ужасъ на среднеазиатцевъ, распаленныхъ религіознымъ фанатизмомъ. Ходжа Ахмедъ, послѣ Бага-эд-дина, второй національный святой Туркестана и въ особенности высокочтимый въ Хокандѣ. Предполагали, что Кипчаки теперь будутъ дѣйствовать за одно съ Худаяромъ ханомъ и соединенными силами нападутъ на невѣрующихъ. Но злоба и ненависть искони существовали въ Туранѣ въ самой страшной степени, и Кипчаки, гораздо воинственнѣе, чѣмъ прочіе Хокандцы, смотрѣли съ видимымъ удовольствіемъ, какъ Русскіе, послѣ счастливаго боя при Чемкентѣ ¹⁾, двинулись впередъ черезъ Самрамъ на Ташкендъ и взяли во владѣніе эти сѣверныя ворота центральной Азіи, равно важныя и въ политическомъ и въ коммерческомъ отношеніи.

Только теперь Мозаффар-эд-динъ понялъ, что наступила крайняя пора взять въ свои руки дѣло покровительствамаго имъ Худаяра хана и, хотя не прямо, поставить преграду русской оккупационной арміи. Сперва онъ выступилъ въ походъ противъ Хоканда (въ маѣ 1865 г.), чтобы наказать Кипчаковъ, потому что въ Бохарѣ распространилось ложное извѣстіе, что ихъ пассивное положеніе благоприятствовало русскимъ планамъ, что, естественно, было злостной выдумкой, такъ какъ Кипчаки оказали самое сильное сопротивленіе, и ихъ храбрый предводитель Аленгулъ потерялъ и жизнь свою предъ Ташкендомъ. Послѣ того, какъ этотъ рѣшительный противникъ Мозаффар-эд-дина сошелъ со сцены, завоеваніе восточнаго Хоканда было уже легкой игрой. Букольный князь Миръ Саидъ, сынъ Саримсака, былъ схваченъ и приведенъ въ Бохару, а на престолъ возведенъ Худаяръ Ханъ, потерявшій было почти всѣ свои владѣнія, благодаря движенію впередъ невѣрующаго врага. Въ это самое время Эмиръ послалъ къ командовавшему генералу Черняеву, послѣ

¹⁾ См. 1 примѣч. на 2-й стр. I-го тома этого сочиненія.

Перовскаго поставленному во главѣ русскаго войска, дерзкое письмо, въ которомъ онъ потребовалъ очищенія завоеванной территоріи, грозя въ противномъ случаѣ поднять противъ Русскихъ всѣхъ правовѣрныхъ Турана ¹⁾, и для большей важности конфисковалъ имущество временно пребывавшихъ въ Бохарѣ русскихъ купцовъ. Отвѣтъ изъ русской главной квартиры былъ не менѣе учтивый, и когда Русскіе, взявъ подобное возмездіе съ Бохарцевъ въ Оренбургѣ, нисколько не испугались угрозъ Эмира, то этотъ послѣдній, еще пока эта корреспонденція не довела до открытыхъ непріязненныхъ дѣйствій, отправилъ Ходжу Неджм-эд-дина съ дружеской миссіею въ Петербургъ принести жалобу царю на притязаніе его генераловъ. Расчетъ Эмира былъ — выиграть время этою дипломатическою уловкой и подавить возстаніе въ Шегри Себзѣ, но русское начальство этотъ разъ его перехитрило. Неджм-эд-динъ былъ задержанъ на пути и заключенъ въ фортъ Базала, и такъ какъ повелитель Бохары въ отвѣтъ на освобожденіе бохарскихъ купцовъ все еще держалъ подъ арестомъ русскихъ подданныхъ, то генералъ Черняевъ послалъ полковника Струве въ сопровожденіи многихъ офицеровъ ²⁾ въ Бохару, для мирнаго по возможности улаженія спора. Повидимому, генералъ или не былъ уполномоченъ къ продолженію наступленія, или же, за недостаткомъ вспомогательныхъ средствъ,

¹⁾ Видно, Эмиръ въ это время все еще имѣлъ высокое мнѣніе о превосходствѣ своей арміи и о положеніи своей духовной власти надъ всѣми мусульманами Туркестана. Что Русскіе на Яскарѣ побѣждали въ десять, даже въ двадцать разъ сильнѣйшія хокандскія арміи, это никогда не было извѣстно въ Бохарѣ. Никто не дерзнулъ бы рассказывать такіа извѣстія и, навѣрно, никто-бы имъ и не повѣрилъ.

²⁾ Миссія состояла изъ астронома надв. сов. фонъ Струве (по другимъ свѣдѣніямъ полковника Струве, а не извѣстнаго ученаго) съ горнякомъ инженеромъ подполковникомъ Татарниковымъ и двумя офицерами, именно — ротмистромъ Глуховскимъ и прапорщикомъ Колесниковымъ. (*Die Russen in Centralasien. Eine geographisch-historische Studie von Friedrich von Hellwald. Вѣна 1869. Стр. 65.*)

не имѣлъ къ тому возможности. Легко понять, что Эмиръ поступилъ съ полковникомъ Струве ¹⁾ не лучше, какъ и Русскіе съ Неджи-эд-диномъ. Не взирая на это, Черняевъ чувствовалъ себя этимъ оскорбленнымъ, долго не думая, перешелъ Яксартъ въ февралѣ 1866 года и, обойдя Ходжендъ, двинулся по пустынѣ на Джиззакъ, первое мѣсто на собственной территоріи Бохары. Но этотъ разъ Русскіе ошиблись въ расчетѣ. Когда они послѣ семи форсированныхъ маршей по необитаемой безводной странѣ прибыли къ тому мѣсту, то нашли, что очутились *среду* непріятели, не *въ десять*, какъ обыкновенно, а *въ двадцать* разъ болѣе многочисленнаго, и слишкомъ поздно открыли, что лучший успѣхъ состоялъ здѣсь единственно въ счастливомъ отступленіи. Поэтому и было произведено обратное движеніе, хотя и поспѣшное, но въ порядкѣ, такъ что Русскіе даже въ бѣгствѣ сохранили свое мужество среди безчисленныхъ ордъ, столпившихся вокругъ ихъ. Такъ трусливы нынѣшніе потомки столь страшныхъ когда-то туранскихъ воиновъ!

Черняевъ былъ замѣщенъ генерал-майоромъ Дмитріемъ Ильичемъ *Романовскимъ*. Неудача русскихъ плановъ обидительно подѣйствовала на Узбековъ, и они теперь сами перешли въ наступленіе и 5-го апрѣля того же года вступили въ незначительную битву при Чиназѣ, небольшой крѣпости на лѣвомъ берегу Яксарта, и даже Эмиръ Мозаффар-эд-динъ. въ счастливомъ заблужденіи, что съ Русскими также легко

¹⁾ Русская миссія со времени своего прибытія и до 1-го февраля 1866 года оставалась въ заключеніи между четырьмя стѣнами своего жилища. Потомъ начальство города потребовало отъ нея ея оружіе, но въ этомъ было на отрывъ отказано. Завязалась схватка, въ которой акасагъ съ пятью Бохарцами получилъ тяжелыя раны, но Русскіе, не смотря на свое болѣе храброе, чѣмъ благоразумное поведеніе, должны были, наконецъ, уступить. (Edinburgh Review. Январь 1867. Стр. 40. Эта анонимная статья остроумнаго и свѣдущаго, къ сожалѣнію, рано умершаго Mr. Wylie, появившаяся подъ заглавіемъ: Foreign Policy of Sir John Lawrence, — одна изъ самыхъ лучшихъ, какія когда либо представляла англійская печать).

справиться, какъ прежде съ Хокандцами, самъ лично выступилъ въ походъ во главѣ арміи, состоявшей изъ 5000 сербаровъ, 30,000 Киргизовъ, 10,000 Туркомановъ и 21 пушки, съ намѣреніемъ силою отнять Ташкендъ у невѣрныхъ сыновъ сѣвера. При подобныхъ обстоятельствахъ и русскій генералъ не могъ долѣе оставаться въ бездѣйствіи. Какъ сообщаетъ самъ Романовскій въ обнародованномъ имъ сочиненіи объ этомъ походѣ ¹⁾, не болѣе 4000 человекъ изъ 15,000-наго тогда туркестанскаго корпуса сопровождало его въ его движеніи на югъ. И все же онъ долженъ былъ принять битву. При мѣстѣ Ирджаръ, находящемся на лѣвомъ берегу Яксарта, въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверозападу отъ Ходженда, произошло 20-го мая 1866 года рѣшительное сраженіе, въ которомъ русская артиллерія пробила дорогу сквозь густыя толпы узбекской конницы, и когда горсть рѣшительныхъ Русскихъ бросилась туда, то ея появленія уже было достаточно, чтобы произвести величайшее смятеніе въ рядахъ фанатизированныхъ религіею воиновъ и обратить всѣхъ въ безпорядочное бѣгство на югъ ²⁾. Весь лагерь, и въ немъ богатая палатка Эмира, вмѣстѣ со всѣмъ артиллерійскимъ паркомъ, былъ покинутъ на мѣстѣ, и Мозаффар-эд-динъ только съ большимъ трудомъ могъ убѣжать въ Джиззакъ. Потеря Бохарцевъ превышала 1000 человекъ, особенно пострадали Мангиты изъ Карши, образовавшіе отборный отрядъ въ арміи, но число убитыхъ и раненыхъ Русскихъ простиралось только

¹⁾ Мнѣ это сочиненіе извѣстно только въ извлеченіи, сдѣланномъ берлинскимъ корреспондентомъ Times, котораго заслуги на поприщѣ среднеазиатской политики нельзя вполнѣ оцѣнить, въ номерахъ отъ 16 и 26 марта 1869 года той газеты. Г. генералъ Романовскій является въ немъ основательнымъ знатокомъ азіатскихъ отношеній и человекомъ съ весьма здравыми сужденіями.

²⁾ Лучшее и подробнѣйшее, до сихъ поръ появившееся, описаніе рѣшительнаго сраженія при Ирджарѣ находится въ упомянутой выше книгѣ ф. Гельвальда, на стр. 68. Эта книга вообще отличается основательнымъ знаніемъ дѣла и искуснымъ изложеніемъ.

до 50 человекъ. И все же Ирджарское сраженіе было Кланомъ для Туркестана: здѣсь погибли—болѣе чѣмъ тысячеклѣтняя государственная его независимость, его значеніе и вліяніе его власти на прочіе народы центральной Азии и съ этимъ вмѣстѣ и все дѣло ислама внутренней Азии. Русскій генералъ могъ бы тотчасъ продолжать свой маршъ на Самаркандъ съ надеждой на вѣрный успѣхъ,—такъ всеобща была паника отъ этой катастрофы, — но онъ удовольствовался занятіемъ 28-го мая небольшой крѣпости Нау, пританувъ къ себѣ передъ тѣмъ небольшое подкрѣпленіе изъ форта Кѣрючи, и такъ какъ крѣпость Нау, къ югу отъ Ходженда, лежала на перекресткѣ дорогъ съ востока и сѣвера, то участь послѣдняго города и его крѣпости, отрѣзанной этимъ отъ Бохары, скоро должна была рѣшиться. Ходжендъ, защищенный съ двухъ сторонъ Яксартомъ. именно—съ юго-востока главнымъ рукавомъ, а съ юго-запада побочнымъ, считался во всѣ времена въ глазахъ азіатцевъ неприступнымъ и, хотя принадлежалъ Хоканду, но имѣлъ бохарскій гарнизонъ, который оказалъ сопротивленіе. Городскіе обыватели, преимущественно купцы, основательно убѣдившіеся въ русскомъ превосходствѣ, были склонны къ сдачѣ. Но гарнизонъ, подстрекаемый фанатическими моллами, оказывалъ упорное сопротивленіе, и только послѣ семидневной жестокой осады крѣпость могла быть взята приступомъ, который Русскимъ стоилъ болѣе людей, чѣмъ рѣшительное сраженіе предъ Ирджаромъ, между тѣмъ какъ потери Узбековъ оцѣнены въ 2500 убитыхъ и раненныхъ.

Такимъ образомъ, какъ вѣрно замѣчаетъ г. ф. Гельвальдъ ¹⁾, самыя важныя мѣста Хоканда перешли въ руки Русскихъ, и призрачный монархъ Худаяръ ханъ, безпомощный и безсильный, сразу попалъ, изъ защищавшихъ его рукъ Бохарскаго Эмира, подъ протекцію русскаго орла.

¹⁾ См. выше упомянутое сочиненіе, стр. 70.

которая, какъ показываетъ настоящее, скоро пришлась ему по сердцу. Если бы на тронѣ Хоканда возсѣдалъ не онъ, а другой, энергическій князь, и если бы въ это именно время не столпился подъ знаменами Якуба - Купсбеги въ восточномъ Туркестанѣ воинственный элементъ и безъ того не особенно сильный, то русское оружіе, по крайней мѣрѣ, не такъ скоро и легко увѣнчалось бы побѣдой. Но теперь успѣхъ поразилъ даже самихъ Русскихъ, и Худаяръ ханъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, что могъ остаться въ старинномъ мѣстопребываніи Бабера, подъ вѣдомствомъ бѣлаго царя. Онъ долженъ былъ уступить долину Ярсарта, начиная отъ Мегрема, вдоль всего дальнѣйшаго теченія этой рѣки, открыть свои города русскимъ подданнымъ, поручиться за цѣлость ихъ имущества и въ добавокъ еще внести въ русскую государственную казну такую военную контрибуцію, которая на много лѣтъ отобьетъ у него охоту къ какимъ бы то ни было дѣйствіямъ.

Что же могъ теперь предпринять для своего спасенія Мозаффар-эд-динъ, изолированный, удрученный тяжкимъ несчастьемъ? Напрасно посылалъ онъ по всѣмъ направленіямъ за помощью, да и кто дерзнулъ бы войти съ нимъ, побѣжденнымъ, въ союзъ противъ могущественнаго сосѣда! По отношенію къ Хивѣ, ближайшему сосѣду, его удерживала отъ такого шага постоянная, старинная вражда, и еще болѣе гордость; да и пользы-то мало могла принести эта земелька, внутри разложившаяся. Южный Афганистанъ, въ которомъ въ это время вспыхнула жестокая гражданская война, имѣлъ довольно дѣла съ самимъ собою, и если одна часть потомковъ Доста Могаммеда хана, можетъ быть, и охотно помогла бы ему, за то другая, наслѣдовавшая отъ своего стараго отца справедливую ненависть, радовалась позору, испытанному высокомернымъ узбекскимъ княземъ отъ невѣрныхъ. Слѣдовать съобща одной и той же политикѣ никогда не нравилось

князьямъ средней Азіи, въ сущности думающимъ только о грабежѣ, и Афганцы скорѣе радовались, что тѣмъ легче теперь можно будетъ отнять у ослабленной Бохары двѣнадцать ханствъ на лѣвомъ берегу Окса. Только Якубъ Кусубеги, новый повелитель восточнаго Туркестана, изъ собственного интереса, охотно присоединился бы къ Бохарѣ. Тѣни русскихъ колоннъ на Наринѣ, въ разстояніи уже нѣсколькихъ дней пути отъ его столицы, внушали ему страхъ. Но онъ еще въ прежніе годы убѣдился ¹⁾ въ превосходствѣ русскаго военнаго искусства и потому былъ крайне остороженъ въ выраженіи своихъ симпатій, между тѣмъ какъ съ другой стороны, русское завоеваніе Хоканда поставило между нимъ и повелителемъ на Зеревшанѣ преграду, которая дѣлала фактически невозможною дѣятельную помощь съ его стороны. Не менѣе безнадежны были и взгляды Эмира въ даль. Англія, вопреки всѣмъ русскимъ подозрѣніямъ ²⁾, никогда не думала о томъ, чтобы помогать въ послѣднихъ битвахъ словомъ или дѣломъ той землѣ, гдѣ было нанесено ей величайшее дипломатическое оскорбленіе, гдѣ двое изъ ея посланниковъ должны были претерпѣть мученическую смерть. И Турція была не болѣе расположена посредствомъ интригъ на отдаленномъ востокѣ привлечь на себя облака несчастья, и безъ того постоянно носившіяся надъ ея политическимъ горизонтомъ. Правительство высокой Порты также мало знаетъ объ Узбекахъ, Таджикихъ и т. д., о Хивѣ, Бохарѣ, Хокандѣ, Оксѣ и Яксартѣ, какъ и объ островѣ Ганги;

¹⁾ Якубъ Кусубеги, внѣшній князь восточнаго Туркестана, прошелъ свою военную школу именно въ низовьяхъ Яксарта, въ битвахъ съ Русскими и приобрѣлъ себѣ имя своимъ геройскимъ поведеніемъ, какъ комендантъ крѣпости Акъ Месджедъ. Если вѣрять туркестантской молвѣ, его усраде въ дѣлу Хоканда было въ послѣдствіи потрясено русскими червонцами; по крайней мѣрѣ, ему ставять въ вину измѣнительскую сдачу нѣсколькихъ мѣстъ.

²⁾ Русская печать старалась распространять извѣстія, будто-бы въ продолженіи бохаро-русской войны всегда находились въ столицѣ на Зеревшанѣ англійскіе дипломаты (?), подстрекавшіе Эмира къ непріязненнымъ дѣйствіямъ; что Узбеки были снабжены энфильдовыми ружьями и т. д.

новое поколѣніе Османли не сохранило ни малѣйшихъ слѣдовъ оживленныхъ дипломатическихъ сношеній, существовавшихъ прежде при Шейбанидахъ и Аштарханидахъ — да и во всякомъ случаѣ могли-ли Османли, сами ведущіе тяжелую борьбу за свое собственное существованіе, подать руку спасенія своему утопающему единовѣрцу и соплеменнику на далекомъ востокѣ? Или же съ Мозаффар-эд-диномъ должна была соединиться шітская Персія, сыновья которой по тысячамъ томились въ неволѣ у Узбековъ, и въ областяхъ которой слово „Туркестанъ“ съ незапамятныхъ временъ было самымъ отчаяннымъ кликомъ ужаса? Правда, между Каджарами и повелителями Бохары существуетъ дальняя степень родства, но тѣмъ больше и необузданнѣе и тѣмъ справедливѣе ненависть Ирана, который теперь отъ всего сердца ликовалъ о русскихъ успѣхахъ на Яксартѣ и, навѣрно, будетъ и впредь остерегаться беспокоить своего благодѣтеля.

Среди этой всеобщей безпомощности, Мозаффар-эд-динъ долженъ былъ еще терпѣть самыя глубокія оскорбленія отъ своихъ подданныхъ, отъ своихъ Сипагивъ (классъ высшихъ чиновниковъ), даже отъ своихъ собственныхъ родственниковъ. Онъ, котораго еще за нѣсколько лѣтъ до этого, именно во время моего пребыванія въ Бохарѣ, не только боялись, но и почитали и любили, принужденъ теперь слушать, какъ на базарѣ и ригистанѣ совершенно открыто и свободно упрекаютъ его въ трусости предъ врагомъ, прямо приписывая Гирджарскую катастрофу его поспѣшному бѣгству. Его обвиняли въ расхищеніи государственной кассы, такъ какъ онъ, крайне нуждаясь въ деньгахъ, принужденъ былъ прибѣгнуть сперва къ валютѣ, а потомъ къ столѣтнему имуществу духовенства; и, наконецъ, на него была взведена страшная клевета, будто бы онъ, прежній «князь правовѣрныхъ», находится даже въ тайномъ союзѣ съ невѣрными и уже получилъ плату за проданную «благородную Бохару». Чтобъ избѣжать оскорбленій черни, возбужденной молламами, и про-

клятвѣй женщины, онъ рѣшался только по ночамъ или передѣвнѣй оставлять свой дворець. Кто не зналъ Бохары, до безумія много о себѣ думавшей, невѣжественной и фанатической Бохары, тотъ съ трудомъ пойметъ, какое смущеніе, какое неистовое бѣшенство вызвали на Зеревшанѣ разбитія русскимъ оружіемъ мечты о величіи¹⁾. Стало быть. Эмиръ вовсе не Тимуръ, не непобѣдимый; сербазы и знаменитые воины Карши не Рустемы, и молитвы покоящихся въ Бохарѣ многочисленныхъ святыхъ остались безплодными предъ невѣрными! Нѣтъ, ужъ слишкомъ много было горькихъ испытаній, и по необходимости всѣ должны были совершенно растеряться. Беги, шейхи, суфи, дервиши, купцы, ремесленники и нищіе, рѣшительно все пришло въ смятеніе, и большинство только въ одномъ было согласно, что войну надо возобновить и продолжать до ножей. Была рѣшена отчаянная борьба, еще ни въ какой землѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ ислама не бывалъ джигадъ. въ которомъ всѣ приняли участіе—и старъ и младъ, и моллы и воины, отъ чего, естественно, еще увеличилось смятеніе, но Эмиръ долженъ былъ уступить и снова начать войну съ Русскими.

Едва ли слѣдуетъ говорить, что Русскимъ было очень встати это безумное поведеніе Бохарцевъ и ихъ князя, потерявшаго голову. Послѣ паденія Ходженда, русская армія позволила себѣ отдыхъ только до тѣхъ поръ, пока были присланы ей необходимое подкрѣпленіе и припасы. И въ главномъ командованіи произошла перемѣна, такъ какъ на мѣсто Романовскаго поставленъ графъ Дашковъ.

¹⁾ Слабымъ доказательствомъ этого безпримѣрнаго самообольщенія можетъ послужить то, что Эмиръ меня самого спрашивалъ со всею важностью, имѣетъ ли константинопольскій султанъ такую многочисленную, хорошо вооруженную и храбрую армію, какъ та, которую я видѣлъ при моемъ возвращеніи изъ Хоканда въ Самаркандъ. Что бы отвѣтили на этотъ вопросъ герои Балаклары?

который и продолжал побѣдоносный походъ своего предмѣстника, далѣе на югъ и въ началѣ октября 1866 года взялъ важную крѣпость Оратепе. Послѣ нея скоро палъ и Джиззакъ, собственная пограничная крѣпость Бохары противъ Хоканда. Въ обоихъ мѣстахъ побѣдители нашли значительные запасы провіанта и оружія, и, въ виду большихъ потерь, понесенныхъ до сихъ поръ Эмиромъ, также какъ и узкихъ границъ, въ которыя онъ отгѣсненъ, явилась надежда, что бранный шумъ въ долинахъ хребта Ак-Тау смолкнетъ на нѣкоторое время. Но положеніе обѣихъ партій сдѣлало это чистою невозможностью. Мозаффар-эд-динъ, какъ мы видѣли, былъ принужденъ къ войнѣ своими собственными подданными. Джура баи Шегри Себзскій предложилъ за свою независимость содѣйствіе въ Газъ (священной войнѣ), и Туркоманы и Афганцы столпились въ значительномъ числѣ подъ знаменами Бохары, и все же нисколько не было поразительно, если Мозаффар-эд-динъ съ зубчатыхъ стѣнъ укрѣпленнаго Самарканда взиралъ на приближающуюся съ сѣвера опасность съ меньшею увѣренностью, чѣмъ Харезмскій князь когда-то, во время монгольскаго нашествія. И Русскимъ, въ ихъ положеніи въ Джиззакѣ, было трудно удержаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Сами Бохарцы своими набѣгами на вновь пріобрѣтенную русскую область и своими вѣчными поддразниваніями подавали къ тому поводъ. Въ 1867 году непріязненныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ ограничивались нѣсколькими стычками, при чемъ, однакожъ, русская армія, во главѣ которой стоялъ генералъ Кауфманъ, столько же способный, сколько и энергическій воинъ, взяла небольшой фортъ Енги Курганъ и придвинула свои аванпосты до Ташкѣпрыка (каменоломня на половинѣ дороги между названнымъ городкомъ и Самаркандомъ). Поэтому 13 мая ¹⁾ слѣдующаго года былъ отданъ приказъ къ окон-

¹⁾ Капит. Ф. Тренчъ въ своей книгѣ *The Russo-Indian Question*, Лон.

чательному маршу на Самаркандъ, и уже все было въ движеніи, какъ полковникъ Петрушевскій, ведшія авангардъ по правому берегу рукава Зеревшана, встрѣтился съ упомянутымъ выше бохарскимъ посланникомъ Неджм-эд-диномъ, чрезъ котораго Эмиръ дѣлалъ мирныя предложенія неприятелю, находившемуся теперь на всемъ ходу, желая остановить его для переговоровъ. Если бы въ это самое время не была выставлена значительная часть 40,000 бохарской арміи на противоположномъ крутомъ берегу, то русскаго генерала можно было бы упрекнуть въ насильственномъ уклоненіи отъ мирнаго улаженія дѣла, но такъ какъ все это парламентарство имѣло цѣлью только военную хитрость не искусно придуманную и скоро съ русской стороны открытую, то генераль Кауфманъ совершенно вѣрно рѣшилъ дать желаемый отвѣтъ Эмиру не перомъ, а пушками. Поэтому русская армія, состоявшая изъ 21 $\frac{1}{2}$ роты пѣхоты, 16 орудій, ракетнаго дивизиона и 4 $\frac{1}{2}$ сотенъ казаковъ, всего изъ 8000 человекъ, выстроилась въ боевую линію и въ виду неприятеля начала переходить Зеревшанъ. По грудь въ водѣ и подъ усиленнымъ огнемъ неприятельской артиллеріи, лѣвое ея крыло, подъ командою генераль-майора Головачева, въ продолженіи четверти часа бродило по болотной мѣстности, пока могло отыскать пунктъ, удобный для переправы на противоположный берегъ. Въ пять или въ шесть разъ превосходное числомъ узбекское войско въ разныхъ мѣстахъ и большими отрядами противодѣйствовало этой переправѣ, но все было напрасно, и едва только Русскіе показали вблизи, какъ оно покинуло свою выгодную позицію на высотахъ и, оставивъ всѣ свои орудія, обратилось въ поспѣшное бѣгство. Все это дѣло происходило въ незначительномъ отдаленіи отъ Самарканда, обыватели

довъ 1869 г. на стр. 81-й приводитъ 30-го апрѣля какъ день выступленія Русскихъ. Это, вѣроятно, число греко-россійскаго календаря, иначе едва-ли можно объяснить слишкомъ большое уклоненіе отъ другихъ показаній.

котораго, опасаясь бѣльшаго зла отъ отчаяннаго бѣгства своихъ соотчичей, чѣмъ отъ занятія города христіанскимъ врагомъ, заперли городскія ворота предъ носомъ первыхъ, а послѣдняго пригласили къ себѣ чрезъ депутацію, состоявшую изъ знатныхъ молъ и аксакаловъ. На слѣдующій день часть русскаго войска вошла въ Самаркандъ, и генераль Кауфманъ совершилъ свой вѣздъ въ него во главѣ блестящей свиты, въ которой находился афганскій принцъ Искендеръ ханъ, сынъ султана Дзана изъ Герата. Воодушевленіе къ угнетенному положенію ислама вызвало его, по видимому, на помощь благородной Бохарѣ, но когда эта благородная Бохара не могла заплатить ему обѣщаннаго жалованья, то онъ прочиталъ на распѣвъ фатиху для спасенія своей души и вступилъ въ службу осмиконечнаго креста. Великолѣпный образчикъ среднеазиатскаго поборника ислама!

Такъ пала 14 мая 1868 года въ руки христіанской Россіи блистательная когда-то столица Тимура, мѣсто рожденія и упокоенія столь многихъ высокопрославленныхъ въ исламѣ мужей; такъ палъ, считавшійся во всѣ времена свѣтиломъ могоммеданской учености, Самаркандъ, и съ нимъ вмѣстѣ и самая лучшая часть Трансоксаніи перешла изъ рукъ узбекской династіи Мангитъ во владѣніе дома Романовыхъ. Александръ (Македонскій), какъ учитъ насъ исторія, былъ первымъ ея завоевателемъ, и Александръ (II-й, Романовъ) долженъ былъ сдѣлаться и послѣднимъ. Болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ данникъ небольшой земли на югѣ Европы, Самаркандъ опять попалъ во власть сѣверной столицы той же самой части свѣта, и если мы примемъ въ разсужденіе, что вытерпѣлъ этотъ городъ отъ Грековъ, Арабовъ, Турокъ, Монголовъ и Узбековъ въ жаркихъ битвахъ столь многихъ и различныхъ династій, то, по-истинѣ, трудно будетъ найти второе мѣсто въ Азій, которое можно было бы сравнить съ нимъ по отношенію къ свѣтлымъ и

бурными днями его прошлого! Уже в прошлом веке самые отдаленные страны востока сдѣлались намъ извѣстными, и в древнемъ Китаѣ и Зипангу ни одинъ городокъ не могъ долге скрываться отъ западнаго испытующаго взора, а Самаркандъ, до новѣйшаго времени, сохранилъ свой волшебный покровъ романтики. Поэтому тѣмъ болѣе неожиданно въ Европѣ было его паденіе, съ которымъ вѣсть погибъ, въ самомъ дѣлѣ, самый интересный фантастическій образъ средневѣковой Азіи.

Послѣ несчастнаго сраженія у Самарканда, Эмиръ долженъ былъ со всею поспѣшностью бѣжать въ Керминехъ. Его сынъ, 19-ти лѣтній Кетте Тѣре (наслѣдникъ трона), Абдуль Меликъ Мирза, бѣжалъ еще во время сраженія и спасся въ Бохару, и такъ было велико всеобщее смятеніе, что цѣлыя караваны мирныхъ обывателей округа Міанкаля, покинувъ свои жилища, устремились чрезъ Карши и Окъ въ Андхой и Меймене. Что касается Русскихъ, то они прежде всего, для упроченія своего новаго положенія, привели въ оборонительное положеніе цитадель, расположенную на небольшомъ возвышеніи, но въ то же время продолжали свой маршъ по дорогѣ въ Бохару частью для преслѣдованія Эмира, частью же для покоренія близъ лежащихъ мѣстъ. Отрядъ изъ 14 ротъ пѣхоты, 8 пушекъ и трехъ сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ ген. майора Головачева, прежде всего наткнулся на сильную крѣпость Кетте-Курганъ (большая крѣпость), которая, какъ я самъ слышалъ во время моего проѣзда мимо, представлялась неприступною, имѣла довольно крѣпкіе передовые верки, но, не смотря на свой многочисленный гарнизонъ, безъ сопротивленія отворила ворота неприятелю. Эмиръ, по видимому, хотѣлъ сосредоточить послѣднія силы свои и разбилъ главную квартиру свою въ Мирѣ ¹⁾, откуда одиночныя толпы наѣздниковъ постоянно

¹⁾ Миръ, небольшая прелестная деревня на пути изъ Бохары въ Са-

тревожили Русскихъ предъ Кетте-Курганомъ, пока, наконецъ, генералъ Кауфманъ, наскучивъ этими вѣчными, хотя и безвредными поддразниваніями, принялъ рѣшеніе двинуться прямо на Бохару и окончательно уничтожить остатки узбекской арміи. И все еще Бохарцы не вполне разочаровались въ своихъ мечтахъ, потому что Эмиръ, по собственной ли волѣ, или подстрекаемый фанатическою толпою, все еще осмѣливался сопротивляться и выступилъ противъ Русскихъ. При Серпулѣ, тамъ, гдѣ за 379 лѣтъ происходилъ бой за династію между Шейбани, Мегеммедомъ ханомъ и Ваберомъ, — тамъ и теперь, въ то же самое время года и, можетъ быть, въ тотъ же самый день произошла битва за корону Трансоксаніи между домомъ Романовыхъ и фамиліею Мангитъ и, какъ легко себѣ вообразить, въ великому вреду послѣдней. Русскіе, явившись на поле сраженія, тотчасъ бросились съ обычной храбростію на приступъ на высоты, находившіяся по обѣ стороны дороги и занятыя Узбеками, и бѣгство непріятеля такъ было всеобщее и беспорядочное, что вся дорога до Керминеха была густо усыяна оружіемъ, брошеннымъ бѣгущими. Среди этихъ тяжелыхъ ударовъ судьбы Мозаффар-эд-дина самого постигла ужасная участь. *Назадъ*, въ Бохару, бѣжать онъ не дерзнулъ, такъ какъ его сынъ, всегда бывшій упрямымъ и неповоротливымъ дѣтищемъ, сталъ тамъ во главѣ недовольныхъ фанатиковъ и оспаривалъ у отца жалкіе остатки трона. *Впередъ* онъ не могъ, потому что Русскіе показывали серьезный видъ, что намѣрены нести знамя чернаго орла до самой «благородной Бохары», и когда, наконецъ, и вѣроломное нападеніе на Самаркандъ въ тылу генерала Кауфмана не удалось ¹⁾, благодаря

маркандъ, служить среднею станціею между Керминехомъ и Кетте-Курганомъ. (См. мое путешествіе въ Средней Азіи, стр. 162).

¹⁾ Когда генералъ Кауфманъ съ главной частью русской арміи имѣлъ Самаркандъ у себя въ тылу, цитадель этого города подверглась измѣнническимъ образомъ нападенію Самаркандцевъ и Узбековъ изъ Шегри Себа,

удивительной храбрости Русскихъ, то Эмиру не оставалось ничего другаго, какъ заключить миръ съ побѣдоноснымъ врагомъ и уплатою военной контрибуціи въ 125,000 талла (500,000 талеровъ), которой не было дано имя дани только изъ жалости, спасти тѣмъ господства, по крайней мѣрѣ, на остатокъ своей жизни. Въ относящемся сюда мирномъ трактатѣ Эмиръ обѣщаль: 1) предоставить русскимъ подданнымъ, безъ различія вѣры, свободныя торговыя сношенія во всемъ ханствѣ и защищать ихъ имущество и личную безопасность; 2) дозволить русскимъ купцамъ учрежденіе торговыхъ агенствъ во всѣхъ пунктахъ ханства; 3) взимать пошлину съ ввозныхъ русскихъ товаровъ въ 2½ процента съ номинальной ихъ цѣны; 4) предоставить русскимъ купцамъ свободный проѣздъ чрезъ все ханство въ сосѣднія земли.

Такъ былъ возстановленъ миръ съ Русскими, но тѣмъ сильнѣе сдѣлалась неприязнь, которой подвергся теперь Мозаффар-эд-динъ отъ своихъ собственныхъ подданныхъ. Столько поражений, столько тяжкихъ ударовъ судьбы, потеря столь многихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, даже огромное число павшихъ въ бою, — ничто не могло привести высоко думавшихъ о себѣ, фанатическихъ, полубѣшенныхъ моллъ въ столицѣ на Зерев-

въ числѣ 25,000 человекъ, и приведена въ крайнюю опасность. Русскій гарнизонъ подъ командою майора барона Штемпеля состоялъ изъ 685 человекъ со включеніемъ больныхъ и нестроевыхъ, и геройскія усилія этой горсти людей, изъ которыхъ многіе оставили постель, чтобы взяться за оружіе, по истинѣ достойно удивленія. Кровавый бой продолжался цѣлыхъ шесть дней, именно отъ 12-го до 18-го іюня и стоилъ Русскимъ 49 убитыхъ и 172 раненныхъ. Однакожъ, непріятель ничего не могъ сдѣлать, хотя и смегъ ворота и открылъ брешь. День и ночь колонны бросались на приступъ на стѣны съ адскими криками, Русскіе перебѣгали отъ одного пункта къ другому и вездѣ отбрасывали съ большими потерями непріятеля, жаждавшаго ихъ крови, пока наконецъ генералъ Кауфманъ, поздно узнавшій объ этомъ приключеніи, форсированными маршами подоспѣлъ и выручилъ ихъ изъ большой опасности. Этотъ эпизодъ русско-бохарской войны представляетъ намъ поразительное доказательство безсилія и негодности азіатскихъ ордъ.

шанѣ къ вѣрному пониманію дѣла. И этихъ-то людей, еще за нѣсколько лѣтъ воображавшихъ, что Бохара съ своими войсками и съ совершенствомъ ислама можетъ помѣряться силами даже съ константинопольскимъ султаномъ, не говоря уже о всемъ христіанскомъ мірѣ, теперь надо было довести до убѣжденія, что горсть невѣрныхъ превосходитъ силою мусульманское войско въ десять, даже въ пятнадцать разъ многочисленнѣйшее, и что бѣсовскія изобрѣтенія новаго оружія и европейскаго военнаго искусства гораздо полезнѣе, чѣмъ формулы благословенія и святое дыханіе Ишановъ (главы монашескихъ орденовъ). Нѣтъ, никогда и нигдѣ не втолковать этого могаммеданскимъ фанатикамъ! Какъ вездѣ въ несчастіи, такъ и здѣсь, верховный руководитель былъ подозрѣваемъ въ измѣнѣ, и какъ безумная толпа не дерзнула близко подойти къ Русскимъ, — собственному предмету ея ненависти, — то она и напала на Эмира, возбудила противъ него и народъ и захотѣла возвести на тронъ Кетте-Тѣре. Кромѣ сильной партіи въ Бохарѣ и Карши, въ тѣсномъ союзѣ съ этимъ послѣднимъ находились еще Джура баи и Баба баи изъ Шегри Себза, и сѣверный Гидждованъ, Нурата и Хатирджа кокетничали съ нимъ, такъ что, когда онъ ушелъ отъ своего отца въ Карши, то немедленно былъ провозглашенъ княземъ и въ этомъ качествѣ вошелъ въ союзъ съ Хивинскимъ ханомъ, и его дѣло приобрѣло такую популярность, что онъ въ изумительно короткое время находился уже во главѣ почти 10,000-ной арміи. При такихъ обстоятельствахъ Мозаффар-ад-динъ не могъ долѣе оставаться празднымъ зрителемъ. Собравъ скудные, оставшіяся у него въ распоряженіи силы, онъ поэтому двинулся противъ Карши, для усмиренія своего собственнаго сына, но на половинѣ дороги узналъ, что и сѣверная часть ханства, вѣроятно, въ соглашеніи съ Кетте-Тѣре, развернула знамя бунта, и что Садикъ баи, главный мятежникъ того края, идетъ прямо

на Керминехъ. Такъ какъ этотъ врагъ на сѣверѣ явился неожиданно и опасность оттого казалась еще болѣе угрожающею, то Эмиръ вдругъ скомандовалъ назадъ и поспѣшилъ обратно въ свою столицу. Кетте-Тѣре, ободренный отступленіемъ отца, захотѣлъ броситься въ слѣдъ за нимъ и, навѣрно, пожалъ бы плоды искусно составленнаго плана, если бы Русскіе, которымъ не могли быть пріятны эти смуты при непрочномъ еще состояніи вновь завоеванной провинціи, не стали, по просьбѣ Эмира, по-срединѣ между нимъ и его сыномъ, и, сосредоточеніемъ небольшой боевой силы ¹⁾ подъ начальствомъ полковника Абрамова при Джамѣ, остановили движеніе впередъ мятежнаго принца. Тѣмъ временемъ и Мозаффар-эд-динъ управился съ Садикомъ бан на сѣверовостокѣ, разбивъ его на голову при Керминехъ, и чтобы окончить съ такимъ же успѣхомъ свои операціи и на югѣ, гдѣ вмѣстѣ съ мятежнымъ сыномъ возсталъ противъ него также и Шегри Себзъ, онъ обратился къ Русскимъ за содѣйствіемъ, которое и было ему вполне оказано. Полковникъ Абрамовъ двинулся съ упомянутымъ обсерваціоннымъ отрядомъ отъ Джама. Предшествуя Эмиру въ разстояніи небольшой мили, онъ встрѣтился съ войсками Кетте-Тѣре въ октябрѣ, а по другимъ въ ноябрѣ, разбилъ и разогналъ ихъ послѣ нѣсколькихъ легкихъ стычекъ, и Карши, второй городъ Ханства, послѣ двухдневнаго занятія его Русскими, былъ, въ великому удивленію средне-азиатцевъ, опять возвращенъ бохарскому Эмиру вмѣстѣ съ цитаделью и находившимся въ ней оружіемъ. Мозаффар-эд-динъ имѣлъ намѣреніе употребить русскую помощь еще и противъ Шегри Себза, потому что главная его цѣль была уничтожить Джуру бан, а не своего собственного сына, на котораго онъ смотрѣлъ, какъ на слѣ-

¹⁾ Она состояла изъ семи ротъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, шести ракетныхъ орудій и шести пушекъ. (Фр. ф. Гельвальдъ, стр. 85).

ное орудіе перваго, но генераль Кауфманъ не думаль слишкомъ выказывать нѣжность къ новому союзнику и, по очищеніи Карши, отдалъ приказъ войскамъ расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Джамъ. Что касается Кетте-Тѣре, то еще долго не давали ему покоя его притязанія на престоль, и его жизнь, исполненная приключеній, много разъ причиняла безпокойства и его отцу, и Русскимъ, и Англичанамъ. То онъ съ своими толпами Текке-и Эрсари-Туркоманъ, весьма ему преданными, вынырять изъ степи въ одномъ, или другомъ пунктѣ ханства, то вступалъ въ союзъ съ Хивой, то былъ въ Кабулѣ, чтобы побудить Шира Али хана къ войнѣ противъ Эмира, — но повсюду напрасно. Въ гостепримствѣ и симпатіяхъ нигдѣ не было недостатка, даже Ширъ Али ханъ выдалъ за него свою собственную дочь, но никто не дерзалъ помочь ему, и такъ и умеръ Абдуль Меликъ въ своемъ странствованіи въ Хивѣ, какъ можно полагать, насильственной смертью.

Увидѣвъ себя освобожденнымъ отъ кошмара, его давившаго, и послѣ возстановленія внутренняго спокойствія въ оставленной ему изъ милости части Бохары, Эмиръ горькою нуждою былъ мало по малу наученъ переносить свою суровую долю. Срочныя уплаты военной контрибуціи были съ довольною точностью производимы въ Самаркандѣ звонкою монетою. Между аркомъ въ Бохарѣ и цитаделью въ столицѣ Тимура было поддерживаемо правильное сообщеніе, и, чтобы показать себя предъ своимъ верховнымъ властелиномъ въ надлежащей покорности, Мозаффар-эддинъ отпривилъ въ С.-Петербургъ почетное посольство, во главѣ котораго находился самый младшій и любимый его сынъ, Абдуль Феттахъ Мирза, двѣнадцатилѣтній отрокъ. Этотъ четвертый сынъ, назначенный имъ въ наслѣдники, долженъ былъ при этомъ получить на берегу Невы освященіе отцовской воли, что, разумѣется, еще весьма сомнительно. Впрочемъ, посольство съ далекихъ береговъ Зе-

ревшана было принято при русскомъ дворѣ 3-го ноября 1869 года со всѣми почестями. Царь разсыпался въ нѣжностяхъ къ своему „доброму брату“, правильное сказать, вассалу въ Туркестанѣ и, въ присутствіи государыни, принялъ слѣдующіе подарки Эмира: 1) перстень съ алмазомъ замѣчательной величины; 2) дамскій головной уборъ, украшенный дорогими камнями; 3) серебряную, украшенную бирюзой сбрую для ожидавшихся въ скоромъ времени четырехъ туркестанскихъ жеребцовъ; 4) три шубы чернаго конскаго мѣха, крытыя самою тонкою кашемировою матеріей; 5) три шубы сѣрой мерлушки, крытыя бохарской матеріей „шали“; 6) два кашемировыя платья; 7) кусокъ необыкновенно тонкаго и отличнаго кашемира; 8) 18 кусковъ тамошней шелковой матеріи; 9) 18 штукъ полушелковой матеріи, называемой „Атресъ“¹⁾. За это обычное у турко-татарскихъ народовъ девятиричное число подарковъ было воздано съ соотвѣтственною щедростью, и этотъ обмѣнъ подарковъ долженъ былъ, по необходимости, возобновить извѣстную степень взаимнаго согласія, если не дружбы. Со взятія Самарканда генераломъ Кауфманомъ, Мозаффар-ад-динъ на самомъ дѣлѣ удерживался отъ всякой дѣйствительной непріязни противъ Россіи. Въ тайнѣ, правда, былъ замышляемъ союзъ съ могущественнымъ повелителемъ восточнаго Туркестана, и осмѣливались даже на запросы въ Константинополь и въ Калькуттѣ, потому что Бохарскій эмиръ еще не отказался отъ послѣдней надежды на возвращеніе своей прежней власти, но, по всему вѣроятію, его усилія—нуль и напрасны. На азиатской почвѣ до сихъ поръ еще не попадались русскіе слѣды въ обратномъ направленіи, т. е. съ юга на сѣверъ.

Этимъ я заканчиваю книгу объ исторіи Трансоксаніи.

¹⁾ По статьѣ Фр. ф. Гельвальда, появившейся въ „Ausland“ 11-го марта 1872 подъ заглавіемъ: „Neue Forschungen in Centralasien“.

Съ той минуты, когда на цитадели Самарканда былъ въшёнъ русскій флагъ, эта старая и дальняя азіатская земля вступила на стезю новаго міра и новыхъ идей. Города и страны, до сихъ поръ не доступные западной Европѣ, открылись, и мѣста, гдѣ европейскій путешественникъ могъ двигаться подѣ строжайшимъ инкогнито и то только съ опасностью жизни, теперь не только свободны и открыты, но даже находятся подѣ правленіемъ и управленіемъ христіанъ. Въ Ташкендѣ, Ходжендѣ и Самаркандѣ открыты клубы и сооружены церкви; въ первомъ изъ названныхъ городовъ выходитъ даже газета (Туркестанскія вѣдомости) и къ меланхолически заунывнымъ звукамъ муэззина (могамеданскій призыватель на молитву) примѣшивается теперь веселый и часто повторяемый звонъ греческихъ церковныхъ колоколовъ и, навѣрно, раздается въ ушахъ правовѣрныхъ ужаснѣе, чѣмъ громъ истребительныхъ орудій. По улицамъ Бохары, гдѣ пишущій эти строки могъ бродить за нѣсколько лѣтъ предѣ этимъ, распѣвая только мусульманскіе гимны, тамъ теперь двигаются священникъ, солдатъ и купецъ съ гордымъ взоромъ завоевателя, и въ великолѣпномъ когда-то дворцѣ Тимура, куда во время оно всѣ князья Азіи присылали свои привѣтственные посольства, гдѣ даже гордый король Кастиліи вымаливалъ дружбы и гдѣ туранское потомство съ благоговѣніемъ терло свой лобъ о „зеленый камень“, какъ пьедесталь трона Тимура, тамъ, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, устроены теперь русскій лазаретъ и провіантскій магазинъ! Послужить ли этотъ необыкновенный переворотъ къ дѣйствительному благу средне-азіатскихъ народовъ, и какимъ образомъ и почему, — этотъ вопросъ не входитъ въ рамки настоящаго труда, и я могу здѣсь только сослаться на мои взгляды на него, обнародованные въ другомъ мѣстѣ¹⁾. Но и здѣсь я долженъ

¹⁾ См. выше примѣч. 1-е на стр. 158.

упомянуть объ одномъ важномъ, даже очень важномъ обстоятельстве, именно слѣдующемъ: отъ русскихъ успѣховъ въ центральной Азіи исламъ вообще получилъ опаснѣйшую рану, какую до сихъ поръ въ состояніи былъ нанести ему крестъ въ продолженіи болѣе, чѣмъ тысячелѣтней борьбы. Въ новое время могучее вліяніе христіанскаго запада насквозь проникло могоммеданскую западную Азію во всѣхъ ея частяхъ и направленіяхъ, даже священнѣйшія мѣста, какъ Мекка и Медина, не могли остаться вдали отъ дѣйствія насильно пробужденнаго духа обновленія; только могоммеданизмъ въ отдаленной центральной Азіи одинъ могъ еще сохранять славу неподдѣльнаго и неповрежденнаго, никогда, нигдѣ и никѣмъ не тронутаго вѣроисповѣданія. Не Мекка, а Бохара поэтому была духовнымъ центромъ ислама. Сюда стремился отшельникъ, благочестивый монахъ и восторженный богословъ, и отсюда, и это до сихъ поръ неизвѣстный фактъ ¹⁾, почерпали живительную силу для своего религіознаго фанатизма ревностные мусульмане изъ всѣхъ частей Оттоманской Имперіи, Египта, Фецца и Марокко. Что теперь невѣрные вступили на эту священную почву, даже господствуютъ на ней,—это должно страшно потрясти благочестивыя души всѣхъ народовъ ислама, и пыль, поднявшаяся отъ развалинъ этого главнаго столба ислама, какъ Бохара постоянно называлась, будетъ, подобно черному облаку несчастья, еще долго, долго, если не на вѣки, омрачать небо будущности ислама!

¹⁾ Между прочимъ я хочу указать на бохарскіе Текке—монастыри, собственно постоянные дворы для среднеазиатскихъ дервишей и гаджи, содержимые въ Константинополѣ на пожертвованія благочестивыхъ Османли. Самые замѣчательные изъ нихъ находятся въ кварталѣ Эюбъ, въ Скутари и въ окрестности Ая Софія. По отношенію къ духовному общенію могоммеданскаго запада я долженъ замѣтить, что существуетъ значительное число Турокъ и Арабовъ, которые выдаютъ себя за учениковъ (Муридъ) шейховъ, живущихъ въ Бохарѣ, и я самъ получалъ рекомендательныя письма изъ Константинополя, Энгюрю и Эрзерума къ такимъ духовнымъ главамъ Турокъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Арабскія цифры, передъ которыми стоитъ римское П, относятся къ страницамъ *второго* тома, а безъ этого римскаго знака онѣ указываютъ на страницы *перваго* тома; прочія римскія цифры обозначаютъ соответствующія страницы *введенія*. Собственныя имена лицъ съ приставкой *Абу* надо искать подъ второю частью ихъ состава, напр. *Абу-л-Гази* подъ *Гази*.

А.

- Абана, монгольскій князь, воюетъ съ Боракомъ 169 и слѣдующ.
" опустошаетъ Бохару 171.
Аббасъ шахъ „великій“ П. 56. 60. 69. 73.
" П, правнукъ Аббаса великаго П. 86.
" Мирза П. 150.
Абботъ. П. 123 (прим. 2-е). 160.
Абд-ул-Азизъ, сынъ Обейдуллаха П. 40.
" мятежный сынъ Незра Мегеммеда П. 85.
" въ войнѣ съ Абулгази П. 90.
Абд-ул-Васи, любимецъ Имамкули П. 78.
Абд-ул-Васи-би, глава заговора противъ Абд-ул-Мумина П. 59.
Абд-ул-Гази ханъ, послѣдній князь Трансоксаніи П. 117.
" отставленъ эмиромъ Маасумомъ П. 120.
Абд-ул-Латифъ, сынъ Улугъ бега; возстаетъ противъ послѣдняго 252 и сл.
Абдуллахъ Ханъ, величайшій изъ Шейбанидовъ П. 42 и слѣд.
Абдуллахъ Мирза, внукъ Шахруха 253-
Абд-ул-Меликъ, Саманидъ, преемникъ Нуха 86. 93.
" Мирза, бохарскій принцъ П. 190.
" его возмущеніе противъ своего отца П. 193.

- Абд-ул-Муминъ, сынъ Абдуллаха Шейбанида П. 49.
 „ какъ соперникъ своего отца П. 54.
 „ преемникъ Абдуллаха П. 58.
- Абд-ул-Резванъ, историкъ Тимуридовъ 271
- Абд-ул-Самедъ, персидскій вельфахъ приключеній П. 145. 165.
- Абд-ул-Феттахъ, Мирза, бохарскій принцъ П. 195.
- Аборци князь Бейкенда 1.
- Абрамовъ, полковникъ П. 194.
- Ангъ уль Гиметь, твореніе эмира Маасума П. 119.
- Анкоюлу и Каранкоюлу, туреоманскіи династіи 257.
- Анъ Кетель, мѣсто сраженія между Абдуллахомъ и Хосру султаномъ П. 44.
- Анъ Шесдиндъ (Ан-Мечеть) П. 170. 173. 174.
- Аладда, монгольскій князь, вождь съ Шейбани П. 15.
- Аланъ Номъ, генералъ Дженгива 138.
- Ала-эд-дулетъ, противникъ Улугъ бега 250.
- Алгу, князь изъ фамиліи Чагатая 165.
- Алломакъ, старинный венгерскій способъ заключать союзъ 168 (примѣчаніе 1-е).
- Аломъ ханъ, князь Хоканда П. 133 (прим. 1-е).
- Ам, калифа, предполагаемый гробъ П. 71 (прим. 1-е).
- Эбу Ам и Фамаъ, война ихъ съ царствомъ Саманидовъ 91. 92.
- Ам Гамаданъ, мѣстникъ времени Тимура 285.
- Ам Киаибъ, придворный поэтъ при Шейбанидахъ П. 68.
- Ам Тазъ, придворный Пира Могаммеда 239. 244.
- Аллахумъ ханъ, князь Хивы П. 149.
- Алтъ Арсланъ, сынъ Чакаръ бега, князь изъ дома Селджукидовъ 107.
- Амръ б. Лейтъ, его война съ Измаиломъ Саманидомъ 67.
 „ его совершенное пораженіе 69.
- Амуль, трансоксанская провинція XIX.
- Ангора, см. Энгюрю.
- Анда, помощ.—союзникъ 168 (примѣч. 1-е).
- Андхудъ или Андахуй, имя города П. 71 (прим. 1-е).
- Ануша ханъ, сынъ Абулгази П. 90. 96. 98.
- Архитектура во время Тимура 228. 231.
 „ при Улугъ бегѣ 248.
 „ постройки при Султанѣ Ахмедѣ 239.
 „ при Тимуридахъ вообще 273.
 „ постройки при Шейбанидѣ Абдуллахѣ П. 56 и слѣд.
 „ метистическое направленіе при Шейбанидахъ П. 63 и сл.
 „ зданія при Аштарханидахъ П. 113
- Аринъ Буга, защитникъ, потомъ врагъ Алгу 165 и слѣд.
- Аса, нищенскій посохъ дервишей П. 26 (прим. 2-е).
- Астрахань, производство этого имени П. 68 (прим. 2-е).
- Астрономія, см. Наука, Таблицы.
- Ата, имя города XXXI.
- Аталикъ, придворная должность у турко-татарскихъ народовъ П. 97 (прим. 1-е).
- Ауренгизъ, правитель Индіи П. 99.
- Аушаръ (Афшаръ) П. 106 (прим. 2-е).
- Афганцы, въ войнѣ съ эмиромъ Маасукомъ П. 126.
 „ „ съ Насруллахомъ П. 151.

- Афганцы побѣждены Англичанами II. 154.
 Ахмедъ II, султанъ Константинополя II. 100.
 " б. Арабшахъ, арабскій историкъ 186 (прим. 1-е). 215.
 " б. Измаиль, саманидскій князь 81.
 " б. Овейсъ, въ войнѣ съ Тимуромъ 204. 207.
 " Нормани, придворный поэтъ Тимура 236.
 " Мирза, сынъ Тимурида Эбу Саида 258. II. 8.
 " " его литературные опыты 266.
 Ахмидъ, самаркандскій князь XXVIII.
 Ацизъ, князь Харезма 119.
 Ашнасъ, бохарское поселеніе XXV.

Б.

- Баба-ханъ, сынъ Ворака хана II. 45 (прим. 1-е). 53
 Бабаръ Мирза, Эбулкасимъ, внукъ Шахруха 254. 267.
 " гениальный Тимуридъ 263. II. 10.
 " овладѣваетъ Самаркандомъ II. 83.
 " его пораженіе II. 84 и слѣд.
 Бага-эд-динъ, предѣльщикъ Бохары XXX.
 " его жестокая казнь вдовомъ Эбюсконъ, по наущенію визира Амида 164.
 " основатель ордена Накшбенди 235.
 " " его мавзолей II. 65.
 Багдадъ, завоеванъ Тимуромъ 207.
 " консилиумъ въ немъ II. 48 (прим. 2-е).
 Базаръ въ Бохарѣ II. 57.
 Бая или Би, должностный титулъ II. 187 (прим. 1-е).
 Байрамъ Адж ханъ, комендантъ крѣпости Мервъ противъ Маасума II. 121.
 Байсемиуръ Мирза, сынъ Тимурида Махиуда 261.
 " его любовь къ искусствамъ 267.
 " былъ тайный шпигъ II. 24.
 Бами Мегеммедъ ханъ, князь Трансоксаніи II. 70.
 Банмиры въ Бохарѣ XXIII.
 Баязидъ, султанъ Османовъ, побѣжденъ Тимуромъ 212.
 " союзникъ Шейбани. II. 29.
 Баятъ Кара, узбекскій пачальникъ II. 97.
 Беди-за-земанъ, преемникъ Башкари II. 19.
 Богдманъ см. Маасумъ.
 Болкъ, объясненіе этого имени 12.
 " большой курштай въ немъ 191.
 " воссозданіе города II. 59 (прим. 1-е).
 " сильный голодъ въ немъ II. 87.
 " мнимо глубокая древность этого города II. 107 (пр. 1-е)
 " взятъ Надиромъ II. 108.
 " значеніе этого города при Аштарханидахъ II. 114.
 " " эль-Болки, Абу Зендъ XVII (примѣч. 1-е).
 Бонд-и-Мервъ, плотина для орошенія при Мервѣ II. 122 (прим. 2 е).
 Бондугъ, повелитель Бохары въ началѣ могомедавской эры ..
 " см. Эфрасиабъ.

- Берде, бохарское мѣсто XXX.
- Бернъ Ярунъ, Сельджукидскій князь 111.
- Бетмиъ, названіе мѣста XXII.
- Беймендъ, бохарскій городъ XXIV.
- „ взятъ Обейдъ Аллахомъ б. Зиадъ 22.
- „ завоеванъ Кутейбе 27.
- Би см. Бам.
- Бизю, утвержденъ Куюкомъ какъ наследникъ Чагатая 168.
- Бинанетъ, взятъ приступомъ Монголами 188.
- „ позже названный Шахрухидъ 252. 255 (прим. 1-е).
- Би нукаъ, родъ стихотворныхъ произведеній II. 65 (прим. 1-е).
- Ал-Бируни, его заключенія объ иранскихъ древностяхъ 7.
- Бларамбергъ, полковникъ II. 174.
- Блоквилъ II. 123 (прим. 2-е).
- Богословіе см. наука.
- Боггра ханъ, турецкій князь 90.
- Бозанъ, преемникъ Тарма Ширина 176.
- Боракъ низвергаетъ Мубарекшаха 166.
- „ его битва съ Канду и ихъ примиреніе 167. 168.
- Боракъ ханъ, среднеазиатскій начальникъ II. 42.
- „ Огланъ, сынъ кипчакскаго хана 247.
- Бохара, описаніе древней Бохары XXII.
- „ политическое дѣленіе Бохарскаго Ханства XXX.
- „ объясненіе этого имени 15.
- „ завоевана могоммеданами 22.
- „ возстаетъ противъ новаго господства 24.
- „ Моголлабомъ опять завоевана 25.
- „ опять взята Кутейбою 32.
- „ непокорность Бохарцевъ и принудительныя мѣры завоевателей 33—35.
- „ поприще движенія шийтской партіи 45, возстанія Рафи б. Лейта 58.
- „ поставлена подъ верховное начальство Саманидовъ 62.
- „ большое политическое и религиозное значеніе Б. при Саманидахъ 78. 95.
- „ украшеніе города эмиромъ Изманломъ 78.
- „ завоеваніе Дженгизомъ 142.
- „ возстановленіе Чагатаемъ 159.
- „ странное дѣленіе ея обывателей при наследникахъ Чагатая 167 (прим. 1-е).
- „ опустошена Абакою 171.
- „ только при Шейбанидахъ дѣлается столицей II. 137 (прим. 2-е)
- „ Русскіе идутъ на Бохару II. 191.
- Аль-Бохаръ, знаменитый собиратель преданій 75.
- Британія, ея отношенія къ Бохарѣ II. 153. 157. 159.
- „ „ побѣды надъ Афганцами II. 154.
- „ русскія подозрѣнія на счетъ ея II. 184 (прим. 2-е).
- Буддизмъ въ центральной Азій 15 и слѣд.
- „ его отношеніе къ исламу во время Чагатая 158 (прим. 1-е).
- Бука Боша, староста Бохары при Монголахъ 159.
- Бурганъ ханъ, внукъ Обейдуллаха хана II. 42.
- „ „ Абдуллахъ ханъ велитъ казнить его II. 44.

- Бутановъ, адмиралъ II. 174 (прим. 1-е).
 Бутеньевъ, начальникъ ученой экспедици въ Бохару II. 154 (прим. 1-е) 156. 162.
 Буйиловъ династія, ея господство уничтожено Сельджукидами 105.
 Бюрге Султанъ, татарскій начальникъ 255.
 „ „ его невѣрность Эбуль Хаиру II. 5.
 „ „ казненъ Шейбани II. 6 (прим. 3-е).
 Бэрисъ Алекс. II. 123 (прим. 2-е). 138. 137. (прим. 2-е).
 „ политическое значеніе его путешествія II. 153. 158.

ВВ.

- Ваканигиръ, тайный агентъ II. 87. (прим. 3-е).
 Вангази, имя города XXXI.
 Варгасъ, бохарское поселеніе XXVIII.
 Вардази, бохарское мѣсто XXIV. XXX.
 Вафендъ, названіе города XXXI.
 Вахшъ, трансоксанская провинція XIX.
 „ бохарскій округъ XXX.
 Вели Мегешмедъ ханъ, князь Белха II. 74. 76.
 Вели-наамъ, шуринъ Насруллаха II. 143. 166.
 Вендидадъ, рассказъ ея о сотвореніи 5.
 Веркана Вендидада, тождественна съ Ферганою 5.
 Византийская Имперія, въ войнѣ съ Сельджукидами и побѣждена ими 105. 107.
 Витковичъ, политическій агентъ Россіи въ Бохарѣ II. 153.
 Велшебный камень, см. Яда.
 Вольфъ, Докт. Г. II. 123 (прим. 2-е). 164 (прим. 1-е).
 Вѣдъмы, въ Трансоксаніи и Туркестанѣ 160.

ВГ (нѣмец. h).

- Габишъ Амидъ, визирь у Эбюсюновъ 163.
 Гамдаръ Султанъ, сынъ и номинальный наследникъ Эбуль Хаира II. 5.
 Гамдаръ Тѣре, сынъ Эмира Маасума II. 133.
 Ганишъ бан см. Кушбеги.
 Гашуе, генералъ саманидскаго Эмира Эбу-л-Гасана Насра 83.
 Гасанъ бегъ, глава туркоманской династіи Аккобину 257.
 Эбу-л-Гасанъ Насръ, саманидскій князь 82.
 Гедширъ, визирь Чагатая 159.
 „ казненъ Эбюсюною 163.
 Гельзаадъ, Фридр. ф. II. 179 (прим. 2-е). 181 (прим. 2-е). 182 (прим. 1-е).
 Геральдина, см. гербъ.
 Герати, любимый танецъ въ Иранѣ 274 (прим. 1-е).
 Эбу-Гифъ, знаменитый ученый въ Бохарѣ 74 и слѣд.
 Гиссаръ, имя города XXXI.
 Гусейнъ, эмиръ, внукъ Казгана и другъ Тимура 184.
 „ вмѣстѣ съ Тимуромъ побѣждаетъ Илю Ходжу 186.
 „ его интриги противъ Тимура 188.

- Гусейнъ, его поражение и смерть 191.
 Гусейнъ Баймара, соперникъ Тимурида Эбу-саида 256. 258 и сл.
 " " побѣжденъ Шейбани II. 15. 19.
 Гусейнъ б. Тагиръ, борется съ господствомъ Саманидовъ въ Бохарѣ 63.
 Гусейнъ Мерть, знаменитый Таджикъ 177.
 Гусейнъ Суфи, владѣтель Харезма, побѣжденный Тимуромъ 195 и сл.

Г (нѣмец. г).

- Гази II. 120 (прим. 2-е).
 Абул-Гази Багадуръ ханъ II. 89.
 Гаяс-эд-динъ Пиръ Али, глава Кертской династiи во время Тимура 204.
 Гербъ Тимура 229 (Прим 1-е).
 Гицъ или Гуцъ, имя турецкихъ кочевныхъ племенъ 10 и слѣд. 98.
 de Goeje M. J. XVII (прим. 1-е).
 Головачевъ, генералъ-майоръ II. 189. 191.
 Головной покровъ, монголо-китайскiй 218.
 " " дамъ при дворѣ Тимура 221.
 Голодъ въ Белхъ II. 87.
 Гоухеръ Шады, супруга Шахруха 245 (прим. 1-е). 267.

Д.

- Дабистанъ, религиозно-историческое творенiе 271.
 Дадхахъ, должностной титулъ II. 82.
 Даниаль Бая, глава племени Мангитъ II. 117.
 Дашковъ, графъ II. 187.
 Дебусъ, бохарское мѣсто XXVIII.
 Девять даровъ II. 83. 97.
 Демезонъ, русскiй посланникъ въ Бохарѣ II. 153.
 Дестуръ-ханъ II. 156 (прим. 1-е).
 Дейлемятовъ династiя въ войнѣ съ Саманидами 86.
 Дияджи, пограничная провинцiя Трансоксанiи XX и сл .
 Дшамъ, мѣсто пограничное съ Персiєю II. 39 (прим. 2-е).
 " сраженiе при немъ II. 61 (прим. 2-е).
 Дшани ханъ, Аштарханидскiй князь II. 69.
 Джебрамль б. Ягъя, послаятъ правовѣрными противъ сконницъ Моканни 50.
 Джелалъ Джунбари, ученый богословъ II. 64.
 Джелал-эд-динъ, см. Мангбирди.
 Джемал-эд-динъ Ситадими, эзегетъ и суфическiй поэтъ 179.
 Дженгизъ, см. Ченгизъ.
 Джендъ, бохарское поселенiе XXV.
 Джендобъ, наместникъ Хорасана 41.
 Джеть, имя турецкихъ племенъ 184 (прим. 3-е).
 " война ихъ съ Тимуромъ 187.
 " они наконецъ побѣждены 194 и сл.
 Джингангиръ, правитель Индiи II. 79.
 Джинганианъ, округъ XXX.
 Джинделикъ, мѣсто битвы между потомками Тимура 243.
 Джонгсамъ Тамфу, титулъ монгольскаго градскаго главы Самарканда 159.

- Джуванмердъ Али Багадуръ, князь Самарканда II. 52.
 Джувейни, историкъ, см. Югури.
 „ Шемс-эд-динъ, братъ предыдущаго, визирь Абакая 171 (прим. 3-е)
 Джиогъ Мегеммедъ, сынъ Кипчакскаго хана Кавурджана 247.
 „ Мехмедъ, сынъ Аббуллатифа, неудачно воеуетъ съ Эбусандомъ 254
 (прим. 2-е) и сл.
 Джюджи, сынъ Джнегиза и его походы 187.
 Дзабуль, объясненіе этого титула 13 (прим. 1-е).
 Дигъ Мегеммедъ ханъ, принцъ Белха. II. 53. 69.
 Достъ Могаммедъ ханъ, предводитель Афганцевъ противъ Англичанъ II. 154.
 „ „ „ его сына преслѣдуетъ Насруллахъ II. 165.
 Дружескій кубокъ у Монголовъ 168 (прим. 1-е).
 Дуа, монгольскій повелитель Трансоксаніи 171.
 Дураны, афганская династія II. 127.
 Дѣленіе племенъ у номадовъ центральной Азіи 182 (прим. 1-е).

Е.

- Езидъ б. Могаллабъ, преемникъ Кутейбе въ хоразанскомъ намѣстничествѣ 39.
 Екатерина, Императрица Россіи II. 126.
 Енебагъ, урѣвленный городъ XXXI.
 Енги курганъ, имя города XXXI.
 Еннисонъ, Автоій II. 115 (прим. 1-е).
 Ессевн Ахмедъ, національный святой Киргизовъ и Узбековъ II. 4.
 „ „ его мѣсто упокоенія завоевано Русскими II. 177 и слѣд.

Ж.

- Женщины, придворныя дамы при дворѣ Тимура 227 и слѣд.
 „ головной уборъ ихъ, см. головной покровъ.
 Живопись при Улугъ бегѣ 248.
 „ истребленіе картинъ Узбеками 251.
 „ при Тимурдахъ въ почетѣ 272.

З.

- Зебердестъ ханъ, индѣйскій посолъ при Субганкули II. 100.
 Земъ, трансоксанская провинція XIX.
 Земледѣле и ремесла, поощряемыя Монголами 159. 168.
 Зендине, имя города XXIV.
 Зерешангъ, имя рѣки XXXIV и слѣд.
 Зи-эд-динъ, молла, ученый богословъ II. 64.
 „ „ „ городъ въ Бохарѣ XXXI.

Зіадъ б. Эбу Суфіанъ, посылаетъ свои войска въ Хоразанъ 21.
Зорабадъ, пограничная равнина между Афганистаномъ и Ираномъ II. 39.
Зороастра, ученіе въ центральной Азіи 14 и слѣд.

■.

- Ибад-уллахъ, сынъ Субганкули II. 96.
Ибрагимъ, Саманидъ 86.
Ил-Арсланъ, князь изъ Харезмійской династіи 120.
Илкани, династія въ Иранѣ 204.
Илмизъ ханъ, ослабляетъ династію Саманидовъ 94.
" " его отношенія къ первымъ Сельджукидамъ 100. 101.
Илья Ходивъ, князь Самарканда, побѣжденъ Тимуръ бегомъ 186 и сл.
Имамнули ханъ, соперникъ Вели Мегеммеда II. 74 и слѣд.
" какъ поэтъ II. 78.
Имена красивыхъ сильныхъ звѣрей, какъ мужскія прозвища у Турокъ 90.
(прим. 2-е). 99 (прим. 1-е); какъ названія племенъ 188 (прим. 5-е).
Индія, завоевана Тимуромъ 210.
" Имамкули отношенія къ ней II. 79.
" Субганкули отношенія къ ней II. 99.
Иранцы, см. Ханьковъ.
" въ Бохарѣ XXXVIII.
" странствованіе трансоксаянскихъ Иранцевъ 8 и слѣд.
" ихъ культура и національность подавлена вторженіемъ Монго-
ловъ 183.
" во время Тимура еще не смѣшались съ Турками и причины этого
явленія 218 (прим. 1-е).
" водчество Иранцевъ употреблено Тимуромъ 228. 229.
" конецъ борьбы между Ираномъ и Тураномъ II. 133.
Ирианъ или Эрнакъ, имя II. 98 (прим. 1-е).
Исам-эд-динъ Мовлана, ученый при дворѣ Обейдуллаха II. 63.
Эбу Исгамъ, послѣдній князь изъ древней владѣтельской фамиліи Бохары 4.
Искендеръ ханъ, князь Герата II. 189.
Исламъ, распространеніе его въ центральной Азіи 33 и сл.
" см. могаммеданскіе преемники Чагатая.
" Узбекъ обращаетъ своихъ подданныхъ въ исламъ II. 2.
Исмаиль б. Ахмедъ, саманидскій намѣстникъ и его войны 62—65.
" " его самодержавіе въ Трансоксаніи 66.
" " его война съ Амру б. Лейтомъ 67 и сл.
" " его война съ Могаммедомъ б. Зендомъ 72.
" " его благочестіе и любовь къ наукѣ 75 (прим. 2-е). 76.
" " его правдолюбіе 77.
Исмаиль шахъ, Сефевы II. 23.
" " побѣждаетъ Субганкули II. 27.
" " побѣжденъ Узбеками II. 36.
Испытаніе молодыхъ татарскихъ номадовъ предъ объявленіемъ совершенно-
лѣтія 193 (прим. 2-е).
Ицдетъ Кутибаръ, киргизскій искатель приключеній II (прим. 2-е).

■.

- Ирджаръ, сраженіе при немъ II. 181.
 Юсонъ, братья II. 115 (прим. 1-е).
 Юлбарсъ ханъ, князь Хивы II. 108.
 Юснень, греческій слуга Конолли II. 164.
 Юдеи, мнимые исключительные для нихъ законы при Монголахъ 159 (прим. 2-е).

■.

- Кабилмахъ, Тимуромъ поставленъ государемъ Чагатайской Имперіи 187.
 Каджары, ихъ родство съ Аштарханидами II. 82 (прим. 3-е). 121 (прим. 1-е).
 Казаки II. 60 (прим. 1-е).
 „ побѣждены Имамкули II. 77.
 „ отступаютъ предъ русскими II. 149.
 Казань, визирь кровожаднаго Гусейна Керта 177.
 „ Тимуръ женится на его внуку 184.
 Канду добивается владчества въ Трансоксаніи 167.
 „ число его побѣдъ 172.
 „ вступившая послѣ него династія анархіи II. 45 (прим. 1-е).
 Канръ ханъ, комендантъ крѣпости Отрара 186.
 Каллиграфия при Тимурдахъ 272.
 Калмыки, покорени Шейбани II. 16.
 Камар-эд-динъ, джескій князь 195.
 Кангуль, равнина предъ Самаркандомъ 223.
 Карабаги, Юсуфъ, ученый молла во время Имамкули II. 78.
 Кара-Гулагу, преемникъ Чагатая 163.
 Караджуринъ, турецкій князь 2.
 Карам-Туркоманы II. 72.
 Караноюму см. Аккошулу.
 Каранбѣлъ
 Карасу
 Каратепе
 Карши } имена городов XXXI.
 Касани Ходжани, Ходжа при Шейбанидскомъ дворѣ II. 43. 62.
 Касимъ Мегеммедъ, султанъ, сынъ Невра Мегеммеда II. 88.
 Касимъ Мегеммедъ Шейхъ Авизанъ II. 62.
 Катаръ II. 84 (прим. 2-е).
 Кауфманъ, генералъ II. 188. 190. 195.
 Кашанъ, см. кирпичи.
 Кебень, чагатайскій правитель XXX. 178. 175.
 Кейхосру, союзникъ и тесть Тимура 189.
 Кемал-эд-динъ Хавендъ, ученый 179.
 „ „ Хадмонди, сочинитель касидъ во время Тимура 235.
 Кемне хане, мѣсто пятки въ Бохарѣ II. 141 (прим. 1-е).
 Керни имя города XXXI.
 Кершикхъ, названіе города XXIV.
 Кервансеранъ въ Бохарѣ II. 57.

- Кетте Курганъ, провинція нынѣшней Бохары ХХХІ.
 Кетте Тѣре, наследникъ престола II. 169 (прим. 1-е).
 Кей Д. У., англо-индійскій писатель II. 162.
 Кешъ, бохарская провинція ХХ.
 „ ея роскошная растительность 182. 183 (прим. 1-е).
 „ постройки Тимура тамъ 229.
 Кешіе, бохарское мѣсто ХХХ.
 Кешумъ, нищенскій посохъ дервишей II. 26 (прим. 2-е).
 Кешушамъ, ихъ этнографическое и релігіозное положеніе 17.
 Кенельташъ, Кулъ Баба, князь Герата II. 49.
 „ преслѣдуется Абдулмуминномъ II. 54.
 „ Шахбегъ, жестокой визирь II. 74.
 Кенташъ, тронный камень въ Самаркандѣ II. 137 (прим. 2-е).
 Кенюртликъ II. 89 (прим. 1-е).
 Кендимиъ, чагатайскій регентъ, править только короткое время 173.
 Кенчюмдини султанъ, сынъ Эбуль Хаира II. 83. 35.
 „ его аскетическія наклонности II. 40.
 Киллифъ, названіе мѣста ХХХ.
 Кипчакъ, другъ Борака 168.
 „ степь Кипчакъ II. 2 (прим. 1 е).
 „ племя Кипчакъ II. 148 (прим. 1-е).
 Киричи Кашана 230.
 Китабъ, укрѣвленное мѣсто ХХХІ.
 Китаи, его вліяніе на Имперію Чагатайцовъ 165.
 „ Тимуръ грозитъ ему войною 214.
 „ Китайскіе живописцы употреблены Улугъ бегомъ 249.
 „ отправляетъ посольство ко двору Абдулаха хана II. 57 (прим. 3-е) 58.
 Клавихо, испанскій посолъ при дворѣ Тимура 218. 217 (прим. 1-е). 221.
 Кнутъ, употребленіе его записано Тимуромъ 194.
 Когижъ, ила рѣки ХХХІV.
 Коллегіи, въ Бохарѣ II. 57. 65. 132.
 Конолли, капитанъ Артуръ, его миссія въ хавства II. 160.
 Кантарини, венеціанскій посланникъ при дворѣ Узуна Гасана 258 (примѣч. 1-е)
 Кубилай, монгольскій искатель престола 165.
 „ его вліяніе на царство Чагатайцовъ 167.
 Кудатку Биликъ 89 (примѣч. 1-е). 270 (примѣч. 1-е).
 Кулабъ, округъ ХХХ.
 Кулукъ (или Худукъ), турецкій приверженецъ Мохамма 50.
 Куреніе табану II. 131 (прим. 3-е).
 Курханъ, могучій югурскій князь 114.
 „ воюетъ съ Хареزمійцами 120.
 „ Хареزمскій князь Кутб-эд-динъ враждуетъ съ нимъ 124 и слѣд.
 „ его битвы съ Кичлюкомъ ханомъ 127 и сл.
 Кутб-эд-динъ Мохаммедъ, князь въ хареزمской династіи 123.
 Кутейбо б. Муслимъ идетъ на Трансоксанію 26.
 „ его мирный договоръ съ княземъ Самаркандъ 31.
 „ продолжаетъ свой завоевательный походъ на востокъ 34.
 „ возстаетъ противъ каліфа 37.
 „ его смерть 37.
 Кутлукъ Инадимъ, вельможа въ Сельджукидскомъ царствѣ 122.
 Кутлукъ султанъ, братъ Незра Мегеммеда хана 11. 86.

- Нутлуъ Тимуръ, дженгидскій начальникъ, основатель Аптарханидской династїи II. 68.
 Нушанъ на Тимуровомъ придворномъ обѣдѣ 225 и сл.
 Нушбегъ Ганимъ баян, партизанъ Насруллаха II. 137. 184 (прим. 1-е).
 " " " его надгробіе II. 189.
 Нуномъ, задуманный имъ переворотъ въ Чагатайской фамиліи 163.
 Кючмонъ ханъ, татарскій начальникъ 127.
 " производитъ опыты обращенія мусульманъ въ буддизмъ 135 (примѣч. 1-е).

.II.

- Лебавъ, имя провинціи XXXI.
 " или Эрсари Туркмонъ, отдѣленіе Туркмановъ II. 106 (прим. 1-е).
 Литавры военныя 193.
 Литые слова, суевѣрный обычай II. 43 (прим. 1-е).
 Луцемътрие, могаммеданское II. 77.
 Лутф-уллахъ Нишабури, поэтъ во время Тимура 235.

.III.

- Маасумъ Бирди, туркманскій наемникъ на службѣ Насруллаха II. 139.
 " Эмиръ, сынъ Даніаль Баян II. 117.
 " занимаетъ должность своего отца II. 119 и слѣд.
 " его смерть II. 130.
 Маналъ, княжескій титулъ у Киргизовъ 14.
 Мангитъ, имя племени II. 116.
 Манлахъ, значеніе этого титула 13. 14.
 Эбуль Мансуръ, сынъ Субганкули II. 95.
 Мансуръ Эбуль Гаритъ, Саманидскій князь 93.
 Мансуръ б. Нухъ, князь изъ Саманидской династїи 87.
 Мансуръ шахъ, мозаферидскій повелитель 206.
 Марчакъ см. Мервичакъ.
 Махдумъ А'замъ, см. Касани.
 Махмудъ, пророкъ—решетникъ 159 и слѣд.
 " Газневидъ вступаетъ въ сношеніе съ Сельджукидами 101.
 Махмудъ Би Аталникъ II. 97.
 Махмудъ Султанъ, правитель изъ династїи Тимуридовъ 260.
 Мегеммедъ, Ага Мег. ханъ, основатель Каджарской дин. въ Персіи II. 126.
 " Али ханъ, князь Хоканда II. 146.
 " Эмиръ Ходжа, чудотворецъ въ Бохарѣ II. 75.
 " Ибрагимъ, любимецъ Аббаса великаго II. 71.
 " Салыхъ, поэтъ Шейбанидовъ II. 64.
 " Тимуръ, сынъ Шейбани II. 33.
 Медвели, комендантъ Агъ Месджидъ II. 176.
 Медж-эд-динъ Багдади, монахъ 129.
 Мезидъ Гарханъ, намѣстникъ Тимурида Эбу Саида II. 8.
 Эбуль Монаримъ, визиръ Султаналя 265. II. 10.
 " его смерть II. 14.
 Менимъ ханъ, сынъ Субганкули II. 103.

- Мокруть, техническій терминъ въ могомеданскомъ законодательствѣ II. 35.
 Момикъ, имя озера и пустыни подлѣ Бохари XXXII. II. 34 (примѣч. 1-е).
 Моминахъ, третій князь Сельджукидской династии 109.
 Монгобди = *Мондотъ* (Богданъ), Неганья 149 (примѣч. 3-е).
 „ Джелал-эд-динъ, послѣдній Харезмскій князь 151.
 Монгие, объясненіе этого имени 164 (примѣч. 1-е).
 Мервъ, прежде всѣхъ покоряется Сельджукидамъ 104.
 „ завоеванъ Маасумомъ II. 122.
 Мервчанъ, мѣсто битвы между Шейбани и Тимуридами II. 20 (прим. 1-е).
 Мешиди-и-Моганъ, мечеть въ Бохарѣ 88 (примѣч. 1-е).
 „ „ возобновленъ при Шейбанидахъ II. 65.
 Мес'удъ, Газневидъ, не хочетъ принять Сельджукидовъ въ свое царство 103.
 „ „ идетъ противъ Мерва и Нисабура 105.
 Мес'удъ бѣгъ, поставленный Монголами наместникъ Трансоксаніи 158 и слѣд.
 „ „ долженъ бѣжать отъ Биву 163.
 „ „ посрединѣ между Алгу и Арикъ Бутою 166.
 „ „ при Борахъ 169.
 Мес'удъ, знаменитая коллегія Бохари, испечелена 172.
 Мейндорфъ, баронъ II. 152.
 Милеуизатемъ въ центральной Азій II. 57.
 Миль Комиданъ, восточное названіе ослѣвленія 263 (примѣч. 1-е).
 Миръ, имя города XXXI.
 Миранихъ, сынъ Тимура, татарскій Геростратъ 211 (примѣч. 1-е).
 Миря Кулемъ, предмѣстье Бохари XXX.
 Митонъ, предмѣстье Бохари XXX.
 Минакъ, округъ бохарской области XXIV. XXXI.
 Моголабъ, генералъ Муслима 6. Зіада 24.
 Могомедъ ханъ, внукъ Тимура 239. 243.
 Могомеданскій преемникъ Чагатая 165. 171. 173. 176. 178.
 Мозаффар-эд-динъ, сынъ и преемникъ Насруллаха II. 168. и дал.
 „ „ „ война его съ Россією II. 178 и слѣд.
 „ „ „ заключеніе мира съ Россією II. 192.
 „ „ „ идетъ противъ своего сына II. 193 и слѣд.
 Мозаффариды, транская династія во время Тимура 204 и слѣд.
 Моканма и возбужденный имъ мятежъ 46 и слѣдующ.
 „ его конецъ 55.
 „ его ученіе 47. 56.
 Монголы, ихъ колонія въ средней Азій XXIX (примѣч. 1-е).
 „ ихъ опустошенія въ центральной Азій 142 и 144.
 „ причины ихъ успѣховъ 154.
 Монеты, обычай раскипать предъ государемъ золотныя и серебряныя монеты 208 (примѣч. 1-е).
 Мортманна, изслѣдованіе о длиннообразныхъ письменахъ втораго разрада 11 (примѣч. 1-е).
 Мосиа, испечеленная Тохтамышемъ 201.
 „ разграбленная Тимуромъ 208.
 Мослема, наместникъ Хорасана 40.
 Мосты чрезъ Зерешанъ II. 57.
 Шу'ацъ б. Муслимъ, наместникъ Хорасана 52.
 „ его битвы съ Моканною 53 и слѣд.
 Шубарекъ Шахъ, сынъ Кара Гулугу 166.

- Эбуль Мусниг Мирза, тимуридскій принцъ, убить Шейбани II. 21.
 Шуднаваръ Волмакъ II. 84 (прим. 1-е).
 Шузыманты при Тимуридахъ 278.
 Муннигъ баян, партиванъ Насруллаха II. 137.
 Шундшонимъ при дворѣ Тимура 226.
 „ дакъ 228.
 Мунтасиръ, послѣдній Саманидъ 94.
 „ его отношеніе къ Сельджуку 99 и слѣд.
 Мурадъ III, султанъ II. 46. 51. 58.
 Эбу Шусмигъ, дѣйствуетъ въ Хорасанѣ въ пользу династїи Аббасидовъ 42 (примѣч. 2-е). 43.
 Муслигъ б. Зиадъ идетъ противъ возставшей Бохарн 24.
 Мустафа Чаушъ, османскій посолъ при дворѣ Субганули II. 100.
 „ „ при дворѣ Насруллаха II. 165.
 Мусульманъ Куль, кліентъ Насруллаха II. 148.
 „ „ умерщвленъ II. 170.
 Мушфини Моллахъ, знаменитый поэтъ II. 64.

III.

- Надиръ Шахъ, его планъ соединенія севтъ II. 48 (прим. 2-е).
 „ „ завоевываетъ центральную Азію II. 107 и слѣд.
 Напитки, чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ у Монголовъ 226 (примѣч. 2-е). 259 (прим. 1-е).
 Назелли Флоресъ II. 123 (прим. 2-е). 164.
 Накишбандъ—орденъ, см. Бага-эд-динъ.
 Насръ б. Ахмедъ, Саманидъ, въ ссорѣ съ своимъ братомъ Измаиломъ въ Бохарѣ 64 и слѣд.
 Насръ б. Саяръ, губернаторъ Хорасана 42.
 Насръ-эд-динъ, Тере, сынъ Эмира Маасума II. 133.
 Насруллахъ Багадиръ ханъ, Эмиръ Бохарн II. 186 и слѣд.
 „ его войны съ Хокандомъ II. 143 и слѣд. 156.
 „ его отношенія къ Россїи II. 152—156.
 „ его отношенія къ Англіи II. 157—163.
 Наука, занятіе ея поощряется Монголами 159.
 „ богословія пользуется расположеніемъ Монголовъ 178. 179.
 „ Тимуръ защищаетъ се и ея представителей 219. 234.
 „ астрономїи при Улугъ бегѣ 249.
 „ Улугъ бегъ покровитель наукъ 250.
 „ при Тимуридахъ 266—274.
 „ пользуется расположеніемъ Шейбани II. 31.
 „ при Шейбанидахъ II. 63—66.
 „ Субганули занимается науками и поощряетъ ихъ II. 104.
 Нахли, молла, придворный поэтъ Имамкули II. 81.
 Нахшебъ, провинція XXIX.
 Новак, Миръ Али Ширъ 256. 270.
 „ его постройки 273.
 Ногри, русскій посолъ въ Бохарѣ II. 152.
 Недимъ-эд-динъ, бохарскій посланникъ въ Россїю II. 179. 188.
 „ Кубера, настоятель монастыря 129 (примѣч. 2-е).

- Недмигъ Сами, намѣстникъ Хорасана II. 85.
 Незръ Диванбеги, визирь Имамкули II. 78.
 Незръ Мегеммедъ ханъ, преемникъ Имамкули 84—88.
 Никбан назначенъ Канду повелителемъ въ Имперіи Чагатая 171.
 Николай, русскій царь II. 153.
 Нишани, псевдонимъ Субганкули II. 104.
 Нищенскій посохъ } см. Кешкуль и Аса.
 Нищенская сума }
 Норузъ Ахмедъ см. Борать ханъ.
 Номиъ, военный титулъ у Монголовъ II. 125 (прим. 2-е).
 Нукенде, богатое плодами мѣсто сраженія съ шитскими партизанами 45.
 Нуръ, городъ въ бухарской области 141.
 „ внѣшняя Нурата XXIV и слѣд.
 Нуръ Ата, имя города XXXI.
 Нуръ Мегеммедъ ханъ, харезмскій принцъ II. 54 (прим. 2-е).
 Нуръ эд-динъ шейхъ, мнѣжный эмиръ Халиля Мирзы 244. 246.
 Нухъ б. Мансуръ, Саманидскій эмиръ 88 и слѣд.
 Нухъ б. Насръ, Саманидскій эмиръ и его битвы 85 и слѣд.

- Обейдуллахъ, сынъ Субганкули II. 104 и слѣд.
 Обейд-уллахъ Ахраръ, учитель султана Ахмеда 259.
 „ „ въ прервѣніи у его наслѣдника 260.
 „ „ его бѣдный образъ жизни 271.
 Обейдуллахъ б. Зиадъ вторгается въ центральную Азію 21 и слѣд.
 Обейдуллахъ ханъ, завоеватель западнаго Хорасана и его походы II. 37 и слѣд.
 „ „ вступаетъ на престолъ Трансоксаніи II. 40.
 „ „ какъ поэтъ II. 63.
 Обсерваторія Улугъ бега 249.
 Огнестрѣльное оружіе (пушка и ружья), введенное у Персовъ Тамаспомъ II. 39.
 Одіяніе средне-азіатцевъ 218.
 „ придворный костюмъ Тимура 221.
 Осиъ, этимологическое объясненіе этого имени рѣки XIX (примѣч. 1-е).
 Олджанту Худабенде, монгольскій князь Персіи 174.
 Омаръ ханъ, соперникъ Насруллаха II. 137.
 Органа, вдова и преемница Кара Гулагу 163.
 Орландо Джіовани II. 164.
 Османъ, султанъ Самарканда 124.
 Османовъ царство, побѣжденное Тимуромъ } см. Баландъ.
 „ „ въ союзѣ съ Шейбанъ }
 „ „ воюеть съ Сефидомъ Измаиломъ II. 87.
 „ „ заключаетъ миръ съ его сыномъ II. 40.
 „ „ въ союзѣ съ Гилянцами II. 46.
 „ „ поддерживаетъ шитовъ II. 51.
 „ „ дружескія отношенія въ Субганкули II. 100.
 Осрушма, пограничная провинція Трансоксаніи XX.
 Отраръ, крѣпость 186.

III.

- Палати, предпочитаемыя Турками 223.
 „ форма ихъ во время Тимура 224.
 Памятникъ Тимура и Абдуллаха хана II. 45 и слѣд.
 Патиде Нази, искусный стихотворецъ II. 64.
 Пенди-Кендъ } названіе мѣстъ XXXI.
 „ Шембе }
 Перовскій, русскій генералъ II. 149. 153 (прим. 1-е).
 „ форть II. 170.
 Петрушевскій, полковникъ II. 188.
 Пишагиръ, пограничная крѣпость II. 146.
 Поголовная подать при монгольскихъ государяхъ 158. 159.
 Поединокъ государей вмѣсто битвы 197.
 Постройки, см. архитектура.
 Поло, братья II. 115 (прим. 1-е).
 Порталь, великолѣпіе ихъ 230.
 Почтовое сообщеніе въ центральной Азіи II. 57.
 Промышленность, поощряемая Тимуромъ 232 и слѣд.
 Пушки, см. огнестрѣльное оружіе.
 Пытки II. 141.
 Пьянство монгольскихъ князей 158.

IV.

- Равноправность въронсповѣданій при Дженгизѣ 154. 159 (примѣч. 2-е).
 „ см. терпимость.
 Раметигъ, бухарское поселеніе XXIV. XXXI.
 Рафи б. Лейтъ замышляетъ возстаніе противъ Гарун-ур-Рашида въ Трансоксаніи 57 и сл.
 „ „ „ примѣрять враждующихъ братьевъ Изманла и Насръ б. Ахмеда 64 (примѣч. 1-е). 65.
 Рахметъ Би, предводитель въ войскѣ эмира Маасума II. 128.
 Ребудъ, бухарское поселеніе XXVIII.
 Регигъ Би аталикъ II. 105.
 „ въ союзѣ съ Надиромъ шахомъ II. 109.
 Рейс-и-Шариатъ II. 131.
 Религіозныя отношенія, самыя раннія въ центральной Азіи 14.
 „ „ при Шейбанидахъ II. 62.
 Ренджитъ Сингъ, афганскій князь II. 151.
 Риза Имамъ II. 47 (примѣч. 1-е). 50.
 „ „ алмазъ изъ его мавзолея II. 72.
 „ „ другія украшенія послѣдняго II. 110. 111 (примѣч. 1-е).
 „ Нули, сынъ Надира шаха II. 107.
 Ремесла, см. Земледѣліе.
 Романовскій, Дмитрій Ильичъ, генералъ-маіоръ II. 180.
 Романъ Діогенъ 107 и слѣдующ.

- Россія — ея императрица Екатерина II. 126.
 „ — ея появленіе въ Центральной Азіи II. 141.
 „ — прежнія сношенія съ Центральной Азіей II. 152.
 „ — политическій договоръ съ Бохарой II. 155. 192.
 „ — соперничество съ Англіей II. 158.
 „ — ея успѣхи въ Центральной Азіи 172.
 „ — ея дѣйствія послѣ заключенія Парижскаго мирнаго трактата II. 177.
 Рудени, персидскій поэтъ II. 109 (примѣч. 1-е).
 Румья, см. огнестрѣльное оружіе.
 Руин-ад-дауло, Дѣйлемитъ и его битвы съ Шейбанидскимъ княземъ Нухомъ 85.

С.

- Садикъ Мовлана, знаменитый толковникъ II. 64.
 Садръ-и-Шеріатъ, политическое вліаніе его при монгольскомъ владычествѣ 178.
 Сандъ б. Османъ ведетъ могомеданскія войска противъ Бохары 22, противъ Согдіаны и Самарканда 23; умерщвленъ среднеазиатскими заложниками 24.
 „ Султанъ Самарканда II. 52.
 „ Эмиръ, сынъ Маасума II. 133.
 Эбу Сандъ-Мирза, неблагодарный кліентъ Улугъ Бега 252 и слѣд.
 „ считается суннитскимъ мученикомъ II. 25.
 Эбу Сандъ-халъ, преемникъ Кѣчкюмжи II. 41.
 Салотопленіе, суевѣрный обычай въ Средней Азіи II. 48 (примѣч. 1-е).
 Саманъ, родоначальникъ Саманидовъ 60.
 Самаркандъ XXV и слѣд. XXXII.
 „ завоеванъ Арабами 28. 31. 41.
 „ взятъ приступомъ Дженгизомъ 145.
 „ вѣздъ въ него Тимура 187.
 „ резиденція Тимура 192.
 „ богатство и великолѣпіе Тимурова двора 220 и слѣд.
 „ значеніе и блескъ этого города при Тимурѣ 230 и слѣд.
 „ завоеванъ Худаладомъ 244.
 „ разграбленъ Узбеками II. 14.
 „ независимые его князья во время Абдуллаха Узбека II. 52.
 „ Аштарханидами опять предпочтенъ Бохарѣ II. 187 (прим. 2-е).
 „ вступленіе русскихъ въ него II. 189.
 Сандмаръ, князь изъ династіи Сельджукидской 111.
 „ побѣжденъ своимъ вассаломъ Анзюмъ 119. 120.
 Сарванъ, ния провинція и города XXVIII.
 Сарвасъ, ния поселенія XXVIII.
 Священники, при Монголахъ освобождены отъ поголовной подати 159.
 „ уваженіе къ нимъ монгольской династіи 178 и слѣд.
 Аль-Сабдоумъ, Могомедъ, великій ученый въ Бохарѣ 76.
 Сабунтекинъ, Газневидъ, оказываетъ помощь Саманидскому князю Эбу-л-Касиму 91. 93.
 Сектовая ненависть между суннитами и шитами II. 24.
 „ „ Абдумумна II. 50.

- Селмиъ, султанъ Константинополя II. 87.
 Сербедаръ, хорасанская династія 203.
 Серпулъ, сраженіе при немъ II. 191.
 Сертанъ, мѣсто къ сѣверу отъ Бохары 140.
 Сефи Шенхъ, турецкій святой II. 23.
 Сефиддмамоганъ, прозвище приверженцовъ Мохамма 48.
 Сѣюдъ, имя поселенія XXXI.
 Сиваджи, имя фамилин, см. Джемал-эд-динъ.
 Сигнанъ, названіе мѣста XXV.
 Сиддикъ Могаммедъ ханъ, сынъ Субганкули II. 96.
 Симдурм, Эбу-л-Гусейнъ, соперникъ Таша въ намѣстничествѣ хорасанскомъ 88.
 Сипуъ Бека, генералъ Дженгиза 138.
 Сирія, внезапное нападеніе на нее Тимура 213.
 Слахчахъ, мѣсто пытокъ въ Бохарѣ II. 141. (прим. 1-е).
 Слатерти въ Средней Азіи 226 (прим. 1-е).
 Ситшамные брани съ магоммеданской точки зрѣнія II. 23 (прим. 2-е).
 Ситшеніе расъ 218 (прим. 1-е).
 Согдъ, провинція Бохары XXV.
 " рѣка XXXIII.
 Сосуды, серебряные и золотые при дворѣ Тимура 222 и слѣд.
 Стоддартъ, его миссія въ Бохару II. 158 и слѣд.
 Струве, полковникъ II. 179 (прим. 2-е).
 Субганкули, вѣроломный сынъ Незра Мегеммеда II. 86.
 " наследуетъ Абд-ул-Азизу въ правленіи II. 95 и слѣд.
 " отличается и въ стихотворствѣ II. 104.
 Сулейманъ Шахъ, сынъ Аббаса II. 92.
 Султаналям, сынъ Тимурида султана Махмуда 262. II. 9.
 Сунниты въ открытой борьбѣ съ шиитами. II. 24 и слѣдующ.

Т.

- Таблицы, астрономическія, Улугъ-бега 249 (примѣч. 1-е).
 Таваджи, должностной титулъ 195 (примѣч. 3-е).
 Тавансъ, имя города XXIII.
 Тагиртонъ, армянскій князь, побѣжденный Тимуромъ 203.
 Таджини, особенности ихъ персидскаго нарѣчія 8 (примѣч. 1-е).
 " извѣстны какъ трусы 189. 218. (примѣч. 1-е).
 Таитина 193.
 Тала, древне-турецкое нарицательное имя=равнина 168 (примѣч. 2-е).
 Таликава, повелитель Чагатайской имперіи 173.
 Тамасъ шахъ, сынъ и преемникъ Исмаила Сефида II. 38 и слѣд.
 " его синовья II. 46.
 " посрамленіе его могили II. 51.
 Тамерланъ, см. Тимуръ бегъ.
 Тамидейстеры при дворѣ Тимура 274.
 Тарабъ, мѣсто рожденія нимаго спасителя міра 159 и сл. II. 44.
 Тарма Ширинъ, князь изъ Чагатайской династіи, внападаетъ на Хорасанъ 176.
 " " распротравленіе ислама при Монголахъ въ его правленіе 179.

- Тарханъ, турецкое названіе сана 14. 19 (примѣч. 1-е). 30 (примѣч. 2-е)
 Ташъ—милеуказатель II. 57.
 Ташъ, Әбу-л-Аббасъ, намѣстникъ Хорасана 88.
 Таштдаръ, значеніе этого придворнаго титула 118 (примѣч. 1-е).
 Темкиъ, значеніе этого слова, какъ собственнаго имени 87 (примѣч. 2-е).
 Тенишъ, князь изъ Харезмской династіи 121.
 Теке (монастырь) въ Бохарѣ II. 198.
 Тёкель ханъ, князь Казаковъ II. 60 (примѣч. 1-е).
 Теибель, намѣстникъ Шейбани въ Хорасанѣ II. 16. 17. 144.
 Темурджи, Дженгизъ ханъ 133.
 Тенге, единица мѣры II. 97 (примѣч. 2-е).
 Термезъ, городъ на Оксѣ, разрушенный Дженгизомъ XXX. 147.
 Терпимость, религіозная при монгольскихъ князьяхъ 178 (примѣч. 2-е);
 см. равноправность.
 Тофгани, ученый во время Тимура 236.
 Тимуръ бегъ, его происхожденіе 182.
 „ „ происхожденіе его хромоты 186.
 „ „ его біографы 200 (примѣч. 1-е).
 Тимуръ Шелигъ, комендантъ крѣпости Ходженда, геройски защищается про-
 тивъ Монголовъ 139. 140 (примѣч. 1-е).
 „ Шахъ, афганскій князь II. 127.
 Тогруль бегъ и Чанаръ бегъ, братья Сельджукиды въ борьбѣ съ Газневид-
 ской династіей 103.
 „ „ въ войнѣ съ Харезмомъ и В. Р. Имперіей 106.
 Томсонъ II. 123 (прим. 2-е).
 Торговля при Тимурѣ 233.
 „ невольниками въ Иранѣ 218 (примѣч. 1-е).
 „ шиты могутъ быть продаваемы какъ рабы II. 25 (примѣч. 1-е).
 Тохаристанъ, трансоксанская провинція XIX.
 Тохтамышъ, объясненіе этого имени 200 (примѣч. 2-е).
 „ подъ защитой Тимура—тамъ же.
 „ въ войнѣ съ Тимуромъ 201. 208.
 „ его умерщвленіе II. 67 (примѣч. 1-е).
 Трансоксанія, географическое понятіе XVII и сл. XXII.
 „ значеніе сельджукидскаго господства въ ней 111 и слѣд. 116.
 „ ея паденіе послѣ монгольскаго нашествія 152 и слѣд.
 „ возстановленіе Тимуромъ 192—194.
 Тугшаде, обращеніе его въ исламъ 4.
 Туиъ, родъ знамени 184 (примѣч. 2-е). 193.
 Тулуиъ Тимуръ, 184.
 Тураби, молла, придворный поэтъ Имамкули II. 78.
 Тургай, отецъ Тимура бега 183.
 „ Мегеммедъ, см. Улугъ бегъ.
 Турин, преобладаніе ихъ въ Трансоксаніи 181.
 „ сознаніе родства у восточныхъ и западныхъ Турокъ 212 (примѣч. 1-е).
 „ во время Тимура мало смѣшаны съ Иранцами, см. Иранцы.
 „ чрезъ Тимура достигаютъ первенства 234.
 „ Неванъ защищаетъ ихъ противъ иранскаго элемента 270 (примѣч. 2-е).
 „ ихъ народность всего долѣе сохранилась у Узбековъ II. 3.
 „ семь турецкихъ родовъ въ Трансоксаніи II. 23 (прим. 2-е).
 Турнабъ, мѣсто битвы Улугъ бега съ Аза-эд-даулетомъ 251.

Тюционат-и-Тимуръ, литературное произведеііе великаго завоевателя 18
(примѣч. 3-е). 185. 194. 198. 234.

У.

Увеселительные сады въ Средней Азіи II. 67.

Удманъ, трансоксанская провинція XIX.

Узбекъ (Uzbek) ханъ, братъ Абдуллаха хана II. 58.

Узбеки (Özbeken), ихъ вандализмъ съ сокровищами искусства въ Самаркандѣ 251.

„ ихъ древняя родина II. 2 (прим. 1-е).

„ ихъ жестокость II. 35 (примѣч. 2-е).

„ въ войнѣ съ имперіей Сефидовъ II. 38 и слѣд.

„ ихъ взаимная непріязнь II. 150 (примѣч. 1-е).

Узкентъ (Özkend), бухарское поселеніе XXV.

Узунъ Гасанъ, см. Гасанъ бегъ.

Улугъ бегъ, сынъ Шахруха 247.

„ „ его собственный сынъ велѣтъ казнить его 252.

„ „ его попеченіе о наукѣ см. наука.

„ „ его замѣчательная образованность 267.

Ушкентъ, нмя поселенія XXXI.

Ф.

Фамжъ, см. Эбу Али.

Фамури, бухарское поселеніе XXVIII.

Фасих-эд-димъ, ученый богословъ 271.

Фахр-эд-дуле, намѣстникъ Джорджана, другъ и защитникъ Таша 88 и сл.

Федаяи или Ассасины 206.

Федженно, русскій путешественникъ XXXII. XXXIV.

Фейзабадъ, названіе мѣста XXXI.

Ферахша, нмя поселенія XXV.

Фергана, позже называемая Хокандомъ II. 144.

Фермана вендидада, тождественная съ Ферганомъ 5.

Ферид-эд-димъ Аттаръ II. 91 (примѣч. 1-е).

Феридунъ бей, собиратель турецкихъ государственныхъ актовъ II. 100.

Феррудъ, египетскій султанъ 212.

Фирузкути, иранское племя II. 27.

Фортъ, русскіе форты въ центральной Азіи II. 170. 172 и слѣд.

Х.

Хавендъ, названіе значимой фамиліи ученыхъ въ Бохарѣ 179.

Хадимъ Би Аталики II. 97.

- Эбу-л-Хамръ, узбекскій начальникъ 253. II. 4.
 „ „ „ его сыновья II. 5 (примѣч. 2-е).
 Хамрабадъ, мѣсто недалеко отъ Бохары XXXI. II. 34.
 Хамръ Гафизъ, пѣвецъ и музыкантъ II. 65.
 Халадмъ, имя турецкаго племенн 12.
 Халимъ Мирза, вѣузъ Тимура 240. 246.
 „ „ его литературныя работы 267.
 Ханене, монгольскій князь, воевать съ Шейбани II. 16.
 Ханзаде, невѣстка Тимура 227.
 Ханъ, какъ титулъ государя II. 51.
 Хаммоновъ, его мнѣніе о первоначальномъ мѣстѣ обитанія Иранцевъ 8.
 Хареزمъ (Chahrezm), выговоръ этого слова XIX (примѣч. 2-е).
 „ „ походы Тимура противъ этой области 195 и слѣд.
 Хатирджа, имя города XXXI.
 Хатлаиъ, трансоксанская провинція XIX.
 „ „ имя округа XXX.
 Хатуиъ, бохарская княгиня 8.
 „ „ ея война съ Сандомъ б. Османомъ 22.
 „ „ заключаетъ миръ съ Могаллабомъ 25.
 Хива, принадлежность этой провинціи 195.
 Ходжа Салу, названіе мѣста XXX.
 Ходмондъ, крѣпость, взятая Монголами 139.
 „ „ приступомъ взятая Русскими II. 182.
 Хокандъ, его исторія II. 144 и слѣд.
 „ „ его дѣленіе II. 172.
 „ „ войны Россіи съ нимъ II. 175.
 Хосру-Шахъ, визирь при дворѣ Тимурида Махмуда 261 (прим. 1-е). II. 17.
 „ „ Султанъ, князь Самарканда II. 45. 52.
 Хотень, этимологія этого названія мѣста 9 (примѣч. 1-е).
 Хошмувацъ, турецкій князь; его отношеніе къ Фирзуу 19.
 Худабенде см. Олджанту.
 Худададъ, мѣтежный эмиръ Халила Мирзы 244 и слѣд.
 Худатъ, знатные турецкіе роды 2.
 Худаяръ ханъ, ховандскій принцъ II. 170.
 „ „ возведенъ на тронъ II. 178.
 „ „ зависимость его отъ Россіи II. 183.
 Хулуиъ см. Кулуиъ.

■

- Чагатай, преобладаніе турецкаго элемента въ политикѣ его имперіи 181.
 „ „ его правительственная система 158.
 „ „ смуты при его преемникахъ 162 и слѣд.
 „ „ списокъ послѣднихъ 175 (примѣч. 1-е).
 „ „ боковая вѣтвь его фамиліи и теперь еще на тронѣ 178 (примѣч. 1-е).
 „ „ Тимуръ бегъ изгоняетъ Чагатаидовъ изъ Трансоксаніи 187 и слѣд.
 „ „ Юнисъ бегъ, мнимый Чагатаидъ 258.
 „ „ по отношенію къ Узбеку II. 4.
 Чанаръ бегъ см. Тогулзъ бегъ.
 Челомъ, имя поселенія XXXI.

- Чингизъ, значеніе этого слова 188 (примѣч. 3-е)
 „ его учрежденія въ точности сохранены Тимуромъ 193.
 Черкелевъ, генералъ II. 178.
 Чель Софи, повелитель Харезма, побѣжденъ Шейбаниемъ II. 17. 18.
 Чиракич, укрѣвленное мѣсто XXXI.
 Чокарджум, имя провинціи XXXI.

III.

- Шад-и-Шумль, супруга Халила Мирзы 240. 216.
 Шахдидганъ, правитель Индіи II. 82.
 „ его жена Назру Мегемеду II. 86.
 Шахрухъ Мирза, внукъ Тимура 245.
 „ его поэтическіе опыты 266.
 „ внукъ Надира Шаха II. 122.
 Шахрухъ см. Бинакеть.
 Шахъ Земаль, князь афганской династіи Дурани II. 129. 135.
 Шахъ Шедма покоряется Тимуру 204.
 Шегри Исламъ, предмѣстье Бохара XXX.
 „ Себъ, городъ бунтующій противъ Насруллаха XXXI. II. 143;
 „ возобновляетъ бунтъ при Мозаффар-эд-динѣ II. 169.
 Шейбани Мегемедъ, внукъ Эбуль Хайра II. 5 и слѣд.
 „ идетъ на Самаркандъ II. 8 и слѣд.
 „ его походъ въ Хорасанъ II. 15 и слѣд.
 „ его битвы съ Тимурдами II. 18 и слѣд.
 „ вступаетъ въ борьбу съ Иманомъ Сефеви II. 25 и сл.
 „ почитается какъ мученикъ II. 29.
 Шейбани намехъ, турецкій эпосъ 269 (примѣч. 1-е). II. 64.
 Шекстъръ Ричи. II. 128 (примѣч. 2-е). 160.
 Шемс-эд-динъ-Шахбуби, молла въ Тарабѣ 160.
 Шериф-эд-динъ, биографъ Тимура 271.
 Шеринъ б. уль-Мегди, шитскій мятежникъ въ Бохарѣ 44. II. 24.
 Шигаб-эд-динъ, князь Гуре 124.
 Шитизмъ, вошедшій въ честь, благодаря Иману Сефеви II. 24.
 „ шитская ненависть Неджма Саяи II. 85.
 „ положеніе трансовсанскихъ моллъ въ отношеніи къ шитамъ II. 48.
 „ разныя воззрѣнія восточныхъ и западныхъ суннитовъ на отношенія къ нимъ шитовъ II. 120 (прим. 2-е).
 Ширабедъ, имя поселенія XXXI.
 Ширинъ Ходма, поэтъ II. 65.
 Шириншверъ, предводитель войска, выступившаго противъ Аберки 2.
 Шляпа, см. головной покровъ.
 Шіоны, бохарскіе правительственные шіоны II. 140 (примѣч. 1-е).
 Штепель, баронъ ф. II. 192 (прим. 1-е).

Э.

- Эбуль-Фенъ, сынъ Субганкули II. 108. 110.
 Эбосионъ, мать и жестокая соправительница Кара Гулагу 163.

- Эиберъ шахъ, внукъ Бабера II. 66.
 Эиспедимъ, учениа русскія въ центральной Азіи II. 154 (прим. 1-е). 155.
 Элчмъ, названіе мѣста XXXI.
 Эигюрю, поле сраженія между Тимуромъ и Баязидомъ 218.
 Эрделий, венгерскій поручикъ въ русской службѣ II. 173 (прим. 2-е).
 Эрнакъ см. Ирнакъ.
 Эрсари см. Лебабъ.
 Эседь б. Абдуллахъ, губернаторъ Хорасана 41.
 Эсенбука, князь Чагатайской Имперіи 173 и слѣд.
 Эфрасіабъ, его замокъ возобновленъ, какъ предполагаютъ, Бендуномъ 2.
 3 (примѣч. 1-е).

Ю.

- Югуры (Uiguren) 89 и слѣд.
 „ по взгляду Джувейни 112 (примѣч. 1-е).
 „ побѣждаютъ династію Сельджукидовъ 115.
 „ ихъ религіозныя отношенія 120 (примѣч. 2-е).
 „ поддерживаютъ Харезмійца Кутб-эд-дина 124.
 „ югурскія письма при дворѣ Тимура 182 (примѣч. 2-е). 234.
 Юль (Yule), взглядъ его на распространеніе христіанства въ центральной Азіи 16 и слѣд.
 Юсуфъ Суфи, сынъ Гусейна 197.

Я.

- Яда таимъ, волшебный камень II. 61.
 Ягъя Ходжа см. Эбуль Меккаримъ.
 Яръ Мегеммедъ, см. Неджмъ Сани.
 Яръ Мегеммедъ-Ханъ, аштарханидскій князь II. 68 (прим. 3).
 Ясау, кодексъ Дженгиза, высоко цѣнимый Тимуромъ 192.
 Яссаверъ, ведетъ войну съ своимъ братомъ Эсенбукомъ 174.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА:

Глава XIII.

Происхожденіе и значеніе имени Узбекъ [Özbeğ] — Первое появленіе Узбековъ и ихъ положеніе по отношенію къ прочимъ Туркамъ средней Азии. — Эбулхайръ ханъ и его исторія. — Первая молодость Шейбани Мегеммеда хана. — Его битвы съ Бюрге Султаномъ. — Его отношеніе къ Тимуридамъ. — Онъ объявляетъ себя независимымъ въ низовья Яксарта. — Завоеваніе имъ Самарканда. — Иагванъ Баберомъ. — Сраженіе при Серпулѣ и вторичное взятіе Самарканда. — Конецъ Ходжи Ягья. — Война Шейбани съ Хасрушахомъ, Ханеке Султаномъ и наказаніе неблагодарнаго Тенбеля султана. — Шейбани побѣждаетъ Чина Суфи, повелителя Харезма. — Онъ выступаетъ противъ султана Гусейна Мирзы. — Сраженіе при Мервчакѣ и взятіе Герата. — Завоеванія Шейбани въ Хорасанѣ. — Онъ раздѣляетъ свое царство между своими родственниками и военачальниками. — Шахъ Измаилъ Сефидъ. — Шитты и сунниты. — Переписка между Шейбани и Шахомъ Измаиломъ. — Война между обоими. — Смерть Шейбани въ сраженіи при Мервѣ. — Значеніе его появленія и его личность. — Стр. 1—31.

Глава XIV.

Миръ между потомками Шейбани и Шахомъ Измаиломъ. — Кѣчкенджи избранъ въ преемники Шейбани. — Обейдуллахъ выступаетъ въ поле противъ Бабера и побѣждаетъ его. — Неджима Сани нападеніе на Трансоксанію

и его кончина.—Пять набѣговъ Обейдуллаха на Хорасанъ.—Его смерть и послѣдовавшія за тѣмъ смуты.—Абдуллахъ ханъ является какъ спаситель.—Его завоеванія на сѣверѣ, востокѣ, югѣ и западѣ отъ Трансоксаніи.—Опустошенія въ окрестностяхъ Мешгеда и препирательства между шиитскими и суннитскими моллаи.—Абдулуминъ грабитъ и разоряетъ городъ Мешгеда.—Абдуллахъ достигаетъ славы какъ воевода и вступаетъ на тронъ.—Его отношеніе къ своему сыну Абдулумину.—Раздоръ между послѣднимъ и визиремъ Кекелташемъ.—Политика Абдуллаха въ Харезмѣ.—Его смерть.—Прочѣваніе и величіе Бохары въ правленіе Абдуллаха.—Жестокость Абдулумина хана.—Онъ умерщвляетъ своими собственными людьми.—Междоусобица въ Трансоксаніи.—Нападеніе Тѣкея хана и побѣды Шаха Аббаса.—Состояніе просвѣщенія при Шейбанидахъ.—Сила и вліяніе духовенства.—Самые замѣчательные поэты и зданія при Шейбанидахъ.—Стр. 32—66.

Глава XV.

Происхожденіе Аштарханидовъ.—Яръ Мегеммедъ ханъ и его сынъ Джани ханъ.—Избраніе Дина Мегеммеда хана государемъ и его смерть въ Хорасанѣ.—Баки Мегеммедъ ханъ возстановляетъ спокойствіе.—Персидское вліяніе въ Белхѣ.—Его войны съ Шахомъ Аббасомъ и смерть.—Вступленіе въ управленіе Вели Мегеммеда хана.—Онъ теряетъ престолъ чрезъ Имаммули и убѣгаетъ въ Персію.—Пріемъ его при дворѣ въ Исфаганѣ.—Баки Мегеммедъ ханъ отражаетъ нападеніе Персіянъ.—Причудливая религіозность.—Популярное правленіе Баки Мегеммеда хана.—Авекдотъ объ инкогнито.—Обиѣтъ посольствъ между Бохарой и императоромъ Индіи.—Остроумный посолъ Джигангира.—Нѣжное отношеніе Имаммули къ своему брату Незру Мегеммеду хану.—Имаммули отправляется пилигримомъ въ Мекку и умираетъ тамъ.—Несчастное правленіе Незра Мегеммеда хана.—Онъ свергнутъ съ престола своимъ мятежнымъ сыномъ.—Незръ Мегеммедъ ханъ при дворѣ Аббаса II.—Его бесплодная борьба изъ-за короны и его конецъ.—Война между Абдулазизомъ и Абулгази Багадуромъ ханомъ.—Продолженіе ея при Анушъ ханѣ.—Абдулазизъ отправляется пилигримомъ въ Мекку, приключеніе съ нимъ на пути и его смерть.—Его характеристика.—Стр. 67—98.

Глава XVI.

Начало правленія Субганкули хана.—Соперничество между его сыновьями.—Мегеммедъ Би Аталигъ.—Нападеніе Авуши хана.—Посольство Ауренгзиба и султана Ахмеда второго.—Письмо послѣднаго.—Личность Субганкули, его ученость и его конецъ.—Споръ за престолонаслѣдіе между его сыновьями Мекимомъ ханомъ и Обейдуллахомъ.—Паденіе Аштарханидовъ.—Надиръ шахъ.—Его сынъ Ризакули нападаетъ на Трансоксанію и терпитъ пораженіе.—Походъ Надира за Оксъ.—Эбуль Фейзъ ханъ изъявляетъ ему покорность.—Вредъ, причиненный Бохарѣ побѣдами Надира.—Лицемеріе въ религіи самая крупная особенность культурнаго движенія этой эпохи.—94—118.

Глава XVII.

Скудость историческихъ источниковъ.—Первое появленіе Мангитовъ.—Даніалъ Бая.—Юношескіе годы эмира Маасума.—Его лжеудріе.—Вступленіе въ управленіе.—Старое исламо-іерархическое законодательство.—Войны эмира Маасума съ Персією.—Онъ опустошаетъ и разрушаетъ Мервъ.—Письма Ага Мегеммеда хана.—Русская императрица Екатерина II помышала послѣднему двинуться на Бохару.—Войны эмира Маасума съ князьями Афганистана.—Его лукавство спасаетъ его отъ опасности.—Строгость религіозныхъ законовъ.—Отшельническій образъ жизни эмира Маасума и роскошь его офицеровъ.—Гайдаръ Тѣре или эмиръ Сандъ.—Насир-эд-динъ Тѣре.—Ханжество и пороки въ Бохарѣ.—Стр. 114—135.

Глава XVIII.

Эмиръ Насруллахъ вступаетъ на тронъ по умерщвленіи своихъ братьевъ.—Его кумбегъ Гакимъ бая и трагическій конецъ послѣднаго.—Насруллахъ и сближеніе Европы съ среднею Азією.—Войнолюбіе Насруллаха.—Его война съ Шегри Себзомъ.—Прошлое Хованда.—Войны Мегеммеда Али съ Насруллахомъ ханомъ.—Абдулъ Самедъ ханъ.—Бохарскіе военные

походи въ Ховандъ.—Мусульманъ Куль.—Отношеніе Насруллаха хана къ Хивѣ и Персіи.—Его завоеванія въ Афганистанѣ.—Дипломатическое сношеніе съ Россією.—Посольство майора Бутеньева.—Его неудача.—Причина перваго дипломатическаго сношенія Англии съ 'землями по ту сторону Окса.—Миссія полковника Стоддарта.—Непреклонный характеръ послѣдшаго и жестокость Насруллаха.—Капитанъ Артуръ Коколин.—Его путешествіе въ Хиву и Ховандъ.—Онъ завлеченъ Насруллахомъ въ западн и заключенъ вмѣстѣ съ Стоддартомъ.—Заключеніе, страданіе и смерть обомъ англійскихъ офицеровъ.—Причины, почему тираниство Насруллаха осталось безнаказаннымъ.—Смерть другихъ европейцевъ въ Бохарѣ.—Самобольщеніе и гнусные пороки Эмира Насруллаха.—Его безвѣстное поведеніе по отношенію къ Досту Могаммеду хану.—Его своеволіе и смерть.—Стр. 186—167.

Глава XIX.

Юность Мозаффар-эд-дина.—Онъ не совсѣмъ неповиненъ въ несчастіи его постигшемъ.—Его мечты о величіи и войны съ Ховандомъ.—Худаяр ханъ и Молла ханъ.—Кипчаки.—Протекціонная политика Мозаффар-эд-дина.—Военныя дѣйствія Россіи на правомъ берегу Яксарта.—Возведеніе перваго форта.—Аральская флотилія.—Осада и взятіе Акъ Месджида.—Иццель Кутибаръ.—Туркестанъ въ продолженіи вримскаго похода.—Русскіе берутъ Ташкендъ.—Безопасность Мозаффар-эд-дина по отношенію къ русскому побѣдоносному войску.—Миссія Неджи-эд-дина и полковника Струве.—Смѣлый но неудачный походъ генерала Чернаева на югъ.—Романовскій и рѣшительная битва при Ирджарѣ.—Взятіе Ходженда.—Русскіе завладѣваютъ всею рѣчною долиною Яксарта.—Безпомощность Мозаффар-эд-дина.—Возбужденное настроеніе въ Бохарѣ.—Эмира принуждаютъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій его собственныя подданне.—Битва предъ Самаркандомъ.—Взятіе этого города генераломъ Кауфманомъ.—Русскіе проникаютъ до Керминеха.—Мозаффар-эд-динъ заключаетъ миръ.—Возмущеніе Кетте Тѣре.—Русскіе защищаютъ Эмира.—Конечъ Кетте Тѣре.—Дружескія отношенія между Бохарою и Россією.—Бохарское посольство въ С.-Петербургѣ.—Перевороты въ средней Азій.—Заключеніе.—Стр. 188—198.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ

Въ 1-мъ томѣ:

<i>Страницы:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
XVII	5	снизу des	des
XXVII	11	сверху самья	самне
XXIX	4	снизу Аншой	Андой
XXXI	6	сверху Сеюдомъ	Сеюдомъ
"	8	" Шегри Зебъзъ	Шегри Себъзъ
XXXV	3	" Самарнада	Самарянда
"	8	" Хатирджа	Хатирджи
"	12	" Самарянда	Самарянда
XXXVI	8	снизу залечивать	залѣчивать
XXXVIII	13	" Хереземскихъ	Хареземскихъ
XXXIX	1	сверху государственной	государственной также, какъ и соціальной
XLVI	7	" драгоценныхъ	драгоцѣнныхъ
1	9	снизу вододанныи	водянными
"	8	" Харазанъ	Хорасанъ
55	14	" мести, тайно	мести тайно,
41	11	снизу Эзедъ	Эседъ
67	13	сверху Гаца	Газа
69	8	" о аригъ	одаригъ
78	6	" Саран	Серан
108	9	" Керманъ	Керманъ
115	12	" Санжаръ	Санджаръ
127	10	" тѣмъ	еще
161	10	" близъ	близь
162	2	" Керминахъ	Керминехъ
163	13	снизу Ходжа	Ходжу
164	19	сверху онъ	тотъ
172	4	" раззорил	разорил
173	2	снизу Эзенъ... Изенъ	Эсенъ... Исенъ
"	9	" Эзенбуку	Эсенбуку
175	16	сверху Эбузанда	Эбусанда
176	10	снизу году	году и
"	16	" заставляеть	заставляетъ
"	18	" лвъ	въ
179	1	сверху духовны	духовные
181	12	" раззореній	разореній
188	1	" Зебъзъ	Себъзъ

<i>Страницы:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
186	13	снизу	леченіемъ
203	17	"	Сербедаріерн
218	6	"	кулахъ—шанку
219	8	сверху	стремленіями
"	9	"	властолубія
256	6	"	Джюге
"	11	"	показалси
257	9	"	Газана
"	8	снизу	Могамедъ 11-й
262	6	"	Байсанкура
267	3	"	Мешедъ
271	4	сверху	Архиръ
274	16	снизу	культурной

Во II-мъ томѣ:

25	18	сверху	<i>мекрухъ</i> ¹⁾	<i>мекрухъ</i> ²⁾
33	5	"	Мегамеду	Мегамеду
37	10	снизу	разворенія	разворенія
54	15	"	ханомъ,	ханомъ ³⁾ ,
65	10	"	Месджиди и Могака	Месджид-и-Могана
68	2	сверху	слабне	слабыя
71	19	"	и безъ того	прежде
81	3	снизу	Алемъ—поворотный	Алемъ—поворотный
83	2	"	церемоніаль	церемоніаль
"	5	"	токузь—адъсь	токузь—адъсь
84	1	"	astring	a string
87	1	"	Вакаанувиса—кто	Вакаанувиса—кто
"	2	"	Вакаангиаръ—кто	Вакаангиаръ—кто
88	6	"	Казимъ	Касимъ
100	16	"	подлинникъ	подлинникъ
104	6	сверху	лечебникъ	лѣчебникъ
123	6	снизу	Ж. Абботъ	Дж. Абботъ
124	8	сверху	нчистотѣ	нечистотѣ
"	9	снизу	окрестностяхъ	окрестностяхъ
132	17	сверху	въ одно и тоже время	иногда
136	10	снизу	о религіозномъ	о слѣбомъ религіозномъ
140	8	"	дѣйствительно	дѣйствительно
158	4	сверху	борьбы, исходъ,	борьбы, исходъ
170	15	снизу	когда Худаларъ возвра- щался	когда однажды Худаларъ возвратился
175	20	"	<i>Ак-Месджидъ</i>	<i>Ак-Мечеть</i>
193	4	"	собственнаго	собственного
196	16	сверху	девятаричное	десятеричное
211	5	"	падвее	паденіе

